ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

History, Arheology and Ethnography of the Caucasus

Т. 17
№ 4. 2021

Издание Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН

ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

HISTORY, ARHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Т. 17
№ 4. 2021

Махачкала, 2021

Учредитель: ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
Издается по решению Ученого совета Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН с 2005 г.
(ранее Вестник Института истории, археологии и этнографии. Свид. о рег. ПИ № ФС77-49956).
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72534 от 28 марта 2018 г.
Периодичность: 4 выпуска в год.

Главный редактор

Амирханов Хизри Амирханович,
Институт археологии РАН, Россия

Первый заместитель главного редактора

Далгат Эльмира Муртузалиевна,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Заместитель главного редактора

Мусаева Майсарат Камиловна,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Редакционный совет

Аликберов Аликбер Калабекович, Институт востоковедения РАН, Россия
Булатов Башир Булатович, Дагестанский государственный университет, Россия
Деревянко Анатолий Пантелеевич, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Россия
Каймаразов Гани Шихвалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Кемпер Михаэль, Университет Амстердама, Нидерланды
Мацузато Кимитака , Токийский университет, Япония
Мусеибли Наджаф Алескер оглу, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Мустафаев Шаин Меджид оглы, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Наумкин Виталий Вячеславович, Институт востоковедения РАН, Россия
Рейнольдс Майкл, Принстонский университет, США

Редакционная коллегия

Абдулмажидов Рамазан Султанович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Абдулвахабова Бирлант Борз-Алиевна, Чеченский государственный университет, Россия
Adamczewski Przemyslaw, the Institute of Political Studies of the Polish Academy of Sciences, Польша
Alizadeh Karim S, Государственный Университет Гранд-Велли, Мичиган, США
Аникеева Татьяна Александровна, Институт востоковедения РАН, Россия
Анчабадзе Юрий Дмитриевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Аракелова Виктория Александровна, Российско-Армянский (Славянский) Университет, Армения
Бабаджанов Бахтияр Мираимович, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии Наук Республики Узбекистан, Узбекистан
Барамидзе Цира Ревазовна, Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета, Грузия
Бобровников Владимир Олегович, Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия
Бустанов Альфрид Кашафович, Амстердамский университет, Нидерланды
Гаджиев Муртазали Сержутдинович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Гванцеладзе Теймураз Ионович, Сухумский государственный университет, Грузия
Гелашвили Нана Георгиевна, Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили
Досымбаева Айман Медеубаевна, Таразский государственный университет им. М.Х. Дулати, Казахстан

Зиливинская Эмма Давидовна, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Россия
Казанский Михаил Михайлович, French National Centre for Scientific Research, Франция
Капустина Екатерина Леонидовна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия
Квициани Джони Джокиевич, Тбилисский государственный университет, Грузия
Кудаева Светлана Григорьевна, Майкопский государственный технологический университет, Россия
Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Максимчик Андрей Николаевич, Белорусский государственный университет, Белоруссия
Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, Россия
Марзоев Ислам-бек Темурканович, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН, Россия
Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, Россия
Муминов Аширбек Курбанович, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
Obrusanszky Borbala, Karoli Gaspar University, Венгрия
Осмаев Аббаз Догиевич, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Россия
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Германия
Rodrigue Barry H, Международный Университет Симбиоза, Индия
Сулейманова Севда Алиевна, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Табатабайи Сейед Хусейн, Восточноевропейский департамент Организации культурных и исламских связей Исламской Республики Иран, Иран
Таймазов Артур Исрапилович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Текуева Мадина Анатольевна, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Россия
Тетуев Алим Инзрелович, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Россия
Шихалиев Шамиль Шихалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Эрлих Владимир Роальдович, Государственный музей Востока, Россия
Ярлыкапов Ахмет Аминович, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ, Россия

Исполнительный директор

Мусаев Махач Абдулаевич
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Ответственный секретарь

Капланова Лейла Шамильевна
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Переводчик

Сефербеков Магомедхабиб Русланович
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

На обложке изображен элемент народного орнамента Дагестана
Ответственность за высказывания, точность цитат, фактов, названий и имен несут авторы
Мнение редакции может не всегда совпадать с точкой зрения авторов
При использовании материалов журнала ссылка обязательна

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021
© Все авторы, Т. 17. №4. 2021

Адрес редакции: 367030, Махачкала, ул. М. Ярагского, 75
Тел.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

Founder: Daghestan Federal Research Centre of RAS
Issued by decision of the Academic Council
of the Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC RAS since 2005
(formerly as Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. Reg. cert. PI № FS77-49956)
The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media (ROSKOMNADZOR)
Registration certificate PI № FS77-72534 of March 28, 2018
Periodicity: 4 issues per year

Editor-in-Cheif
Khizri A. Amirkhanov
The Institute of Archeology of RAS

Vice Editor-in-Cheif
Elmira M. Dalgat
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Deputy Editor-in-Chief
Maysarat K. Musaeva
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RASS

Editorial council

Alikber K. Alikberov, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation
Bashir B. Bulatov, Daghestan State University, Russian Federation
Anatoliy P. Derevyanko, The Institute of archaeology and ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation
Gani S. Kaymarazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS
Michael Kemper, University of Amsterdam, Netherlands, Netherlands
Kimitaka Matsuzato, University of Tokyo, Graduate Schools for Law and Politics, Japan
Nadzhaf A. Museibli, Azerbaijan National Academy of Science, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan
Shain M. Mustafaev, Z. Buniyatov Institute of Oriental Studies Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Vitaliy V. Naumkin, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation
Michael A. Reynolds, The Princeton University, United States

Editorial board

Ramazan S. Abdulmazhidov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Birlant B. Abdulvakhabova, Chechen State University, Russian Federation
Karim S. Alizadeh, Grand Valley State University, Michigan, United States
Przemyslaw Adamczewski, the Institute of Political Studies of the Polish Academy of Sciences, Poland
Tat'yana A. Anikeeva, Institute of Oriental studies, Russian Federation
Yuriy D. Anchabadze, The N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation
Viktoriya A. Arakelova, Russian – Armenian University, Armenia
Bakhtiyar M. Babadjanov, The Institute of Eastern studies of Academy of Science of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan
Tsira R. Baramidze, Institute of Caucasiology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Vladimir O. Bobrovnikov, The Institute of Eastern studies of RAS, Higher School of Economics, National Research University Saint Peterburg, Russian Federation
Alfrid K. Bustanov, University of Amsterdam, Netherland
Murtazali S. Gadzhiev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
*Teimuraz I. Gvantseladze, S*ukhumi State University, Georgia
Nana G. Gelashvili, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Aiman M. Dossymbayeva, M.Kh. Dulaty Taraz State University, Kazakhstan
Emma D. Zilivinskaya, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation

Michel M. Kazanski, French National Centre for Scientific Research, France
Ekaterina L. Kapustina, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, Russian Federation
Jony J. Kvitsiany, Institute of Caucasiology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Svetlana G. Kudaeva, Maikop State Technological University, Russian Federation
Magomedkhan M. Magomedkhanov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Andrey N. Maksimchik, Belarusian state University, Belarus
Vladimir Y. Malashev, The Institute of Archeology Russian Academy of Science, Russian Federation
Islam-bek T. Marzoev, V.I. Abaev North Osetian Institute of Humanitarian and Social Research of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Anna V. Mastykova, The Institute of Archeology RAS, Russian Federation
Ashirbek K. Muminov, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
Borbala Obrusanszky, Karoli Gaspar University, Hungary
Abbaz D. Osmaev, The H.I. Ibrahimov Complex Scientific Research Institute of RAS, Russian Federation
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Rodrigue Barry H, Symbiosis International University, India
Sevda A. Suleymanova, Buniyatov Z. Institute of Oriental Studies of the Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Seyed Hussein Tabatabayi, Eastern European Department Of the organization of cultural and Islamic relations of the Islamic Republic of Iran, Iran
Artur I. Taymazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Madina A. Tekueva, H.M. Berbekov the Kabardino-Balkaria State University, Russian Federation
Alim I. Tetuev, Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Shamil' S. Shikhaliev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Vladimir R. Erlikh, State Museum of Oriental Art, Russian Federation
Akhmet A. Yarlykapov, MGIMO University, Russian Federation

Managing Director

Makhach A. Musaev
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Responsible Secretary

Leyla S. Kaplanova
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Translator

Magomedkhabib R. Seferbekov
The Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The cover image depicts an element from Daghestan's folk art tradition
Responsibility for statements, accuracy of citations, titles and names rests with the authors
The opinion of publishing authors may not always coincide with the opinion of the editorial staff
If using materials from this journal, an electronic link is required

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2021
© All authors, V. 17. № 4, 2021

Address of the editorial office: 367030, Makhachkala, M. Yarakskogo St., 75
Tel.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА
Т. 17. № 4 2021

В этом номере:

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

Хапизов Ш.М., Акопян А.Е. Бейлерян О.Г.	АЛАНЫ В АРМЯНСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ XII-XVIII ВВ	768
Тимохин Д.М.	ДАГЕСТАН В АРАБО-ПЕРСИДСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII В.	778
Маммаев М.М.	О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТИТУЛА ФЕОДАЛЬНЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ КАЙТАГА «УЦМИЙ» И ЭТИМОЛОГИИ ОЙКОНИМА «УРЦІМУЦ»	797
Ханмурзаев И.И.	НИСБЫ В МАТЕРИАЛАХ МЕСТНЫХ АРАБОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВВ.	806
Закарияев З.Ш.	СТЕЛЫ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ХРОНОГРАФАМИ ИЗ ДАГЕСТАНСКИХ СЕЛЕНИЙ ШИНАЗ И ГЕЛЬХЕН	823
Маргарян Г.А., Костикян К.П., Товмасян А.А.	АГУЛИС НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ ЧЕРЕЗ КАВКАЗ В 17-18 ВЕКАХ	848
Далгат Э.М.	ГОРОД И МОРЕ. ПЕТРОВСК НА КАСПИИ	860
Дендиев К.Г., Осмаев А.Д.	ВОССТАНОВЛЕНИЕ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ» ПО-СТАЛИНСКИ НА ПРИМЕРЕ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ (конец 1938 г.– начало 1940 г.)	874

АРХЕОЛОГИЯ

Кореневский С.Н.	ТРАДИЦИЯ ПОРЧИ СОСУДА: ИСТОКИ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ ПРЕДКАВКАЗЬЯ	886
Гмыря Л.Б.	РУБАССКАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ СЕРЕДИНЫ VI В.: ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ ВОСТОЧНОГО ФАСАДА СТЕНЫ №2	912
Кочкаров У.Ю., Мамаев Р.Х., Нарожный Е.В., Нарожный В.И.	ПОГРЕБЕНИЕ № 121 КЕЛИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА XIII–XIV вв. (ГОРНАЯ ИНГУШЕТИЯ)	938

ЭТНОГРАФИЯ

Кудаева С.Г.	ЭЛЕМЕНТЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОРЫ ПОДДЕРЖАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ДИАСПОРЫ: НА ПРИМЕРЕ АДЫГСКОЙ (ЧЕРКЕССКОЙ) ДИАСПОРЫ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА	957
Белозерова Н.В. Магомедханов М.М.	ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: КОНЕЦ 1980-х – 1990-е ГОДЫ	968
Капустина Е.Л.	ИГБИ: ИСТОРИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ДАГЕСТАНСКОГО ПРАЗДНИКА	985
Симонян Л.	КУЛЬТ И ПАМЯТЬ СВ. ВОСКЕАНОВ И СВ. СУАКИАСЯНОВ В СВЕТЕ КАВКАЗСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ	1002

ЭКСПЕДИЦИИ

Гаджиев М.С., Будайчиев А.Л., Абдуллаев А.М. Шаушев К.	НОВООТКРЫТЫЙ УЧАСТОК МУСУЛЬМАНСКОГО НЕКРОПОЛЯ ДЕРБЕНТА XI-XII вв.	1022
Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г.	РЕЗУЛЬТАТЫ ЭПИГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ДАХАДАЕВСКИЙ РАЙОН ДАГЕСТАНА В 2020 г.	*1084*

Daghestan Federal Research Centre of RAS

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Vol. 17. № 4 2021

Contents:

MATERIALS AND RESEARCHES

HISTORY

H.E. Hakobyan, S.M. Khapizov, H.G. Beylerian	ALANS IN THE ARMENIAN WRITTEN SOURCES OF THE 12th –18th CENTURIES	768
D.M. Timokhin	DAGESTAN IN THE ARABIC-PERSIAN GEOGRAPHIC WORKS OF THE FIRST HALF OF THE 13TH CENTURY	778
M.M. Mammaev	THE ORIGIN OF THE TITLE "UTSMYI" OF KAYTAG RULERS AND THE ETYMOLOGY OF THE OECONYM "URTSMUTS"	797
I.I. Khanmurzaev	NISBAS IN THE LOCAL ARABOGRAPHIC SOURCES ON HISTORY OF THE NORTH-EAST CAUCASUS OF THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES	806
Z.Sh. Zakariyaev	TOMBSTONES WITH CHRONOGRAPHS FROM THE DAGESTAN VILLAGES OF SHINAZ AND GELHEN	823
G.A. Margaryan, K.P. Kostikyan, A.A. Tovmasyan	AGULIS ON THE CROSSROADS OF INTERNATIONAL TRADE THROUGH CAUCASUS IN 17TH-18TH CENTURIES	848
E.M. Dalgat	THE TOWN AND THE SEA. PETROVSK AT THE CASPIAN SEA	860
K.G. Dendiev, A.D. Osmaev	STALIN'S RESTORATION OF THE "SOCIALIST LEGALITY" IN CHECHEN-INGUSHETIA (1938-1940)	874

ARCHEOLOGY

S.N. Korenevsky	THE TRADITION OF SPOILING THE VESSEL: THE ORIGINS ACCORDING TO THE ARCHAEOLOGY OF THE PRE-CAUCASUS	886
L.B. Gmyrya	THE RUBAS FORTIFICATION OF THE MID 6TH CENTURY: FEATURES OF THE STRUCTURE OF THE EASTERN FACADE OF WALL 2	912
U.Yu. Kochkarov, R.Kh. Mamaev, V.E. Narozhny, E.I. Narozhny	BURIAL №121 OF THE KELI BURIAL GROUND OF THE 13th-14th CENTUTIES AD (MOUNTAINE INGUSHETIA)	938

ETHNOGRAPHY

S.G. Kudaeva	ELEMENTS OF TRADITIONAL CULTURE AS FACTORS OF MAINTAINING COLLECTIVE MEMORY AND ETHNIC IDENTITY IN THE DIASPORA: ON THE EXAMPLE OF THE ADYG (CIRCASSIAN) DIASPORA IN THE COUNTRIES OF THE MIDDLE EAST	957
M.V. Belozerova, M.M. Magomedkhanov	EXPERIENCE IN REGULATING MIGRATION FLOWS AT THE REGIONAL LEVEL: LATE 1980s - EARLY 1990s	968
E.L. Kapustina	HISTORY OF TRANSFORMATION OF THE DAGESTAN FESTIVAL IGBY	985
L.Simonyan	THE CULT AND COMMEMORATION OF ST. VOSKEANS AND ST. SUKIASEANS IN THE LIGHT OF CAUCASIAN PARALLELS	1002

EXPEDITIONS

M.S. Gadjiev, A.L. Budaychiev, A.M. Abdulaev, K.B. Shaushev	NEWLY DISCOVERED SECTION OF THE DERBENT MUSLIM NECROPOLIS OF THE 11-12TH CENTURIES	1022
M.A. Musaev, S.S. Shikhaliev, M.G. Shekhmagomedov	THE RESULTS OF THE EPIGRAPHIC EXPEDITION IN DAKHADAEVSKY REGION OF DAGESTAN IN 2020	*1084*

ИСТОРИЯ

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174768-777

Акопян Айк Ерджаникович
старший научный сотрудник
Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран);
Институт археологии и этнографии НАН РА;
Институт востоковедения Российско-Армянского университета, Ереван, Армения
hayk.hakobyan.88@mail.ru

Хапизов Ш.М.,
к.и.н., научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
markozul@mail.ru

Бейлерян Ованес Грачович
старший научный сотрудник
Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран), Ереван, Армения
hayk.hakobyan.88@mail.ru

АЛАНЫ В АРМЯНСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ XII–XVIII ВЕКОВ

Аннотация. Данная статья посвящена переводу, введению в научный оборот и интерпретации сведений армянских письменных источников XII–XVIII вв. об аланах / осах. Предметом исследования стали сведения из следующих источников: армянских исторических сочинений, изданных в переводе на русский или же вышедших на языке оригинала, а также исторических или грамматических сочинений, памятных записей и колофонов рукописей, еще не попадавших в поле внимания исследователей или же впервые вводимых в научный оборот. При этом большинство впервые публикующихся источников выявлены в собрании Института древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаране). Приводимые сведения армянских письменных источников датируются XII–XVIII вв. Они позволяют прояснить этноконфессиональную карту Кавказа в XII–XIV вв. и ее изменения в последующий период. В некоторых из них, в частности, проводится идея об идентичности этнонимов аланы и осы / осеты. В источниках также приводятся сведения о языках народов Кавказа, имевших письменность и использовавшихся в богослужении. Значимое место в статье занимает исследование вопроса об «аланах», «Аланском крае» и «Аланских воротах», упоминающихся в армянских источниках XVI–XVIII вв. Исследование посвящено анализу имеющихся сведений о данном ойкониме, поскольку в поздних армянских источниках Аланские ворота локализуются в Дербенте, а термины аланы и Аланский край применяются по отношению к населению и территории бывшей Кавказской Албании.

Ключевые слова: Аланы; осетины; Кавказская Албания; албаны; православное христианство.

© Акопян А.Е., Хапизов Ш.М., Бейлерян О.Г., 2021
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

HISTORY

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174768-777

Hayk E. Hakobyan
Senior Researcher
Mesrop Mashtots Institute of Ancient Manuscripts (Matenadaran);
Institute of Archeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Armenia;
Institute of Oriental Studies of Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia
hayk.hakobyan.88@mail.ru

Shakhban M. Khapizov
Cand. Sci. (History), Researcher
Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
markozul@mail.ru

Hovhannes G. Beylerian
Senior Researcher
Mesrop Mashtots Institute of Ancient Manuscripts (Matenadaran), Yerevan, Armenia
hayk.hakobyan.88@mail.ru

ALANS IN THE ARMENIAN WRITTEN SOURCES OF THE 12th –18th CENTURIES

Abstract. The paper presents the translations, introduction and interpretation of information about Alans, obtained from the Armenian written sources of the 12th – 18th centuries. The subject of research is information from the following sources: Armenian historical works published in Russian or the original language, as well as historical or grammatical works, aide-memoirs and colophons of manuscripts that have not yet been in the focus of researchers' attention or are introduced into the scientific use for the first time. Most of the sources published here have been identified in the collection of the M. Mashtots Research Institute of Ancient Manuscripts (Matenadaran). The information of the Armenian written sources dates the 12th – 18th centuries. This allows us to clarify the ethno-confessional map of the Caucasus in the 12th – 14th centuries and its transformation in the later period. Some of them, in particular, suggest the idea about the identity of ethnonyms "Alans" and "Osi/Oseti". The sources also provide information about the written languages of the peoples of the Caucasus that were used in worship service. The paper pays great attention to the study of the issues of the "Alans", "Alan Region" and "Alan Gates" mentioned in Armenian sources of the 16th – 18th centuries. The study uses the analysis of the available information on this oeconym, since in late Armenian sources the Alan Gates are localized in Derbent, and the terms "Alans" and the "Alan Region" are used in relation to the population and territory of the former Caucasian Albania.

Keywords: Alans; Ossetins; Caucasian Albania; Albanians; Orthodox Church.

© Hakobyan H.E., Khapizov Sh.M., Beylerian H.G., 2021
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2021

Армянские письменные источники содержат важные сведения по истории не только соседних народов, но и многих сопредельных стран. Не составляют исключение в этом плане и осетины, сведения о которых имеются в большинстве средневековых хроник, в эпиграфике, колофонах и памятных записях. Осетины в армянских источниках упоминаются прежде всего под именем алан, также фигурируют другие этнонимы и прежде всего осы/осеты. Данная статья посвящена выявлению и интерпретации сведений об аланах/осах, имеющихся в армянских письменных источниках XII–XVIII вв.

Основное внимание будет уделено периоду XVI–XVIII вв. Вместе с тем, будут использованы материалы как более раннего, так и более позднего периода, поскольку они помогают правильно интерпретировать эти сведения, а также заполняют лакуны по истории осетинского народа в Позднем Средневековье. Как уже сказано, алано (осетино)-армянские взаимоотношения и упоминания этого народа в армянских источниках имеют давнюю историю. По данной теме изданы сборники материалов и исследования, принадлежащие, прежде всего, Р. Габриелян [1; 2; 3; 4; 5]. Мы постарались привлечь материалы, оставшиеся вне поля зрения данного исследователя и дать свою интерпретацию сведениям, приведенным в её трудах.

Как мы знаем, часто под этнонимом «аланы» армянские и другие источники обозначали не только собственно осетин, но и некоторые другие северокавказские народы. Это обстоятельство послужило причиной для многочисленных гипотез, в т.ч. псевдонаучного характера, в которых аланское наследие приписывается тому или иному народу. Вместе с тем, еще с XII в. армянский историк Маттеос Урхайеци использует наименование Оз или Ос: «Были и другие армянские цари в стране Дарбанд, что именуется [и страной] Капанк, граничащей с Озами и Аланами …» [6, с. 231]. Аланов осами именует и богослов, законовед, святой Армянской апостольской церкви (ААЦ) Мхитар Гош, перечисляя христианские народы, в их числе и осетин (об этом более подробно см. ниже). Следует отметить и объективные обстоятельства, как то наличие родственных аланам племен маскутов/массагетов, которых некоторые средневековые источники упоминают то как родственные племена, то как единую общность [7, с. 7–24].

В рамках нашего исследования были выявлены некоторые неопубликованные материалы или сведения, на которые не было обращено внимание исследователей и которые смогут помочь в решении поставленного выше вопроса об идентификации алан.

Как уже написано выше, еще в XII в. Мхитар Гош, в своем богословском диспуте с грузинской церковью («Письмо грузинам») писал: «Все народы (вместе) – 72 языка, 68 народов – христиане, лишь 4 народа – не христиане: таджики и персы, евреи и скифы, коих турками величают. И многие народы имеют религии всякие, но по причине дальности не знаем (какие религии у них), как индусы и хабешы, ноби и занги, копты и всякие народы юга. И северные народы – русы и алан-осы, и каваки, чарказы, хундзы, которые сруйи, и другие (наро-

ды) веруют в Христа, так и на востоке как мозы, чены и другие»[1] [8, с. 353; Ср. 9, с. 171–190]. Данное свидетельство не только является важным источником по этноконфессиональной картине Кавказа XII в., но и показывает, что уже тогда армянские церковные круги идентифицировали аланов с осетинами. Упомянутых в сочинении «хундзов» следует отождествлять с аварцами, «чарказов» (в рукописи, видимо, с опиской переписчика – «зарказов») с черкесами, а «каваков» (в грузинских источниках – «кавкасы/кавкасианы») вероятно с носителями ингушского и чеченского языков.

Автор вышеуказанного источника – Мхитар Гош, был дважды архимандритом. Поскольку в средневековой Армении наука развивалась в монастырях, то чин архимандрита был скорее научной степенью и Гош является, в этом контексте, уникальным явлением.

Вместе с тем, в поздних армянских источниках иногда можно наблюдать отождествление этнонимов алан и албанцев[2], что стало основанием для сомнительных гипотез и реконструкций со стороны современных исследователей. В более ранних источниках XII–XV вв. армянские историки и богословы более точно идентифицировали данные этнонимы и разделяли эти понятия[3]. Так, в одном из колофонов 1214 г. можно увидеть четкое разграничение этих этнонимов: «В году шестьсот шестидесятом третьем по армянскому летоисчислению, во время патриаршества глубокомысленного и мудрого армянского патриарха [4]владыки Ованнеса, в царствование царя Левона, при султане Мелеклетере, кой правил Египтом и Святой землей, стольным городом всей вселенной Иерусалимом, и Дамаском и Эдессой и страной Цопк, от Хлата вплоть до границы грузинской, и в царствование Лаши грузинского, кой правил Тпхисом и Ани и множеством других городов, [принадлежавших] первородным старейшинам/владетелям армянским, аланским и албанским, от Карина до Персии» [10, с. 51; Ср. 11, с. 84–85].

Период с XII по XIV вв. на Кавказе, если не брать во внимание краткие периоды нашествий с Востока, был периодом мирного созидания под покровительством грузинского государства. В этом ключе стоит, вероятно, рассматривать появление работ общерегионального характера, и трансляцию в них соответствующего видения со стороны армянских научно-церковных кругов поскольку на то был «заказ» времени. В данном контексте надо понимать и сведения

1 Текст на армянском: «Ամենայն ազգք ՀԲ (72) լեզու է, ԿՀ (68) ազգն քրիստոնեայ է, Դ (4) ազգ միայն չէ քրիստոնեայ՝ Տաճիկն եւ Պարսիկն, Հրեայն եւ Սկիւթացին, որ ասին Թուրք։ Եւ ամենայն ազգ զանազան կրաւնս ունի, որ ոչ է գիտելի վասն հեռաւորութեան, որպէս Հնդիկն եւ Հապաշն, Նոբին եւ Զանգին եւ Խպտին եւ այլք բնակիչք հարաւոյ։ Այսպէս եւ ազգք հիւսիսականք՝ Ռուզն եւ Ալան-Աւսն, եւ Քազակն, Չարքազն, Խունձք, որ են Սրոյք, եւ այլք բազումք խոստովանողք ի Քրիստոս, որք եւ յարեւելս որպէս Մոզք եւ Ճենք եւ այլք».

2 Замена этнонима алан, известного Мовсэсу Хоренаци, на албанцев («алуанк») наблюдается уже в «Истории Албании» Мовсэса Дасхуранци (в поздних рукописях и в литературе названного также Каланкатуаци), в рассказе о походе алан на Армению при царе Арташесе [см. 12а, гл. I, 14, с. 13, подстрочник 6, 9]. Подробный анализ сочинения армянского автора из Арцаха Мовсэса Дасхуранци см. в монографии А. А. Акопяна [13а, с. 150–271].

3 Возможно, это было связано еще и с более развитой научной средой Армении по сравнению с Поздним Средневековьем.

4 В оригинале – hайрапет = патриарх, католикос.

из сочинения по грамматике видного церковного деятеля Иоанна Ерзнкаци (XIII в.): «В каждом крупном языке есть свои склонения и всякие особенности (языка): изнеженный эллин, резкий ромей, агрессивный гунн, вопрошаюший ассириец, сногсшибательный перс, красивейший алан, вязкий для слуха копт, шумный индус, всякий понимает свои склонения» [14, с. 80].

Продолжая тему средневекового языкознания, приведем еще два интересных примера, где проявляется восприятие армянскими научно-церковными кругами осетинского языка. В колофоне средневековой армянской рукописи по грамматике перечисляются языки, имеющие письменность и церковную литературу православного характера: «О языках и письменности: русский язык и письмо, аланский язык и письмо [«…Ալան լեզու եւ գիր»], кипчагов, асов, армнаутов, татов, гутов, салтахов, влахов, сербов. Все они подчиняются греческому престолу» [15, с. 795; ср. 8, с. 233].

В более поздних источниках упоминание алан уже не встречается. К примеру, в колофоне рукописи 1603 г. указывается: «Я, Аветик, написал эту книгу святую в память о себе и своих родителях. Читающий её да вопросити милости божией для меня и родителей моих. Поскольку народ грузинский имеет 8 языков: а) двали, б) осеты, в) имеретины, г) абхазы, д) менгрелы, е) соны, ж) грузины, з) мецхе…»[5].

Таким образом, на примере этих трех отрывочных сведений различного периода выявляется трансформация этнонима алан сначала в алан с упоминанием асов, которые мигрировали в долину Дуная, тогда как в начале XVII в. они знают лишь «осетов», находящихся в грузинском политическом и культурном пространстве.

Армянские хроники наряду с грузинскими являются важным первоисточником по истории христианизации Алании, хотя часто тексты этих оригиналов мифологизированы, как, например, текст рукописи XIV в. из собрания Матенадарана под № 2695: «Свидетельство трех святых братьев: Павла, Посэра и Теодитона и святого мученика Данапстоса… В правление императоров идолопоклонников Диоклетиана и Максимуса… В этот день святой мученик Христа Данакт, чтец церкви, из града Аланского, что к западу от Булгара, проповедовал народу слово Божие»[6].

Неким рубежом, после которого следует подобная трансформация и происходит отождествление исторических уже алан не с осами или осетами, а с албанцами (алуанами) следует считать разорительные походы Тамерлана на рубеже XIV–XV вв. Нанесенный им урон, судя по всему, стал для алан губительным, и они фактически исчезают с исторической арены и становятся лишь литературным нарративом, который в силу почти полной идентичности своего названия с албанцами получил неверную интерпретацию в поздних армянских источниках.

5 Матенадаран им. Месропа Маштоца, рукопись № 1870, л. 358а и 395б.
6 Матенадаран им. Месропа Маштоца, рукопись № 2695, л. 14а-15а.

В качестве примера оценки армянскими источниками последствий его нашествий приведем еще и содержание колофона армянской рукописи № 346 из собрания Матенадарана:

«…Ловушка появилась внезапно,
И обрушилось наказание Божие
За деяния греховные,
Воспалилось пламя Востана[7]*,*
Осерчал Господь Нового Израиля[8]
И Господь всея твари.
Отец Давид, утверди нас,
Чтоб не повстречался нам царь,
Чтоб закончил я рукопись.
Иноземный император-иноверец я –
Тамерлан Самаркандский,
Кой возомнил себя хозяином всея мира,
Восстал противу всея света
И отворил ворота аланские,
Что затворены были давно.
Супостат Тимур набежал лихо,
Набежал, отравил всея души,
Множество народу пленил,
Весь мир на белом свете…»[9].

После нашествия Тамерлана традиция идентификации аланов с осами прерывается. Более того, на некоторый период упоминание аланов в армянских источниках и вовсе прерывается вплоть до второй половины XVI в., когда аланы начинают упоминаться в связи с событиями на Восточном Кавказе. Имеются в виду события 1570–1580-х гг., когда Османская империя расширила свои границы на восток вплоть до Каспийского моря.

Армянский автор XVII в. Аракел Даврижеци описывает поход османского военачальника Лала-паши на Дербент следующим образом: «Сам же он (Лала) направившись к аланам, пошел к Железным Воротам, там тоже построил крепость и назвал её Дамур-Гапу, оставил в ней многочисленное войско и военачальника по имени Осман – очень искусного и безжалостного» [16, с. 466]. Далее историк пишет о том, что вышеупомянутый военачальник Осман Оздемироглу предпринял поход на кайтагцев и «собрал вокруг себя в Дамур-Гапу всех кавказских горцев – лезгин» [16, с. 466]. Эти обстоятельства помогают нам убедительно локализовать «Аланские ворота», упоминаемые в данном источнике, с Дербентом, который османы начали называть на своем языке «Дамур-Гапу», т.е. «Железные ворота». Убеждает нас в этом и армянский автор

7 Одно из названий столицы армянского Васпуракана или эпитет центральной Армении.
8 Т.е. в данном случае – Армянской страны.
9 Матенадаран им. Месропа Маштоца, рукопись № 346, л. 555б-556а.

XVII–XVIII вв. Закарий Канакерци, который также отождествляет Дербент с «Аланскими воротами». В частности, он описывает взятие османским военачальником Лала-пашой Дербента в 1580 г., называя его «Дамур-гапы, то есть ворота Аланские» [17, с. 42].

Отождествление этих двух топонимов (Дамур-гапы/Темир-хапа и Аланские ворота) просматривается и у Еремии Кемурджяна (XVII в.):

«Лето тысячи двадцать и четвертого года (1575 г.)
Султан Мурат Третий называемый,
Пошел войной на страну Парсов,
Гянджу, которую называют Шахастаном,
Аршар и Шамахи (были) взяты,
До дверей Аланских,
Которые называют и Темир-хапа…» [1, с. 153].

В этой связи нам кажется неверной интерпретация «алан», упоминаемых Аракелом Даврижеци как «осетин», как то предлагает Л.А. Ханларян [16, с. 469]. Речь идёт о следующем пассаже: «А в 1034 году (=1585) пришел в Дамур-Гапу приказ высокомерного Мурада, [предписывающий] Осману отправиться к нему в Константинополь. И тот действительно поехал и был удостоен чести быть назначенным военачальником и князем князей на всём востоке – от Византии до аланов» [16, с. 466]. Поскольку данный текст следует за весьма пространным описанием и локализацией Аланских ворот (Дамур-Гапу), который Осман Оздемироглу превратил в свой опорный пункт, логичным выглядит отождествление «алан» из данного отрывка с дагестанцами в современном понимании этого термина, а не с осетинами, которые в данном тексте вовсе не упоминаются.

Убеждают нас в этом и следующие сведения из армянских письменных источников, выявленные нами в рукописи № 481 из собрания Матенадарана: «Потом царствовал сын его – султан Мурат. В 1580 г. осерчал султан на смелость евреев и запретил им и всем христианам покрывать головы. И отовсюду подкупали его и через 18 лет получили приказ о восстановлении права покрывать головы. Затем Константинополь и много других городов остались в шапках. И султан этот Мурат отправил множество войск на царство персидское и завоевал Тебриз, Ереван, Джаршар и Шамахи вплоть до земель аланских, где бывал Александр Македонский»[10]. Перечисление городов, входивших в состав государства Сефевидов, идет с юга на север и следом за Шемахой следуют «земли аланские», а точнее Дербент, строительство которого в некоторых литературных легендах приписывается Александру Македонскому.

В таком же ключе следует рассматривать и следующее известие об аланах: «Свершилось … В году 1693-ем по армянскому летосчислению, 8-го апреля, руками одного лишь Комитаса старшего, кой зовётся Кюмурчян, в граде Стамбул, во время правления султана агарян Ахмеда, сына султана Ибрагима, … напали

10 Матенадаран им. Месропа Маштоца, рукопись N 481, л. 68б-69б.

на род аланский и воротились пусторуки, да завершится это всё добром во имя Господа…»[11].

Более неопределенный характер носит упоминание «Аланских земель» в следующем источнике конца XVII в.:

«Пришли из Хата наездные войска
Высоким набегом на Восток,
И почти весь народ они пленили,
А язык их называли калмыкским.
Продавали они плененных детей,
И там он купил одного мальчика, по имени Мхитар.
Опекал его как собственного сына,
А потом, когда они пришли на наши края,
Суши они преодолели и море,
И достигли Аланских земель,
Продали парня князю этих земель (этой страны),
И он отдал за мальчика целое состояние и купил его тридорого» [19, с. 122–123; 20, с. 207].

Однозначная локализация «края Аланского» на Восточном Кавказе и замена им «Албании» следует из следующей памятной записи XVIII в.: «Эта сила боговластная есть последняя надёжа и милость для презренного раба Божьего монаха Власия, аки служителя слова Божия, стать частию церкви младенцев в самом краю Аланском, в граде Шамахи, что величается на персидском»[12]. Такая же оценка может быть дана и сведениям из колофона XVIII в.: «Восславься… написана [рукопись] в стране русской, в граде великом Астрахань, 10-го октября 1768 г.… И вот, о достопочтенные мужи и братья мои любимые, снова покорнейше прошу добрых читателей книги этой или Хроники Михаила , как много раз выше я повторил, коль найдете в них много ошибок или неудобств, не обессудьте, Христа ради простите и не вините нас. ….

И да буду я верой и правдой служить Сыну мира во имя Господне, и да навеки почием мы с миром в краю аланском и ченов, в поселении Салеан …». Локализация армянским переписчиком поселения Салеан (Сагиян), расположенного в 10 км западнее города Шемахи, в «краю аланском» может быть понята только в русле замены термина Албания (Алуанк) Аланией (Аланк) в поздних армянских источниках XVI–XVIII вв.

Наше исследование показывает, что армянские письменные источники вплоть до XV в. зачастую идентифицируют упоминаемых ими аланов с племенем осов или осет, которые надежно отождествляются современными исследователями с осетинами. Таким образом, при описании происходивших событий они следуют реальной этнополитической картине Кавказа, которая в последующем подверглась значительным изменениям. После нашествий Тамерлана

11 Матенадаран им. Месропа Маштоца, рукопись № 1151, л. 162а.
12 Матенадаран им. Месропа Маштоца, рукопись № 2613, л. 684а.

на рубеже XIV–XV вв. аланы исчезают как некая этническая общность, а их этноним армянские авторы, ориентировавшиеся уже на литературную традицию, а не этнографические реалии, перенесли на Восточный Кавказ и увязали с албанцами. Этот перенос основан лишь на внешней схожести этнонимов и вряд ли уместно подводить под это какую-либо миграционную теорию. Следовательно, при введении письменных источников в научный оборот и интерпретации имеющихся в них сведений не следует автоматически переносить реалии XI–XIII вв. на события XVI–XVIII вв.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке КН РА и РФФИ (РФ) в рамках совместной научной программы №20RF-148 и №20-59-05010 соответственно.

Acknowledgements. The research was conducted with the financial support of the RFBR (RF) and the Committee of Science of the Republic of Armenia within the framework of the joint scientific projects № 20RF-148 and № 20-59-05010, respectively.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Армянские источники об аланах (Документ. мат-лы и коммент.). Вып. I / Сост. сборн. и авт. коммент. Р.А. Габриелян. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1985. – 67 с.

2. Армянские источники об аланах (Документ. мат-лы и коммент.). Вып. II / Сост. сборн. и авт. коммент. Р.А. Габриелян. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1985. – 59 с.

3. Армянские источники об аланах (Документ. мат-лы и коммент.). Вып. III / Сост. сборн. и авт. коммент. Р.А. Габриелян. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1985. – 50 с.

4. *Габриелян Р.А.* Армяно-аланские отношения (I–X вв.). Ереван: Издательство АН АССР, 1989. – 143 с.

5. *Marco Bais.* Alans in Armenian sources after the 10th c. AD // Plurilingual e-journal of literary, religious, historical studies, Rivista di Studi Indo-Mediterranei VII (2017). Pp. 1-12.

6. Մատթէոս Ուռհայեցի, Ժամանակագրութիւն, Վաղարշապատ, տպարան Մայր աթոռոյ Սրբոյ Էջմիածնի, 1898. 231 էջ.

7. *Гаджиев М.С.* Сообщение Хоренаци о походе хазир и басил в 216 г. и этнокарта северо-западного Прикаспия в позднесарматский период // Caucaso-Caspica. – Ереван, 2016. – Вып. I. – С. 7-24.

8. Պարոյր Մուրադեան, Սխիթար Գոշ, Թուղթ առ վրացիս. – Գանձասար, 1995. – Զ, էջ 353.

REFERENCES

1. *Armenian sources about the Alans (Documentary materials and comments) [Armyanskie istochniki ob alanax (Dokumental`ny`e materialy` i kommentarii)]. Issue I. R. A. Gabrielyan (comp., comm.).* Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1985.

2. *Armenian sources about the Alans (Documentary materials and comments) [Armyanskie istochniki ob alanax (Dokumental`ny`e materialy` i kommentarii)]. Issue II. R. A. Gabrielyan (comp., comm.).* Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1985.

3. *Armenian sources about the Alans (Documentary materials and comments) [Armyanskie istochniki ob alanax (Dokumental`ny`e materialy` i kommentarii)]. Issue III. R. A. Gabrielyan (comp., comm.).* Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1985.

4. Gabrielyan RA. A*rmenian-Alanian relations (1st-10th centuries) [Armyano-alanskie otnosheniya (I-X vv.)].* Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1989.

5. Marco Bais. Alans in Armenian sources after the 10th c. AD. *Plurilingual e-journal of literary, religious, historical studies, Rivista di Studi Indo-Mediterranei VII*. 2017: 1-12.

6. Matt'ēos Uṙhayec'i. *Chronicle. Vałaršapat:* Tp. Mayr At'oṙoy Srboy, 1898. (in Armenian).

7. Gadzhiev MS. Khorenatsi's report about the Khazir and Basil campaign in 216 and the ethnic map of the northwestern Caspian region in the late Sar-

9. Պ. Մուրադեան, ԺԱ-ԺԳ դարերի հայ-վրացական դաւանական խնդիրները եւ Մխիթար Գօշի «Առ վրացիսն» թուղթը. Աղբիւրագիտական քննութիւն եւ բնագրեր, Վաղարշապատ – Ս. Էջմի-ածին, 2011, էջ 1-287.

10. Գարեգին Ակաթողիկոս, Յիշատակարանք ձեռագրաց. – Անթիլիաս, 1951. – էջ 51.

11. Հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ. ԺԳ դար, Կազմեց՝ Ա. Ս. Մաթեւոսյան, Երեւան, 1984, էջ 84-85.

12. Մովսէս Կաղանկատուացի, Պատմութիւն Աղուանից աշխարհի, Քննական բնագիրը եւ ներածու¬թյունը Վ. Առաքելյանի, Երեւան, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1983, էջ 13.

13. *Акопян А.А.* Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках, Ереван, Изд-во АН Арм.ССР, 1987

14. Մայր Յուցակ ձեռագրաց սրբոց Յակոբեանց, հատոր 4, Կազմեց Նորայր եպս. Պողարեան, Երուսաղէմ, տպ. Սրբոց Յակոբեանց, 1969. – էջ 80.

15. Հ. Բ. Սարգիսեան, Մայր ցուցակ հայերէն ձեռագրաց Մատենադարանին Մխիթարեանց ի Վենետիկ). – P. 795.

16. *Аракел Даврижеци.* Книга историй / Пер. с армянского, предисл. и коммент. Л.А. Ханларян. – М.: Восточная литература, 1973. – 628 С.

17. *Закарий Канакерци.* Хроника / Пер. с армянского, предисл. и коммент. М.О. Дербинян-Меликян. – М.: Восточная литература, 1969. – 320 С.

18. *Еремия Кемурджян.* Краткая четырехсотлетняя история Османских царей / Пер., предисл. и коммент. Ж.М. Аветисяна. – Ереван: Издательство АН АССР, 1982. – 415 С.

19. Գրիգորիս Աղթամարեցի, XVI դ., Ուսումնասիրություն, քննական բնագրեր և ծանոթագրություններ Մայիս Ավդալբեգյանի, ՀՍՍՌ հրատ., Երևան: ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ., 1963. – 130 էջ.

20. Լ. Խաչիկյան, Աշխատություններ, Հատոր Բ. – Երևան: Նաիրի հրատ., 2017. – 207 էջ.

Статья поступила в редакцию 11.11.2021 г.

matian period [Soobshcheniye Khorenatsi o pokhode khazir i basil v 216 g. i etnokarta severo-zapadnogo Prikaspiya v pozdnesarmatskiy period]. *Caucaso-Caspica.* Yerevan, 2016. p. 7-24.

8. Paruyr Muradyan. Mkhitar Gosh's Epistle to the Georgians. Gandzasar, *Gandzasar theological Review,* 1995. V. 6:353. (in Armenian).

9. Murayan P. *Armenian-Georgian Religious Issues in the 11-13th centuries and "Epistle to the Georgians" by Mkhitar Gosh,* H. Edzmiacin, 2011. (in Armenian).

10. Catholicos Karekin I. *Colophons of the Manuscripts.* Vol. I. Antelias, Holy See of Cilicia Publ., 1951. (in Armenian).

11. *Colophons of Armenian manuscripts of 18th century. A. S. Matevosyan (comp.).* Yerevan, 1984. (in Armenian).

12. Movses Kalankatuatsi. *History of Aluank. V. Arakelyan (ed.).* Yerevan: Academy of Science of Armenian SSR, 1983. (in Armenian).

13. Akopyan AA. *Albania-Aluank in Greek-Latin and ancient Armenian sources [Albaniya-Aluank v greko-latinskikh i drevnearmyanskikh istochnikakh]*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1987.

14. *Grand Catalog of St. James manuscripts. Vol. IV. By bishop Norair Bogharian*. St. James mon. Jerusalem, 1969.

15. *Grand Catalogue des manuscrits Arméniens de la Bibliotheque des PP. Mechitharistes de Saint-Lazare. Vol. II / P. Basile, D.* Sargissian. Venise: de Saint-Lazare, 1924. p. 795.

16. Arakel Davrizhetsi. *Book of stories [Kniga istorij]. A. Khanlaryan (transl., introd., comm.).* Moscow: Vostochnaya literatura, 1973.

17. Zakariy Kanakertsi. *Chronicle [Hronika]. Transl. from Armenian, introd. and comm. by M.O. Darbinyan-Melikyan*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1969.

18. Eremia Kemurdzhyan. *A brief four-hundred-year history of the Ottoman kings [Kratkaya chety`rexsotletnyaya istoriya Osmanskix czarej]. Zh.M. Avetisyan (transl., introd., comm.).* Yerevan: Academy of Sciences of the ASSR, 1982.

19. Avdalbekyan M. *Grigoris Alt'amarc'i. Research, Critical Texts and Notes [Kratkaya chety`rexsotletnyaya istoriya Osmanskix czarej].* Yerevan: Academy of Sciences of the ASSR, 1963.

20. Khachikian L. *Works. Vol. II.* Yerevan: Nairi, 2017. (in Armenian).

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174778-795

Тимохин Дмитрий Михайлович
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
horezm83@mail.ru

ДАГЕСТАН В АРАБО-ПЕРСИДСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII ВЕКА

Аннотация. Арабо-персидские географические сочинения первой половины XIII в. мало востребованы для реконструкции истории Северного Кавказа. С одной стороны, это легко объяснить зависимостью такого рода сочинений от более ранних арабо-персидских памятников: зачастую мы видим повторение сведений, если и не в полном объеме, то, как минимум, частично. В связи с этим исследователи предпочитали использовать более ранние тексты и в меньшей степени учитывать данные из текстов первой половины XIII в. В этой статье на примере трех географических сочинений, написанных в указанный исторический период, мы постараемся продемонстрировать не только особенности сведений о Дагестане в составе того или иного сочинения, но выделить ту историографическую преемственность, о которой было сказано выше. Однако гораздо важнее, с нашей точки зрения, выделить те сюжеты, которые представленные ниже авторы включили в состав собственных текстов, показать, какие конкретно сведения по истории Дагестана они посчитали нужным использовать. Нами были выбраны, как относительно хорошо известные и широко используемые памятники, как, например, «Му'джам ал-булдан» («Словарь стран») Йакута ал-Хамави, так и менее востребованные кавказоведами тексты – анонимное сочинение «'Аджа'иб ад-дунйа» («Диковинки мира») и «Джахан-наме» («Книга о мире») Наджиба Бакрана. Особое внимание, по понятным причинам, в этой работе будет уделено последним двум текстам и содержащейся в них информации, однако мы постараемся охарактеризовать и те ценные сведения, которые содержит в себе «Му'джам ал-булдан». Надеемся, что эта работа усилит исследовательский интерес не только к представленным здесь арабо-персидским географическим сочинениям, но и в целом к проблеме отражения истории Дагестана в относительно поздних источниках. Кроме того, сама по себе логика включения тех или иных сведений по истории этого региона как в состав сочинений первой половины XIII в., так и более поздних текстов, заслуживает отдельного внимания.

Ключевые слова: арабо-персидские географические сочинения; Дагестан; Йакут ал-Хамави; Кавказ; Сасаниды; 'Аджа'иб ад-дунйа; Наджиб Бакран.

© Тимохин Д.М., 2021
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174778-795

Dmitry M. Timokhin,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
horezm83@mail.ru

DAGESTAN IN THE ARABIC-PERSIAN GEOGRAPHIC WORKS OF THE FIRST HALF OF THE 13TH CENTURY

Abstract. The Arabic-Persian geographic works of the first half of the 18th century are of little value in reconstructing the history of the North Caucasus. On the one hand, this can be explained by the dependence of such material on earlier Arabic-Persian monuments: we often observe repetition of information, either fully or partially. In this regard, researchers turn to earlier texts and, to a lesser extent, consider data from the text of the first half of the 13th century. On the case of three geographic works written in the period under question, the present paper attempts to demonstrate features of information about Dagestan in the context of a particular work, as well as to identify the historiographic continuity. What is more important is to highlight those plots that the authors below included in their own texts, to show what specific information on the history of Dagestan they considered important. For our study, we have selected both relatively well-known and widely used monuments, such as "Mu'jam al-Buldān" ("Dictionary of Countries") by Yaqut al-Hamawi, as well as less popular texts – an anonymous work "Aja'ib ad-Dunya" ("Wonders of the World") and "Jahan-nameh" ("Book About the World") by Najib Bakran. The study focuses on the last two texts and the information they contain; however, we also try to characterize the valuable information contained in Mu'jam al-Buldān. We hope that our study will raise interest to both Arabic-Persian works mentioned here and the issue of reflecting the history of Dagestan in relatively late sources. Moreover, the very logic of including certain information on the history of the region, both in the works of the first half of the 13th century and in later texts, deserves, as we believe, special attention.

Keywords: Arabic-Persian geographic works; Dagestan; Yaqut al-Hamawi; Caucasus; Sasanians; Aja'ib ad-Dunya; Najib Bakran.

© Timokhin D.M., 2021
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2021

В начале этого исследования хотелось бы отметить, что анализ арабо-персидских географических сочинений на предмет наличия в них сведений по истории различных регионов Востока и Запада продолжает оставаться весьма актуальной научной проблематикой [См. например: 1; 2, p. 141–160; 3, p. 201–202; 4; 5, p. 291–306]. Особенности описания Северного Кавказа и, в частности, Дагестана в такого рода памятниках также привлекали и продолжают привлекать внимание исследователей, примером чему служит, отчасти, и эта статья. Однако далеко не все арабо-персидские географические сочинения были в равной степени востребованы при реконструкции истории Дагестана в Средние века. Пристальное внимание исследователей, по понятным причинам, вызывали наиболее ранние исторические и географические сочинения IX–XI вв., в то время как, например, некоторые памятники XII в. оставались менее востребованы, на что мы уже обращали внимание в статье об анонимном персидском сочинении 1126 года, «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас» («Свод историй и повествований») [6, с. 43–60]. Однако в этой работе хотелось бы сосредоточить свое внимание на отдельных географических сочинениях первой половины XIII в., которые обладают определенным информационным потенциалом в отношении средневековой истории Дагестана. Кроме того, в виду драматичных событий этого периода, а именно монгольского нашествия, в результате которого многие памятники были утрачены, ценность дошедших до нас сочинений первой половины XIII в. еще более значима. Безусловно, некоторые из приведенных ниже примеров знакомы исследователям, однако при этом редко привлекались в кавказоведческих работах, а некоторые, в частности, «Джахан-намэ» («Книга о мире») Мухаммада ибн Наджиба Бакрана [7], использовалось, преимущественно для реконструкции истории хазар и созданного ими государства [См.: 8, с. 21]. Именно это, последнее из упомянутых географических сочинений, как нам кажется, будет наиболее интересным для специалистов по истории Дагестана, однако начать эту статью хотелось бы с более известных памятников первой половины XIII в. и анализа информации, которая в них содержится.

Среди такого рода географических сочинений хотелось бы отметить, прежде всего, известный исследователям «Му'джам ал-булдан» («Словарь стран») [9; 10; 11] Шихаб ад-Дина Абу Абдаллаха Йакута ибн Абдуллаха ал-Хамави (1179–1229 г.). Что касается источников «Му'джам ал-булдан», то помимо собственных наблюдений путешественник базировал свой труд на относительно известных памятниках арабо-персидской географической литературы, среди которых важнейшим для Йакута ал-Хамави следует признать «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран») Абу Исхака Ибрахима ибн Мухаммада ал-Истахри. Несмотря на то, что полного перевода «Му'джам ал-булдан» на европейские языки до сих пор не существует, исследователи многократно обращались к этому памятнику, анализируя его сведения по тем или иным регионам исламского Востока. Современные ученые обратили внимание и на данные ал-Хамави, касающиеся Северного Кавказа, чему наглядным примером являются две статьи М.А. Гизбулаева [12, с. 32–39; 13, с. 63–70]. Несмотря на то,

что второе из упомянутых нами исследований представляет собой полемику с известным переводом отрывков из «Му'джам ал-булдан», сделанным З.М. Буниятовым [10], в нем достаточно подробно приведены сведения из указанного источника о Дагестане. В связи с этим мы отметим здесь лишь несколько важных, с нашей точки зрения сюжетов, касающихся труда Йакута ал-Хамави.

Прежде всего, совершенно невозможно обойти вниманием значительный по объему раздел в «Му'джам ал-булдан», посвященный Дербенту (Баб ал-абваб), где Йакут ал-Хамави позволяет себе обширную цитату из «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик», что лишний раз доказывает связь между этими сочинениями [11, p. 68–69; 14, s. 437]. Надо отметить, что в труде Йакута ал-Хамави описывается не просто город Дербент, но и сопредельные с ним территории, а также проживающие там народы. В частности, автор рассказывает об эпохе Хосрова I Ануширвана и его действиях по защите границ на Кавказе следующее. «Древний правитель Хосров никогда не забывал об этих границах и не жалел ничего, чтобы сделать их неприступными, памятуя о своих воинственных соседях. [Он] доверил охрану персидским войскам, чья верность ему не вызывала сомнений, они присвоили себе все земли, которые могли возделывать, затем приумножили богатства этой страны и защищали ее против тюркских племен и других неверных. Также пограничные гарнизоны были составлены из народа, именуемого Табарсаран, и их соседей – Филан. Затем идут ал-Лакз, известные своей силой и многочисленностью, ал-Лиран[1], Ширван и т.д. Каждое из этих племен весьма значительно – обладают собственной столицей; у них есть многочисленные войска, составленные из пехоты и кавалерии» [11, p. 70; 14, s. 438]. Следует отметить, что данный раздел сочинения Йакута ал-Хамави в принципе богат сведения относительно народов, проживающих в Дербенте и сопредельных землях.

Стоит отметить также, что в разделе «Му'джам ал-булдан», посвященном Баб ал-абвабу, помимо цитаты из труда ал-Истахри можно отметить заимствование из «Китаб ал-Булдан» («Книга стран») Абу Бакра Ахмада б. Мухаммада б. Исхака ал-Хамадани, прозванного Ибн ал-Факихом [См.: 15, с. 47–48; 16, с. 262; 12, с. 35], при описании крепостей вокруг Дербента, о котором в тексте своего сочинения сообщает сам ал-Хамави. Речь идет о той части главы о Дербенте (Баб ал-абваб), где рассказано о других укреплениях, защищающих проходы через Кавказский хребет. «Называют именем Баб ал-Абваб главный укрепленный проход через горы Кабк, где множество крепостей; упоминают также и другие укрепленные проходы, такие как Баб Сул, Баб ал-Лан, Баб ал-Шабаран, Баб ал-Лазика, Баб Барика, Баб Самсаджан, Баб сахеб ал-Сарир, Баб Филаншах, Баб Тарунан, Баб Табарсаран-шах и Баб Иран-шах» [11, p. 70; 14, s. 439]. Справедливости ради стоит отметить, что сообщения Ибн ал-Факиха о Дербенте не ограничиваются той цитатой из его труда, которую приводит Йакут ал-Хамави, а, в принципе, весьма обширны [См. например: 17, s. 286–290, 291–293]. В «Му'джам ал-булдан» содержится отдельный раздел, который Йакут

1 В статье М.А. Гизбулаева дан перевод этого термина, как «Лайзан» [12, с. 34].

ал-Хамави посвятил Сариру, и где он отмечает, в частности, следующие моменты: «Это обширное государство между областями ал-Лан и Баб ал-Абваб (Дербент): имеет лишь два пути сообщения, одна дорога со стороны Хазар, другая – со стороны Армении. Сарир – это название страны, но оно не относится к городу; обитатели Сарира христиане. Между этой страной и городом Семендер расстояние всего в два фарсаха» [11, p. 312]. Впрочем, сведения о том, что в Сарире было распространено христианство, достаточно давно были проанализированы исследователями, так что специально останавливаться на этой части сообщения Йакута ал-Хамави мы не будем [См. например – 18; 19, с. 249–266; 20; 21].

Как следует из вышесказанного, сведения из «Му'джам ал-булдан» привлекались исследователями, в том числе и для реконструкции истории Северного Кавказа и, в частности, Дагестана, чего нельзя сказать о следующем примере географического сочинения первой половины XIII в., который при этом был переведен на русский язык относительно давно. Это анонимное персидское сочинение, известное также как «'Аджа'иб ад-дунйа» («Диковинки мира») [22], издание и перевод которого был осуществлен Л.П. Смирновой. Она определяет специфику этого источника следующим образом: «генезис жанра *'аджа'иб* представляется весьма сложным. Можно полагать, что этот жанр был вызван к жизни потребностью в занимательной литературе, в которой собственно географические и космографические сведения часто составляли фон для развлекательных рассказов; такое сочетание объясняет популярность жанра *'аджа'иб*. В то же время следует учитывать, что прототип этого жанра представлен уже в среднеперсидской литературе позднесасанидского периода (VI–VII вв.) – мы имеем в виду памятники, в которых географические данные сочетаются с фрагментами мифов, являющимися эпическими сказаниями» [22, с. 8]. В качестве наиболее известных примеров в средневековой арабо-персидской литературе отмечаются труд Наджиба Хамадани «'Аджа'иб ал-махлукат ва гара'иб ал-мауджудат» («Диковинки сотворенного и редкости существующего»), а также более поздние сочинения Закарийи ал-Казвини – «'Аджа'иб ал-махлукат ва гара'иб ал-мауджудат» («Чудеса сотворенного и редкости существующего») и «Асар ал-билад ва ахбар ал-'ибад» («Памятники стран и известия о рабах Божьих») [22, с. 9]. Возвращаясь к интересующему нас «'Аджа'иб ад-дунйа», отметим, что дата его составления отмечается Л.П. Смирновой рубежом 1220-х – началом 1230-х гг. Относительно автора этого сочинения и его биографии в публикации перевода источника можно отметить достаточно большой раздел, посвященный этому вопросу [См.: 22, с. 22-26], поэтому мы на этом специально останавливаться не будем, а чуть более подробно скажем об источниках, на которых базируется нарратив «'Аджа'иб ад-дунйа».

Здесь следует отметить, прежде всего, упомянутый нами труд Наджиба Хамадани «'Аджа'иб ал-махлукат ва гара'иб ал-мауджудат», из которого анонимный автор заимствует обширный массив информации, зачастую не добавляя ничего от себя [22, с. 27–32; 23, с. 175–219; См. также - 24, с. 101–118; 25, с. 22–29, № 12, 13]. «Другим важным источником для автора было географическое сочинение

неоднократно упоминавшегося нами Абу-л-Му'аййада Балхи, автора времени Саманидов, точные хронологические рамки жизни которого нам неизвестны, но значение трудов которого подтверждается письменными свидетельствами» [22, с. 32]. Кроме этих текстов в состав «'Аджа'иб ад-дунйа» вошла информация из многочисленных памятников арабо-персидской литературы, которые удалось установить исследователям, а также упомянуты многие имена «информаторов», которые идентифицировать не удалось [22, с. 33–35; 23, с. 189–190]. Также отмечается наличие сведений, которые были почерпнуты из устных рассказов очевидцев или путешественников, посетивших те или иные регионы мира и привозившие оттуда свои рассказы, которые использовал анонимный автор [22, с. 27–36]. Исследователи отмечают, что «автор довольно много путешествовал и его личные наблюдения нашли, без сомнения, отражение в составленном им труде. Правда, их не всегда можно отделить от сведений, полученных из письменных источников или из устной информации. Однако думается, что описания ряда местностей, родников и городов Азербайджана и Армении, а также отчасти Грузии и Малой Азии в значительной мере основаны, на личных наблюдениях автора; это касается и содержащегося в рукописи подробного описания Мекки. То же самое можно сказать и о некоторых других разделах труда автора. Основанием для подобного вывода служат: во-первых, его указания самого автора (они отчасти уже были приведены выше, когда говорилось о его путешествиях), во-вторых, несомненно, оригинальный характер некоторых сведений, сообщаемых автором» [23, с. 191]. Теперь следует обратиться к сведениям о Северном Кавказе в «'Аджа'иб ад-дунйа» и по возможности соотнести их с данными других известных арабо-персидских авторов.

В составе «'Аджа'иб ад-дунйа» рассказ о Дербенте (Баб ал-абваб) небольшого объема, но, тем не менее, весьма любопытен. «Баб ал-Абваб. Большой город. Вблизи него имеется 360 ворот, 110 находится у мусульман и 250 – у тюрок. Его товары: бобер, соболь, белка, рабы и необычайно красивые рабыни. [Это] – место пребывания государей» [22, с. 187]. Здесь необходимо отметить несколько важных моментов: во-первых, в комментариях к этой части источника Л.П. Смирнова указывает, что эта статья частично взята анонимным автором у упомянутого Наджиба Хамадани. «Название ворот, приведенное у Н. Хамадани, в нашем тексте опущено; статья дополнена списком товаров» [22, с. 281]. Во-вторых, весьма любопытно количество «ворот», которые находятся вблизи Дербента: в персидском тексте источника, который прилагается к упомянутому переводу мы действительно находим слово «دروازه» [22, л. 196а], которое вряд ли можно перевести иначе. Однако, возможно, речь идет не столько о воротах в прямом смысле этого слова, сколько о горных проходах, находящихся вблизи Дербента, и том, кто конкретно их контролировал – при такой интерпретации это сообщение из «'Аджа'иб ад-дунйа» становится более ясным. Хотя это всего лишь наше предположение, кажущееся вероятным. Чуть более подробным в составе данного источника следует признать рассказ о Сарире, который мы приводим ниже.

«Сарир – область между Абхазом, Кипчаком, Ширваном и Дарбандом; [это] – благоустроенная, труднодоступная и густонаселенная область. Люди [в ней] грубые; среди них нет улемов, они не обладают познаниями, однако тверды в вере. Если туда приезжает какой-нибудь улем, они хорошо служат ему. Там находится престол, корона и показывающий мир кубок Кей Хусрау. Существует обычай. В день Науруза правитель Сарира идет туда, где стоит трон, садится на него и берет на себя обязательства, дает обещания, приносит обеты и уходит. Престол сделан таким образом, что тот, кто что-нибудь возьмет там, не найдет дорогу к выходу. Его товары: лошади, овцы, меха, бобер, рабы и рабыни, выдержанная вкусная брынза» [22, с. 213]. Уже Н.Д. Миклухо-Маклай отметил [23, с. 206, комм. 1], что о престоле правителя Сарира сообщают ранние авторы, в частности ал-Истахри [26, s. 223][2], поэтому и здесь можно говорить об определенной историографической преемственности между «‘Аджа’иб ад-дунйа» и более ранними текстами. Также стоит отметить, что в классической работе В.Ф. Минорского «История Ширвана и Дербенда в X–XI веках» приведены эта и другие легенды, связанные с этой областью у различных арабо-персидских авторов [27, с. 132–134], а также извлечения из текста ранних сочинений, в которых, в частности, приводятся сведения о Сарире и престоле его правителей [27, с. 219–220; См. также – 28, с. 330–331]. Если эта статья из «‘Аджа’иб ад-дунйа» и не содержит сколько-нибудь уникальных сведений, то следующий раздел, который мы приведем ниже, выглядит, как минимум, дискуссионным.

«[Ал-Ла’иджан]. Это необычайно труднодоступная местность. В пределах города находится гора, [на ней] сильная цитадель. В прошлом [здесь] жило такое же количество христиан. Его товары: изящные ткани, платки, красивые покрывала, паласы, красивые джурабы» [22, с. 182]. Вокруг топонима ал-Ла’иджан/Лахиджан в тексте «‘Аджа’иб ад-дунйа» существует определенная дискуссия, которая, прежде всего, касается правильного прочтения этого названия в тексте источника и соотнесения его с историческими реалиями Кавказа. Непосредственно, у Л.П. Смирновой он приводится как «الايجان», однако в других списках его можно прочесть и как «ابخان», и как «ابجان», [л. 22, л. 193а]. Не стоит связывать данный топоним с «Аланийей», поскольку данному понятию посвящена отдельная статья в «‘Аджа’иб ад-дунйа» [22, с. 181–182], однако возможность прочесть в некоторых списках этого источника вместо «ал-Ла’иджан» «Абхаз» дали исследователям широкие возможности его привязки к различным регионам Кавказа [29, с. 7, 37–38, прим. 25; 23, с. 199, комм. 6; 27, с. 107; 30, с. 303. Комм. 42]. Впрочем, в данной ситуации гораздо более убедительной выглядит связь между понятием «ал-Ла’иджан» и «Лайзан/Лакз/Лайз», которую предложил В.Ф. Минорский в комментариях к «Худуд ал-Алам» [31, p. 408–410]. В другом месте этот же исследователь не только предлагает по данному поводу свидетельства других ранних географов, но и подчеркивает – «Лайзан, кото-

2 Справедливости ради стоит отметить, что ал-Истахри помещает рассказ о Сарире в раздел, который в большей степени посвящен описанию хазар, да и в целом он уделяет большое внимание описанию противостояния персов и хазар на Кавказе.

рый соответствует современной Лахиджской долине, лежащей по верхнему течению реки Гардаман, раньше был одним из сасанидских вассальных княжеств, а в рассматриваемый период был частью Ширвана» [27, с. 107]. В комментарии также указаны возможные варианты написания этого топонима: «Пишется *Лайзан*, *Ла'изан*, *Ла'иджан* и т.д., а с явными ошибками даже *ал-Иран* и *ал-Абхаз*!» [27, с. 107, комм. 4]. Со своей стороны, Л.П. Смирнова приводит варианты написания «ал-Ла'иджан» и «Абхаз», из которых особенно отмечает вариант «ابخار», поскольку «в последней форме он встречается в статье Сарир как название пограничной с Сариром области» [22, с. 280, комм. 287]. Как видно из этого краткого экскурса, вокруг указанного топонима и особенностей его написания, сведений о нем и его значения сложилась внушительная современная историография[3].

Последний сюжет из «'Аджа'иб ад-дунйа» вновь возвращает нас к строительству укреплений на Кавказе в эпоху Хосрова I Ануширвана. «Справедливый Ануширван захотел возвести стену между своей страной и страной тюрок от [самого] моря до гор. Тогда он надул бурдюки, на них поставил фундамент [стены] и таким образом возвел стену от берега моря. На стену навесил железные ворота, а к ним приставил стражей. Когда он устроил эту преграду, то поставил на нее золотое ложе и возблагодарил Всевышнего, сказав: "О, Творец, ты дал мне спокойствие и силу, и я возвел эту преграду. Теперь верни меня благополучно на родину!„ И он лег на ложе, говоря: "Отдохну-ка!„ Внезапно из моря появилась фигура и упала на стену. Эмиры испугались и поспешили к Ануширвану. Он сказали: "В этот час ветер погубил все наши старания!„ - "Не бойтесь! – успокоил их Ануширван. – Я трудился в этом месте 12 лет ради спокойствия народа. Всевышний не даст погибнуть [стене]! Я сейчас увидел во сне, - продолжал он, будто бы из моря вышел идол и сказал мне: "О, государь, будь спокоен, ибо я – из обитателей моря и за свое существование семь раз видел, как возводили стену и как она разрушалась. Всевышний дал мне знать, что в настоящее время, в какое ты живешь, придет справедливый, милосердный государь и восстановит стену, и она останется невредимой до дня Страшного суда. Ты и есть этот царь!„ И погрузился в море» [22, с. 129]. Этот рассказ также восходит, с точки зрения Л.П. Семеновой, к сочинению Наджиба Хамадани, который заимствовал его, в свою очередь, у Ибн ал-Факиха [17, s. 290–291; См. также: 32, с. 78–79; 33, с. 16; 34, с. 38; 35, с. 17–19, 23–25; 36, p. 121–131], о чем она сообщает в комментарии: «Наиболее полно она изложена у Ибн ал-Факиха, к которому, возможно, восходит текст Н. Хамадани» [22, с. 267, комм. 179].

У Ибн ал-Факиха этот отрывок выглядит следующим образом: «по персидским известиям, как только Ануширван покончил с укреплением пограничного места Беленджера[4] и основательно устроил мол в море и укрепил его,

3 Очень подробный экскурс в историю понятия «Лайзан/Лакз/Лайз» и его исторического наполнения есть в работе А.К. Аликберова [18, с. 88–89].

4 Так в переводе Н.А. Караулова. Впрочем, и в приведенном им оригинальном тексте источника мы также в этом случае находим – بلنجر. Беленджер, Баланджар – один из ранних хазарских городов на Кавказе. Вокруг окончательной его локализации в историографии существует определенная дискуссия

предался великой радости и приказал устроить для себя на моле трон из золота; потом поднялся на него, воздал хвалу Богу и прославил Его, и сказал: “О, Ты, Господь Господствующих! Ты внушил мне укрепление этого пограничного места и укрощение (этим способом) врагов! Слава Тебе! Вознагради меня хорошо и верни меня из моего отсутствия на Родину!„ Потом он встал на колени и поклонился, а затем лег на свой ковер и вздремнул. В это время поднялось из моря нечто выходящее, что закрыло своей величиной весь горизонт; вместе с ним поднялось облако и затмило свет; опустилось оно около мола, а всадники бросились к своим лукам. Царь проснулся от страха и спросил: “Что с вами случилось?„. Те ему сказали. А он им ответил: “Спрячьте ваше оружие. Великий и могущественный Господь не мог внушить мне удалиться из родины моей на 12 лет для возведения укрепления этой границы на пользу рабам Господа и для успокоения обитателей земли Его, чтобы потом отдать власть надо мною какому-то морскому чудовищу„. Всадники удалились, а это нечто, поднявшееся из моря, направилось к молу, забралось на него, а затем сказало: “О, царь! Я один из обитателей моря. Видел я эту границу, укрепленную семь раз, и открыл Господь Великий и Могущественный нам, обществу морских обитателей, что пошлет он царя, время которого совпадет с твоим временем, и вид которого совпадает с твоим видом, для укрепления этой границы и укрепит этот царь ее на веки. Ты – этот царь, и да наградит Господь тебя сторицей и да поможет во всяком добром деле; да продлит Он жизнь твою и да успокоит в день величайшего страха (в день Страшного суда) страх твой„. Сказав это, морское животное нырнуло в море» [35, с. 17–19].

Следует признать, что рассказ из «‘Аджа’иб ад-дунйа» лишь незначительно отличается от сведений, приводимых Ибн ал-Факихом: любопытной деталью следует признать указание на неоднократное разрушение и возведение оборонительных сооружений, а также отсутствие связи между стеной и конкретными населенными пунктами у анонимного автора. Еще одной любопытной деталью является указание на «праведность» самого Хосрова I Ануширвана, и значение восстановления стены, которое он предпринял, так что теперь эта постройка должна просуществовать до самого «Судного дня». Впрочем, в этой истории угадывается представление о существовании в этом районе укреплений до постройки стены, которая была предпринята упомянутым персидским правителем. Не вызывает сомнений историографическая преемственность между «‘Аджа’иб ад-дунйа» и более ранними трудами Наджиба Хамадани и Ибн ал-Факиха, при том, что подобный эпизод не встречается в целом ряде ранних географических текстов [См.: 30, с. 108–109, 135; 28, с. 212; 31, p. 160]. Любопытным кажется упоминание Ибн ал-Факихом неких «персидских известий», из которых он, по-видимому, заимствовал, частично или полностью, свой рассказ о Хосрове I Ануширване. Впрочем, это лишь предположение и в равной степени эти «известия» могут быть всего лишь авторской выдумкой. При этом, помимо «‘Аджа’иб ад-дунйа», этот эпизод, по крайней мере частично, фигури-

[37, с. 254, комм. 90; 8, с. 122–123; 38, с. 46–51; 31, p. 453. См.: 6, с. 43–60].

рует в других сочинениях XIII в.: у Закарийи ал-Казвини в «Аджаиб ал-махлукат ва гараиб ал-мавджудат» («Чудеса тварей и диковинки существующего») в разделе о «горе ал-Кабк» можно увидеть первую часть этого рассказа [39, с. 107].

Третий из использованных нами географических текстов был мало востребован исследователями, которые, за редким исключением, предпочитали использовать в своих работах более известные памятники. Речь идет о сочинении Мухаммада ибн Наджиба Бакрана известного под названием «Джахан-намэ» («Книга о мире»), о существовании которого европейским ученым было известно уже с 1862 г., как отметил в издании текста этого памятника Ю.Е. Борщевский [7, с. 5]. Несмотря на интерес исследователей XIX – начала XX в. к этому источнику, а также частичные публикации самого текста и его переводов, вплоть до 1960-го г. полный текст сочинения был недоступен широкому кругу специалистов [7, с. 5–7]. Однако и подготовленное Ю.Е. Борщевским издание «Джахан-намэ» не оказало существенного влияния на использование этого источника исследователями истории Северного Кавказа: к данному памятнику обращались специалисты преимущественно по смежной проблематике. В качестве примера можно привести классическую монографию А.П. Новосельцева «Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа», где данный памятник упомянут в обзоре исторических источников, хотя сведений о нем приводится немного. «В одной рукописи с «Худуд ал-Алам» находится еще один географический источник на персидском языке. Называется он «Джаханнаме» («Книга мира») и написан неким Наджибом Бекраном в первой четверти XIII в. Источник издан фототипическим способом вместе с вариантом его по парижской рукописи XV в. Сведения о хазарах в нем краткие и в целом известные» [8, с. 21]. Есть упоминание о нем в «Материалах по истории Туркмен и Туркмении»: «Географическое сочинение, называемое «Джехан-намэ», то есть «Книга о мире», или «Описание мира», было написано для хорезмшаха Ала-ад-дина Мухаммеда ибн Текеша (596—617 = 1200—1220) и служило одним из источников для географического труда Хафиз-и-Абру, о котором см. ниже» [9, с. 49]. Любопытно, что в этом же издании указывается и на позднюю компиляцию труда Наджиба Бакрана, что говорит о значимости «Джахан-намэ» для средневековых авторов. «В рукописи Института востоковедения Академии Наук СССР (А 672) мы имеем позднее географическое сочинение конца XV в. «Месалик ва мемалик» Са'ида Джурджани, вторая часть которого представляет собою сокращение «Джехан-намэ»; оно использовано для разночтений в тексте» [9, с. 49].

Относительно самого автора «Джахан-намэ» было много сказано В.В. Бартольдом [40, с. 37] и А.А. Ромаскевичем [9, с. 49], а также непосредственно Ю.Е. Борщевским [7, с. 10–11], мы же скажем несколько слов лишь об источниках, на которых базировалось это сочинение. Среди них можно отметить уже упомянутое нами сочинение ал-Истахри, а также сочинение Ибн Хордадбеха «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран»): «Мухаммад ибн

Наджиб Бакран заимствовал очень много сведений из *Масалик ал-мамалик* и распределял их по различным главам своей книги» [7, с. 12]. Впрочем, как отмечает Ю.Е. Борщевский, гораздо большую роль для Наджиба Бакрана при формировании его текста сыграли сочинения ал-Бируни: «У последнего (т.е. Ибн Хордадбеха. – *Д.Т.*) Мухаммад ибн Наджиб Бакран заимствовал ряд фактических данных о различных пунктах земли, тогда как в сочинениях ал-Бируни он нашел не только фактический материал, но и теоретическую концепцию строения мира, которую и положил в основу своей работы» [7, с. 14]. Также в основу «Джахан-намэ» легли и иные сочинения, часть из которых до нас не дошла, что делает этот памятник еще более значимым для исследователей [См.: 7, с. 11–16]. Что касается интересующего нас источника, то он представляет собой карту и пояснительные главы к ней: «Цель, для которой было написано *Джахан-наме,* определена самим автором в предисловии: трактат написан как дополнение к карте, с тем, чтобы описать некоторые изображенные на ней пункты *(*л. 16). Трактат состоит из предисловия автора, в котором изложены причины, побудившие его составить карту и написать *Джахан-наме* (лл. 16—2а), и двадцати небольших глав» [7, с. 20]. Уже Ю.Е. Борщевский отмечает, что в одной из глав Наджиб Бакран упоминает Сарир: «Последняя – двадцатая – глава (л. 25а) содержит пять не связанных друг с другом рассказов: легенду о спящих отроках эфесских (л. 25а); повествование о стене, воздвигнутой Александром Македонским против народов Йаджудж и Маджудж; описание области хазар, в котором также упомянуты два племени русов (л. 26б) – «внутренние» *(андаруни)* и «наружные» *(бируни),* и область Сарир; описание Испании (Андалус); описание Ферганы (л. 26б)» [7, с. 21].

При внимательном чтении этого раздела труда Наджиба Бакрана (л. 26б. – *Д.Т.*) можно сделать несколько интересных выводов: прежде всего, это касается, конечно, описания хазар. Несмотря на то, что эта статья посвящена несколько иным сюжетам, кратко обозначим несколько важных моментов. В «Джахан-намэ» указано, что «Хазар» лишь название большого региона, в то время как его столицей является город «Хамлах», который, по мнению, автора также носит название «Итиль» [7, л. 26б; См. также: 16, с. 41]. Относительно самого этого топонима, «Хамлах/Хамладж», равно как и о соотнесении его с «Итилем», можно найти достаточно подробные объяснение в работе Питера Голдена, который базировал при этом свои выводы на более ранних арабо-персидских сочинениях, нежели «Джахан-намэ» [41, p. 228–234]. Не менее любопытно указание Наджиба Бакрана на то, что хазары состоят из двух племен, которые он называет «белокожие хазары» и «черные хазары» [7, л. 26б]. В данном случае понятно, что эти сведения наш автор заимствовал у более раннего ал-Истахри, который являлся одним из источников для «Джахан-намэ», о чем нами уже было сказано выше [См.: 7, с. 12]. «Хазары не похожи на Турок; они черноволосы и их два класса: одни называются «Карахазары»; они смуглы, даже почти черные, подобно индийцам; другой класс – белый, видный по красоте и наружным качествам» [16, с. 49]. Ровно такие же данные в этом случае приводит в своем сочинении и Наджиб Бакран.

По интересующей нас проблематике стоит отметить большой отрывок, посвященный Сариру, где автор, прежде всего, объясняет происхождение названия этого государства. «Рядом с хазарами есть область, которую там называют Сариром. Столицу этой области называют Сахеб Сарир, а также эту область называют ал-Сарир. Сарир – в переводе с арабского означает престол и эту местность по этой причине называют Сариром, поскольку в древние времена один из персидских правителей завоевал эту область. А [был он] Падишах могучий и выдающийся правитель, грозный и великий, и там соорудил золотой трон, и восседал на нем. Когда тот правитель воссоединился с милостью Божией, народ этой области почитал этот престол, и никакой другой правитель на него более не восседал из уважения к тому Падишаху. Некоторые рассказывают, что престол тот остается в том месте до сего дня» [7, л. 26б][5]. Можно предположить, что и это сообщение Наджиба Бакрана было заимствовано, с некоторыми дополнениями, из труда все того же ал-Истахри. У последнего рассказ об этом звучит следующим образом: «Народ Серира (трона) – христиане; говорят, что этот трон из золота принадлежал некоему из персидских царей; по прекращении их владычества трон этот был отвезен в страну Серир; и отвез его один из царей персидских, как я узнал, потомок Бахрам-Джубина. Власть там до сих пор принадлежит его потомкам. Говорят, что трон этот был делан для одного из Хосроев несколько лет. Между Сериром и мусульманами перемирие» [16, с. 49].

В сравнении с этим отрывком становится понятно, что Наджиб Бакран в своем рассказе о Сарире опустил все имена собственные, упоминая лишь некоего «Падишаха» персов. Однако, в отличие от ал-Истахри, он указывает на почитание «трона» среди местного населения, а его замечание о том, что никто из правителей Сарира не садится более на этот золотой трон противоречит приведенному выше сообщению из «‘Аджа’иб ад-дунйа», где сказано, что «в день Науруза правитель Сарира идет туда, где стоит трон, садится на него и берет на себя обязательства, дает обещания, приносит обеты и уходит» [22, с. 213]. Для сравнения хотелось бы привести здесь еще одно описание Сарира, которое обладает и схожими чертами, как, впрочем, и отличиями по сравнению с упомянутыми выше – это данные из «Мурудж аз-захаб ва ма’адин ал-джавахир» («Золотые копи и россыпи самоцветов») Абу-л-Хасана Али ибн ал-Хусейна ал-Масу’ди. «Затем идет [владение] царя *Сарира,* который зовется Филан-шах (Килан-шах?) и исповедует христианство. Как мы уже упоминали в этой книге, он — потомок Бахрама Гура и получил титул «Владетеля трона» *(сахиб ас-сарир),* потому что Йездегирд, последний сасанидский царь, отступая после поражения, отослал в это царство свой золотой трон, свои сокровища и имущество с неким потомком Бахрама Гура, чтобы тот хранил их до его (Йездегирда) прихода. Затем Йездегирд отправился в Хорасан и был убит там в правление халифа Османа б. Аффана, как уже упоминалось. Этот человек поселился в этой области и захватил в ней царскую власть, и престолонаследие осталось в его

5 Автор благодарит за ценные советы и помощь в работе с текстом рукописи Б.В. Норика.

семье. Его стали называть «Владетель трона», а его столица называлась Дж.мр. дж (Хумзах, или Хунзах). У него было 12 тыс. селений, из которых он набирал столько слуг (или рабов, *йаста›биду),* сколько желал. Его страна суровая, и по этой причине недоступная, будучи расположена на одном из отрогов Кабха. Царь совершает нападения на хазар и одерживает победы над ними, потому что они на равнине, а он в горах» [27, с. 203-204; 42, p. 41–42].

Как видно из приведенных выше примеров, вокруг Сарира и его правителя в арабо-персидской историографии существует устойчивая традиция описания происхождения данного топонима и его интерпретация. В этом отношении Наджиб Бакран продолжает линию ал-Истахри, добавляя к ней лишь отдельные детали и опуская то, что, по его мнению, не столь уж важно. Впрочем, в «Джахан-намэ» упоминается также и Дербент (Баб ал-абваб), однако о нем говорится вскользь: в разделе, посвященном описанию расстояния между географическими объектами, Наджиб Бакран пишет о том, сколько фарсахов между Бардой (Берда'а, Бердаа) и Баб ал-абвабом [7, л. 4а]. Автор не приводит легенд, касающихся Баб ал-абваба или истории его основания, упоминая лишь о том, что его также именуют Дербентом (7] (دربند, л. 4а]. Подобная краткость объясняется характером самого этого раздела «Джахан-намэ» – непосредственно данный лист рукописи (4а) должен быть посвящен описанию морей, как указывает Ю.Е. Борщевский [7, с. 20], однако примерно половина его содержит информацию о расстоянии между различными городами известного автору мира [7, л. 4а].

Подводя итоги этого исследования, хотелось бы отметить несколько важных моментов. Несмотря на очевидную историографическую зависимость от более ранних текстов, географические сочинения первой половины XIII в. обладают собственной значимостью и содержат весьма любопытные сведения, в том числе по истории средневекового Дагестана. При этом, если труд Йакута ал-Хамави уже использовался исследователями для реконструкции истории указанного региона, а также в целом достаточно востребован, то «'Аджа'иб ад-дунйа» и «Джахан-намэ» требуют более пристального внимания со стороны ученых. Относительно особенностей содержащейся в представленных памятниках информации о Дагестане, то здесь следует сказать, что в «Му'джам ал-булдан» Йакут ал-Хамави мы находим большой массив сведений и о Дербенте (Баб ал-абвабе), и о различных народах, проживающих в этом регионе и сопредельных территориях. Кроме того, в нем есть рассказ о Сарире, который, впрочем, базируется на более раннем тексте ал-Истахри, цитата из которого также приведена нами в этой статье. Тем не менее, в состав сочинения Йакута ал-Хамави включены также отдельные сведения о Дагестане из других более ранних географических сочинений, а также авторские добавления.

В свою очередь, сведения из «'Аджа'иб ад-дунйа» в большей степени связаны с трудом Наджиба Хамадани, которы использовал в данном случае сочинение Ибн ал-Факиха. Однако анонимный автор включил в свой труд целый ряд существенных и весьма интересных добавлений, из которых нами были отмече-

ны детали описания строительства укреплений Хосровом I Ануширваном на Кавказе: в отличие от текста Ибн ал-Факиха, в «‘Аджа’иб ад-дунйа» указано на неоднократное строительство и разрушение крепостных стен, построенных на Кавказе предшествующими персидскому царю правителями. Кроме того, в отличие от более ранних авторов, создатель этого текста не привязывает укрепления, созданные по приказу Хосрова I Ануширвана к конкретному населенному пункту или иному географическому объекту: его, по видимому, больше интересовал сам факт явления персидскому царю некоего «морского обитателя» и указание на то, что данная стена простоит «вплоть до Страшного суда», нежели локализация самих этих укреплений. Еще одной важной деталью кажется нам то, что в «‘Аджа’иб ад-дунйа» указано на то, что жители Сарира мусульмане: по крайней мере, указано, что они принимают у себя «улемов», а вот Йакут ал-Хамави в данном случае повторяет сведения из более ранних источников, где указывается на то, что жители этого региона – христиане.

«Джахан-намэ» Наджиба Бакрана ценно для нас по той причине, что в этом тексте приводится легенда о том, откуда пошло название области «Сарир», которая представляет собой авторское переложение такой же легенды из сочинения ал-Истахри. Впрочем, при сравнении этих текстов заметно, что Наджиб Бакран опустил многие детали, которые есть в более раннем сочинении, добавив указание на то, что «золотой престол» до сих пор почитается жителями Сарира и находится непосредственно в этой области. Любопытно, что краткий пересказ этой легенды есть и в «‘Аджа’иб ад-дунйа» с той лишь разницей, что в «Джахан-намэ» особенно подчеркивается тот факт, что на «престол» никто не может сесть, даже местные владыки. Как видно из нашего исследования, сравнение более ранних и более поздних арабо-персидских географических сочинений позволяет не только установить, откуда авторы XIII в. черпали свои сведения о Дагестане, но выделить различия между их рассказами о данном регионе. Несомненно, в одной статье вряд ли возможно полностью выделить все нюансы развития арабо-персидской географической литературы и содержащихся в ней сведений по интересующей нас проблематике, даже если сузить временной промежуток до первой половины XIII в. Однако, мы надеемся, что наша статья привлечет внимание специалистов к представленным текстам, а также к тем памятникам арабо-персидской литературы, которые не были рассмотрены нами, что позволит лучше понимать эволюцию представлений о Дагестане в средневековых географических сочинениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. A history of Persian literature. Volume X. Persian historiography / Ed. by Ch. Mellvile. London, New York: I.B. Tauris, 2012.

2. *Ducene J-P.* Al-Idrīsī, la géographie et les religions // Geography and Religious Knowledge in the Medieval World / Ed. by Chr. Mauntel. Berlin: De Gruyter, 2021. P. 141-160.

3. *Ducene J-P.* Les encyclopédies et les sciences naturelles dans le monde arabe médiéval (XIIe – XIVe siècle) // Encyclopédire. Formes de l'ambition encyclopédique dans l'Antiquité et au Moyen Age / Ed. by A. Zucker. Turnhout: Brepols, 2013. P. 201-212.

4. *Meisami J.S.* Persian Historiography to the End of the Twelfth Century. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999.

5. *Shapira Dan D.Y.* Iranian Sources on the Khazars // The World of the Khazars: New Perspectives / Ed. By Peter B. Golden, Haggai Ben-Shammai, and András Róna-Tas. Leiden: Brill, 2007. P. 291-306.

6. *Тимохин Д.М.* Сведения по *истории* Дагестана в анонимном персидском сочинении 1126 г. // История, археология и этнография Кавказа. Махачкала, 2021. Т. 17. № 1. С. 43-60.

7. *Муḥаммад ибн Наджӣб Бакрӑн.* Джахӑн-нӑме (Книга о мире) / Издание текста, введение и указатели Ю. Е. Борщевского. М.: Наука, ГРВЛ, 1960.

8. *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990.

9. Материалы по истории туркмен и Туркмении. VII-XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1939.

10. *Йакут ал-Хамави.* Му'джам ал-Булдан [Словарь стран] (Сведения об Азербайджане). Баку: Элм, 1988.

11. *Barbier de Meynard C.* Dictionnaire geographique, historique et litteraire de la Perse et des contrees adjacentes. Extrait en traduction fransaise avec quelques texts originaux, du Mo'djem el-Bouldan, dictionnaire des pays, de Ibn Abdallah el-Roumi el-Hamawi Yaqout, 1179-1229 a.d. et complete a l'aide de documents arabes et persan pour la plupart inedits avec preface analytique et des notes critiques. Amsterdam: Philo Press, 1970.

REFERENCES

1. *A history of Persian literature. Volume X. Persian historiography. Ch. Mellvile (ed.).* London, New York: I.B. Tauris, 2012.

2. Ducene J-P. Al-Idrīsī, la géographie et les religions. *Geography and Religious Knowledge in the Medieval World.* Chr. Mauntel (ed.). Berlin: De Gruyter, 2021:141-160.

3. Ducene J-P. Les encyclopédies et les sciences naturelles dans le monde arabe médiéval (XIIe - XIVe siècle). *Encyclopédire. Formes de l'ambition encyclopédique dans l'Antiquité et au Moyen Age. A. Zucker (ed.).* Turnhout: Brepols, 2013:201-212.

4. Meisami JS. *Persian Historiography to the End of the Twelfth Century.* Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999.

5. Shapira Dan DY. Iranian Sources on the Khazars. *The World of the Khazars: New Perspectives. Peter B. Golden, Haggai Ben-Shammai, and András Róna-Tas (eds.).* Leiden: Brill, 2007:291-306.

6. Timokhin DM. Information on the history of Dagestan in an anonymous Persian work of 1126 *History, archeology and ethnography of the Caucasus.* 2021 17(1): 43-60. (In Russ)

7. Muhammad ibn Najib Bakran. *Jahan-nameh (Book about the world). Text edition, introduction and indexes by Yu. E. Borshchevsky.* Moscow: Nauka, 1960. (In Russ)

8. Novoseltsev AP. *Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus [Khazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoy Evropy i Kavkaza].* Moscow: Nauka, 1990. (In Russ)

9. *Materials on the history of the Turkmen and Turkmenia. VII-XV centuries. Arab and Persian Sources [Materialy po istorii turkmen i Turkmenii. VII-XV vv. Arabskie i persidskie istochniki]. S. L. Volin, A. A. Romaskevich and A. Yu. Yakubovsky (eds.).* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1939. (In Russ)

10. Yaqut al-Hamawi. *Mu'jam al-Buldan (Dictionary of countries). Information about Azerbaijan.* Baku: Elm, 1988/ (In Russ)

11. Barbier de Meynard C. *Dictionnaire geographique, historique et litteraire de la Perse et des contrees adjacentes. Extrait en traduction fransaise avec quelques texts originaux, du Mo'djem el-Bouldan, dictionnaire des pays, de Ibn Abdallah el-Roumi el-Hamawi Yaqout, 1179-1229 a.d. et complete a l'aide de documents arabes et persan pour la plupart inedits avec preface analytique et des notes critiques.* Amsterdam: Philo Press, 1970.

12. Gizbulaev MA. Arabic sources about the medieval history of the North Caucasus: Mu'jam al-Buldan Yaquta al-Hamawi about Dagestan [Arabskie istochniki o srednevekovoy istorii Severnogo

12. *Гизбулаев М.А.* Арабские источники о средневековой истории Северного Кавказа: Му›джам ал-Булдан Йакута ал-Хамави о Дагестане // Проблемы востоковедения. 2020. № 1 (87). С. 32-39.

13. *Гизбулаев М.А.* «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» Ибн Хордадбеха и «Китаб ал-булдан» ал-Йа'куби: арабские географические источники о средневековой истории Дагестана // Проблемы востоковедения. 2017 №4 (78). С. 63-70.

14. Kitāb Muʿğam al-buldān / taʾlīf aš-Šaiḫ al-Imām Šihāb-ad-Dīn Abī-ʿAbdallāh Yāqūt Ibn-ʿAbdallāh al-Ḥamawī ar-Rūmī al-Baġdādī / Ed. by B. von Dorn. Leipzig: F. A. Brockhaus in Comm., 1866. Bd. 1.

15. Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Т. 1. Арабские источники VII–X вв. М.; Л.: АН СССР. 1960.

16. *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература // Крачковский И. Ю. Избр. соч. М.; Л., 1957. Т. IV. С. 15–761.

17. Compendium libri Kitab al-boldan auctore Ibn al-Faqih al-Hamadhani / M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum Leiden: Brill,1885.

18. *Аликберов А.К.* Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI-XII вв.) / Ответственный редактор С.М. Прозоров. М.: Вост. лит., 2003.

19. *Бейлис В.М.* Из истории Дагестана VI–XI вв. (Сарир) // Исторические записки. Вып. 73. М., 1963. С. 249-266.

20. *Тахнаева П.И.* Христианская культура средневековой Аварии (VII—XVI вв.) в контексте реконструкции политической истории. Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2004

21. *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X–XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1975.

22. 'Аджа'иб ад-дунйа / Критич. текст, пер. с перс., введ., коммент. и указатели *Л.П. Смирновой*. М.: Восточная литература, 1993.

23. *Миклухо-Маклай Н.Д.* Географическое сочинение XIII в. на персидском языке // Ученые записки Института востоковедения. Том IX. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1954. С. 175–219.

24. *Дмитриева Л.В.* Рукопись тюркского перевода персидского географического

Kavkaza: Mu'dzham al-Buldan Yakuta al-Khamavi o Dagestane]. *Problems of Oriental Studies*. 2020, 1(87): 32-39. (In Russ)

13. Gizbulaev MA. "Kitab al-masalik wa-l-mamalik" by Ibn Khordadbeh and "Kitab al-buldan" by al-Ya'qubi: Arab geographical sources about the medieval history of Dagestan [«Kitab al-masalik va-l-mamalik» Ibn Khordadbekha i «Kitab al-buldan» al-Ya'kubi: arabskie geograficheskie istochniki o srednevekovoy istorii Dagestana]. *Problems of Oriental Studies*. 2017, 4(78): 63-70. (In Russ)

14. *Kitāb Muʿğam al-buldān / taʾlīf aš-Šaiḫ al-Imām Šihāb-ad-Dīn Abī-ʿAbdallāh Yāqūt Ibn-ʿAbdallāh al-ʿamawī ar-Rūmī al-Baġdādī. B. von Dorn (ed.)*. Leipzig: F. A. Brockhaus in Comm., 1866 Bd. one.

15. *Ancient and medieval sources on ethnography and history of sub Saharan Africa. Vol. 1 Arab sources of the 7th – 10th centuries [. Drevnie i srednevekovye istochniki po etnografii i istorii Afriki yuzhnee Sakhary. T. 1 Arabskie istochniki VII–X vv.]*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1960. (In Russ)

16. Krachkovsky IYu. Arabic geographical literature [Arabskaya geograficheskaya literatura]. *Krachkovsky I. Yu. Selected works*. Moscow; Leningrad, 1957 Vol. IV: 15-761. (In Russ)

17. Compendium libri Kitab al-boldan auctore Ibn al-Faqih al-Hamadhani / M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum Leiden: Brill, 1885

18. Alikberov AK. *The era of classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr al-Darbandi and his Sufi encyclopedia "Raikhan al-haqa'ik" (XI-XII centuries) [Epokha klassicheskogo islama na Kavkaze: Abu Bakr ad-Darbandi i ego sufiyskaya entsiklopediya «Raykhan al-khaka'ik» (XI-XII vv.)]. S.M. Prozorov (ed.)*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003. (In Russ)

19. Beilis VM. *From the history of Dagestan of VI-XI centuries (Sarir) [Iz istorii Dagestana VI–XI vv. (Sarir)]. Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1963: 249-266. (In Russ)

20. Takhnaeva PI. *Christian culture of medieval Avaria (VII-XVI centuries) in the context of the reconstruction of political history [Khristianskaya kul'tura srednevekovoy Avarii (VII—XVI vv.) v kontekste rekonstruktsii politicheskoy istorii]*. Makhachkala: Epoha Publ., 2004. (In Russ)

21. Shikhsaidov AR. *Dagestan in the X-XIV centuries. Experience of socio-economic characteristics [Dagestan v X–XIV vv. Opyt sotsial'no-ekonomicheskoy kharakteristiki]*. Makhachkala: Dagknigizd, 1975/ (In Russ)

22. *'Aja'ib ad-Dunya. Critic. text, trans. from Pers., intr., comm. and indexes by L.P. Smirnova*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1993/ (In Russ)

сочинения «‘Аджа’иб ал-махлукат» в ГПБ в Ленинграде // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1973. М.: Наука, ГРВЛ, 1979. С. 101—118.

25. *Миклухо-Маклай Н.Д.* Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения / Отв. ред. В.И. Беляев, Д.И. Тихонов. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1955.

26. *Viae Regnorum*. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farice al-Istakhri / ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum Leiden: Brill, 1870.

27. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда в X–XI веках. М.: Издательство восточной литературы, 1963.

28. *Шагинян А.К.* Арабо-мусульманская историография IX в. о странах и народах Кавказа, Армянского нагорья и смежных областей. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.

29. *Кикнадзе Р.К.* Сведения «Диковинок мира» о Грузии и Кавказе / Изд. И пер. Р.К. Кикнадзе. Тбилиси: Мецниереба, 1978.

30. *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран / Пер. Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986.

31. Ḥudūd al-ʿĀlam: “The Regions of the World”, A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. 2nd ed., with the preface by V.V. Barthold translated from the Russian and with additional material by the late Professor Minorsky, ed. by C.E. Bosworth. London: Luzac & Co, 1970.

32. *Гаджиев М.С.* Определение абсолютной даты строительства цитадели и северной городской стены Дербента и произведенных трудозатрат (интерпретация среднеперсидской надписи № 3) // Вестник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала, 2006. № 1. С. 78–79.

33. *Гаджиев М.С.* Даг-Бары – Великая Кавказская стена // Дагестанские святыни. Книга 2 / Сост. А.Р. Шихсаидов. Махачкала: Эпоха, 2008. С. 8-38.

34. *Еремян С.Т.* Сюния и оборона сасанидами кавказских проходов // Известия АН СССР (Армянский филиал) №7(12), 1941. С. 33-40.

35. *Караулов Н.А.* Сведения арабских географов IX и X веков по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXI. Тифлис: Упр. Кавказского учебного окр., 1902. С. 1-57.

23. Miklouho-Maclay ND. Geographical composition of the XIII century in Persian. *Proceedings of the Institute of Oriental Studies. Volume IX*. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1954 p. 175-219. (In Russ)

24. Dmitrieva LV. The manuscript of the Turkic translation of the Persian geographical work ‘Aja’ib al-mahlukat in the State Library for Public Relations in Leningrad [Rukopis' tyurkskogo perevoda persidskogo geograficheskogo sochineniya «‘Adzha’ib al-makhlukat» *Written Monuments of the East. Historical and philological research. Yearbook of 1973 [Pis'mennye pamyatniki Vostoka. Istoriko-filologicheskie issledovaniya. Ezhegodnik 1973]*. Moscow: Nauka, 1979:101-118. (In Russ)

25. Miklouho-Maclay ND. *Description of Tajik and Persian manuscripts of the Institute of Oriental Studies [Opisanie tadzhikskikh i persidskikh rukopisey Instituta vostokovedeniya]. V.I. Belyaev, D.I. Tikhonov (eds.)*. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1955 (In Russ)

26. Viae Regnorum. *Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farice al-Istakhri. M. J. de Goeje (ed.)*. Lugduni Batavorum Leiden: Brill, 1870

27. Minorsky VF. The *History of Shirvan and Derbend in the X-XI centuries [Istoriya Shirvana i Derbenda v X–XI vekakh]*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1963/ (In Russ)

28. Shahinyan AK. *Arab-Muslim historiography of the 9th century about the countries and peoples of the Caucasus, the Armenian Highlands and adjacent regions [Arabo-musul'manskaya istoriografiya IX v. o stranakh i narodakh Kavkaza, Armyanskogo nagor'ya i smezhnykh oblastey]*. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 2018/ (In Russ)

29. Kiknadze RK. *Information of “World Wonders” about Georgia and the aucasus [Svedeniya "Dikovinok mira" o Gruzii i Kavkaze]. R.K. Kiknadze (ed.)*. Tbilisi: Metsniereba, 1978. (In Russ)

30. Ibn Khordadbeh. *The Book of Roads and Countries [Kniga putey i stran]. N. Velikhanova (transl.)*. Baku: Elm, 1986. (In Russ)

31. *Hudūd al-ʿĀlam: “The Regions of the World”, A Persian Geography 372 A.H. - 982 A.D. 2nd ed., with the preface by V.V. Barthold, translated from the Russian and with additional material by Professor Minorsky; C.E. Bosworth (ed.)*. London: Luzac & Co, 1970

32. Gadjiev MS. Determination of the absolute date of the construction of the citadel and the northern city wall of Derbent and labor costs (interpretation of the Middle Persian inscription No. 3) [Opredelenie absolyutnoy daty stroitel'stva tsitadeli i severnoy gorodskoy steny Derbenta i proizvedennykh trudozatrat (interpretatsiya sredneper-

36. Gadjiev M.S. Construction Activities of Kavād I in Caucasian Albania // Iran and the Caucasus. № 21. (2017). *P.* 121-131.

37. *Большаков О.Г.* История Халифата. Т.II. Эпоха великих завоеваний. 633 - 656. М.: Восточная литература, 2002.

38. *Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. По материалам археологических исследований и письменным данным / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наук, 1983.

39. *Шихсаидов А.Р.* Закарийа ал-Казвини о Дагестане // Источниковедение истории досоветского Дагестана / Отв. ред. В.Г. Гаджиев. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1987. С. 105-117.

40. *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть 2. Исследование. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1900.

41. *Golden P.B.* Khazar Studies: An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Budapest: Akadémiai Kiadó (Budapest), 1980. V. 1. P. 228-234.

42. *Masʿūdī.* Les prairies d›or [Texte imprimé] / Maçoudi ; texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris : Impr. impériale : puis Impr. nationale, 1861-1877. Vol. 2. 1863.

Статья поступила в редакцию 12.07.2021 г.

sidskoy nadpisi № 3)]. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2006, 1:78-79. (In Russ)

33. Gadjiev MS. Dag-Bary – The Great Caucasian Wall. Dagestan shrines. Book 2 [Dag-Bary – Velikaya Kavkazskaya stena *Dagestanskie svyatyni. Kniga 2]. A.R. Shikhsaidov (comp.).* Makhachkala: Epokha, 2008:8-38. (In Russ)

34. Eremyan ST. Sunia and the defense of the Caucasian passages by the Sassanids [Syuniya i oborona sasanidami kavkazskikh prokhodov]. *Izvestiya of the Academy of Sciences of the USSR* (Armenian branch). 1941, 7(12): 33-40. (In Russ)

35. Karaulov NA. Information of Arab geographers of the 9th and 10th centuries A.D. about the Caucasus, Armenia and Azerbaijan [Svedeniya arabskikh geografov IX i X vekov po R. X. o Kavkaze, Armenii i Azerbaydzhane] *Collection of materials for describing the lands and tribes of the Caucasus [Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza]. Issue XXXI.* Tiflis: Exercise. Caucasian educational environment, 1902: 1-57.

36. Gadjiev MS. Construction Activities of Kavād I in Caucasian Albania. *Iran and the Caucasus.* 2017, 21(2): 121-131.

37. Bolshakov OG. *The history of the Caliphate. Vol. II. The era of great conquests. 633-656 [Istoriya Khalifata. T.II. Epokha velikikh zavoevaniy. 633-656].* Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002.

38 Magomedov MG. *Formation of the Khazar Kaganate. Based on materials from archaeological research and written data [Obrazovanie Khazarskogo kaganata. Po materialam arkheologicheskikh issledovaniy i pis'mennym dannym].* S.A. Pletnev (ed.). Moscow: Nauka, 1983.(In Russ)

39. Shikhsaidov AR. Zakariya al-Kazvini about Dagestan [Zakariya al-Kazvini o Dagestane] *Source study of the history of pre-Soviet Dagestan [Istochnikovedenie istorii dosovetskogo Dagestana]. V.G. Gadjiev (ed.).* Makhachkala, 1987: 105-117.

40. Bartold VV. *Turkestan in the era of the Mongol invasion [Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya. Chast' 2 Issledovanie]. Part 2 Research.* Saint Petersburg: V. Kirshbaum typ., 1900.

41 Golden PB. *Khazar Studies: An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars.* Budapest: Akadémiai Kiadó (Budapest), 1980 Vol. 1:228–234.

42 Masʿūdī. *Les prairies d'or [Texte imprimé] / Maçoudi; texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille.* Paris: Impr. impériale: puis Impr. nationale, 1861-1877. Vol. 2 1863.

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174796-805

Маммаев Мисрихан Маммаевич,
к.и.н., д. иск., главный научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
Misrixan37@mail.ru

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТИТУЛА ФЕОДАЛЬНЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ КАЙТАГА «УЦМИЙ» И ЭТИМОЛОГИИ ОЙКОНИМА «УРЦIМУЦ»

Аннотация. Статья посвящена выяснению происхождения наследственного титула «уцмий» феодальных правителей Кайтага (Хайдакь) – одного из крупных и влиятельных государственных образований средневекового Дагестана, сыгравшего важную роль в политической и идеологической жизни Северо-Восточного Кавказа. Столица Кайтага - крепость Калакорейш (мест. назв. - «УрцIмуц», «УрцIмуци»), где сохранились великолепные памятники истории и культуры периода Средневековья, была административно-политическим, культурным и идеологическим центром Дагестана. В статье приводится обзор мнений ряда авторов XIX–XX вв. о происхождении титула «уцмий». Интерпретации С.М. Броневского, Е.И. Козубского и Б.Г. Малачиханова, возводивших происхождение титула к арабскому понятию «исми» (именитый), еврейскому «оцум» (сильный, мощный) и другим подобным названиям, рассматриваются как неправдоподобные. Верное предположение о местном, дагестанском происхождении титула «уцмий» высказали проф. Р.М. Магомедов, Б.Г. Алиев, А.Р. Шихсаидов, М.С. Гаджиев. Однако в различных версиях исследователей XIX–XX вв. не нашло достоверного объяснения происхождение рассматриваемого титула. Автор статьи выдвигает свою точку зрения по этому вопросу и полагает, что титул «уцмий» восходит к местному, кайтаго-даргинскому названию Калакорейша «УрцIмуц» («УрцIмуци»), бытовавшему в устной форме (разговорной речи), и письменно зафиксированному значительно позднее основания этого селения. В средневековых арабских письменных источниках, местных исторических хрониках и памятниках эпиграфики местное, даргинское название «УрцIмуци» не встречается. В то же самое время самоназванием этого населенного пункта и названием, употребляемым даргинцами в разговорной (устной) речи со дня его основания было и остается «УрцIмуци». Этот ойконим, по мнению автора статьи, произошел от названия горного массива «Урга-муза», что значит «срединная гора», на вершине (плато) которого было основано селение еще до арабских завоеваний в Дагестане.

Ключевые слова: Кайтаг; феодальные правители; титул «уцмий»; происхождение; ойконим УрцIмуц (УрцIмуци); его этимология.

© Маммаев М.М., 2021
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174796-805

Misrikhan M. Mammaev,
Cand. Sci. (History), Dr. of Fine Arts, Principal Researcher
Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
Misrixan37@mail.ru

THE ORIGIN OF THE TITLE "UTSMYI" OF KAYTAG RULERS AND THE ETYMOLOGY OF THE OECONYM "URTSMUTS"

Abstract. The article attempts to reveal the origin of the hereditary title "Utsmyi" of feudal rulers of Kaytag (Khaidaq') – one of the largest state formations of the medieval Dagestan, which played an important role in political and ideological life of the North-East Caucasus. The capital of Kaytag – Qala-Quraysh (local name – "UrtsImuts", "UrtsImutsi"), where magnificent monuments of history and culture of Medieval Age preserved, – was an administrative-political, cultural and ideological center of Dagestan. The author reviews various suggestions on the origination of the title "Utsmyi". Interpretations of S.M. Bronevsky, E.I. Kozybsky and B.G. Malachikhanov, who suggested the origination of the title from the Arabic concept of "ismi" (notable), Jewish "otsum" (powerful, mighty), and other similar names, are considered improbable. R.M. Magomedov, B.G. Aliev, A.R. Shikhsaidov, M.S. Gadjiev suggest a feasible hypothesis about the local, Dagestan origin of the title "Utsmyi". However, researchers of the 19th-20th centuries could not find a reliable explanation for the origin of the title in question. We propose our own view on this issue and suggest that the title "Utsmyi" derives from the local, Kaytag-Dargin colloquial name of Qala-Quraysh "UrtsImuts/ UrtsImutsi", which was recorded in written form long after the foundation of the village. The medieval Arabic written sources, local historical chronicles and epigraphic monuments, however, do not mention the local, Dagestan name "UrtsImutsi". At the same time, the self-designated name and the name, used by the Dargins in colloquial speech since the foundation of this settlement has been and remains "UrtsImutsi". The author explains the etymology of the oeconym from the rock massif "Urga-muza", which means "middle mountain", on the top (plateau) of which the village was founded long before the Arab conquests in Dagestan.

Keywords: Kaytag; feudal rulers; title "outsmyi"; origin; oeconym UrtsImuts (UrtsImutsi); etymology.

© Mammaev M.M., 2021
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2021

Кайтаг (Хайдакь) – одно из сильных и влиятельных феодальных государственных образований Дагестана, игравшее важную роль в политической и идеологической жизни Северо-Восточного Кавказа. Просуществовало с VIII в. до середины XIX в. [1, с. 166]. Первоначальной столицей его было селение Калакорейш, что значит в переводе с арабского крепость курейшитов. До наших дней в нем сохранились великолепные памятники истории и культуры эпохи Средневековья: джума-мечеть XI–XII вв. со штуковым михрабом; медресе; мавзолей правителей Кайтага XVI–XVIII вв.; могильники с саркофагообразными надгробиями XI–XII вв.; надмогильные стелы высокохудожественной отделки XIII–XX вв.; некрополь правителей Кайтага; остатки сигнально-сторожевых башен; памятники арабоязычной эпиграфики и др. Калакорейш «был крепостью, сыгравшей значительную роль в истории народов Дагестана как важный административно-политический, культурный и идеологический центр средневековой эпохи» [2, с. 157].

Феодальные правители Кайтага носили титул «уцмий». Вопрос о его происхождении привлек внимание ряда ученых, тем не менее, ответ все еще не найден. Было выдвинуто несколько версий.

В 1823 г. С.М. Броневский, офицер, участник второго Персидского похода 1796 г., состоявший на военной службе в Тифлисе, в своей книге «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» писал, что «достоинство усмия есть второе по старшинству, поставленное в Дагестане аравитянами. Усмий на арабском языке означает начальника, повелителя» [3, с. 310].

В 1902 г. Е.И. Козубский, преподаватель Темирханшуринского (ныне г. Буйнакск) реального училища и секретарь Дагестанского областного статистического комитета, отмечал: «Владетель Кайтага, поставленный арабами, носил титул исми (именитый), откуда уцмий, власть и достоинство которого уничтожены в 1820 г.»[1][4, с. 18].

По поводу мнений С.М. Броневского и Е.И. Козубского о происхождении титула «уцмий» следует сказать, что каких-либо данных, свидетельствующих о том, что в Раннем Средневековье правитель Кайтага был поставлен арабами, нет. Кроме того, понятие «усмий» (уцмий) не арабское, а дагестанское, точнее – кайтаго-даргинское. Поэтому утверждения указанных авторов мы считаем неправдоподобными.

«Один из представителей дагестанской интеллигенции старшего поколения» [5, с. 175], инженер и историк Б.Г. Малачиханов (1882–1938), репрессированный в 30-е годы XX в., высказал совсем другую версию. Приведем несколько пространную выдержку из его работы «К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане» [6, с. 179–180], чтобы показать, как он интерпретирует термин «уцмий» и какие аргументы приводит для подтверждения своей версии происхождения этого титула.

«В загадочном термине [уцмий], интересующем нас, мы склонны видеть иудейское слово «оцум» (мн. ч. – ацамим), означающее «сильный, мощный».

1 В 1820 г. главнокомандующий кавказским корпусом генерал А.П. Ермолов упразднил уцмийство. Оно было восстановлено в 1838 г. генералом Фезе.

Кто сколько-нибудь знаком с вопросами распространенности иудаизма в прошлом в районе Южданга и Дербента и в частности в ущелье Хайдака, носящем у даргинцев название «Джуфут-Гатта» («Еврейское ущелье»), тот не отвергнет без внимания мое впервые высказываемое в литературе предположение, что вождь Хайдака мог для вящего почета носить звание, почерпнутое из лексикона иудейского языка – языка священных книг древней религии, господствовавшей на значительной части территории доисламского Дагестана. При этом не лишено вероятия и то, что иудейское «оцум» («сильный, мощный») и арабское «усама» (синоним «льва») родственно тождественны по своей общесемитической этимологической природе, в положительном случае выходило бы так, что этот синоним льва у арабов представляет из себя эпитет, характеризующий силу и мощь «царя зверей». Так или иначе, мы видим, что титулы «нуцал» и «уцум» не пользуются в арабо-мусульманской среде Дагестана богобоязненным расположением» [6, с. 180].

Аргументы, приводимые Б.Г. Малачихановым для своей правоты в толковании понятия «уцмий», сильно притянуты, а объяснение происхождения титула (уцмий) выглядит неубедительно. Правитель Кайтага, этнический даргинец, по нашему мнению, не мог сам себе присвоить еврейское звание «оцум», непонятное для окружения, подчиненных и самым широким слоям населения княжества.

Проф. Р.М. Магомедов отмечал, что титул «уцмий» является таким же древним, как и наименование другого дагестанского феодального правителя – «шамхал» [7, с. 222]. Он писал, что «шамхал, уцмий, майсум – титулы правителей Дагестана, ставшие известными в более поздние времена, существовали в народе в иной транскрипции и являются названиями местного происхождения» [7, с. 145].

Проф. Б.Г. Алиев в статье «К вопросу о происхождении кайтагских правителей, их титула и названия Хайдак» [8, с. 83–88] представил обзор мнений ряда исследователей по вопросу происхождения правителей Кайтага и их титула «уцмий», не обозначив свою позицию по этому вопросу. Таким образом, вопрос происхождения титула был им лишь поставлен, но не решен.

Проф. А.Р. Шихсаидов, также приводя обзор мнений исследователей о титуле (должности) «уцмий», писал, что «происхождение термина точно не установлено…» [9, с. 98]. Но он придерживался версии о местном, дагестанском происхождении данного титула. Он указывал, что «дагестанские ученые (Р.М. Магомедов, Х.-М.О. Хашаев) предполагают местное, дагестанское, происхождение звания «уцмий», и это предположение кажется наиболее верным» [9, с. 101].

Составитель «Родословной книги кайтагских эмиров» полагал, что слово «уцмий» (усми) взято от слова «самави», по-арабски в смысле «высокий» (али). Слово это означает «высокий» в смысле «высокий по чину и должности». По отношению к уцмию этот титул употребляется в смысле высокий по своему родству и до сих пор их называют уцмиями» [цитата по: 9, с. 101]. Комментируя

это утверждение, А.Р. Шихсаидов пишет: «Это высказывание не добавляет ничего нового к традиционной концепции, но свидетельствует о ее живучести и важности с точки зрения местной историографии» [9, с. 101].

А.Р. Шихсаидов и М.С. Гаджиев в работе «Комплексные историко-архивные исследования историко-архитектурного туристического комплекса «Кала-Корейш» в Дахадаевском районе Республики Дагестан», касаясь названия сел. Калакорейш, пишут: «Народная этимология названий [УрцIмуц-УркIмуц] сводится к кайтагскому слову «уркIи» – «сердце» и означает якобы «главное поселение» [2, с. 187–188].

На наш взгляд, ни одна из приведенных выше версий точно не объясняет происхождение титула «уцмий». В данной статье нами предпринимается несколько иной подход к выяснению вопроса происхождения титула «уцмий». По нашему мнению, титул «уцмий» имеет местное происхождение и восходит к названию селения «УрцIмуц-УрцIмуци». Жители Кайтага и все даргинцы называют это селение также «УрцIмуц», (даргинцы называют его еще «УркIмуц»), кубачинцы называют «АцIмаце», уцмия называют «усмий»[2], житель селения – «уцIмуцан» (ед.ч.). Калакорейшцы называли себя «аркмакинцами»[3], да и многие даргинцы, которые общались с ними, тоже называли их подобным образом. Название это восходит к понятию «урцIмуцинцы», где в устной, разговорной речи при частом его употреблении буквы (звуки) **у** заменены на **а**, **цI** заменен на **к**, **у** опять на **а**, **ц** заменен на **к**. Название «урцIмуцинцы» в разговорной речи был заменен более удобным для произношения названием «аркмакинцы».

Близость, общность названия сел. «УрцIмуц» (УрцIмуци) и титула «уцмий», их созвучие, очевидны. В названии правителей Кайтага «уцмий» звук **р** выпал, а конечные звуки **уц** заменены на **ий** в процессе длительного и частого употребления ойконима (названия селения). Это сравнительно не сложное объяснение происхождения титула «уцмий». Но перечисленные выше авторы различных версий происхождения титула, на наш взгляд, не смогли верно осветить рассматриваемый вопрос, выводя термин «уцмий» то из арабских слов «исми» (именитый), «самави» (высокий по чину и должности), то из еврейского «оцум» (сильный, мощный) и др. Правы оказались Р.М. Магомедов, Х.-М.О. Хашаев, А.Р. Шихсаидов и М.С. Гаджиев, считающие происхождение титула «уцмий» местного происхождения. Однако, они не объяснили этимологию этого титула.

По всей вероятности, ни С.М. Броневский, ни Е.И. Козубский, ни Б.Г. Малачиханов и другие авторы, писавшие о происхождении титула «уцмий», не знали об устном (разговорном) бытовании названия селения «УрцIмуц» (УрцIмуци). Поэтому происхождение титула «уцмий» возводили к понятиям «исми», «оцум» и другим подобным им названиям.

2 По короткому пути из с. Кубачи в Калакорейш через урочище Беила, ближе к Калакорейшу, находится небольшая поляна, называемая кубачинцами «*усимила дикьа*», что значит «уцмия поляна или равнина». Название это упоминает этнограф Е.М. Шиллинг: «Уцумиля дика за горой Кадышля муда» [10, с. 197]. Название, приводимое Е.М. Шиллингом, не совсем точное, зафиксированное им от местных информаторов. Правильным является название, проводимое нами выше.

3 Название приведено М.Г. Магомедовым и А.Р. Шихсаидовым в их книге «Калакорейш (крепость курейшитов)» [19, с. 18; 19а, с. 21].

Мы уже писали о том, что «в средневековых арабских и персидских письменных источниках и местных, т.е. дагестанских исторических хрониках, арабских рукописных книгах и памятниках эпиграфики» (относящихся к периоду до XIV–XV вв.) название «Кубачи» и его местное, кубачинское название «Угъубаже» не встречаются [12, с. 58]. Так было и с распространенным в средневековых письменных источниках, а в более позднее время и в различных историко-географических трудах с тюркским названием Кала-Корейш – первоначальной резиденции правителей Кайтага – уцмиев. Самоназванием этого населенного пункта и названием, употребляемым даргинцами в разговорной (устной) речи со дня его основания, было и остается ныне «УрцIмуц» (УрцIмуци) (по-кубачински АцIмаце, житель селения уцмуцан (ед. ч.), уцIмуц – жители селения (мн. ч.). Кайтаги иногда называют это селение УркIмуц. Известны и другие, близкие к отмеченным выше, названия. Точно также широко распространённым в средневековых письменных источниках и более поздних историко-географических сочинениях названием известного населенного пункта является персидское название Дербенд, впервые упомянутое в средневековых письменных источниках в VI в. н.э. Однако на протяжении многих веков этот город в разговорной речи даргинцы называли и ныне называют более древним, чем Дербенд, названием Чулли [11 с. 122], а кубачинцы называют его «Чуле» [12, с. 58].

Теперь обратимся к этимологии ойконима «УрцIмуц» (УрцIмуци). Оно произошло, как нам представляется, от названия «Урга муза», что значит «серединная гора». Проф. В.Ф. Минорский в работе «История Ширвана и Дербенда X–XI веков» приводит в скобках название Калакорейша «Ургмузда» [13, с. 129]. Но он не пишет, откуда оно взято, и не объясняет его происхождение и смысловое значение.

«Ургмузда – Ургмуза», возможно, являлось первоначальным названием селения-крепости, основанного местными жителями даргинцами на горной вершине (относительно ровном плато) еще до арабских завоеваний. Со временем это название приняло форму «УрцIмуц», где звук **г** заменен на **цI**, звук **з** заменен на **ц**, окончание **да** пропущено (выпало).

Выбрано было это место для основания селения не случайно, а исходя из соображений надежной обороны от вторжения неприятеля. Как отмечает З.З. Сулейманова, «это живописное место будто бы охраняется самой природой – столь выгодное географическое положение делало населённый пункт надежным укреплением для его жителей, позволяя им веками обороняться от неприятелей…» [14, с. 4].

Следует отметить, что УрцIмуц (УрцIмуци) – не единственное дагестанское селение, название которого произошло от природного объекта – горы. Так, сел. Амузги Дахадаевского района по-амузгински и по-кубачински называется «ГIямудже» (ГIямудгала ще – селение амузгинцев, гIямудган – амузгинец – ед.ч.). Название это восходит к понятию *гIяб муда – три горки*, возвышения. Амузги расположено на трех небольших горных возвышениях, от которых получило

свое название *ГIя[б]мудже*, в котором звук **б** выпал в процессе длительного и частого употребления ойконима [15, с. 61–65].

Другой пример, показывающий происхождение названия селения от природного объекта – сел. Шири Дахадаевского района РД. Ширинцы называют свое селение Хьири. В общепринятом ныне названии Шири звук **хь** заменен на **ш**. *Хьири* на говоре ширинцев означает север. На кубачинском диалекте север звучит как *хьинала* – северная сторона, север вообще. Действительно, сел. Шири расположено в нижней части северного склона горного массива Варха, тянувшегося с востока на запад.

Название других селений Къадар, Цугни, Уркарах и других, происходящих от природных объектов, приводит в своей статье [16, с. 289, 291, 295] этнограф М.-З.О. Османов. Вспомним и то, что название Дагестан тоже происходит от природных объектов – гор: *даг* – тюрк. гора, *стан* – перс. место, страна.

Таким образом, по нашему мнению, титул феодальных правителей Кайтага «уцмий» происходит от даргинского названия селения *УрцIмуц* (*УрцIмуци*), а последний в свою очередь, восходит к понятию *ургa муза* – серединная гора, трансформировавшаяся со временем, в процессе многократного повторения в устной речи, в *УрцIмуц*. Действительно, горный массив, на неприступной вершине которого расположено сел. УрцIмуц – Калакорейш, находится в середине окружающих со всех сторон гор, густо покрытых лесами [19, с. 18–21; 20, с. 21–23].

С какого времени стал использоваться термин «уцмий» точно не установлено. В арабской надписи на надмогильной стеле XIII–XIV вв., находящейся внутри мечети Калакорейша, сообщается о том, что «эта могила владетеля (сахиб) Калакорейша Ах.с.б.р. сына Хиздана» [17, с. 111, №268, с. 193; 18, с. 145, №57, с. 146, рис. 50; 19, с. 125; 20, с. 192]. Л.И. Лавров, который перевел эту надпись на русский язык, писал, что «владелец Калакорейша Ах.с.б.р. сын Хиздана – это самый ранний, неизвестный по другим источникам, предшественник и, возможно, предок усмиев, однако, как видим, еще не носивший титула усми» [17, с. 193]. Правы А.Р. Шихсаидов и М.С. Гаджиев, которые считают, что, если в надписи на надмогильной стеле в мечети Калакорейша «правитель столицы Калакорейша, возможно и всего Кайтага назван не уцмием, а владельцем, владетелем (сахиб) … это не говорит об отсутствии к XIII–XIV вв. термина «уцмий»… В данном случае мы имеем, скорее всего, дело со сложившейся традицией, когда в арабских исторических сочинениях даже по отношению к завоеванным странам употреблялись сложившиеся в халифате социальные термины» [2, с. 192]. Они же пишут о том, что впервые в дагестанской исторической литературе термин «уцмий» в форме «усуми» встречается в хронике Махмуда из Хиналуга, написанной в 861 г. хиджры / 1456–57 г. [2, с. 161]. Этот титул носил Султан Мухаммед-хан, правивший в конце XIV в.» [1, с. 192]. С этого времени «уцмий» – это общепризнанное обозначение правителя Кайтага, просуществовавшее до 1860 г., когда была образована Дагестанская область [2, с. 192].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Муртазаев А.О.* Кайтаг в VIII – первой половине XIX в. (исследование политической истории и роли в системе политических структур Северо-Восточного Кавказа). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, Алеф, 2015. – 490 с.

2. *Шихсаидов А.Р., Гаджиев М.С.* Комплексные историко-архивные исследования Историко-архитектурного туристического комплекса «Кала-Корейш» в Дахадаевском районе Республики Дагестан // Кала-Корейш. Исторические исследования и материалы. Махачкала: ООО «Издательство «Феникс-пресс», 2019. С. 156–212.

3. *БроневскийС.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. II. М., 1823. – 471 с.

4. *Козубский Е.И.* Заметки о памятниках и остатках старины в Дагестанской области // Дагестанский сборник. Вып. I. Сост. Е.И. Козубский. Темир-Хан-Шура: Типография В.М. Сорокина, 1902. Отд. II. – 443 с.

5. *Саидов М.* Предисловие к статье Б.Г. Малачиханова «К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане (материалы по истории Нагорного Дагестана)» // Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Т. XIV. Серия истор. Махачкала, 1965. С. 175–176.

6. *Малачиханов Б.Г.* К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане (материалы по истории Нагорного Дагестана) // Ученые записки ИИЯЛ ДагФАН СССР. Т. XIV. Серия истор. Махачкала, 1965. С. 175–202.

7. *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. – 408 с.

8. *Алиев Б.Г.* К вопросу о происхождении кайтагских правителей, их титула и названия «Хайдак» // Дагестан в эпоху великого переселения народов (этногенетические исследования). Махачкала: Издание ИИАЭ ДНЦ РАН, 1998. С. 83–88.

9. *Шихсаидов А.Р.* Комментарии // Махмуд из Хиналуга. События в Дагестане и Ширване. XIV–XV вв. // Кала-Корейш. Исторические исследования и материалы. Махачкала: ООО «Изд-во «Феникс-пресс», 2019. С. 87–154.

REFERENCES

1. Murtazaev AO. *Kaitag in the 8th – first half of the 19th century (study of political history and role in the system of political structures of the North-Eastern Caucasus) [Kaytag v VIII – pervoy polovine XIX v. (issledovanie politicheskoy istorii i roli v sisteme politicheskikh struktur Severo-Vostochnogo Kavkaza)].* Makhachkala: IHAE DSC RAS, Alef, 2015. (In Russ)

2. Shikhsaidov AR, Gadjiev MS. Comprehensive historical and archival research of the Historical and architectural tourist complex "Qala-Qureish" in the Dakhadayevsky district of the Republic of Dagestan [Kompleksnye istoriko-arkhivnye issledovaniya Istoriko-arkhitekturnogo turisticheskogo kompleksa «Kala-Koreysh» v Dakhadaevskom rayone Respubliki Dagestan] *Qala-Qureish. Historical research and materials [Kala-Koreysh. Istoricheskie issledovaniya i materialy].* Makhachkala: Phoenix-Press Publishing House LLC, 2019: 156-212. (In Russ)

3. Bronevsky SM. The latest geographical and historical news about the Caucasus. Part II [Noveyshie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze. Ch. II]. Moscow, 1823.

4. Kozubsky EI. Notes on monuments and remnants of antiquity in the Dagestan region. [Zametki o pamyatnikakh i ostatkakh stariny v Dagestanskoy oblasti] *Dagestan collection. Issue I [Dagestanskiy sbornik. Vyp. I]. E.I. Kozubsky (comp.).* Temir-Khan-Shura: V.M. Sorokin, 1902. Dept. II. (In Russ)

5. Saidov M. Preface to the article by BG. Malachikhanov "On the question of the Khazar Semender in Dagestan (materials on the history of Nagorno Dagestan)" [Predislovie k stat'e B.G. Malachikhanova «K voprosu o khazarskom Semendere v Dagestane (materialy po istorii Nagornogo Dagestana)»]. *Proceedings of the Institute of history, language and literature of the Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences. Vol. XIV. Series on history.* Makhachkala, 1965:175-176. (In Russ)

6. Malachikhanov BG. On the issue of the Khazar Semender in Dagestan (materials on the history of Nagorny Dagestan) [K voprosu o khazarskom Semendere v Dagestane (materialy po istorii Nagornogo Dagestana)]. *Proceedings of the IHLL DAS USSR. Vol. XIV. Series on history.* Makhachkala, 1965:175-202. (In Russ)

10. *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 224 с.

11. История Дагестана в 4-х томах. Т.1. М.: Наука, 1967. С. 122.

12. *Маммаев М.М.* К вопросу о происхождении названия «Кубачи» и этимологии самоназвания кубачинцев «Угъбуг» (ГIугъбуг) // Дагестан в эпоху великого переселения народов (этногенетические исследования). Махачкала: Издание ИИАЭ ДНЦ РАН, 1998. С. 43–62.

13. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. –265 с.

14. *Сулейманова З.З.* Предисловие // Кала-Корейш. Исторические исследования и материалы. Махачкала: ООО «Изд-во «Феникс-пресс», 2019. С. 4–8.

15. *Маммаев М.М.* Зирихгеран-Кубачи. Очерки по истории и культуре. Махачкала: Издание ИИАЭ ДНЦ РАН, 2005. –250 с.

16. *Османов М.-З.О.* Некоторые вопросы даргинской топонимики (материалы по названиям селений) // Ученые записки ИИЯЛ ДагФАН СССР. Т. XIV. Серия истор. Махачкала, 1965. С. 283–307.

17. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X–XVII вв. Тексты, прилож., коммент., введ. и прилож. Л.И. Лаврова. М.: Наука, 1966. – 300 с.

18. *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984. – 464 с.

19. *Магомедов М.Г., Шихсаидов А.Р.* Кала-корейш (крепость курейшитов). Махачкала: Изд-во «Юпитер». 2000. – 168 с.

20. Кала-Корейш. Исторические исследования и материалы. Махачкала: ООО «Изд-во «Феникс-пресс», 2019. С. 9–154.

7. Magomedov RM. *Socio-economic and political system of Dagestan in the 18th - early 19th centuries [Obshchestvenno-ekonomicheskiy i politicheskiy stroy Dagestana v XVIII – nachale XIX vekov].* Makhachkala: Dagknigoizdat, 1957. (In Russ)

8. Aliev BG. On the question of the origin of the Kaytag rulers, their title and the name "Khaidaq" [K voprosu o proiskhozhdenii kaytagskikh praviteley, ikh titula i nazvaniya «Khaydak» *Dagestan in the era of the great migration of peoples (ethnogenetic studies) [Dagestan v epokhu velikogo pereseleniya narodov (etnogeneticheskie issledovaniya)].* Makhachkala: IHAE DSC RAS, 1998:83-88. (In Russ)

9. Shikhsaidov AR. Comments. Mahmud from Khinalug. Events in Dagestan and Shirvan. XIV-XV centuries [Kommentarii // Makhmud iz Khinaluga. Sobytiya v Dagestane i Shirvane. XIV–XV vv.] *Qala Qureish. Historical research and materials [Kala-Koreysh. Istoricheskie issledovaniya i materialy].* Makhachkala: Phoenix-Press Publ., 2019:87-154. (In Russ)

10. *Shilling EM. Kubachins and their culture. Historical and ethnographic studies [Kubachintsy i ikh kul'tura. Istoriko-etnograficheskie etyudy].* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1949. (In Russ)

11. *History of Dagestan in 4 volumes. Vol. 1.* Moscow: Nauka, 1967. (In Russ)

12. Mammaev MM. On the question of the origin of the name "Kubachi" and the etymology of the self-name of the Kubachins "Ugbug" (GIugbug). *Dagestan in the era of the great migration of peoples (ethnogenetic studies).* Makhachkala: IHLL DSC RAS, 1998:43-62. (In Russ)

13. Minorsky VF. *History of Shirvan and Derbend X-XI centuries [Istoriya Shirvana i Derbenda X–XI vekov].* Moscow: Vostochnaya literatura, 1963.(In Russ)

14. Suleimanova ZZ. Foreword. Q*ala-Qureish. Historical research and materials [Predislovie [Kala-Koreysh. Istoricheskie issledovaniya i materialy].* Makhachkala: Phoenix-Press Publ., 2019:4-8. (In Russ)

15. Mammaev MM. *Zirikhgeran-Kubachi. Essays on history and culture [Zirikhgeran-Kubachi. Ocherki po istorii i kul'ture].* Makhachkala: IHLL DSC RAS, 2005. (In Russ)

16. Osmanov M-ZO. Some questions of Dargin toponymy (materials on the names of villages) [Nekotorye voprosy darginskoy toponimiki (ma-

terialy po nazvaniyam seleniy)]. *Proceedings of the IHLL DAS USSR. Vol. XIV. Series on history*. Makhachkala, 1965:283-307. (In Russ)

17. *Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part 1. Inscriptions of the 10th – 17th centuries [Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh. Ch. 1. Nadpisi X–XVII vv.]. Texts, app., comm., foreword by L.I. Lavrov*. Moscow: Nauka, 1966. (In Russ)

18. Shikhsaidov AR. *Epigraphic monuments of Dagestan X-XVII centuries as a historical source [Epigraficheskie pamyatniki Dagestana X-XVII vv. Kak istoricheskyi istochnik]*. Moscow: Nauka, 1984.(In Russ)

19. Magomedov MG, Shikhsaidov AR. *Qalaqoreish (Quraishites' fortress) [Kalakoreysh (krepost' kureyshitov)]*. Makhachkala: Uypiter Publishing House, 2000. (In Russ)

20. *Qala-Quraysh. Historical research and materials [Kala-Koreysh. Istoricheskie issledovaniya i materialy]*. Makhachkala: Phoenix-Press Publ., 2019. (In Russ)

Статья поступила в редакцию 2.02.2021 г.

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174806-822

Ханмурзаев Исмаил Ибрагимович
младший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
xanmurzaev@yandex.ru

НИСБЫ В МАТЕРИАЛАХ МЕСТНЫХ АРАБОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена актуальной в отечественном востоковедении теме – проблеме идентификации нисб в арабографических документах Северо-Восточного Кавказа. Данная работа носит прикладной характер. Целью написания статьи является выявление наиболее общих закономерностей и характерных особенностей образования и написания нисб в условиях бытования арабского языка в Дагестане. Кроме того, исследователь поставил перед собой задачу составления справочного инструментария в виде словаря нисб с их идентификацией. Проблема написания нисб тесно связана с проблемой письма на арабской графике в Дагестане вообще. В этой связи на основе анализа имеющихся источников дается предварительная периодизация особенностей использования арабской графики на письме. В виду того, что не было единых четко установленных правил правописания нисб, они каждый раз писались по усмотрению автора документа. Это обстоятельство создает серьезные проблемы при переводе и изучении этих документов, затрудняет введение их в научный оборот. Особенно проблематичным это становится для исследователей извне. Источником словаря нисб послужили материалы эпистолографического характера, исторические хроники, памятные и актовые записи, хронографы из частных и примечетских коллекций Дагестана, а также материалы фондов ИИАЭ ДФИЦ РАН, Центрального государственного архива (ЦГА) РД. В результате исследования были выявлены общие тенденции и закономерности образования имен относительных прилагательных, а также составлена таблица нисб, образованных от северокавказских ойконимов. Как было отмечено выше, данная работа в целом носит прикладной характер и предназначена прежде всего для востоковедов, арабистов, а также других исследователей, занимающихся изучением дагестанских арабографических исторических источников.

Ключевые слова: арабистика; нисбы; аджам; кумыкский язык; аварский язык; арабографическая письменность; рукописи; историческая топонимика; топонимы Дагестана; Чечня; Северный Кавказ.

© Ханмурзаев И.И., 2021
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174806-822

Ismail I. Khanmurzaev,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
xanmurzaev@yandex.ru

NISBAS IN THE LOCAL ARABOGRAPHIC SOURCES ON HISTORY OF THE NORTH-EAST CAUCASUS OF THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES

Abstract. The article discusses a topical issue of the Russian Oriental studies – the issue of identification of nisbas in arabographic documents of the North-East Caucasus. The study aims to identify the most general patterns and characteristic features of the formation and writing of nisbas in the context of the Arabic language in Dagestan. Moreover, the author attempts to compile a reference toolkit in the form of a nisba dictionary with their identification. The problem of writing nisbas is closely related to the issue of writing Arabic script in Dagestan in general. In this regard, based on the analysis of available sources, a preliminary periodization of the features of the use of Arabic graphics in writing is given. Since there were no clearly established rules for spelling nisbas, each time they were written at the discretion of the authors of the documents. This condition creates serious problems in the translation and study of these documents, complicates their introduction into scientific use. This becomes especially problematic for foreign researchers. The source of the nisba dictionary was materials of an epistolographic nature, historical chronicles, memorandums and act records, chronographs from private and mosque collections of Dagestan, as well as materials from the collections of the IHAE DFRC RAS, the Central State Archives of the Republic of Dagestan. As a result of the research, general tendencies and patterns of the formation of relative adjectives were identified, and a table of nisbas, derived from the North Caucasian oikonyms, was compiled. The present work is generally of practical nature and is intended primarily for orientalists, Arabists, as well as other researchers of Dagestan Arabographic historical sources.

Keywords: Arabic studies; nisbas; ajam; Kumyk language; Avar language; arabographic writing; manuscripts; historical toponymics; Dagestan toponymy; Chechnya; North Caucasus.

© Khanmurzaev I.I., 2021
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2021

Значимость работы по выявлению и изучению арабоязычных исторических источников была осознана еще в первые годы установления советской власти в Дагестане. Перед коллективом вновь созданного в 1924 г. Института национальных культур (позднее – Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР, а ныне – Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального научного центра Российской академии наук), была поставлена задача организации поисковой работы. С первых лет основания института проводились изыскательные работы по выявлению и сбору арабоязычных рукописей, старопечатных книг, материалов по эпистолографике. В 1963 г. был создан отдел восточных рукописей, и эта работа приняла более планомерный характер [1, с. 424]. Она продолжается и в наши дни. В Дагестане на регулярной основе проводятся археографические и эпиграфические экспедиции, в ходе работы которых обнаруживаются и вводятся в научный оборот новые неизвестные ранее арабографические материалы.

При работе с местными источниками исследователь неизбежно сталкивается с проблемой расшифровывки нисб, топонимов, приведенных в тексте. Проблематика идентификации нисб в той или иной степени оказывалась затронутой в работах советских, российских востоковедов, занимавшихся изучением северокавказских арабографических источников. Среди них необходимо особенно отметить имена таких ученых как М.-С. Саидов, М. Гайдарбеков, А.Р. Шихсаидов, Г.М.-Р. Оразаев, Р.Ш. Шарафутдинова Х.А. Омаров, Т.М. Айтберов. В большинстве своем это выражалось в виде пояснений и комментариев к отдельным нисбам и топонимам из текстов, вводимых в научный оборот новых арабографических источников. Специальных исследований, посвященных собственно нисбам гораздо меньше. К таковым относится не дошедший до нас, но известный по воспоминаниям И.Ю. Крачковского, указатель географических и племенных названий, встречающихся в исторической хронике Мухаммада Тахира ал-Карахи, составленный в предвоенные годы советским кавказоведом А.Н. Генко [2, с. 183]. Проблематике идентификации арабоязычных дагестанских топонимов посвящены несколько специальных работ ныне покойного дагестанского ученого Г.М. Мирзамагомедова. Добротный разбор наиболее распространенных нисб аварского происхождения проведен в статье российского востоковеда М.О. Бобровникова [3, с. 113–133].

Несмотря на наличие ряда работ по указанной тематике, она все еще остается недостаточно изученной и разработанной. В этой связи весьма актуальным в отечественном востоковедении, на наш взгляд, является вопрос создания корпуса нисб, встречающихся в арабографических документах Северо-Восточного Кавказа.

Именно нисбы и особенности их образования в условиях Дагестана являются объектом нашего исследования. Данная работа задумана как один из пробных опытов создания словаря нисб (преимущественно дагестанских и чеченских). При этом автор отдает себе отчет в том, что представленная статья далеко не исчерпывающая и в будущем еще предстоит большая работа по составлению

сводного словаря северокавказских нисб. В целом работа носит прикладной характер, она задумана прежде всего, как справочное пособие, призванное помочь специалистам-источниковедам, арабистам, занимающимся изучением местных арабографических источников.

Наиболее информативными источниками для поставленной задачи являются письма, актовые, памятные записи на арабском и местных языках. Немалый пласт интересующих нас данных содержится также в журналах делопроизводств как царского периода, так и начального периода установления советской власти. Не менее информативными в этом отношении являются местные исторические хроники на арабском, тюркских и других восточных языках, некоторые из которых опубликованы. Определенная информация по этой тематике содержится в материалах по арабской эпиграфике в Дагестане и Чечне.

В большинстве своем изученные источники относятся к периоду между началом XVIII – первой четвертью XX вв., хотя изредка встречаются материалы, датированные 60–70-ми гг. XX в.

Указанные выше материалы хранятся в Фонде восточных рукописей и Научном архиве Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН в г. Махачкала, к ним относятся как эпистолографические источники, так и различные исторические хроники. Еще более значительный массив этих источников, в особенности эпистолографики, содержится в различных фондах Центрального государственного архива Республики Дагестан. Значительное количество писем хранится и в музейных, частных, примечетских коллекциях.

Орфографические особенности арабографической топонимики

Проблема правописания нисб и топонимов тесно связана с арабографическим письмом в Дагестане вообще, которое здесь называлось *аджамом*. В этой связи по предварительным и весьма общим наблюдениям можно выделить несколько этапов в использовании арабского алфавита на Северо-Восточном Кавказе, в первую очередь это касается Дагестана.

Первый этап (не позднее первой половины XVI в.) характеризуется использованием в письме только лишь букв арабского алфавита. Его условно можно назвать архаичным. К его отличительным чертам относится достаточно редкое употребление так называемых «слабых букв» арабского алфавита для передачи гласных звуков, к которым относятся буквы ا «алиф», و «вав» и ي «йа».

На следующем этапе, с середины XVII – начала XIX в. широкое применение получило использование новых графем, образованных на основе уже имеющихся, но с дополнительными диакритическими точками над или под ними.

Не подлежит сомнению влияние иных восточных традиций на преобразование арабского алфавита под нужды местных языков. Очевидно, что первичным источником заимствования дополнительных графем в местных языках служил

северокавказский тюрки, в основе своей восходящий к ордынской арабографической письменной традиции [4, с. 85]. Кроме того, прослеживается влияние иных тюркских (азербайджанского и староосманского) и персидсого языков, знакомство, с которыми вероятно подтолкнуло дагестанских писцов к частичной реформе арабского письма. Таким образом в орфографии местных языков получают распространение графемы для звуков «г» – گ, «п» – پ, «ч» – چ, «ц» – ڒ, а также другие графемы, для передачи консонантной системы дагестанских языков, такие как ڭ , ڵ.

Приблизительно с того же времени на письме стали активнее применяться буквы, обозначающие долгие гласные. Арабский язык отличается от дагестанских языков тем, что его вокальная система четко различает характер звука по краткости и долготе, чего нет в местных языках. В таких обстоятельствах при письме на аджаме звук, обозначающий долгую гласную, может появляться совершенно произвольно. Однако при этом можно наблюдать тенденцию выделять долготой главный ударный слог.

Ну и, наконец, выделяется непродолжительный по длительности третий этап, приходящийся на 20–30-е гг. XX в. В этот период для нужд культурного и языкового строительства в Дагестане по заданию молодого Советского государства для письменных языков был разработан и использовался так называемый реформированный аджам. С введением нового алфавита ситуация с письмом сильно изменилась, теперь вокализм более последовательно отображался на письме. Все эти преобразования, разумеется, самым непосредственным образом коснулись и написания нисб и топонимов.

Образование нисб, в условиях бытования арабского языка в Дагестане, имело свои особенности, прежде всего связанные со спецификой местных языков. Наиболее существенным из них, на наш взгляд, является отсутствие единых установленных норм написания топонимов. Дело заключается в том, что авторы источников, используя арабские буквы, пытались в нисбе, используя границы, задаваемые арабицей, максимально точно передать оригинальное звучание названия населенного пункта. При этом они неизбежно сталкивались со сложностями, обусловленными рядом объективных факторов. Очевидным фактом является то, что звуковой состав арабского языка не совпадает с местными языками. В подобных условиях приходилось приспосабливать систему арабского алфавита для нужд письма местных языков. В большинстве своем в них консонантная система богаче, богаче и вокализм. В сложившихся обстоятельствах писцам на первых порах неизбежно приходилось использовать одну арабскую графему для передачи нескольких разных звуков. Параллельно с этим фиксируются случаи, когда для передачи одного и того же звука используются различные буквы. При этом их употребление никак не регламентировалось, каждый писал на свое усмотрение. В результате слова, написанные арабским шрифтом, в большей степени узнавались, нежели читались.

Принимая во внимание все вышеприведенные обстоятельства, точная идентификация нисб порой бывает затруднительна даже для дагестанских уче-

ных-источниковедов, знакомых с местной географической номенклатурой, не говоря об исследователях извне. Разумеется, человеку, владеющему арабским языком для решения этой задачи, могут помочь карты и географические указатели населенных пунктов. Однако, как показывает практика, простого знакомства с современной географической номенклатурой часто оказывается недостаточно. И этому есть свое объяснение: в исторических источниках в написании ойконимов отражены реалии звучания их в тот период времени, когда эти источники написаны. В местных языках идут естественные, непрерывные, необратимые процессы изменения. И в силу этих преображений нынешнее произношение названия топонима может несколько отличаться от прежнего. В современных географических указателях и картах воспроизведены реалии нашего времени и написание названий населенных пунктов приближено к нормам русской речи. Отсюда появляется «расстояние» между звучанием на местном языке и переложением его на русский язык. В довершение всего приведенные в документах той поры топонимы могут вовсе отсутствовать на современных картах. Они могли быть разрушены, покинуты, переименованы и т.д.

Несомненно, что в каждом отдельном случае на написание нисб оказывал влияние звуковой строй родного языка писца. В виду пространности темы исследования и невозможности, в рамках данной статьи, привести исследуемые сведения по всем письменным (арабографическим) языкам Дагестана, эти особенности будут показаны на примерах кумыкского и аварского языков. Выбор этих двух языков обусловлен следующим обстоятельством. Автор ставил целью, в пределах требований, предъявляемых к объемам статьи, по возможности максимально широко показать своеобразие образования нисб в дагестанских письменных источниках. С этой целью были выбраны указанные выше языки, представляющие две различные языковые группы: кумыкский – тюркские, а аварский – нахско-дагестанские языки. Нам представляется, что исследование в таком формате будет более репрезентативным и содержательным. Кроме того, в расчет принимались и количественные показатели. Дело в том, что наибольшее число исследованных нами источников составлено носителями этих языков.

Каждая из этих групп имеет свои отличительные черты. К примеру сказать, к особенностям тюркской группы относится наличие богатой системы вокализмов, а у нахско-дагестанской – богатая консонантная система. Кроме того, разбор особенностей образования нисб от кумыкских топонимов даст возможность в будущем проследить общие закономерности, сходства и различия в образовании имен относительных в других тюркских языках Кавказа и Средней Азии, использовавших арабский язык в делопроизводстве.

Кумыкский язык

Специальных исследований, посвященных истории возникновения и развития арабографической системы письма (аджам) у кумыков нет. Известно, что

территория проживания кумыкского этноса входила в состав Золотой Орды, в которой, наряду с другими системами письма, не раньше конца XIV в. использовалась арабица. Таким образом, у нас есть веские основания полагать, что после распада Улуса Джучи кумыки как тюркский народ, очевидно, унаследовали в том числе и письменность. Уже концу XV – началу XVI в. мы имеем множественные образцы официального делопроизводства, написанные старокумыкской письменностью (северокавказский тюркиˊ), сформировавшейся на базе официальных традиций Золотой Орды. Вместе с тем, в ходе дальнейшего развития немалое влияние на кумыкский письменный язык оказывали также азербайджанская и османская традиции.

В современном кумыкском алфавите, состоящем из 39 букв отсутствуют эквиваленты 8 из 28 букв арабского алфавита, это – ع , ظ , ط , ض , ص , ذ , ح , ث [5, с. 22]. Тем не менее все они используются на письме, прежде всего в составе заимствованных из арабского языка слов.

Заднеязычный смычный взрывной звук «*къ*» на письме может иногда передаваться через заднеязычный фрикативный «*гъ*». Например, القربداغي [’ал-ӄарабудāғи] и الغربداغي [’ал-ғарабудāғи], القداريّ [’ал-Ӄадāри] и الغداريّ [’ал-Ғадāри] (из с. Кадар).

Фрикативный звук «*с*» в кумыкском языке на арабице может передаваться как через س, так и через зазубный эмфатический ص. Примечательно, что в кумыкском языке не имеется подобия эмфатическому ص, также как в нем нет аналогов остальным подобным звукам ظ, ط, ض. Тем не менее в письме они используются, как было отмечено выше в составе заимствованных из арабского языка слов. В то же время наблюдается некоторая тенденция использовать на письме эфматические буквы в исконно кумыкских словах с корневыми гласными заднего ряда – *а*, *у*, *о*, *ы*, например, اليخصيّ [’ал-Йаӽҫи] (из сел. Аксай). Подобное явление можно наблюдать и в азербайджанском языке – الالصويّ [’ал-Илиҫуўи] (из сел. Илису). Хотя достаточно распространена и параллельная форма الالسويّ [’ал-Илисуўи].

В случае отсутствия аналога какого-нибудь арабского звука он может замещаться ближайшим к нему по месту образования звуком, что соответственно получало отражение и на письме. Так по этой причине, например, нисба кумыкского села Хамза-юрт встречается в двух вариациях الحمزيورتيّ [’ал-Ӽамзайӯрти] и الهمزيورتيّ [’ал-Хамзайӯрти].

Что же касается системы вокализмов в кумыкском языке, то в нем имеются восемь гласных звуков – *а*, *е*, *и*, *о*, *оь*, *у*, *уь*, *ы* [6, с. 196], тогда как в арабском языке гласных всего три – *á*, *и*, *ʾу*. Если для передачи отсутствующих в арабском языке согласных использовались дополнительные графемы, то в отношении гласных аналогичного решения проблемы не наблюдается. Как правило, на письме гласные не передаются. Однако при надобности передача всех этих восьми гласных осуществляется посредством трех имеющихся знаков кратких гласных, либо сочетанием этих гласных с соответствующим им согласных звуков (ا, و, ي). Через знак «даммы» на письме в кумыкском языке могут пере-

даваться как губные, заднего ряда *«у»*, *«о»*, так и переднерядные лабиализованные гласные *«оь»*, *«уь»*, например, нисба от названия сел. Доргели (кум. Д**ё**ргели) пишется الدُرْكِلِيّ [’ад-Дуркили]. Относительное прилагательное от названия сел. Утамыш (кум. **Оь**темиш) имеет форму الاوتامشي [’ал-’Ӯтāмиши], а нисба от сел. Костек (кум. Кёстек) – الكستاكيّ [’ал-Кустāки]. Посредством знака «кясры» передаются негубной гласный переднего ряда *«и»*, негубной переднего ряда «*е*», а также нелабиализованный заднего ряда *«ы»*, например, нисба сел. Казанище (кум. Къазан**ы**ш) الغزانِشي [’ал-Ғазāниши], сел. Темираул (кум. Т**е**миравул) التِمريّ [’ат-Тимири]. И наконец знаком «фатха» передаётся гласный переднего ряда *«а»*, а также переднерядный звук *«е»*, например, нисба от ойконима Буглен (кум. Бугл**е**н) البكلانيّ [’ал-Буклāни].

Аварский язык

Наиболее ранние арабографические записи на аварском языке датируются серединой XV в. Как и в других языках, на раннем этапе в письме использовались одни лишь арабские буквы. Однако для аварского языка, имеющего тридцать три консонанта и пять гласных фонем, этот алфавит не полностью отвечал потребностям. Процесс подстраивания арабского алфавита под нужды аварского языка затянулся на несколько столетий.

На рубеже XVIII в. хунзахским ученым Дибир-кади был разработан алфавит для аварского языка. Позднее для обозначения латеральных звуков «*лъ*», «*л1*» была введена в оборот буква ڸ, где у Дибир-кади наблюдается разнописание [7, с. 140]. Несмотря на имеющиеся недостатки, этот алфавит с некоторыми изменениями использовался вплоть до революции.

В целом письмо на аварском аджаме имело следующие характерные особенности. Дорсально-зубной спирант «*с*» имел несколько буквенных соответствий. Он мог передаваться как буквой س, так и буквой ص, например, الانسكليّ [’ал-Унсукули] и الانصكليّ [’ал-’Унҫукули] (из сел. Унцукуль). Этой фонеме нередко соответствовала на письме также буква ث, например, الثغوريّ [’аҷ-Ҫуғӯри] (из сел. Согратль), الثوخيّ [’аҷ-Ҫиўуӽи] (из сел. Сивух), الثمديّ [’аҷ-Ҫумуди] (из сел. Сомода). Этой же буквой ث могла передаваться аффриката «*ц*», например, الثمريّ [’аҷ-Ҫимири] (из сел. Цемер). Наряду с этим та же самая графема изредка использовалась и для передачи звука «*ш*», например, الهموثيّ [’ал-Хамуҫи] (из сел. Амуши).

Для записи аффрикат «*ч*», «*чI*» помимо графемы چ нередко применялось написание через ج. Например, الجركاويّ [’ал-Джиркāўи] и الچركاويّ [’ал-Чиркāўи’] (из сел. Чиркей), الجنكوتيّ [’ал-Джункӯти] и الچنكوتيّ [’ал-Чунгӯти] (из сел. Дженгутай), الجوخيّ [’ал-Джӯӽи] и الچوخيّ [’ал-Чӯӽи] (из сел. Чох).

Переднеязычные аффрикаты «*ц*» и «*цI*» передавались первоначально графемой ز – الزطنخيّ [’аз-Заṭаниӽи] (из сел. Цатаних), الزبوطيّ [’аз-Зубӯṭи] (из сел. Зубутли). Позднее для этой цели стала использоваться заимствованная из персидского алфавита литера ژ – الژلقيّ [’ал-Цилиқи] (из сел. Цилитль), الژطنخيّ

[’ал-Цаṭаниӽи] (из сел. Цатаних), الزبوطيّ [’ал-Цубṭӯи] (из сел. Зубутли). Вместе с тем нередки случаи использования для записи этих фонем буквы– **س (سّ)** السلليّ [’ас-Силили] (из сел. Цилитль), السطنخيّ [’ас-Саṭаниӽи] (из сел. Цатаних), الهاسّالوخيّ [’ал-Хāссāлӯӽи] (из сел. Гацалух).

Буквой ك передавался целый ряд аварских звуков, как смычных, так и аффрикатов – «*г*», «*к*», «*кI*», «*кк*», «*кIкI*».

Неординарные подходы зафиксированы для передачи на арабице латеральных звуков. Если на ранних этапах для их передачи применялась по большей части одна лишь буква **ل**, то позже наблюдается разнообразие средств. К примеру, для отображения аварского латерального абруптива «*къ*» могли использоваться следующие графемы ط، ق، ڵ. В результате этой вариативности, например, нисба от названия села Голотль имеет три формы: الهلولڵيّ [’ал-Хулӯлли], الهلوطيّ [’ал-Хулӯṭи], الهلوقيّ [’ал-Хулӯқи]. Этот же звук «*къ*» мог передаваться посредством удвоенного *лям* ل, например, العرلخيّ [’ал-‘Арллӯӽи] (из сел. Артлух). После Октябрьской революции для отображения этой же фонемы использовалась графема ق̇, образованная от буквы ق, например القروشيّ [’ал-Курӯши] (из сел. Тлярош).

Подобная ситуация наблюдается и с геминированным и негеминированным латеральным спирантом «*лъ*». Если более раннему периоду характерно применение букв ك и ل, например, الصغركيّ [’аҫ-Ҫуғраки] (из сел. Согратль), الملّقيّ [’ал-Милилқи] (из сел. Мехельта), то позднее он мог передаваться также одной из следующих букв – ق,ڵ, например, المڵلطيّ [’ал-Милилṭи], الاڵيّ [’ал-’Или] (из сел. Итля).

Несколько вариантов написания имел дорсальный спирант «*хъ*», получивший на письме следующие буквенные вариации: ه и ڭ ,(ك) ك. Например, الكنيّ [’ал-Кини] и الڭنيّ [’ал-Кини] (из сел. Хинуб), الهندخيّ [’ал-Хиндаӽи] и الكندخيّ [’ал-Киндаӽи] (из сел. Хиндах).

Увулярная аффриката «*хъ*» обычно передавалась буквой خ, например, الطوخيّ [’аṭ-Ṭӯӽи], الخرتكونيّ [’ал-Ӽартикӯни] (из сел. Хвартикуни). Затем в начале XX в. для трансляции этого звука стала применяться графема څ , например الطوڅيّ [’аṭ-Ṭӯӽи] (из сел. Тлох), الميسطه روڅيّ [’ал-Мӣсṭирӯхи] (из сел. Местерух).

Гласные звуки на письме как правило не отображались. В случае необходимости для передачи звука «*о*» использовалась «дамма», а для фонем «*е*» и «*э*» – «кясра».

Таким образом упомянутое выше отсутствие единых правил правописания как в кумыкском, так и аварском языках приводит в результате к образованию нескольких вариантов написания ойконимов и, следовательно, к тому, что образуется сразу несколько вариантов нисб. К примеру, от названия сел. Голотль Шамильского района РД возможно образование шесть вариаций:الهلوطيّ [’ал-Хулӯṭи], الهُلقيّ [’ал-Хулуқи], الهلولڵيّ [’ал-Хулӯли], الهلوقيّ [’ал-Хулӯқи], الهولوقيّ, [’ал-Хӯлӯқи], الغلوقيّ [’ал-Ғулӯки]. Сел. Согратль имеет четыре варианта имен относительных الثغوريّ [’аҫ-Ҫуғӯри], الصغوريّ [’аҫ-Ҫуғӯри], الصغراليّ [’аҫ-Ҫуғрāли], الصغركيّ [’аҫ-Ҫуғраки]. В отношении села Эндирей в источниках зафиксиро-

вано три варианта нисб: الاندريّ [’ал-’Индири], الانداريّ [’ал-’Индāри],الاندراويّ [’ал-Индирāўи]. Три варианта имеет село Аксай اليخسيّ [’ал-Йаҳси], اليخصيّ [’ал-Йаҳṣи] и اليخساويّ [’ал-Йаҳсāўи]. По две вариации нисб имеют село Ассаб, Шамильского района РД العسلّيّ [’ал-‘Асали] и العسويّ [’ал-‘Асаўи]; а также село Очло, Хунзахского района РД العچلويّ [’ал-‘Учлуўи] и العچليّ [’ал-‘Учли] и т.д. Такие же вариации наблюдаются и в отношении многих других населенных пунктов Дагестана.

Структурные особенности образования нисб

Названия населенных пунктов могут быть как простыми, состоящими из одного слова, так и составными – из двух, трех частей. От подобного рода ойконимом возможны три способа образования имени относительного. Во-первых, они могут целиком транслитерироваться, например, الكنجه اوليّ [’ал-Кинджиаўули] (из сел. Генжеаул), النسكنتيّ [’ан-Наскинти] (из сел. Наскент), الداشلوكنتيّ [’ад-Дāшлӯкинти] (из сел. Дашлукент), الخلمك اوليّ [’ал-Ҳалиммик аўули] (из сел. Халимбекаул). При втором способе образования вычленяется основа и отбрасываются все излишние, избыточные с точки зрения смысла элементы топонимов. К таковым относятся такие элементы как кент, -аул, -юрт, -росо, -махи, -стан, например, الدبويّ [’ад-Дубаўи] (из сел. Дуба-юрт), الحليم بيكيّ [’ал-Ҳалӣм бӣки] (из сел. Халимбекаул), الڗاڗيّ [’ал-Цāци] (из сел. Цоци-Юрт), الغربداغيّ[’ал-Ḡарабудāḡи] (из сел. Карабудахкент). И, наконец, третий способ допускает использование в качестве основы одной или двух составных частей ойконимов, при этом остальные части названия подразумеваются. Так, например, от составного названия кумыкского села Кумторкала (‘хум+тёр+кала’) бытовали два варианта нисб الخوميّ ‘ал-Ҳӯми’, или же الترقاليّ ‘ат-Турқāли’.

Одинаковые нисбы образуются иногда от второстепенных частей названий населенных пунктов, имеющих общие элементы в своем составе. К примеру, нисбы от населенных пунктов Темир-Хан-Шура и Кака-Шура должны были выглядеть соответственно по первому способу – التميرخان شوراهيّ [’ат-Тимӣрҳāншӯрāхи] и القاقه شوراهيّ [’ал-Ḳāḳашӯрāхи], а по второму – التميرخانيّ [’ат-Тимӣрҳāни] и القاقويّ [ал-Ḳāḳаўи]. Однако обе нисбы в действительности в большинстве случаев одинаковы и имеют следующий вид الشراهيّ [’аш-Шурāхи]. Тут следует оговорить, что третий вариант написания нисбы наименее информативен и использовался, как правило, когда корреспонденция не покидала своей микрорегион. В случае отсутствия в документе иных наводящих подсказок, будет затруднительно, а порой невозможно, определить какой именно населенный пункт подразумевается. В подобных случаях приходится ориентироваться на контекст документа, упоминание иных топонимов и микротопонимов в тексте, сведения об адресате и адресанте, учитывать место их проживания и т.д.

Большинство аварских ойконимов является одной из форм местного падежа с различными аффиксами формоизменения: **-да//тIа**, **-лъ**, **-кь//-хъ**, **-б**. Имена относительные от них образуются путем присоединения к этим аффиксам

соответствующего окончания, например, العُراديّ [’ал-‘Урāди] (из сел. Урада), الهدلي [’ал-Хидали] (из сел. Гидатль), البقلخيّ [’ал-Бақлуӽи] (из сел. Батлух). Исключением из этого правила является образование нисб от топонимов с локативом «*б*» на конце слова. Этот последний под влиянием норм произношения аварского языка отбрасывается, что очевидно связано с тенденцией опускания его произношения в северных диалектах аварского языка [8, с. 635]. Так, в частности, образуются имена относительные أَلْغُونِيّ [’ал-Ғӯни] (из сел. Гуниб), أَلْعُنْتِيّ [’ал-‘Унти] (из сел. Унтиб), الطديّ [’аṭ-Ṭиди] (из сел. Тидиб) и т.д.

В источниках иногда встречается ойконимы, имеющие одинаковое написание, но различное произношение. Этот случай можно проиллюстрировать на примере написания названий сел Уриб и Ириб, имеющих идентичное написание без огласовок – عرب. В подобных случаях составители документов стремились избежать двусмыслия. Исследованные нами письменные источники позволяют выделить три способа решения этой проблемы: 1) полная огласовка нисбы, 2) частичная огласовка, 3) использование одной из слабых букв. Под частичной понимается проставление огласовки над одной-двумя ключевыми буквами, позволяющими подтолкнуть читателя к правильному чтению. В соответствии с этими способами встречаются следующие виды написания ойконимов – عُرب, عُرِبْ и عورب, и нисбы к ним العُريّ [’ал-‘Ури] или العوريّ [’ал-Ӯ‘ри] и العِريّ [’ал-‘Ири] (из сел. Ириб).

В письменных источниках встречаются случаи, когда арабографический вариант написания топонима может отличаться, порой существенно, от его современного названия. Это связано с тем, что имеются уже устоявшиеся, не всегда исторически и лингвистически точные, написания названий местных населенных пунктов на русском языке. Это утверждение наиболее ярко иллюстрируется именем относительным الاواريّ [’ал-’Аӯāри] (из сел. Авар), которое может ввести в замешательство недагестанских исследователей. На современных картах Дагестана нет населенного пункта под названием Авар. К тому же нашими современниками оно больше восприниматься как имя относительное, относящееся к этнической принадлежности. В то время как на самом деле Авар – это древнее название Хунзаха. И, соответственно, ал-Авари переводится как «хунзахский; из сел. Хунзах». Параллельно с этой в источниках фигурирует, и другая нисба, образованная непосредственно от названия Хунзах – الخنزاخيّ [’ал-Ӽунзāӽи] и ее вариант الخنزاقيّ [’ал-Ӽунзāқи]. В отличие от нисбы [’ал-Ӽунзāӽи], имеющей отношении только к Хунзаху, понятие [’ал-Аӯāри] в историческом смысле более широкое. Помимо значения «из Хунзаха», под этой нисбой подразумевался каждый житель сел и населенных пунктов, прежде всего на Хунзахском плато, подвластных Аварскому ханству.

В определенной степени те особенности, о которых говорилось в предыдущем абзаце свойственны нисбе اليخساويّ [’ал-Йаӽсāӯи] и ее вариациям (اليخصاويّ, اليخصي), которые образованы от названия кумыкского селения Яхсай (يخساي). Тут следует учитывать, что в русской традиции это село известно под названием Аксай. К этому же разряду относится нисба البونيّ [’ал-Бӯни], относящаяся к

андийскому селению Муни. Подобное же явление имеет место быть и с нисбой البيانيّ [’ал-Байāни], образованное от чеченского села Беной. Примечательно, что историческое названия Беноя на кумыкском, а вслед за ним и на аварском языках звучит именно как «Баян».

В названиях некоторых населенных пунктов тюркского происхождения имеет место такое интересное явление как сращивание, излишнее с точки зрения семантики, тюркского словообразовательного суффикса *-лы* или *-ли* с арабским окончанием يّ -. После слова-основы сначала добавляется тюркский словообразовательный суффикс *-лы* или *-ли*, а затем уже к нему присоединяется арабское окончание يّ -. По сути, происходит смысловое дублирование. Например, الترغوليّ [’ат-Тарӷӯли] (из сел. Таргу), الچركايليّ [’ал-Чиркāйли] (из сел. Чиркей), التلاليّ [’ат-Талāли] (из сел. Тала Азербайджанской Республики).

В отдельных случаях при образовании относительных прилагательных на письме может выпадать одна или несколько корневых букв как это наблюдается, например, в нисбе от сел. Инчха, которая имеет вид в الاچكيّ [’ал-’Ички].

Нисбы, приведенные в архаичном (без употребления долгот) написании иногда допускают вероятность неоднозначного прочтения топонимов, что влечет неправильное понимание текста документа. Так, в частности нисбуالارغنيّ есть соблазн прочесть как [’ал-’Арӷуни] (из сел. Аргун) т.е. как название реки и одноименного населенного пункта, находящегося в Чеченской республике. Тогда как на самом деле речь идет об исторической форме написания нисбы дагестанского населенного пункта Аргвани, имеющем, если быть точнее, звучание [’ал-’Арӷ^{ў}ани]. Дело в том, что в данном случае мы имеем дело с лабиализацией велярных согласных, которая на письме не всегда отображалась [3, с. 118]. Такие прецеденты нередки, например, الكنديّ [’ал-К^{ў}анади] (из сел. Кванада), الخرتكونيّ [’ал-Х^{ў}артикӯни] (из сел. Хвартикуни) и др. Кстати, в случае с Аргвани помимо вышеприведенной имеется еще два варианта этой нисбы, где лабиализация отражена на письме – الارغونيّ [’ал-’Арӷўани] и الارغوانيّ [’ал-’Арӷўāни].

В отдельных случаях при образовании нисб может быть использована не основа слова на местном языке, обозначающее название села, а перевод его значения на арабский язык. Так, например, для села Кахаб-росо наряду с формой خح رس [ẋаẋ русу], которое в переводе с аварского языка означает «белое селение», используется его калька на арабском языке – القرية البيضاوية [’ал-ӄарйа ’ал-байдаўиййа]. В отношении села Гимры, в исторических источниках наряду с формой الكِمْرَاوِيّ [’ал-Кимрāўи] используется и другой вариант – الكمثراويّ [’ал-Кумаc̱раўи], что с арабского дословно переводится «грушевый». Дело в том, что аварское название этого села – Генуб дословно переводится «у груши». От аварского села Цада (букв. ‘в огне’) помимо формы الزّاديّ [’ал-Цāди] употребляется нисба النّارِيّ [’ан-Нāри], что переводится как «огненный». Нисбаالدتونيّ [’ад-Датӯни] производная от названия сел. Датуна, расположенного у реки Аварское Койсу, имеет параллель النهريّ [’ан-Нахри] (араб. букв. ‘речной’). К этой же категории относится нисба الغماميّ [’ал-Ѓамāми] (араб. букв. ‘облачный’), относящаяся к населенному пункту Накитль (букв. ‘в облаке’), расположенному

на вершине горы, который имеет основную нисбу النكقيّ [’ан-Накиḳи]. Данное явление, несмотря на свою необычность, не является чем-то присущим арабскому языку только лишь в Дагестане. Подобные случаи встречаются и в средневековых арабских источниках. Их, по всей видимости, следует отнести к особенностям арабской географической традиции. Пожалуй, одним из наиболее ранних прецедентов подобного калькирования топонимов, расположенных на территории современного Дагестана, является гидроним نهر الغنم [нахр ’ал-Ғанам] (дословно – *овечья река*), упоминаемый в середине XIII в. у арабского историка и географа Ибн Саида ал-Магриби, что является точной арабской калькой тюркского названия реки Койсу (ср. кум. Къойсув), ныне называемой Сулак [9, с. 205].

В отдельных случаях в источниках встречается употребление одновременно двойных, тройных нисб. Это связано с особенностями территориального устройства региона. Дагестан ко времени начала масштабной российской экспансии в XVIII в. в административном плане состоял из нескольких феодальных владений (Тарковское Шамхальство, Засулакские бийлики, Кайтагское уцмийство, Аварское, Казикумухское ханства и т.д.) и союзов сельских общин (Акуша-Дарго, Андалал, Кутур-Кюре, Гидатль, Этек и т.д.). Практически каждый дагестанский населенный пункт строго соотносился с одним из этих образований.

Применительно, например, к письменной корреспонденции двойная нисба могла употребляться в том случае, когда корреспонденция покидала территорию микрорегиона и в этой связи возникала необходимость более детально уточнить местоположение адресанта. Например, как это имеет место быть с нисбами известного чеченского суфия Кунта-хаджи الحاج كنت المچيغيشيّ الالسخانيّ [’ал-хаджи Кунта ал-Мичӣḡӣши ал-Иласҳ̄ани] (из сел. Иласхан-Юрт из Мичигиша). Другой известный чеченский алим Изнаур Несерхоев подписывал свои письма ازنور الشيوتيّ الورنديّ[’Изнаўур аш-Шуйӯти ал-Ўаранди] (из сел. Варанды из Шатоя).

Еще одной причиной написания второй нисбы является тот факт, что похожие или имеющие одинаковые буквы в составе корня ойконимы также могли иметь идентичные нисбы. В качестве примера можно привести имена относительные, образованные от названий сел. Гели Карабудахкентского и сел. Гилиб Чародинского районов РД. Оба селения имеют нисбу الهلّيّ [’ал-Хили]. Аналогичный случай наблюдается и с отыменными прилагательными, образованными от названий сел Гинта Акушинского и Гента Шамильского районов РД, имеющих одинаковую нисбу الهنطيّ [’ал-Хинṭи]. В подобных обстоятельствах, во избежание неясности и двусмысленности, употреблялось написание второй нисбы, уточняющей о каком именно ойкониме идет речь. Эта вторая нисба образовывалась от названия общества, округа или владения, к которому относится данное село. Например, الهلّيّ القصرخيّ [’ал-Хили ал-Қуҫруҳи] (из сел. Гилиб, из сел. Тленсерух), الهنطيّ الاقوشيّ [’ал-Хинṭи ал-Аḳӯши] (из сел. Гинта из Акуши) или الهنطيّ الهدلّيّ [’ал-Хинṭи ал-Хидали] (из сел. Гента из сел. Гидатль).

В документах встречается и тройная нисба. Этой третьей нисбой обозначался макрорегион, к которому относилось то или иное владение или общество. Как правило, подобное тройное определение применялось к людям, в рамках своей деятельности вышедших за границы своего региона. В качестве примера можно привести имена относительные дагестанского ученого, поэта и просветителя Гасана ал-Алкадари الالقداريّ الكوريّ الداغستانيّ حسن [’ал-Алқадāри ал-Кӯри ад-Дāғистāни] (из сел. Алкадар, Кюринского округа из Дагестана). Другой дагестанский ученый, суфий Сайфулла-кади Башларов имел нисбы سيف الله النژوكريّ الغازيغموقيّ [’ан-Ницуӱкри ал-Ғāзи-Ғумӯқи ад-Дāғистāни] (из сел. Ницовкра из Казикумухского округа из Дагестана).

Тут уместно дать некоторые пояснения к нисбе ‘ад-Дагистани’. В исследуемый период она использовалась не только в отношении жителей собственно Дагестана, а выходила за его современные административные границы. В понятие «Дагестан» входила территория от Ширвана и до Ингушетии. В качестве примера можно привести нисбы известного в Чечне исламского ученого, суфия شهاب الدين البمّديّ الداغستانيّ [’Шихабуддин ал-Баммади ад-Дāғистāни] (из сел. Баммат-Юрт из Дагестана). Подобным же образом определял себя другой чеченский ученый Шамсуддин сын Аута – شمس الدين ابن الحاج اوت الشاليّ الداغستاني [’аш-Шāли ’ад-Дāғистāни] (из сел. Шали из Дагестана). При этом оба населенных пункта (Баммат-Юрт и Шали) расположены на территории современной Чеченской Республики. Нисбой [’ад-Дāғистāни] могли именоваться также жители северных районов соседнего Азербайджана. Эту нисбу носил широко известный всему исламскому миру шафиитский факих, ученый عبد الحميد الشروانيّ الداغستانيّ [’Абдулхамӣд ’аш-Ширӱāни ’ад-Дāғистāни] (из Ширвана из Дагестана).

Аналогично обстояло дело и в других регионах Северного Кавказа. Известный балкарский ученый Айдарук-хаджи Глашев, в конце XIX в. обучавшийся в сел. Аксай, в арабоязычных документах той поры упоминается как اَيدَرُوق الكلاشي البلقاري الچركيسي [’Айдаруқ ’ал-Калāши ’ал-Балқāри ’ал-Чаркӣси] (Айдарук из сел.Глашево из Балкарии из Черкесии).

Таким образом, в случае возникновения необходимости более полного и точного определения человека при помощи нисб, соблюдалась следующая схема идентификации по восходящей: село → владение или союз сельских общин → макрорегион.

За свою жизнь человек мог иметь несколько разных нисб. Они могли быть образованы по месту рождения, и по месту проживания, если речь идет об умерших, то иногда употребляют по месту погребения. Так в эпитафии известного накшбандийского шейха Башира ал-Йахсави написано следующее:

صاحب الحجر الشيخ المحقق المرشد المدقق بشير نجل كوكي الاندراوي مولدا واليخساوي مسكنا ومدفنا

«Хозяин этого камня шейх, наставник Башир сын Гоги, ал-Индирāӱи (из сел. Эндирей) по рождению, и ал-Йаҳсāӱи (из сел. Яхсай (Аксай) по проживанию и месту захоронения».

В отношении одного человека могли использоваться нескольких нисб, которые обозначали места, где он жил, учился, работал в разные периоды жизни. В таких случаях они обычно перечисляются через арабский союз ثم «затем». Например, خان مرضى المزال اوليّ ثم الكستاكيّ ثم الكنجه اوليّ ‘Ханмурза ал-Муцāлаўули (из сел. Муцалаул) затем ал-Кустāки (из сел. Костек) затем ал-Кинджиаўули (из сел. Генжеаул). Один из чеченских алимов, находясь в ссылке в Казахстане, подписывался в письмах как المسقليّ الشيوتيّ اولا ثم السيبيريّ «сначала ал-Мусқали (из сел. Мускали) аш-Шуйӯти (из обл. Шатой) затем ас-Сӣбӣри (из Сибири)».

С первой четверти XX вв. в отдельных случаях нисба стала употребляться для обозначения национальности, чего не наблюдается в документах более раннего периода, например, ал-Кумуки (кумык), ал-Авари (аварец), ад-Дарки (даргинец) и т.д. К примеру, это можно наблюдать в работе мусульманского ученого Назира ад-Дургели (из сел.Доргели) [10, с. 48, 51, 95, 145].

Примечательно, что некоторые нисбы со временем перешли в разряд имен собственных, например, Яраги, Ширвани, Гилани, Низами, Гянджеви и др. Как правило это нисбы известных и уважаемых личностей (ученых, поэтов и т.д.).

При расшифровке нисб нами были использованы многочисленные дореволюционные издания (АКАК, Кавказский календарь, Сборник сведений о кавказских горцах, Терский вестник и т.д.). Среди современных опубликованных источников следует особо выделить сборники по административно-территориальному делению Дагестана как досоветского периода [11], так более позднего времени [12]. При идентификации топонимов аварского [8, с. 633-704] и лакского [13, с. 344-397.] происхождения существенную помощь оказали словари соответствующих языков, в которых имеются приложения со списком местных топонимических названий. При работе с чеченскими топонимами мы ориентировались на работу А. Сулейманова [14].

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что это пока предварительные обобщения по данной теме. Разумеется, некоторые тезисы, изложенные в этой работе в дальнейшем, будут уточняться, дополняться, развиваться, пересматриваться. Одним словом, в этом направлении еще предстоит много работать.

В качестве иллюстративного материала в конце данной статье приводится приложение, в котором приводятся все выявленные и идентифицированные нами нисбы[1]. При его составлении использовался следующий принцип построения. В виду того, что данная статья задумана в первую очередь как практическое пособие для исследователей-востоковедов, относительные прилагательные даны в арабском алфавитном порядке, что существенно облегчает их нахождение. К каждой нисбе приводится краткие сведения об их современной административно-территориальной принадлежности. Различные варианты написания нисбы одного и того же ойконима также даются не вместе, а в отдельных строках в соответствии с алфавитом. Среди изученных нами документов встречаются как полностью огласованные нисбы, частично огласованные,

1 С приложением-словарем нисб, составленым автором статьи, можно ознакомиться по ссылке https://caucasushistory.ru/2618-6772/editor/downloadFile/1695/4303

так и нисбы вовсе без огласовок, последних было большинство. Для сохранения единообразия написания все нисбы приводятся без огласовок. Большинство нисб уверенно идентифицированы, тем не менее при наличии каких-либо сомнений в точности определения нисб после названия населенного пункта выставлен вопросительный знак.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шихсаидов А.Р.* Очерки истории, источниковедения, археографии средневекового Дагестана. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2008. – 560 с.

2. *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. Том 5. – М., Л.: Издательство Академии наук, 1958. – 528 с.

3. *Бобровников В.О.* Опыт историко-топонимического словаря аварских нисб из Горного Дагестана XVII–XX вв. // Инновации и традиции в арабистике и исламоведении. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. – 340 с.

4. *Оразаев Г.М.-Р.* Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в.: (Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант»). – Махачкала, 2002. – 482 с.

5. Кумыкско-русский словарь. / Под редакцией З.З. Бамматова. – М.: Издательство «Советская энциклопедия». 1969. – 408 с.

6. *Магомедов А.Г.* Кумыкский язык. // Языки народов СССР. В пяти томах. Том 2. Тюркские языки. – М.: «Наука», 1966. – 532 с.

7. *Саидов М.С.* Возникновение письменности у аварцев // Языки Дагестана. – Махачкала: [б. и.], 1948. - Выпуск I. – 140 с.

8. Аварско-русский словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1967. – 806 с.

9. ابن سعيد المغربي كتاب الجغرافيا بيروت ٠٧٩١ ص. ٥٠٢

10. *Назир ад-Дургили.* Услада умов в биографиях дагестанских ученых / пер. с араб., комент., факс. изд., указ. и библиогр. подгот. А.Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым. – М.: Изд. дом Марджани, 2012. – 207с.

REFERENCES

1. Shikhsaidov AR. *Essays on the history, source study, archeography of medieval Dagestan [Ocherki istorii, istochnikovedeniya, arkheografii srednevekovogo Dagestana].* Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 2008.

2. Krachkovsky IYu. *Selected Works.* Vol. 5. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences, 1958.

3. Bobrovnikov VO. An experience of the historical toponymic dictionary of Avar nisbas from Highland Dagestan of the 17th – 20th centuries. [Opyt istoriko-toponimicheskogo slovarya avarskikh nisb iz Gornogo Dagestana XVII–XX vv. I*nnovations and Traditions in Arabic and Islamic Studies [Innovatsii i traditsii v arabistike i islamovedenii].* Saint Petersburg: SPBU Publ., 2019.

4. Orazaev GM-R. *Monuments of the Turkic-speaking business correspondence in Dagestan in the 18th century: (Experience in the historical and philological study of documents from the Kizlyar Commandant Foundation) [Pamyatniki tyurkoyazychnoy delovoy perepiski v Dagestane XVIII v.: (Opyt istoriko-filologicheskogo issledovaniya dokumentov fonda «Kizlyarskiy komendant»)].* Makhachkala, 2002.

5. *Kumyk-Russian dictionary. Z.Z. Bammatov (ed.).* Moscow: Soviet Encyclopedia, 1969.

6. Magomedov AG. Kumyk language. Languages of the peoples of the USSR. In five volumes. Volume 2. Turkic languages [Kumykskiy yazyk. // Yazyki narodov SSSR. V pyati tomakh. Tom 2. Tyurkskie yazyki]. Moscow: Nauka, 1966.

7. Saidov MS. The emergence of writing among the Avars. Languages of Dagestan

11. Административно-территориальное деление Дагестанской области 1860-1921 гг. Сборник документов и материалов. – Махачкала: АЛЕФ, 2011. – 380 с.

12. Административно-территориальное деление Дагестана за 1920-2000 гг. – Махачкала, 2003. – 403 с.

13. *Хайдаков С.М.* Лакско-русский словарь. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1962. – 424 с.

14. *Сулейманов А.* Топонимия Чечни. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2006. – 712 с.

[Vozniknovenie pis'mennosti u avartsev // Yazyki Dagestana]. Makhachkala, 1948.

8. Avar-Russian dictionary [Avarsko-russkiy slovar']. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1967.

9. ابن سعيد المغربي كتاب الجغرافيا بيروت ١٩٧٠ ص. ٢٠٥
Ibn Said of Maghreb. Geography. Beirut, 1970.

10. Nazir ad-Durgili. *Delight of minds in the biographies of Dagestan scholars. A.R. Shikhsaidov, M. Kemper, A.K. Bustanov (eds., transl.*). Moscow: Mardjani, 2012.

11. *Administrative-territorial division of the Dagestan region in 1860-1921. Collection of documents and materials [Administrativno-territorial'noe delenie Dagestanskoy oblasti 1860-1921 gg. Sbornik dokumentov i materialov].* Makhachkala: ALEF, 2011.

12. *Administrative-territorial division of Dagestan for 1920-2000 [Administrativno-territorial'noe delenie Dagestana za 1920-2000 gg].* Makhachkala, 2003.

13. Khaidakov SM. *Lak-Russian dictionary [Laksko-russkiy slovar'].* Moscow: State publishing house of foreign and national dictionaries, 1962.

14. Suleimanov A. *Toponymy of Chechnya [Toponimiya Chechni].* - Grozny: Book Publishing House, 2006.

Статья поступила в редакцию 09.03.2021 г.

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174823-847

Закарияев Замир Шахбанович
д.и.н., проф. кафедры востоковедения
Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия;
зав. кафедрой иностранных языков
Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Россия
zzakariyaev@yandex.ru

СТЕЛЫ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ХРОНОГРАФАМИ ИЗ ДАГЕСТАНСКИХ СЕЛЕНИЙ ШИНАЗ И ГЕЛЬХЕН

Аннотация. В статье представлены результаты исследования двух арабоязычных эпиграфических памятников из горных дагестанских селений Шиназ и Гельхен. Уникальный характер этих давно известных науке надмогильных стел заключается в том, что, помимо эпитафий, на них высечены хронографы исторических событий, имевших место в Южном Дагестане и соседнем Ширване в XV – начале XVIII в. Предложено новое прочтение арабских текстов стел, в том числе внесены коррективы в чтение исторических хронографов. Впервые установлено, что владельцем эпитафии шиназской стелы 1798–99 г. является известный дагестанский ученый XVIII в. Исма‘ил аш-Шинази. Достоверно определено и время его жизни, что прежде не было известно. Предложена альтернативная датировка аналогичной стелы из Гельхена, расположенная на могиле представителя потомственной духовной элиты этого селения ‘Абдурахмана-эфенди, сына малла Ибрахима. Она была создана в 1848–49 г., т.е. ровно через полвека после шиназской стелы. Мы пришли к выводу, что источником для хронографов обеих стел не был хронограф, созданный в 1710–12 гг., как считалось прежде. Непосредственным источником послужил рукописный исторический хронограф Малиджа ар-Рутули от 1754–55 г. Высказано мнение, что рукопись с хронографом Малиджа ар-Рутули принадлежала ученому Са‘иду аш-Шинази, сыну Исма‘ила аш-Шинази. Са‘ид аш-Шинази и был, видимо, составителем всего текста шиназской стелы на могиле своего отца. Впервые установлено, что тексты обеих стел содержат отрывки из средневековой арабской поэзии. Авторами этих стихов являются халиф ‘Али б. Аби Талиб (ум. в 661 г.) и знаменитый мистик ‘аббасидской эпохи Мансур ал-Халладж (ум. в 922 г.). Стихи ал-Халладжа впервые зафиксированы в эпиграфике Дагестана. Бытовавшая в Южном Дагестане практика включения исторических хронографов в тексты надмогильных памятников, несмотря на свою редкость, безусловно, свидетельствует об интересе, который проявляли к изучению истории представители интеллектуальной элиты дагестанского общества. Подтверждается тезис о тесной связи эпиграфических памятников Дагестана с нарративными текстами.

Ключевые слова: Дагестан; стелы; селение Шиназ; селение Гельхен; исторические хронографы; эпитафии; арабоязычная эпиграфика.

© Закарияев З.Ш., 2021
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174823-847

Zamir Sh. Zakariyaev
Dr. Sci. (History), Prof. at Dep. of Oriental Studies
Dagestan State University, Makhachkala, Russia;
Head of Dep. of Foreign Languages
Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russia
zzakariyaev@yandex.ru

TOMBSTONES WITH CHRONOGRAPHS FROM THE DAGESTAN VILLAGES OF SHINAZ AND GELHEN

Abstract. The paper presents the results of the study of two Arabic language epigraphic monuments from the mountain villages of Shinaz and Gelhen. The unique nature of these well-studied tombstones lies in the fact that, apart from epitaphs, there are chronographs of historic events that took place in South Dagestan and neighbouring Shirvan in the 15th-early 18th centuries carved on them. We suggest a new reading of the Arabic texts on tombstones, as well as corrections in reading the historical chronographs. It has been revealed that the owner of the epitaph of the Shinaz stele of 1798–99 is a famous Dagestan researcher of the 18th century Isma'il al-Shinazi. The previously unknown time of his life has also been reliably determined. An alternative dating of a similar stele from Gelhen, located on the grave of a representative of the hereditary spiritual elite of this village, 'Abdurahman-effendi, son of malla Ibrahim, is proposed. The stele was made in 1848–49, exactly half a century after the Shinaz one. We came to conclusion that the source for the chronographs of both steles was not the chronograph created in 1710–12, as was previously believed. The direct source was the handwritten historical chronograph of Malij al-Rutuli from 1754–55. It is believed that the manuscript with the chronograph Malij al-Rutuli belonged to the scholar Sa'id al-Shinazi, the son of Isma'il al-Shinazi. It seems that Sa'id al-Shinazi was the compiler of the entire text of the Shinaz stele on his father's grave. It has been established that the texts of both steles contain excerpts from medieval Arabic poetry. The authors of these verses are the Caliph 'Ali b. Abi Talib (d. 661) and the famous mystic of the 'Abbasid era, Mansur al-Hallaj (d. 922). Al-Hallaj's poems were first recorded in the epigraphy of Dagestan. The South Dagestan's practice of including historical chronographs in the texts of tombstones, despite its rarity, undoubtedly testifies to the interest that representatives of the intellectual elite of Dagestan society showed to the study of history. The thesis of the close connection of epigraphic monuments of Dagestan with narrative texts has also been confirmed.

Keywords: Dagestan; steles; tombstones; Shinaz; Gelhen; historical chronographs; epitaphs; Arabic-language epigraphy.

© Zakariyaev Z.Sh., 2021
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2021

Шиназская стела с хронографом

Считается, что впервые о находке в рутульском селении Шиназ[1] исторического хронографа на камне было сообщено в печати 18 марта 1953 г.[2]. Однако по другим данным, о находке было сообщено еще в 1952 г. в газете «Дагестанская правда» от 26.10.1952 г. [1, с. 27]. Хронограф был выявлен Дагестанской этнографической экспедицией в 1952 г. на стеле в стене кладбища перед въездом в селение. В том же году стела была доставлена в г. Махачкалу, где М.-С. Саидов расшифровал ее надписи. В 1952 г. памятник видел известный кавказовед Л.И. Лавров, который, по его словам, в 1956 г. ознакомился с ним уже в Махачкале. В 1959 г. Л.И. Лавров посвятил хронографу специальную статью [2]. В 1968 г. Л.И. Лавров повторно опубликовал, с некоторыми уточнениями, перевод, а также арабский текст и комментарии к надписи [3, с. 80–81, 152–154]. Фотография или прорисовка надписи никогда не публиковались.

Надмогильная стела с хронографом в 1952 г. была перевезена в Махачкалу членами Дагестанской этнографической экспедиции (начальник Южнодагестанского отряда Л.Б. Панек и ее коллеги) [1, с. 27] и помещена в Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР[3]. Впоследствии памятник долгое время хранился на территории здания Академии наук по ул. Ярагского 75, где ныне расположен Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН. Затем обе части расколовшейся стелы были установлены рядом с другими памятниками слева от входа в корпус, где и хранились до последнего времени. Ныне стела находится в сел. Шиназ.

Шиназская стела представляет собой прямоугольную каменную плиту из серого известняка с закругленным верхом. Общая длина обоих фрагментов стелы составляет 171 см, ширина – 80 см, толщина – 13 см. В верхней части стелы высечены три симметричные растительные композиции, под которыми нанесен фриз растительного орнамента, составленного из мотива «вьюнок». Всю остальную лицевую сторону стелы покрывают арабские надписи. Они состоят из двух частей. Основной текст из 20 строк нанесен внутри рельефной прямоугольной рамки, вытянутой в длину плиты. Строки разделены горизонтальными полосами. Кроме того, по краям стелы нанесены вертикальные эпиграфические ленты, о которых прежде ничего не сообщалось. Текст эпиграфических лент не был прочитан. Надписи и орнамент высечены в низком рельефе. Почерк – превосходный каллиграфический *насх*.

Основной текст стелы, в свою очередь, состоит из трех частей. Первые четыре строки занимает эпитафия, которая, как и весь текст стелы, датирована 1213 г. *хиджры*, что соответствует 1798–99 г. Затем в 5–11 строках в хронологической последовательности приводится перечень временных периодов (пророческих

1 Селение Шиназ (рут. *Сыназыр*) Рутульского района расположено в горах Южного Дагестана, в долине реки Шиназ-чай – левого притока реки Самур, на высоте около 1650 м над уровнем моря.

2 Летопись на камнях // Дагестанская правда, №58, 1953 г.

3 ИИЯЛ в начале 1950-х гг. располагался в старом одноэтажном здании по ул. Гамзатова, д. 14, где ныне находится Дагестанский исламский университет им. имама Шафиʻи.

этапов), которые, согласно Корану, составляют эпоху от Адама до пророка Мухаммада. Эта периодизация с указанием временных рамок каждого этапа приводится со ссылкой на ʻАбдаллаха б. ʻАббаса[4]. Всю оставшуюся часть основного текста (12–20 строки) занимает исторический хронограф, который содержит даты важных событий, имевших место в Южном Дагестане и Ширване в XV – начале XVIII в. Хронологическая последовательность дат исторических событий не всегда соблюдается.

Изучение основного арабского текста показало, что в чтении и переводе Л.И. Лаврова имеется ряд неточностей и пропусков[5]. Не всегда обоснована и интерпретация исторических событий хронографа. Прежде всего, согласно Л.И. Лаврову, владельцем эпитафии стелы является «*хаджжи* Ибрахим б. Мухаммад б. Ч-й-р-р» [3, с. 80]. Это ошибочное мнение проникло и в другие научные публикации [4, с. 228; 5, с. 363]. Все дело в том, что Л.И. Лавровым не была прочитана почти вся вторая строка, где и содержится имя покойного. Оказалось, что эпитафия принадлежит одному из наиболее известных дагестанских ученых XVIII в., представителю духовной элиты региона Исмаʻилу аш-Шинази. Ниже приводится основной текст стелы с нашими уточнениями. Орфография надписи сохранена. Фотографии памятника публикуются впервые (Рис. 1, 2).

(١) قد انتقل المرحوم المغفور من دار الفناء الى

(٢) دار البقاء اسمعيل افندى بن الحاجى الحرمين

(٣) حاج ابرهيم بن محمد بن چينى فى تاريخ النبى ١٢١٣

(٤) وعاش فى ٤٨ سنة غفر الله لهم اجمعين

(٥) بيان لتواريخ والاصحّ الاصدق الارجح ما

(٦) بيّنه ورواه عبد الله بن عباس رضى الله عنهما

(٧) وقال من ادم الى نوح سنة ٢٢٥٦ ومن طوفان الى

(٨) ابرهيم سنة ١٠٩٩ ومن ابرهيم الى موسى سنة ٥٤٥ ومن موسى

(٩) الى سليمان سنة ٥٣٥ ومن سليمان الى اسكندر ذى القرنين

(١٠) سنة ٧٧٠ ومن اسكندر الى عيسى سنة ٣٦٩ ومن عيسى الى

(١١) محمد عم سنة ٥٥٠ فالمجموع سنة ٦١٢٥ تاريخ فتح بلدة

(١٢) شماخى بيد شاه عباس سنة ١١٦ تاريخ تخريب

(١٣) بلدة شماخى بيد اسكندر سنة ٨٣٧ تاريخ

(١٤) تحريب قرية قراه وكوره بيد شيخ شاه

4 ʻАбдаллах б. ʻАббас ал-Курайши (619–686), более известный как Ибн ʻАббас – двоюродный брат и сподвижник пророка Мухаммада, выдающийся исламский богослов.

5 Анализ чтения и перевода Л.И. Лаврова проводился по его более поздней публикации 1968 г. [3, с. 80–81].

(١٥) سنة ٩١٧ تاريخ فتح بلدة شماخى بيد شاه روخ

(١٦) مرضه القيتاغى سنة ٩٤٢ تاريخ احراق اختى

(١٧) بيد برخدار سلطان الرافضى سنة ١٠٣٠ تاريخ

(١٨) تخريب مسكور بيد غائب سلطان مراد

(١٩) الداغستانى سنة ١١٢١ تاريخ احراق قرية

(٢٠) اختى بايدى اهال قمق ورطول سنة ٩٤٣

Перевод:

«1) Переселился[6] покойный, прощенный [Аллахом] из бренного мира в

2) вечный мир Исма‘ил-*афанди*, сын паломника Двух Святынь

3) *хаджжи* Ибрахима, сына Мухаммада, сына Чинайа[7] в дату пророка: 1213 г.

4) Он прожил 48 лет, – да простит их[8] всех Аллах.

5) Разъяснение дат[9] (*таварих*) – самое достоверное, самое правдивое[10], наиболее вероятное[11] – это то[12],

6) которое показал (*баййанаху*) и сообщил (*равахуу*[13]) ‘Абдаллах б. ‘Аббас, – да будет доволен ими обоими Аллах[14].

7) Он сказал, что от Адама до [пророка] Нуха – 2256 лет, от потопа до

8) [пророка] Ибрахима – 1099 лет, от Ибрахима до [пророка] Мусы – 545 лет[15]. От Мусы

9) до [пророка] Сулаймана – 535 лет, от Сулаймана до Искандара Зу-л-Карнайна[16]

10) – 770 лет, от Искандара до [пророка] ‘Исы – 369 лет[17] и от ‘Исы до

11) [пророка] Мухаммада, – мир ему[18], – 550 лет. А всего – 6125 лет[19]. Дата завоевания города

6 По Л.И. Лаврову, эпитафия начинается с глагола < ارتحل >. На деле же она начинается с глагола < انتقل > со сходным значением.

7 Это имя Л.И. Лавров читает как «Ч-й-р-р». Для обозначения отсутствующей в арабском языке буквы «ч» использованы дополнительные точки.

8 Л.И. Лавров читает слово «их» как предлог ‘*ала* со слитным местоимением (عليهم). В тексте начертан предлог *ли* со слитным местоимением (لهم).

9 Слово «дат» в переводе Л.И. Лаврова отсутствует.

10 В тексте отчетливо читается слово < الاصدق > – «самый правдивый». Л.И. Лавров читает: <الاصَد>.

11 В надписи начертано слово < الارجح >. Л.И. Лавров читает: < الارساخ >.

12 Окончание строки (ما) Л.И. Лавровым не прочтено.

13 Слово < رواه > Л.И. Лавров читает как < رواة >.

14 В арабском тексте публикации Л.И. Лаврова: < رضى عنهما الله >, вместо <رضى الله عنهما >.

15 По Л.И. Лаврову: 549 лет.

16 Искандар Зу-л-Карнайн (араб. «Двурогий») неоднократно упоминается в 18-й суре Корана *ал-Кахф* («Пещера»). Об источниках и исторических основаниях коранического рассказа о Зу-л-Карнайне см. публикацию А.К. Аликберова [6].

17 По Л.И. Лаврову: 349 лет.

18 Формула величания пророка Мухаммада «мир ему» выражена аббревиатурой < عم >. В публикации Л.И. Лаврова знак < ع > пропущен.

19 Приведенные в тексте временные периоды суммарно составляют не 6125, а 6124 года. Прочтение текста по Л.И. Лаврову дает в совокупности 6108 лет, что явно противоречит указанной в тексте общей сумме. Этот факт также свидетельствует о верности нашего прочтения.

12) Шемахи (*балдат Шамахи*) *шахом* ‘Аббасом – 116 год[20]. Дата разрушения
13) города Шемахи Искандаром – 837 год[21]. Дата
14) разрушения селения Курах[22] (*карйат Курах*) и [области] Кюре[23] (*Кура*) Шайх-шахом
15) – 917 год[24]. Дата завоевания города Шемахи Шахрух-
16) *мирзой*[25] ал-Кайтаги[26] – 942 год[27]. Дата сожжения [селения] Ахты[28] (*Ахти*)
17) Бархудар-*султаном* отступником (*ар-рафиди*[29]) – 1030 год[30]. Дата
18) разорения Мускура[31] Га’иб Султан-Мурадом
19) ад-Дагистани[32] – 1121 год[33]. Дата сожжения селения
20) Ахты (*карйат Ахти*) жителями Кумуха[34] (*Кумук*) и Рутула[35] – 943 год[36]».

Эпитафия содержит уникальные сведения о возрасте Исма‘ила аш-Шинази, что позволило впервые установить точное время его жизни. В эпитафии сообщается, что он прожил 48 лет. При этом необходимо учитывать, что год у мусульман, рассчитываемый по фазам луны, короче года по григорианскому (солнечному) календарю на 10 или 11 дней. Следовательно, Исма‘ил-*эфенди* скончался в возрасте 46 или 47 лет по солнечному календарю. Поскольку датой его смерти в эпитафии указан 1213 г. *хиджры*, который начался 14 июня 1798 г. и завершился 3 июня 1799 г., датой его рождения следует считать 1753 или 1754 г. Таким образом, отныне достоверно установлено, что жизнь Исма‘ила аш-Шинази прошла целиком во второй половине XVIII в. В научной литературе нередко приходилось сталкиваться с неточными сведениями о времени его

20 Л.И. Лавров ошибочно читает «114 год». В дате пропущен ноль – 116 г. вместо 1016 г. Последняя дата по *хиджре* соответствует 1607–08 г.

21 837 г.х. соответствует 1433–34 г.

22 Лезгинское селение Курах (*Къурагь*) – ныне райцентр Курахского района Дагестана.

23 Кюре (Кюра; лезг. *Куьре*) – лезгинская историко-этнографическая область в Южном Дагестане. Она охватывает, в основном, территории современных Сулейман-Стальского, Курахского, Магарамкентского и южной части Хивского районов Республики Дагестан.

24 917 г.х. соответствует 1511–12 г.

25 Отчетливо различимое слово *мирза* (مرضه), обозначающее, в данном случае, титул принца, Л.И. Лавровым не прочтено. Вместо этого он читает фразу «да будет Аллах им доволен!», которая в этом месте текста отсутствует.

26 Нисба означает «из Кайтага». Кайтаг – историческая область и феодальное владение в Дагестане.

27 942 г.х. соответствует 1535–36 г.

28 Лезгинское селение Ахты – ныне райцентр Ахтынского района Дагестана. Селение расположено в среднем течении реки Самур.

29 Термином *рафиди* (мн.ч. *равафид*) обозначали шиитов.

30 1030 г.х. соответствует 1620–21 г.

31 Мускур/Мушкур – историческая область в Западном Прикаспие, ныне на северо-востоке Азербайджанской Республики.

32 Л.И. Лавров читает: «тайной рукой Султан Мурада Дагестанского». В первой публикации от 1959 г.: «рукой победы Султан Мурада Дагестанского». Это прочтение привело Л.И. Лаврова к ошибочному мнению, что автор сохранившейся редакции хронографа либо был подданным Султан Мурада, либо относился к нему сочувственно [3, с. 154].

33 1121 г.х. соответствует 1709–10 г.

34 Лакское селение Кумух – ныне райцентр Лакского района Дагестана. Кумух (Гази-Кумух, Кази-Кумух) был столицей шамхальства – крупного позднесредневекового феодального государства в Дагестане.

35 Селение Рутул – ныне райцентр Рутульского района Дагестана.

36 943 г.х. соответствует 1536–37 г.

жизни. К примеру, встречается утверждение, что Исма‘ил-*эфенди* жил в XVII – начале XVIII в. [7, с. 255]. В биобиблиографическом труде Назира ад-Дургили [8], в котором содержатся сведения о жизни и творчестве около 200 дагестанских ученых, отсутствуют какие-либо данные об Исма‘иле аш-Шинази. Лишь Али Каяев в своем биобиблиографическом сочинении упоминает о том, что Исма‘ил считался первым астрономом Дагестана, и, кроме того, автором трудов по инженерии, философии. Али Каяев располагал сведениями, что Исма‘ил еще был жив в 1195/1780 г. [9, с. 97–98]. Встречающиеся утверждения о том, что Исма‘ил-*эфенди* получил образование у Малла-Мухаммада из Голода, ‘Исы из Шамгода, ‘Али из Келеба должны быть признаны не соответствующими действительности, поскольку указанные дагестанские ученые-богословы скончались еще задолго до рождения Исма‘ила аш-Шинази.

В коллекции рукописных книг Дагестанского госуниверситета [10, с. 53] хранится рукопись, переписанная Исма‘илом аш-Шинази в начале 70-х гг. XVIII в., во время его учебы в лезгинском селении Микрах[37], в мадраса ученого ‘Абдулгани ал-Микрахи. В колофоне субкомментария на комментарий сочинения по логике *ал-Исагуджи* Асир ад-Дина ал-Абхари (Рис. 6) говорится о переписке субкомментария в 1185/1771–72 г. Исма‘илом, сыном паломника Двух Святынь Ибрахима, сына Мухаммада, в среду, до полудня, «в мадраса нашего благодетеля и покровителя ‘Абд ал-Гани-*афанди* ал-Микрахи». Судя по дате, переписка была осуществлена Исма‘илом в возрасте около 18 лет. В 1188/1774–75 г. Исма‘ил аш-Шинази завершил переписку комментария ал-Фанари на сочинение *ал-Исагуджи* [10, с. 52] «при нашем наставнике (*устад*) ‘Абд ар-Рахиме» (Рис. 7).

В эпитафии стелы приводится родословная Исма‘ил-*эфенди* вплоть до его прадеда, который жил в XVII в. В селении Шиназ на родовом кладбище, где похоронены представители шиназского тухума Минтар (Минтарар), сохранилось несколько надмогильных стел потомков Исма‘ила аш-Шинази, которые также были учеными (*эфенди*) [11, с. 68; 12, с. 126–127]. Среди них его внук, который носил имя своего знаменитого деда, – Исма‘ил-*эфенди*[38], сын Са‘ид-*эфенди*[39].

Исторический хронограф шиназской стелы содержит даты семи важных исторических событий, имевших место в Южном Дагестане и соседнем

37 Селение Микрах (лезг. *Миграгъ*) расположено в Докузпаринском районе Дагестана.

38 В эпитафии ученого Исма‘ила-*эфенди*, сына Са‘ида-*эфенди*, сына Исма‘ила-*эфенди* (умер 11 мая 1868 г.) говорится, что он прожил 67 лет (по лунному календарю *хиджры*). На полях рукописной книги, хранящейся в Фонде восточных рукописей ДФИЦ РАН (№315), мы обнаружили арабоязычную запись о рождении Исма‘ила, сына Са‘ида, сына Исма‘ила-*эфенди* аш-Шинази в субботу, 15 *джумада ал-ахар* 1218 г. *хиджры*, что соответствует 1 октября 1803 г. Таким образом, по солнечному календарю христианского летоисчисления он скончался в возрасте 64 лет. В Фонде восточных рукописей ДФИЦ РАН имеются рукописи, переписанные Исма‘илом-*эфенди*, сыном Са‘ида-*эфенди*.

39 Са‘ид-*эфенди*, сын Исма‘ила-*эфенди* аш-Шинази, был видным дагестанским ученым своего времени. Хасан ал-Алкадари [13, с. 140] называет его одним из наставников выдающегося дагестанского ученого и поэта, кадия Мирза-‘Али ал-Ахти (ум. в 1859 г.). ‘Аббас-Кули-ага Бакиханов в своем сочинении *Гулистан-и Ирам* среди шестерых упоминаемых им дагестанцев, «отличавшихся своей ученостью», называет Са‘ида аш-Шинази [14, с. 205]. В селении Шиназ мы прочли арабоязычную строительную надпись, которая находится в стене дома Сейфудинова Каира. В надписи говорится о строительстве дома в 1232/1816–17 г. Са‘идом-*эфенди*, сыном «превосходного ученого Исма‘ила-*эфенди*, сына *хаджжи* Ибрахима» [15, с. 25–26]. Таким образом, Са‘ид-*эфенди* жил примерно в последней четверти XVIII – первой трети XIX в.

Ширване. Несмотря на то, что надпись составлена в самом конце XVIII в., самая поздняя по времени дата хронографа относится к 1121/1709–10 г. Поскольку в шиназском хронографе не отражены другие важнейшие исторические события XVIII в. в регионе, Л.И. Лавров предположил, что на камень был перенесен письменный хронограф, составленный кем-то вскоре после 1709–10 г., когда произошло последнее из упоминаемых в этом хронографе событий. Л.И. Лавров полагает, что источник шиназского хронографа был составлен между 1710–1712 годами, имея в виду, что в хронографе обойдено вниманием такое важное и резонансное событие как захват Шемахи *хаджжи* Давудом и Сурхай-ханом в 1712 г. [3, с. 154]. Однако в современной историографии преобладает мнение, что это событие имело место не в 1712 г., а в 1721 г. Следовательно, источник шиназского хронографа мог быть составлен и позже 1712 г.

А.Р. Шихсаидов [5, с. 363] первым высказал мнение, что источником шиназского хронографа является запись исторических событий, составленная в середине XVIII в. (1168/1754–55 г.) Малиджом, сыном Рамадана из Рутула[40]. Эта запись нанесена на последней странице переписанной им арабской рукописи (Рис. 3), которая хранится в Фонде восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН (№315). Действительно, в обширном (более 20 дат исторических событий) хронографе Малиджа отражены все события шиназского хронографа, а также другие, в том числе более поздние события, например, захват города Шемахи Сурхаем и *хаджжи* Давудом в 1133/1720–21 г. Следует сказать, что в первой публикации о хронографе Малиджа ар-Рутули [16, с. 180–181] А.Р. Шихсаидов придерживался иной точки зрения относительно того, какой из двух хронографов был составлен раньше. Вначале он считал, что Малидж перенес все сообщения из шиназского хронографа на стеле в свой хронограф, при этом внеся ряд дополнений [16, с. 180]. С этим согласился и Л.И. Лавров [3, с. 152]. В публикации же от 1984 г. А.Р. Шихсаидов пишет, что хронограф Малиджа стал источником для шиназского хронографа на камне. Вместе с тем, А.Р. Шихсаидов разделяет и мнение Л.И. Лаврова о существовании уже сложившейся к 1712 г. хроники о событиях от 1433–34 г. до 1709–10 г., которая впоследствии переносилась на камень без особых изменений [5, с. 364].

Внимательное изучение рукописного арабского текста хронографа Малиджа ар-Рутули привело нас к интересному наблюдению. Наш вывод заключается в том, что хронограф, выполненный непосредственно рукой Малиджа ар-Рутули, занимает не весь текст, а лишь основную его часть. Самое позднее событие этой первоначальной части хронографа датировано месяцем *джумада ал-аввал* 1147 г. *хиджры* (сентябрь-октябрь 1734 г.). Речь в нем идет о первом нашествии войск Надира (*‘аскар ар-равафид*) на Дагестан. Остальная же часть хронографа, содержащая исторические события последней четверти XVIII в., добавлена позже другим лицом. Об этом говорит и манера письма этой части хронографа, отличающаяся от почерка Малиджа. Безусловно, основная часть хронографа была составлена Малиджем в год переписки рукописи, т.е. в 1168/1754–55 г.

40 Селение Рутул расположено в 13 км к юго-востоку от Шиназа.

Малидж указывает и свой тогдашний возраст – 45 лет[41], из чего можно заключить, что он родился около 1710 г. Остальная же часть хронографа была добавлена в конце XVIII – начале XIX в. Самое позднее историческое событие этой части хронографа датировано 1204/1789–90 г.

Известно, что рукопись с хронографом Малиджа ар-Рутули была выявлена летом 1961 г. в селении Шиназ [16, с. 173, 180]. На последней странице рукописи, где и находится хронограф, имеется упомянутая выше запись о рождении 1 октября 1803 г. Исма'ила, сына Са'ида, сына Исма'ила-*эфенди* аш-Шинази. Запись составлена спустя 4-5 лет после смерти Исма'ила-*эфенди* аш-Шинази. Предположительно, запись была составлена отцом новорожденного и сыном покойного Исма'ила-*эфенди* – ученым-богословом Са'идом-*эфенди* аш-Шинази. Более того, возможно, что и сама книга принадлежала Са'иду-*эфенди*. Если это так, становится окончательно ясной причина, по которой хронограф на шиназской стеле фактически представляет собой отрывок из хронографа Малиджа ар-Рутули. Характерно, что в обоих хронографах допущена почти одинаковая ошибка в начертании одной из дат (1160/116 г. вместо 1016 г.). Вероятно, весь текст надмогильной стелы Исма'ила аш-Шинази был лично составлен его сыном – Са'идом аш-Шинази, а затем нанесен на камень искусным камнерезом-каллиграфом.

Представляется принципиально важным рассмотрение вопроса об отсутствии в хронографе шиназской стелы дат событий после 1121/1709–10 г. Л.И. Лавров, а вслед за ним и другие исследователи [5, с. 364], объяснение этого факта видели в том, что на стелу были перенесены даты из хронографа, составленного в 1710–1712 гг. где-то в Южном Дагестане, который издавна был тесно связан с Шемахой. Мы объясняем этот факт иначе. По нашему мнению, на шиназскую стелу, датированную 1213/1798–99 г., были выборочно перенесены лишь семь дат исторических событий из хронографа 1168/1754–55 г. Малиджа ар-Рутули, поскольку ограниченность поверхности каменной стелы не позволяла нанести больше. Например, на стелу перенесено сообщение о сожжении селения Ахты жителями Кумуха и Рутула, но не перенесено сообщение об ответном сожжении Рутула ахтынцами в союзе с наместником Дербента в 948/1541–42 г. Отбор дат был произведен, судя по всему, Са'идом-*эфенди* аш-Шинази. Тот факт, что самая поздняя по времени дата пришлась на 1121/1709–10 г., носит случайный характер. Безусловно, сам Малидж, в свою очередь, использовал при составлении своего хронографа имеющиеся в его распоряжении исторические записи, но это не было хронографом, зафиксированным кем-то в 1710–1712 гг. Ведь в хронографе Малиджа имеется несколько дат событий, имевших место после 1710–1712 гг. Таким образом, мнение о существовании некоего отдельного хронографа, составленного в Южном Дагестане в 1710–1712 гг., представляется нам не соответствующим действительности.

Л.И. Лавров в комментариях кратко пишет о конкретных исторических событиях, отраженных в шиназском хронографе. Идентифицированы и

41 Возраст указан по лунному календарю *хиджры*.

упоминаемые в хронографе исторические лица, за исключением Га'иба Султан-Мурада ад-Дагистани. Л.И. Лавров признается, что не располагает сведениями о нем. Самое раннее событие, включенное в хронограф, – это разрушение города Шемахи Искандаром в 837/1433–34 г. Речь идет о правителе державы Кара-Коюнлу *султане* Искандаре, который неоднократно совершал разорительные походы в Ширван и Дагестан. Буквально за год-два до разрушения Шемахи войска Искандара проникли в горы Южного Дагестана, в Цахур[42], где им был дан отпор. Об этом свидетельствует известная надпись от 836/1432–33 г. из Цахура [17, с. 133–134, 204; 5, с. 269–272].

Шайх-шах, разоривший в 917/1511–12 г. селение Курах и область Кюре, – это ширван-шах Ибрахим II, правивший Ширваном в 1502–1524 гг. Его называли Шайх-шахом [3, с. 152]. Во время первой публикации шиназского хронографа (1959 г.) это был единственный на тот момент источник, в котором сообщалось о разорении Кураха и Кюре в начале XVI в. Ныне выявлено уже много рукописных хронографов, где говорится об этом событии. Нам встречались хронографы, где данное событие датировано иначе – 912/1506–07 г.

В сообщении о захвате Шемахи в 942/1535–36 г. Шахрух-*мирзой* ал-Кайтаги речь идет о фактически последнем правителе Ширвана из династии Дербенди – ширван-шахе Шахрухе, сыне Фарруха-Йасара II (1535–1538). С его низложением Ширван был превращен в провинцию государства Сефевидов, а сам Шахрух казнен в Иране в 1539 г. в возрасте 19 лет. *Нисба* «ал-Кайтаги», вероятно, указывает на то, что Шахрух до захвата Шемахи и восшествия на ширванский престол проживал в дагестанском Кайтаге. В некоторых дагестанских хронографах это историческое событие дополняется словами о восшествии Шахруха на престол (*сарир*).

О сожжении селения Ахты жителями Кумуха и Рутула говорится и в других выявленных дагестанских хронографах. Некоторые из них, например, хронограф 'Абд ал-Хайа [14, с. 176] датой сожжения называют не 943/1536–37 г., а 947/1540–41 г. Вместо «жителей» иногда говорится об *амирах*, т.е. правителях Кумуха и Рутула.

В дате сообщения шиназского хронографа о завоевании Шемахи иранским *шахом* 'Аббасом I (1571–1629) допущена ошибка – пропущен ноль. Это известное событие имело место не в 116, а 1016 г.х., что соответствует 1607–08 г. 116 г.х. указан и в некоторых других арабоязычных дагестанских хронографах, например в выявленном нами рукописном хронографе в селении Ашар[43].

О разорении селения Ахты сефевидскими войсками в 1030/1620–21 г. сообщается как в записях на полях дагестанских рукописных книг, так и в эпиграфических текстах. В рукописных хронографах предводителем сефевидских войск называется Бархудар-*султан*. В арабской надписи из селения Ахты, которая была опубликована еще в 1850 г. видным российским ориенталистом

42 Селение Цахур ныне Рутульского района расположено в верховьях реки Самур.
43 Лезгинское селение Ашар расположено в Курахском районе Дагестана.

Н.В. Ханыковым[44] по рисунку И.А. Бартоломея, говорится о разрушении селения Йусуф-*ханом*[45] [17, с. 160]. В этих сообщениях источников нет противоречия, поскольку оба были сефевидскими наместниками. Бархудар-*султан* был наместником Сефевидов в Дербенте, а Йусуф-*хан* занимал должность ширванского *беглербега* с резиденцией в Шемахе. Следует согласиться с Л.И. Лавровым, который предположил, что поход на Ахты был осуществлен в результате совместных действий обоих наместников по приказу сефевидского *шаха* ʻАббаса I [3, с. 153–154].

Отдельного рассмотрения требует последнее по времени историческое событие шиназского хронографа, в котором говорится о разорении Мускура[46] Га'ибом Султан-Мурадом ад-Дагистани в 1121/1709–10 г. Под «Мускуром» Л.И. Лавров понимал не историческую область Восточного Кавказа Мушкур (Мускур, Мюшкюр), а «лезгинское селение» [3, с. 154]. Однако селения под таким названием не существует. *Нисбу*, образованную от названия области Мускур/Мушкур, носили такие известные на Восточном Кавказе исторические личности, как средневековый ученый-богослов и суфий, шайх Йусуф ал-Мускури и руководитель антииранского освободительного движения в первой четверти XVIII в., а впоследствии хан Ширвана *хаджжи* Давуд ал-Мушкури.

Наибольший интерес вызывает личность упомянутого в надписи человека. Л.И. Лавров признается, что «не знает, кто такой Султан Мурад Дагестанский», полагая, что во время широкого антииранского движения на Восточном Кавказе он был сторонником иранской ориентации. Представляется, однако, что все было совсем наоборот. Дело в том, что в сочинении *Гулистан-и Ирам* А.К. Бакиханова упоминается «визирь» *хаджжи* Давуда *хаджжи* Гайб Алпанский[47], по наущению которого кубинцы восстали против своего владетеля Султан Ахмад-хана, который был ставленником Сефевидов. Далее А.К. Бакиханов пишет, что в 1123 г. *хиджры* (1711 г.) восставшими была взята крепость Худат, а Султан Ахмад-хан со своими приближенными был убит [14, с. 125]. Эти события, синхронные сообщению хронографа, происходили на территории исторического Мушкура. Таким образом, возможно отождествление *хаджжи* Гайба с Га'ибом Султан-Мурадом. А.Г. Серебров [18, с. 182] отмечает, что Султана Ахмад-хана убил его тесть, кубинский бек по имени «Аджи наиб», под которым легко угадывается *хаджжи* Гайб (Га'иб). Отметим, что и графически имя Га'иб (غائب) схоже со словом *на'иб*[48] (نائب).

Надписи вертикальных эпиграфических лент шиназской стелы не были прочитаны. Более того, о самом их существовании прежде не было известно. Изучение текста эпиграфических лент показало, что они содержат стихи.

44 *Ханыков Н.В.* Археологическое известие // Газета «Кавказ». Тифлис, 53№ .1850, надпись 8.

45 О судьбе этой надписи и ее точном месторасположении 170 лет ничего не было известно. Считалось, что она не сохранилась. В октябре 2020 г. мы отыскали эту средневековую надпись в сел. Ахты.

46 Мускур/Мушкур – историческая область в Западном Прикаспие, ныне на северо-востоке Азербайджанской Республики.

47 Селение Алпан Кубинского района расположено на северо-востоке Азербайджанской Республики.

48 Арабским термином *на'иб* («заместитель») обозначалась должность наместника.

На правой ленте высечены три бейта (двустишия), авторство которых приписывается ʻАли б. Аби Талибу[49]. Третий бейт высечен мелким почерком в короткой узкой полосе у самого края стелы.

عُدّ من نَفسك الحياء فصُنها وتوق الدّنيا وَلا تامَنَنْها انما جئتها لتستقبل الموت وادخلتها لتخرج عنها
سوف يبقى الحديث بعدك فانظر ایّ احدثة تحب فكنها

Перевод:

«Приучи себя к стыдливости и сохрани ее. Остерегайся бренного мира и не верь ему. Ты родился, чтобы встретить смерть. Вошел в этот мир, чтобы покинуть его. Слово твое остается после тебя. Так смотри же, что ты желаешь, чтобы осталось после тебя!».

В левой эпиграфической ленте содержатся стихи знаменитого средневекового мистика и поэта ʻаббасидской эпохи Мансура ал-Халладжа[50]. Стихи ал-Халладжа впервые зафиксированы в эпиграфике Дагестана.

دنيا تخادعنى كانى لست اعرف حالها حظر الاله حرامها وانا اجتنبت حلالها مدت الى يمينها
فرددتها وشمالها ورايتها محتاجة فوهبت جملتها لها

Перевод:

«Этот мир пытается меня обмануть, словно я не знаю, что он из себя представляет. Ведь Господь предостерег от [всего] запретного этого мира, но я сторонюсь даже дозволенного. Этот мир протянул ко мне правую руку, но я отверг ее. А затем и левую руку. И когда я узрел, что он нуждается, то отдал всего его ему самому»[51].

Гельхенская стела с хронографом

Хронограф на стеле из Шиназа послужил образцом при создании аналогичного хронографа на каменной стеле в лезгинском селении Гельхен[52]. Гельхен расположен недалеко от Шиназа, у подножия северных склонов Самурского хребта, в то время как Шиназ находится на отрогах южного склона этого же хребта. Связь между селениями осуществлялась прежде посредством перевальных троп через Самурский хребет, вершины которого на этом участке достигают высоты 3500 м.

Гельхенская стела с хронографом (Рис. 4) расположена на сельском кладбище, вблизи известного мавзолея позднесредневекового суфийского *шайха* Ахмада ал-Кулхани. Видимая часть надмогильной каменной стелы имеет почти квадратную форму (высота – 95 см, ширина – 93 см, толщина – 7 см). Стела была сфотографирована в 1954 г. этнографом Б.А. Калоевым, который

49 ʻАли б. Аби Талиб (ум. в 661 г.) – двоюродный брат и зять пророка Мухаммада, четвертый «праведный» халиф.

50 Абу ʻАбдаллах ал-Хусайн б. Мансур ал-Халладж (858–922) был учеником таких известных суфиев как Сахл ат-Тустари, Амр ал-Макки и Джунайд ал-Багдади. По обвинению в богохульстве был заключен в тюрьму и в 922 г. казнен. Является автором сочинения *Китаб ат-тавасин*.

51 Автор статьи благодарит М.Г. Шехмагомедова за содействие в переводе стиха.

52 Высокогорное селение Гельхен Курахского района Дагестана расположено в верховьях реки Курах-чай (лезг. Кьурагъ-вацI) на высоте около 1750 м над уровнем моря.

передал фотографию Л.И. Лаврову. В 1959 г. Л.И. Лавров опубликовал рисунок стелы и перевод ее надписи [2, с. 19]. Перевод текста был осуществлен при содействии В.И. Беляева. В 1968 г. Л.И. Лавров повторно опубликовал надпись с некоторыми изменениями [3, с. 633]. Текст из 12 строк в плоском рельефе занимает практически всю лицевую поверхность стелы и нанесен методом выемки фона. Почерк – каллиграфический *насх*. Строки разделены поперечными полосами. Текст местами поврежден. Как и на шиназской стеле, надписи гельхенского памятника состоят из трех частей: собственно эпитафии (1–2 строки и половина третьей), которая принадлежит ʻАбдурахману-*эфенди*, сыну *малла* Ибрахима, периодизации от ʻАбдаллаха б. ʻАббаса (3–7 строки) и исторического хронографа (8–12 строки). Подобно шиназскому хронографу, здесь представлены те же семь исторических событий. В самой верхней части стелы, над основным текстом имеется отдельная короткая запись, о которой прежде ничего не сообщалось: «От болезни холеры» (*би-марад ал-ваба'*), из чего можно заключить, что владелец эпитафии скончался от распространившейся эпидемии. За исключением эпитафии и окончания надписи весь остальной текст гельхенской стелы почти полностью совпадает с текстом шиназского памятника. Изучение надписей на месте показало, что чтение Л.И. Лаврова содержит ряд неточностей. Мы предлагаем альтернативное прочтение даты эпитафии. Впервые прочтено окончание надписи. Оно содержит не «изречение», как считал Л.И. Лавров, а стих ʻАли б. Аби Талиба. Этого стиха нет на шиназской стеле. Л.И. Лавров считал, что периодизация от ʻАбдаллаха б. ʻАббаса и хронограф исторических событий были перенесены на гельхенскую стелу с некоторыми ошибками в цифрах. Однако цифровые обозначения на гельхенской стеле практически те же, что и на шиназской стеле, лишь сами надписи сохранились несколько хуже. Наше прочтение полного текста гельхенской стелы выглядит следующим образом:

١) بمرض الوباء
٢) قد ارتحل من دار الفناء الى دار [البقاء] عبد الرحمن افندى بن ملا
٣) ابراهيم غفر الله لهما امين ١٢٦٥ بيان التواريخ والاصحّ الاصدق
٤) الارجح ما بيّنه ورواه عبد الله بن عباس رضى الله عنهما قال من ادم
٥) الى نوح سنة ٢٢٥٦ ومن طوفان الى ابرهيم سنة ١٠٩٩ ومن ابرهيم الى موسى سنة ٥٤٥ ومن موسى
٦) الى سليمان سنة ٥٣٥ ومن سليمان الى اسكندر ذى القرنين سنة ٧٧٠ ومن اسكندر
٧) الى عيسى سنة ٣٦٩ ومن عيسى الى محمد صلى الله عليه وسلم سنة ٥٥٠ فالمجموع سنة ٦١٢٥ تاريخ فتح
٨) بلدة شماخى بيد شاه عباس سنة ١١٦ تاريخ تخريب بلدة شماخى بيد اسكندر سنة ٨٣٧
٩) تاريخ تخريب قرية قراه وكوره بيد شيخ شاه سنة ٩١٧ تاريخ فتح بلدة شماخى
١٠) بيد شاه روخ ميرض القيتاغى سنة ٩٤٢ تاريخ احراق اختى بيد برخدار سلطان
١١) الرافضى سنة ١٠٣٠ تاريخ تخريب مسكور بيد غائب سلطان مراد الداغستانى سنة ١١٢١ تاريخ احراق قرية اختى

١٢) بايدى اهال قمق ورطول سنة ٩٤٣ الموت لا والدا يبقى ولا ولدا هذا السبيل الى ان لا ترى احدا

Перевод:

«1) От болезни холеры

2) переселился из бренного мира в [вечный] мир[53] ‘Абд ар-Рахман-*афанди*, сын *малла*

3) Ибрахима, – да простит их обоих Аллах. Аминь! 1265 г.[54] Разъяснение дат (*ат-таварих*) – самое достоверное, самое правдивое,

4) наиболее вероятное – это то, которое показал (*баййанаху*) и сообщил (*равахуу*) ‘Абдаллах б. ‘Аббас, – да будет доволен ими обоими Аллах. Он сказал, что от Адама

5) до [пророка] Нуха – 2256 лет, от потопа до [пророка] Ибрахима – 1099 лет, от Ибрахима до [пророка] Мусы – 545 лет[55]. От Мусы

6) до [пророка] Сулаймана – 535 лет, от Сулаймана до Искандара Зу-л- Карнайна – 770 лет[56], от Искандара

7) до [пророка] ‘Исы – 369 лет и от ‘Исы до [пророка] Мухаммада, – да благословит его Аллах и приветствует[57], – 550 лет[58]. А всего – 6125 лет. Дата завоевания

8) города Шемахи (*балдат Шамахи*) *шахом* ‘Аббасом – 116 год. Дата разрушения города Шемахи Искандаром – 837 год.

9) Дата разрушения селения Курах (*карйат Курах*) и [области] Кюре (*Кура*) Шайх-шахом – 917 год. Дата завоевания города Шемахи

10) Шахрух-*мирзой*[59] Кайтагским (*ал-Кайтаги*) – 942 год. Дата сожжения [селения] Ахты (*Ахти*) Бархудар-*султаном*

11) отступником (*ар-рафиди*) – 1030 год[60]. Дата разорения Мускура Га’иб[61] Султан-Мурадом Дагестанским (*ад-Дагистани*) – 1121 год. Дата сожжения [селения] Ахты (*Ахти*)

12) жителями Кумуха (*Кумук*) и Рутула – 943 год. Смерть не щадит ни родителей, ни детей. Этот путь продолжится, пока не останется никого».

Дата эпитафии читается отчетливо. 1265 г.х. соответствует 1848–49 г. В публикации от 1959 г. Л.И. Лавров датирует стелу 1260/1844 г. В публикации же от 1968 г. Л.И. Лавров изменил дату на 1240/1824–25 г. Наше прочтение даты

53 Фраза «в вечный мир» в публикации перевода Л.И. Лаврова от 1968 г. отсутствует.

54 На полях дагестанских рукописей, а также в эпиграфических памятниках сохранилось множество записей об имевших место в Дагестане эпидемиях чумы и холеры. Об эпидемии холеры в 1265/1848–49 г. прежде не было известно.

55 Л.И. Лавров читает: 449 лет.

56 Л.И. Лавров читает: 77 лет.

57 В гельхенской надписи, в отличие от шиназской, формула величания пророка Мухаммада высечена не в виде краткой аббревиатуры, а полностью.

58 Л.И. Лавров читает: 55 лет.

59 Л.И. Лавров слово *мирза* («принц»), обозначающее, в данном случае, принадлежность Шахруха к династии ширван-шахов, ошибочно читает как прилагательное «больной», которое графически выглядит очень похоже. Отсюда его перевод: «Шахрух больной Кайтагский» [3, с. 94].

60 Л.И. Лавров читает: 130 год.

61 Л.И. Лавров считает, что в гельхенской надписи вместо < غائب > начертано < غلب >. Поэтому фразу он читает так: «дата разорения Мюшкура рукой победы Султан Мурада Дагестанского…».

подтверждается содержанием другой эпитафии (Рис. 5), которая нанесена на надмогильную стелу 95×47×10 см, установленную впритык к стеле с хронографом. Эпитафия надмогильной стелы посвящена сыну ʻАбд ар-Рахмана-*эфенди* и датирована 1273/1856–57 г. Она гласит:

١) قد ارتحل من دار الفناء الى دار
٢) البقاء ملا محمد بن ملا عبد الرحمن
٣) بن ملا ابراهيم بن ملا رمضان بن ملا
٤) حسين وهو رجل شاب
٥) مات فى طلب العلم حين
٦) بدا اضهار وكان عمره
٧) ثمانية عشر سنة غفر
٨) الله لهم امين فى ١٢٧٣

Перевод:

«1) Переселился из бренного мира в мир
2) вечный *малла* Мухаммад, сын *малла* ʻАбд ар-Рахмана,
3) сына *малла* Ибрахима, сына *малла* Рамадана, сына *малла*
4) Хусайна. А он [был] молодым человеком (*раджул шабб*).
5) Он умер, изучая науки, когда
6) начал [изучение книги] *Идхар*[62]. И было ему
7) восемнадцать лет, – да простит
8) их [всех] Аллах. Аминь! В 1273 г.».

1273 г.х. соответствует 1856–57 г. В эпитафии указан возраст покойного по лунному календарю *хиджры* – 18 лет. Следовательно, он родился примерно в 1849 г. Это означает, что его отец ʻАбдурахман не мог скончаться ни в 1240/1824–25 г., ни в 1260/1844 г. Поэтому обе датировки гельхенской стелы с хронографом, предложенные Л.И. Лавровым, не верны. Датой стелы следует считать 1265/1848–49 г. Из новой датировки выходит, что ʻАбдурахман умер вскоре после рождения его сына Мухаммада.

Вызывает интерес личность ʻАбдурахмана-*эфенди* (*малла* ʻАбдурахмана). Содержание двух гельхенских эпитафий свидетельствует о том, что он происходил из семьи потомственной духовной элиты Гельхена. Эпитафия его сына позволяет узнать имена деда и прадеда ʻАбдурахмана-*эфенди*. Все известные представители этого рода в XVIII–XIX вв. были духовными лицами, знатоками мусульманского права и ритуала, на что указывают термины *эфенди* и *малла*. В селении Гельхен нами обнаружена строительная надпись XIX в., в которой упоминается «*малла* Хашим, сын *малла* ʻАбдурахмана». Вероятно, это старший брат *малла* Мухаммада, скончавшегося в 18-летнем возрасте. В колофоне арабоязычной рукописи из частной библиотеки жителя Гельхена Ибеева

62 В надписи приводится название сочинения, входившего в традиционную программу арабо-мусульманского образования в Дагестане. Вероятно, речь идет о популярном в Дагестане грамматическом сочинении Изхар *ал-асрар* – учебнике арабского языка Мухаммада б. Пир-ʻАли ал-Баркави (ум. в 981/1573 г.). Название сочинения начертано в надписи с ошибкой (<ض> вместо <ظ>).

Манафа мы прочли запись о переписке ʻАбдурахманом, сыном *малла* Ибрахима ал-Кулхани[63] сочинения *Китаб ал-Анвар* в «четверг, пятнадцатый день месяца *зу-л-каʻда* тысяча двести сорок четвертого года *хиджры*», т.е. 18 мая 1829 г. Безусловно, речь идет о владельце эпитафии гельхенской стелы с хронографом.

Заключение

Интерес, проявленный нами к изучению надписей двух старых дагестанских надмогильных стел, легко объясним. Среди тысяч подобных памятников, сохранившихся в Дагестане, стелы из Шиназа и Гельхена выделяются наличием в их арабских текстах хронографов исторических событий, имевших место в Южном Дагестане и соседнем Ширване в XV – начале XVIII в. Несколько десятков лет, что прошли после введения этих эпиграфических памятников в научный оборот в 1959 г., их никто не изучал. Применяемая нами в последние годы методика сплошного исследования дагестанской эпиграфики способствовала тому, что был проведен тщательный анализ содержания арабских надписей стел непосредственно на месте. Предложено новое их прочтение, в том числе внесены коррективы в чтение исторических хронографов. Как теперь достоверно установлено, владельцем эпитафии шиназской стелы 1798–99 г. является известный дагестанский ученый XVIII в. Исмаʻил аш-Шинази. Определено и время его жизни, что прежде не было известно. Распространенное мнение о том, что наставниками Исмаʻила аш-Шинази были дагестанские ученые XVII в., не выдерживает критики, поскольку они скончались задолго до его рождения.

Предложена альтернативная датировка аналогичной стелы из Гельхена, расположенная на могиле представителя потомственной духовной элиты этого селения ʻАбдурахмана-*эфенди*, сына *малла* Ибрахима. Гельхенская стела была создана в 1848–49 г., т.е. ровно через полвека после шиназской стелы. Мы пришли к выводу, что источником для хронографов обеих стел не был хронограф, созданный в 1710–12 гг., как считалось прежде. Непосредственным источником послужил рукописный исторический хронограф Малиджа ар-Рутули от 1754–55 г. Высказано мнение, что рукопись с хронографом Малиджа ар-Рутули принадлежала ученому Саʻиду аш-Шинази, сыну Исмаʻила аш-Шинази. Саʻид аш-Шинази, видимо, и был составителем всего текста шиназской стелы на могиле своего отца. Впервые установлено, что тексты обеих стел содержат отрывки из средневековой арабской поэзии. Авторами этих стихов являются *халиф* ʻАли б. Аби Талиб (ум. в 661 г.) и знаменитый мистик ʻаббасидской эпохи Мансур ал-Халладж (ум. в 922 г.). Стихи ал-Халладжа впервые зафиксированы в эпиграфике Дагестана. Приходится констатировать, что поэзия все еще остается одной из наименее изученных сторон эпиграфики Дагестана. В будущем

63 Ал-Кулхани – *нисба*, обозначающая селение Гельхен.

предстоит большая работа по изучению образцов поэтического творчества в надписях Дагестана.

Бытовавшая в Южном Дагестане практика включения исторических хронографов в тексты надмогильных памятников, безусловно, свидетельствует об интересе, который проявляли к изучению истории представители интеллектуальной элиты дагестанского общества. Подтверждается тезис о тесной связи эпиграфических памятников Дагестана с нарративными текстами.

Рис. 1. Верхний фрагмент шиназской стелы 1798-99 г.

Fig. 1. Upper fragment of the Shinaz stele of 1798-99

Рис. 2. Нижний фрагмент шиназской стелы

Fig. 2. Lower fragment of the Shinaz stele

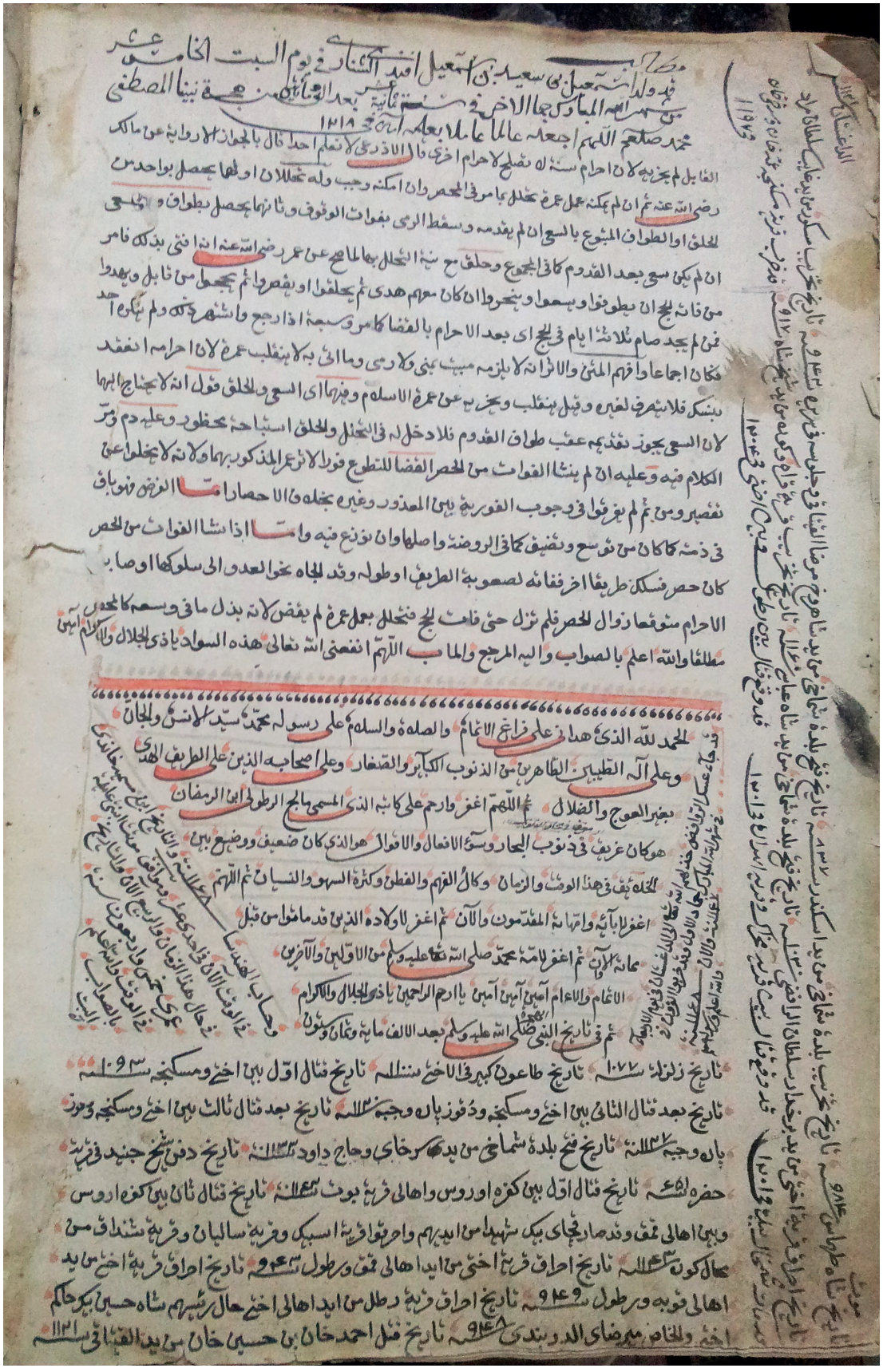

Рис. 3. Страница рукописи с историческим хронографом 1754-55 г. Малиджа ар-Рутули

Fig. 3. Page of a manuscript with historical chronograph of 1754-55 by Malij ar-Rutuli

Рис. 4. Стела 1848-49 г. из Гельхена

Fig. 4. Stele of 1848-49 from Gelhen

Рис. 5. Эпитафия 1856-57 г. из Гельхена

Fig. 5. Epitaph of 1856-57 from Gelhen

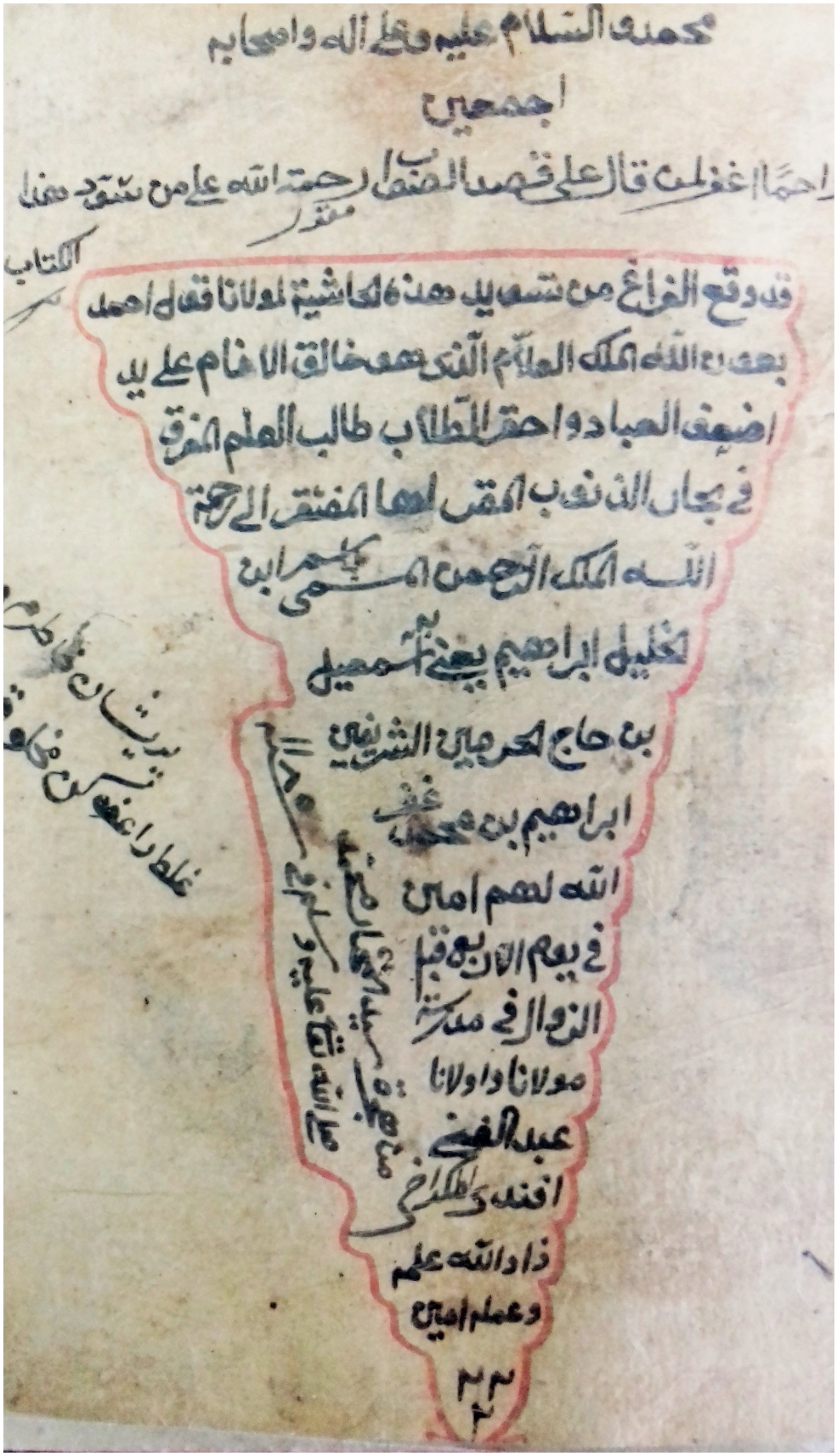

Рис. 6. Колофон рукописи, переписанной Исма‘илом аш-Шинази в 1771-72 г.

Fig. 6. Colophon of a manuscript rewritten by Isma'il al-Shinazi in 1771-72

Рис. 7. Колофон рукописи, переписанной Исма‘илом аш-Шинази в 1774-75 г.

Fig. 7. Colophon of the manuscript rewritten by Isma'il al-Shinazi in 1774-75

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Генко Г.А., Груздева Е.Н. Страницы биографии этнографа Л.Б. Панек. – СПб.: Реноме, 2015. – 32 с.

2. Лавров Л.И. Южнодагестанский хронограф 1710–1712 гг. // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. XXXII. М., 1959. С. 18–22.

3. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2. Надписи XVIII–XX вв. / Изд. текстов, пер., коммент., ст. и прил. Л.И. Лаврова. – М.: Наука, 1968. – 248 с.

4. Мусаев Г.М.-С. Рутулы (XIX – начало XX вв.). Историко-этнографическое исследование. – Махачкала: Юпитер, 1997. – 288 с.

5. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. – М.: Наука, 1984. – 463 с.

6. Аликберов А.К. К источникам и историческим основаниям коранического рассказа о Йа'джудже, Ма'джудже и Зу-л-Карнайне // Ars Islamica: в честь Станислава Михайловича Прозорова / сост. и отв. ред. М.Б. Пиотровский, А.К. Аликберов; Ин-т востоковедения РАН. – М., 2016. С. 279–356.

7. Тагирова Н.А. Оригинальная дагестанская литература Нового времени на арабском языке (по материалам Фонда восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН) // Дагестан и мусульманский Восток: сб. ст. / сост. и отв. ред. А.К. Аликберов и В.В. Бобровников. – М.: Изд. дом Марджани, 2010. С. 233–258.

8. Назир ад-Дургили. Услада умов в биографиях мусульманских ученых (Нузхат ал-азхан фи тараджим 'улама' Дагистан): дагестанские ученые X–XX вв. и их сочинения / пер. с араб, коммент., факс. изд., указ. и библиогр. подгот. А.Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым. – М.: Изд. дом Марджани, 2012.

9. Оразаев Г.М.-Р. Из биографических очерков Али Каяева о дагестанских ученых (Ученые в области естественных наук – астрономии, космографии, астрономии) // Вестник ИИАЭ. 2015. №3. С. 96–103.

10. Каталог арабских рукописей Научной библиотеки Дагестанского государственного университета. Сост. А.Р. Шихсаидов, Х.А.

REFERENCES

1. Genko GA, Gruzdeva EN. *Pages of the biography of the ethnographer L.B. Panek [Stranitsy biografii etnografa L.B. Panek].* Saint-Petersburg: Renome, 2015. (in Russ)

2. Lavrov LI. South Dagestan chronograph, 1710–1712 [Yuzhnodagestanskiy khronograf 1710–1712 gg.] *Brief reports of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR [Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR]. Issue XXXII.* Moscow, 1959: 18-22. (in Russ)

3. *Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part 2 Inscriptions of the 18th - 20th centuries [Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh. Ch. 2 Nadpisi XVIII-XX vv.]. Ed., trans., comments, annex by L.I. Lavrov.* Moscow: Nauka, 1968. (in Russ)

4. Musaev GM-S. *Rutuls (XIX - early XX centuries). Historical and ethnographic study [Rutuly (XIX - nachalo XX vv.). Istoriko-etnograficheskoe issledovanie].* Makhachkala: Jupiter, 1997. (in Russ)

5. Shikhsaidov AR. *Epigraphic monuments of Dagestan of the 10-17th centuries as a historical source [Epigraficheskie pamyatniki Dagestana X–XVII vv. kak istoricheskiy istochnik].* Moscow: Nauka, 1984. (in Russ)

6 Alikberov AK. On the sources and historical foundations of the Koranic story about Ya'juj, Ma'juj and Zu-l-Karnain [K istochnikam i istoricheskim osnovaniyam koranicheskogo rasskaza o Ya'dzhudzhe, Ma'dzhudzhe i Zu-l-Karnayne]. *Ars Islamica: in honor of Stanislav Mikhailovich Prozorov.* M.B. Piotrovsky, A.K. Alikberov (comp. and eds.). Moscow, 2016:279-356. (in Russ)

7. Tagirova NA. Original Dagestan Literature of the New Time in Arabic (based on the materials of the Fund of Oriental Manuscripts of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences) [Original'naya dagestanskaya literatura Novogo vremeni na arabskom yazyke (po materialam Fonda vostochnykh rukopisey Instituta istorii, arkheologii i etnografii DNTs RAN)]. *Dagestan and the Muslim Orient: collection of articles.* A.K. Alikberov, V.V. Bobrovnikov (comp. and eds.). Moscow: Mardzhani Publ., 2010:233-258. (in Russ)

8. Nazir ad-Durgili. T*he delight of minds in the biographies of Muslim scholars (Nuzhat al-azkhan fi tarajim 'ulama' Dagistan): Dagestan scholars of the 10th – 20th centuries and their works [Uslada umov v biografiyakh musul'manskikh uchenykh (Nuzkhat al-azkhan fi taradzhim 'ulama' Dagistan): dagestanskie uchenye X–XX vv. i ikh sochineniya].* Transl. from Arabic, commentary, and bibliography by A.R. Shikhsaidov, M. Kemper, A.K. Bustanov. Moscow: Mardjani Publ., 2012. (in Russ)

Омаров, Д.Х. Гаджиева, П.М. Алибекова. – Махачкала, 2004.

11. Айтберов Т.М. Эпиграфические памятники (из полевых материалов) // Журнал «Лезгистан». № 3–4. 1993. С. 65–76.

12. *Бобровников В.О.* Арабская эпиграфика (XIV–XX вв.). // Дагестанское село: вопросы идентичности (на примере рутульцев). Отв. ред. Т.Ф. Сиверцева. – М., 1999. С. 113–128.

13. Хасан-эфенди ал-Алкадари. Асари Дагестан (Исторические сведения о Дагестане). Пер. и прим. Али Гасанова (Алкадари). – Махачкала: Юпитер, 1994.

14. Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам / Ред., коммент., прим. и указ. З.М. Буниятова. – Баку, 1991.

15. *Закарияев З.Ш.* Арабоязычная строительная эпиграфика XIX в. из рутульских селений Дагестана // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. №123. – СПб., 2010. С. 22–29.

16. Баркуев К., Ахмедов М.-К., Шихсаидов А.Р. Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей // Учен. зап. ИИЯЛ. Т. XI. – Махачкала, 1963. С. 173–185.

17. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X–XVII вв. / Тексты, пер., коммент., введ. и прил. Л.И. Лаврова. – М.: Наука, 1966. – 300 с.

18. Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М.: Издательство восточной литературы. 1958. С. 173–196.

Статья поступила в редакцию 06.05.2021 г.

9. Orazaev GM-R. From biography of Ali Kayaev about Dagestan scholars (Researchers in the field of natural sciences – astronomy, cosmography, astronomy) [Iz biograficheskikh ocherkov Ali Kayaeva o dagestanskikh uchenykh (Uchenye v oblasti estestvennykh nauk –astronomii, kosmografii, astronomii)]. *Herald of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2015, 3:96-103. (in Russ)

10. C*atalog of Arabic manuscripts of the Scientific Library of the Dagestan State University [Katalog arabskikh rukopisey Nauchnoy biblioteki Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta]. A.R.Shikhsaidov, Kh.A. Omarov, D.Kh. Hajiyeva, P.M. Alibekova (comp.)*. Makhachkala, 2004. (in Russ)

11. Aytberov TM. Epigraphic monuments (from field materials) [Epigraficheskie pamyatniki (iz polevykh materialov)]. *Lezgistan*. 1993, 3-4: 65-76. (in Russ)

12. Bobrovnikov VO. Arabic epigraphy (XIV – XX centuries) [Arabskaya epigrafika (XIV–XX vv.). *Dagestan village: issues of identity (on the example of the Rutuls) [Dagestanskoe selo: voprosy identichnosti (na primere rutul'tsev)]. T.F. Sivertseva (ed.)*. Moscow, 1999: 113-128. (in Russ)

13. Hasan-effendi al-Alkadari. *Asari Dagestan (Historical information about Dagestan) [Khasan-efendi al-Alkadari. Asari Dagestan (Istoricheskie svedeniya o Dagestane)]. Ali Gasanov (Alkadari) (transl. and comm.)*. Makhachkala: Jupiter, 1994.

14. Bakikhanov AK. *Gulistan-e Eram. Z.M. Buniyatov (ed. and comm.)*. Baku, 1991.

15. Zakariyaev ZSh. Arabic-language building epigraphy of the 19th century from the Rutul villages of Dagestan [Araboyazychnaya stroitel'naya epigrafika XIX v. iz rutul'skikh seleniy Dagestana]. *News of the Russian State Pedagogical University*. Saint-Petersburg. 2010, 123: 22-29. (in Russ)

16. Barkuev K, Akhmedov M-K, Shikhsaidov AR. Historical information about Dagestan from Arabic manuscripts [Istoricheskie svedeniya o Dagestane iz arabskikh rukopisey]. *Proceedings of the Institute of History, Language and Literature. Vol. XI*. Makhachkala, 1963:173-185.(in Russ)

17 *Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part 1 Inscriptions of the 10th – 17th centuries [Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh. Ch. 1 Nadpisi X–XVII vv.]. Texts, trans., comments, introd. by L.I. Lavrov*. Moscow: Nauka, 1966. (in Russ)

18. Serebrov AG. Historical and ethnographic description of Dagestan. 1796 [Istoriko-etnograficheskoe opisanie Dagestana. 1796 g.] *History, geography and ethnography of Dagestan in the 18th - 19th centuries. Archival materials [Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XVIII – XIX vv. Arkhivnye materialy]*. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ, 1958:173-196. (in Russ)

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174848-858

Gor A. Margaryan,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Senior Researcher
Institute of Oriental Studies
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia
gor_margaryan@mail.ru

Kristine P. Kostikyan,
Dr. Sci. (History), Senior Researcher
Mesrop Mashtots Institute of Ancient Manuscripts (Matenadaran); Yerevan, Armenia
kkostikyan@yahoo.com

Anahit A. Tovmasyan,
Junior Researcher
Mesrop Mashtots Institute of Ancient Manuscripts (Matenadaran); Yerevan, Armenia
tovmasyananahitt@gmail.com

AGULIS ON THE CROSSROADS OF INTERNATIONAL TRADE THROUGH CAUCASUS IN 17TH-18TH CENTURIES

Abstract. Agulis was an Armenian old settlement in Naxiǰevan province, mentioned in sources since 11th century. The 17th-18th century history of Agulis is well attested in contemporary Armenian and foreign sources: travel-notes of European authors, Ottoman Turkish and Persian documents. Many issues of its history are considered within researches on the history of Armenia as well as Safavid and Afsharid states of Iran. Yet many problems of the 17th-18th century history of Agulis still need a careful investigation, which may be supplemented on the basis of the data contained in the unstudied archive documents of the Matenadaran. One of the problems researched in the article is the status of the settlement as a khāṣṣ estate during the rule of Qarā Quyūnlū Iskandar and later Safavid period. This status has been considered by the authors as a reason for the survival of the settlement during forced migrations of the people of Transcaucasus and Naxiǰevan organized by shah ʻAbbās I. The later growth of the settlement to a trade-economic centre and populous town in Naxiǰevan is discussed on the basis of historical sources, and with the consideration of existence of an Armenian kalāntar in late 17th century and the beginning of 18th century. The article considers the trade ties of local merchants with Ottoman, Russian and European states, and their importance for the economic development of the town. The existence of a major group of Armenian Catholics there and the state of the town's Apostolic eparchy in Safavid period, the situation there during Nādir Shāh's rule and its decline after the attacks of Āzād Khān Afghān in 1752-1754 are among the issues elucidated in the article.

Keywords: Agulis; Transcaucasus; trade-routes; tamghā; silk; khāṣṣ; kalāntar; Armenian merchants; khoja.

© G.A. Margaryan, K.P. Kostikyan, Anahit A. Tovmasyan, 2021
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2021

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174848-858

Маргарян Гор Араратович
к.и.н., доцент, старший научный сотрудник
Институт востоковедения
Национальная академия наук Армении, Ереван, Армения
gor_margaryan@mail.ru

Костикян Кристина Петросовна
д.и.н., старший научный сотрудник
Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран), Ереван, Армения
kkostikyan@yahoo.com

Товмасян Анаит Араиковна
младший научный сотрудник
Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран), Ереван, Армения
tovmasyananahitt@gmail.com

АГУЛИС НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ПУТЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ НА КАВКАЗЕ В XII-XVIII ВЕКАХ

Аннотация. Агулис – одно из древних армянских поселений Нахичеванской провинции, которое отмечено в источниках, начиная с XI в. История XVII-XVIII вв. хорошо засвидетельствована в армянских и иноязычных источниках того периода: путевых заметках европейских авторов, в османских и персидских документах. Многие вопросы его истории освещены в рамках исследований по истории Армении, а также Сефевидского и Афшаридского государств Ирана. Но многие проблемы истории XVII–XVIII до сих пор нуждаются в более подробном изучении, в том числе на основе неисследованных документов Матендарана. Одна из проблем, исследованных в статье, статус этого поселения как хасского владения в период правления в Кара-Коюнлу Искандара и позднее – Сефевидской династии. Этот статус рассматривается авторами как основная причина его нетронутости во время насильственных массовых переселений населения Закавказья и Нахичевана, инициированных шахом Аббасом I. На базе исторических источников также изучен вопрос дальнейшего развития этого поселения как торгово-экономического центра и многолюдного города Нахичевана, учитывая появление там нового должностного лица, армянского калантара в конце XVII – начале XVIII в. В статье рассматриваются торговые отношения местного купечества с Османским, Российским и Европейскими государствами и их значение для развития города. Освещены также вопросы существования там большой группы армян католиков, состояние апостольской епархии города в Сефевидский период, ситуация, сложившаяся в период правления Надир-шаха и упадок вследствие атак со стороны Азат-хана Афганского в 1752–1754 гг.

Ключевые слова: Агулис; Закавказье; торговые пути; тамга; шелк; хасс; калантар; армянские торговцы; ходжа.

© Маргарян Г.А., Костикян К.П., Товмасян А.А., 2021
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

Until recently the attention of many scholars has been focused mainly on the commercial activities of the Armenian merchants of New Julfa, who played an important role in the foreign trade of Safavid Iran in the 17th century. However, the start of their activities should be considered from its cradle – Old Julfa, on the bank of Araxes River and neighboring Armenian villages, which had been passed under the rule of Safavid state from the times of its formation.

The conclusion of Amasia treaty in 1555, after a long period of wars, stimulated the development of handicraft production and trade in Naxiǰevan region where those settlements lived. Both Safavid and Ottoman states admitted the importance of economic improvement and development, and had similar laws guaranteeing it during the periods of peace, which are important circumstances for trade. Shah Isma'īl established a number of silk and cotton cloth manufactories, Shah Tahmāsb had wells dug in caravanserais, standardized weights and measures [1, p. 66]. The abolition of the tamghā, the main tax paid for trade and handicrafts, by the firman of Shah Tahmasb I in 1565 [2, p. 302], gave an additional impetus for the development of trade and economy in the Safavid state and Transcaucasian regions under Safavid rule. The importance of the region of Naxiǰevan and Old Julfa and attention of Safavid Tahmasb I on the region is evident from his special edict on tamgha's abolition addressed to the governors and high officials, "the local tamghāchīs and 'āmils of Julāh, Nakhīchavān, Gyukchah dangīz, Qāqzmān and Shūragil". This decree is now kept in the museum of St. All Saviour's church in Isfahan. It was studied and introduced for the first time by the Armenian scholar V. Papazian [3, pp. 133-135], then it was published in the collection of the Safavid decrees of the museum [4, p. 268].

The early Safavid shahs Isma'īl I and Tahmāsb I were kindly disposed toward their Armenian subjects [5, p. 63]. They were treated with more tolerance than Sunnis so that they were able to gain their share in the Iranian trade.

More efficient for the development of trade were the measures taken by Shah 'Abbās I, who built a great number of guest-houses (caravanserais) on the trade-routes and strengthened their security [1, p. 67]. Shah 'Abbās was not only tolerant towards its Christian subjects, but also considered them as suitable agents for the development of Iran's foreign trade, since they were more admissible in Europe for their faith and at the same time they had language and trading skills.

Agulis was one of the old Armenian settlements. It was mentioned as Argulik' for the first time at the beginning of 11th century by Sarkis Catholicos [6, p. 325]. Stepannos Orbelian also names it Argulik' [7, p. 263]. But in the colophons of the Armenian manuscripts of the 14th century it already appears as Agulis [8, p. 517].

The first quarter of 15th century was a hard period for Armenia and the region as a whole: there were the campaigns of Tamūr Lang, struggle for predominance between Timurids, Jalayirids, Qarā Quyūnlūs and Āq Quyūnlūs, and years of famine, locust and other disasters [9, p.129-139]. According to the information of an Armenian manuscript colophon already in 15th century Agulis had considerable economic significance, as Iskandar Qarā Quyūnlū (1420-1436) turned it into his khāṣṣ

property and made it tarkhān (freed from all taxes) for one year [10, p. 114-122]: «որ (Իսկանդարը) զի յոյժ ողորմած էր ազգիս Հայոց, եւս առաւել մեր գեղիս Ագուլեաց, իւր խաս արար, և մէկ տարի թարխան արար» [11, p. 337]:

In 17th century Zak'aria Agulec'i also stated, that "Agulis like its nearby settlements of Mełri, Shorot, Lehram (or Nehram) and Astapat were among the khāṣṣ lands belonging to the Safavid court [12, p. 134], that is the domain of shah's family [13, p. 108]: Khāṣṣ villages had special privileges and usually were more prosperous. These villages were under the direct control of Safavid central power and were more protected from tax extortion and unlawful demands of local officials [13, p. 110]. This means that Agulis kept its significance as an important economic and trade centre in 15th-17th centuries.

After the establishment of Ottoman rule over Transcaucasus at the beginning of the reign of Shah 'Abbās I, a part of the population of Dasht (or Sahra) district of Agulis moved to Isfahan because of the hard taxes levied during Ottoman predominance [14, p. 63-64].

According to the Ottoman tax register of Yerevan province of 1590, the number of male adults in Agulis was 149, of which only 9 were Muslims . If we take out of this, the number of those, who were not married (single), 14 males, the rest would be 125 adults who had families . This is a very small number for Agulis, which shows the demographic situation there under Ottoman rule, most likely after the emigration of the people of Dasht to Isfahan. Also, possibly many of the local inhabitants being merchants avoided registration being in other regions for commercial affairs.

At the beginning of 17th century the villages and towns of Naxiǰevan suffered from the hard blow of new Ottoman-Safavid wars and especially the forced migrations of its inhabitants by the order of Shah 'Abbās I.

According to Gouveia, 17th century European traveler, Agulis was easily conquered by the troops of shah 'Abbās I immediately after the conquest of Ordubad, from where shah moved to Juła and after three days' stay there shah moved to town Naxiǰevan, which at that time was entirely inhabited by Armenians [15, p. 138-9]. This European traveler mentions Agulis as one of the chief Armenian towns alongside with Yerevan, Naxiǰevan and Šarur [15, p. 148, 268].

Agulis was one of those rare settlements in Naxiǰevan region which most likely avoided the forced migration during Shah 'Abbās's rule, or else recovered very soon after it.

We have two decrees issued one in 1604, which was the first year of the forced migration of the people of Transcaucasus, and the other – in 1606 by Shah 'Abbās I on account of the taxes of the vaqf mulks of St. Tovma monastery. The decrees order to include it into the whole sum of the taxes levied from the community of Agulis [16, doc. 4, 6]. It is possible that Agulis was freed from the forced migrations due to its being a khāṣṣ (a royal domain), as it is known that shah 'Abbās was paying special attention to his family land property. He had even ordered that the tiyuls were granted to the soldiers and noblemen only from the divani (state) lands [13, p. 109].

Thus, the decrees as well as the evidence of the sources about Shah ʻAbbās's visit to Agulis in 1606 [17, p. 428] and 1617 [14, p. 287-9] witness that the latter had no intention to destruct the settlement and move its population. At the same time the destruction of Juła and other settlements led to the further economic growth and development of Agulis.

The Armenian settlements of Naxiǰevan region were specialized in the production of raw silk and various handicrafts [18, p. 31-33]. The province of Naxiǰevan with the towns of Old Juła, Naxiǰevan and Ordubad, like the regions of Yerevan, Tiflis and Shamakhi was outlined for silk production in the works of English travellers of 1500-1600-s [19, p. 93]. As Łevond Ališan notes, the main production exported by the merchants of Agulis was silk, the result of their mulberry trees [6, p. 333].

In many manuscripts of the 15th-17th centuries Agulis is called "gyułakałak" – a settlement, a semi-village or a semi-town in Armenian [11, p. 605; 20, p. 683, 684, 739, 744, 769, 826].

The 17th century was the period of rise for Agulis. Tavernier states in his travel notes describing his visit to Agulis (Ecclisia) in 1630s, that the richest Armenians lived there and "they drive a great trade in silk" [21, p. 17].

For the history of Agulis in the 17th century we have the diary of Zakʻarya Agulecʻi as a source, which draws the vivid picture of his life, trade activities, and at the same time gives much information about the settlement. Apart from this there are the epigraphic sources [22] and the Persian and Ottoman Turkish documents of Shariʻa courts on different activities of local merchants which supplement the history of the settlement and its inhabitants in 17th-18th century. The data of the Ottoman Turkish documents referring to the Armenian merchants of Agulis, who carried their activities in the territory of Ottoman Turkey was studied and introduced by the Turkish scholar Çakmak Ömer [23, ss. 157-179]. The latter reveals some details about their problems there and how they withstood the difficulties.

There are a considerable number (about 150 units) of Persian documents referring to the activities of the Agulis Armenian merchants in their homeland in the 17th-18th centuries. These documents were given with the estates to St. Tovma monastery by the leaving merchants who migrated from there. Thus, the documents appeared in the archive of the monastery and then – in the archive of Catholicosate of Matenadaran. The documents contained information about the eminent khojas of the town, their activities, land property and problems occurred in transmission of their property to their heirs in result of the law of Imām Jaʼfar [24].

In the 17th century down to the mid-eighteenth century the economic role of Agulis in the region increased. Based on the evidence of Zakʻarya of Vagharshapat, Łevond Ališan mentions that Agulis had a population consisted of about 8000 houses in the 17th century [6, p. 325].

V. Papazyan in his research on the trade routes of the times of Zakʻarya Agulecʻi and other sources shows that a range of settlements in Naxiǰevan province, like Karkʻabazar, Lehram (Nehram), Yayǰi, Juła, Azat and Agulis were connected to the main transit trade route passing through town Naxiǰevan with a secondary way. The

transit trade route itself connected Tabriz with Aleppo, Constantinople and Izmir [3, maps].

François Picquet, who visited Agulis in April 1682 during his travel to Safavid Iran [25, p. 145-157], states that it was the biggest town on his way, had remarkable geographical position and its inhabitants were wealthy and all Christians. Whenever somebody converted to Islam, they expelled him from the town and only they had such a right [26, p. 406]. This evidence of the French traveler witnesses a kind of autonomy, that town community had in its inner affairs.

Picquet speaks about special courtesy conducted in his respect by the town's elite and that the majority of the town's population was Catholic «ces bons Catholiques» [26, p. 24, 405]. Picquet's mention about the Catholic inhabitants of Agulis is supplemented by another source of the period, which states about the destructed situation of the Apostolic eparchy of Agulis: "Archbishopric of Agulis in 15 lieu distance from Naxiǰevan is ruined, hardly five monasteries still survived" [27, p. 8].

However, it is worthy to note that the monastery of St. Tovma belonging to the Armenian Apostolic Church was repaired in the second half of the 17th century owing to the efforts of its religious leader Petros Vartapet, who also built several guest-houses near it, a high wall around the monastery and brought water inside the wall [12, p. 78]. According to a Persian document of 1671 containing Shari'a court examination carried out because of the complaints of neighbouring Muslims on the repair and enlargement of the monastery, its community and a religious leader were able to protect the monastery and its new constructions [28, doc. 15].

The northern trade route which stretched by Caspian Sea or Eastern Caucasus to Astrakhan and Russia and from there to England and Netherlands [19, p. 8] was not secure in the 17th century and served as an alternative way in cases when the main land routes were unfit for use (Ottoman-Safavid wars, Jalali rebellions, epidemics and famine) [29, p. 44].

From the beginning of the rule of Shah Sulayman and the worsening economic climate in Iran the volume of trade between Iran and the Levantine ports started to decrease [1, p. 174]. No wonder that from 1660s many of the local Armenian merchants of Agulis, like Zak'aria Agulec'i withheld from travels with commercial purpose and preferred to put their money into commercial dealings and lend for usury [18, p. 20-22].

The insecurity on the roads and caravan robberies [5, p. 33], frequent outbreaks of plague and other epidemics were the circumstances which affected the trade on the Caucasian routes in the end of the 17th century. The situation deteriorated at the beginning of the 18th century in result of the later decline of the Safavid state during the reign of Shah Sultan Huseyn and its final fall in result of Afghan conquest of Iran. From the beginning of the 18th century there was a substantial increase in custom-tolls, tax extortions and other unlawful deeds of local governors and their officials in the period witnessed by Ełia Karnec'i, an Armenian Catholic author involved in commercial activities and also other sources of the period [30, p. 14, 18; 1, p. 205-206].

From this period the northern transit trade route through Eastern Caucasus started to liven up at the expense of the southern continental routes.

The merchants of Agulis seem to be much flexible and answer the challenges of the time, turning the direction of their activities to the north. This is evident from the trade and economic state of Agulis and the presence of local merchants in the towns and trade centres on the northern transit trade route.

At the beginning of the 18th century Krusinski speaks about "the town of Agulis as one of the most considerable that the Armenians possess in Persia" [31, p. 110].

According to another source of the period, in 1720s Agulis was already a town with a population consisted of 10000 houses (families) [32, p. 176]. Although there had been doubts concerning the correctness of this large number noted already at the end of the 19th century by A. Araskhanyan, this opinion was refuted by another Armenian scholar A. Ayvazyan. The latter states that "if we consider the number of houses in all districts of the ruined Agulis, this number is not far from truth" [22, p. 14].

Another evidence of the growth of the settlement into a big town is the appearance of the office of kalāntar among the local high officials. Kalāntar was a high official of Safavid administration in big towns like Isfahan, Tabriz, Yerevan. He appointed the wardens (kadkhudā) of the [town] wards and the elders of the guilds [33, p. 81] and kept control over their activities.

We don't know about existence of such an official in Agulis till the year 1678. At that time according to Zak'arya Agulec'i, the local inhabitants decided to have their own kalāntar in order "to avoid any interference of other kalāntars into the affairs of Agulis and Dasht. They composed a mansar and gave it to Melik Ovi (Ovanes), so that he obtained a royal edict ordering that this office were held by the melik of Upper and Lower Agulis [12, p. 139]. Although Zak'arya Agulec'i does not say about the results of this undertaking, we have other evidence of later period that Melik Ovi had succeeded in gaining this post. There is a Persian document of 1711 where we find the name of Ovi signed with the title of kalāntar and we have also the inscription on the front entrance wall of the monastery of St Thovma, repaired in the second half of the 17th century, where we read: «Յ(Ի)Շ(Ե)Յ(Ե)Ք ԱԳՈՒԼԵՑԻ ՔԱԼԱՆԹԱՐ ՈՎԱՆԷՍՆ. ՎԱՆՔԻՍ ՎԷՔԻԼ ՀԱՅՐԱՊԵՏՆ...» (Remember Kalāntar Ovanes Agulec'i, Hayrapet, the vakil of the monastery...) [22, p. 66].

1720s marks a period of misfortunes and disasters for Agulis and its population.

Minas Vartapet in his report of 1723 describes the severe treatment of shah Tahmāsb II with the people of Agulis, when the latter attacked the town, and killed a number of its inhabitants [34, p. 33]. Most likely this was the main reason why a major portion of the Armenians of Naxiǰevan later chose Ottoman predominance. The fact is that while the Armenians in Yerevan, Syunik' and Arc'ax showed strong resistance to the Ottoman troops, Ordubad was easily occupied in 1724 and then the whole province of Naxiǰevan was conquered [35, p. 105-108].

Nadir shah's rule over Naxiǰevan and other regions of Transcaucasia, established after a series of battles against Ottoman troops in 1735 brought no improvement into the social-economic life of Iran. The facts about his unfair treatment with the

merchants in his country are mentioned in many sources of his time. Abraham Yerevanc'i describes how he appropriated all the goods of the Armenian merchants in Hamadan and let them go [36, p. 53]. Most characteristic for his rule is the miserable state of the merchants of New Julfa, reflected in his edicts addressed to them and other contemporary sources [37, p. 649; 38].

The heavy taxes, tax extortion and abuses of local officials were frequent during his reign and the facts about such practice exercised regards Armenian merchants of Agulis may be traced also in the Persian documents referring to them. One of them is the decree obtained by Khoja Hovhannes from Nadir shah at the beginning of 1743, which according to the petition of this merchant forbade levy the same tax more than once in the regions of Iran and demand goods, which he did not have .

The state of the Armenians in Naxiǰevan province worsened after Nadir Shah's death, especially during the rule of Āzād Khān Afghan over the region. Agulis suffered his hard attack when the local inhabitants refused him to pay the demanded extra-taxes. According to Č'amč'yan in 1752 Āzād Khān's afghan troops invaded the town, completely devasted it, killed many inhabitants and took some of them prisoners [39, p. 853-4]. There is also another information in the record of Catholicos Simeon Yerevanc'i, stating about the invasion of Āzād Khān into Naxiǰevan province and attack upon Agulis in 1754 [40, p. 220]. These reports supplement one another about the events around Agulis in 1750-1754 and reveal why the second half of the 18th century became a period of decline for the town.

There started the migration of many merchants of Agulis from their birthplace in mid-eighteenth century, which was stimulated by their ties with other countries. Local inhabitants began to leave it in masses for Constantinople, Italy, Shushi, Astrakhan, etc [22, p. 17]. No wonder that henceforth the information about those who originated from Agulis in various places of the world increased.

However, in spite of the hard blows received in the mid-eighteenth century, Agulis kept certain extent of its economic power till the late 19th century. Charles de Peysonnel although stresses the troublesome situation in Iran, Armenia and Georgia in 1751-1752, but at the same time mentions that the war affairs did not harm trade, and caravans were moving freely from Gilan to Erzerum [42, p. 130].

Under the rule of the Russian empire, the people of Agulis already were processing the silk produced there and wove textile, although according to Ališan the local manufactories were inferior to those of Ordubad. Apart from silk, Agulis was famous for its cotton, calico and honey. There were 100 trade-handicraft shops in Agulis, and among them those of calico makers and carpenters were famous [6, p. 325]. However, as Ališan states, the local production in the 19th century "is incomparable with its success and wealth in previous period" [6, p. 333].

Acknowledgment. This work was supported by the RA Science Committee, within the framework of the research project № 20TTSH-046 (The South Caucasus on the International transit trade routes in XI-XVIII centuries).

REFERENCES

1. Matthee RP. *The Politics of Trade in Safavid Iran*. Cambridge University Press, 1999. 290 p.

2. Horst H. Zwei Erlasse Šāh Ṭahmāsps I, *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1960; 110 (n. F. 35), 2: 301–309. (in German)

3. P'ap'azyan VH. *Hayastani arevtrakan ułinerə mijazgayin arevtri volortum XVI-XVII darerum (the Trade Routes of Armenia in the international trade of 16th-17th cc)*. Yerevan, pub. ASSR NA, 1990.

4. Hāshimī Shukūh al-sādāt A'rābī, *Arāmana-i Julfā-yi Nau dar 'asr-i Safavī (The Armenians of New Julfa in the Safavid Age)*. Tihrān, Sāzimān-i asnād va kitābkhānah-i millī, 1394.

5. Zulalian MK. *Armeniya v pervoy polovine XVI veka (Armenia in the first half of XVI century)*. Moscow: Nauka, 1971. (in Russ)

6. Ališan Ł. *Sisakan (The topography of the province of Sisakan)*. Venice, Monastery of Mxitarists in St. Łazar, 1890.

7. Step'anos Orbelyan. *History of Syunik [Syunik'i patmut'yun]. Translation, foreword and commentaries by A. Abrahamyan*. Yerevan: Sovetakan groł, 1986.

8. Khachikyan L. *14rd dari hayeren jeŕagreri hishatakaranner [Colophons of Armenian manuscripts of 14th century]*. Yerevan: ASSR AS, 1950.

9. Margaryan G. Quelques remarques sur l'histoire economique-fiscale de l' Arménie en periode post-ilkhanide. *Aramazd Armenian Journal of Near Eastern Studies (AJNES)*. 9(2): 129-139. (in French)

10. Margaryan G. The Types of Tarkhan and the Immunity of Taxes in Eastern Georgia (the 16th–18th centuries [T'arxanut'yan jeverə ev apaharkumə Arevelyan Vrastanum (XVI–XVIII darer)]. *Historical-Philological Journal*. 2014, 1: 114–122. (in Armenian)

11. Khachikyan L. *Colophons of the Armenian Manuscripts of the 15th Century [15rd dari hayeren jeŕagreri hišatakaranner]. Part I*. Yerevan: pub. ASSR AS, 1955.

12. Zak'arya Agulec'i. *Diary [Oragrut'yun]*. 1938.

13. Papazyan A. *Agrarian Relations in Eastern Armenia in the XVI-XVII centuries [Agrarnye otnosheniya v Vostochnoy Armenii v XVI-*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Matthee R.P.* The Politics of Trade in Safavid Iran, Cambridge University Press,1999, 290 pages.

2. *Horst H.* Zwei Erlasse Šāh Ṭahmāsps I, Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1960, Vol. 110 (n.F. 35), No. 2, pp. 301-309 (12 pages).

3. Փափազյան Վ. Դ., Հայաստանի առևտրական ուղիները միջազգային առևտրի ոլորտում XVI-XVII դարերում, Երևան, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ., 1990, 196 էջ։

٤. هاشمی ، شکوه السادات اعرابی، ارامنهٔ جلفای نو در عصر صفوی، تهران، سازمان اسناد و کتابخانه ملی جمهوری اسلامی ایران، ١٣٩٤، ٤٨٨ ص.

5. *Зулалян М.К.* Армения в первойполовине XVI века, Москва, Наука, 1971, 126 с.

6. Ալիշան Ղ., Սիսական, Տեղագրութիւն Սիւնեաց աշխարհի, Վենետիկ, ի Մխիթարայ վանս ի Ս. Ղազար, 1893, 564 էջ։

7. Ստեփանոս Օրբելյան, Սյունիքի պատմություն, թարգ., առաջ. և ծանոթ. Ա. Աբրահամյան, Երևան, «Սովետական գրող», 1986, 616 էջ։

8. ԺԴ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, աշխ. Լ. Խաչիկյանի, Երևան, ՀՍՍՌ ԳԱ Պատմ. ինստ., 1950, 758 էջ։

9. *Margaryan G.* Quelques remarques sur l'histoire economique-fiscale de l' Arménie en periode post-ilkhanide, AJNES (Aramazd) 9/2, p. 129-139.

10. Մարգարյան Գ. Թարխանության ձևերը և ապահարկումը Արևելյան Վրաստանում (XVI–XVIII դարեր), Պատմաբանասիրական հանդես, N.1, 2014, Երևան, էջ 114-122.

11. ԺԵ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, աշխ. Լ. Խաչիկյանի, մաս Ա, Երևան, ՀՍՍՌ ԳԱ հրատ., 1955, 820 էջ.

12. Զաքարիա Ագուլեցի, Որագրություն, Երևան, Արմֆանի հրատ., 1938, էջ 200։

13. *Папазян А.* Аграрные отношения в Восточной Армении в XVI-XVII веках, Ереван, изд. АН АрмССР, 1972, с. 302.

14. Առաքել Դավրիժեցի, Գիրք պատմութեանց, աշխ. Լ. Ա. Խանլարյանի, Երևան, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ., 1990, էջ 595։

15. Զուլալյան Մ., Հայ ժողովրդի XIII-XVIII դարերի պատմության հարցերը ըստ եվրոպացի հեղինակների, Երևան, Հայաստանի ԳԱ հրատ., 1990, 360 էջ։

16. Փափազյան Հ., Մատենադարանի պարսկերեն վավերագրերը, I, Հրովարտակներ,

XVII vekakh]. Yerevan: ArmSSR AS, 1972. (In Russ)

14. Khanlaryan L. Book of Histories [Aṙak‘el Davrižec‘i. Girk‘ patmut‘eantc‘]. Yerevan: ASSR AS, 1990.

15. Zulalyan MK. *Issues of Armenian History of XIII-XVIII centuries according to European authors [Hay žołovrdi XIII-XVIII dareri patmut‘yan harc‘erə əst evropac‘i hełinakneri]*. Yerevan: AS Armenia, 1990.

16. P‘ap‘azyan H. T*he Persian Decrees of the Matenadaran [Matenadarani parskeren hrovartaknerə]*. Vol. 2, Yerevan: AS SSR, 1959.

17. Iskandar Bīg Turkimān, T*ārīkh-i ʿālam ārāyi ʿAbbāsī (History of Shah Abbas), bi kūshish-i Īraj Afshār,* Tehran, 1335 (1956), vol II, p. 428.

18. Hovhannisian A. *Zakariya Aguletsi and his time [Zak‘ariya Agulec‘in ev ir žamanakə]*, Yerevan: Yerevan State University, 2017.

19. K‘yurtyan Y. *Material for the History of the Armenian merchandise [Nyut‘er hay vačaṙakanut‘yan patmut‘yan hamar: hum metak‘si vačaṙakanut‘yunə ev hayerə],* part 4, 1944, 92 p.

20. *Colophons of 17th century Armenian manuscripts [Hayeren jeṙagreri 17rd dari hishatakaranner]*. Vol. II, by A. Hovhannisyan, V. Hakobyan. Yerevan: ASSR AS, 1978.

21. *The Six Voyages of John Baptista Tavernier*. London, printed for R.L. and M. P., 1678.

22. Ayvazyan A. *The Lithographic Inheritance of Nakhidjevan [Naxiǰevani vimagrakan žaṙangut‘yuə]*. Vol. II, Agulis, Antiliyas, Armenian Catholicosate of Cillicia, 2005.

23. Çakmak, Ömer; *“On Yedinci Yüzyılda Osmanlı Topraklarında Bir Tüccar Grubu: Agulisli Ermeni Tüccarlar*.” Ermeni Araştırmaları, Sayı 67, 2020. p. 157–179.

24. Kostikyan K. *The Persian Documents of the Matenadaran about the Armenian Merchants of Agulis in XVII Century, The Coutries and Peoples of the Near and Middle East [Matenadarani parskeren vaveragrerə Agulisi XVII dari hay vačaṙakanneri masin]*. Yerevan, 2020, vol. XXXIII, part 1. p. 488–515.

25. Goyao G. U*n précurseur: François Picquet, consul de Louis XIV en Alep et évêque de Babylone*. Institut français de Damas, Bibliothèque orientale, Paris, Geuthner, 1942, tome II, 352 p.

26. La Vie de Messire François Picquet, Paris, Chez la Veuve Merge, 1732. 543 p.

պրակ Ա, Երևան, ՀՍՍՌ ԳԱ հրատ., 1959, էջ 593:

17. *Искандар-Бег Туркиман*. Тарих-и Аламара-йи Аббаси (История Шаха Аббаса), би кушиш-и Сарадж Афшар, Тегеран, 1335 (1956), том II, стр. (اسکندر بیک ترکمان، تاریخ عالم آرای عباسی، جلد ۲، بکوشش ایرج افشار، تهران، 5331)

18. Հովհաննիսյան Ա., Զաքարիա Ագուլեցին և իր ժամանակը, Երևան, Երևանի Պետական Համալսարանի հրատ., 2017, 190 էջ:

19. Քիւրտեան Յ., Նիւթեր Հայ վաճառականութեան պատմութեան համար. Հում մետաքսի վաճառականութիւնը եւ հայերը, 99 էջ:

20. Հայերեն ձեռագրերի ԺԷ դարի հիշատակարաններ, հ. Բ. աշխ. Ա. Հովհաննիսյան, Վ. Հակոբյան, Երևան, ՀՍՍՌ ԳԱ հրատ., 1978, 600 էջ:

21. The Six Voyages of John Baptista Tavernier, London, printed for R.L. and M. P., 1678, part 2,122 pages.

22. Այվազյան Ա., Նախիջևանի վիմագրական ժառանգությունը, հ. Բ, Ագուլիս, Անթիլիաս, Կիլիկիայի հայոց կաթողիկոսարան, 2005, 320 էջ:

23. *Çakmak, Ömer*; “On Yedinci Yüzyılda Osmanlı Topraklarında Bir Tüccar Grubu: Agulisli Ermeni Tüccarlar.” Ermeni Araştırmaları, Sayı 67, 2020, ss. 157-179.

24. Կոստիկյան Ք., Մատենադարանի պարսկերեն վավերագրերը Ագուլիսի XVII դարի հայ վաճառականների մասին, Մերձավոր և Միջին Արևելքի երկրներ և ժողովուրդներ, Երևան, 2020, հ. XXXIII, մաս 1, էջ 488-515:

25. *Goyao G.* Un précurseur : François Picquet, consul de Louis XIV en Alep et évêque de Babylone (Institut français de Damas, Bibliothèque orientale), Paris, Geuthner, 1942, tome II, 352 pages.

26. La Vie de Messire François Picquet, Paris, Chez la Veuve Merge, 1732. 543 pages.

27. *É. Michel,* Tables géographiques et chronologiques de tous les arcevesquez et evesquez de l'univers, Paris, Imprimerie royale au Louvre, 1700, 274 pages.

28. Կոստիկյան Ք. Պ., Խեչո Մ., Մատենադարանի պարսկերեն վավերագրերը, III, Շարիաթական նոտարական վավերագրերը (ԺԷ-ԺԸ դարեր), Երևան, «Գիտություն» հրատ., 2018, 224 էջ:

29. *Hanway J.,* An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea, London, sold

27. Michel É. Tables géographiques et chronologiques de tous les arcevesquez et evesquez de l'univers. Paris: Imprimerie royale au Louvre, 1700.

28. Kostikyan K, Kheč‘o M. Persian documents of the Matenadaran [Matenadarani parskeren vaveragrerə]. III Shariya- notarial documents (17th-18th centuries). Yerevan: Gitut‘yun, 2018.

29. Hanway J. An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea. London, sold by Mr. Dodsley, etc., Vol. 1, 1753.

30. Ełia Karnec‘i. Divan (Collection of Documents). Yerevan: Mitk‘, 1968. pp. 14, 18. See the analysis of this situation in R. Matthee, The Politics of Trade in Safavid Iran.

31. Krusinski J. History of the Late Revolutions of Persia. Vol. I, London, printed for J. Pemberton, 1733.

32. Aramyan S. Davit Beg or the history of Qapantsis [Davit Beg kam Patmutyun Qapantsots]. Venice: St. Łazar, 1978.

33. Tadhkirat al-mulūk, A manual of Safavid administration (circa 1137/1725). Persian text in Facsimile, translated and explained by V. Minorsky, London, printed by W. Heffer and sons LTD., 1943.

34. Armenian-Russian relations in the first thirty years of XVIII century [Armyano-russkie otnosheniya v pervoy treti 18-go veka]. Vol. 2, p. II, by P. Arutyunyan, S. A. Ter-Avakimov. Yerevan: AS, ArmSSR, 1967.

35. Ayvazyan A. Events in Qapan and Nakhichevan Khanate in 1724 [Iradarjut‘yunnerə Łap‘anum ev Naxiǰevani Xanut‘yunum 1724 t.]. Historic-Philological Bulletin, 1991, 2: 102–114.

36. Abraham Erevanc‘i. Patmut‘yun Paterazmac‘. Yerevan: Armfan, 1938.

37. A chronicle of the Carmelites in Persia, v. I, London, Eyre & Spottiswoode, 1939.

38. Kostikyan K. Nor Ǯułan Irani Nadir šahi išxanut‘yan šrǰanum, Handes amsorya. Wien-Yerevan, 2016, 1-12, p. 273–315.

39. Č‘amč‘yanc‘ M. History of Armenian people [Hayoc‘ patmut‘yun]. Vol. III. Yerevan: Yerevan University, 1984.

40. Divan Hayoc‘ patmut‘yan. Vol. VIII, Record of Catholicos Simeon. Tiflis: Elektrašarž tparan of Ałanyanc‘, 1908.

41. Charles de Peysonnel. Essai sur les troubles actuels de Perse et de Géorgie. Paris, Chez Desaint & Saillant, 1754.

by Mr. Dodsley, etc., 1753, vol. 1, 399 pages.

30. Եղիա Կարնեցի, Դիվան, աշխ. Ա. Գ. Աբրահամյանի, Երևան, «Միտք» հրատ., 1968, էջ 368:

31. Krusinski J., History of the Late Revolutions of Persia, vol. I, London, printed for J. Pemberton, 1733, 316 pages.

32. Դաւիթ Բեկ կամ Պատմութիւն Ղափանցոց, աշխ. Ս. Արամյան, Վենետիկ, Ս. Ղազար, 1978, 240 էջ:

33. Tadhkirat al-mulūk, A manual of Safavid administration (circa 1137/1725), Persian text in Facsimile, translated and explained by V. Minorsky, London, printed by W. Heffer and sons LTD., 1943, 348 pages.

34. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века, т. 2, ч. II, сост. П. Арутюнян, С. А. Тер-Авакимова, Ереван, изд. АН АрмССР, 1967, с. 420.

35. Այվազյան Ա., Իրադարձությունները Ղափանում և Նախիջևանի խանությունում 1724 թ., Պատմա-Բանասիրական Հանդես, 1991, 2, էջ 102-114:

36. Աբրահամ Երևանցի, Պատմութիւն պատերազմացն 1721-1736 թ. Յերևան, Արմֆանի հրատ., 1938, 108 էջ:

37. A chronicle of the Carmelites in Persia, v. I, London, Eyre & Spottiswoode, 1939, 720 pages.

38. Կոստիկյան Ք., Նոր Ջուղան Իրանի Նադիր շահի իշխանության շրջանում, Հանդէս ամսօրեայ, Վիեննա-Երևան, 2016, 1-12, էջ 272-314:

39. Չամչյանց Մ., Հայոց պատմություն, հ. Գ, Երևան, Երևանի Համալսարանի հրատ., 1984, էջ 1092:

40. Դիվան Հայոց պատմութեան, գիրք Ը, Սիմեոն Կաթողիկոսի Յիշատակարանը, Թիֆլիս, Ելեքտրաշարժ տպարան օր. Ն. Աղանեանցի Պօլից, 1908, 663 էջ:

41. Charles de Peysonnel, Essai sur les troubles actuels de Perse et de Géorgie, Paris, Chez Desaint & Saillant, 1754, 158 pages.

Статья поступила в редакцию 29.10.2021 г.

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174859-873

Далгат Эльмира Муртузалиевна
д.и.н., проф., завотделом новой и новейшей истории Дагестана
Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный исследовательский центр, Махачкала, Россия
elmira.dalgat@yandex.ru

ГОРОД И МОРЕ. ПЕТРОВСК НА КАСПИИ

Аннотация. В статье предпринята попытка показать превращение русского военного укрепления Петровское на берегу Каспийского моря в крупный промышленный центр Дагестанской области во второй половине XIX – начале XX в., а также рассмотреть роль морского порта в его хозяйственно-экономическом развитии. Укрепление Петровское с 40-х годов XIX в. являлось перевалочной базой для грузов, поступающих морем из Астрахани для русской армии, воюющей в Дагестане. Рассматривается развитие морской торговли между Астраханью, Баку и Петровском после получения последним статуса города. Показано место Петровска в международной торговле на Каспийском море. В качестве новых источников привлечены данные Статистического комитета Дагестанской области из Центрального государственного архива Республики Дагестан, а также материалы фондов Государственного исторического архива Азербайджанской республики, которые впервые вводятся в научный оборот. При написании статьи автор учитывал опыт, накопленный отечественной и мировой историографией. Методологической основой статьи послужил принцип историзма, предполагающий изучение любого явления в конкретных исторических условиях и связях, а также учитывая решающую роль экономических основ для развития общества. В статье показано развитие Петровска и его морского порта во второй половине XIX – начале XX в., когда происходила интеграция Дагестана в экономическую жизнь империи. При написании статьи использовались архивные материалы, опубликованные источники и историческая литература. Отмечается, что на смену парусным судам в последующей трети XIX в. на Каспии появились пароходы. Показано место, занимаемое Петровским портом среди портов России на Каспии. Рассматриваются товары, привозимые в Петровск морем и вывозимые из него. Подчеркивается, что появление текстильной фабрики «Каспийская мануфактура» в Петровске в 1899 г. стало возможным благодаря порту. Его значение возросло со строительством в 90-е годы XIX в. Владикавказской железной дороги. В статье делается вывод, что г. Петровск и его порт сыграли большую роль в процессе интеграции Дагестана в хозяйственно-экономическое пространство Российской империи, в проникновение в область капиталистических отношений.

Ключевые слова: Российская империя; Дагестан; Петровск; Каспий; морской порт; промышленность; торговля; каботаж.

© Далгат Э.М., 2021
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174859-873

Elmira M. Dalgat
Dr. Sci. (History), Prof., Head of the Depr. of Modern and Recent History of Daghestan
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
elmira.dalgat@yandex.ru

THE TOWN AND THE SEA. PETROVSK AT THE CASPIAN SEA

Abstract. The article attempts to demonstrate the transformation of the Russian military fortification Petrovskoe at the coast of the Caspian Sea into the large industrial center of the Dagestan region in the second half of the 19th – early 20th centuries, as well as to examine the role of the seaport in its economic development. Since 40s of the 19th century, the fort Petrovskoe was a transit point for cargo, transported by sea from Astrakhan for the Russian army, which was involved in war in Dagestan. The author considers the development of sea trade between Astrakhan, Baku and Petrovsk after the latter received the status of a city. The role of Petrovsk in the international trade in the Caspian Sea is shown. As new sources, we introduced data from the Statistical Committee of the Dagestan Region from the Central State Archives of the Republic of Dagestan, as well as materials from the collections of the State Historical Archives of the Republic of Azerbaijan. When writing the article, the author involved works of domestic and global historiography. The methodological basis of the article is the principle of historicism, which presupposes the study of any phenomenon in specific historical conditions and connections, as well as taking into account the decisive role of economic foundations for the development of society. The article reveals the development of Petrovsk and its seaport in the second half of the 19th – early 20th centuries, when Dagestan was integrated into the economic life of the Empire. Archival materials, published sources and historical literature were used when writing the paper. The author highlights that in the following third of the 19th century, sailing ships were replaced by steamships in the Caspian Sea. The place, occupied by the Petrovsky port among the ports of Russia in the Caspian is demonstrated. The article considers the goods brought to Petrovsk by sea and exported from it. The foundation of the textile factory "Caspian Manufactory" in Petrovsk in 1899 became possible thanks to the port. The construction of the Vladikavkaz railway intensified its role in the 90s of the 19th century. The author comes to the conclusion that the city of Petrovsk and its port played an important role in the process of integration of Dagestan into the economic space of the Russian Empire, and in the emergence of capitalist relations in the region.

Keywords: Russian Empire; Dagestan; Petrovsk; Caspian Sea; seaport; industry; trade; cabotage.

© Dalgat E.M., 2021
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2021

Великая морская держава – Российская империя в XIX в. имела несколько портов на Каспийском море. Одним из них был порт города Петровска на западном побережье Каспийского моря, расположенный на территории Дагестанской области.

Возникновение порта и города Петровска относится к периоду Кавказской войны, когда российские войска вели военные действия на Восточном Кавказе.

Формирование города Петровска, строительство морского порта при нем привлекало внимание современников, представителей русской интеллигенции, волей судеб оказавшихся в это время в Дагестане. Наибольшую ценность представляет информация военного врача И.С. Костемеревского, служившего в русских воинских частях, воевавших в Дагестане. Он дает описание укрепления Петровского, роль морского порта в его развитии.

Формированию, развитию Петровска-Махачкалы посвящено несколько работ, написанных экономистами и историками. Проблемы возникновения и экономического развития Махачкалы легли в основу работы А.Н. Кажлаева. Основная часть работы посвящена развитию в Махачкале промышленности в советский период истории [2]. Очень информативной является небольшая статья Х.Х. Рамазанова, в которой описывается строительство порта в Петровске. Он отмечает интерес проявляемый к этому новому для Дагестана объекту наместником Кавказа и начальником Дагестанской области [3]. Тогда же вышла небольшая брошюра О.Ю. Омарова [4], где он останавливается и на истории строительства порта, пишет о тяжелой жизни портовых грузчиков.

Транспорту и связи Дагестана в 20-80-е годы XX в. посвящена коллективная монография, увидевшая свет в 1992 г. [5]. В работе исследуется советский период истории, в ней немного говорится о строительстве морского порта в Махачкале. К юбилею города была издана монография П.И. Тахнаевой [6]. На основе разнообразных источников, автор прослеживает возникновение Петровска и его развитие до 1921 г., когда он получил название Махачкала. Изучению городов и городской жизни в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. посвящен труд Э.М. Далгат [7]. Автор делает вывод о том, что Петровск был промышленным центром Дагестана и этому во многом способствовал морской порт.

Анализ приведенных работ свидетельствует, что роль порта, моря в развитии Петровска, Дагестанской области в целом, еще не была предметом специального исследования.

В выгодном географическом и стратегическом месте, на западном берегу Каспийского моря в 1844 г. было заложено российское военное укрепление, названное Петровским в память о пребывании здесь в 1722 г. императора Петра I во время его Каспийского похода. Это укрепление было воздвигнуто на скалистом взгорье, которое местные жители называли Анжи-арка. Между укреплением и морем на береговой равнине были построены складские помещения для привозимого морем из Астрахани провианта, леса и всего необходимого для воюющей русской армии. До основания Петровского, прибывшие корабли

стояли на рейде[1] и груз на лодках перевозили и выгружали на открытый берег моря, напротив крепости Бурная, находившейся в 5 верстах от берега моря.

Как сообщает И.С. Костемеревский, современник событий, укрепление, провиантские склады строились «мастерами и войсками, стоявшими лагерем близ строившихся укреплений» [1].

Вокруг укрепления стали строиться дома для семейных офицеров и солдат. Появились купцы, лавочники. В 1856 г. «два коммерческих дома астраханских капиталистов и один саратовский выслали в Петровское своих агентов, построили магазины и положили первые основания морской торговли между Петровском и Астраханью. С тех пор царица Каспия – Петербург азиатский, – Астрахань, стала ежегодно высылать свои флоты на рейды Петровского» [1].

Таких удобных для стоянки судов рейдов было два, один для кораблей, перевозящих казенные грузы, а другой – для купеческих товаров.

Казенные грузы в Петровск, в 1857 г. получивший статус города, перевозились на кораблях Общества «Кавказ и Меркурий», одного из трех крупнейших российских пароходств на Волге. Правительство предоставило Обществу в течении 7 лет со дня открытия им своих действий на Каспийском море, а это произошло со времени утверждения в 1858 г. Устава Общества, права перевозки от Астрахани к портам Каспийского моря казенного провианта, необходимого для войск Кавказской Армии. В это время военные действия на Восточном Кавказе уже близились к завершению, но русская армия нуждалась в вооружении, провианте, солдатах, лошадях. Все это привозилось в Петровск из Астрахани. Деньги за перевозку военных грузов Общество «Кавказ и Меркурий» 50% получало в Санкт-Петербурге, в январе месяце, в виде задатка, а остальные 50% – по сдаче грузов.[2]

За перевозку войск Общество получало от казны плату от Бирючей Косы, острова на юге Астраханской губернии, до портового города Петровск по 3 рубля с каждого человека со всеми вещами, какие он во время похода должен иметь при себе. За лошадь плата была втрое больше, чем за человека.[3] За перевозку ядер из Астрахани до Петровска брали за пуд 15 рублей.[4]

Важным было то, что пароходное Общество «Кавказ и Меркурий» обязывалось учредить в 1858 г. на Каспийском море почтовое пароходство с получением от правительства 34 000 руб. ежегодно. Общество должно было со времени открытия навигации до 1 ноября отправлять пароходы «… из Астрахани в Баку в две недели раз, заходя в города Петровск и Дербент. В остальное время года содержать сообщение между открытыми для плавания гаванями Каспийского моря не менее одного раза в месяц».[5]

1 Рейд – часть акватории порта для якорной стоянки судов.

2 Устав Пароходного Общества «Кавказ и Меркурий». 1858 г. // Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 126. Оп. 1. Л. 20.

3 Там же. Л. 20 об.

4 Там же. Л. 20.

5 ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 2. Устав соединенного общества пароходства и торговли по Каспийскому морю, рекам: Волге, Оке, Каме и их притокам, под фирмою «Кавказ и Меркурий». Л. 21.

Учреждение почтовых пароходов способствовало усилению связей центральных губерний империи с завоеванными землями Восточного Кавказа.

Уже в первые годы своего существования Петровское приобрело значение рынка для дагестанцев и населения южных районов империи. По мере развития Петровска и морского порта в 1860 г. были учреждены Петровская портовая таможня и карантинно-таможенный пост для того, чтобы контролировать провоз через границу грузов, почты и сбора пошлины за провозимый груз.[6]

Население Петровского росло, появились новые улицы, кварталы. И.С. Костемеревский в 1856 г. красочно описал, как Петровское во время навигации ежегодно оживлялось огромным приливом народа, и с моря, и с материка. «С половины марта, – пишет он, – в рейды начинают прибывать сперва небольшие суда, так называемые кусовые. На них привозят из Астрахани мелкими торговцами небольшие партии пшеничной муки, – товар, всегда имеющий хороший сбыт в Дагестане, а около праздника Пасхи раскупающийся нарасхват. Потом, около первых чисел апреля, прибывает почтовый пароход и караван судов с казенным провиантом» [1]. Тогда же приплывали купеческие корабли, привозившие в Петровское овес, ячмень, лес, другие товары. В Петровском на морские суда погружали марену, грецкие орехи, фрукты, невыделанную кожу. В своих рассуждениях о будущем Петровского И.С. Костемеревский надеется, что в дальнейшем ассортимент товаров, вывозимых из Дагестана, значительно расширится, и, как мы увидим дальше, его надежды оправдались.

Надо отметить, что 40-е, 50-е годы XIX в. – это время расцвета маренового производства в приморском Дагестане [8, с. 556]. Плантации марены[7] раскинулись от Дербента до Тарков. Она пользовалась большим спросом у владельцев текстильных предприятий центральных районов России. Собранную в Дагестане марену на кораблях перевозили по Каспийскому морю и Волге на Нижегородскую ярмарку, где ее покупали русские купцы. Продав марену, дагестанцы покупали на ярмарке европейскую мебель, предметы быта, ткани, одежду и возвращались в Дагестан. Открытие в 1871 г. в Европе химического красителя ализирина нанесло удар по маренопроизводству, оно пришло в упадок [8, с. 556].

Развитие судоходства привело к строительству при Петровском укреплении маяка. Выполняя требование наместника кн. М.С. Воронцова, командир Астраханского порта и Каспийской флотилии контр-адмирал В.Г. Басаргин в апреле 1852 г. поручил нанести на карту Каспийского моря «освещаемый маяк» в Петровском укреплении.[8]

Маяк представлял из себя каменную восьмигранную башню высотой около 10 метров, над поверхностью моря маяк возвышался на 75 метров и кораблям

6 ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

7 Марена – растение, из корней которого добывали краску для окрашивания шерстяных ниток для ковров.

8 Отношение кн. Воронцова к кн. Меньшикову от 25 февраля 1852 г. № 304. // Акты Кавказской археографической комиссии. Т. X. С. 304.

был виден издалека [7, с. 49, 50]. В 1866 г. маяк был заново перестроен и переоборудован.

Суда, курсировавшие между Петровском и Астраханью в 50-е годы XIX в., по наблюдению И.С. Костемеревского, были плохой конструкции и разной величины. Это были парусные суда: расшивы – большие деревянные, плоскодонные, шхуны – с двумя мачтами, тендеры – одномачтовые с косыми парусами и баржи – грузовые суда, перемещаемые буксиром.

Большие парусные суда – марсельные, имели экипаж до нескольких десятков человек и могли перевозить до 5 000 четвертей муки. Были небольшие палубные лодки, вмещающие до 80 мешков муки, с экипажем в 2 человека. Члены экипажей парусников занимались их погрузкой и разгрузкой. По сведениям И.С. Костемеревского, все экипажи судов состояли из астраханских татар и жителей волостей, расположенных вверх по Волге. На Каспийском море их называли мазурами [1].

В середине 50-х годов XIX в. в Петровский порт за одну навигацию прибывало около 50 морских судов больших и средних размеров на казенный рейд. Вдвое больше судов прибывало на коммерческий рейд. Владельцами большинства этих судов были бакинцы [1].

Все привезенные морем в Петровск грузы выгружали на берег. Это были провиант, огромные сосновые брусья и доски, различные купеческие товары. Для дальнейшей траспортировки товаров по разным селам Дагестана в Петровск приезжало большое количество ароб с возчиками. По сведениям И.С. Костемеревского, для перевозки только казенного провианта в Петровское приезжало в год до 20 000 ароб. Столько же ароб приезжало для перевозки частных грузов. За перевозку казенного провианта население получало ежегодно 50 000 рублей серебром и примерно столько же за перевозку купеческих грузов [1].

В него приезжали из разных мест Дагестана также за солью, которую добывали на Туралинских озерах, принадлежавших шамхалу Тарковскому и расположенных южнее Петровского.

В 1857 г. русское укрепление на побережье Каспийского моря получило статус города и стало называться Петровск. Чтобы сделать молодой город привлекательным, для желающих поселиться в нем предоставлялись льготы – на 10 лет новые жители освобождались от уплаты гильдейских пошлин и государственных повинностей, от рекрутского набора и т.д. Они могли заниматься торговлей, ремеслом и были обязаны за три года обзавестись недвижимостью – построить дом, развести сад или огород. Таким образом, в Петровск привлекались активные люди, имеющие источник дохода.

К этому времени в городе была церковь, три площади, несколько улиц, 150 интендантских домов, 33 других казенных дома [7, с. 48]. Население города составляли русские военные и гражданское население. По сведениям А. Комарова, в конце 1860-х гг. в Петровске проживало 2 203 чел. Их них русских – 1899 чел. и персиян – 335 чел., а остальные – евреи, армяне, грузины, кумыки [9, с. 4].

После окончания Кавказской войны меняется роль Петровска – из военно-

го укрепления он постепенно превращается в промышленный центр Дагестанской области, и этому в немалой степени способствовало завершение строительства морского порта в 1870 г. Решение о его строительстве было принято в 1858 г. Кавказским комитетом и одобрено императором Александром II [10, с. 36]. Было представлено 10 проектов. Лучшим был признан проект военного инженера А.Д. Фолькенгагена [6, с. 37]. Петровский порт обошелся казне в полтора миллиона рублей [2, с. 12].

При строительстве порта было необходимо доставлять от каменоломни до гавани огромные камни, весом 12–15 тонн. Для этого в 1861 г. была построена железнодорожная ветка протяженностью 970 саженей (т.е. около 2 км, – Э.Д.) [3, с. 71]. По этому поводу И.С. Костемеревский писал: «Итак, вот у нас в Дагестане железная дорога – первая железная дорога на Кавказе» [3, с. 72].

Для погрузки в вагоны огромных камней, предназначенных для строительства мола[9], использовали мощные подъемные краны «Краб» [3, с. 72]. Была построена также механизированная мастерская.

Строительству порта придавали большое значение. В 1861 г. стройку и железную дорогу посетил начальник Дагестанской области со своим штабом. Он сбросил с вагона на строящийся мол первый камень. На торжестве присутствовали жители Петровска, Темир-Хан-Шуры, крестьяне из окрестных сел. В 1863 г. строящийся порт посетил наместник Кавказа Михаил Николаевич со свитой [3, с. 72].

10 ноября 1870 г. пушечные выстрелы с горы Анджи-Арка возвестили об открытии морского торгового порта в Петровске [4, с. 5].

Государственный Совет в 1875 г. передал Петровский порт на Каспийском море в ведение Управления путей сообщения на Кавказе. Тогда же было учреждено Управление Петровским портом на Каспийском море. В 1899 г. оно было преобразовано в Управление работами Петровского торгового порта и должно было контролировать технико-строительные работы в порту. Было решено также «учредить должность Капитана над практическим портом в Петровске, из морских офицеров, с подчинением его, на общих основаниях, местному областному начальству» [11]. Капитан над портом должен был следить за состоянием гавани и безопасностью стоянки судов, а также выполнять целый ряд других обязанностей.

Решением Государственного Совета «устанавливался сбор за отводимые в пределах портовой гавани, на морском берегу, места под постоянные склады товаров, лесных либо других строительных материалов, в размере ежегодной платы десяти копеек за квадратную сажень» [11].

В различных источниках упоминается, что морем в Петровск привозили лесные строительные материалы. Для Дагестана, где было мало лесов, это имело большое значение. Из Петровска лесоматериалы развозили по крупным селам, где были большие базары [12, с. 69].

9 Мол – оградительное сооружение в портах для защиты их от морских волнений. В петровском порту были северный и южный молы. Железная дорога проходила по берегу и между ними.

Содержание порта с 1876 г. обходилось казне в 17124 р. в год – немалая сумма для того времени. Из них: «на ремонтное содержание порта – 11 244 р., на добавочное содержание техникам за заведывание сооружениями порта – 2 600 р., на содержание Капитана над портом – 900 р., ему же на наем писаря – 250 р., на наем боцманов и матросов, а также помещения для них – 2 130 р.» [11]. Разрешение на сооружение постоянных построек по морскому берегу в районе порта давалось Главным Кавказским начальством [11]. Вопрос о «правилах стоянки судов и составлении инструкций Капитану над Петровским портом решался совместно Главным Кавказским начальством и министерствами морским и финансов» [11].

Петровский был портом универсальным, общего назначения, т.е. он принимал все виды грузов – сухие, наливные, а также занимался пассажирскими перевозками.

С 60-х гг.XIX в. деревянное судостроение в России начало сменяться железным, а с 80-х гг. наряду с парусниками по Каспию плавали и пароходы. Представляет интерес информация из Актов Кавказской археологической комиссии о том, что каменный уголь, обнаруженный недалеко от селения Каякент, по требованию наместника кн. М.С. Воронцова был в 1852 г. испытан на пароходах в Дербенте и стал использоваться владельцами судов этого вида.[10] Но по мнению Д.С. Гусейновой, усовершенствование флота на Каспии шло медленно, удельный вес парусных судов в торговом флоте оставался значительным и в начале XX столетия [13, с. 17].

Число пароходов, прибывавших в Петровский порт, с каждым годом возрастало, уменьшалось число военных судов и росло число торговых. По сведениям областного Статистического комитета, в 1902 г. Петровский порт посетило 2 военных, 1 104 торговых паровых судов и 108 парусных, всего 1 274 судов[11], налицо десятикратное преобладание пароходов над парусниками.

Среди портов России на Каспийском море в конце XIX – начале XX в. Петровский порт по своему значению занимал третье место после Баку и Астрахани. Астраханский порт был старейшим портом России на Каспии. Его построили в 1722 г. по приказу Пестра I, планировавшего Каспийский поход. Это был одновременно и речной и морской порт. Он был неудобен тем, что 4-5 месяцев в году быс скован льдом.

Бакинский порт был построен в 1873 г. Это был порт двойного назначения – военного и торгового. Благодаря широким масштабам вывоза нефти и ее продуктов Бакинский порт по общему грузообороту занимал первое место среди всех российских портов. По доходности Бакинский порт лишь немного уступал Санкт-Петербургу, Риге и Одессе [13, с. 18].

Все три порта – Астрахань, Баку, Петровск были транзитными пунктами в торговле Европа и Азии.

10 Отношение кн. Воронцова к к д.т.с. Броку от 21-го января 1852 г. № 91. // АКАК. Т. X. С. 304.
11 ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 4. Д. 1. Л. 153.

Строительство портов способствовало росту влияния России на Каспийском море, что стало особенно важно после поражения в Крымской войне 1853-1856 гг. Корабли для Каспийского флота строились и за границей, и в России. Все парусные суда были построены в России, в основном в Астрахани и в Балахнинском уезде Нижегородской губернии, а также в Муромском уезде Владимирской губернии, Бельской пристани Нижегородской губернии [14, с. 12].

Все парусные суда, за редким исключением были приписаны к Астрахани, незначительная часть – к Баку. К 1 января 1889 г. на Каспии было 1 131 парусное судно. Пароходы, приписанные к портам Каспийского моря, по сведениям на 1 января 1894 г., составляли 144 судна [14, с. 35]. Пароходы строились как за границей, так и в России. Например, товарный пароход «Бергзунд» астраханского купца К.П. Воробьева был построен в Стокгольме в 1893 г. [14, с. 36]. За границей – в Англии, Швеции – пароходы строили обычно богатые пароходные общества, например, «Кавказ и Меркурий». К 1900 г. 40% всех паровых судов Каспийского моря были построены на российских заводах [13, с. 17].

Владельцами морских судов на Каспии были в основном капиталисты из Баку и Астрахани, но были и купцы из Петровска. К концу XIX в. петровский купец Александр Караджев владел большой шхуной «Александр» вместимостью 149 тонн и кусовой лодкой «Стрела», его брат Гавриил был хозяином шхуны «Хоросан». Купец Лобов Матвей владел тремя шхунами – «Вера», «Петя» и «Два брата». У петровского купца Кривошеева Артема было две кусовые лодки – «Клавдия» и «Стрела», а у петровского мещанина Солосона Зусерова была шхуна «София» с довольно большой вместимостью в 95 тонн. Среди петровских купцов самое большое парусное судно – «Тамара», вместимостью 548 тонн, 178 м в длину, 38 м в ширину и глубиной 13 м, также принадлежала Александру Караджеву – купцу 2-й гильдии.

Среди почтовых и товаро-пассажирских пароходов, посещавших Петровский порт в конце XIX – начале XX в., больше всего было судов пароходных обществ «Кавказ и Меркурий» – 40 судов, «Восточное общество товарных складов» – 37 судов, «Русско-Кавказское товарищество» – 9 судов, «Общество Русь» – 7 судов, «Общество «Самолет» – 8 судов, торговый дом «Братья Расуловы» – 8 судов и т.д.[12]

Через Петровский порт осуществлялась в основном каботажная торговля[13] с российскими портами на Каспии – Баку, Астраханью, Красноводском, Ленкоранью. Кроме того, велась и международная торговля, грузы из Петровска поступали в главный иранский порт на Каспии – Энзели.

В 1872 г. в Петровске было открыто персидское вице-консульство. Посол Персии писал, что «распространение торговли Персии с Кавказом и внутри России идет по направлению через Петровск».[14]

12 Из отчета о состоянии и деятельности Бакинского торгового порта и Управления его за 1915 г. // Государственный исторический архив Азербайджанской республики. Ф. 387. Оп. 1. Д. 808. Л. 103.

13 Каботажная торговля – морская торговля между портами одного и того же государства.

14 Центральный историчский архив Грузии. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1828. Л. 1.

Ассортимент грузов, поступавших морем в Петровский порт и вывозимых из него, был разнообразным. В первую очередь, это была сырая нефть и нефтепродукты (различные масла, мазут и т.д.), которые из Баку морем поступали в Петровский порт, в другие российские порты на Каспии и в Персию.

«Сравнительная статистическая ведомость о вывозе из Бакинского района сырой нефти и продуктов обработки нефти» из фондов Государственного исторического архива Азербайджанской республики содержит информацию о нефти и нефтепродуктах, поступивших из Баку в Петровский порт в 1913-1915 гг.:

в 1913 г. поступило 7 295 123 пуда.
в 1914 г. —«— 9 241 632 пуда.
в 1915 г. —«— 9 902 293 пуда.[15]

Налицо тенденция к увеличению объемов поступления бакинской нефти.

Из Обзоров Дагестанской области следует, что нефть и нефтепродукты из Петровска по железной дороге далее следовали на внутренние рынки России [15, с. 48]. По сведениям коммерческого агентства Владикавказской железной дороги в 1902 г. в Петровске в его распоряжении было 35 резервуаров для приема и хранения нефтяных грузов, соединенных с железной дорогой [15, с. 48].

На втором месте среди грузов, поступающих морем в Петровск, был хлопок-сырец из Средней Азии. Он служил сырьем для текстильной фабрики «Каспийская мануфактура», которая начала работать в Петровске в 1899 г. В большом количестве большие тюки с хлопком выгружались в порту, а затем перевозились на фабрику. Ее появление было самым непосредственным образом связано с тем, что Петровск был портовым городом и у него было морское сообщение со Средней Азией – источником сырья для фабрики. Учредители фабрики – московские купцы С.И. Решетников и И.О. Петрококино – учли также, что рядом был источник топлива для фабрики – бакинская нефть, а также рынки сбыта – Средняя Азия и Персия, тоже связанные с Петровским морским сообщением.

Таким образом, благодаря морскому порту в Петровске появилась самая большая на Северном Кавказе текстильная фабрика. В конце XIX – нач. XX в. она стала флагманом фабрично-заводской промышленности Дагестана. «Каспийская мануфактура» выпускала прочную и недорогую бязь, которая пользовалась большим спросом у жителей Средней Азии, Закавказья и Ирана.

В фонде Бакинской таможни Государственного исторического архива Азербайджанской республики отложилось много документов о вывозе большого количества мануфактуры из Петровской таможни транзитом через Бакинскую таможню в Персию. Вывозили также через Джульфу и Красноводск.[16]

Среди других грузов, поступавших морем в г. Петровск в 1907 г. были: мука пшеничная, сахар, мануфактурные и галантерейные товары, стеклянные, фар-

15 Государственный исторический архив Азербайджанской республики (далее ГИА АР). Ф. 387. Оп. 1. Д. 714. Л. 45об., 56 об.

16 ГИА АР. Ф. 202. Бакинская таможня. Оп. 1. Д. 504. Л. 101, 106, 120, 207, 212.

форовые и фаянсовые изделия, кирпич, черепица, цемент, бочарные, плотницкие, столярные и токарные изделия и т.д. [16, с. 29].

Некоторые из этих товаров использовали в самом Петровске, который рос, расширялся. Появлялись новые жилые дома, учебные заведения, промышленные предприятия и для их строительства требовались кирпич, цемент, черепица и т.д. Часть товаров, привезенных морем извозчики развозили по округам Дагестанской области. По данным обзора Дагестанской области следует, что в Петровске в 1902 г. было 75 легковых (перевозивших пассажиров, – *Э.Д.*) и 120 ломовых (перевозивших грузы, – *Э.Д.*) извозчиков [15, ведомость № 7]. Помимо жителей Петровска извозом занималось и население окрестных аулов. Грузы отвозили в Темир-Хан-Шуру и далее в горные округа.

Построив на Каспии Петровский порт, Россия продолжала усиливать свои позиции на Каспийском море и в Закавказье. С этой целью вдоль Каспийского побережья через территорию Дагестана в 90-е гг. XIX в. была проведена ветвь Владикавказской железной дороги. Она прошла через Петровск, Дербент и далее в Баку. Газета «Россия» отмечала, что «с проведением Баку-Петровской линии, этот край (Дагестан, – *Э.Д.*) приобретет высокую ценность. Прилив предпринимательской инициативы наблюдается с каждым днем»[17].

Торговое значение Петровска возросло, поскольку перевозки по железной дороге были выгоднее, чем по морю. Председатель Бакинского биржевого комитета писал в 1903 г. начальнику Бакинского торгового порта о сокращении «размеров морской перевозки между Петровском и Баку сахара, идущего в Персию, железа, зерновых хлебов и других грузов, идущих в Баку. «Эти грузы путь между Петровском и Баку, – пишет чиновник, – совершали ранее морем, ныне же все эти товары тот же путь совершают по железной дороге, так как расход в 2/3 копейки, уплачиваемый в виде попудного сбора в Петровске и Баку, увеличил стоимость морской перевозки настолько, что перегрузка по железной дороге явилась более выгодной».[18]

В Петровске железная дорога была проведена в непосредственной близости от порта. С одной стороны, это несколько портило облик приморской части города. Но это было выгодно рыбопромышленникам, поскольку позволяло грузить рыбный улов в вагоны, не тратя денег на его перевозку от порта до железной дороги, которую первоначально предполагалось построить вдоль горы Тарки-тау, в нескольких верстах от моря [7, с. 52]. В 1895 г. в Петровске промышленник К.П. Воробьев построил для хранения рыбы холодильник «Заморозку», а также бондарный завод [7, с. 104, 105].

Надо отметить, что во второй половине XIX в., особенно к концу XIX – началу XX в., рыбный промысел в Дагестане хорошо развивался во многом благодаря астраханским купцам, в первую очередь – К.П. Воробьеву. Во время путины работу на рыбных промыслах находили многие жители Петровска, сотни крестьян-отходников из горных округов.

17 Из экономической жизни Петровска в 1908 г. // Дагестанские областные ведомости. 1909, № 7, 19 марта.

18 ГИА АР. Ф. 387. Оп. 1. Д. 42. Л. 15 и об.

Рыбу солили и по железной дороге в бочках отправляли в российские губернии. Петровск превратился в крупный центр рыбной промышленности. Весь юг России питался петровской и дербентской сельдью морского лова [18, с. 180].

Надо отметить, что железная дорога и Петровский порт сыграли определенную роль и в развитии Закаспийских территорий Российской империи. Для укрепления своих позиций в Средней Азии в 1880 г. Россия построила там железную дорогу. Железнодорожное строительство продолжалось и дальше. Из документов Статистического комитета Дагестанской области следует, что в 1902 г. с Владикавказской железной дороги поступило на пароходы и вывезено из Петровского порта в Красноводск: паровозов – 42 шт., товарных вагонов – 317 шт., вагонных платформ – 190 шт.[19] Т.е. Петровский порт вносил значительный вклад в экономическое развитие не только Восточного Кавказа, но и Среднеазиатского региона Российской империи.

Позиции России на Восточном Кавказе усиливались. Возрастала роль Каспийского моря в экономической и политической политике России. Расширение железнодорожной сети и пароходного сообщения способствовали еще большему укреплению экономических связей между отдельными регионами империи. Большое влияние порт и железная дорога оказали на экономическое развитие города Петровска. В газете «Дагестанские областные ведомости» за 1907 г. было отмечено, что «из 3-х городов Дагестанской области только один Петровск, благодаря своему порту и транзиту, с каждым годом увеличивает свое экономическое благосостояние, что доказывает его растущий из года в год бюджет»[20].

«Дагестанские областные ведомости» отмечали, что в Петровске в 1912 г. были следующие промышленные предприятия: бумагопрядильная фабрика «Каспийская мануфактура», механический бондарный завод и «Заморозка» рыбопромышленника К.П. Воробьева, бондарные заведения Гурова и Рябцева, 2 кирпичных завода, известковый завод и т.д. [21].

Население города и окрестных сел работало на промышленных предприятиях Петровска и в отход не уходило. Среди жителей близлежащих селений –Агач-аула, Альборикента, Атлыбуюна и Кяхулая – был развит извозный промысел. Работу находили преимущественно на складах Восточного пароходного общества, перевозя коммерческие товары из Петровска в Темир-Хан-Шуру. Они же перевозили в округа области лес, другие товары[22].

Лес в Дагестан везли как коммерческие общества, так и частные лица. Так, лесоторговец, житель селения Хурукра Казикумухского округа, Кашкаев Магомед Абакар оглы привозил из Астрахани морем лесные материалы для строящихся в Дагестане земских мостов и сдавал их Строительному отделению в

19 ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 4. Д. 1. Л. 153.

20 Из экономической жизни Петровска в 1908 г. // Дагестанские областные ведомости. 1909, № 7, 19 марта.

21 Очерк хозяйственно-экономического состояния Таркинского порайонного участка за 1912 г. // Дагестанские областные ведомости. 1913, № 9, 25 февраля.

22 Там же.

Петровске. Приемку леса в 1908 г. военный губернатор поручили инженеру Курумову.[23] Петровск служил перевалочной базой для грузов, поступавших морем в горные округа.

Жители Петровска и окрестных сел трудились не только на промышленных предприятиях, но и в морском порту. Так, с 1887 по 1907 гг., т.е. 20 лет, проработал рабочим и сторожем в Петровском порту житель селения Тарки Темирхан Атай оглы. За усердие и безупречную службу он был награжден большой серебряной медалью на Станиславской ленте.[24]

В многонациональном Петровске проживали наряду с другими – персы и была улица, названная Персидской. П.И. Тахнаева отмечает, что «петровчане гордились своим портом» [3, с. 55].

Работа в порту была тяжелой. У матросов рабочий день составлял 12 часов, а зимой 10 часов, жалованье 18 руб. С жалобой на тяжелые условия работы матросы землечерпательного каравана Петровского порта в феврале 1905 г. обратились к Главнокомандующему торговым мореплаванием и портом С.В. Рухлову.[25] Положение иранских рабочих в порту было еще более тяжелым, поэтому они часто бастовали [19, с. 144].

Население Петровска было тесно связано с портом, морем. Согласно данным Всероссийской переписи 1897 г. в Петровске проживало около 500 чел. с семьями, имеющими отношение к водным сообщениям. Это матросы, капитаны, работники морского порта и т.д. [17, с. 133].

Петровск с его морским портом, посещаемый более 1 000 морских судов в год, активно торговавший с другими российскими портами на Каспии, с персидским портом Энзели, был олицетворением того нового, что появилось в Дагестане с присоединением к России [7, с. 54]. Этот город, где постоянно раздавались гудки пароходов и паровозов, круглосуточно шла погрузка и разгрузка товаров, жил своей жизнью, не похожей на жизнь в других частях Дагестана. Здесь круглые сутки кипела жизнь, слышалась русская и персидская речь, реже речь дагестанцев [7, с. 53].

Таким образом, город Петровск и его морской порт сыграли заметную роль в каботажной и международной торговле на Каспийском море. Со строительством через Петровск железной дороги, он стал крупным транспортным узлом, превратился в промышленный центр Дагестанской области, способствуя ее интеграции в экономическое пространство Российской империи.

Благодарность. Статья написана в рамках госзадания «Восточный Кавказ в составе Российской империи».

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the project "The Eastern Caucasus as a part of the Russian Empire", assigned by the government.

23 ЦГА РД. Ф. 30. Оп. 1. Д. 43. Л. 105.
24 ГИА АО. Ф. 387. Оп. 1. Д. 715. Л. 50.
25 ГИА АО. Ф. 387. Оп. 1. Д. 1168. Л. 58.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Костемеревский И.С.* Петровское. // Кавказ, № 72, 73, 1856.
2. *Кажлаев А.Н.* Возникновение и экономическое развитие Махачкалы. – Махачкала, 1967, 235 с.
3. *Рамазанов Х.Х.* Из истории строительства порта в Махачкале. // Советский Дагестан. 1972. № 1, с. 71, 72.
4. *Омаров О.Ю.* Морские ворота Дагестана. – Махачкала, 1973, 64 с.
5. *Азимов М.М., Вагабов М.М., Мирзабеков М.Я.* Транспорт и связь Дагестана (20-80 годы). – Махачкала, 1992, 404 с.
6. *Тахнаева П.И.* Махачкала. История другого города (1722-1921). – Махачкала, 2007, 104 с.
7. *Далгат Э.М.* Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. – Махачкала, 2015, 255 с.
8. История Дагестана. Т. 1. – М., 2004, 530 с.
9. *Комаров А.* Списки населенных мест Дагестанской области. // Сборник статистических сведений о Кавказе. Т. 1. – Тифлис, 1869.
10. Махачкала 1844-1998. Сборник документов. – Махачкала, 1999, 175 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 2, 1875 г. № 45662.
12. *Далгат Э.М.* Сельские базары в Дагестане в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Дагестанского научного центра. 2017, № 66, с. 67-71.
13. *Гусейнова Д.С.* Развитие морского транспорта, формирование кадров рабочих – моряков Азербайджана и их революционные выступления (90-е годы XIX в. – 1907 г.) – Автореферат дис. ... канд. ист. наук. – Баку, 1975, 28 с.
14. Список пароходов Российского торгового флота по сведениям портовых таможен к 1 января 1894 г.
15. Обзор Дагестанской области за 1902 г. – Темир-Хан-Шура, 1903, 156 с.
16. Обзор Дагестанской области за 1907 г. – Темир-Хан-Шура, 1908, 147 с.
17. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. LXII. Дагестанская область. 1905. Таблица XXI.
18. *Рамазанов Х.Х.* Сельское хозяйство и

REFERENCES

1. Kostemerevsky IS. Petrovskoe. *Caucasus,* No. 72, 73, 1856. (In Russ)
2. Kazhlaev AN. *The foundation and economic development of Makhachkala [Vozniknovenie i ekonomicheskoe razvitie Makhachkaly].* Makhachkala, 1967. (In Russ)
3. Ramazanov KhKh. From the history of the construction of the port in Makhachkala. [Iz istorii stroitel'stva porta v Makhachkale *[Soviet Dagestan [Sovetskiy Dagestan].* 1972, 1: 1-72. (In Russ)
4. Omarov OYu. *Sea gates of Dagestan [Morskie vorota Dagestana].* Makhachkala, 1973. (In Russ)
5. Azimov MM, Vagabov MM, Mirzabekov MYa. *Transport and communications of Dagestan (20-80 years) [Transport i svyaz' Dagestana (20-80 gody)].* Makhachkala, 1992. (In Russ)
6. Takhnaeva PI. *Makhachkala. History of another city (1722-1921) [Makhachkala. Istoriya drugogo goroda (1722-1921)].* Makhachkala, 2007. (In Russ)
7. Dalgat EM. *City and urban life in Dagestan in the second half of the 19th – early 20th centuries [Gorod i gorodskaya zhizn' v Dagestane vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.].* Makhachkala, 2015. (In Russ)
8. *History of Dagestan [Istoriya Dagestana]. Vol. 1.* Moscow, 2004. (In Russ)
9. Komarov A. Lists of populated places of the Dagestan region [Spiski naselennykh mest Dagestanskoy oblasti] *Collection of statistical information about the Caucasus [Sbornik statisticheskikh svedeniy o Kavkaze]. Vol. 1.* Tiflis, 1869. (In Russ)
10. *Makhachkala in 1844-1998. Collected documents [Makhachkala 1844-1998. Sbornik dokumentov].* Makhachkala, 1999. (In Russ)
11. *Complete collection of laws of the Russian Empire [Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii]. Collection 2. Vol. 2*, 1875, No. 45662.
12. Dalgat EM. Rural bazaars in Dagestan in the late 19th – early 20th centuries [Sel'skie bazary v Dagestane v kontse XIX – nachale KhKh vv.]. *Herald of the Daghestan Scientific Center.* 2017,66:67-71. (In Russ)
13. Guseynova DS. T*he development of maritime transport, the formation of a cadre of workers - sailors of Azerbaijan and their revolutionary performances (90s of the XIX cen-*

промышленность Дагестана в пореформенный период. – Махачкала, 1972, 236 с.

19. *Дадаева Л.А.* Персидско-подданные в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. – М., 2020, 196 с.

tury - 1907) [Razvitie morskogo transporta, formirovanie kadrov rabochikh – moryakov Azerbaydzhana i ikh revolyutsionnye vystupleniya (90-e gody XIX v. – 1907 g.)]. Abstract of dissertation. Baku, 1975. (In Russ)

14. *List of steamers of the Russian merchant fleet according to information from port customs by January 1, 1894 [Spisok parokhodov Rossiyskogo torgovogo flota po svedeniyam portovykh tamozhen k 1 yanvarya 1894 g.].* (In Russ)

15. *Review of the Dagestan region for 1902 [Obzor Dagestanskoy oblasti za 1902 g].* Temir-Khan-Shura, 1903. (In Russ)

16. *Review of the Dagestan region for 1907 [Obzor Dagestanskoy oblasti za 1907 g.].* Temir-Khan-Shura, 1908.

17. *The first general census of the population of the Russian Empire 1897. LXII. Dagestan region [Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897. LXII. Dagestanskaya oblast'].* 1905. Table XXI.

18. Ramazanov KhKh. *Agriculture and industry in Dagestan in the post-reform period [Sel'skoe khozyaystvo i promyshlennost' Dagestana v poreformennyy period].* Makhachkala, 1972.

19. Dadaeva LA. *Persian subjects in Dagestan in the second half of the XIX – early XX centuries [Persidsko-poddannye v Dagestane vo vtoroy polovine XIX – nachale KhKh vv.].* Moscow, 2020.

Статья поступила в редакцию 11.11.2021 г.

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174874-885

Kazbek G. Dendiev
Cand. Sci. (History), History Teacher at Frunzenskaya School
Naursky region, Chechen Republic, Russia
dendievk@mail.ru

Abbaz D. Osmaev
Dr. Sci. (History), Prof. at Department of Ancient World and Middle Ages
Chechen State University;
Principal Researcher at CI RAS, Grozny, Russia
osmaev@mail.ru

STALIN'S RESTORATION OF THE "SOCIALIST LEGALITY" IN CHECHEN-INGUSHETIA (1938-1940)

Abstract. The article explores a poorly-studied aspect of repressive politics – the so-called restoration of revolutionary law and order in the USSR in the late 1930s – on the example of law enforcement agencies of Chechen-Ingushetia. The study aims to reconstruct the implementation of the Stalinist correction in repressive practice in the region on the basis of materials from central and regional archives, previously published documents, and to identify the role of party and law enforcement agencies in it. The object of the study is the repressive policy of the Soviet state in the 1930s in the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic (hereinafter as CHIASSR). The subject of the study is the implementation of the changes made by the center in the repressive policy in the late 1938 – early 1940s in the republic. The study applies general scientific methods of analysis and synthesis, classification, comparison and analogy, historicism, objectivity and consistency. The source base of the work is archival and published documents, in particular, records of bureau sessions, plenums of the Chechen-Ingush Regional Committee of the CPSU from the Archival Department of the Government of the Chechen Republic, State Archive of the Russian Federation (hereinafter as SARF) and other archives of the country. The scientific novelty of the study lies in the fact that a study of the period of political repression was conducted on the example of the Chechen-Ingush ASSR in late 1938 – early 1940, when the restoration of the rule of law was officially proclaimed. In reality, the repressions continued, although they peaked in 1937-1938; the role of the party and state bodies in the implementation of the directives of the center is analyzed. The theoretical and practical significance of the work is determined by the fact that the research materials allow to expand the scientific understanding of political repressions in Chechen-Ingushetia. The provisions and conclusions of the work can be used in the activities of educational organizations for the study of the Soviet history. The study conducted reveals a certain algorithm of Stalin's actions to "restore" revolutionary legality.

Keywords: Chechen-Ingush Regional Committee of the CPSU; repressions; correction; NKVD; Stalin; N. Ivanov; enemies of the people; public prosecutor.

© Dendiev K.G., Osmaev A.D., 2021
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2021

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174874-885

Дендиев Казбек Гиланиевич
к.и.н., учитель истории Фрунзенской СОШ
Наурский район, Чеченская Республика, Россия
dendievk@mail.ru

Осмаев Аббаз Догиевич
д.и.н., профессор кафедры Древнего мира и Средних веков
Чеченский государственный университет;
главный научный сотрудник КНИИ РАН, г. Грозный, Россия
osmaev@mail.ru

ВОССТАНОВЛЕНИЕ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ» ПО-СТАЛИНСКИ НА ПРИМЕРЕ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ (конец 1938 г.– начало 1940 г.)

Аннотация. В статье исследуется малоизученный аспект репрессивной политики – так называемое восстановление революционной законности и порядка в СССР в конце 1930-х гг. – на примере правоохранительных органов Чечено-Ингушетии. Цель – на основе материалов центральных и региональных архивов, ранее опубликованных документов реконструировать претворение в жизнь сталинской корректировки в репрессивной практике в регионе и выявить роль в ней партийных и правоохранительных органов. Объектом исследования является репрессивная политика Советского государства в 1930-е гг. в ЧИАССР. Предмет исследования – реализация внесенных центром изменений в репрессивную политику в конце 1938 – начале 1940-х гг. в республике. В исследовании использованы общенаучные методы анализа и синтеза, классификации, сравнения и аналогии, историзма, объективности и системности. Источниковой базой работы являются архивные и опубликованные документы, в частности, протоколы заседаний бюро, пленумов Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) из Архивного управления Правительства Чеченской Республики, ГАРФ и других архивов РФ. Научная новизна исследования заключается в том, что проведено исследование периода политических репрессий на примере Чечено-Ингушской АССР конца 1938 – начала 1940 гг., когда официально было провозглашено восстановление законности порядка, на практике же репрессии продолжались, хотя пик их пришелся на 1937–1938 гг.; проанализирована роль партийных и государственных органов в реализации директив центра. Теоретическая и практическая значимость работы определяется тем, что материалы исследования позволяют расширить научное представление о политических репрессиях в Чечено-Ингушетии. Положения и выводы работы могут быть использованы в деятельности образовательных организаций по изучению советского периода истории. Проведенное исследование, основу которого составили документы ВКП(б), показывает определенный алгоритм действий Сталина по «восстановлению» революционной законности.

Ключевые слова: Чечено-Ингушский обком ВКП(б); репрессии; корректировка; НКВД; Сталин; Н. Иванов; «враги народа»; прокуратура.

© Дендиев К.Г., Осмаев А.Д., 2021
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

The political repressions of the 30s became an unprecedented phenomenon in Russian practice. Millions of socially active people fell victims of lawlessness on the part of state bodies. Only during the fourteen months of the Great Terror (1937-1938), according to departmental statistics of the NKVD of the USSR, 1,575,259 people were arrested (87.1% under political articles), of which 681,692 were sentenced to death, or 50.69% in percentage terms[1]. For comparison: in 1930-1936, the death penalty was imposed on 40,137 people[2].

It was only at the turn of the 1980s and 1990s that a legal assessment of Stalin's anti-people policy was officially given in the USSR.

The promotion of a new democratic Russia into the European legal space with a developed civil society makes the appeal to the history of violations of constitutional human and civil rights extremely important and relevant. Hence, one of the most discussed problems over the past two decades in modern historical science has been the study of the mechanism of operation management by order of the NKVD № 0447 by the Politburo and law enforcement agencies.

In the collective monograph of M. Junge, G. Bordyugov, R. Binner "The vertical of the Great Terror", the authors examine the "Kulak" operation of the NKVD № 00447, analyze the main stages, directions, the role of the party and repressive bodies in the implementation of the operational order of the NKVD. Each set of documents is supplemented by the author's explanations. The section, dedicated to the issue of restoring "socialist legality" increases the value of the work. Contextually, among other republics, Chechen-Ingushetia is also mentioned [1].

Within the framework of the research project, a joint Russian-Ukrainian-German study also occupies a special place, revealing the specifics of the implementation of repressions against target groups of the population classified by Stalin as "anti-Soviet elements". Mark Junge's monograph "Stalinism in the Soviet province, 1937-1938. Operation № 00447" is based on research conducted in five regions of the Soviet Union, which differed from each other not only economically, geographically, but also in socio-demographic terms. According to the authors, this should have contributed to the disclosure of regional features [2].

A number of Ukrainian-German researchers (M. Junge, R. Binner, S.A. Kokin, S.N. Bogunov, G.V. Smirnov, B. Bonvech, O.A. Dovbnya, I.E. Smirnova, G.A. Bordyugov) reflected their study of state terror in documentary work "Over the corpses of the enemy for the benefit of the people", which is the most complete publication of archival materials and statistical data that reveals the realization of the Great Terror in Ukraine. The second volume examines the completion of the operation and the restoration of "socialist legality" [3].

The fundamental work of the American historian Wendy Goldman is devoted to the study of the social mechanism of Stalinist terror. Based on an extensive range

1 A record on the number of convicts according to cases of NKVD bodies for the period of 1937-1938// SARF. Collection 9401. Inv. 1. File 4157. P. 202.

2 Information on the number of arrested and convicted people according to cases of the OGPU-NKVD bodies for the period of 1930-1936 // SARF. Collection 9401. Inv. 1. File 4157. P. 203.

of documents, the researcher traces the transformation of the role of trade union bodies, through which the country's leadership implemented party directives. In her opinion, the terror was calculated and directed by the higher-ups [4].

As an independent study of the issue under consideration, we can highlight the book by Mark Junge, Lynn Viola, and Jeffrey Rossman "Stalinist Perpetrators on Trial". The scientific work is devoted to the study of the life and activities of employees of repressive bodies, who later themselves turned into "victims" for violations of "socialist legality". The authors conclude that the historiography of terror is often based on the testimony of a limited number of security officers who admit the use of torture, fabrication of investigative cases and manipulation of witness testimonies [5].

The problems of repressive politics formed the basis for research of Khaustov V.V., Samuelson L., who made a sensational conclusion that on the eve of the Great Terror "there was no immediate threat of an attack on the Soviet Union, only potential military and political risks" [6].

Research by Applebaum E. "The Web of the Great Terror" is a unique testimony of the way of life and morals of prisoners of Soviet camps from the time of their establishment to their termination in 1986. To date, this is the most documented work on the studied problem [7].

Regional features of Stalin's repressive policy based on concrete historical materials of the republics are considered in the studies of Stepanov A.F. (Tatarstan), Maksimov K.N. (Kalmykia), Kakagasanova G.I. (Dagestan), Elbuzdukayeva T.U. (Chechen-Ingushetia), et al. [8; 9; 10; 11].

In our opinion, not all aspects of the phenomenon of political repression have been sufficiently studied. The conducted historiographical analysis of the literature indicates that the problem under study in the regions has not yet become the subject of a special study.

In August of 1938, L.P beria became the first Deputy People's Commissar of Internal Affairs of the USSR of N. Yezhov. In fact, the beginning of the process of curtailing the campaign of mass operations can be attributed to his name. However, according to the compilers of the collection of documents on the history of the Great Terror, "the weakening of this policy" was dictated by "a number of foreign and domestic political factors" that forced J. Stalin to adjust his policy [12, p. 7].

In November of 1938 the Central Committee of the CPSU made several important for the country decisions. On November 14, 1938, secret resolution № 4384 of the Central Committee of the CPSU "On registration and verification in the party bodies of responsible employees of the NKVD of the USSR" creates a list of responsible employees subject to registration, verification and approval. The head of the ORPO (Department of the Governing Party Bodies) and one of the secretaries were obliged to personally investigate the cases of each of the approved employees. When approving the heads of the city and district departments of the NKVD, it was necessary to have from the corresponding city committee, the district committee of the CPSU for each approved employee a review of the first secretary, coordinated with the members of

the bureau of the city committee, the district committee of the CPSU. All work on registration, verification and approval of NKVD employees had to be completed no later than January 1, 1939 and a full report to be sent on the results of this work to the Central Committee of the CPSU [12, pp. 604-606].

On November 15, 1938, the Politburo of the Central Committee of the CPSU approved the draft resolution "The Issue of the Prosecutor's Office of the USSR", which "strictly states": "1. To suspend from November 16 of this year, until further notice, the consideration of all cases in troika, in military tribunals and in the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR, directed to their consideration by special orders or in another, simplified manner" [12, p. 606]. On November 17, 1938, the resolution of the SNK and the Central Committee of the CPSU "On arrests, prosecutor's supervision and investigation" was issued. On the one hand, the document outlines the positive work done under the leadership of the party in "1937-1938 by the NKVD to defeat the enemies of the people...", but on the other, it contains criticism of a "simplified investigation and trial." Under the simplified procedure of investigation, the procedure for considering the "case" was carried out without the participation of the prosecution and defense parties, followed by the immediate execution of the sentence. The established order was a violation of Article 111 of the Constitution of the USSR on the transparency of judicial proceedings and the rights of the accused to defend and appeal the verdict.

The directive ordered: 1. Prohibit the NKVD and Prosecutor's offices from carrying out any mass arrest and eviction operations. 2. Dissolve judicial troikas. 3. Arrests should be conducted only by court order or with the sanction of a prosecutor and in strict accordance with Article 127 of the Constitution of the USSR [12, p. 609].

The resolution established "that the prosecutor who authorized the arrest, along with the NKVD employees, is also responsible for each illegitimate arrest." Instead of the abolished extrajudicial "troikas", the CPSU allowed the NKVD to organize special investigative units in operational departments from "the most politically reliable and qualified party members" [12, pp. 607-611].

The adoption of fateful decisions at the highest level for the country presented the appearance of legal protection in society, the revival of the lost constitutional norms of judicial proceedings and the real provision of human and civil rights and freedoms.

However, in reality, there was still an attitude to continue the merciless fight against the enemies of the USSR, with the help of "more advanced and reliable methods", a Special Session at the NKVD of the USSR was maintained. Responsibility for the "perversion" of the party's policy, human rights violations, the use of illegal investigative methods J. Stalin placed on the "enemies of the people and spies who sneaked into the NKVD bodies." The resolution notes the investigative methods and techniques practiced: distortion of Soviet laws, forgery, falsification of investigative documents, criminal prosecution and arrest on trivial grounds, building "cases" against innocent people for provocative purposes. Highlighting the negative aspects of investigative practice, the resolution concludes that the enemies of the people "took all measures to hide and save from the defeat of their accomplices in criminal anti-Soviet activities."

And such facts, according to the documents, "took place in the central office of the NKVD, and on the ground" [12, p. 609]. Thus, the regime established obedient agents and executors of the will of the Stalinist Central Committee – Chekist personnel – as a new object of terror.

In late November of 1938, N.I. Yezhov was removed from the post of People's Commissar of Internal Affairs, and in 1939 he was brought to trial and executed [13, p. 158]. In the new conditions, the established practice of judicial and investigative work of law enforcement agencies clearly did not fit into the realities of the time, the need to return to the norms of the Criminal Procedure Code of the RSFSR and the Constitution of the USSR became obvious.

Let us consider how in reality the regional party organization of CHIASSR implemented the directive of the Central Committee of the CPSU and the SNK of the USSR from November 17, 1938.

The most important resolution "On arrests, prosecutorial supervision and investigation" of the Regional Committee of the CPSU was submitted for discussion by the bureau only on November 29, 1938. What is remarkable is not the late entry of the document into the agenda of the bureau's work, but the order of its consideration. The directive, according to the list order, was to be considered twenty-second[3].

The analysis of the sources demostrates that at the end of the 1930s, similar phenomena and even cases of extrajudicial executions of prisoners were recorded in a number of regions. Thus, "the secretary of the Crimean regional Committee of the CPSU A. Seit-Yagyaev, a member of the troika, signed several protocols on the execution of a large number of people on November 25 and 26, 1938, having issued them retroactively" [14].

It seems that the Regional Committee of Chechen-Ingushetia approached the late discussion of the significant resolution of November 17, 1938 pragmatically. The need to clean up the traces of "perversions" of judicial and investigative practice, including unloading the overcrowded republican prison of the NKVD, was obvious. It should be noted that on January 1, 1939, there were 2,860 prisoners in the CHIASSR, of which: Chechens – 1,313; Ingush – 240[4].

At the same time, there is another interesting point: in the apparatus of the NKVD bodies of Chechen-Ingushetia, nothing on the surface indicated future changes. The local authorities of the People's Commissariat continued their normal activity. In December of 1938, in accordance with Resolution № P 4384 of November 14, 1939, the Regional Party Committee approved the People's Commissar of Internal Affairs N.I. Ivanov and 18 heads of district offices (N.H. Isakov, G.I. Sazonov, G.Yu. Porvanetsky et al.), as well as characteristics on the individuals of the commanding staff: Danilov N.I., member of the CPSU since May 1920, assistant of the head of the 4th

3 Record № 46 of the session of the Bureau of the Chechen-Ingush Regional Committee of the CPSU dated November 29, 1938 // Archival Department of the Government of the Chechen Republic (hereinafter – ADG CR). Collection R-1212, Inv. 1. File 513. P. 133-134.

4 Information on the movement and composition of detainees in places of detention of the NKVD of Chechen-Ingush ASSR for the IV quarter of 1938 (as of January 1, 1939) // SARF. Collection 9414. Inv. 1a. File 352. P. 103.

department of the UGB, a participant in the exposure of a subversive organization in the People's Commissariat of the Republic and the Dashnak spy terrorist organization in Grozny; Kovyakov I.P., Head of the Special Department of the UGB of the NKVD of the CHIASSR, an active participant in the fight against enemies of the people, etc. [5]

The characteristic of Nikita Ivanovich Ivanov, a member of the party since 1919 is also indicative, "... as an irreconcilable fighter for the cause of the Lenin-Stalin party, against the sworn enemies of the people – Trotskyist-Bukharin and bourgeois-nationalist bandits. During the elections to the Supreme Soviets of the USSR and the Chechen-Ingush ASSR, Comrade Ivanov was elected a deputy of the Supreme Soviet of the USSR and the Chechen-Ingush ASSR."[6] The People's Commissar, who was awarded by the government "for outstanding service" to the Lenin-Stalin party with the Order of the Red Star in December 1937, the jubilee medal "XX years of the Red Army" and the "Badge of the Honorary Chekist", especially appreciated in Chekist circles, was declared an enemy of the people for reasons of conjuncture. January 2, 1939 F.P. Bykov informed the members of the bureau of the regional committee of the CPSU about the arrest of N.I. Ivanov[7]. And a few weeks later, on January 28, 1939, at the IV party conference, the "chief Chekist" of the republic was removed in absentia "from the membership of the Plenum of the Chechen-Ing. Regional Committee of the CPSU"[8].

With the appointment of the People's Commissar of Internal Affairs of the CHIASSR P.N. Ryazanov, assigned by the NKVD of the USSR, another rotation took place with the subsequent destruction of the "Yezhov" cadres in the system. The regional party organization approved new candidates for the post of head of the personnel Department of the NKVD V.G. Golovin, Head of the 4th department of the UGB NKVD N.N. Danilov, Assistant to the People's Commissar M.A. Efimov and others[9].

Personnel changes also took place in the CHIASSR Prosecutor's Office: the head of the investigative department of the prosecutor's office of the regional party committee approved Koida V.T., a member of the party since 1931, assistant prosecutors for special cases Leonid Ivanovich Zuev, a member of the party since 1931, and Nikolai Vasilyevich Khramov, a member of the party since 1920[10].

Meanwhile, N. Ivanov gave "confession" to the investigation. Having no access to departmental archives, it is difficult to confirm the number of convicted former

5 Record № 50 of the session of the Bureau of the Chechen-Ingush Regional Committee of the CPSU of December 15, 1938 // ADG CR. Collection R-1212, Inv. 1. File 514. P. 11-14, 70-74, 69-70; Record No. 53 of the Session of the Bureau of the Chechen-Ingush Regional Committee of the CPSU dated December 29-30, 1938 // ADG CR. Collection R-1212, Inv. 1. File 514. P. 143-145.

6 Record № 50 of the session of the Bureau of the Chechen-Ingush Regional Committee of the CPSU of December 15, 1938 // ADG CR. Collection R-1212, Inv. 1. File 514. P. 69-70.

7 Record № 50 of the session of the Bureau of the Chechen-Ingush Regional Committee of the CPSU of December 15, 1938 // ADG CR. Collection R-1212, Inv. 1. File 514. P. 69-70.

8 Record № 50 of the session of the Bureau of the Chechen-Ingush Regional Committee of the CPSU of January 11, 1939 // ADG CR. Collection R-1212, Inv. 1. File 515. P. 77-79.

9 Record of the IVth Plenum of the Chechen-Ingush Regional Committee of the CPSU of January 28, 1939 // The Russian State Archive of Socio-Political History (hereinafter as RSASPH). Collection 17. Inv. 21. File 5736. P. 3.

10 Record № 61 of the session of the Bureau of the Chechen-Ingush Regional Committee of the CPSU dated January 29, 1939. ADG CR. Collection 1212. Inv. 1. File 516. P. 33-34.

security officers. One of those who was “handed over” by the People’s Commissar under torture was the head of the 3rd department of the UGB A.P. Porubai, born in 1900, a former member of the CPSU, arrested under Article 58, paragraphs 7 and 11 of the Criminal Code of the RSFSR 3/II-1939. Let us turn to the document. A.P. Porubai was “a member of the anti-Soviet right-Trotskyist conspiratorial organization. At the end of 1937, he established an anti-Soviet connection with the head of the organization, N.I. Ivanov, on whose instructions and cooperation carried out subversive work in the NKVD. Falsified investigative cases against Khamzatkhanov, Aliev, Khasiev, Kadilov, Ukhuev, Mutushev (all sentenced to capital punishment). Conducted illegal arrests. Used twisted methods of investigation and forced the arrestees to give deliberately false testimony. In his anti-Soviet activity, he was also associated with convicted enemies of the people: Rayev, Dementiev” [15]. Incriminated charges of anti-Soviet activity were typical in the investigative practices of those years. The statement of compromising relations with convicted enemies of the people in the eyes of the investigation gave the resonant case a certain peculiarity, increasing its significance. Similar “deeds” under the Criminal Code of the RSFSR provided for “execution with confiscation of all property.”

Obviously, there was no counter-revolutionary conspiratorial organization in the NKVD CHIASSR system, as well as anti-Soviet “subversion, espionage, bourgeois-nationalist organizations and groups” previously “identified” by the Chekists. All of them were the creation of local special services, for the justification of which inhuman methods of physical and psychological influence on the accused were used.

This, in fact, is confirmed by A. Avtorkhanov, a witness at the court session of the Military Tribunal: “In the courtroom, in the dock, I saw the entire apparatus of the Yezhovsky NKVD headed by Ivanov, Alekseenko, Levak and Kuraksin. Their pale, exhausted faces testified that they, too, had gone through the tortures to which they themselves had subjected their victims. They were in Chekist uniforms, but without orders and insignia (the trial has not yet taken place, and they have already been stripped of titles and orders)" [16, p. 517].

We should highlight that interesting legal innovation: the court has not yet issued a guilty verdict, and the defendants “have already been stripped of their titles and orders.” This was not considered something exceptional in legal practice. This aspect points to the political Article 58 of the Criminal Code of the RSFSR, examined by the Military Tribunal of the NKVD forces on the basis of the law of December 1, 1934.

The practice of arbitrary deprivation of insignia and titles, the use of physical and psychological influence on those under investigation was a gross violation of constitutional human rights and the relevant norms of the Criminal Procedure Code of the RSFSR. The fact that the torture was sanctioned by the leadership of the ruling party confirms the explanation of J. Stalin (November 10, 1939): “The Central Committee of the CPSU believes that the method of physical influence must necessarily continue to be used, as an exception, against enemies of the people, as an absolutely correct and expedient method.” In conclusion, Stalin categorically prescribes to the secretaries of regional committees, district committees, and the

Central Committee of national parties, "that when checking NKVD personnel, they should be guided by this explanation" [17, p. 145]. Thus, an excerpt from Stalin's telegram indicates that the coercion of people to testify, including self-incrimination, was politically motivated.

Another background event on a local scale was the case of a convicted state security sergeant of Chechen origin. It follows from the guilty verdict of the Military Tribunal that the defendant, having entered into the criminal association, submitted to the NKVD of Chechen-Ingushetia "a number of deliberately false provocative and slanderous materials" about the existence of a counterrevolutionary group that was preparing terrorist acts against the party and Soviet leaders of the republic. The judicial investigation of the closed meeting of the NKVD forces established "that the provocateur activity of the defendants was reduced to showing themselves in front of the public as enemy exposers under the guise of vigilance and exposing enemies and creating a career for themselves." On the basis of his provocative materials, innocent Mustafinov Yusup and Matsiev Hamit were sentenced to death. The Visiting Session of the Military Tribunal of the North Caucasus Military District in August of 1940 decided on the conviction of the former state security sergeant for 15 years of correctional labor camps, followed by the restriction of civil rights for another 5 years[11].

The victims of the process of the so-called restoration of socialist law and order were the security officers who headed the republican special services in different years – S.N. Mironov, V.F. Dementiev, M.G. Raev. Arrested as members of an anti-Soviet, right-Trotskyist espionage and conspiratorial organization, they were executed by the verdict of the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR.

Stalin's former political opponents serving sentences in places of imprisonment also did not manage to avoid repressions. Karl Radek was one of the few to whom Stalin "granted" life in January 1937. On May 19, 1939, in the Verkhneuralskaya prison, the "Trotskyist" Varezhnikov strangled a prominent party figure and publicist. Under the fictitious name of the murderer, the "encrypted Stepanov I.I." was registered the former commandant of the NKVD prison of the Chechen-Ingush ASSR, convicted of official crimes. For performing an important "special task", by order of Beria in November 1939, I.I. Stepanov was granted parole[12].

On the way to unlimited power, Stalin did not disdain to use the services of specialists of a narrow profile, like the executioner I.I. Stepanov, who carried out death sentences. Even today it is not possible to establish the approximate number of people executed in Chechen-Ingushetia, as well as their places of burial: the system was able to keep its secrets.

We also believe that the political charges brought against former NKVD employees were identical to the "enemies of the people" incriminated in 1937-1938. For example, Vasily Grigoryevich Egorov, the First secretary of the Chechen-Ingush Regional

11 Personal file № 6595 of a special settler N.M. Daldaev// ADG CR. Collection R-1094, Inv. 5. File 9031. P. 1-2.

12 Stalin's order. How Sokolnikov and Radek were killed // Novaya Gazeta. 2008. June 5.

Committee of the CPSU, was accused of being an agent of German intelligence since 1922. In 1936, he allegedly joined the North Caucasian faction of the right-Trotskyist organization. He also allegedly headed the right-Trotskyist underground organization in the republic. According to his supposed instructions, "oil production was disrupted, acts of sabotage with human victims were committed." When conducting economic policy campaigns, party directives, etc., were grossly violated. He was arrested on April 30, 1938, and sentenced on July 13, 1941 to 20 years in prison [15].

It would be naive to think that the repressions ceased after the decree was issued on November 17, 1938. On the contrary, according to counter-revolutionary articles, they became even more active, which is evident from the "statistical data on the number of convicts by the courts of the RSFSR for the period of 1923-1955." Thus, on average, in 1939, the number of convicted by the courts was recorded in 5,151 cases, while in 1940 their number almost doubled and amounted to 9,187[13].

The analyzed data is supplemented by declassified information from another collection of documents. In January 1939, the total number of those convicted of counter-revolutionary crimes (reporting form № 5) was 22,296, and in the second quarter (as of June 1, 1939), analysts recorded a sharp increase – 29,625. In the third quarter (as of October 1, 1939), a decrease was recorded – 28,725[14]. Thus, based on the sources, we can state the ups and downs of terror against imaginary and real political opponents of Stalin.

In view of the importance for the study, we present a list of no longer valid orders, directives and decrees of the NKVD of the USSR (order № 00762 of November 26, 1938):

№ 00439 of July 25, 1937 – "On operation for repression of German citizens suspected of espionage against the Soviet Union";

№00447 of July 30, 1937 – "On operation for repression of former kulaks, criminals and other anti-Soviet elements";

№ 00485 of August 11, 1937 – "On operation for repression of members of the Polish military organization (POV) in the USSR";

№ 00593 of September 20, 1937 – "On operation for repression of former employees of the Chinese Eastern railway and returnees of Manchukuo";

№ 49990 of November 30, 1937 – Encrypted telegrams of the NKVD on the operation for repression of Latvians;

№ 50215 of December 11, 1937 – Directive of the NKVD of the "Greece operation";

№ S-74 of January 13, 1938 – Order of the NKVD of the references sent to the Military Board of the Supreme court of the USSR;

№ 202 of January 29, 1938 – Directive of the NKVD of the USSR "On the arrests of Iranians and Iranian-Armenians" to the Commissar of internal Affairs of the

13 Table of the number of convicts by the courts of the RSFSR // SARF. Collection 353. Inv. 16. File 20. P. 6.

14 Information form № 5 on the composition of prisoners held in the Correctional labour camps of the UNKVD-NKVD for the first quarter of 1939 // SARF. Collection 9414. Inv. 1. File 353. P. 12; Information form № 5 on the composition of prisoners held in the Correctional labour camps of the UNKVD-NKVD for the II quarter of 1939 (on July 1, 1939) // SARF. Collection 9414. Inv. 1. File 353. P. 47; Information form No. 5 on the composition of prisoners held in the Correctional labour camps of the UNKVD-NKVD for the III quarter of 1939 (on October 1, 1939) // SARF. Collection 9414. Inv. 1. File 353. P. 76.

republics, heads of the NKVD, chiefs of DTO GUBG NKVD, chiefs of the 3rd, 4th, 5th, 6th, and 11th divisions of GUBG NKVD of the USSR;

№ 326 of February 16, 1938 – Memorandum to NKVD on the arrest of all suspected in espionage, sabotage, terrorist, insurgent and nationalist work of Afghanistan (Afghan and Soviet citizens);

№ 00606 of September 17, 1938 – order of the NKVD of the USSR "On establishments of special troikas to examine the cases of detainees in orders of the NKVD of the USSR № 00485, etc.;

№ 189 of September 21, 1938 – Directive of NKVD "Clarification on the application of the NKVD order № 00606, 1938", etc., a total of 18 documents [12, p. 612-614].

Thus, the government approached the regulation of the legislative framework that determines the dynamics, ideological, quantitative and procedural foundations of terror from tactical considerations, while maintaining the strategic course of the party.

The attempted reconstruction of the Stalinist restoration of order and socialist legality on the example of a single region touched upon an important component of the entire study – the interaction of the party and law enforcement agencies implementing the political line of J. Stalin. We hope that further study will open up new horizons for research on other aspects of repressive politics that remain outside the scope of the present paper.

REFERENCES

1. Junge M., Bordyugov G., Binner R. *Vertical big terror*. M.: «New chronograph», AIRO-XXI, 2008, 784. (In Russ)

2. Junge M., Bonvech B., Binner R. *Stalinism in Soviet verification: 1937-1938. Map of operations based on cover No. 00447*. M.: Russian police encartopedia (ROSSPEN)/(In Russ)

3. *Through the corpses of the enemy for the benefit of people. "General operation" in the Ukrainian SSR: 1937-1941* / M. Junge, S.A. Kokin, R. Binner, etc.]; sanity. Reed. O.A. Dovbnya. In 2 t. M.: ROSPEN, 2010. T. I. 743c., Vol. II. 711 Sol. (In Russ)

4. Goldman V. *Hour. Terror and democracy in the era of steel: Social dynamics of repression* / translated from the English M. Foundation "Presidential Center of B.N. Yeltsin": ROSSPEN, 2010. 335/ (In Russ)

5. *Sheets on the dock: a collection of statistics* / conditions. Mark Junge, Lynn Viola, Jeffrey Rossman. Moscow: Blank – 2000, 2017. 679

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Юнге М., Г. Бордюгов, Биннер Р.* Вертикаль большого террора. М.: «Новый хронограф», АИРО –XXI, 2008, 784 с.

2. *Юнге М., Бонвеч Б., Биннер Р.* Сталинизм в советской провинции: 1937-1938 гг.: массовая операция на основе приказа № 00447 / Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации [и др.]. Москва: РОССПЭН, 2009. – 926 с.

3. Через трупы врага на благо народа. «Кулацкая операция» в Украинской ССР: 1937-1941 гг. / М. Юнге, С.А. Кокин, Р. Биннер [и др.]; под общ. ред. О.А. Довбня. В 2 т. М.: РОССПЭН, 2010. Т. I. 743с., Т. II. 711 с.

4. *Голдман В.З.* Террор и демократия в эпоху Сталина: Социальная динамика репрессий / Пер. с англ. М.: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина»: РОССПЭН, 2010. – 335 с.

5. Чекисты на скамье подсудимых: сборник статей / сост. Марк Юнге, Линн Виола, Джеффри Россман. Москва: Пробел – 2000, 2017. 679 с. (In Russ)

6. Khaustov C., L. Samuelson. *Stalin, the NKVD and the Repressions of 1936-1938*. Moscow: The Foundation of the New President of Russia B.N. Yeltsin": ROSSPEN, 2010. 430 Sol.

7. Applebaum E. *GULAG. The Web of the Great Terror* / Translated from English by M.: Moscow School of Political Studies, 2006. 606 p.

8. Stepanov AF. Execution by limit: from the exploitation of political repression in the TASSR during the years of "yezhovshchina". Kazan, 1999.

9. Maksimov KN. *Tragedy of the People: Repressions in Kalmykia*. 1918-1940-or the years. Moscow: Nauka, 2004. 311c.

10. Kakagasanov GI. O. *Mass repressions of the 20-40s and early 50s of the XX century in Dagestan and their sequence (historical and documentary research)*. Makhachkala: IIAE of the Russian Academy of Sciences, Alef, 2020. 234

11. Elbuzdukayeva TU. *On Political repression on the territory of the word and the English language in 1920-1930*. Makhachkala: ALEF (IP Ovchinnikov M.A.), 2015. 840

12. *Lubyanka. Stalin and the main directorate of state security of the NKVD. Stalin's archive. Documents of the highest organic party and respected authorities. 1937-1938* / V.N. Khaustov, V.P. L. Naumov, N.S. Plotnikova; post rib. Acad. A. N. Yakovlev. Moscow: MFD, 2004. C. 7, 604 to 606, 607-611,612-614.

13. Antonova LC, Prosvirova TA. *History of foreign services*. M.: OO Home Slavic books, 2011. C. 158

14. Teplyakov A. *Process: implementation estimated printers in the 1920s-1930s* [Electronic resource]. URL: / https:/collib/b/398460/read (accessed May 5, 2021).

15. *Stalin's executions* [Electron resource]. Moscow: Ed. Sound, 2013. 2 electrons, opt. A disc (CD-ROM).

16. Avtorkhanov A.G. About myself and time: Memoirs. M.: DIKA-M, 2003. – 734 p.

17. Khrushchev NS. On the cult of personalities and its completion // Izvestiya CC KPP. 1989. No. 3. P. 145.

6. *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. Москва: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина»: РОССПЭН, 2010. – 430 с. (In Russ)

7. *Эпплбаум Э.* ГУЛАГ. Паутина Большого террора / Пер. с англ. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2006. – 606 с. (In Russ)

8. *Степанов А.Ф.* Расстрел по лимиту: из истории политических репрессий в ТАССР в годы «ежовщины». Казань, 1999. – 311 с. (In Russ)

9. *Максимов К.Н.* Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918-1940-е годы. М.: Наука, 2004. – 309 с. (In Russ)

10. *Какагасанов Г.И.* Массовые репрессии 20-40-х и начала 50-х годов XX века в Дагестане и их последствия (историко-документальное исследование). Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН, Алеф, 2020. – 234 с. (In Russ)

11. *Эльбуздукаева Т.У.* Политические репрессии на территории Чечни и Ингушетии в 1920-1930 годы. Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2015. 840 с. (In Russ)

12. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938 / В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова; под ред. акад. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 2004. (In Russ)

13. *Антонова Л.В., Просвирова Т.А.* История спецслужб России. М.: ООО Дом Славянской книги, 2010. – 478 с. (In Russ)

14**.** *Тепляков А. Г.* Процедура: Исполнения смертных приговоров в 1920-1930-х годах. М.: Возвращение, 2007. – 107 с. (In Russ)

15. Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс] / подгот.: Междунар. о-во «Мемориал» [и др.]. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Звенья, 2004. – 2 электрон. опт. диска (CD). (In Russ)

16. *Авторханов А.Г.* О себе и времени: Мемуары. М.: ДИКА-М, 2003. – 734 с. v17. *Хрущев Н.С.* О культе личности и его последствиях // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 145. (In Russ)

Статья поступила в редакцию 12.06.2021 г.

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174886-911

Кореневский Сергей Николаевич
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия
skorenevskiy@yandex.ru

ТРАДИЦИЯ ПОРЧИ СОСУДА: ИСТОКИ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ ПРЕДКАВКАЗЬЯ

*Аннотация***.** В статье рассматриваются металлические и керамические сосуды из памятников майкопско-новосвободненской общности, имеющие признаки деформации. Источниками работы являются большей частью фотографии и рисунки автора материалов, которые хранятся в Государственном Эрмитаже. Сами по себе эти вещи были опубликованы неоднократно, но деформации сосудов, как правило, не описывались. Обнаруженные дефекты позволяют сделать вывод, что некоторые сосуды Майкопского кургана были намеренно повреждены; еще до постановки в могилу одни из них могли ремонтироваться. Особо интересно бронзовое ведерко из Майкопского кургана: его петли для крепления дужки-рукояти намеренно разрушены, то есть ведро было поставлено в могилу в «убитом» состоянии. В статье проанализированы все известные формы бронзовых сосудов из всех комплексов майкопско-новосвободненской общности и ее периферии. Выяснено, что все они практически имеют дефекты или следы ремонта. В основном они не пригодны для использования в быту. И в этом заключалась особенность традиции их помещения в могилу. Порча или ремонт сосуда из металла или порча керамики могла трактоваться как возможность пользования в «стране предков» покойным сородичем именно сосудов с дефектами, а отдельный фрагмент сосуда приобретал магический смысл. Истоки традиции порчи сосудов или использование в погребальном обряде отдельных черепков находит примеры в погребальном обряде протоямной культуры предмайкопского времени Предкавказья. Поэтому можно полагать, что такая традиция была заимствована носителями майкопской культуры от предшествующего населения. Впоследствии она была передана племенам эпохи средней бронзы.

Ключевые слова: сосуд; деформация; порча сосудов; традиция; культ; курган; погребение; культура; возрождение; Предкавказье; Майкоп.

© Кореневский С.Н., 2021
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

ARCHEOLOGY

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174886-911

Sergey N. Korenevsky,
Dr. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of Archeology, RAS, Moscow, Russia
skorenevskiy@yandex.ru

THE TRADITION OF SPOILING VESSELS: ORIGINS ACCORDING TO THE ARCHEOLOGICAL DATA OF CISCAUCASIA

Abstract. The article reviews the deformed metallic and ceramic vessels of the Maikop-Novosvobodnenskaya community. The study is mainly based on the author's photographs and sketches, stored in the State Hermitage Museum. The artifacts themselves were published numerous times, but the deformation of vessels, in particular, has not yet been covered. The revealed defects allow us to conclude that some of the vessels of the Maikop Kurgan were damaged intentionally; prior to placing the vessels into the grave, some of them could have been repaired. Of particular interest is a bronze bucket found in the Maikop Kurgan: its hinges for mounting the arched handles were purposely broken, i.e. the bucket was placed in the grave in the "murdered" state. The article analyzes all known shapes of bronze vessels from the whole assemblage of the Maikop-Novosvobodnenskaya community and its periphery. It has been revealed that all of them have some forms of defects or traces of repair. In most cases they are not suitable for household use, which is the very feature of the tradition of placing them in graves. Damage or repair of metallic vessels or spoilage of pottery could have been considered as a possibility for using the damaged vessels by the kinsman in the "land of ancestors", and an individual fragment of a vessel acquired magical properties. The origins of spoiling vessels and the use of individual shreds in funerary rites has its roots in funerary rites of the Proto-Yamnaya culture of the Pre-Maikop period of Ciscaucasia. Thus, we believe that this tradition was borrowed by the bearers of the Maikop culture from their predecessors. Subsequently, it was passed to the tribes of the Middle Bronze Age.

Keywords: vessel; deformation; vessel spoilage; tradition; cult; kurgan; burial; culture; revival; Ciscaucasia; Maikop.

© Korenevsky S.N., 2021
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2021

Введение

«Разбейся, горшок, на кусочки, чтоб у нас народились сыночки» – примерно так гласит народная поговорка, восходящая к древним временам, когда люди верили в волшебство испорченного сосуда. Они полагали, что разбитый на свадьбе горшок обеспечивал плодородие и процветание молодой семье. Далеким эхом этих верований является обычай наших дней для жениха и невесты бить бокалы, выпив из них шампанского, во время праздничного обряда бракосочетания.

Насколько можно проследить уходящую в древность эту традицию? Археологи, изучавшие древности раннеславянского времени Змиевского района Харьковской области на Украине, собрали сведения о погребальных обрядах местного населения. Было отмечено и то, что по данным арабского энциклопедиста Ибн Даста (Ибн Руста) (кон. IX – нач. X в.), славяне на следующий день после похорон сородича выполняли очень древний ритуал, содержание которого арабский историк до конца понять не мог. На могиле усопшего человека родственники разбивали горшок. Его осколки клали в могильную яму. Археолог Ю.А. Коловрат-Бутенко [1], изучавший эту традицию, отметил, что обычай класть в могилу битую посуду имеет древнюю индоевропейскую практику. В.В. Иванов, например, отметил разбивание сосуда во время похорон хеттского царя [2, с. 7].

История древних носителей индоевропейских обрядов реально уходит в эпоху медно-бронзового века. Была ли традиция такого обращения с посудой свойственна только предполагаемым и гипотетическим носителям индоевропейских языков того времени или характерна для иных историко-культурных объединений племен – вопрос, требующий специального рассмотрения. Ниже обратимся к реальным фактам подобных обычаев на примере Предкавказья и, в частности, в археологии существовавшей здесь, феноменально развитой по меркам IV тыс. до н.э., майкопско-новосвободненской общности.

Порча сосудов в памятниках майкопско-новосвободненской общности

Прежде всего, рассмотрим ситуацию с посудой в самом значимом и богатом комплексе самого Майкопского кургана [3]. Могильная яма этого памятника крупного размера 5,33´3,73´1,42 м была ориентирована с СЗ на ЮВ. Она была разделена перегородкой из дерева на три части. Отсек № 1 занимал южную половину ямы. Два других отсека образовывала стенка, перпендикулярно расположенная к стенке отсека № 1. Она делила пространство на восточный отсек № 2 и западный отсек № 3.

В каждом отсеке был похоронен человек. Позы всех трех покойных были одинаковы. Люди лежали на спине с коленями ног, некогда поднятыми наверх, и стопами, поставленными на землю плашмя. Кости ног со временем завали-

лись на сторону. Тела покойных людей были густо покрыты красной краской мертвых – киноварью – и находились на слое галечных голышей. Руки были согнуты в локтях и положены за голову. Вероятно, так были выполнены ритуальные позиции похороненных с великими почестями знатных людей. Аналог таким позам Н. Мусеибли зафиксировал в Азербайджане на поселении Пойлу II у двух людей лейлатепинской культуры, погребенных прямо в культурном слое и без особо богатых посмертных приношений [4, с. 208, 209].

В отсеке № 1 Майкопского кургана на покойном и вокруг него было обнаружено множество украшений из золота, серебра, полудрагоценных камней (сердолик, бирюза). В углу могилы лежали бронзовый топор, топор-мотыга, мотыга, два кинжала, два каменных стержня (рис. 1). Вдоль восточной стенки были расставлены 14 сосудов из серебра, два – из золота и один каменный сосуд с накидным дном и золотым накидным горлом с золотой крышкой. Вдоль противоположной стенки были помещены 8 глиняных горшков.

В отсеке № 2 находилась посуда из бронзы. В отсеке № 3 в углу стоял только крупный сосуд – пифос.

Благодаря публикациям Ю.Ю. Пиотровского [5, с. 105–171], сейчас мы имеем наиболее полное представление о сосудах Майкопского кургана. Как отмечалось, вдоль восточной стенки отсека № 1 были расположены 14 серебряных и два золотых сосуда; один сосуд, по замечанию Н.И. Веселовского, был сделан из камня. Формы сосудов из металла близки формам керамических сосудов. Среди них есть деформированные изделия, целые сосуды, а также только обломки (рис. 2). Целые формы представляют собой маленькие кубки с округлым туловом и высоким горлом, высотой 12,8 см, 13,6 см, 19,9, см и с горлом средней высоты – размером 19,5 см (рис. 2, *1*). Один сосуд, высотой 13,4 см, имеет шаровидное тулово и резко отогнутый венчик (рис. 2, *9*). Другой сосуд, высотой 6,8 см, напоминает стакан с приставными ушками (рис. 2, *10*). Маленькая ребристая миска имеет высоту 7,6 см (рис. 2, *4*). Две серебряных миски с округлым дном, высотой около 5 см и диаметром около 8–14 см (рис. 2, *5, 11*). Миска, некое подобие чана, имеет высоту около 11 см и диаметр около 26 см (рис. 2, *16*). Два шедевра – сосуд с пейзажем и сосуд с розеткой на дне имели высоту 9,6 см и 9,2 см соответственно (рис. 8).

Помимо целых форм в наборе присутствуют и отдельные обломки сосудов (рис. 2, *2, 6, 8, 12, 14, 15, 17–19*). Таковы, в частности, фрагменты сосуда с рифлением (возможная высота до 12 см) (рис. 2, *2*), часть круглодонного сосуда с фрагментом горла и тулова без дна (рис. 2, *6*) с возможной высотой до 9–10 см. Присутствуют еще два фрагмента от верхней части сосуда диаметром до 6-7 см [6. Abb. 25-27].

Сосуды из золота представлены ребристой миской и высокогорлым кубком (рис. 2, *4, 7*). Остальные сосуды серебряные. Мне удалось проанализировать металл четырех обломков сосудов из серебра. Содержание в них меди присутствует в количестве более 10%. Это билоны, количество серебра в них должно уточняться при более современном анализе состава металла [7, с. 86–104].

Способ изготовления майкопских сосудов еще специально не изучался. Можно только отметить их очень тонкие стенки, возможно, полученные выколоткой первоначальной модели.

Два серебряных сосуда из Майкопского кургана были наделены особыми свойствами передачи информации в мифах своего времени. Коротко напомним еще раз о сценах на этих кубках. Их описание и подробный разбор делались неоднократно, в том числе и в работах Н.И. Веселовского [3], Б. В. Фармаковского [8], М.И. Ростовцева [9, p. 26–28]. Отмечены они и Ю.Ю. Пиотровским: изображения на сосудах были нанесены чеканом с лицевой стороны [5, с. 156].

Так, на сосуде с пейзажем (рис. 3, 4) мы видим три ряда горных цепей, которые поднимаются одна над другой. Горный пейзаж украшают две могучие горы с двуглавыми вершинами. Рядом возвышается одинокий пик высокой горы. Пейзаж в целом напоминает вид на Большой Кавказ с севера, как подметил Б.В. Фармаковский [8].

Горные цепи образуют «поверхность» «волшебной страны». На ней растут два дерева. Возможно, это некое подобие пальм. Ствол и ветви деревьев заштрихованы крест-накрест. Это явное изображение Древа Жизни, плодами которого пытается лакомиться стоящий под ним зверь.

Зверь обладает мохнатой шкурой с хорошо выраженным хвостом. Окончание задней лапы раздвоено (что это? копыто?). Морда зверя удлинена. Ее отделяет от туловища то ли ошейник, то ли грива. Передняя лапа неестественно длинная и тянется к ветке дерева «за угощением». Зверь явно лакомится плодами растения. Его вид установить трудно. Обычно этого зверя ассоциируют с медведем. Но у медведей не бывает ни длинных хвостов, как у рассматриваемого животного, ни копыт. Возможно, это некий фантастический зверь, изображенный в мелком масштабе, как доминантное животное «волшебного царства» у Древа Жизни [7].

Ниже «горизонта белого света» не спеша идут по кругу животные. В верхнем ряду изображены два кавказских могучих быка-тура, лев, онагр или кулан. Вид копытного зверя выдает стоячая короткая грива и хвост, который заканчивается кисточкой, как у осла. Ни лошадь, ни тарпан таким хвостом не обладают. В нижнем ряду по кругу расположены горный козел, вепрь, львица, горный баран[1]. На спине льва показана птица с длинным клювом. Рядом с ней изображено некое растение.

После образов зверей художник дополнил картину изображениями двух стекающих вниз рек, впадающих в озеро или океан. Пространство рек и озера заштриховано елочным орнаментом.

На сосуде с розеткой (рис. 5, 6) художник изобразил водный поток в виде ленты елочного орнамента, окаймляющей основание горла горшочка. Ниже водного потока на тулове сосуда в ряд идут кавказский тур, горный баран, гепард, тур и снова гепард. На шее гепардов различимы ошейники, что верно подметил Ю.Ю. Пиотровский [5, с. 159]. Среди зверей показаны три птицы с длинными клювами и одна с загнутым клювом хищника. Низ сосуда покрыт

1 Определения животных сделаны проф. К.К. Флёровым, Институт палеоантропологии РАН.

изображением розетки в виде переплетающихся фестонов - знаков лепестков цветка. Наличие ошейника на хищном звере подразумевает, что у него есть хозяин или хозяйка. Скорее всего, ею является сама богиня – повелительница Древа Жизни.

Древние мастера свободно владели клепкой деталей на сосудах. Они могли прикрепить на заклепках к тулову сосуда ручки-ушки. Так, золотые ушки имеет стакановидный сосуд. Ушки (2 шт.) были поставлены на сосуд с пейзажем и прикреплены к сосуду с горлом средней высоты [5. Abb. 25, *1*]. Один серебряный сосуд имел накидной золотой обод на тулове ниже горла, скрепленный заклепками [5. Abb. 25, *4*] (рис. 2, *3*).

Особый вопрос возникает с интерпретацией каменного полого сосуда (рис. 7). Ю.Ю. Пиотровский рассматривает его в качестве навершия булавы [5, с. 155]. Сразу надо сказать, что это предположение неверно, так как полых булав не бывает. Н.И. Веселовский в отчете прямо отмечает, что вдоль восточной стенки отсека №2 находился «каменный точеный сосуд с накладным дном из серебряных вызолоченных пластинок и золотым горлышком» [10, с. 47]. Конечно, возникает интерес к составу металла предметов из благородных металлов, например, какой процент золота содержится в золотых изделиях и какой процент серебра – в серебряных. Такой вопрос у Ю.Ю. Пиотровского вызывает даже непонимание в своей постановке [5, с. 155]. В нем нет и намека на определение содержания в них основы металлов, кроме золота и серебра. Анализ обломков четырех сосудов из серебра был сделан мной давно и опубликован в 1988 г. [7]. Они оказались билонами. Но почему-то Ю.Ю. Пиотровский на эту работу даже не ссылается.

Связь каменного полого сосуда с накидным горлом именно с категорией посуды обосновывается самим положением предмета среди кубков, горшочков и мисок вдоль восточной стенки. Он положен не среди орудий в углу погребения. На использовании его как сосуда указывают также затертости на его дне (рис. 7, 9).

В восточном отсеке № 2 были поставлены сосуды на медной основе. В их число входил чан с круглым дном, высотой около 26 см и диаметром корпуса около 46 см. Его венчик несет следы ремонта и стягивания заклепками. Далее следовали чаша медная диаметром около 48 см и высотой около 14 см и медное ведерко высотой 16–17 см и диаметром устья около 21 см (рис. 10). Помимо этого, имеются 4 фрагмента частей сосуда с круглым дном. Эти куски венчиков и придонной части не состыкуются и являются лишь обломками одного или нескольких крупных сосудов [5, рис. 30, 31].

При сравнении сосудов из отсеков № 1 и № 2 можно заключить, что в отсеке № 1 была сконцентрирована посуда для индивидуального пользования относительно небольших объемов 72 мл, 43–112 мл, 1,14 л. Вероятно, она предназначалась для культовых церемоний с расчетом использования одним человеком.

В отсеке № 2 набор посуды был представлен более крупными формами. Возможно, эти наборы рассматривались как собрание «тарной» посуды с условным объемом «условной жидкости» на несколько лиц, или посуды, в которой могли готовить пищу или подавать угощение на несколько персон.

Отмеченные сосуды многократно публиковались и описывались в литературе. Как правило, они демонстрировались в самом лучшем виде. Изображения на них воссоздавали картины с магическими рисунками, которые донесли до нас мифы того времени. На самом деле металлические сосуды Майкопского кургана имеют разную сохранность и многочисленные дефекты. Источники этих повреждений не исследовались. В описании раскопок Н.И. Веселовского есть упоминание ситуации с перекрытием могилы, которое говорит, что «когда дерево сгнило, земля засыпала гробницу, причем некоторые вещи пострадали от тяжести, были сдавлены ею» [3]. Какие это были вещи, в отчете не указано. Объяснить падением земли такие страшные «травмы» сосудов вряд ли возможно. Разбора повреждений на сосудах нет при их описании и в работе Ю.Ю. Пиотровского [5, с. 156].

Ниже остановимся на нескольких примерах подобных деформаций. Так, сосуд с пейзажем имеет поврежденное тулово, потерявшее герметичность. Сосуд с гепардами и розеткой на дне имеет разорванное горло. На его дне зияет отверстие от удара, проломившего насквозь корпус (рис. 6). Таким образом, самые информативные сосуды (по своей мифологической нагрузке) несут самые тяжкие деформации.

На нескольких сосудах прослеживаются вмятины. Скорее всего, это следы от ударов отбойником в виде молотка из гальки или некоего подобия такого инструмента (рис. 8).

Обращают на себя внимание следы щелевидного разрыва туловища сосуда, которые могли возникнуть при изготовлении предмета, и следы ремонта такого дефекта (рис. 8, 9). При ремонте использовалась, видимо, спайка или сварка. На одном сосуде заметна даже серия заплат, которыми стремились закрыть щелевидный разрыв. Заплаты делались из ткани, которые крепили в месте щелевидного повреждения сосуда (рис. 8, *4, 5*). Такие наблюдения позволяют считать, что в погребение ставились сосуды, прошедшие ремонт, и целые сосуды. Многие из них подвергались намеренной порче. Их били ручным молотком и даже проламывали корпус или разрывали горло.

Особо показательна ситуация с бронзовым ведерком. Его петли для крепления дуговидной ручки оказались открытыми. Их то ли разорвали намеренно, то ли намеренно распилили. Ручка в них крепиться более не могла. Это явный пример намеренной деформации предмета (рис. 10). Другой очевидный показатель дефекта ведра – это отверстия на его дне.

Насколько типична ситуация с порчей сосуда, встреченная в Майкопском кургане? Рассмотрим находки *металлических сосудов* в других комплексах майкопско-новосвободненской общности. Так, небольшой сосуд из погр. 70 кург. 1 Заманкульского могильника имел на дне заплату [11, с. 295, рис. 87-1, *8*], то есть он прошел ремонт (рис. 11, *1*). Что послужило поводом для постановки заплаты, не вполне ясно. Возможно, то был дефект при отливке сосуда – небольшое отверстие на дне горшка.

Сосуд из кург. 6 погр. 4 аула Кубина был смят [11, с. 305, рис. 90-1] (рис. 11, *2*). Котел из гробницы Нальчикского кургана имел разорванный корпус [11, с. 305,

рис. 90-1, 12] (рис. 11, *3*). Котел из кургана у Автозаправки в Кисловодске имел заплату на корпусе [11, рис. 90-1, *11*] (рис. 11, *5*). Деформирован был корпус и котла из Кишпекской гробницы [11, рис. 90-1, 10]. Котел из кург. 6 Бамутского могильника имел разрыв на тулове [11, рис. 90-1, 3] (рис.11, *4*). Сильная деформация была зафиксирована на одном из котлов погребения в Иноземцевском кургане 1976 г. [12, рис. 9, *9*] (рис. 11, *6-8*) – он был намеренно сплющен. Такая же деформация наблюдалась на котле из Андреевского кург. 1 погр. 1 [13] (рис. 12, *1*). В Новосвободненской гробнице кург. 1 были представлены обломки майкопских сосудов [14, табл.VII].

Наконец, в могильнике Эвдык кург. 4 погр. 23 в погребение местному лидеру был поставлен сосуд без дна и венчиковой части [11, с. 305, рис. 90-1, 7] (рис. 12, *2*). Последний пример поразителен и показателен. Сородичи усопшего лидера не придавали никакого значения тому, есть дно у бронзового сосуда или его нет. Более важно было поместить в могилу символ самого предмета, некогда бывшего котлом. Это явное указание на то, что именно испорченная вещь по местным верованиям должна была служить ее хозяину в стране предков, откуда нет возврата. Отправить целую посуду на «тот свет» явно не предполагалось.

Керамические сосуды. В отсеке № 1 Майкопского кургана было представлено 8 керамических круглодонных сосудов охристого цвета. В основном это сосуды, отличающиеся строгой симметрией формы, вероятно, связанные с использованием поворотного устройства при их изготовлении. Самый маленький горшок имеет блестящий черный цвет. Его тулово несет след деформации, часть тулова отсутствует (рис. 13, *1, 10*). Горшок 2 класса с туловом ручной лепки в комплексе только один (рис. 13, *12*). Это сосуд тюльпановидной формы. На его поверхности видны следы вторичного пламени; дно горшка немного вогнуто.

Ранее мы оценили емкости сосудов Майкопского кургана. Получились такие результаты: сосуды из глины включают один малый шаровидный горшок емкостью 179 мл, а также 7 более крупных сосудов с округлым дном емкостью от 1,4 л до 2 л и 3,2 л.

На выставке 1898 г. глиняные сосуды из отсека № 1 были показаны после грубоватой склейки в камеральных условиях (рис. 12, *10-12*). В момент раскопок они были разбиты на мелкие кусочки. Малый чернолощеный горшочек вообще, видимо, был поставлен в деформированном состоянии без части корпуса у дна (рис. 12, *10*).

В западном отсеке № 3 стоял только крупный пифос (рис. 13, *11*). Он вмешал до 40 л жидкости [15]. Сосуд реставрирован. Видимо, в момент раскопок он был тоже разбит на части, которые затем склеили уже в камеральных условиях. Мог ли пифос быть разрушен во время обвала грунта? Это большой вопрос, так как толщина стенок пифосов достигает 1-2 см. Майкопский пифос после обжига становился прочным изделием. Его можно было разрушить, если только специально разбивать, нанося удары. Следы таких ударов по пифосу я фиксировал при раскопках жилища на поселении Галюгаевское-1. Эти удары оставили следы-вмятины, которые затянула патина. У стенки другого строения, с ее внешней стороны, были расчищены обломки пифоса, который был

явно разбит [16]. Такие разрушения сосудов на поселении можно объяснить обрядом, связанным с покиданием жилища.

Погребальная практика майкопско-новосвободненской общности показывает, что обычай разбивать сосуд или ставить разбитый горшок в захоронение не раз имел место в ее обрядах. Так, в погр. 13 кург. 5 II Нежинской группы были найдены два сосуда. Оба были украшены паркетным орнаментом – символом возрождения [17]. Меньший сосуд стоял на дне погребения. Более крупный горшок был разбит, и его части были брошены в заполнение могилы; целой формы они не представляли (рис. 12, *3, 4*).

В протосреднебронзовом захоронении 14 I Нежинской группы был найден майкопский сосуд с отверстием в придонной части [18, с. 22–25]. Поверхность вокруг отверстия была затерта, что отражает некие культовые манипуляции с этой вещью (рис. 12, *5*).

Эти примеры показывают, что традиция постановки в погребение дефектной посуды из металла или керамики у майкопцев перекликалась с традицией сопровождать захоронение дефектными вещами. Она могла подразумевать верования о культе возрождения или благоденствия для уходящего в «страну без возврата» сородича. Такую традицию можно бы назвать магией порченой вещи. Эта магия перешла к племенам эпохи средней бронзы, судя по примеру элитного погребения в Лысогорском кургане 3 погр. 4. В нем среди набора оружия и орудий были найдены обломки бронзового кубка [19] (рис. 12, *6*).

Истоки традиции порчи сосуда в Предкавказье фиксируются в более раннее время, чем появление майкопских племен. Ее можно отметить по погребениям курганного энеолита.

Так, в погр. 28 могильника Константиновский-1 были обнаружены фрагменты не целого горшка, а только отдельного черепка [20, с. 161]. Традиция порчи сосуда при похоронах и помещения черепков в могилы была отмечена при раскопках кургана 4 протоямной культуры могильника «Прогресс» в Кировском районе Ставропольского края. В его двух захоронениях – погр. 9 и погр. 12 – были обнаружены фрагменты одного и того же сосуда [20, с. 158]. Дата погр. 12 кург. 4 могильника Прогресс: 4228-4066 BC [20, с. 158].

Заключение

В 1922 г. М.И. Ростовцев пришел к выводу, что Майкопский курган датируется преддинастическим временем, и его вещи связаны с местным производством [9, p. 26–28]. Эта хронология подтвердилась датами радиокарбонного анализа в том смысле, что время сооружения Майкопского кургана относится к периоду, предшествующему эпохе ранних династий. Дата Майкопского кургана, принимая во внимание радиокарбонную датировку комплекса с бронзовой мотыгой из Северной Осетии, может быть соотнесена с датой погр. 70 кург. 1 мог. Заманкул (4820±70 BP; 3640-3500 BC) [11, с. 27–30], т.е. со второй четвертью IV тыс. до н.э., что вполне соответствует времени ранних памятников галю-

гаевско-серегинского (майкопского) варианта майкопско-новосвободненской общности [11, с. 27].

Типология находок в Майкопском кургане также позволяет рассматривать их как местные изделия, так как аналогов им нет в это время ни на Ближнем Востоке, ни в Подунавье. Майкопские находки в Предкавказье отмечены сериями вещей, в т.ч. и металлических сосудов. В период второй четверти IV тыс. до н.э. сосуды из золота и серебра, а также на медной основе на Ближнем Востоке не зафиксированы. Поэтому рассматривать их как импорты из дальних стран, но неизвестно откуда, неправомерно. Эти соображения были опубликованы давно [7]. Сейчас их подкрепляют и другие наблюдения.

Точка зрения М.И. Ростовцева много лет назад была без особого обсуждения отвергнута Г. Чайлдом [21, с. 222] и А.А. Иессеном [22]. По их представлениям, древности Майкопского кургана соответствовали погребениям в царском некрополе Ура середины III тыс. до н.э. Такое сопоставление в отношении хронологии этих комплексов разных культур неправомерно. Между вещами Майкопского кургана и предметами царского кладбища в Уре прямых аналогов нет. В царском кладбище Ура ничего не свидетельствует о порченой посуде в погребальном обряде. По мифологии шумеров знатный умерший сородич хоронился с миской или иным сосудом в руке, как, например, принц Мескаламдуг [23]. Этим актом обряда символизировалась традиция принимать участие в трапезе богов и желание хозяина сосуда пить вместе с ними волшебный напиток Древа Жизни. Ничего подобного в майкопских ритуалах мы не наблюдаем.

В обрядах майкопско-новосвободненской общности традиция использования порченной, ремонтированной посуды или только ее фрагментов из металла или керамики на основе изложенного выше материала, имела, скорее всего, иное значение. Магическую роль могли играть даже отдельные черепки. Весь этот ритуал был связан, видимо, с реинкарнацией души сородича. Более того, можно думать, что по мифологии, связанной с металлическими сосудами, в «стране предков» можно было пользоваться именно дефектными вещами. Истоки этой традиции восходят к племенам предшествующего времени – носителям древнейших курганных традиций протоямной культуры Предкавказья.

Все эти рассуждения позволяют придти к выводу, что племена майкопско-новосвободненской общности сформировали в Предкавказье высокоразвитый центр металлообработки, создав свои традиции использования ее продукции в погребальном обряде.

Традиции использования в погребальном обряде порченой посуды после исчезновения носителей майкопско-новосвободненской общности перешли к племенам эпохи средней бронзы, которые, видимо, далеко не все по генной наследственности были потомками майкопского населения[2] [24], как показывают данные из курганов степного Ставрополья.

2 Вопрос о том, кто по генной преемственности мог быть прямым потомком майкопцев, пока не располагает надежной источниковедческой базой для рассуждений на эту тему.

В итоге можно сформулировать тезис о том, что обряд порчи сосудов, использования дефектной посуды, разбивания горшков при погребальном обряде был свойственен носителям различных культур медно-бронзового века Предкавказья. Он фиксируется по данным племен майкопско-новосвободненской общности и протоямной культуры предшествующего времени, но не обязательно связан с прямыми предками индоевропейцев, вопрос о конкретизации которых в Предкавказье является достаточно дискуссионным.

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания АААА-А18-118011790090-1.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the project AAAA-A18-118011790090-1, assigned by the government.

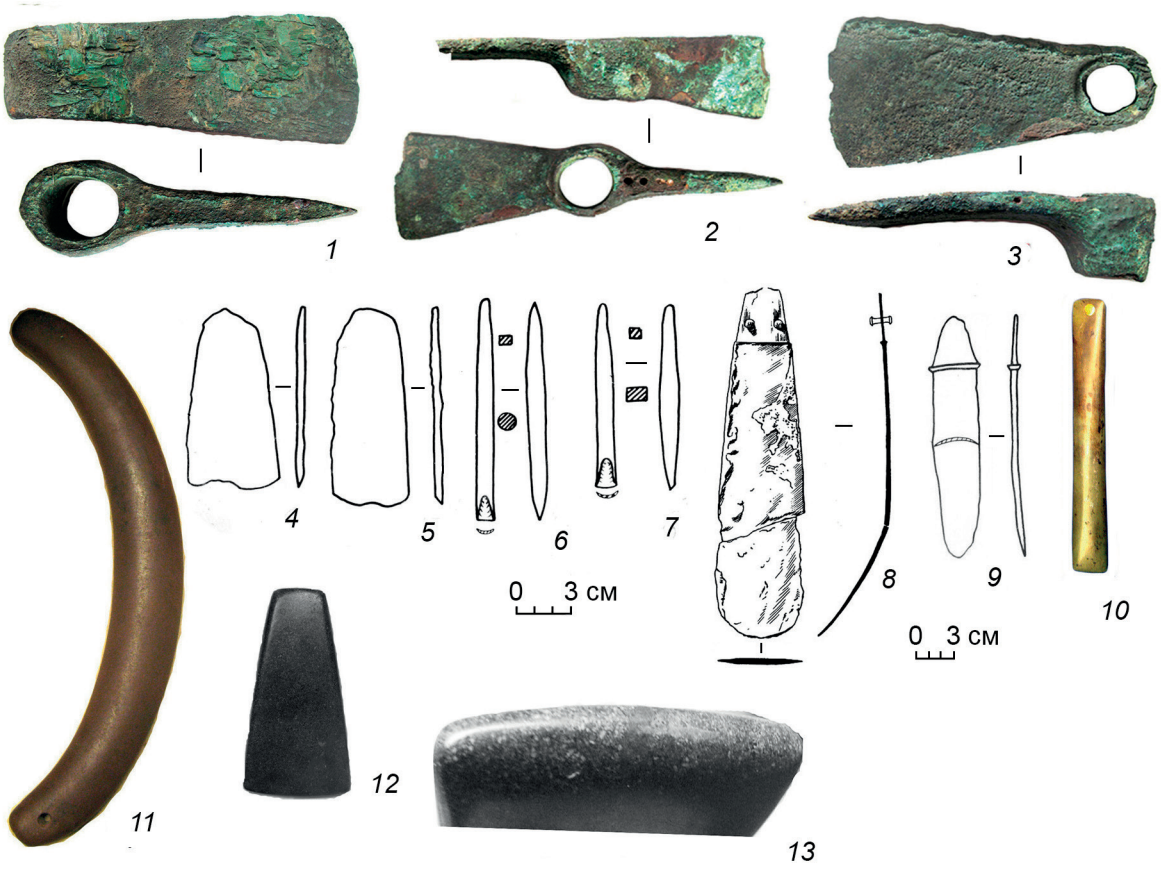

Рис. 1 Орудия и оружие из Майкопского кургана

Fig. 1. Tools and weapons from the Maikop Kurgan

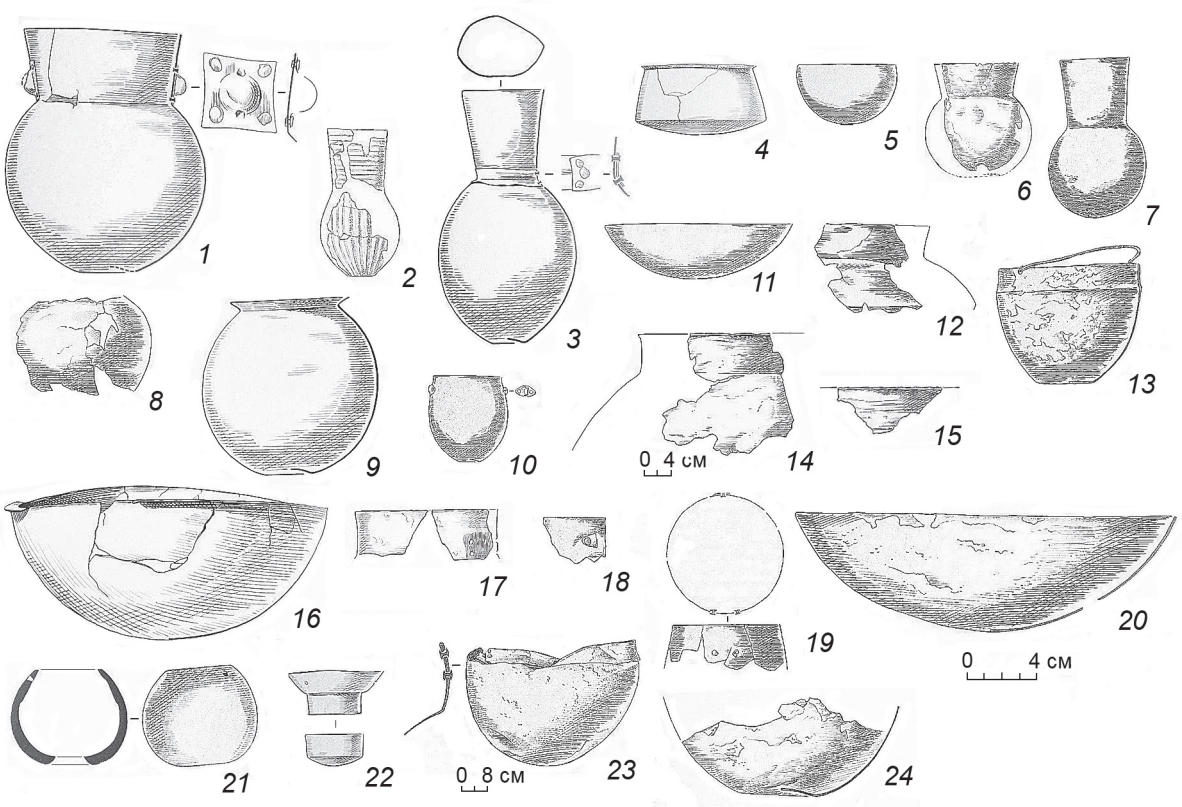

Рис. 2. Металлические сосуды из Майкопского кургана (по Ю.Ю. Пиотровскому)

Fig. 2. Metallic vessels from the Maikop Kurgan (Yu.Yu. Piotrovsky)

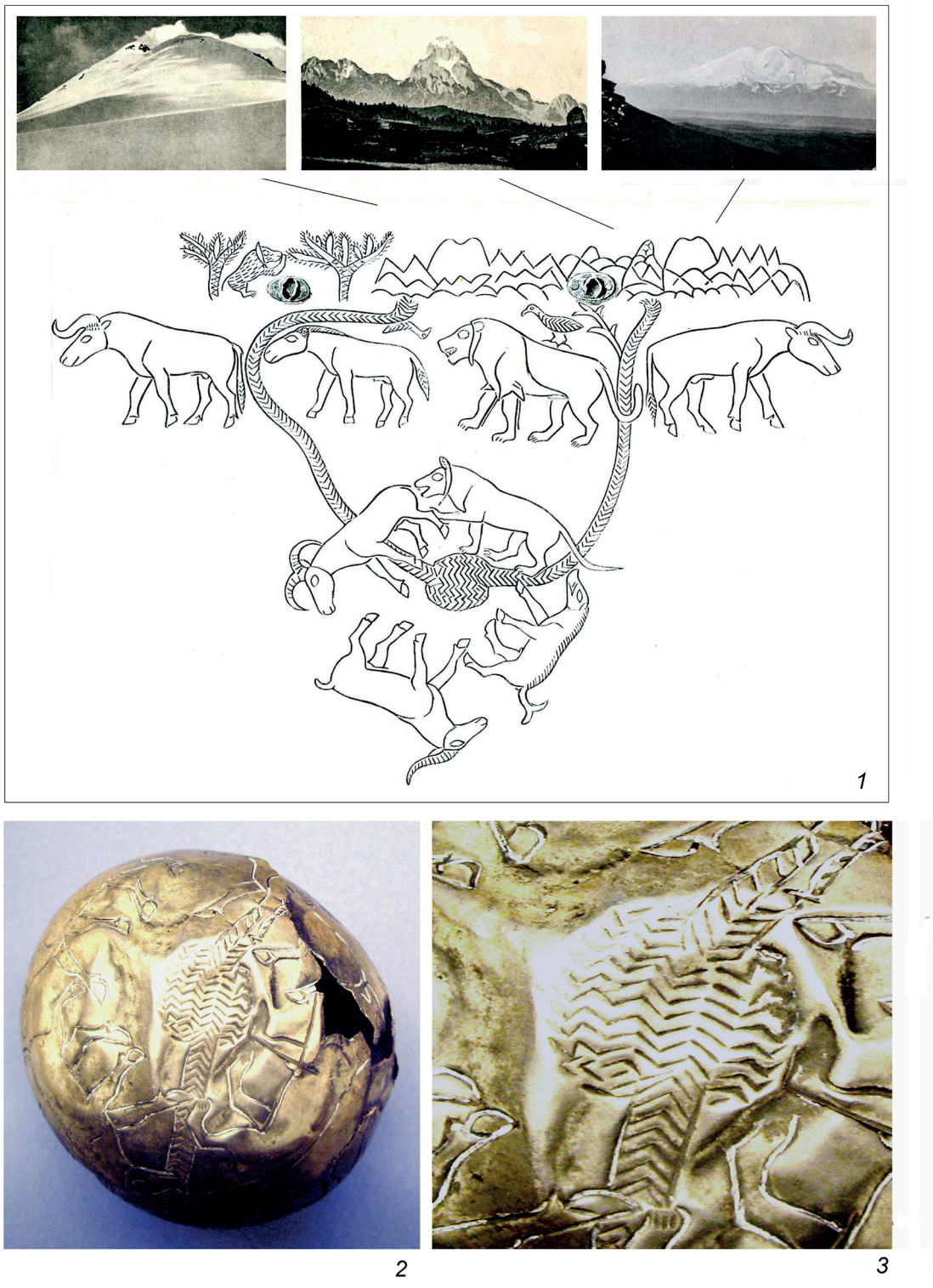

Рис. 3. Майкопский курган. Сосуд с пейзажем

Fig. 3. Maikop Kurgan. Vessel with a landscape

Рис. 4. Майкопский курган. Сосуд с пейзажем и его деформации

Fig. 4. Maikop Kurgan. Vessel with a landscape and its deformation

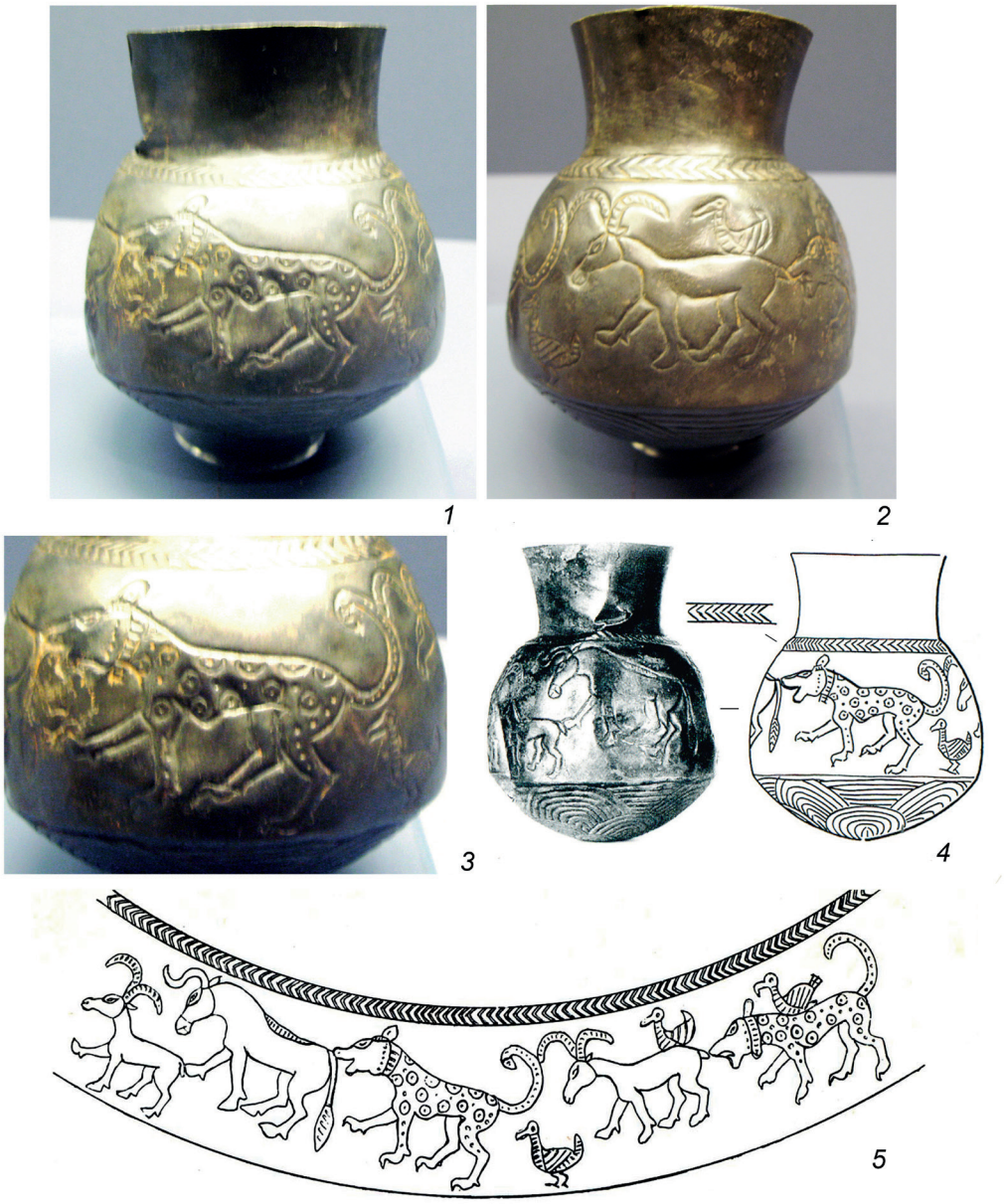

Рис. 5. Майкопский курган. Сосуд с гепардами

Fig. 5. Maikop Kurgan. Vessel with cheetahs

Рис. 6. Майкопский курган. Сосуд с гепардами и его деформации

Fig. 6. Maikop Kurgan. Vessel with cheetahs and its deformation

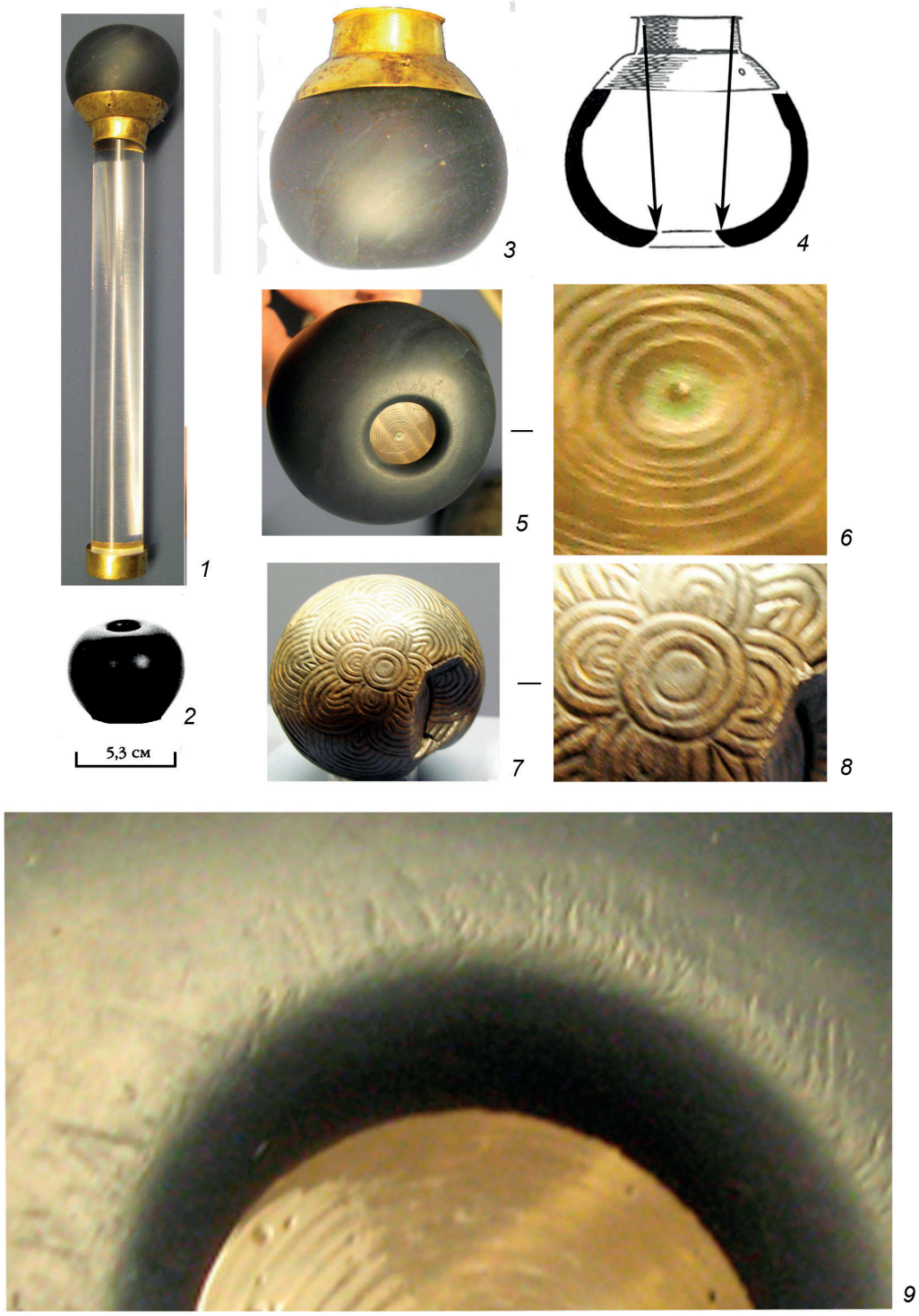

Рис. 7. Каменный сосуд из Майкопского кургана и его интерпретации:
1 - реконструкция сосуда как булавы (по Ю.Ю, Пиотровскому); *2* - реконструкция накладок; *3* - фото придонной часть кубка; *4* - разрез каменного сосуда (по Ю.Ю. Пиотровскому); *5, 8* - концентрические круги орнамента на сосуде с розеткой; *7* - фото приставного дна сосуда; *9* - следы затертости на дне каменного сосуда (фото автора, коллекция Государственного Эрмитажа)

Fig. 7. Stone vessel of the Maikop Kurgan and its interpretations:
1 – reconstruction of the vessel as a mace (according to Yu.Yu. Piotrovsky); 2 – reconstruction of the linings; 3 – photo of the bottom of a cup; 4 – section of a stone vessel (according to Yu.Yu. Piotrovsky); 5, 8 – concentric circles of the ornament on the vessel with a rosette; 7 – photo of the attached bottom of a vessel; 9 – traces of wear on the bottom of a stone vessel (photo by the author, collection of The State Hermitage Museum)

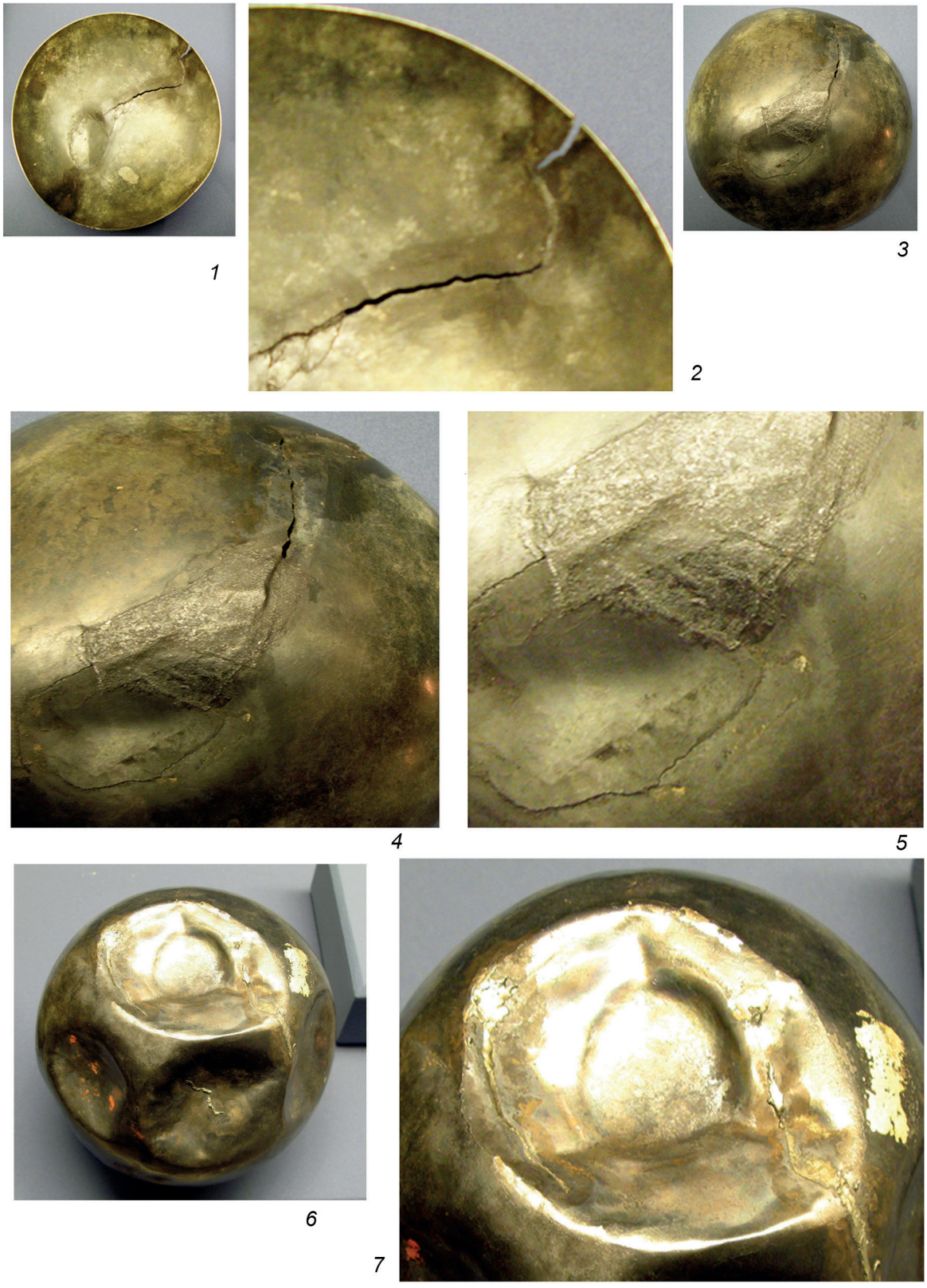

Рис. 8. Дефекты и следы ремонта на сосуде Майкопского кургана

Fig. 8. Defects and traces of repair on the vessel of the Maikop Kurgan

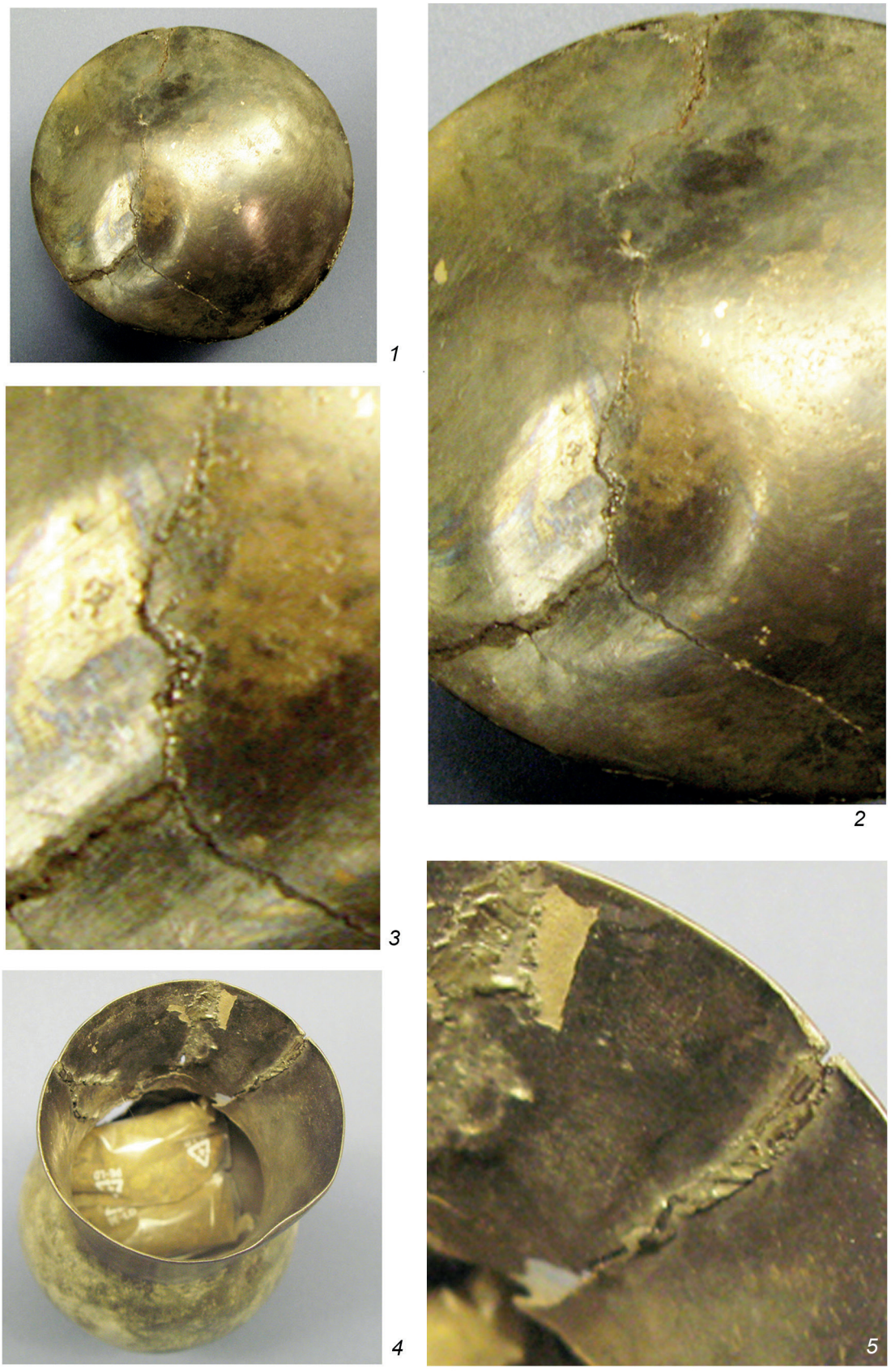

Рис. 9. Дефекты и следы ремонта на сосуде Майкопского кургана, следы сварки или паяния

Fig. 9. Defects and traces of repair on the vessel from the Maikop Kurgan, traces of welding or soldering

Рис. 10. Майкопский курган. Ведро

Fig. 10. Maikop kurgan. Bucket

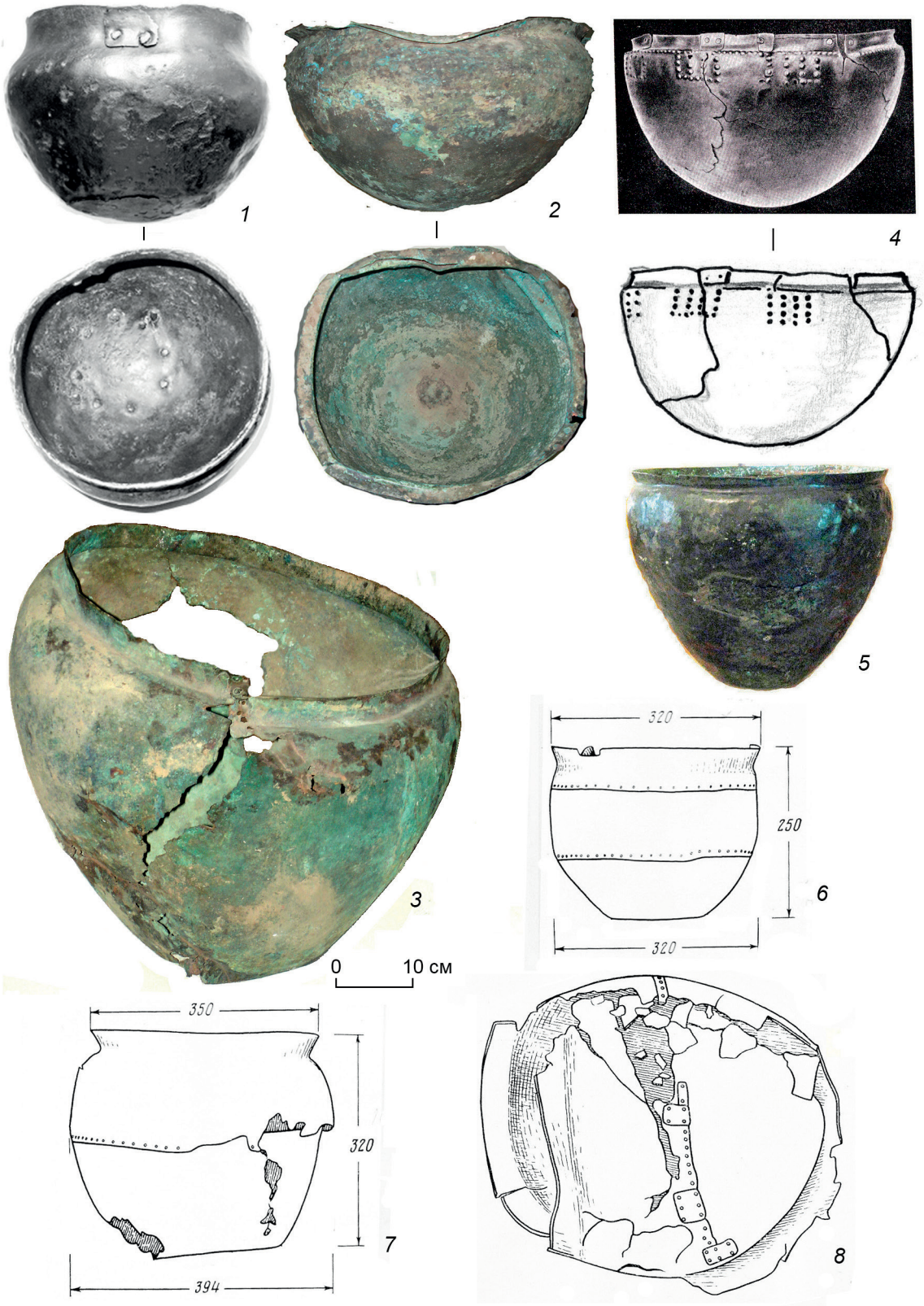

Рис. 11. Сосуды из бронзы из памятников майкопско-новосвободненской общности:
1 - Заманкул; *2* - Кубина; *3* - Нальчик; *4* - Бамут; *5* - Автозаправка, Кисловодск;
6-8 - Иноземцево 1976 г.

Fig. 11. Bronze vessels from the sites of the Maikop-Novosvobodnenskaya culture: 1 – Zamankul; 2 – Kubina; 3 – Nalchik; 4 – Bamut; 5 – Gas station, Kislovodsk; 6-8 – Inozemtsevo, 1976

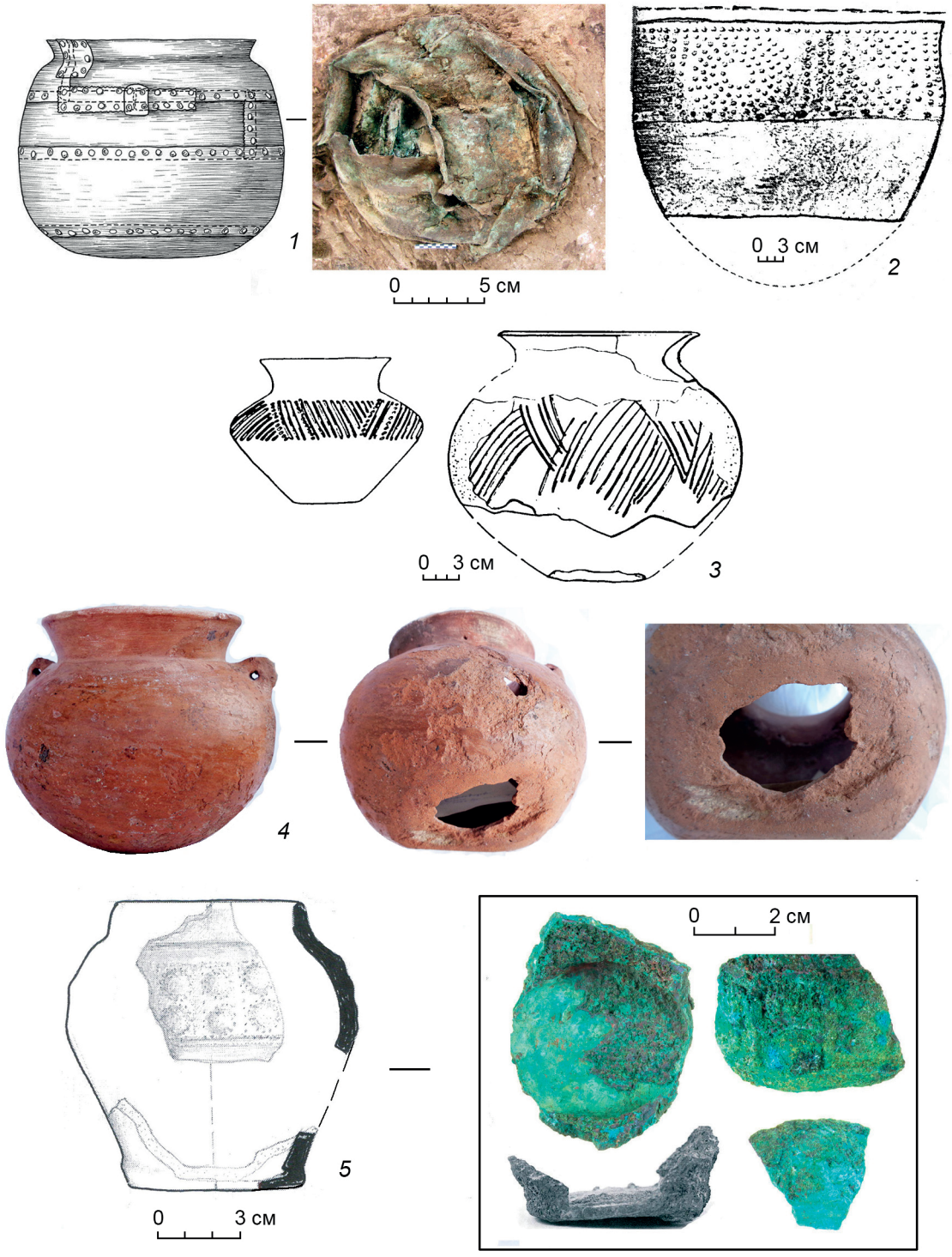

Рис. 12. Бронзовые и керамические сосуды из памятников Предкавказья:
1 - Андреевский курган; *2* - Эвдык, кург. 4 погр. 23; *3* - Нежинская II группа, кург. 5 погр. 13;
4 - Нежинская I группа, кург. 1 погр. 14; *5* - Лысогорский, кург. 3 погр. 4

Fig. 12. Bronze and ceramic vessels from the site of the Pre-Caucasus: 1 – Andreevsky kurgan; 2 – Evdyk, k. 4, g. 23; 3 – Nezhinskaya Group II, k. 5, g. 13; 4 – Nezhinskaya Group I, k. 1, g. 14; 5 – Lysogorsky, k. 3, g. 4.
Fig. 13. Pottery from the Maikop Kurgan

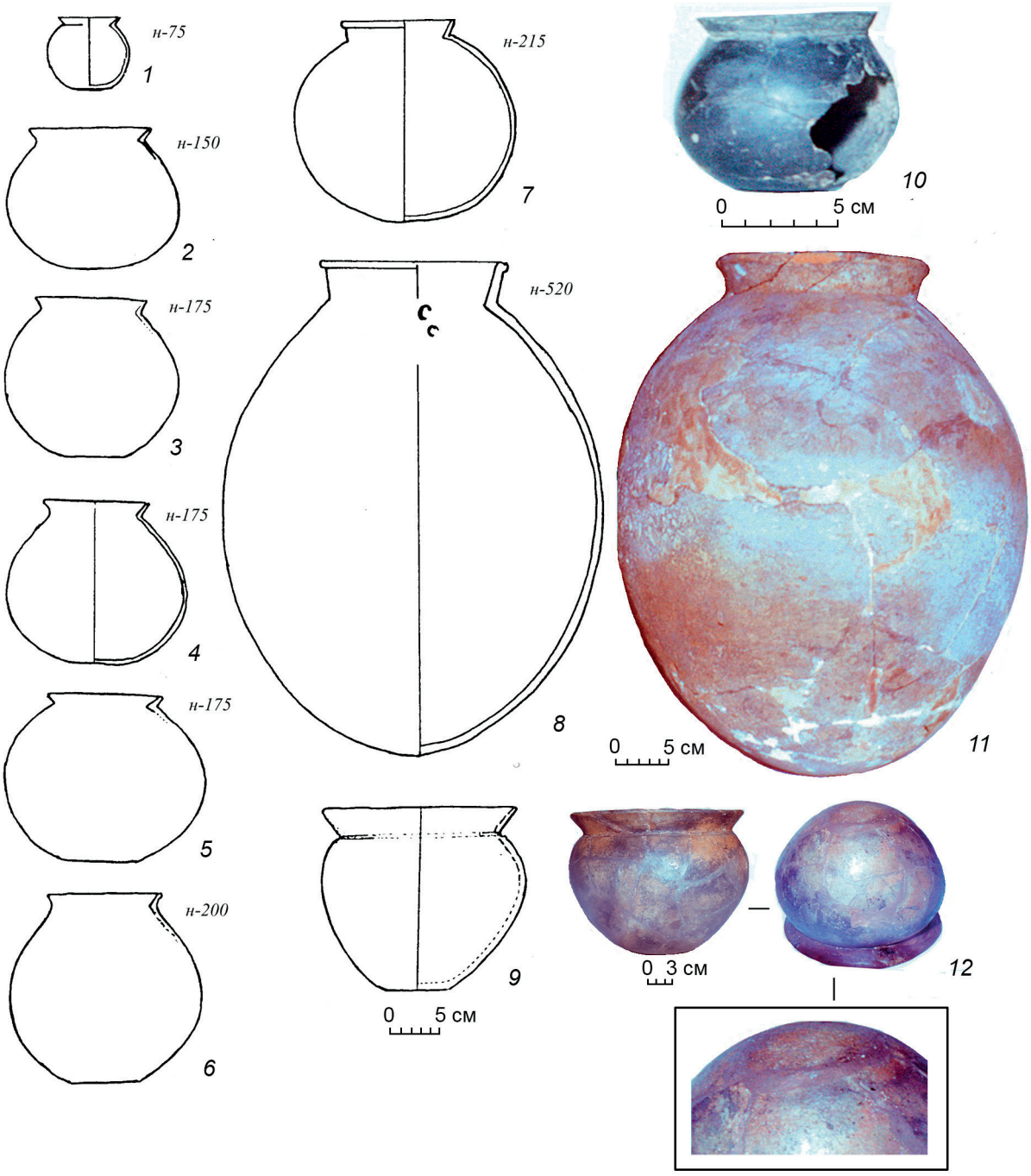

Рис. 13. Керамика Майкопского кургана

Fig. 13. Pottery from the Maikop Kurgan

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Коловрат Ю.А.* Погребальный обряд, могильники и верования славянского населения киевской археологической культуры (По археологическим материалам Подонцовья) // История Змиевского края. – Змиев. – 06.02.2010. – URL: https://colovrat.at.ua/publ/2-1-0-83

2. *Иванов В.В.* Реконструкция символики и семантики индоевропейского погребального обряда // Исследования в области балто-славянской древней культуры. Погребальный обряд. М: Наука, 1990. - 255 с.

3. *Веселовский Н.И.* Отчет Императорской археологической комиссии за 1897 г. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1900.

4. *Мусеибли Н.* Результаты раскопок поселения Пойлу II Лейлатепинской культуры // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Тбилиси: Медианари, 2010. С. 208–209.

5. *Пиотровский Ю.Ю.* Майкопский курган (Ошад). От археологического памятника к археологическому источнику // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур и культура диалога. Berlin: Ditrich Reimer Verlag, 2020. С. 105-171.

6. *Пиотровский Ю.Ю.* Коллекция материалов из погребений Северного Кавказа // Шлиман. Петербург. Троя. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже, Санкт-Петербург, 19 июня - 18 октября 1998 г. Под общ. науч. ред. М.Б. Пиотровского. Автор концепции выставки и кат. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Славия, 1998. С. 241–249.

7. *Кореневский С.Н.* К вопросу о месте производства металлических вещей Майкопского кургана // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп: Изд. Адыгейского Института истории, языка и литературы, 1988. С. 86-104.

8. *Фармаковский Б.В.* Архаический период в России. Памятники греческаго архаическаго и древняго восточнаго искусства, найденные в греческих колониях по северному берегу Чёрнаго моря, в курганах Скифии и на Кавказе // Материалы по археологии России. № 34. Петроград, 1914. С. 17–78.

9. *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford: Clarendon Press; New

REFERENCES

1. Kolovrat-Butenko YuA. Funerary rites of the Slavs. *History of the Zmievsky krai* [*Pogrebal'nye obryady slavyan. Istoriya Zmievskogo kraya*]. Zmiev. Available at: https://colovrat.at.ua/publ/2-1-0-360

2. Ivanov VV. Reconstruction of the symbolism and semantics of the Indo-European funeral rite. *Research in the field of Balto-Slavic ancient culture. Funeral rite* [*Rekonstruktsiya simvoliki i semantiki indoevropeyskogo pogrebal'nogo obryada. Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy drevney kul'tury. Pogrebal'nyy obryad*]. Moscow: Nauka, 1990. p. 7.

3. Veselovsky NI. *Report of the Imperial Archaeological Commission for 1897* [*Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1897 g.*]. Saint Petersburg, 1900.

4. Museibli N. The results of excavations of the Poilu II settlement of the Leylatepinsky culture. *Archaeology, ethnography and folklore studies of the Caucasus* [*Rezul'taty raskopok poseleniya Poylu II Leylatepinskoy kul'tury. Arkheologiya, etnografiya i fol'kloristika Kavkaza*]. Tbilisi: Mitzniereba, 2010.

5. Piotrovsky YuYu. Maikop kurgan (Oshad). From an archaeological monument to an archaeological source. *The Caucasus between Eastern Europe and the Near East in the Bronze and Iron Age: the dialogue of cultures and the culture of dialogue* [*Maikopskiy kurgan (Oshad). Ot arkheologicheskogo pamyatnika k arkheologicheskomu istochniku // Kavkaz mezhdu Vostochnoy Evropoy i Perednim Vostokom v bronzovom i zheleznom veke: dialog kul'tur i kul'tura dialoga*]. Berlin. Ditrich Reimer Verlag, 2020. p. 105–171.

6. Piotrovsky YuYu. The collection of material from the burials of the North Caucasus. *Shlieman. Petersburg. Troy. Exhibition catalog of the State Hermitage Museum, Saint Petersburg, June 19 – October 18, 1998* [*Kollektsiya materialov iz pogrebeniy Severnogo Kavkaza // Shliman. Peterburg. Troya. Katalog vystavki v Gosudarstvennom Ermitazhe, Sankt-Peterburg, 19 iyunya - 18 oktyabrya 1998 g.*]. Yu.Yu. Piotrovsky (ed.). The author of the concept and the catalogue – Yu.Yu. Piotrovsky. Saint Petersburg: Slavia, 1998. p. 241–249.

7. Korenevsky SN. On the issue of the place of production of metal items of the Maikop Kurgan.

York: Oxford University Press. 1922. Pp. xvi, 260. 84s.

10. *Веселовский Н.И.* (репринт). Отчет Н.И.Веселовского о раскопках Майкопского кургана в 1897 году // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла. СПб: Наука, 1997. С.44,45.

11. *Кореневский С.Н.* Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М: Таус, 2011. - 385 с.

12. *Кореневский С.Н., Петренко В.Г.* Курган майкопской культуры у поселка Иноземцево // Советская археология. № 2. С. 96-112.

13. *Кореневский С.Н., Прокофьев Р.В.* Майкопские погребения Андреевского кургана // Stratum Plus. № 2. Кишинев, 2020. С. 83-101.

14. *Попова Т.Б.* Дольмены станицы Новосвободной. Труды ГИМ. Вып. XXXIV. М.: ГИМ, 1963. - 48 с.

15. *Кореневский С.Н.* К вопросу о кубках и амфоровидных сосудах майкопско-новосвободненской общности и проблема их аналогий на Западе // Stratum Plus. №. 2. 2017. С. 199-226.

16. *Кореневский С.Н.* Галюгай 1 – поселение майкопской культуры. М.: ИА РАН, 1995. - 179 с.

17. *Кореневский С.Н.* Орнаменты – символы плодородия в материальной культуре населения Предкавказья на заре медно-бронзового века // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 15. Оренбург: Оренбургский гос. пединститут, 2021. С. 56-72.

18. *Кореневский С.Н.* Нежинские курганы эпохи бронзы района Кавказских минеральных вод. М.: ИА РАН, 1988. Депонент, N 36109. - 258 с.

19. *Кореневский С.Н., Березин Я.Б., Габуев Т.А.* Уникальное погребение эпохи средней бронзы на Кавминводах // КСИА. Вып. 252. 2018. С. 67-86.

20. *Кореневский С.Н., Березина Н.Я., Березин Я.Б., Гресли Ю.* Новые погребения протоямной культуры на Ставрополье // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века. М.: ИА РАН, 2019. С. 155-178.

21. *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. Пер. с англ. М.Б. Свиридовой-Граковой и Н.В. Ширяевой. Под ред. Т.С. Пассек. Предисловие А.Л. Монгайта. М.: Иностранная литература, 1952. – 466 с.

22. *Иессен А.А.* К хронологии больших ку-

Questions of the archeology of Adygea [*K voprosu o meste proizvodstva metallicheskikh veshchey Maikopskogo kurgana // Voprosy arkheologii Adygei*]. Maikop: The Adyghe Institute of History, Language and Literature, 1988. p. 86-104.

8. Farmakovsky BV. *The Archaic period in Russia*. Monuments of the Greek archaic and ancient eastern art, discovered in the Greek colonies at the north coast of the Black Sea, in the Scythian kurgans and the Caucasus [*Arkhaicheskiy period v Rossii. Pamyatniki grecheskago arkhaicheskago i drevnyago vostochnago iskusstva, naydennye v grecheskikh koloniyakh po severnomu beregu Chernago morya, v kurganakh Skifii i na Kavkaze*]. MAR No. 34. Petrograd, 1914. p. 17–78.

9. Rostovtzeff M. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1922. p. XVI, 260.

10. Veselovsky NI (reprint). N. I. Veselovsky's report on the excavations of the Maikop Kurgan in 1897. *Ancient communities of the Caucasus in the era of paleometal* [*Otchet N.I.Veselovskogo o raskopkakh Maikopskogo kurgana v1897 godu // Drevnie obshchestva Kavkaza v epokhu paleometalla*]. Saint Petersburg: Nauka, 1997.

11. Korenevsky SN. *The oldest metal of Ciscaucasia. Typology. Historical and cultural aspect* [*Drevneyshiy metall Predkavkaz'ya. Tipologiya. Istoriko-kul'turnyy aspekt*]. Moscow: Taus, 2011.

12. Korenevsky SN, Petrenko VG. Kurgan of the Maikop culture near the village of Inozemtsevo [*Kurgan Maikopskoy kul'tury u poselka Inozemtsevo*]. *Soviet archeology*, 2: 96–112.

13. Korenevsky SN, Prokofiev RV. The Maikop burials of the Andreevsky kurgan [*Maikopskie pogrebeniya Andreevskogo kurgana*]. *Stratum Plus*. 2020, 2: 83–101.

14. Popova TB. Dolmens of the village of Novosvobodnaya. *Proceedings of the GIM* [*Dol'meny stanitsy Novosvobodnoy. Trudy GIM*]. Issue XXXIV. Moscow: GIM Publ., 1963. p. 46.

15. Korenevsky SN. On the question of cups and amphoroid vessels of the Maikop-Novosvobodnenskaya community and the problem of their analogies in the West [*K voprosu o kubkakh i amforovidnykh sosudakh Maikopsko-novosvobodnenskoy obshchnosti i problema ikh analogiy na Zapade*]. *Stratum Plus*. 2017, 2: 199–226.

16. Korenevsky SN. *Galyugay 1 – the settlement of the Maikop culture* [*Galyugay 1 – poselenie Maikopskoy kul'tury*]. Moscow: Institute of Ethnography of the Russian Academy of Sciences, 1995.

банских курганов // Советская археология. № XII. 1950. С. 157-202.

23. *Woolley L.* Ur Excavation. Vol. II: The Royal Cemetery. A report on the Predynastic and Sargonid Graves excavated between 1926 and 1931. By C. L. Woolley. Publications of the Joint Expedition of the British Museum and the Museum of the University of Pennsylvania to Mesopotamia. London and Philadelphia, 1934. pp. xx + 604; pls. 4; figs. 81. Plates: pls. 274.

24. *Кореневский С.Н.* Предмайкопский период и майкопско-новосвободненская общность в свете первых данных о генетике их населения (V–IV тыс. до н.э.) // Вопросы археологии Поволжья. Выпуск 9. – Самара: «Слово», 2021. С. 32-42.

17. Korenevsky SN. Ornaments as symbols of fertility in the material culture of the population of the Pre-Caucasus at the dawn of the Copper-Bronze Age. *Archaeological monuments of Orenburg region* [*Ornamenty – simvoly plodorodiya v material'noy kul'ture naseleniya Predkavkaz'ya na zare medno-bronzovogo veka // Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya*]. Issue 15. Orenburg: Orenburg State Pedagogical Institute, 2021. p. 56–72.

18. Korenevsky SN. Nezhinsky burial mounds of the Bronze Age of the Caucasian mineral waters district [*Nezhinskie kurgany epokhi bronzy rayona Kavkazskikh mineral'nykh vod*]. M: IA RAS, 1988. Deponent, N 36109.

19. Korenevsky SN, Berezin YaB, Gabuev TA. A unique burial of the Middle Bronze Age on Kavminvody [*Unikal'noe pogrebenie epokhi sredney bronzy na Kavminvodakh*]. *KSIA*. 2018, 252: 67–86.

20. Korenevsky SN, Berezina NYa, Berezin YaB, Gresky Yu. New burials of Proto-Yamskaya culture in Stavropol. *Caucasus Mountains and Mesopotamian steppe at the dawn of the Bronze Age* [*Novye pogrebeniya protoyamnoy kul'tury na Stavropol'e // Gory Kavkaza i Mesopotamskaya step' na zare bronzovogo veka*]. Moscow: IA RAS, 2019. p. 155–178.

21. Childe G. *The dawn of European civilization*. M.B. Sviridova-Grakova, N.V. Shiryaeva (transl.). T.S. Pasek (ed.). A.L. Mongait (foreword). Moscow: Innostrannaya literatura, 1952.

22. Iessen AA. On the chronology of the large Kuban mounds [*K khronologii bol'shikh kubanskikh kurganov*]. *Soviet Archeology*. 1950, 12: 157–202.

23. Woolley L. Ur Excavation. Vol. II: The Royal Cemetery. A report on the Predynastic and Sargonid Graves excavated between 1926 and 1931. By C. L. Woolley. Publications of the Joint Expedition of the British Museum and the Museum of the University of Pennsylvania to Mesopotamia. London and Philadelphia, 1934. pp. xx + 604; pls. 4; figs. 81. Plates: pls. 274.

24. Korenevsky SN. The Pre-Maikop period and the Maikop-Novosvobodnenskaya community in the light of the first data on the genetics of their population (V-IV mill. BC) [*PredMaikopskiy period i Maikopsko-novosvobodnenskaya obshchnost' v svete pervykh dannykh o genetike ikh naseleniya (V–IV tys. do n.e.)*]. Samara: Slovo, Issue 9, 2021. p. 32–42.

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174912-937

Lyudmila B. Gmyrya,
Dr. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
lgmyrya@mail.ru

THE RUBAS FORTIFICATION OF THE MID 6TH CENTURY: FEATURES OF THE STRUCTURE OF THE EASTERN FACADE OF WALL 2

Abstract. The Rubas fortification is a unique complex of stone military-engineering structures, built in the lower reaches of the River Rubas, 20 km west of the Caspian Sea coast and the same distance southwest of the Derbent Pass. In terms of the main indicators (monumentality and functional orientation), it belongs to a series of defensive lines of the Western Caspian region, erected by Persia with the assistance of Byzantium during the era of the Great People's Migration. Typologically and chronologically, it has analogies with the fortress structures of Derbent, dating back to the 6th century. Its uniqueness is justified by the presence of monumental military-engineering structures of various parameters in terms of design and layout, united by construction links into a single object. Each structure carried a separate function, complementing the general tasks of a defensive nature. The structure of the eastern facade of Wall 2 is of combined nature, since it comprises of several different types of sections. The present article considers the features of building techniques for the construction of the facade of a monumental wall of a defensive structure, which are distinguished by a main direction. The purpose of this study is to analyze engineering solutions and to determine the functional tasks of each object included in the eastern facade of Wall 2. Research methods include detail analysis of techniques of erecting the eastern facade of Wall 2, substantiation of presence of various structure parts of its sections and identification of functional purpose of the synthesis system of the facade's structure of the main wall. Analysis of materials of the structurally complex defensive object of the Rubas fortification of the middle of the 6th century, which is the main monumental Wall 2, namely its outer eastern facade, shows that the complex of engineering solutions of this structure was mainly due to the volume of external loads and the strategy of assault on a particular enemy, which at that time were the nomadic Turkic-speaking tribes who used Derbent passage for military operations in the Caucasus and the Middle East.

Keywords: Rubas fortification; East Caucasus; Main Wall 2; structure of the eastern facade; Sasanian Iran.

© Gmyrya L.B., 2021
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2021

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174912-937

Гмыря Людмила Борисовна,
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центра РАН, Махачкала, Россия
lgmyrya@mail.ru

РУБАССКАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ СЕРЕДИНЫ VI в.: ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ ВОСТОЧНОГО ФАСАДА СТЕНЫ №2

Аннотация: Рубасская фортификация – это уникальный комплекс каменных военно-инженерных сооружений, аналогов которому нет. Он возведен в низовьях р. Рубас, в 20 км к западу от побережья Каспийского моря и на таком же расстоянии к юго-западу от Дербентского прохода. По основным показателям (монументальность и функциональная направленность) он относится к серии заградительных рубежей Западного Прикаспия, возведенных Персией при содействии Византии в эпоху Великого переселения народов. Типологически и хронологически – сопоставим с крепостными сооружениями Дербента, датируемыми VI в. Его уникальность обусловлена наличием разнохарактерных по конструкции и планировке монументальных военно-инженерных сооружений, объединенных строительными связками в единый объект. Каждое сооружение несло обособленную функциональную нагрузку, дополняя общие задачи оборонительного характера. Особым своеобразием структуры и конструкции отличается восточный фасад стены № 2. Структура восточного фасада стены № 2 носит комбинированный характер, т.к. включает несколько разнотипных участков. В данной статье впервые рассматриваются особенности конструктивных приемов возведения внешнего фасада монументальной стены оборонительного сооружения, отличающейся магистральной направленностью. Цель данного исследования состоит в проведении анализа инженерных решений и в определении функциональных задач каждого объекта, включенного в восточный фасад стены № 2. Методика исследования включает детальный анализ технологических приемов возведения восточного фасада стены №2, обоснование наличия разнотипных по конструкции составляющих его участков и определение функциональной обусловленности синтезной системы конструкции внешнего фасада магистральной стены. Анализ материалов структурно сложного оборонительного объекта Рубасской фортификации сер. VI в., каким является магистральная монументальная стена № 2, а именно ее внешний восточный фасад, показывает, что комплекс инженерных решений этого сооружения был обусловлен главным образом объемом внешних нагрузок и стратегией штурма конкретного противника, каким в это время выступали кочевые тюркоязычные племена, использовавшие Дербентский проход для военных операций в Закавказье и на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Рубасская фортификация; Восточный Кавказ; магистральная стена № 2; структура восточного фасада; Сасанидский Иран.

© Гмыря Л.Б., 2021
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

The archeological site“Rubas Fortification” was discovered by local residents of the village of Kommuna of the Derbent district of the Republic of Dagestan in 2014.

The excavations of this military-engineering structure (2014, 2016-2018, 2020) have been carried out by the Rubas Archaeological expedition of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences.

Studies have shown that structurally the Rubas fortification consists of several military engineering structures that differ in layout, design, construction technology and functional purpose. The excavations in 2020 revealed the following structures: 1) Main Wall 2; 2) Wall 3; 3) Structure 5 (platform); 4) Structure 6 (annex); 5) arched structure; 6) Wall 1 [2, p. 1101-1110] [Fig. 1; 2; 16-21] .

Of particular interest is the use in one defensive object of different types of building techniques, which is due to different functional purposes of each object.

The present article discusses the design features of the eastern facade of the Main Wall 2, which includes 5 independent sections, built according to the principle of symmetry [Fig. 15 A–B]. The purpose of the study is to analyze engineering solutions and to determine the functional tasks of each site included in the eastern facade of Wall 2.

Excavations and restoration of construction sites at the Rubas fortification are complicated by the extensive damage in 2014, inflicted by the local residents in order to excavate large stone blocks for further use as building material [Fig. 1; 16-17].

Survey excavations in 2014 identified small sites of 3 structures. On the northern slope of the pit with large fragments of stones there was a part of the southern section of the Main Wall 2 (orientation E-W), as well as a small section of Wall 3, built into its eastern facade at an angle of 900. On an undisturbed area there was the upper level of the arched structure with anoverlap of the passage of 3 solid stone slabs with a length of 2.6–2.8 m. A small section of Wall 1, attached from the north to the western base-support of this structure, was also identified [1, pp. 63-64].

In 2014, in the piles of dirt left by the local residents after the excavation of stone blocks from structures by heavy machinery, fragments of a unique ceramic vessel with relief Arabic inscriptions were revealed, which is a quote from a Surah of the Koran: “It is out of the mercy of my Lord to test me whether I will be grateful or unfaithful” [4, pp. 28-35]. Any analogies of the use of quotations from the Koran on household items of the Caucasian and Caspian regions are unknown to us.

In 2016-2018, excavations uncovered the full level of the arched structure and Wall 1, attached to it from the north [Fig. 1,5-6; 2,2-3]. The main Wall 2, oriented in the direction of the NW–SE, was also revealed almost completely [Fig. 1,1; 2,1]. Studies of Wall 3, attached to Wall 2,continue [1, pp. 64-69].

On the basis of the section of Wall 3 with a length of 5 m excavated in 2014, 2018, its layout was determined as linear, oriented in the W–E direction. According to the results of excavations in 2018, part of the blocks of this wall was in the position of a “fan spread”, which was conditioned by powerful tectonic movements, as determined by seismologists [5, pp. 91-103; 6, pp. 91-103].

Excavations of 2020 revealed 2 new military-engineering objects – the structure of a stepped design 6, built from north to the main Wall 2 [Fig. 1,4; 2,7; 3,1], and a platform-like structure [Fig. 1,3; 2,6; 18, 19,2 and 21] with an inclination of the surface of 22.50to east [2, p. 1103-1106, 1109].

Further investigations in 2020 of Wall 3 established its rounded shape with a bend from the W–E line to the N-E line [Fig.1,2; 2,4; 16,1; 17; 19,1], which had been formed by the technology of shifting blocks in the masonry at a certain angle (fan shift) and the presence of a stepped structure of the northern facade [2, pp. 1106-1109]. The formation of the roundness of this wall must be recognized as a unique construction technology, given that the desired shape of the structure was achieved by massive stone blocks of elongated forms [Fig. 20].

The analysis of the materials of the excavations of the Rubas fortification shows that the central position in its structure is occupied by Wall 2. This is the longest structure, stretched in the direction of the NW-SE. To the west of it there are two objects – the arched structure and the Wall 1 attached to it. Three other structures of this complex – Wall 3, the Stepped structure (6) and Structure 5 (platform) – occupy an eastern position relative to Wall 2 [Fig. 1; 2].

Wall 2 islaid with the use of rubble masonry (emplekton, ashlar and rubble). The facades (east and west) are built of large stone blocks (shell rock, sandstone); the inter-wall filling includes rough stone, river pebbles of various sizes and compacted soil. The technology of laying blocks in the wall is different – bed and “opus quadratum” masonry. The width of the wall is 3.5 m [Fig. 1,1; 2,1].

The western facade of Wall2 was examined for 26 m [Fig. 2,1]. According to the results of excavations in 2018, its southern section continues towards the left bank of the Rubas River, which has low elevations (± 42.0 m) in comparison with the right bank, which occupies a dominant position on the terrain (± 85.45 m). The northern section of the western facade of Wall 2 within the excavation of 2018 is interrupted, but it likely has a continuation at the lower level of the masonry, overlapped by powerful mudflow layers [1, pp. 64-65].

The eastern facade of Wall 2 was uncovered as a result of 2020 excavations for 17.5 m [Fig. 2,1]. From south, it is bounded by Wall 3 built into it, oriented in the transverse direction W-E, NW, from which the northern facade of the stepped structure and semicircular configuration has preserved. The southern facade of the Wall 3 has not yet been discovered, as well as the southern section of the eastern facade of the Wall 2.

The territory where the southern section of the eastern facade of Wall 2 could have been located was subjected to large-scale destruction in 2014, as mentioned above. Local residents, who accidentally discovered the upper levels of the masonry of Wall 2, removed a significant number of massive stone blocks from the structure and took them to the village of Kommuna for construction purposes. Some of the blocks were sawn into small fragments. During the investigation of the site in 2014, a pit measuring 9×7.5 m and 3 m deep filled with large fragments of stones, white lime mortar and soil was recorded on the territory of the destroyed fortification [Fig. 1,1]. We managed to preserve 13 whole stone blocks and 17 samples of large stone fragments, which survived

the sawing. They were numbered, described, photographed and placed for safekeeping in the secondary school of the Rubas village; all data about them were published.

According to the results of excavations in 2020, the total length of the examined section of the Wall 2 is 28 m.

The western facade of Wall 2 has preserved to a height of 2.5 m. In its structure, there are 3 sections with different types of masonry: northern (bed masonry of elongated blocks of medium thickness); central ("opus quadratum" masonry of blocks of different sizes, including 2 m long, with upper level laid with bed masonry); southern (bed masonry of thickened blocks installed with the short side outwards). The western facade of Wall 2 was formed without ledges. The maximum height of the western facade of Wall 2 survived at the level of 10 rows of bed masonry.

The eastern facade of Wall 2 has a height of 2.4 m [Fig. 5,2; 6,2; 15A]. Visually, on the eastern facade of Wall 2, five separate sections can be distinguished, varying in design and construction technology (sections A, B, C, D, E) [Fig. 15B]. The junction points are performed with various construction techniques. The design features of these objects reveal the functional orientation of each of them.

Section A. The section was investigated during the conservation excavations of 2014. It is located at the southern end of the eastern facade of Wall 2. The length of the section is 2.6 m. 8 rows of bed masonry were revealed. The section is bounded from the south by the Wall 3 built into it [Fig. 15B].

Features of the construction technology: the masonry is laid in a stepped manner; the width of the steps of the 4 lower rows of the masonry is noticeably wider than the steps of the upper rows; the blocks of the lower rows have non-standard sizes and shapes, as well as poor-quality dressing [Fig. 5-6; 16].

It was not possible to link these features with the technical necessity, due to the littleavailable data. The eastern facade of the massive wall was defined by the external line of defense, unlike the western facade. However, its stepped design did not fit into a rational approach aimed at complicating the storming of this structure by the enemy. The only reason that could explain the stepped shape of this structure was the nature of the expansion of the support of a massive object, which increased its stability.

The reason for this type of masonry of the southern section of the eastern facade of Wall 2 became clear in 2020, when the rounded shape of the northern facade of Wall 3 was revealed and a system of its attachment to Wall 2 was identified. Analysis of the construction remains of Wall 3 showed that the connection of this structure to Wall 2 was made by its lower level, which had a fan shape 2.5 m wide [Fig. 16].

Section B. Investigated in 2014, 2016. It connects from the north to Section A. The length is 2.1 m, the preserved height is 2.4 m. This object was built using 2 types of masonry – bed and "opus quadratum" [Fig. 15B].

Features of the construction technology: the upper 3 rows of masonry and the lower 4 rows were laid in a bed technique and a stepped method, similar to Section A. Between the upper and lower levels of the masonry there is an inset of 4 stone blocks installed using the "opus quadratum" technique [Fig. 5-6].

The functional purpose of using the "opus quadratum" masonry on this section of Wall 2 was not initially associated with a constructive necessity, but rather an aesthetic

look. Carved images on the outer surface of the headers were revealed. On one block there is a profile image of a horse; on the other, probably, an image of a settlement plan and a defensive wall. The images placed on the front surface of large blocks were interpreted as a kind of manifestation of the main ideological symbols of the population living within the limits of the monumental defensive structure in the valley of the Rubas River.

According to the available data of 2014 and 2016, it was not possible to consider this section of the facade as a necessary structural detail that strengthened Wall 2. The connection of both structures was carried out without a solid abutment of the blocks and vertical consistency with the formation of a slit space filled with thick river pebbles. The two lower levels of masonry of both sections formed a single platform for this part of the facade of Wall 2 [Fig. 2,1].

Section C. Investigated in 2016-2018, 2020. Attached from the north to Section B. The length is 7.1 m, the preserved height is 2.6 m. 11 rows of bed masonry were revealed [Fig. 15B].

Features of the construction technology: stone blocks are installed in the wall quitecarefully, the rows of masonry are smooth, their horizontality is clear. The blocks are thoroughly dressed, all about the same thickness. The lower levels of the masonry include several large blocks with a length of 1.2–1.6 m. The blocks are also installed in the wall in a stepped manner, but their width decreases towards the north [Fig. 3,2; 4,2; 5,2; 6,2].

The attachment of structures B and C was carried out by joining the 6 upper rows and embedding the 5 lower rows of masonry into the structure [Fig. 15B].

The reason for such a complex design solution for the formation of the eastern facade of Wall 2, which includes diverse structures, remain unclear according to the data obtained.

However, in 2020, in search of a continuation of Wall 2 to the north, a 5.7 m long building was identified, conventionally identified as a “stepped structure” 6 [2, pp. 1103-1106]. Its structure included 2 different types of sections: D and E. Moreover, both sections had a constructive analogy with the objects of this facade identified earlier [Fig. 15B; 3,2; 5,2; 6,2].

Section D. Investigated in 2020. Attached from the north to the Section B. The length is 2.7 m, the preserved height is 2.44 m. This structure was built using 2 types of masonry – bed and “opus quadratum” [Fig. 15, B].

Features of the construction technology: the upper 4 rows of masonry and the lower 3 rows are laid by a bed technique and a stepped method. Between the upper and lower levels of the masonry there is an inset of 5 stone blocks installed using the “opus quadratum” technology [Fig. 13; 9-10; 11A-B]. The design of Section D is similar to the design of Section B. However, the blocks of the “D”section differ in larger dimensions [Fig. 15B].

The joining of Sections C and D is based on the principles of mutual embedding of stone blocks into the masonry system of each of them [Fig. 11A; 13].

Section D is extended to the east by 0.8 m relative to the lower level of the main line of the eastern facade of Wall 2 [Fig. 3-10; 12; 14].

Section E. Investigated in 2020. Attached from the north to Section D. The length is 3 m, the preserved height is 1.7 m [Fig. 15B].

Features of the technology: built with bed masonry in a stepped manner (8 levels of masonry). The blocks in the masonry are thoroughly dressed, installed in even horizontal rows. Blocks of medium and large sizes are included. One block of the 5th row of masonry had a length of 1.95 m, the other (7th row of masonry) was opened for 1.9 m, its northern end goes under the northern side of the excavation. The width of the steps of 3-7 levels of masonry is 0.3-0.4 m [Fig. 7-10; 12; 13]. Technological methods of installing blocks in masonry aimed at changing its direction to the northeast and possible rounding of the northern facade were recorded [Fig. 9; 13].

The attachment of Section E with Section D was carried out by joining its 3 upper rows of masonry. The four lower rows of masonry of both sections (D and E) formed a single platform for this part of the facade of Wall 2 [Fig. 9; 10; 13].

To a certain extent, Section E of the eastern facade of Wall 2 repeats the shape and design of Section A, but it survived in larger quantities [Fig. 15B].

On the eastern facade of Wall 2, the symmetry of the design techniques is visible, as it seems, due to an accurate design calculation [Fig. 15B]. Based on the analysis of the available materials of the excavations of 2014, 2016-2018, 2020, certain patterns in the design of the eastern facade of the main Wall 2 were revealed.

Before the discovery in 2020 of 2 new sections of the eastern facade of Wall 2 (D and E), it was not possible to consider the regularities of its design. At this stage of the study, it is necessary to note the essential indicators of the construction of Wall 2 and to identify the functional tasks of each of the sections of this structure.

The central position in the construction of the eastern facade of Wall 2 is occupied by Section C. It is not only the longest in structure, but also the most thoroughly constructed. It also differs from other sections by the uniformity of the building technology [Fig. 15B].

The section with a uniform masonry C is structurally connected with two other sections, built according to the same design. On the south side, it is adjoined by Section B with a length of 2.1 m, on the north side – Section D with a length of 2.7 m [Fig. 15B]. They are also laid with bed masonry of a stepped design.Their typological identity is based on the inclusion in the structure of blocks, laid according to the «opus quadratum» system. Section B includes 2 blocks, laid on edges of the long side and 2 blocks laid on the edge of the lateral sides. Section D includes 2 blocks, laid on edges of the long side, but 3 blocks laid on the edge of the lateral side. The blocks of both sections installed using the “opus quadratum” method were revealed at the same level. They can be seen at the level of blocks of the 5th level of masonry, starting from the lower row. Constructional connection of the both sections (B and D) is carried out with the lateral sides of Section C through blocks installed on the edge of the lateral side. The smaller length of Section B in relation to Section D is due to the presence of only 2 such blocks in contrast to the 3 blocks of Section D [Fig. 15B].

Sections A and E close the construction of the eastern facade from the north (E) and south (A). In length, both sections differ slightly: “A” - 2.6 m; “D” - 3 m [Fig. 15B]. However, Section A, as noted, suffered significant destruction in 2014 during the

unauthorized excavation of large stone blocks, which led to the formation of a pit with a depth of over 3 m.

The identity of the structure of Sections B and D of the eastern facade of Wall 2 and the same technology of connection of these sections with the central Section C indicates the need for their location in the construction system of the eastern facade of Wall 2. Connection of sections by means of blocks installed with the side part outward, with a section of Wall C, which went deep into the structures of the eastern facade, significantly strengthened the masonry and reduced the possible deformation of the central Section C of Wall 2. Sections B and D functioned as a kind of fasteners that protected Section C from deformation. Moreover, given the presence in Section D of 3 copies of blocks installed with the side part outward, and 2 of the same blocks in Section B, the threat of possible deformation of Section C came mostly from the north.

Section A of the eastern facade of Wall 2, as noted, served as a junction for Wall 3, i.e. it was a kind of buffer holding its considerable mass. The connection of 2 walls (2 and 3) was of a complex nature, given the rounded shape of the northern facade of Wall 3, the stepped design of its construction and the fan-shaped method of installing blocks into the wall.

Section E of the eastern facade of Wall 2 may have had the same function as Section A, i.e. it was a buffer. Its full shape has not yet been restored, but some indicators of its design make it possible to assume that there was a certain rounding of this structure at the northern end [Fig. 9; 12]. In addition, groundwater that emerged at a depth of 2.9 m made it hard to reveal the full length of Section E along the W–E line. According to the 2020 excavations, Section E protrudes from the line of the lower rows of the masonry of Section B to the east by 1.9 m [Fig. 12]. Section D is likely a part of a rather bulky structure included in the structure of the eastern facade of Wall 2.

It should be noted that significant deformation of structures was recorded in Sections D and E [Fig. 13]. There is a deep shift (slope) of all masonry levels to the south on Section D, including the “opus quadratum” masonry. On Section E, the masonry deformation was recorded only at levels 5-6, counting from the upper rows, in the places of connection to the section D. The reason for the recorded deformation of these sections is yet unclear (possible earthquake, groundwater, destruction of a wartime character). However, the analysis of the construction of the eastern facade of Wall 2 shows that in the process of deformation of Sections D and E, the northern edge of Section C was also affected. The masonry of this part of Section C for 2.9 m at almost all levels received an inclination to the north. It seems that there is a depression in the junction of Sections C and D, because the direction of deformation of these sections’ structures is oncoming.

The analysis of the structure of the eastern facade of Wall 2 and the structure of the construction objects included in it shows that their location in the system of the eastern facade of Wall 2 is due to specific defensive tasks. Engineering solutions for the construction of the eastern facade of Wall 2 are original, and have not been recorded in the practice of other regions (Caucasian, Crimean, Transcaucasian) [7, pp. 39-46; 8, pp. 267-287; 9, pp. 441-465; 10, pp. 357-390; 11, pp. 227-246; 12, pp. 170-200].

Conclusion

The design and construction technology of the facade of the Main Wall 2 of the Rubas fortification testify to the high degree of development of military engineering in Sasanian Iran of the middle 6th century.Terrain features, strategic and tactical tasks of an extended defensive facility were taken into consideration when building these structures.

A system of multidisciplinary design of large-scale objects was used. Each object has a unique layout. A variety of constructive junctions between defensive objects of different profiles was developed, providing the defenders of the structure the opportunity to maneuver freely (objects are embedded one into another, the junctions of the objects with plates in entry points). Construction methods were developed to connect different types of objects into a single line of defense.

Both the latest methods of technology for the construction of defensive objects for this region ("opus quadratum" masonry, bed stepped masonry of processed blocks, fan masonry) and local construction techniques (masonry of undressed blocks of different configurations, base of small pebbles to form their stable position, etc.) were used.

Of particular importance are complex technological techniques for connection of massive military engineering facilities that ensure the strength of the defensive structure as a whole, its resistance to natural phenomena (the location in the zone of increased tectonic activity), as well as to the assault techniques of the early Middle Ages [13, p. 14-15; 14, p. 167; 15, p. 95-96].

Acknowledgements

1. The paper presents materials of excavations collected with the financial support of the RFBR and the Government of the Republic of Dagestan (project of 2012–2014: "Landscapes of the Western Caspian region in the cultural genesis of ethnic communities in the era of the Great Peoples' Migration"), RFBR (project of 2016–2018: "International Strategic Defense System in the Eastern Caucasus during the era of the Great Peoples' Migration"), Head of the Republic of Dagestan V.A. Vasilyev (project of 2020: "A new monumental defensive structure on the Rubas river in South Dagestan (6th century): study and problems of interpretation").

2. The illustrative material was prepared with the help of V.A. Saidov and Yu.A. Magomedov.

3. Aerial photography of 2020 of the Rubas defensive complex was carried out by by B.H. Gadzhiev.

4. The drawing documentation of the objects of the Rubas fortification was made by Z.Z. Kuzeeva.

5. The full profile of the eastern facade of Wall 3 is made by L.B. Gmyrya and Yu. A. Magomedov.

Fig. 1. Monumental structure on Rubas.
1 – Wall 2; 2 – Wall 3; 3 – Structure 5 (platform); 4 – Structure 6 (annex); 5 – arched structure; 6 – Wall 1; 7 – mudflowsediments. View from east. Air-drone photo of 2020. Previously unpublished

Рис. 1. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас.
1 –стена №2; 2 – стена №3; 3 – сооружение №5 (платформа);
4 – сооружение №6 (пристройка); 5 – сооружение арочной конструкции; 6 – стена №1; 7 – отложения селя.
Вид с востока. Аэрофотосъемка беспилотным летательным аппаратом 2020 г. Публикуется впервые

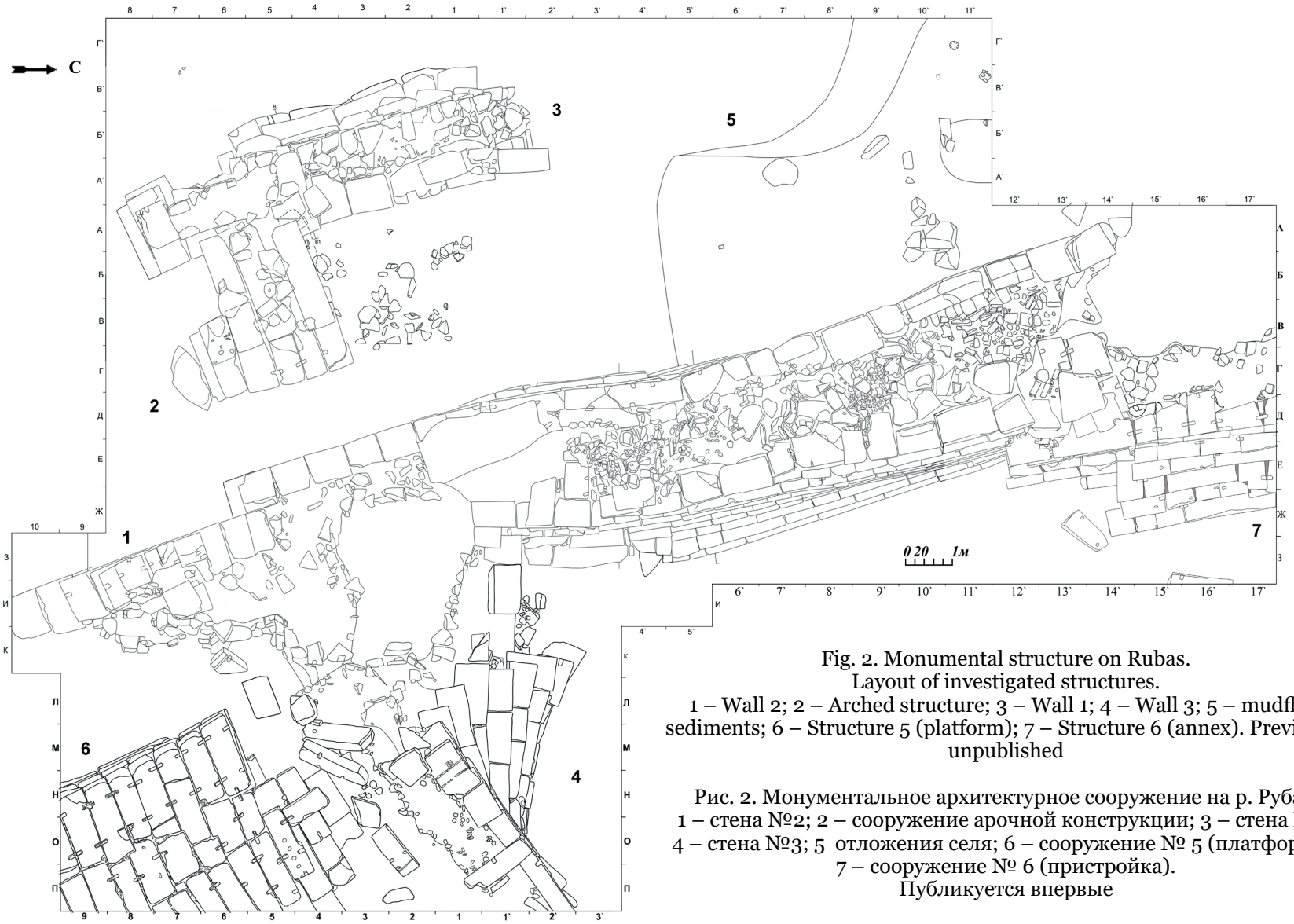

Fig. 2. Monumental structure on Rubas.
Layout of investigated structures.
1 – Wall 2; 2 – Arched structure; 3 – Wall 1; 4 – Wall 3; 5 – mudflow sediments; 6 – Structure 5 (platform); 7 – Structure 6 (annex). Previously unpublished

Рис. 2. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас.
1 – стена №2; 2 – сооружение арочной конструкции; 3 – стена №1; 4 – стена №3; 5 отложения селя; 6 – сооружение № 5 (платформа); 7 – сооружение № 6 (пристройка).
Публикуется впервые

Fig. 3. Monumental structure on Rubas.
1 – Structure 6 (annex);
2 – Wall 2. View from north. Photo of 2020.
Previously unpublished

Рис. 3. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас.
1 - сооружение №6 (пристройка) 2 - стена №2.
Вид с севера. Фото 2020 г. Публикуется впервые

Fig. 4. Monumental structure on Rubas. 1 – Structure 6 (annex); 2 – Wall 2. View from south. Photo of 2020.
Previously unpublished

Рис. 4. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. 1 -сооружение № 6 (пристройка); 2 - стена № 2. Вид с юга. Фото 2020 г. Публикуется впервые

Fig. 5.Monumental structure on Rubas. 1 – Structure 6 (annex); 2 – Wall 2. View from north-east. Photo of 2020. Previously unpublished

Рис. 5. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. 1 - сооружение № 6 (пристройка); 2 - стена № 2. Вид с северо-востока. Фото 2020 г. Публикуется впервые

Fig. 6. Monumental structure on Rubas. 1 – Structure 6 (annex); 2 – Wall 2. View from south. Photo of 2020. Previously unpublished

Рис. 6. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас.
1 - сооружение № 6 (пристройка); 2 - стена № 2. Вид с юга. Фото 2020 г. Публикуется впервые

Fig. 7. Monumental structure on Rubas. 1 – Structure 6 (annex); 2 – Wall 2. View from south. Photo of 2020. Previously unpublished

Рис. 7. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. 1 - сооружение №6 (пристройка); 2 - стена № 2. Вид с юга. Фото 2020 г. Публикуется впервые

Fig. 8. Monumental structure on Rubas. 1 – Structure 6 (annex); 2 – Wall 2. View from south. Photo of 2020. Previously unpublished

Рис. 8. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. 1 - сооружение № 6 (пристройка); 2 - стена №2. Вид с юга. Фото 2020 г. Публикуется впервые

Fig. 9. Monumental structure on Rubas. Structure 6 (annex). View from east. Photo of 2020

Рис.9. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. Сооружение № 6 (пристройка). Вид с востока. Фото 2020 г.

Fig. 10. Monumental structure on Rubas. Structure 6 (annex). View from north-east. Photo of 2020. Previously unpublished

Рис.10. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. Сооружение № 6 (пристройка). Вид с северо-востока. Фото 2020 г. Публикуется впервые

А

Б

Fig. 11. Monumental structure on Rubas. A-B. 1 – Structure 6 (southern section); 2 – Wall 2 (northern section). View from east. Photo of 2020. Previously unpublished

Рис.11. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас.
А-Б. 1 - сооружение № 6 (южный участок). 2 – стена № 2 (северный участок).
Вид с востока. Фото 2020 г. Публикуется впервые

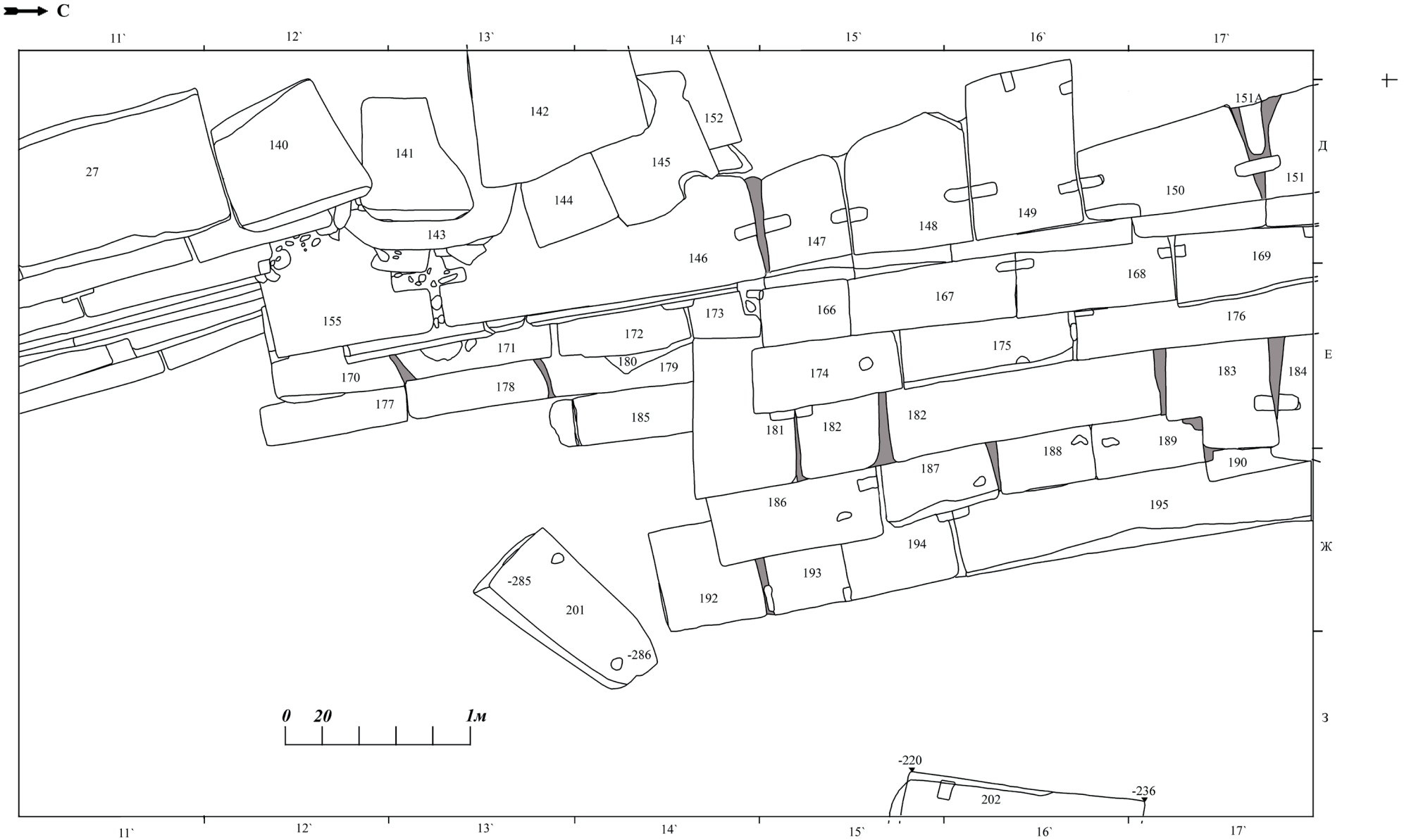

Fig. 12. Monumental structure on Rubas. Layout of Structure 6 (annex) with indication of numbers of blocks. Previously unpublished

Рис.12. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. План сооружения №6 (пристройка) с указанием №№ блоков. Публикуется впервые

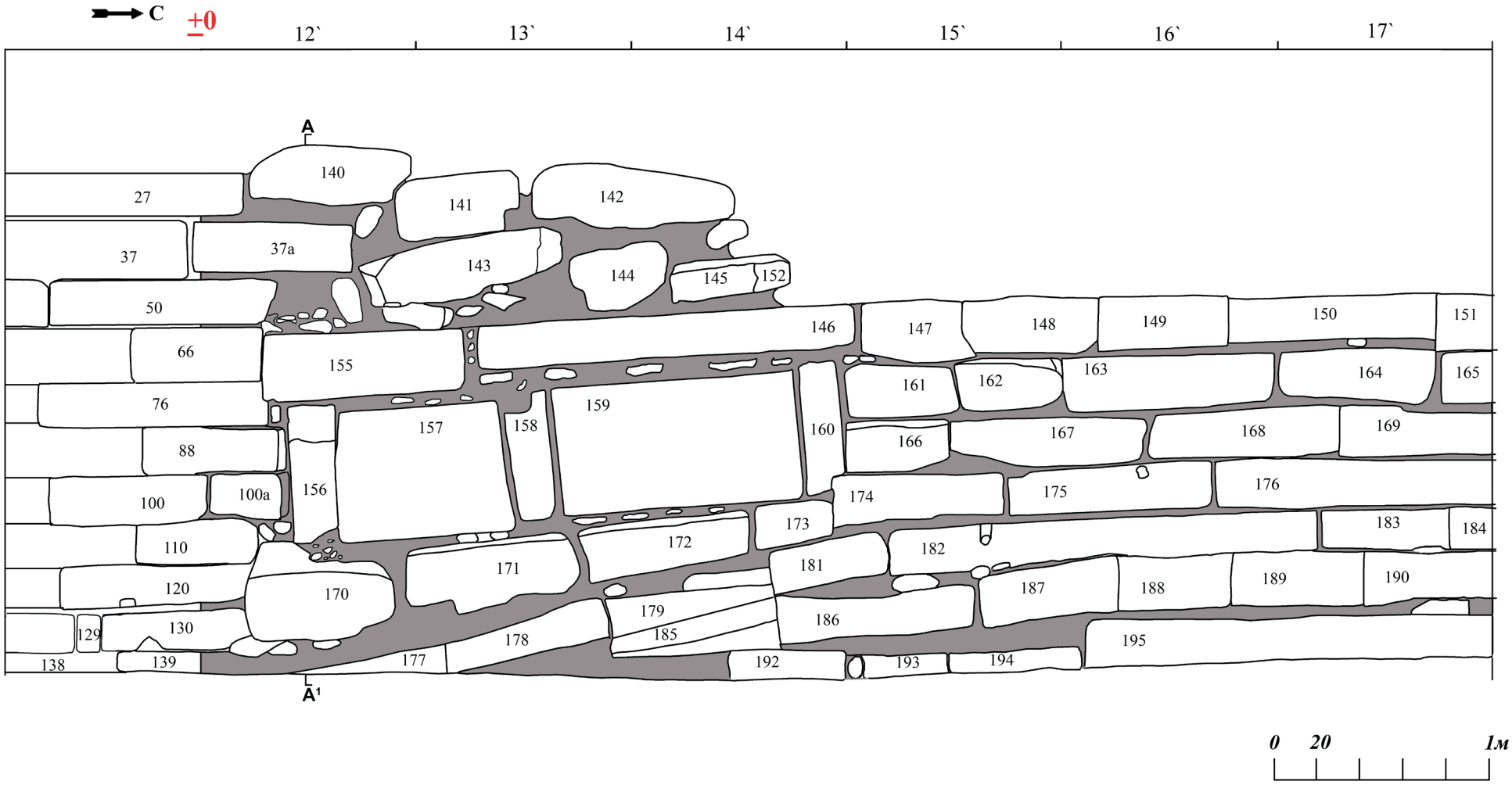

Fig. 13. Monumental structure on Rubas. Structure 6 (annex). East face with indication of numbers of blocks. Previously unpublished

Рис. 13. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. Сооружение № 6 (пристройка). Восточный фас с указанием №№ блоков. Публикуется впервые

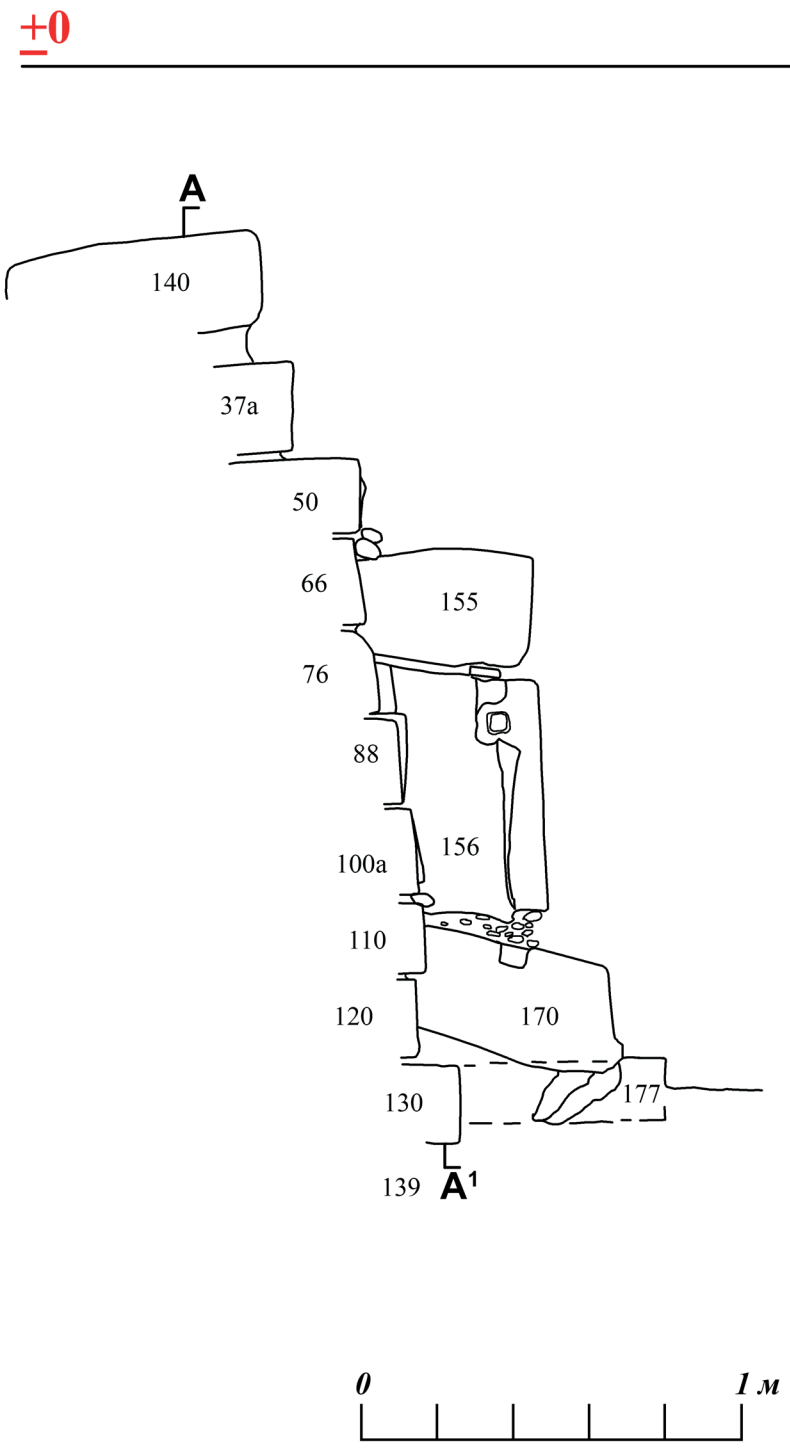

Fig. 14. Monumental structure on Rubas.
Structure 6 (annex). Cross section on A-1 line.
Previously unpublished

Рис. 14. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас.
Сооружение № 6 (пристройка). Разрез по линии А-А1.
Публикуется впервые

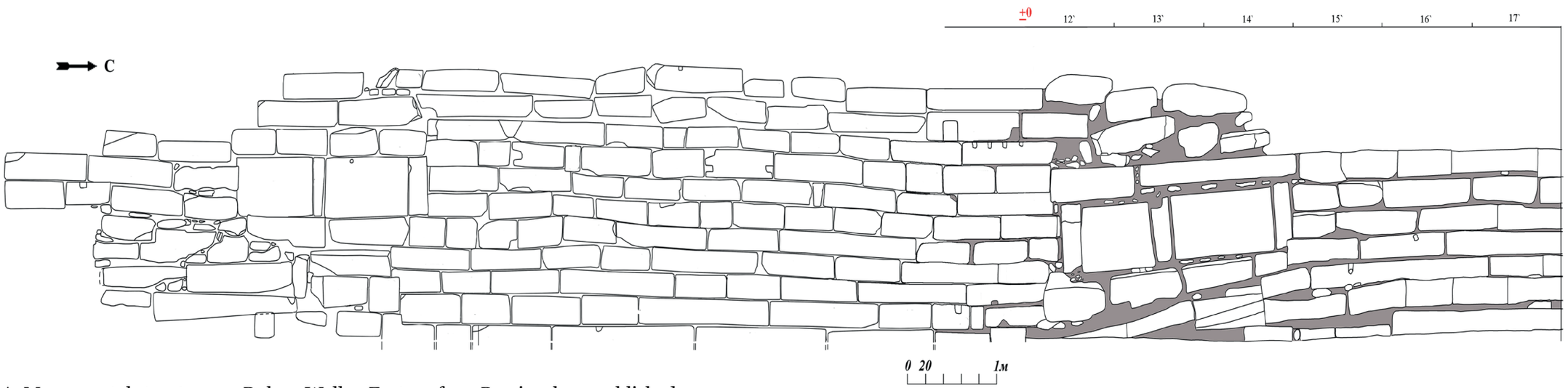

Fig. 15A. Monumental structure on Rubas. Wall 2. Eastern face. Previously unpublished

Рис. 15А. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас.
Сооружение № 2. Восточный фас. Публикуется впервые

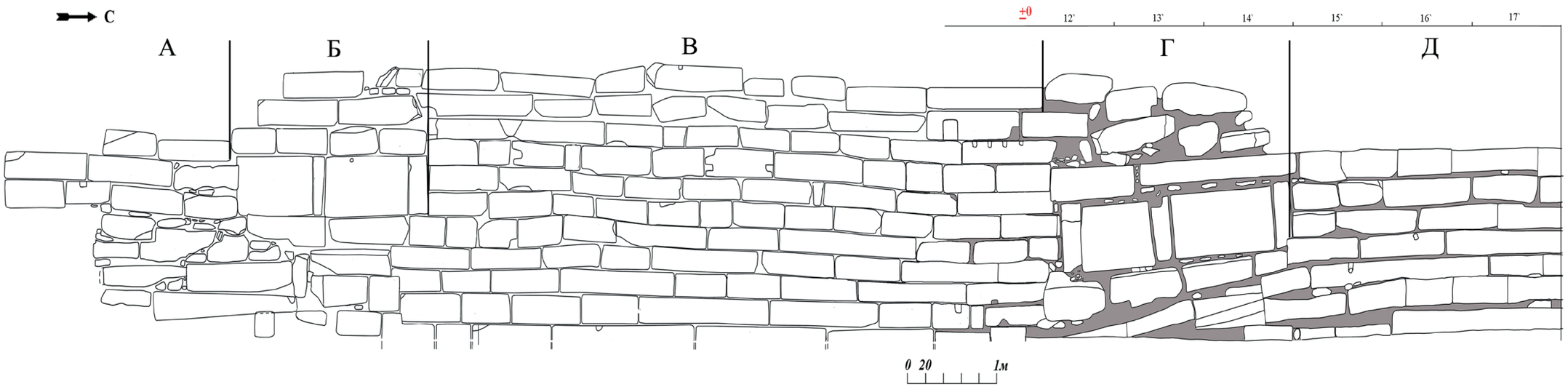

Fig. 15B. Monumental structure on Rubas. A, B, C, D, E – architectural sections.
Previously unpublished

Рис. 15Б. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. Сооружение № 2. Восточный фас.
А,Б,В,Г,Д – архитектурные участки. Публикуется впервые

Fig. 16. Monumental structure on Rubas. 1 – Wall 3; 2 – Wall 2; 3 – arched structure; 4 – Wall 1. View from east. Photo of 2020. Previously unpublished

Рис. 16. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. 1 – стена №3; 2 - стена № 2; 3 – сооружение арочной конструкции; 4 – стена №1. Вид с востока. Фото 2020 г. Публикуется впервые

Fig. 17. Monumental structure on Rubas. Wall 3. View from north. Photo of 2020. Previously unpublished

Рис. 17. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас.
Стена № 3. Вид с севера. Фото 2020 г. Публикуется впервые

Fig. 18. Monumental structure on Rubas. Structure 5 (platform). View from north. Previously unpublished

Рис. 18. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. Сооружение №5 (платформа). Вид с севера. Фото 2020 г. Публикуется впервые

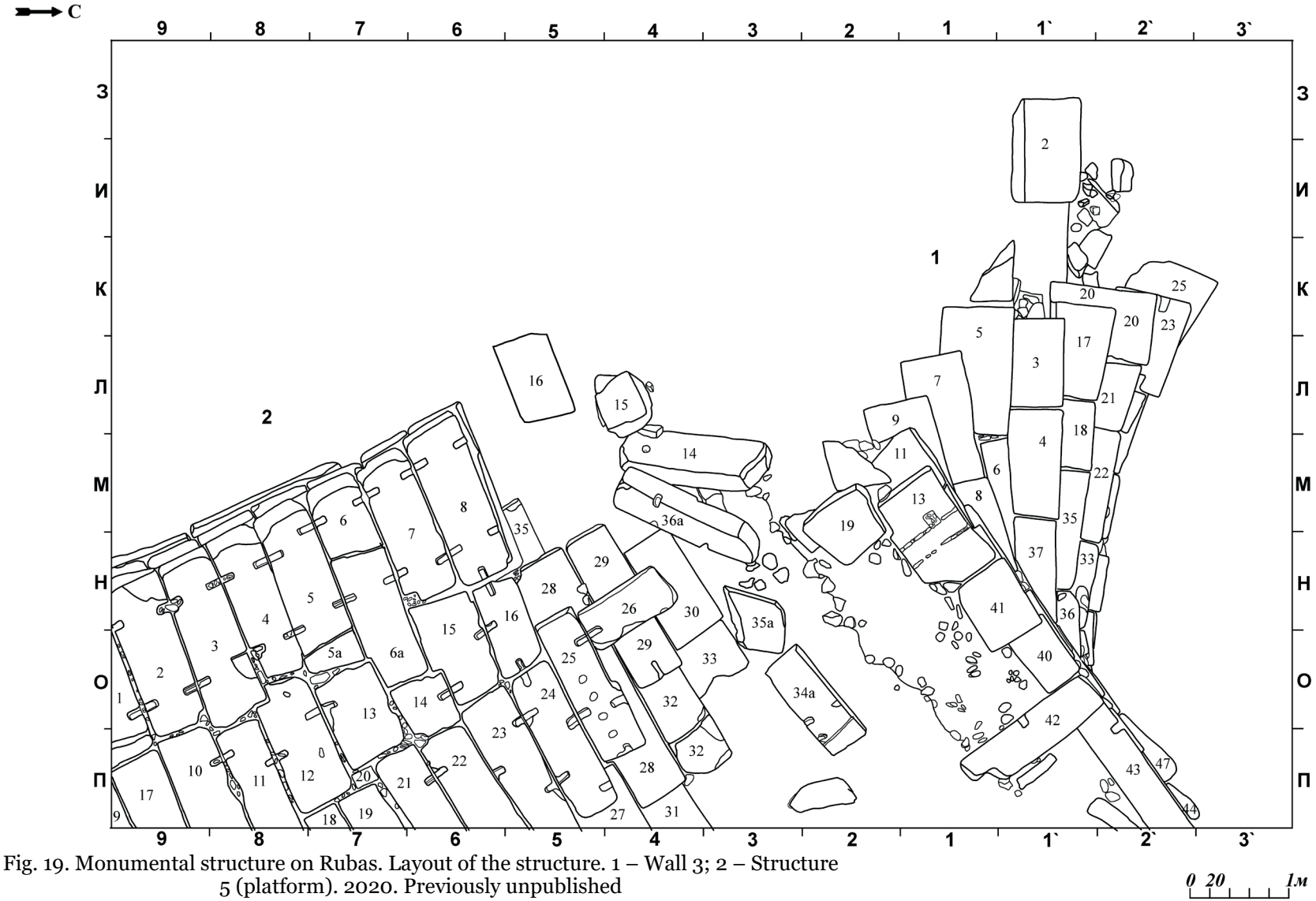

Fig. 19. Monumental structure on Rubas. Layout of the structure. 1 – Wall 3; 2 – Structure 5 (platform). 2020. Previously unpublished

Рис. 19. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. План сооружений. 1 – стена №3; 2 – сооружение №5 (платформа). 2020 г. Публикуется впервые

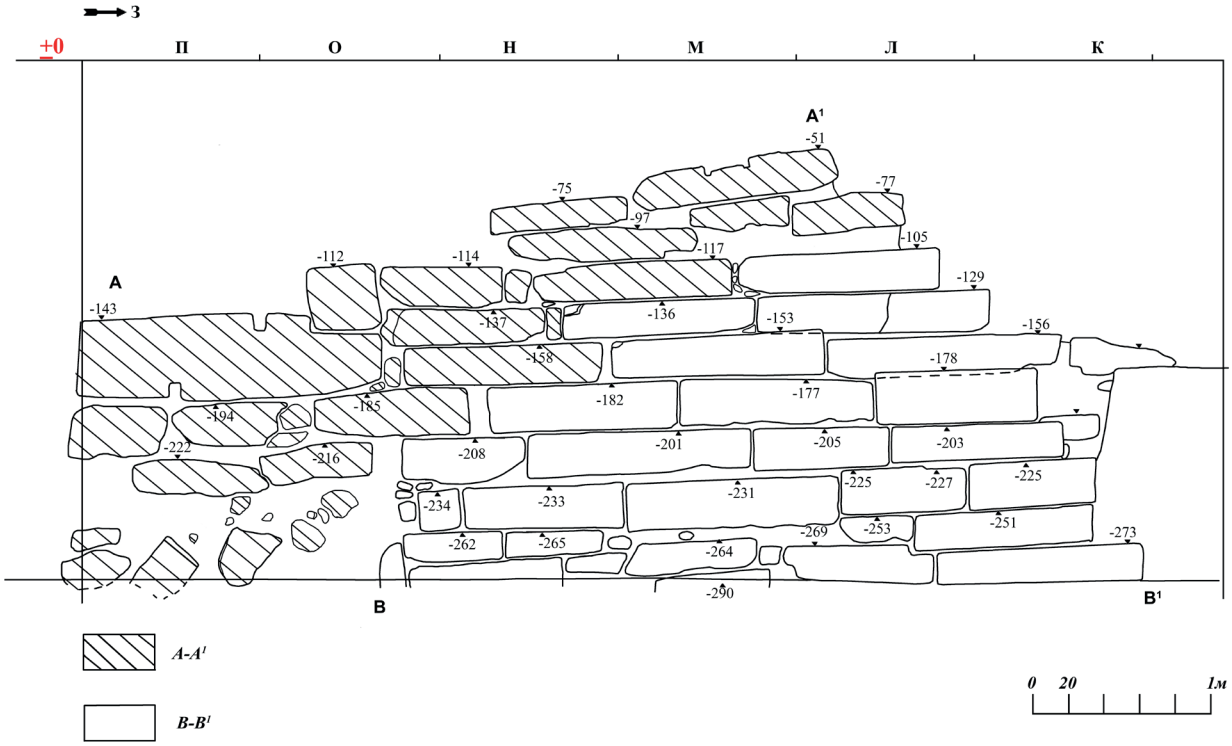

Fig. 20. Monumental structure on Rubas. Wall 3. North face with indication of levelling marks of blocks. 2020. Previously unpublished

Рис. 20. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. Стена № 3. Северный фас с указанием нивелировочных отметок блоков. 2020 г. Публикуется впервые

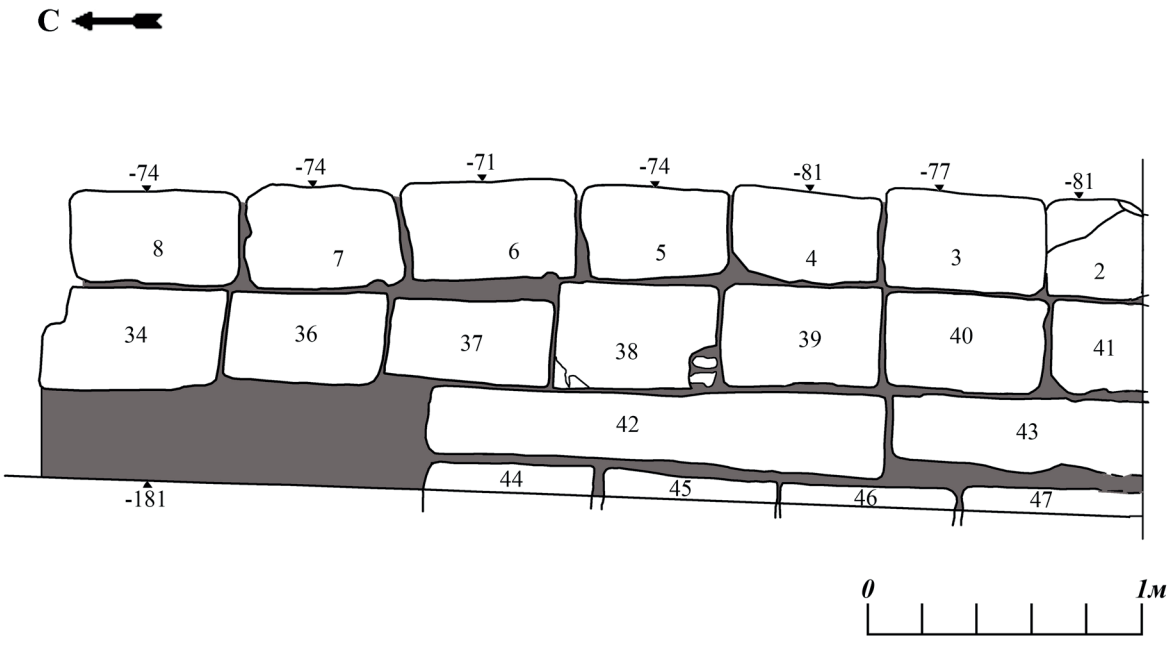

Fig. 21. Monumental structure on Rubas.
Structure 5 (platform). Western face with indication of levelling marksand numbers of blocks.
Previously unpublished

Рис. 21. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. Сооружения № 5 (платформа). Западный фас с указанием нивелировочных отметок и №№ блоков. Публикуется впервые

REFERENCES

1. Gmyrya LB, Saidov VA, Magomedov YuA. Study of the Rubas fortification in 2018. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2019, 15(1): 62-86. (In Russ)

2. Gmyrya LB, Saidov VA, Magomedov YuA. Study of the Rubas fortification in 2020.*History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2020, 16(4): 1099-1139. (In Russ)

3. Gmyrya LB. Specifics of the Rubas fortification's topography and layout (East Caucasus). *Izvestiya SOIGSI*. 2019, 34(73): 5–25. (In Russ)

4. Gmyrya LB, Shikhaliev Sh.Sh., Shekhmagomedov M.G., Kuzeeva Z.Z. Ceramic jug with an imprint of the text of the ayat Surah Koran from Southern Dagestan (XII century). *Herald of the Dagestan Scientific Center*. 2015, 56: 28-35. (In Russ)

5. Gmyrya LB, Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N., Larkov A.S., Rogozhin E.A. Probable field seismic deformations at the Rubas archaeological site of the middle of the 6th century. Southern Dagestan. *Geophysical Processes and Biosphere*. 2019, 18(3): 91-103.

6. Gmyrya LB, Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N., Larkov A.S., Rogozhin E.A. Probable Paleoseismic Deformations at the Rubas Archeological Site, Mid-6th Century AD, South Dagestan. ISSN 0001-4338, Izyestiya, Atmospheric and Oceanic Physics. 2019, 55(10): 1547-1558. © Pleiades Publishing, Ltd., 2019. Russian Text © The Author (s), 2019, published in Geofizicheckie Protsessy I Biosfera, 2019, 18(3): 91–103.

7. Pakhomov E.A. The largest monuments of Sassanian construction in the Transcaucasus. *Problems of the history of material culture*. 1933, 9-10: 39-46. (In Russ)

8. Trever K.V. *Essays on the history and culture of Caucasian Albania. IV century BC - VII century AD*. Moscow; Leningrad, 1959. (In Russ)

9. Aliev A.A., Aliev I.N., Gadjiev M.S., Geithner M.G., Kohl F.L., Magomedov R.G. New studies of the Gilgilchay defensive wall. *Problems of history, philology and culture*. 2004, 14: 441-465. (In Russ)

10. Gadjiev M.S., Kudryavcev A.A. Steinmetzzeichen des 6. Jahrhundert in Darband. Archäologische Mitteilungeaus Iran und Turan. Hrsg. vom Deutschen Archäologischen Institut Eurasien-Abteilung, A u Benstelle. Teheran. Bd. 33. Berlin: Reimer, 2001:357-390.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гмыря Л.Б., Саидов В.А., Магомедов Ю.А.* Исследование Рубасской фортификации в 2018 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 15. № 1. 2019. С. 62–86.

2. *Гмыря Л.Б., Саидов В.А., Магомедов Ю.А.* Исследование Рубасской фортификации в 2020 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 16. № 4. 2020. С. 1099–1139.

3. *Gmyrya L.B.* Specifics of the Rubas fortification's topography and layout (Eastern Caucasus) // Известия СОИГСИ. 2019. № 34(73). С. 5–25.

4. *Гмыря Л.Б., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г., Кузеева З.З.* Керамический кувшин с оттиском текста айата Суры Корана из Южного Дагестана (XII в.) // Вестник Дагестанского научного центра. 2015. № 56. С. 28–35.

5. *Гмыря Л.Б., Корженков А.М., Овсюченко А.Н., Ларьков А.С., Рогожин Е.А.* Вероятные полеосейсмические деформации на Рубасском археологическом памятнике середины VI в. Южный Дагестан // Геофизические процессы и биосфера. 2019. Т. 18. № 3. С. 91–103.

6. *Gmyrya L.B., Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N., Larkov A.S., Rogozhin E.A.* Probable Paleoseismic Deformations at the Rubas Archeological Site, Mid-6th Century AD, South Dagestan // Izyestiya, Atmospheric and Oceanic Physics, 2019, Vol. 55, No. 10, pp. 1547–1558. Pleiades Publishing, Ltd., 2019. Russian, 2019, published in Geofizicheckie Protsessy I Biosfera, 2019, Vol. 18, No. 3, pp. 91–103.

7. *Пахомов Е.А.* Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 9–10. С. 39–46.

8. *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.; Л., 1959. – 391 с.

9. *Алиев А.А., Алиев И.Н., Гаджиев М.С., Гейтнер М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г.* Новые исследования Гильгильчайской оборонительной стены // Проблемы истории, филологии и культуры. 2004. № 14. С. 441–465.

10. *Gadžiev M.S., Kudrjvcev A.A.* Steinmetzzeichen aus dem 6. Jahrhundert in Derbent // Archäologische Mitteilungen

11. Vus OV. Early Byzantine Limes in the Northern Black Sea Region: Organization and Structure of Engineering Defense. *Byzantine Times*. Moscow. 2013, 72(97): 227–246.

12. Ovcharov D. Bulgarians and Romanians on the Lower Danube in the early Middle Ages (according to archaeological data): trans. from-Bulg. *History in Bulgarian: crooked and falsified*. Sofia, 2002. p. 170–200. (In Russ)

13. Gmyrya LB. T*he land of the Huns at the Caspian Gates*. Makhachkala: Dagknigizdat, 1995. (In Russ)

14. Gmyrya LB. The descendants of the Huns in the steppes of South-Eastern Europe. *The history of the Tatars from the ancient times (in 7 volumes). Vol. I. Peoples of the steppe Eurasia in ancient time. S. Klyashtoryny (ed.)*. Kazan: Rukhiyat, 2002. (In Russ)

15. Gmyrya LB. The Great Walls of the East Caucasus. Anti-civilization aspect of their significance in the global historical process. *3rd International congress on ancient archeology of Eurasian steppes "Between the East and the West: the shift of cultures, technologies and empires". N.N. Kradin, A.G. Sitdikov (eds.)*. Vladivostok: Dalnauka, 2017.

aus Iran und Turan. Hrsg. vom Deutschen Archäologischen Institut Eurasien-Abteilung, AuBenstelle. Teheran. Bd. 33. Berlin:Reimer, 2001. pp. 357–390.

11. *Вус О.В.* Ранневизантийский Limes в Северном Причерноморье: организация и структура инженерной обороны // Византийский временник. М., 2013. Т. 72(97). С. 227–246.

12. *Овчаров Д.* Болгары и румыны на Нижнем Дунае в Раннем Средневековье (по археологическим данным): пер. с болг. // История на българите: изкривявания и фалшификации. София, 2002. С. 170–200.

13. *Гмыря Л.Б.* Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала. Даг. кн. изд-во. 1995. – 228 с.

14. *Гмыря Л.Б.* Наследники гуннов в степях юго-восточной Европы // История татар с древнейших времен (в семи томах). Том I. Народы степной Евразии в древности / Ред. С. Кляшторный. Казань: Изд-во «Рухият», 2002. –551 с.

15. *Гмыря Л.Б.* Великие стены Восточного Кавказа. Антицивилизационный аспект их значимости в мировом историческом процессе // III Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй». Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдиков. Владивосток: Дальнаука, 2017. – 320 с.

Статья поступила в редакцию 10.10.2021 г.

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174938-956

Кочкаров Умар Юсуфович
к.и.н., заведующий научным архивом
Институт археологии РАН, Москва, Россия
umar_k@mail.ru

Мамаев Рашид Хамидович
ассистент кафедры истории Древнего мира и Средних веков
Чеченский государственный университет, Грозный, Россия
borz85@list.ru

Нарожный Виталий Евгеньевич
к.и.н., свободный исследователь
vitanar21@yandex.ru

Нарожный Евгений Иванович
д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории
Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия
zai_ein@mail.ru

ПОГРЕБЕНИЕ № 121 КЕЛИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА XIII–XIV вв. (ГОРНАЯ ИНГУШЕТИЯ)

Аннотация: Основной целью предлагаемой статьи является публикация материалов захоронения № 121 Келийского могильника XIII–XIV вв. в высокогорной Ингушетии. Сведения о нем и его погребальном инвентаре, представляемые с частичной реконструкцией, определяют и основные задачи нашего исследования. Это, по возможности, максимально полное определение этнокультурных истоков рассматриваемых предметов, а также зон влияния и степени воздействия Золотой Орды на процесс и динамику формирования материальной культуры населения высокогорья Ингушетии и комплекс его вооружения в условиях мощного воздействия на них окружающих высокогорье территорий в ходе известных событий XIII–XIV вв. Содержание статьи позволит судить о специфике воинского снаряжения горского воина-лучника, вооруженного саблей с сохранившейся на ней рукоятью из рога оленя. Привлечение синхронных аналогий позволяет полагать, что обнаруженная сабля – результат ремесленной деятельности профессиональных кузнецов и косторезов, а также мастеров по обработке кож для деревянных ножен и охотников, добывавших необходимое сырье. Вопрос о локализации подобных ремесел в горах остается открытым, а наличие прямых аналогий публикуемым предметам из арсенала воина в захоронениях номадов Восточной Европы эпохи Золотой Орды не исключает возможности притока подобных изделий с золотоордынской равнины в высокогорье Восточного Придарьялья. Так, особую роль в подобном «посредничестве» приобретает, например, золотоордынский Татартуп, часть аланского населения округи которого еще в конце 1230-х годов укрылась в горах. Следы таких мигрантов, постепенно «растворившихся» в местной среде, хорошо документируются другими погребальными комплексами Келийского могильника.

Ключевые слова: высокогорье Ингушетии; Восточное Придарьялье; Золотая Орда; воинское снаряжение и вооружение; колчанные наборы; сложносоставной лук; сабли Келийского могильника; рукояти из рога оленя.

© Кочкаров У.Ю., Мамаев Р.Х., Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., 2021
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174937-956

Umar Yu. Kochkarov,
Cand. Sci. (History), Head of Scientific Archive
Institute of Archeology, RAS, Moscow, Russia
umar_k@mail.ru

Rashid Kh. Mamaev,
Assistant at Dep. of Ancient History and Middle Ages
Chechen State University, Grozny, Russia
borz85@list.ru

Vitaly E. Narozhny,
Cand. Sci. (History), Independent Researcher
vitanar21@yandex.ru

Evgeniy I. Narozhny,
Dr. Sci. (History), Prof. at Dep. of General History
Aliev Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia
zai_ein@mail.ru

BURIAL 121 OF THE KELI BURIAL GROUND OF THE 13TH – 14TH CENTURIES (MOUNTAINOUS INGUSHETIA)

Abstract. The paper introduces the materials of the Burial 121 of the Keli burial ground of the 13th-14th centuries of Mountainous Ingushetia. The information about the burial and its funerary goods with their partial reconstruction set the main task for our study. This include the most complete identification of the ethnocultural origins of the objects under consideration, as well as the zones of influence and the degree of influence of the Golden Horde on the process and dynamics of the formation of the material culture of the population of the highlands of Ingushetia and a range of its weapons under the powerful impact on them of the surrounding territories during the key events of the 13th-14th centuries. The content of the paper will make it possible to judge the specifics of the military equipment of the mountain warrior-archers, armed with a saber with a surviving deer-horn hilt. The use of synchronous analogies suggests that the discovered saber is the product of the craftsmanship of professional blacksmiths and bone carvers, as well as craftsmen for processing leather for wooden scabbards and hunters who obtained the necessary raw materials. The question of the localization of such crafts in the mountains remains unanswered, and the presence of direct analogies to the published items from the warrior's arsenal in the burials of the nomads of Eastern Europe during the Golden Horde era does not exclude the possibility of an influx of such items from the Golden Horde plain to the highlands of the Eastern Pridaryal territory. Thus, the Golden Horde Tatartup, a part of the Alanian population which took refuge in the mountains at the end of the 1230s, is of special attention regarding the role in such "mediation". Traces of these migrants, who gradually "dissolved" in the local environment, are well documented in other burial complexes of the Keli burial ground.

Keywords: Mountainous Ingushetia; Eastern Pridaryal; Golden Horde; military equipment; quiver set; composite bow; saber of Keli burial ground; deer-horn hilts.

© U.Yu. Kochkarov, R.Kh. Mamaev, V.E. Narozhny, E.I. Narozhny, 2021
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2021

Келийский могильник XIII–XIV вв. был случайно открыт в 1987 г. [1, с. 65] при трассировке подъездной автодороги, прокладываемой вдоль подножия Цей-Ламского скалистого хребта в высокогорной Ингушетии [1][1], выводившей к будущему недавно спроектированному тоннелю, прорезавшему подошву Главного Кавказского хребта, являвшегося частью планировавшейся тогда Кавказской перевальной железной дороги (КПЖД)[2]. Исследования, осуществленные на затронутом техникой участке могильного поля (по ширине створа автодороги), проводились двумя археологическими отрядами – отрядом сектора археологии и этнографии Чечено-Ингушского НИИ (под рук. д.и.н. М.Б. Мужухоева) и археологической лабораторией ЧИГУ им Л.Н. Толстого (в 1987 г. под рук. Е.И. Нарожного[3]; в 1988 г. под рук. д.и.н. В.Б. Виноградова и к.и.н. С.Н. Савенко) [4, с. 29–35; 5, с. 270–280]. В ходе проведения указанных охранно-спасательных археологических исследований 1987–1988 гг. на могильнике (без учета раскопок М.Б. Мужухоева, но включая разрушенные техникой погребения при трассировке дороги) было исследовано не менее 300 индивидуальных и коллективных каменных ящиков и грунтовых захоронений, а также 12 полуподземных склепов, вплотную примыкавших к границам трассировки автодороги [6, с. 49–79]. В изученных захоронениях были учтены костные останки почти 1 тыс. погребенных[4] [7, с. 358–359], а также одно т.н. «пещерное» («скальное») захоронение [8, с. 34–36]. К сожалению, из-за обилия сопровождающего основную часть раскопанных захоронений погребального инвентаря (их публикация требует значительного объема) в научный оборот ныне введены сведения об исследованиях всего пяти полуподземных склепов [6, с. 49–79], примерно двух десятков каменных ящиков и грунтовых захоронений [9, с. 50–54; 10, с. 68–91; 11, с. 182–196; 12, с. 169–176; 13, с. 291–304; 4, с. 173–183; 14, с. 104–117 и др.].

Материалы из раскопа М.Б. Мужухоева опубликованы частично. В основном, это предметы из разрушенной части могильника [15] и одного каменного ящика с захоронением воина, сопровождавшегося саблей и уникальным шлемом, целиком изготовленным из кольчужной сетки [16, с. 177–185]. Отдельные категории вещевого материала из погребений Келийского могильника использовались при анализе евразийских импортов и влияний на население высокогорной Ингушетии XIII–XIV вв. [17], некоторой части его вооружения [18],

1 *Нарожный Е.И.* Отчет об охранных археологических исследованиях Келийского могильника (Назрановский район ЧИАССР) в 1987 году – Грозный – 1989 – 280 с. // Архив ИА РАН. Текст - Р-1. №13181; альбомы иллюстраций - Р-1. №№13182-13184.

2 Проект, задуманный еще в XIX в., должен был соединить более короткой железной дорогой Северный Кавказ с Закавказьем, но так и не был реализован. Ж. Верн – известный французский романист и фантаст, узнавший о проекте, вероятно, из современных ему российских и европейских СМИ того времени, использовал эти сведения уже как практически реализованную идею. В одном из своих романов он описывает действия, разворачивавшиеся в вагоне пассажирского поезда, якобы, уже функционирующего по маршруту «Владикавказ - Тбилиси» [2, с.41-42; 3, с. 173, прим. 1].

3 *Нарожный Е.И.* Отчет об охранных археологических исследованиях Келийского могильника (Назрановский район ЧИАССР) в 1987 году – Грозный – 1989 – 280 с. // Архив ИА РАН. Текст - Р-1. №13181; альбомы иллюстраций - Р-1. №№13182-13184.

4 Значительная часть статистических подсчетов, особенно в склеповых усыпальницах, проводилась в то время студентом Пятигорского фарминститута, ныне к.и.н. В.А. Фоменко (КБИГИ, г. Нальчик).

а также при разносторонней характеристике населения высокогорной части Ингушетии и его материальной культуры этого же времени [19].

Основной целью данной публикации является ввод в научный оборот еще одного захоронения Келийского могильника – погребения № 121, в погребальном инвентаре которого представлены лук (рис. 1, I: *18*), остатки колчана с пятью черешковыми наконечниками стрел (рис. 1, I: *9–13; рис. 2: 9–13*), нож (рис. 1, I: *6*; рис. 2: *6*; рис. 3: *2*), сабля (рис. 1, I: *1*; рис. 2: *1*; рис. 3: *3*) с хорошо сохранившейся рукоятью из рога оленя, покрытого орнаментом (рис. 1, I: *1*; рис. 2: *1*; рис. 3: *3*).

Обычно от сабельных рукоятей сохраняются лишь металлические детали ее крепления с черенком [20, рис. 1; 11, с. 182–196; 13, с. 291–304 и др.] и небольшие фрагменты её органического покрытия (кожи, костяных, роговых или деревянных накладок на рукояти и пр.) [10, с. 68–91; 21, с. 74–84; 22, с. 383–385 и др.]. В одном из позднекочевнических захоронений, как и на некоторых образцах эпохи Раннего Средневековья, известен экземпляр с остатками кожи морского ската на рукояти [23, с. 130–133].

Роговая рукоять на артефакте из погребения № 121 дает основания для расширения наших представлений об изначальном облике известных находок этой категории длинноклинкового оружия. Однако встает вопрос о специализации ремесленников, участвовавших в изготовлении этой сабли и ей подобных образцов. В этой ситуации интересна локализация мест такого ремесленного производства – в горах региона или же на золотоордынской равнине, правители которой, как традиционно считается, так и не смогли установить свой политико-экономический диктат над горными территориями региона.

Публикуемое захоронение, согласно принятому в работах исследователей (В.И. Долбежев, Л.П. Семенов, Е.И. Крупнов, В.И. Марковин, В.Б. Виноградов, М.Б. Мужухоев, С.Ц. Умаров, Х.М. Мамаев, Р.А. Даутова, Д.Ю. Чахкиев) соответсвует типологическому определению таких погребальных конструкций этой территории как каменный ящик[5] (рис. 1, I–III), устроенный из слабо и грубо подработанных сланцевых и песчаниковых плит, поставленных на ребро[6], нижняя часть которых неглубоко впущена в материк. Кроме них, как и в других случаях, в «конструкции» были использованы и фрагменты валунов, мелкого булыжника без связующего раствора. Большая часть этих камней – осколки

5 В специальной литературе такие погребальные сооружения не только Северного Кавказа, но и Крыма нередко называют не каменными ящиками, а «плиточными захоронениями», что приводит к некоторой путанице. Но, как уже указывалось ранее [24, с. 120, прим. 1], подобная атрибуция таких погребальных конструкций не совсем приемлема. К тому же, термины «плиточные могилы», «плиточные захоронения» давно используются в археологии, но применительно к иным погребальным «конструкциям», например, для обозначения определенного типа мегалитических построек Центральной Азии с эпохи мезолита и позднее (См.: *Алкин С.В., Цыбиктаров А.Д., Комиссаров С.А.* Плиточные могилы // Большая Российская энциклопедия. М. 2004 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. https // bigenc.ru/archeology/text/3145678. (дата обращения: 26.07.2021 г.).

6 *Нарожный Е.И.* Отчет об охранных археологических исследованиях Келийского могильника (Назрановский район ЧИАССР) в 1987 году – Грозный – 1989 – 280 с. // Архив ИА РАН. Текст. Р-1. №13181; альбомы иллюстраций. Р-1. №№13182-13184. рис. 380, 1-3.

крупных валунов, свалившихся с горы Цей-Лам[7], у подошвы которой и был устроен могильник. Сверху ящик был перекрыт такими же песчаниковыми плитами без следов специальной и дополнительной обработки, положенными плашмя поперек каменного ящика без какого-либо связующего раствора[8]. Длинной осью ящик вытянут с запада на восток (рис. 1, I–II). Длина каменного ящика – 220 см, ширина в средней части – 56 см, глубина –28 см.

Внутри ящика находился скелет взрослого мужчины длиной 170 см, лежащего вытянуто на спине головой на запад (рис. 1, II). Скелет неполной сохранности: череп, завалившийся на нижнюю челюсть, лицевой частью ориентирован на восток; грудная клетка практически не сохранилась. Тазовые кости хорошей сохранности *in situ*. Верхние конечности вытянуты вдоль туловища. Нижние – протянуты; фаланги пальцев рук под скелетом, фаланги нижних конечностей сдвинуты к восточной части каменного ящика. Вместе с погребённым отмечен сопровождавший его погребальный инвентарь.

1. Железная сабля с роговой орнаментированной резным декором рукоятью (рис. 1, I: *1*; рис. 2: *1*). Перекрестие небольшое, овальное в сечении, прорезное, оканчивающееся короткими невыраженными концами, слегка наклоненными к клинку. Ниже перекрестия, поперек клинка, находилась железная накладка устья ножен (рис. 1, I: *2*; рис. 2: *2*; рис. 3: *3)*. Средняя обойма гарнитуры ножен (с вогнутыми длинными сторонами) (рис. 1, I: *3*; рис. 2: *3*; рис. 3: *3)* располагалась примерно на середине длины клинка сабли. На окончании лезвия сабли находилась нижняя (также железная) обойма ножен сабли (рис. 1, I: *4*; рис. 2: *4*; рис. *3*).

Сабля располагалась между правой рукой и южной стенкой ящика, рукоятью выше правого плеча, лезвием к стенке ящика. По известной классификации А.В. Евглевского, опирающегося на массовый материал из позднекочевнических захоронений, такое положение сабли в захоронении обозначено им как тип укладки сабель в позиции «рукоятью в зоне головы» погребенного [25, рис. 1, 7–9].

Общая (сохранившаяся) длина сабли – 99 см. Учитывая, что кончик острия несколько обломан, полная длина не превышала 102 см. Длина клинка (сохранившаяся) – 87 см. Длина рукояти – 12 см. Ширина клинка – 3,1 см. Сохранившаяся длина острия – 30 см. Ширина перекрестия (с концами) – 8 см. На конце рукояти из рога – железный «колпачок» (рис. 2: *1*; рис. 3: 3), плотно закрывавший верхнюю плоскость роговой насадки рукояти. Он фиксировался при помощи длинного и проходящего насквозь (через «колпачок» и роговую насадку рукояти) стержня. Рукоять из рога, утолщающаяся к перекрестью,

7 Такие же крупные валуны, «вросшие» в грунт, хорошо видны на прилегающей к могильнику территории. Сам могильник, по всей видимости, был выбран между скоплениями таких камней или же предварительно расчищен от них. В нескольких случаях, вероятно, когда убрать такие камни со склона не представлялось возможным, под некоторыми камнями были устроены погребальные камеры нескольких полуподземных склепов Келийского могильника [6, с. 49–50].

8 *Нарожный Е.И.* Отчет об охранных археологических исследованиях Келийского могильника (Назрановский район ЧИАССР) в 1987 году Грозный, 1989. - 280 с. // Архив ИА РАН. Текст. Р-1. №13181; альбомы иллюстраций. Р-1. №№13182-13184. рис. 379, 1; рис. 381.

декорирована врезанным сетчатым и циркульным орнаментом (рис. 2: *1*), на момент фиксации сильно растрескалась (закреплена в полевых условиях). Перекрестье (рис. 2: *1*) перпендикулярно лезвию с овально-округлыми утолщениями на его концах, неподвижно насажено на специально предусмотренные «плечики» клинка. Нижняя часть рога рукояти (также с предварительно опиленным нижним краем) плотно вставлялась в верхнюю часть перекрестья, неподвижно «запирая» его.

2. Под саблей и костями погребенного (на дне ящика) были отмечены следы сильно истлевшего деревянного лука (рис. 1, I: *18*); несмотря на попытки его закрепить и снять с грунта, из-за полностью истлевшего дерева сделать это не удалось. Однако по его остаткам *in situ* четко фиксировалась кибить, выпукло-овальной стороной направленная к северу. Плечи плоскоовальной (?) формы в сечении находились чуть ниже рогов лука, которые, насколько можно было судить по их остаткам, нижним краем соприкасались с плечами лука. Затем их линзовидная форма переходила в подквадратную (?), с отчетливо скругленным окончанием. Ниже верхней оконечности рогов прослеживались части окончания рогов, примерно через 2 см были видны округлые вырезы для крепления тетивы. Остатков роговых пластин-накладок на лук отмечено не было. Вероятно, лук длиной не менее 116 см; С-видно отогнутый, как и кибить, своими концами он был направлен к северу. В захоронение он был положен в «свободном», т.е. со снятой тетивой, положении, отчего его концы и были отогнуты в ту же сторону, что и кибить. К сожалению, какой-либо дополнительной информации из-за плохой сохранности больше получить не представлялось возможным. Зафиксированные остатки лука позволяют рассматривать его как сложносоставной, аналогии которому были известны по ранее уже опубликованным образцам из высокогорной Чечни и Ингушетии [26, с. 37–44], включая и соответствующие материалы гораздо лучшей сохранности из горноингушского склепового могильника «Мохде» у средневекового сел. Шуан [20, с. 375, рис. 1, *3*].

3. Ниже (ближе к стопам) конца острия сабли (рис. 1, I: *8*;) отмечена бронзовая пряжка с остатками крепления обломанного железного «язычка» (рис. 2: *8*). Ее относительно массивный корпус подпрямоугольной формы (подпрямоугольный в сечении) со скругленными углами. Пряжка литая, размером 3,1×2,8×0,3 см. Железный «язычок» не сохранился, осталась его часть в виде петли, охватывающей корпус пряжки. Любопытно, что на одной (внутренней) стороне корпуса пряжки под углом 90° к остаткам «язычка» (рис. 2: *8*) заметен слабовыпуклый выступ. Обычно такие же выступы предназначались для более надежной фиксации петли ремня, «садившейся» на него специально просверленным в ремне отверстием. При таком расположении предполагаемого ремня и перпендикулярно расположенного к нему «язычка» пряжка, скорее всего, могла являться деталью от несохранившегося кожаного (?) налучья.

4. Слева (севернее) от сабли (рис. 1 I: 6) в погребении находился железный нож подтреугольной формы в сечении (рис. 3: 2). У окончания черешка ножа

отмечен железный «колпачок» уплощенно-овальной формы (3×2,4×1,3 см), как и на рукояти сабли – от верхней части несохранившейся рукояти ножа (рис. 2: *7*). Поперек ее узкой части, выходя за края «колпачка», находился железный «штырек» с округло-расплющенными концами, скреплявший «колпачок» и несохранившуюся (органическую) рукоять ножа. Чуть ниже места перехода клинка ножа в черешок находилась железная обойма несохранившихся ножен (рис. 2: *16*; рис. 3: *2*).

Насколько можно судить по отпечаткам рукояти на верхней части клинка ножа и остаткам заполнения (тлена) внутри «колпачка», несохранившаяся рукоять могла быть изготовлена из рога (и похожа на сабельную), иметь разные диаметры в своей верхней и нижней частях. Рукоять, вероятно, была цельная – из спила от ветки рога, а не из пластин (о чем свидетельствует отсутствие заклепок на черенке). По известным аналогиям, например, из погребений могильника поселения «Железнодорожное-2»[9], рукоять, скорее всего, была изготовлена именно из изогнутой части рога, как и на сабле (рис. 3).

5. Каменный оселок со сквозным отверстием в верхней части находился (рис. 1. I: *17*) у левого крыла таза погребенного (рис. 1. I: *17*), между ним и северной стенкой каменного ящика. Предмет – овально-округлой формы, высотой 13 см, шириной 4–6 см, сквозное отверстие сверлилось с двух сторон, «навстречу»; диаметр отверстия 0,3 см. Изготовлен из сланца черного цвета со следами активного использования. Однако из-за слоистой структуры камня предмет распался.

Подобные изделия – достаточно частая находка в мужских захоронениях Келийского могильника. Оселки предназначались для заточки ножей, наконечников стрел и копий, сабель и т.п.

6. Под средней частью тазовых костей («на спине») погребенного прослежены остатки берестяного колчана (рис. 1, I: *16*) – две параллельные полоски дерева. Длина их тлена – по 60 см, расстояние между ними – 20 см в верхней, сохранившейся части и 27 см внизу, т.е. колчан изначально имел небольшое расширение книзу. Поверх древесного тлена и между деревянными полосками – мелкие фрагменты бересты.

В верхней части тлена находились два железных предмета – железные пластины размерами 2,7×17×0,13 см, через центр которых, перпендикулярно им, располагались округлые петли (рис. 2, I: *14–15*; рис. 2: 14–15). Такие предметы, как и в публикуемом случае, в количестве от 1 до 4 экз. хорошо известны по другим погребениям Келийского могильника [10, с. 90, рис. 17, колчан; 27, с. 59, рис. 22, *3*]. Несмотря на плохую сохранность истлевшего колчана в погребении № 121, его остатки позволяют уверенно сопоставлять его с берестяными колчанами точно такой же «конструкции» из погребения № 15 раскопа 2 Келийского могильника [13, с. 59, рис. 26, *3*], а также и с колчанами, распространенными, например, у степных кочевников золотоордынского времени не

9 Пользуясь случаем, выражаем признательность И.Б. Тищенко, указавшего нам на эти, пока еще неопубликованные, находки из его раскопок.

только Северного Кавказа (погребения № 2 кургана 1 курганной группы 4 Калиновского курганного могильника в Наурском районе Чечни [26, с. 59, рис. 26, *2*]), но и далеко за его пределами [28, рис. 18].

В самой нижней части остатков отмеченного выше берестяного колчана находилось пять железных черешковых наконечников стрел (рис. 1, I: *9–13*; рис. 2: 9–13), острием упиравшихся в дно колчана. Этот способ их расположения хорошо известен: в таких случаях в верхней части колчана заметны фрагменты т.н. пяточных частей древка стрел из дерева со следами некогда существовавшего оперения. Специалисты полагают, что таким образом предохранялось от возможных повреждений оперение стрелы; другие считают, что наряду с оперением верхняя часть стрел могла окрашиваться в разные цвета, в зависимости от функционального предназначения железного наконечника стрелы – так лучник мог оперативно вынимать необходимую стрелу (т.н. бронебойную, зажигательную и пр.).

Все пять наконечников разнотипные. Первый из них (рис. 2: *9*) имеет аналогии среди находок из одного каменного ящика Паметского могильника в Джейраховском районе Ингушетии [29, с. 26, рис. 2, *10–16*]. Основная масса этих захоронений Паметского некрополя, как известно, датируется Ранним Средневековьем [30]. Однако вышеуказанный каменный ящик, откуда происходит интересующая нас аналогия публикуемому наконечнику стрелы, наряду с еще тремя другими каменными ящиками, датирован «серединой XIV в.» [29, с. 19].

Второй (рис. 2: *10*) имеет синхронные аналогии, в т.ч. и несколько более крупных размеров, например, из уже опубликованных материалов Келийского могильника [10, с. 85, рис. 11, *4, 6, 17–18*, с. 91, рис. 16, *3* и др.], а также из «храма-святилища Ткамыж-Ерда» в Ингушетии [31, с. рис. 1, *14*]. Близкие по типу наконечники стрел есть и в подкурганных кабардинских захоронениях (кург. 9) Бамутского могильника в Чечне [32, с. 225, рис. 8, *3*].

Оставшиеся экземпляры (рис. 2: *11–12*) также известны среди однотипных наконечников стрел не только в материалах Келийского могильника [10, с. 76, рис. 2, *26*], но и в позднекочевнических захоронениях Северного Кавказа золотоордынского времени [26, с. 52, рис. 22, *18–19*].

Публикуемые образцы вполне вписываются в существующую систему представлений о типологическом разнообразии данной категории метательного вооружения, ранее достаточно подробно представленного в специальных исследованиях наших предшественников [25, с. 37–66].

7. Мелкая бронзовая пуговица шаровидной формы с проволочным кольцом (рис. 1. I: *5; рис. 2: 5*) находилась ниже нижней челюсти, посередине верхней части грудной клетки погребенного. Пуговица – в виде округлого, полого внутри, «шара», горизонтально спаянного из двух полусфер (место их скрепления между собой отмечено горизонтальным швом со следами тщательной полировки). Изнутри верхней части предмета выходит тонкая проволочная петля, конец которой вновь «утоплен» внутрь «шара». Диаметр «шара» – 0,7×0,6 см.

На фоне вышеперечисленных предметов погребального инвентаря необходимо вновь вернуться к сабле с роговой рукоятью. Специалисты по средневековому косторезному ремеслу неоднократно приводили археологические находки близких заготовок под рукояти, убедительно свидетельствующие о том, что такие рукояти изготавливались из рога оленя [33, с. 49–66; 34]. А.А. Душенко, к примеру, указывает на конкретные части веток рога, с которого делались необходимые спилы (рис. 3: 1) [34, рис. 14]. Хорошо изучена и технология обработки подобных изделий [33, с. 49–66]. В целом же, если следовать наблюдениям специалистов в этой области, знания косторезов позволяли им прекрасно отличать друга от друга свойства используемых материалов, определять, какими соображениями руководствоваться при выборе того или иного сырья для создания задуманного предмета. Несомненно, средневековые ремесленники, обрабатывая кости и рога, хорошо владели информацией, допускавшей минимум возможного брака при производстве и необходимое качество готового продукта. «Очевидно, – как считает А.А. Душенко, – такие знания не были результатом какой-то теоретической подготовки, а обеспечивались передачей опыта от мастера к подмастерью и личными наблюдениями. В результате мастер приобретал своеобразное «чувство» материала, что позволяло делать правильный выбор сырья для изготовления намеченного продукта» [34, с. 60–61]. Выбор для рукояти публикуемой сабли рога оленя вряд ли случаен, поскольку такой плотный рог в сравнении с костью обладает большей гибкостью и эластичностью [34, с. 62] при обработке. Структура плотного рога включает костную оболочку, заполненную губчатой структурой, хотя он, как считается, обладает и большей прочностью в продольной оси и меньшей – в поперечной. А для производства изделий были наиболее пригодны ветви рога оленя и их заостряющиеся концы [34, с. 62].

Подобные характеристики опыта и профессиональных навыков средневековых косторезов, в т.ч. и тех из них, кто был причастен к производству образцов, аналогичных публикуемой сабле, может стать своеобразной калькой системы организации таких ремесел в горной Ингушетии. Судя по данной находке, вероятно и то, что косторезы работали не в одиночку: кому-то надо было добывать сырье – рога оленей и других животных. Необходимо было использовать и профессиональные навыки мастеров, изготавливавших из специальных пород дерева деревянные ножны, которые в свою очередь, благодаря уже мастерам, обладавших навыками выделки кож, обтягивались кожей. Таким образом, можно предполагать, что в изготовлении подобных сабель могла принимать участие небольшая группа мастеров-ремесленников различного профиля. Тогда появляются веские основания и для возможных реконструкций системы профессиональной организации горских ремесленников. Однако ныне известны близкие рукояти ножей и даже ножны из кости с сетчато-циркульным орнаментом, например, из погребений кочевнического могильника поселения «Железнодорожное-1» в Крымском районе

Краснодарского края[10]. Существование таких материалов можно рассматривать и как свидетельство возможного происхождения указанных предметов холодного оружия из ремесленных мастерских равнинной Золотой Орды. В принципе реальность такой постановки вопроса вполне может объяснить существующие точки зрения, связывающие ныне известные образцы сабель с территории горной Ингушетии [22, с. 383–385], Чечни [21, с. 74–84] с явным ремесленно-технологическим влиянием традиций, шедших со стороны Византии [35, s. 133–150; 36, s. 79–103; 22, с. 383–385]. А наравне с ними и с влиянием со стороны ремесленников из среды северокавказских аланов [20, с. 373–382; 11, с. 182–196; 37, с. 51–63 и др.], а также и оружейников из соседней Грузии [35, s. 133–150; 36, s. 79–103; 37, с. 51–63]. Выявление и установление степени золотоордынских «заимствований» и очевидных влияний в комплексе вооружения горцев Северо-Восточного Кавказа – свидетельство не только в пользу восприятия таких предметов как «военных трофеев» горцев. Наряду с артефактами явно военно-трофейного происхождения, важную роль играла и другая система распространения в высокогорье Ингушетии различных предметов материальной культуры золотоордынского происхождения. Главная роль в их распространении среди горцев, вероятно, отводилась, например, близкому соседству с высокогорьем Ингушетией золотоордынского города Татартупа (Дедякова). Основную массу его жителей, впрочем, как и жителей его обширной округи, в XIII–XIV вв. продолжали составлять аланы. Их сородичи, как признают многие современные специалисты, составляли заметную долю средневекового населения высокогорья Ингушетии, что наглядно демонстрируют археологические материалы Келийского могильника. Это обстоятельство играло определяющую роль в сохранении прямых или опосредованных взаимоотношений между аланами золотоордынских предгорий и аланами, оказавшимися в горной Ингушетии. В результате таких связей и отношений в горах и распространялись разнообразные артефакты, включая предметы вооружения не только золотоордынского, но и аланского происхождения.

Благодарность. Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 20-59-07002 МОН РЮО_а «История развития военного дела народов Кавказа в эпоху средневековья (VIII–XIV вв.): комплексное исследование предметов вооружения».

Acknowledgment. The work was supported by the RFFR Grant № 20-59-07002 МОН РЮО_а «The history of the development of military affairs of the peoples of the Caucasus in the Middle Ages (VIII-XIV centuries): a comprehensive study of weapons».

10 Пользуясь случаем, выражаем искреннюю признательность И.Б. Тищенко, любезно указавшего аналогии нашим материалам из его раскопок. См. *Тищенко И.Б.* Отчет об итогах проведения охранно-спасательных археологических работ на участке строительства станции разъезда «9-й км» Северо-Кавказской железной дороги, расположенном в границах территории выявленного объекта археологического наследия «Грунтовый могильник поселения Железнодорожное-2» в Крымском районе Краснодарского края в 2012 г. – Т. – Краснодар: «Наследие Кубани», 2013 – 240 с. //Архив НАО «Наследие Кубани»: Научные отчеты (без номера).

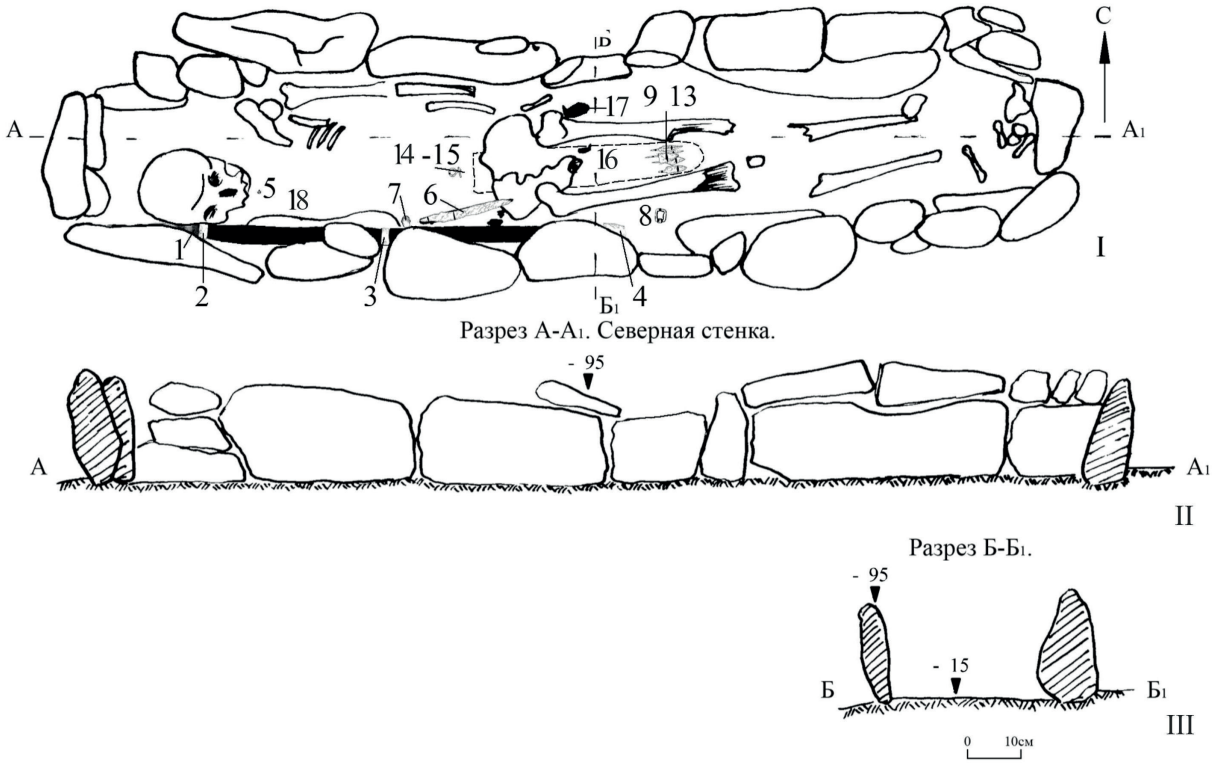

Рис.1. План погребения № 121 Келийского могильника
I – план;
II – южная стенка;
III – разрез погребения.
1 - сабля; 2-3 – крепления ножен сабли; 4 – наконечник ножен сабли; 5 – бронзовая пуговица
6 – нож; 7 – железный «колпачок» рукояти ножа; 8 – бронзовая пряжка;
9-13 – железные наконечники стрел; 14-15-железное крепление колчана;
16 – остатки берестяного колчана; 17 – остатки оселка из сланца; 18 – остатки лука

Figure captions
Fig. 1. The plan of the Keli burial 121
I – plan; II – south wall; III – sections of the burial
1 – saber; 2-3 – straps of a saber scabbard; 4 – tip of a saber scabbard; 5 – bronze button
6 – knife; 7 – iron “cap” of a knife handle; 8 – bronze buckle; 9-13 – iron arrowheads;
14-15 – iron quiver attachment; 16 – remains of a birch bark quiver; 17 – remains of a shale whetstone;
18 – remains of a bow

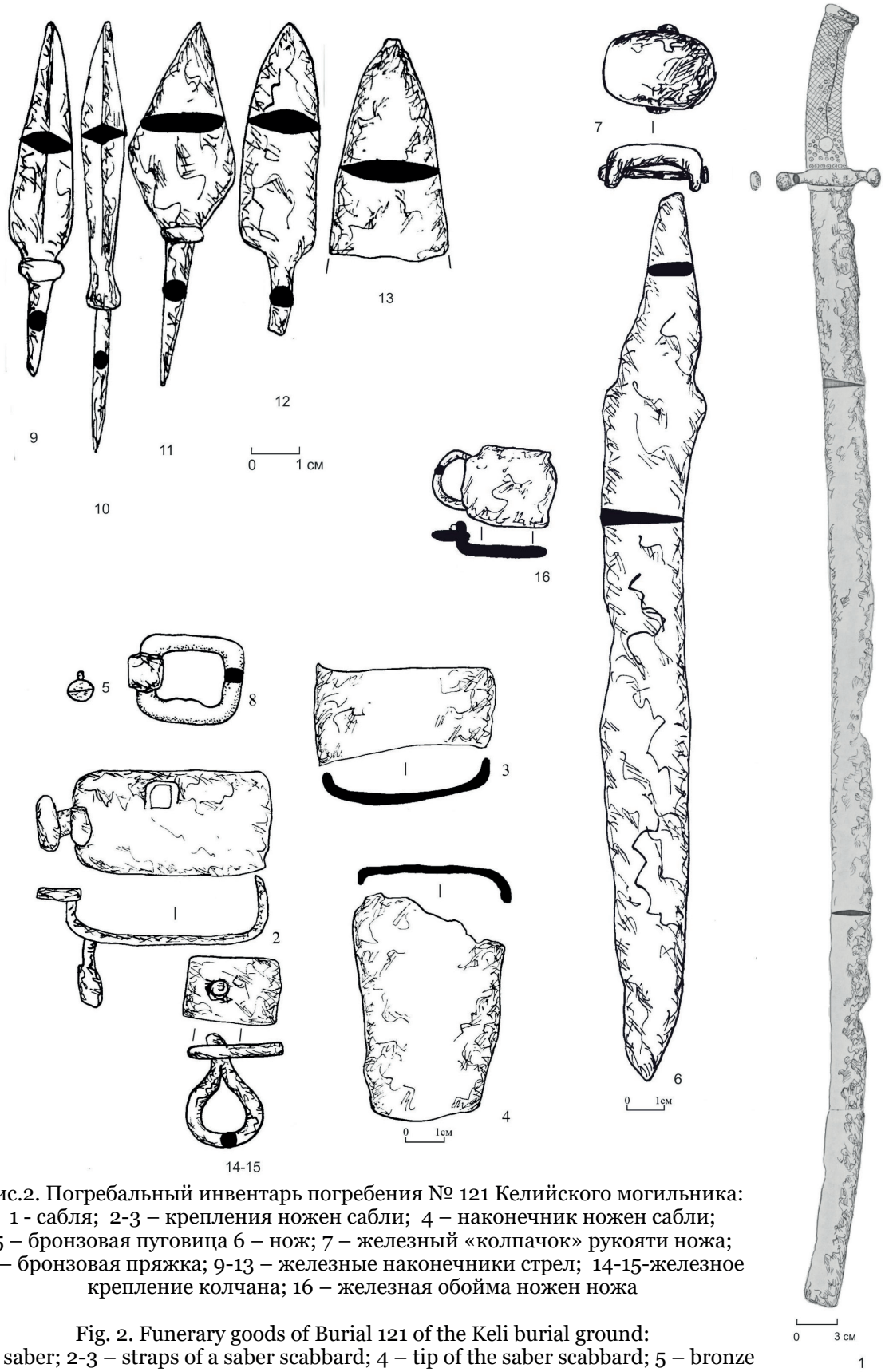

Рис.2. Погребальный инвентарь погребения № 121 Келийского могильника:
1 - сабля; 2-3 – крепления ножен сабли; 4 – наконечник ножен сабли;
5 – бронзовая пуговица 6 – нож; 7 – железный «колпачок» рукояти ножа;
8 – бронзовая пряжка; 9-13 – железные наконечники стрел; 14-15-железное
крепление колчана; 16 – железная обойма ножен ножа

Fig. 2. Funerary goods of Burial 121 of the Keli burial ground:
1 – saber; 2-3 – straps of a saber scabbard; 4 – tip of the saber scabbard; 5 – bronze button 6 – knife; 7 – iron “cap” of a knife handle; 8 – bronze buckle; 9-13 – iron arrowheads; 14-15 – iron quiver attachment; 15 – remains of a birch bark quiver; 16 – iron clip of the knife sheath

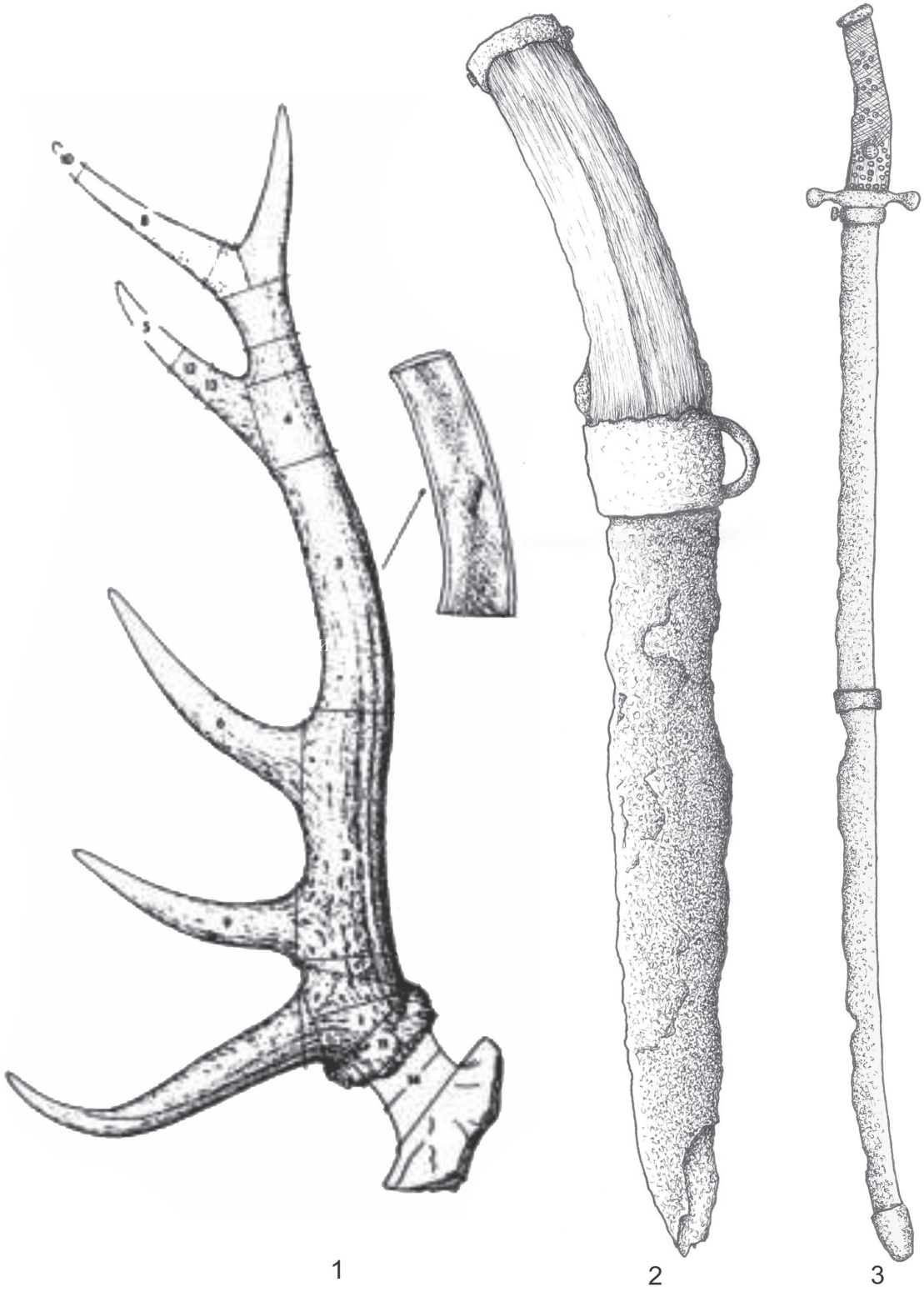

Рис.3. Реконструкция ножа и сабли и ветка рога оленя, используемого для изготовления рукоятей. 1 - ветвь рога оленя и его часть, шедшая на изготовление роговых рукоятей как на сабле из погребения №121, так и на ноже (по: Душенко, 2016, рис.14); 2 - реконструкция ножа с роговой рукоятью; 3 - реконструкция сабли и деталей крепления ножен

Fig. 3. Reconstruction of the knife and the saber and a branch of an antler used for making handles. 1 – a branch of an antler and its part, used for making horn handles on both the saber from Burial 121 and the knife (according to Dushenko, 2016, Fig.14); 2 – reconstruction of the knife with a horn handle; 3 – reconstruction of the saber and the

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Нарожный Е.И.* Келийский могильник XIII–XIV вв. – выдающийся памятник вайнахской средневековой культуры // Охрана природы и исторических памятников Ингушетии в связи со строительством КПЖД и организацией комплексного заповедника: Тезисы докладов – Грозный – 1989.

2. *Голованова С.А., Нарожный Е.И.* Жюль Верн о Кавказе // Проблемы всеобщей истории. Материалы научно-практической преподавательско-студенческой конференции Вып. 1. Армавир, 1995. – С. 41–42.

3. *Нарожный Е.И., Нарожный В.Е.* Погребение № 67 Келийского могильника (горная Ингушетия) // Поволжская археология. Казань, 2015. №2. С. 173–183.

4. *Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Из истории археологического изучения Чечено-Ингушетии (1986-1991 гг.)* // Культурная жизнь Юга России. Краснодар. № 3 (41). 2011. С. 29–35.

5. *Нарожный Е.И., Мамаев Р.Х.* Хоздоговорная археологическая лаборатория ЧИГУ им. Л.Н. Толстого (1986–1992 гг.) // Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет». Грозный, Махачкала, 2018. С. 270–280.

6. *Нарожный Е.И., Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А.* Полуподземные склепы Келийского могильника (по материалам охранных археологических исследований 1987 года в горной Ингушетии) // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990. С. 49–79.

7. *Нарожный В.Е.* Келийские склепы горной Ингушетии: некоторые аспекты изучения (по материалам раскопок 1987–1988 гг.) // МИА Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир, 2004. С. 358–359.

8. *Нарожный Е.И.* «Пещеры» Бамутского и Келийского могильников. Чечня и Ингушетия // Из практики кавказоведческих изысканий. Опыт вузовской лаборатории (1986–1996 гг.). Армавир, 1996. С. 34–36.

9. *Нарожный Е.И.* Два погребения с древнерусскими предметами мелкой христианской пластики с территории Келийского

REFERENCES

1. Narozhny EI. Keli burial ground of the XIII-XIV centuries – an outstanding monument of medieval Vainakh culture. *Preservation of nature and historical monuments of Ingushetia in connection with the construction of KPZHD and the organization of the complex reserve: abstracts of reports* [*Kelijskij mogil'nik XIII-XIV vv. – vydayushchijsya pamyatnik vajnahskoj srednevekovoj kul'tury. Ohrana prirody i istoricheskih pamyatnikov Ingushetii v svyazi so stroitel'stvom KPZhD i organizaciej kompleksnogo zapovednika: Tezisy dokladov*]. Grozny, 1989.

2. Golovanova SA, Narozhny EI. Jules Verne about the Caucasus. *Problems of universal history. Materials of scientific-practical faculty-student conference* [*Zhyul' Vern o Kavkaze. Problemy vseobshchej istorii. Materialy nauchno-prakticheskoj prepodavatel'sko-studencheskoj konferencii*]. 1; Armavir, 1995. p. 41–42.

3. Narozhny EI, Narozhny VE. Burial No. 67 of the Keli burial ground (mountainous Ingushetia) [*Pogrebenie № 67 Kelijskogo mogil'nika (gornaya Ingushetiya). Povolzhskaya arheologiya*]. *Volga archaeology*. Kazan. 2015, 2: 173–183.

4. Narozhny VE, Narozhny EI. From the history of archaeological studies of the Chechen-Ingush Republic (1986-1991). *The Cultural life of the South of Russia* [*Iz istorii arheologicheskogo izucheniya Checheno-Ingushetii (1986-1991 gg.). Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*]. Krasnodar. 2011, 3(41): 29–35.

5. Narozhny EI, Mamaev RKh. Contractual archaeological laboratory of CHESU named. L.N. Tolstoy (1986-1992). *The world of the Caucasus: problems of education, language, literature, history and religion. Materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the Chechen State University. Grozny* [*Hozdogovornaya arheologicheskaya laboratoriya ChIGU im. L.N. Tolstogo (1986-1992 gg.). Kavkazskij mir: problemy obrazovaniya, yazyka, literatury, istorii i religii. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu FGBOU VO «Chechenskij gosudarstvennyj universitet»*]. Makhachkala, 2018. p. 270–280.

могильника // Археология на новостройках Северного Кавказа. Грозный, 1991. С. 50–54.

10. *Виноградов В.Б., Нарожный Е.И.* Погребения Келийского могильника // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1994. С. 68–91.

11. *Нарожный В.Е., Нарожный Е.И.* Захоронение № 84 Келийского могильника (Высокогорная Ингушетия) // Вестник Археологического центра им. Е.И. Крупнова. Вып. 4. Назрань, 2012. С. 182–196.

12. *Нарожный В.Е., Нарожный Е.И.* Случайные находки из разрушенной части Келийского могильника // Вестник Археологического центра. Вып. V. Назрань, 2015. С. 169–176.

13. *Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю.* Погребение №15 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // МИА Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005. С. 291–304.

14. *Савенко С.Н.* Погребение XIII–XIV вв. с железным крестом в горной Ингушетии: вопросы интерпретации // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь, 2017. С. 104–117.

15. *Мужухоев М.Б.* Предметы традиционной материальной культуры из средневековой Кийского (Келийского) могильника в Горной Ингушетии // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1989. С. 6–15.

16. *Мужухоев М.Б., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю.* Воинское погребение №33 Келийского могильника (горная Ингушетия) // *Археология евразийских степей.* №5: Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии. Казань, 2017. С. 177–185.

17. *Нарожный Е.И.* Восточные и западные инновации золотоордынской эпохи у населения Верхнего и Среднего Притеречья (Археолого-историческое исследование). Автореф дисс. канд. ист. наук. 07.00.06 – Археология. Воронеж, 1998. - 24 с.

18. *Сальников А.В.* Эволюция вооружения северокавказского воина XIII-XV веков под влиянием центральноазиатского и европейского военного дела Автореф. дисс. канд. ист. наук. 07.00.02 – Отечественная история. 07.00.06 – Археология – Ставрополь – 2008 – 24 с.

6. Narozhny EI, Mamaev KhM, Chakhkiev DYu, Dautova RA. Semi-subterranean crypts of the Keli's burial ground (on materials of the security archaeological research in 1987 in mountain Ingushetia). *Archaeological discoveries in the new construction sites of Chechen-Ingushetia* [*Polupodzemnye sklepy Kelijskogo mogil'nika (po materialam ohrannyh arheologicheskih issledovanij 1987 goda v gornoj Ingushetii). Arheologicheskie otkrytiya na novostrojkah Checheno-Ingushetii*]. Grozny: 1990. p. 49–79.

7. Narozhny VE. Keli crypts of mountainous Ingushetia: some aspects of the study (according to the materials of excavations of 1987-1988) [*Kelijskie sklepy gornoj Ingushetii: nekotorye aspekty izucheniya (po materialam raskopok 1987-1988 gg.). MIA Severnogo Kavkaza*]. *Materials and researches of archaeology of the North Caucasus*. Armavir. 2004, 4: 358–359.

8. Narozhny EI. "Caves" of the Bamut and Keliyisky burial grounds. Chechnya and Ingushetia. *From the practice of Caucasian studies. Experience University laboratory (1986-1996 years)* [«*Peshchery» Bamutskogo i Kelijskogo mogil'nikov. Chechnya i Ingushetiya. Iz praktiki kavkazovedcheskih izyskanij. Opyt vuzovskoj laboratorii (1986-1996 gg.)*]. Armavir, 1996. p. 34–36.

9. Narozhny EI. Two burials with Ancient Russian's items of small Christian plastics from the territory of the Keli burial ground. *Archaeology on the construction sites of the North Caucasus* [*Dva pogrebeniya s drevnerusskimi predmetami melkoj hristianskoj plastiki s territorii Kelijskogo mogil'nika. Arheologiya na novostrojkah Severnogo Kavkaza*]. Grozny, 1991. p. 50–54.

10. Vinogradov VB, Narozhny EI. Burials of the Keli burial ground. *Archaeological and ethnographic studies of the North Caucasus* [*Pogrebeniya Kelijskogo mogil'nika. Arheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya Severnogo Kavkaza*]. Krasnodar, 1994. p. 68–91.

11. Narozhny VE, Narozhny EI. Burial No. 84 of the Keli burial ground (Mountain Ingushetia) [*Zahoronenie № 84 Kelijskogo mogil'nika (Vysokogornaya Ingushetiya). Vestnik Arheologicheskogo centra im. E.I. Krupnova*]. *Bulletin of the Krupnov Archaeological Center*. Nazran. 2012, 4: 182–196.

12. Narozhny VE, Narozhny E.I. Random finds from the destroyed part of the Keli burial

19. *Нарожный В.Е.* Население Горно-Ассинской котловины в XIII–XV веках. Автореф. дисс. …канд. ист. наук. Владикавказ, 2014. - 27 с.

20. *Нарожный В.Е., Нарожный Е.И.* Горная зона Восточного Придарьялья и золотоордынские владения (К изучению динамики взаимоотношений) // Донские древности. Вып. 10: Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV международной конференции, посвященной памяти проф. МГУ Г.А. Федорова-Давыдова (30 сентября–3 октября 2008 г.). Азов, 2009. С. 373–382.

21. *Мамаев Р.Х.* Средневековые сабли из Майртупа // Вестник Академии наук Чеченской Республики. №3 (20). Грозный, 2013. С. 74–84.

22. *Мамаев Р.Х., Кочкаров У.Ю.* О саблях Келийского могильника (Горная Ингушетия) // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 2020. С. 383–385.

23. *Голубев Л.Э., Сазонов А.А.* Погребение воина-кочевника из Прикубанья // Российская археология. 2008. №4. С. 130–133.

24. *Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В.* Горькобалковский могильник №2 VIII–IX вв. (публикация материалов) // МИА Северного Кавказа. Вып. 1. Армавир: АГПИ, 2003. С. 116–151.

25. *Евглевский А.В.* Семиотические аспекты функционирования сабли в погребальном обряде (по материалам кочевников Восточной Европы второй пол. IX–XIV вв.) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2002. С. 291–336.

26. *Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю.* Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С. 37–66.

27. *Нарожный Е.И.* Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимовоздействия эпохи Золотой Орды). Армавир, 2005. – 210 с.

28. *Иванов В.А.* Кочевники Золотой Орды: история, культура, религия. Уфа, 2015. – 208 с.

ground. [*Sluchajnye nahodki iz razrushennoj chasti Kelijskogo mogil'nika. Vestnik Arheologicheskogo centra*]. *Bulletin of the Krupnov Archaeological Center*. Nazran. 2015, 5: 169–176.

13. Narozhny VE, Narozhny EI, Chakhkiev DYu. Burial No. 15 of the Keli burial ground (Mountainous Ingushetia). [*Pogrebenie №15 Kelijskogo mogil'nika (Gornaya Ingushetiya). MIA Severnogo Kavkaza*]. *Materials of history and archaeology of the North Caucasus*. Armavir. 2005, 5: 291–304.

14. Savenko SN. The burial of the XIII-XIV centuries with the iron cross in the mountainous Ingushetia: issues of interpretation. *Cultural history of the peoples of the North Caucasus* [*Pogrebenie XIII-XIV vv. s zheleznym krestom v gornoj Ingushetii: voprosy interpretacii. Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza*]. Stavropol, 2017. p. 104–117.

15. Muzhukhoev MB. Objects of traditional material culture of medieval Keli burial ground in the Mountainous Ingushetia. *Traditional material culture of the Chechen-Ingushetia* [*Predmety tradicionnoj material'noj kul'tury iz srednevekovoj Kijskogo (Kelijskogo) mogil'nika v Gornoj Ingushetii. Tradicionnaya material'naya kul'tura Checheno-Ingushetii*]. Grozny: Checheno–Ingush book publ., 1989. p. 6–15.

16. Muzhukhoev MB, Narozhny EI, Chakhkiev DYu. Military burial No. 33 of the Keli burial ground (Mountainous Ingushetia). *Archaeology of the Eurasian steppes. 5: Military archaeology: ancient and medieval weapons Eurasia* [*Voinskoe pogrebenie №33 Kelijskogo mogil'nika (gornaya Ingushetiya). Arheologiya evrazijskih stepej №5: Voennaya arheologiya: drevnee i srednevekovoe vooruzhenie Evrazii*]. Kazan, 2017. p. 177–185.

17. Narozhny EI. Eastern and Western innovations of the Golden Horde epoch among the population of the Upper and Middle Priterechye (Archaeological and historical research) [*Vostochnye i zapadnye innovacii zolotoordynskoj epohi u naseleniya Verhnego i Srednego Priterech'ya (Arheologo-istoricheskoe issledovanie)*]. Abstract of dis. No. 07.00.06. Archeology; Voronezh, 1998.

18. Salnikov AV. The evolution of the weapons of the North Caucasian warrior of the XIII-XV centuries under the influence of Central Asian and European military affairs [*Evoluciya vooruzheniya severokavkazskogo voina*

29. *Чахкиев Д.Ю.* Новые воинские захоронения золотоордынского времени Паметского могильника горной Ингушетии // Новое в археологии и этнографии Ингушетии. Нальчик, 1998. С. 15–27.

30. *Бараниченко Н.Н.* Паметский могильник в горной Ингушетии // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1983.

31. *Алмазов И.Г., Дзариева З.М., Чахкиев Д.Ю.* Новые материалы о культовых памятниках позднего средневековья горной Чечни и Ингушетии // Новое в археологии и этнографии Ингушетии. Нальчик, 1998. С. 28–45.

32. *Крупнов Е.И., Марковин В.И.* Бамутский курганный могильник XIV-XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 217–242.

33. *Шаманаев А.М.* Технология обработки кости и рога в средневековом Херсоне по материалам раскопок Портового квартала 2 // Античная древность и средние века. Свердловск, 1997. Вып. 28. С. 49–66.

34. *Душенко А.А.* Косторезное дело Мангупа. Дисс. … к.и.н. 07.00.06 – археология. Симферополь, 2016. – 308 с.

35. *Bakradze I.* The Wawel type helmet in the Tsageri History Museum // Varlam Makharoblidze Tsageri History Museum. Tsageri Municipality. T.1. Tbilisi, 2014. S. 133–150 (на груз. яз., резюме на англ. яз.).

36. *Tsurtsumia M.* The Helmet from the Wawel Royal Castle Museum and its Place in the Evolution of Oriental Helmet // Acta Militaria Mediaevalia. № VII. Kraków-Rzeszów- Sanok, 2011. S. 79–103.

37. *Нарожный В.Е., Нарожный Е.И.* О некоторых видах вооружения XIII-XIV вв. из высокогорной Ингушетии // Магас: древний и современный. Материалы международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2021. С. 51–63.

Статья поступила в редакцию 22.09.2021 г.

XIII-XV vekov pod vliyaniem central'noaziatskogo i evropejskogo voennogo dela]. Abstract of dis. No. 07.00.02. Russian history; 07.00.06. Archeology; Stavropol, 2008.

19. Narozhny VE. The population of the Gorno-Assinskaya basin in the XIII-XV centuries [*Naselenie Gorno-Assinskoj kotloviny v XIII-XV vekah*]. Abstract of dis. Vladikavkaz, 2014.

20. Narozhny VE, Narozhny EI. The mountain zone of the Eastern Pridaryalya and the Golden Horde dominions (to the study the dynamics of relationships). *Don antiquities-Issue 10: Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space. Proceedings of the IV International Conference dedicated to the memory of Prof. of MSU G. A. Fedorova-Davydova (September 30-October 3, 2008)* [*Gornaya zona Vostochnogo Pridar'yal'ya i zolotoordynskie vladeniya (K izucheniyu dinamiki vzaimootnoshenij). Donskie drevnosti – Vyp. 10: Dialog gorodskoj i stepnoj kul'tur na evrazijskom prostranstve. Materialy IV mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati prof. MGU G.A. Fedorova-Davydova (30 sentyabrya–3 oktyabrya 2008 g.)*]. Azov, 2009. p. 373–382.

21. Mamaev RKh. Medieval sabers from Mairtup [*Srednevekovye sabli iz Majrtupa. Vestnik Akademii Nauk Chechenskoj Respubliki*]. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic.* Grozny. 2013, 3(20): 74–84.

22. Mamaev RKh, Kochkarov UYu. On sabers from Keli burial ground (Mountainous Ingushetia). *Archaeological heritage of the Caucasus: actual problems of study and conservation. XXXI "Krupnovsky readings". Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 50th anniversary of the Krupnovsky readings and the 50th anniversary of the Derbent archaeological expedition* [*O sablyah Kelijskogo mogil'nika (Gornaya Ingushetiya). Arheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izucheniya i sohraneniya. XXXI «Krupnovskie chteniya». Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 50-letiyu Krupnovskih chtenij i 50-letiyu Derbentskoj arheologicheskoj ekspedicii*]. Makhachkala, 2020: 383–385.

23. Golubev LE, Sazonov AA. Burial of a nomad warrior from Prikuban. [*Pogrebenie voina-kochevnika iz Prikuban'ya. Rossijskaya arheologiya*]. *Russian Archeology*. 2008, 4: 130–133.

24. Vinogradov VB, Narozhny EI, Sokov PV. *Gorkobalkovsky burial ground No. 2 of the VIII-IX centuries* (publication of materials) [*Gor'kobalkovskij mogil'nik №2 VIII-IX vv. [1]. (publikaciya materialov). MIA Severnogo Kavkaza*]. *Materials and researches about archeology of the North Caucasus*. Armavir: AGPI. 2003, 1: 116–151.

25. Evglevskiy AV. Semiotic aspects of the swords in the funeral rituals (on materials of the nomads of Eastern Europe of the second half of the IX-XIV centuries). *Structural-semiotic studies in archaeology* [*Semioticheskie aspekty funkcionirovaniya sabli v pogrebal'nom oboyade (po materialam kochevnikov Vostochnoj Evropy 2- pol. IX-XIV vv.). Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arheologii*]. Donetsk, 2002. p. 291–336.

26. Dautov RA, Mamaev KhM, Chakhkiev DYu. Bow and arrows of the late medieval Vainakh. *New archaeological materials on the medieval history of Chechnya-Ingushetia* [*Luk i strely u pozdnesrednevekovyh vajnahov. Novye arheologicheskie materialy po srednevekovoj istorii Checheno-Ingushetii*]. Grozny, 1983. p. 37–66.

27. Narozhny EI. *Medieval nomads of the North Caucasus (Some debatable problems of ethno-cultural interaction of the Golden Horde era).* [*Srednevekovye kochevniki Severnogo Kavkaza (Nekotorye diskussionnye problemy etnokul'turnogo vzaimovozdejstviya epohi Zolotoj Ordy)*]. Armavir, 2005.

28. Ivanov VA. *Nomads of the Golden Horde: history, culture, religion* [*Kochevniki Zolotoj Ordy: istoriya, kul'tura, religiya*]. Ufa, 2015.

29. Chakhkiev DYu. New military burials of the Golden Horde time of the Pametsky burial ground of mountainous Ingushetia. *New in archeology and ethnography of Ingushetia* [*Novye voinskie zahoroneniya zolotoordynskogo vremeni Pametskogo mogil'nika gornoj Ingushetii. Novoe v arheologii i etnografii Ingushetii*]. Nalchik, 1998. p. 15–27.

30. Baranichenko NN. Pametsky burial in the mountain Ingushetia. *New archaeological materials on the medieval history of Chechnya-Ingushetia* [*Pametskij mogil'nik v gornoj Ingushetii. Novye arheologicheskie materialy po srednevekovoj istorii Checheno-Ingushetii*]. Grozny: Checheno-Ingush book publ., 1983.

31. Almazov IG, Jarawa ZM, Chahkiev DYu. New materials on the cult monuments of the late

middle ages mountainous Chechnya and Ingushetia. *New in archaeology and Ethnography of Ingushetia* [*Novye materialy o kul'tovyh pamyatnikah pozdnego srednevekov'ya gornoj Chechni i Ingushetii. Novoe v arheologii i etnografii Ingushetii*]. Nalchik, 1998. p. 28–45.

32. Krupnov EI, Markovin VI. Bamutski burial mound of the XIV-XVI centuries. *Ancient Checheno-Ingushetia* [*Bamutskij kurgannyj mogil'nik XIV-XVI vv. Drevnosti Checheno-Ingushetii*]. Moscow, 1963. p. 217–242.

33. Shamanaev AM. Technology of bone and horn processing in medieval Kherson based on the materials of excavations of the port district 2 [*Tekhnologiya obrabotki kosti i roga v srednevekovom Hersone po materialam raskopok Portovogo kvartala 2. Antichnaya drevnost' i srednie veka*]. *Ancient antiquity and the Middle Ages-Sverdlovsk*. Sverdlovsk. 1997, 28: 49–66.

34. Dushenko AA. Bone-cutting craftsmanship of Mangup [*Kostoreznoe delo Mangupa*]. Abstract of dis. No. 07.00.06; Archeology. Simferopol, 2016.

35. Bakradze I. The Wawel type helmet in the Tsageri History Museum. *Varlam Makharoblidze Tsageri History Museum. Tsageri Municipality*. Vol 1. Tbilisi, 2014. p. 133-150 (in Georgian, abstract in Eng.).

36. Tsurtsumia M. The Helmet from the Wawel Royal Castle Museum and its Place in the Evolution of Oriental Helmet. *Acta Militaria Mediaevalia*. Kraków-Rzeszów: Sanok. 2011, 7: 79–103 (In Eng.).

37. Narozhny VE, Narozhny EI. On some types of weapons of the XIII-XIV centuries from high-mountainous Ingushetia. *Magas: ancient and modern. Proceedings of the international scientific and practical conference* [*O nekotoryh vidah vooruzheniya XIII-XIV vv. iz vysokogornoj Ingushetii. Magas: drevnij i sovremennyj. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*]. Rostov-on-Don, 2021. p. 51–63.

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174957-967

Кудаева Светлана Григорьевна
д.и.н, профессор, зав. кафедрой истории и права
Майкопский государственный технологический университет, Майков, Россия
istpavo@yandex.ru

ЭЛЕМЕНТЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОРЫ ПОДДЕРЖАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ДИАСПОРЫ: НА ПРИМЕРЕ АДЫГСКОЙ (ЧЕРКЕССКОЙ) ДИАСПОРЫ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. Обращение к поставленной проблеме обусловлено современным состоянием адыгского (черкесского) этноса, когда диаспора по количественному составу значительно превышает численность проживающих на исторической родине. Местами компактного расселения адыгов являются страны Ближнего и Среднего Востока. Это произошло в ходе Кавказской войны, когда большая часть адыгского этноса была вынуждена покинуть свою историческую родину и переселиться в пределы Османской империи. В сложившейся ситуации актуализируются проблемы, связанные с особенностями формирования, развития и современного состояния адыгской (черкесской) диаспоры. В статье адыгская (черкесская) диаспора изучается в контексте критериев, определяющих диаспоральность этнических рассеяний. Автором представлены в кратком виде результаты исследований по типологии диаспор, в ходе которых были выявлены характерные и для черкесской диаспоры особенности, и сделан достаточно аргументированный вывод, что адыгская диаспора может быть отнесена к единому типологическому ряду, что и классические диаспоры. Это дает возможность более четко представить какое место в этой иерархии отводится изучаемой проблеме. Именно поддержание коллективной памяти считается главным, основополагающим показателем диаспоральности. Автором предпринята попытка изучения этой проблемы с учетом влияния элементов традиционной культуры адыгов, таких как нартский эпос, адыгский этикет и адыская этика на поддержание исторической памяти и этнической идентификации. Конкретно-научную часть методологической основы составили принципы научности, историзма, объективности. Использовались также исторические методы исследования – ретроспективный, историко-типологический, конкретного анализа. Теоретической базой исследования послужили положения известных этнологов и этносоциологов. В ходе исследования проблемы сделан вывод, что за полуторавековой опыт своего существования адыгской диаспоре удалось продемонстрировать уникальный пример сохранения коллективной памяти и этнической идентификации.

Ключевые слова: Россия; Османская империя, адыгская (черкесская) диаспора, коллективная память, этническая идентификация, нартский эпос, адыгский этикет.

© Кудаева С.Г., 2021
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

ETHNOGRAPHY

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174957-967

Svetlana G. Kudaeva,
Dr. Sci. (History), Prof., Head of Dep. of History and Law
Maikop State Technological University, Maikop, Russia
istpavo@yandex.ru

ELEMENTS OF TRADITIONAL CULTURE AS FACTORS OF RETAINING THE COLLECTIVE MEMORY AND ETHNIC IDENTITY IN DIASPORAS: ON THE CASE OF ADYGHE DIASPORA IN THE COUNTRIES OF THE MIDDLE EAST

Abstract. The issue under consideration is conditioned by the current state of the Adyghe (Circassian) ethnos, when a diaspora, in terms of its quantitative composition, significantly exceeds the number of those living in their historical homeland. Nowadays, the Circassian people are concentrated in the countries of the Middle East. This was a result of the Caucasian War, when a significant number of Adyghe people had to leave their homeland and move to the territories of the Ottoman Empire. In regard to this issue, the problems related to the peculiarities of the formation, development and current state of the Adyghe (Circassian) diaspora are highlighted. The paper considers the Adyghe diaspora in the context of the criteria that determine the diasporality of ethnic dispersal. The author summarizes the results of studies on typology of diasporas, during which characteristic for the Circassian diaspora features have been identified. The author concludes that the Adyghe diaspora can be attributed to a single typological family, as the classical diasporas. This allows for better understanding of where the issue in question is placed in this hierarchy. The very maintaining of the collective memory is considered a crucial, fundamental indication of diasporality. The author attempts to study the issue with the consideration of influence of elements of traditional culture of Adyghe people, such as the Nart Sagas, Adyghe etiquette and ethics in regards to retaining the historical memory and ethnic identity. The methodological aspect of the study includes the academic principles of research, historicism, objectivity, as well as retrospective and historic-typological methods, and methods of concrete analysis. The theoretical aspect of the research is based on opinions of prominent ethnologists and ethnosociologists. During the research, we have come to the conclusion that in the century and a half experience of its existence, the Adyghe diaspora has managed to demonstrate a unique example of preservation of the collective memory and ethnic identity.

Keywords: Russia; Ottoman Empire; Adyghe (Circassian) diaspora; collective memory; ethnic identity; Nart Sagas; Adyghe etiquette.

© Kudaeva S.G., 2021
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2021

Введение

Сегодня феномен адыгской (черкесской) диаспоры приобретает значение самостоятельной научной проблемы, требующей серьезного осмысления. Прежде всего, это обусловлено современным состоянием адыгского этноса. Известный кавказовед, исследователь проблем адыгской (черкесской) диаспоры А.В. Кушхабиев считает, что в наши дни адыги проживают более чем в 40 странах мира и количество их превышает 3 миллиона человек [1, с. 3.]. Местами их компактного проживания являются Турция, Сирия, Иордания. Такая ситуация сложилась в ходе Кавказской войны, когда большая часть адыгского этноса вынуждена была покинуть свою историческую родину и переселиться в пределы Османской империи. Нельзя считать целостной историю народа, не включив в нее ту его органическую часть, которая волей исторических судеб оказалась за пределами своей родины. В этой связи особую актуальность приобретают проблемы, связанные с особенностями формирования, развития и современного состояния адыгской (черкесской) диаспоры.

Уровень исторического знания, достигнутый к настоящему времени по проблемам формирования и развития адыгской (черкесской) диаспоры, позволяет достаточно аргументировано представить многие аспекты этого сложного процесса. Более того, уровень разработанности вопросов теории и методологии, а также типологии диаспор, позволяет систематизировать и интерпретировать имеющийся фактологический материал на достаточно убедительной теоретической основе, что придаст большую научность и обоснованность выводам.

По мнению ученых, диаспоральное сознание характерно для многих этнических групп в рассеянии, однако, далеко не любая может характеризоваться как диаспора. В основу ранжирования признаков классических диаспор в науке положен опыт изучения еврейских меньшинств, т.к. термин «классическая диаспора» традиционно используется именно по отношению к ним. Автором данной статьи предпринята попытка проанализировать общие, т.е. инвариантные характеристики классических диаспор и экстраполировать на черкесское (адыгское) рассеяние, т.е. выработать вариативный компонент методики [2, с. 28–39]. В ходе такого анализа удалось прийти к выводу, что черкесская (адыгская) диаспора может быть отнесена к типологическому ряду классических диаспор. Это дает возможность ее изучения в контексте сложившейся научной концептуальной схемы. Логика исследования поставленной проблемы прежде всего требует определения места коллективной памяти и сопряженной с ней этнической идентификации в иерархии критериев диаспоральности. В этой связи выделим основные из них:

- основным критерием диаспоральности ученые считают насильственный характер переселения. Именно это отличает классические диаспоры от новых форм рассеяния;

- диаспора может иметь этнос с уже четко проявленной идентичностью, т.е. сформировавшийся в период, предшествующий переселению;

- при изучении диаспоры необходимо учитывать степень интенсивности взаимодействия общин, то есть, по определению ученых, наличие некоего условного понятия как «узел» диаспоры,
- важным показателем жизнестойкости диаспоры является ее численный показатель, который существенным образом определяет характер расселения;
- значимым фактором, влияющим на особенности формирования диаспоры, характер ее расселения, является социально-экономическая ситуация, а также степень влияния политической системы страны нового проживания. Это во многом определяет проявление способности членов диаспоры быть полезными принимающему государству, т.е. то, что ученые выделяют как имманентный политический конформизм;
- и, наконец, сохранение коллективной памяти, которую большинство ученых считают основополагающим элементом диаспоральности [3, с. 51–66].

Следует отметить, что в познавательном плане, как самую сложную, пожалуй, можно выделить проблему формирования и поддержания коллективной памяти и этнической идентификации.

Материалы и методы

Исследование поставленной проблемы, прежде всего, потребовало обращение к истории вопроса. Начало социологическому исследованию памяти положил французский социолог Морис Хальбвакс [4]. Он первый предложил рассматривать коллективную память как общественный феномен, необходимый в социальной практике для выживания в обществе. По М. Хальбваксу, именно коллективная память является залогом идентичности общества. Следует учесть, что историческая память рассматривается как одно из измерений коллективной памяти. Историческая память – это главный канал передачи опыта и сведений о прошлом и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особое значение для конструирования и интеграции социальных групп в настоящем [5, с. 41]. Его заслуга заключается еще и в том, что он первый рассмотрел проблему конституирования «знания», «памяти», не только как биологическую, но и как значимый аспект культуры [6, с. 98–109].

В контексте рассматриваемой проблемы интерес представляет взаимоотношение памяти и традиции, то есть того, что сложилось исторически и передавалось из поколения в поколение в течение длительного времени. Это элементы социального и культурного наследия, такие как нормы поведения, ценности, идеи, обычаи, обряды и т.д. Этой проблеме много внимания уделили итальянский историк Джамбаттиста Вико [7]. Е.В. Романовская отмечает, что, изучая поэмы Гомера и Законы XII таблиц древних римлян, по сути совершенно два совершенно разных текста, которые появились еще во времена устной традиции, Дж. Вико пытается обнаружить в них зашифрованную ментальность дописьменной

культуры, откуда эти тексты появляются как косвенные свидетельства. Он считает, что после того, как эпос стали записывать, а законы хранить в таблицах, их продолжали передавать в изустной традиции. Эти произведения находятся на пересечении устной и книжной культуры и представляют собой канал обмена живой памяти и письменной коммуникации, способа, каким устная традиция связана с письменной культурой [6, с. 98–109].

Таким образом, взаимосвязь и взаимообусловленность элементов устной традиционной культуры, коллективной памяти, этнической идентификации очевидна. Эта проблема особенно актуализируется в условиях диаспоры, так как интеграция иммигрантов в новую политическую, социально-экономическую, культурную среду обычно сопряжена с утратой своих отличительных национальных черт, то есть ассимиляцией. Именно поэтому в контексте выделенных учеными критериев, характеризующих диаспоральность любого рассеяния, основополагающими элементами признаны сохранение коллективной памяти, памяти о родине, а значит, этнической самоидентификации.

Ученые утверждают, что в диаспоре почти всегда присутствует коллективный миф о родине, который транслируется через устную память или тексты. Но понятие родины трактуется по-разному, поэтому, соглашаясь с этим утверждением, тем не менее, хотелось бы уточнить, что в данном контексте мы придерживаемся положения о том, что диаспору может иметь не страна, не государство, а этносоциальный организм. Иными словами, коллективная память – это уровень осознания людьми своей национальной, этнической принадлежности, совокупность представления нации или этноса, позволяющих воспроизводить эту общность как целое и причислять каждого индивида к данной социальной целостности.

С этими положениями достаточно тесно коррелируют высказывания ученых, изучающих феномен еврейской диаспоры, о наличии некоего коммуникативного кода как одной из основ стратегии еврейской диаспоры [8, с. 110]. Подразумевается цельность культурного коммуникативного кода с собственной символикой, одинаково воспринимаемой и ощущаемой всеми членами диаспоры, то есть формирование осознания единства и общей исторической судьбы в ходе передачи информации из поколения в поколение. Это также представляется сложным в познавательном плане. Тем не менее, предполагается, что ориентиром может служить метаязык еврейской цивилизации, который исключает речевую коммуникацию – это древнееврейский язык – *лашон акодеш* или *язык Святости*, который удовлетворяет все потребности еврейской цивилизации [9, с. 16–17]. Т.е. речь идет о наличии устойчивых элементов в традиционной культуре народа. В статье предпринята попытка выделить именно те элементы традиционной культуры адыгов (черкесов), которые по своему содержанию и значению сыграли роль этноидентифицирующих факторов и в течение длительного времени способствуют поддержанию коллективной памяти.

В ходе исследования проблем поддержания коллективной памяти и этнической идентификации в условиях диаспор, конкретно-научную часть методологической

основы составили принципы научности, историзма, объективности. Использовались также исторические методы исследования – ретроспективный, историко-типологический, конкретного анализа. Теоретической базой исследования послужили положения известных этнологов и этносоциологов.

Обсуждение и результаты

В случае с адыгской диаспорой, помимо традиционных факторов коллективной памяти и этнической самоидентификации, представляется целесообразным из уникального культурного пласта адыгов выделить наиболее значимые элементы – общий для всех адыгов нартский эпос, уникальную адыгскую этику (*адыгагъэ*) *и* адыгский этикет (*адыгэ хабзэ*), как главные компоненты соционормативной культуры народа.

С точки зрения психологии, происхождение эпоса связано со свойством человеческой души, потребностью человека не просто проживать жизнь, но и непременно ее пересказать, зафиксировать в слове, сохранить прошлое. Уникальность эпоса в его назначении транслировать события прошлого, тем самым создавая пространственно-временные характеристики изображаемого мира.

В культуре адыгского общества нартский эпос занимает особое место, являясь отражением национального характера, его мировоззрения. О значении нартского эпоса для адыгов зарубежья профессор Л.А. Бекизова пишет, что «в условиях турецкой диаспоры, когда черкесы-переселенцы были лишены возможности носить родовую фамилию, говорить на своем языке, сохранение культурного единства стало реальным только через эпос» [10, с. 51]. Очевидно, что эпические традиции, формируясь на основе древних жанров фольклора, во многом способствуют сохранению культурного единства адыгов, осознанию своей этнической принадлежности и поддержанию коллективной памяти. Известный исследователь адыгского зарубежья Батырай Озбек в своих работах предпринял попытку осмысления культурно-исторической парадигмы этноса сквозь призму общего для всех адыгов нартского эпоса. В этом контексте автор пытается определить генезис адыгской этики, понять истоки формирования эстетических представлений народа, т.е. воссоздать целостную картину его историко-культурного развития. Это подтверждает, что адыгские диаспоры не предали забвению фольклор, национальные традиции, что во многом способствует их самоидентификации [11].

Но, бесспорно, основополагающими компонентами стратегии адыгского общества являются комплекс этических воззрений и идей – адыгство (*адыгагъэ*) и адыгский этикет (*адыгэ хабзэ*) – свод неписанных законов (обычаев). Это такие принципы мышления и поведения, которые составили основу ментальной организации и стали символом адыгской цивилизации. Несмотря на то, что эти понятия не идентичны, взаимосвязь и взаимообусловленность моральных норм и правил этикета очевидна. Иногда ученые склонны считать этикет составляющей этики как науки. Действительно, принимая нормы этикета,

человек практически всегда соотносит их со своими этическими понятиями. Т.е. очевидно, что и этика, и этикет определяют правила взаимоотношений людей в обществе. Это делает их неотъемлемой частью личности и определяют ее моральное самосознание. Более того, именно оба эти явления можно считать важными определителями поступков и поведения человека. И, что немаловажно в данном контексте, правила поведения в различных обществах могут отличаться, но в одном социуме они для всех членов одинаковы[1].

Соотношение адыгства (*адыгагъэ*) и адыгского этикета (*адыгэ хабзэ*) очень четко охарактеризовал известный исследователь адыской этики Б. Бгажноков. Он пишет, что «в адыгэ хабзэ нет и по определению не может быть норм, не подконтрольных адыгской этике, противоречащих ее принципам и идеалам … из этого следует другой очень важный вывод: не обращаясь к природе адыгагъэ, невозможно понять и во всей полноте представить специфику адыгэ хабзэ» [12, с. 7]. Автор также отмечает, что этика чаще всего реализует свои принципы и идеалы через традиционный адыгский этикет.

Но именно адыгство, определяя добро и зло, приличное и неприличное и т.д., то есть практически всю систему ценностей, составляет основу этической рационализации мира адыгов. Главное отличие адыгства от других этических систем заложено в самом названии, которое говорит о том, что оно направлено на производство этничности и противостояние процессам, разрушающим национальный дух. Формируя общий психический взгляд нации, адыгство способствует самосохранению и самовоспроизводству. Без сомнения, этикет в сочетании с *адыгагъэ* придает оригинальность адыгскому обществу и отличает его от других цивилизаций. Из всех известных этических систем подобными характеристиками обладает только абхазская система нравственных принципов – *апсуара* (абхазскость) [12, с. 3, 15, 27].

Адыгство, являясь основополагающим компонентом, формирующим концепцию самосознания адыгов, во многом делает возможным сохранение целостности этноса, несмотря на длительный «железный занавес», отделявший адыгов диаспоры от исторической родины. Внешние признаки ассимиляции, такие как забвение родного языка, обычаев и традиционных форм поведения, даже сознательная самоидентификация в качестве граждан других государств, не столь значимые определители. При определенных условиях процесс оказывается обратимым даже через несколько поколений, если в обществе сохраняется, по выражению С.В. Лурье, «доминирующая тема» или «культурная традиция», которая является стержнем интегральных процессов в этносе. Когда сохраняется бессознательное представление о характерном для данного этноса способе активности человека в мире, не важно на каком языке тот или иной член этноса говорит. Хочет он того или нет, он участвует во внутриэтническом конфликте [13, с .385].

1 Этика и этикет: в чем разница? Электронный ресурс. Доступно по ссылке: https://wlooks.ru/etiket/i-etika-chem-otlichayutsya/. Дата обращения 25.08.2021 г.

Этикет, также являясь неизменным элементом культуры адыгов, определяет алгоритм действий в различных ситуациях. Это невидимая основа национального поведения, и в условиях кризиса этничности именно этикет может в значительной степени способствовать самоструктурированию этноса и в течение длительного времени поддерживать в сознании целостность адыгской картины мира. Не отрицая, что эти явления представляют весьма тонкую материю, сложно поддающуюся исследованию, тем не менее, нельзя не согласиться, что нартский эпос, адыгская этика и этикет являются важными составляющими характеристики общенационального контекста духовного состояния народа. Они способствуют не только осознанию себя частью единого этноса, но и поддержанию коллективной памяти. И в условиях диаспоры они незаметно сыграли свою роль, особенно в период, когда с исторической родиной практически не было контактов.

Непременно следует отметить, что на протяжении длительного периода становления и развития адыгской (черкесской) диаспоры значимым фактором в поддержании этнической самоидентификации явилась работа общественных культурных организаций. Основной их целью было сохранение национальной культуры. В 1927 г. в городе Эль-Кунейтра было образовано первое «Черкесское культурное общество», которое выпускало газету на четырех языках – арабском, турецком, черкесском и французском. Была издана черкесская азбука и учебники черкесского языка. В последующие годы аналогичные общества были организованы в городах Сирии, Иордании, Турции. В настоящее время только на территории Стамбула функционирует около полутора десятков таких культурно-просветительских обществ. Подробную информацию о деятельности черкесских общин, оказавшихся после раздела Османской империи в разных странах, дает А.В. Кушхабиев [1, с. 54–180].

Ярким подтверждением уровня поддержания исторической памяти и этнической самоидентификации можно считать исторические, литературные и фольклорные произведениям авторов, представителей адыгского (черкесского) зарубежья, таких как И. Беркок [14], А. Иззет [15], М.Х. Хагондоко [16], Н. Бэрзэдж [17], С. Бэрзэдж [18], Б. Озбек [11], Шаукат Муфти [19], К. Натхо [20], Шакир Мустафа [21, с. 114–119], М. Шакер [22] и др. Особо следует отметить работу известного американского писателя, историка адыгского происхождения Кадыра Натхо «Черкесская история». Автору удалось показать всю историческую судьбу адыского народа. А главное, он выражает уверенность, что что адыги, несмотря ни на что, смогут сохранить свою целостность, язык и культуру.

Большинство авторов представляют четвертое, пятое поколение в диаспоре. Их работы в основном посвящены истории адыгов XIX в., их переселению с исторической родины в пределы Османской империи. События прошлого зачастую преподносятся сквозь призму трудностей и страданий, сопровождавших сложный процесс инкорпорации адыгов (черкесов) во все сферы стран их нового проживания. И это естественно, т.к., по мнению ученых, особенности формирования структуры исторической памяти чаще всего обусловлены самыми сложными, стрессовыми периодами в жизни этноса [23, с. 91].

У адыгов (черкесов) таким переломным событием стала Кавказская война, итогом которой было переселение большей их части в пределы другого государства и формирование диаспорных групп. События такого масштаба привели к глубокому кризису духовной и психологической жизни этноса, т.е. к этноэкологическому кризису. Была нарушена внутренняя социальная архитектоника этноса, кардинально трансформировавшая его социальную структуру и образ жизни. Естественно, что эти события занимают центральное место в исторической и художественной литературе представителей адыгского (черкесского) зарубежья.

По мнению А. Бра, судить о проявлении коллективной памяти можно только по истечении существенного промежутка времени. Действительно, успешная интеграция в новую социокультурную среду, при этом с сохранением идентичности в условиях диаспоры, может произойти только при условии перманентной актуализации коллективной памяти и элементов традиционной культуры. Этот процесс требует немалых усилий, и оценить его можно спустя не одно десятилетие [9, с. 19].

Заключение

За полуторавековой опыт своего существования адыгской диаспоре удалось продемонстрировать уникальный пример сохранения коллективной памяти, несмотря на то, что долгое время в силу целого ряда причин, в основном политических, у представителей адыгской диаспоры не было возможности поддерживать связи с материнским этносом. И только коренные изменения последних трех десятилетий в политической жизни российского общества дали возможность представителям адыгской диаспоры наладить отношения с исторической родиной. Первые же контакты с представителями черкесской (адыгской) диаспоры показали, что большинство из них все еще четко осознают свою этническую принадлежность, многие владеют языком, что является подтверждением сохранности коллективной памяти.

О проявлении такого сложного явления как историческая память о родине мы можем судить не только в ходе личных контактов, но и по историческим, литературным и фольклорным произведениям авторов, представителей черкесского (адыгского) зарубежья. В большинстве этих работ представлена четкая реконструкция исторических событий и явлений прошлого, что является ярким подтверждением поддержания исторической памяти в адыгской (черкесской) диаспоре, которая трактуется как символическое представление о прошлом, сохраняющее смыслы, ценности, формы поведения.

Нартский эпос, адыгская этика и адыгский этикет, бесспорно являются наиболее устойчивыми элементами традиционной культуры адыгов. Именно они, по выражению С.В. Лурье, выступили в роли «доминирующей темы», т.е. явились стержнем интегральных процессов в этносе и, несомненно, сыграли значимую этноидентифицирующую роль в сложных условиях инкорпорации в

политическую, социально-экономическую и культурные сферы стран их нового проживания.

Следует также отметить, что пример адыгской (черкесской) диаспоры является ярким подтверждением того, что адыги (черкесы) зарубежья смогли не только сохранить историческую память и осознание своей идентичности, но и обрести новую в изменившихся условиях. Сегодня адыги (черкесы) в странах проживания представляют собой высокостатусные, хорошо интегрированные во все сферы жизни общества группы, что свидетельствует о высокой жизнестойкости народа и его высоких потенциальных возможностях. И, без сомнений, выражаясь словами профессора К.К. Султанова, «…перед нами иной социальный, культурный, мировоззренческий опыт, иной, но не прерывающий с системой традиционных ценностей, с исторической памятью, аккумулирующей опыт предков» [24, с. 35].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кушхабиев А.В.* Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры.Нальчик: «Эль-Фа».2007.

2. *Кудаева С.Г.* Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Майкоп: Магарин О.Г. 2014. – 387с.

3. *Kudaeva S.G.* Circassian (Adyg) scattering in the Countries of the Middle East: theoretical and methodological approaches to the study of diasporality (on the example of the Jewish classical diaspora) // Astra Salvensis Pevista de istorie si cultura. Year V, № 12 Salva, 2018 P. 51-66.

4. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

5. *Романовская Е.В.* Морис Хальбвакс: культурные контексты памяти // Известия Саратовского университета. 2010.Т.10. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып.3. С. 39–44.

6. *Романовская Е.В.* Феномен памяти: между историей и традицией // Философия и общество. Вып. №1 (57), 2010. С. 98–109.

7. *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций. М.– Киев: «REFL–boor» – «НСА», 1994. – 656 с.

8. *Ashkenasi A.* Identitätsbewahrung, Akkulturation und die Enttäuschung in der Diaspora // Identität in der Fremde / M. Dabag und K. Platt (Hg). Bochum: Universitätsverlag, 1993. S. 106-116.

REFERENCES

1. *Kushkhabiev AV.* Essays on the history of the Circassian diaspora [*Ocherki istorii zarubezhnoy cherkesskoy diaspory*]. Nalchik: El-Fa, 2007.

2. *Kudaeva SG.* Adyghe (Circassians) people of the North-Western Caucasus in the 19th century: the processes of transformation and differentiation of the Adyghe society [*Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX veke: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskogo obshchestva*]. Maikop: Magarin O.G., 2014.

3. *Kudaeva SG.* Circassian (Adyg) scattering in the Countries of the Middle East: theoretical and methodological approaches to the study of diasporality (on the example of the Jewish classical diaspora). *Astra Salvensis Pevista de istorie si cultura*. Year V, No. 12. Salva, 2018. p. 51–66. (in English).

4. *Halbwachs M.* Social framework of memory [*Sotsial'nye ramki pamyati*]. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2007.

5. *Romanovskaya EV.* Maurice Halbwachs: Cultural Contexts of Memory [*Moris Khal'bvaks: kul'turnye konteksty pamyati*]. *Izvestiya of the Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2010, 10(3): 39–44.

6. *Romanovskaya EV.* The phenomenon of memory: between history and tradition [*Fenomen pamyati: mezhdu istoriey i traditsiey*]. *Philosophy and Society*. 2010, 1(57): 98–109.

7. *Vico J.* Provisions of a new science of the general nature of nations [*Osnovaniya novoy nauki ob obshchey prirode natsiy*]. Moscow, Kiev: "REFL-boor" – "NSA", 1994.

8. *Ashkenasi A.* Identitätsbewahrung, Akkulturation und die Enttäuschung in der Diaspora // Identität in der Fremde / M. Dabag und K. Platt (Hg). Bochum: Universitätsverlag, 1993. p. 106–116. (in German).

9. *Попков В.* «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина// Диаспоры. М.: Олита, 2002. №1. С. 6–23

10. *Бекизова Л.А.* Фольклорно-эпические традиции как основа адыгской литературной общности // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения. (По материалам международной научной конференции 14-19 октября 1991., Черкесск). Черкесск, 1993.

11. *Özbek B.* Die tscherkessischen Nartensagen. Ethnographic der Tscherkessen.3. Heidelberg, Esprit-Verlag, 1982, 245 p.

12. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. Нальчик, Издательский центр «Эль-фа», 1999. – 96 с.

13. *Лурье С.В.* Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997. 448 с.

14. *Berkok I.* Tarihte Kafkasya. Ístanbul, 1958;

15. *Aydemir I.* Göç: Kuzey kafkasya'lilarin göç tarihi. Ankara, 1988. 220s.

16. *Mohammad Kheir Hagondoqa.* The Circassians: origin, history, customs, traditions, Immigration to Jordan. Amman, 1985. 229p.

17. ص نهاد برزج. تهجير الشراكسة. عمان. ١٩٨٧. ١٨٩ (Бэрзэдж Н. Изгнания черкесов. Амман, 1987. 189 с.

18. Berzeg Safer. 1877-1878 Osmanli-Rusya Savasinda Kuzev Kafkasya ve Sürgündeki Kafkasyalilar // Kafkasya Gersedi. Samsun, 1990, №1.

19. Havjoko Shaukat Mufti. Heroes and Emperors in Circassian History. Beirut, 1979. 350p.

20. Кадыр Натхо. Черкесская история. Майкоп, 2012. 454с.

21. الدكتور شاكر مصطفى. شراكس...كيف أخرجوا من ديارهم؟ // العربي. ١٩٩٣. العديد ٤١٧. ص ١١٤-١١٩. (Шакир Мустафа. Черкесы... как их изгнали? // Аль Араби 1993. № 417. С.114-119.)

22. *Mohamad S. Shaker.* A Study of the Circassian Settlement in the United States. New York, 1985.

23. *Шеуджен Э.А.* Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти: Москва-Майкоп, 2010. С.91.

24. *Султанов К.К.* Две культуры или одна? (Проблемы целостной характеристики) // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения. (По материалам международной научной конференции 14-19 октября 1991., Черкесск). Черкесск, 1993. С. 34–42.

Статья поступила в редакцию 03.03.2021 г.

9. *Popkov V.* "Classical" diasporas: on the question of the definition of the term [«*Klassicheskie» diaspory: k voprosu o definitsii termina*]. *Diasporas*. Moscow: Olita. 2002, 1: 6–23.

10. *Bekizova LA.* Folklore-epic traditions as the basis of the Adyghe literary community. *Cultural diaspora of the peoples of the Caucasus: genesis, problems of study. (Based on the materials of the international scientific conference October 14-19, 1991, Cherkessk)* [*Fol'klorno-epicheskie traditsii kak osnova adygskoy literaturnoy obshchnosti // Kul'turnaya diaspora narodov Kavkaza: genezis, problemy izucheniya. (Po materialam mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 14-19 oktyabrya 1991., Cherkessk)*]. Cherkessk, 1993.

11. Özbek *B.* Die tscherkessischen Nartensagen. Ethnographic der Tscherkessen. 3. Heidelberg, Esprit-Verlag, 1982. (in German).

12. *Bgazhnokov BKh.* Adyghe ethics [*Adygskaya etika*]. Nalchik: "El-Fa", 1999.

13. *Lurie SV.* Historical ethnology [*Istoricheskaya etnologiya*]. Moscow: Aspect Press, 1997.

14. *Berkok I.* Tarihte Kafkasya. İstanbul, 1958.

15. *Aydemir I.* Göç: Kuzey kafkasya'lilarin göç tarihi. Ankara, 1988. (in Turkish).

16. *Mohammad Kheir Hagondoqa.* The Circassians: origin, history, customs, traditions, Immigration to Jordan. Amman, 1985.

17. ص نهاد برزج. تهجير الشراكسة. عمان. ١٩٨٧. ١٨٩ (Burzadzh N. Exile of the Circassians. Amman, 1987.

18. *Berzeg Safer.* 1877-1878 Osmanli-Rusya Savasinda Kuzev Kafkasya ve Sürgündeki Kafkasyalilar. *Kafkasya Gersedi.* Samsun, 1, 1990.

19. *Havjoko Shaukat Mufti.* Heroes and Emperors in Circassian History. Beirut, 1979.

20. *Kadyr Natkho.* Circassian history [*Cherkesskaya istoriya*]. Maykop, 2012.

21. الدكتور شاكر مصطفى. شراكس ... كيف أخرجوا من ديارهم؟ // العربي. ١٩٩٣. العديد ٤١٧. ص ١١٤-١١٩ (*Shakir Mustafa.* Circassians ... how were they expelled? *Al Arabi.* 1993, 417: 114–119.

22. *Mohamad S. Shaker.* A Study of the Circassian Settlement in the United States. New York, 1985.

23. *Sheudzhen EA.* Adyghe (Circassians) in the space of historical memory [*Adygi (cherkesy) v prostranstve istoricheskoy pamyati*]. Moscow-Maykop, 2010. p. 91.

24. *Sultanov KK.* Two cultures or one? (Problems of integral characteristics). *Cultural diaspora of the peoples of the Caucasus: genesis, problems of study. (Based on the materials of the international scientific conference October 14-19, 1991, Cherkessk)* [. *Dve kul'tury ili odna? (Problemy tselostnoy kharakteristiki) // Kul'turnaya diaspora narodov Kavkaza: genezis, problemy izucheniya. (Po materialam mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 14-19 oktyabrya 1991., Cherkessk)*]. Cherkessk, 1993. p. 34–42.

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174968-984

Белозёрова Марина Витальевна
д.и.н., доцент, главный научный сотрудник
Субтропический научный центр РАН, Сочи, Россия
mbelozerowa@mail.ru

Магомедханов Магомедхан Магомедович
д.и.н., заведующий отделом этнографии
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
mkhan@yandex.ru

ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: КОНЕЦ 1980-х – 1990-е ГОДЫ

Аннотация. В статье ставится цель рассмотреть опыт управления на регио-нальном уровне миграционными потоками и проблемами адаптации мигрантов к новым для них социокультурным условиям на примере двух по-разному активных в миграционном отношении регионов Юга России (Краснодарского края и Республики Адыгея – «реципиентов» и Дагестана – «донора» «внутренних» и трудовых мигрантов) в 1980-х – начале 1990-х гг. На примере регионов (административно-территориальные районы Краснодарского края и Республика Адыгея, Сочи, Республика Дагестан) показаны последствия массовых переселений в конце 1980-х – начале 1990-х годов из республик Средней Азии, Закавказья в результате межнациональных конфликтов, ухудшения качества жизни населения. Используя системный подход, выборочный метод и компаративный анализ, выявлена региональная специфика миграционной ситуации, рассмотрен опыт регулирования миграционной проблемы на федеральном и региональном уровне. Исследование опирается на нормативно-правовые акты федерального и регионального законодательства, архивные документы. Сделан вывод, что в конце 1980-х – начале 1990-х годов Краснодарский край, Республика Адыгея, Сочи стали одними из основных регионов в России, принявших значительную массу мигрантов из республик СССР. Опыт регулирования миграционной проблемы заключался в создании краевых структур для ее решения, разработки миграционного законодательства на федеральном и региональном уровне, координации работы по управлению миграционными процессами, формировании механизмов по социально-экономической адаптации и интеграции мигрантов. Последствия продолжающейся до наших дней напряженной динамики миграционных процессов в рассматриваемых в данной статье регионах характеризуются как схожими тенденциями, так и локальными особенностями. Так, в Дагестане происходит интенсивная депопуляция горных территорий. Демографическая ситуация «горы без горцев» рассматривается узким кругом «наследников колхозов» как оптимальная для ликвидации молочно-товарных ферм, превращения горных земледельческих террас, сенокосов и даже садов в летние пастбища для отгонного овцеводства, т.е. отрасли, с точки зрения создания рабочих мест наименее продуктивной и, следовательно, в ничтожной степени, ориентированной на социальное и этнокультурное благополучие горных общин.

Ключевые слова: Западный Кавказ; Дагестан; этнодемографические процессы; регулирование миграционных потоков; социокультурные последствия миграций; межэтнические отношения.

© Белозерова М.В., Магомедханов М.М., 2021
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174968-984

Marina V. Belozerova
Dr. of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher
Subtropical Scientific Centre of the RAS, Sochi, Russia
mbelozerowa@mail.ru

Magomedkhan M. Magomedkhanov
Doctor of History, Head of the Department of Ethnography,
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of the RAS, Makhachkala, Russia
mkhan@yandex.ru

EXPERIENCE IN REGULATING MIGRATION FLOWS AT THE REGIONAL LEVEL: LATE 1980s – EARLY 1990s

This article aims to consider the example of two differently active re-gions of the South of Russia in terms of migration (Krasnodar Territory and the Republic of Adygea, “recipients” and Dagestan, “donor” of “internal” and labor) migrants) (1980s - early 1990s) experience of managing migration flows at the regional level and the problems of adaptation of migrants to new socio-cultural conditions. The article substantiates the need to study popula-tion migration. On the example of regions (administrative-territorial regions of Krasnodar Territory and the Republic of Adygea, Sochi, the Republic of Dagestan), the consequences of mass displacements in the late 1980s - early 1990s from the republics of Central Asia, Transcaucasia as a result of inter-ethnic conflicts, deterioration the quality of life of the population. Using a systematic approach, a sampling method and a comparative analysis, the re-gional specificity of the migration situation is revealed, the experience of reg-ulating the migration problem at the federal and regional levels is considered. The research is based on the normative legal acts of the federal and regional legislation, archival documents. It is concluded that in the late 1980s - early 1990s, the Krasnodar Territory, the Republic of Adygea, Sochi became one of the main in Russia, accepting a significant number of migrants from the re-publics of the USSR. The experience of regulating the migration problem consisted in the creation of regional structures for its solution, the develop-ment of migration legislation at the federal and regional levels, the coordina-tion of work on the management of migration processes, the formation of mechanisms for the socio-economic adaptation and integration of migrants. The consequences of the intense dynamics of migration processes continuing to this day in the regions considered in this article are characterized by both similar trends and local features. So, in Dagestan, there is an intensive de-population of mountainous territories. The demographic situation "moun-tains without mountaineers" is considered by a narrow circle of "collective farm heirs" as optimal for the liquidation of dairy farms, the transformation of mountain agricultural terraces, hayfields and even gardens into summer pastures for distant sheep breeding, i.e. the industry, from the point of view of job creation (three shepherds are enough to care for 1000 heads of sheep), is the least productive and, therefore, negligibly focused on the social and ethno-cultural well-being of mountain communities.

Keywords: Western Caucasus, Dagestan, ethno-demographic processes, regulation of migration flows, socio-cultural consequences of migration, interethnic relations

© M.V. Belozerova, M.M. Magomedkhanov, 2021
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2021

Исследование проблем, связанных с миграциями населения, имеет многовекторный характер. Данный вопрос является частью общей проблематики по этнической демографии и истории различных этносоциальных групп населения, проявления их политических, социально-экономических и этнических интересов, взаимодействия с органами власти, социальными институтами и с обществом в целом. В этой связи, сформулированная в заглавии тема статьи вписывается в общемировой контекст проблематики регионоведения, в частности горных территорий, а также глобальных социокультурных проблем этнически многообразного мира.

С конца 1980-х годов и вплоть до настоящего времени миграционная проблема остается в достаточной степени острой для России. Если в СССР миграции населения были внутренними, т.е. в пределах страны, и имели межрегиональную направленность, то в постсоветский период они приобрели и межгосударственный характер (в основном из стран СНГ и бывших советских республик). Миграция – это фактор, который влияет на резкую стратификацию общества. Причинами массовых переселений, главным образом, являются дестабилизация внутренних отношений на родине, межнациональные конфликты, ухудшение качества жизни населения, безработица. Попадая в иноязычную и инокультурную среду, мигранты стараются сформировать диаспоры, внутри которых определяются их «экономические стратегии», организуются различные формы этнического предпринимательства иногда без учета интересов резидентов или местного населения [1; 2; 3; 4; 5]. В свою очередь это, как правило, ведет к дестабилизации отношений в обществе.

В данной работе основное внимание уделяется проблемам, с которыми столкнулись регионы РФ в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в результате усилившихся миграционных потоков, анализируется опыт органов региональной власти по регулированию миграционного процесса на примере Республики Дагестан и ряда районов Краснодарского края, Республики Адыгея, г. Сочи, географически расположенных в пределах Северного и Западного Кавказа. Республика Адыгея (левобережье Кубани) занимает центральную часть Прикубанской (Закубанской) наклонной равнины и северные склоны Северного и Западного Кавказа; граница Абинского района Краснодарского края в южной части проходит по Главному Кавказскому хребту; территория Апшеронского района входит в предгорную зону северного склона и зону средневысотных гор западной оконечности Большого Кавказа; граница Сочи (Причерноморье, административно отнесен к Краснодарскому краю) с севера проходит по Главному и Водораздельному хребтам Западного Кавказа.

Методологической основой стали принципы системного подхода. Был использован выборочный метод по хронологическому (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) и территориальному (районы Краснодарского края, Республика Адыгея, Республика Дагестан) срезам. Компаративный анализ позволил проследить сложившуюся миграционную ситуацию и опыт регулирования миграционного процесса на региональном уровне. Для исследования данной

проблематики перспективными в ряду многих источников являются архивные документы, нормативно-правовые документы федерального и регионального уровней. Подчеркнем также значение сравнительно-исторического и этнологического методов анализа миграционных процессов, особенно применительно к России, история которой со времен Древней Руси и до наших дней отмечена перманентными перемещениями этнически и конфессионально разнородного населения, которые рассматривались в российской историографии не только с военно-политической, экономической, но и с народоведческой точек зрения.

В исследовании были использованы следующие термины:

беженец – прибывшее на территорию Российской Федерации лицо, которое было вынуждено покинуть место своего постоянного жительства вследствие совершенного в отношении него или членов его семьи насилия, преследования в любых формах, либо опасности подвергнуться преследованию по признаку национальной, расовой принадлежности, вероисповедания, языка, политическим убеждениям, принадлежности к определенной социальной группе;

вынужденный переселенец – лицо или гражданин РФ, вынужденно покинувший место своего постоянного жительства по аналогичным или другим причинам;

вынужденная миграция в Россию – поток вынужденных переселенцев, вследствие социально-этнической напряженности, принятых государствами – бывшими республиками Союза ССР – законов о гражданстве, языке и бытового национализма [6];

миграция населения – (от лат. migratio — переселение) перемещения людей через границы тех или иных территорий с переменой места жительства навсегда или на более, или менее длительное время**.** Подразделяется на: *безвозвратную м.* – смена постоянного места жительства; *временную м.* – переселение на ограниченный срок; *сезонную м.* – перемещение в определенные периоды года. Различают: *внешнюю* – эмиграция, иммиграция; *внутреннюю* – из села в город, межрайонные переселения и др. миграцию населения; *«маятниковую»* – регулярные поездки к месту работы или учебы за пределы своего населенного пункта.

Рассмотрение проблемы миграции в отечественной историографии не нова. К этой проблематике обращались исследователи, специализирующиеся в различных областях общественного знания – социологи, экономисты, историки, политологи, философы. В большей степени изучение вопросов миграции касается мегаполисов – Москвы, Санкт-Петербурга. Исследователями в данной большой проблематике затрагиваются различные аспекты.

Одним из основных предметов исследований стали вопросы экономической миграции, создания рабочих мест, анализ концепта «этническая экономика», формирования моделей этнического предпринимательства в отдельных регионах. Эта проблематика вызывает значительный интерес у зарубежных [7; 8; 9; 10] и отечественных исследователей [11; 12; 13; 14; 15; 16]1. Ставились

1 *Капустина Е.Л.* Трудовая миграция из сельского Дагестана как хозяйствен-ная практика и социокультурное явление. Диссертация … кандидата исторических наук: 07.00.07 / Музей антропологии и

вопросы создания инфраструктуры для социокультурной адаптации иностранных граждан в российское общество [17, с. 91, 93; 11]; миграции и этнокультурной безопасности [15]; рассматривалась специфика этнической миграции как формы взаимодействия этносов [18, с. 134; 19, с. 4, 14–16], формирование адаптивных условий в студенческой среде [20], этнического предпринимательства [21; 22; 23; 24; 25]. Интерес представляют разработки по изучению конфликтности миграции, формирования в обществе явления, так называемой «мигрантофобии» [26, с. 174, 178]. Общим для ряда этих работ является то, что вопросы миграции авторы связывали с курсом национальной политики, в частности и на региональном уровне [27, с. 91], регуляцией миграционных потоков в контексте регуляции межэтнических отношений, вопросы законодательного упорядочивания и институциализации.

Однако ряд аспектов, связанных с миграцией в южные регионы РФ в конце 1980-х – начале 1990-х гг. остались вне внимания авторов или были исследованы недостаточно. К таким можно отнести:

- миграции в результате конфликтов из других регионов СССР и риски для местного населения (резидентов);

- рассмотрение опыта федеральных и региональных органов власти по регулированию миграционной проблемы (расселение, вопросы обустройства мигрантов, взаимодействия с местным населением и органами власти, область общественных и культурных интересов и др.).

Обращаясь к более подробному рассмотрению этих вопросов, отметим два аспекта. Первое – несмотря на глубокий экономический кризис, который начал проявляться в 1990-е гг. как в целом в РФ, так и в регионах страны, экономическое положение России было намного устойчивее, чем в бывших республиках СССР. Другим немаловажным фактором стала возможность для мигрантов получения среднего и высшего образования на русском языке. В ряде регионов образование осуществлялось на русском языке как, например, в Нагорном Карабахе, что привело к усилению миграции армян из Нагорного Карабаха в Россию.

И, наконец, предметом изучения и политического дискурса не стали факторы, влиявшие на складывавшуюся ситуацию в южных регионах России вследствие усиления миграционного потока, на социальные риски для местного населения в результате миграционных процессов.

Начиная с 1989 г., в России было отмечено усиление стихийной миграции в результате конфликтов, произошедших в республиках Средней Азии и Закавказья[2]. К примеру, в этом году из Узбекистана в Россию прибыло свыше 20,0 тыс. турок-месхетинцев, из которых были обеспечены жильем в сельской местности и работой в различных регионах нашей страны 13,0 тыс. человек.

этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Санкт-Петербург. 2013.

2 Постановление Правительства РФ от 18.05.1992 г. № 327 «О республиканской долговременной программе «Миграция» Электронный ресурс. Доступно по ссылке: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102010276&backlink=1&nd=102016239. Дата обращения: 01.09.2021 г.

Таким образом, размещение беженцев, по оценке соответствующих федеральных структур, происходило в организованном порядке. В 1990 г. в Российскую Федерацию из Баку прибыло более 90,0 тыс. человек, из которых около 2/3 были русскоязычные граждане, остальные – других этносов. В 1991 г. из Грузии в Северную Осетию прибыло более 100,0 тыс. осетин[3].

Пропорционально мигранты по этнической принадлежности делились следующим образом (от всех мигрантов, прибывших в РФ к 1992 г.): всего официально было зарегистрировано 222,0 тыс. беженцев, из них осетин – 37%, турок-месхетинцев – 20%, армян – 20%, русских и других славянских этносов – примерно 23%. Как видим, республики Закавказья стали основными странами исхода населения. Характеризуя проблему в документе «О республиканской долговременной программе «Миграция» (1992 г.), отмечались следующие уже проявившиеся тенденции: рост численности мигрантов-русских, складывание наиболее напряженной обстановки в южных регионах страны. Прежде всего в районах Северного Кавказа, Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области. На их территории расположилось до 70% всех беженцев[4]. В сущности, эти регионы стали буферной зоной между районами Закавказья и центральной России. Безусловно, одной из главных причин миграции в южные регионы России были благоприятные природно-климатические условия регионов.

Сложившуюся ситуацию иллюстрируют результаты социологического опроса, проведенного в 1994 г. в рамках исследования «Этносоциальные и криминальные последствия вынужденной миграции». Опрос был проведен среди постоянных жителей Краснодара неславянской этнической принадлежности (300 чел.), нерусских беженцев (100 чел.), переселившихся в Краснодарский край, и сотрудников МВД Ставропольского края (300 чел.). Были получены следующие результаты: в 1990 г. доля беженцев, хотевших остаться *только* в Краснодарском крае без каких-либо попыток перебраться в другой регион, составляла 20%, желали остаться на постоянное жительство – 65%. Уже в 1994 г. ситуация изменилась: по первому параметру число возросло уже до 66%, по второму – до 83%[5].

Мигранты на территории РФ оформляли статус беженца или вынужденного переселенца, который признавался только на основании правительственных постановлений с учетом каждого конкретного случая. Такая ситуация была вызвана тем, что вплоть до 1992 г. в стране не были сформированы миграционное законодательство, закон о беженцах, государственные структуры, которые должны были заниматься их проблемами. Регистрацией мигрантов

3 Там же.

4 Постановление Правительства РФ от 18.05.1992 г. № 327 «О рес-публиканской долговременной программе «Миграция». Электронный ресурс. Доступно по ссылке: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102010276&backlink=1&nd=102016239. Дата обращения: 01.09.2021 г.

5 Мельник Е.А. Этносоциальные и криминальные последствия вынужденной миграции. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: https://www.hrw.org/legacy/russian/reports/russia/1998/sr/topic12.htm. Дата обращения: 10.09.2021.

занимались органы МВД. В этот период нормативно-правовые документы правительства и президента РФ принимались исключительно «с целью ликвидации чрезвычайных миграционных ситуаций» [11, с. 88].

Таким образом, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в стране еще не сложилась практика по системному решению миграционных проблем, включая и отсутствие нормативной базы. Поэтому первоначально региональные органы власти в своей деятельности были вынуждены опираться только на межправительственные документы. Все это затрудняло регистрацию мигрантов и оформление их статуса. Кроме того, формируемое российское миграционное законодательство не было однозначным. Это можно проследить по ряду ограничений для переселенцев. Так, армяне, которые бежали из Азербайджана в ходе массовых волнений 1988-1990 гг., согласно существовавшему тогда российскому законодательству, были отнесены к категории «временных переселенцев», если они были зарегистрированы до 1993 г. в соответствующих российских государственных органах. Те же, кто прибыл после этого срока, были отнесены к категории «беженцы»[6].

Как мы отмечали выше, часть мигрантов устремилась в густонаселенные районы Краснодарского края и Республику Адыгея. По этнической принадлежности это были турки-месхетинцы, курды, азербайджанцы, армяне и др. В результате наплыва мигрантов в регионе обострилась социальная ситуация [18, с. 20–21; 28]. В этой связи отметим некоторые аспекты. Часть прибывших и продолжавших приезжать в Краснодарский край не проходили регистрацию, т.е. формировались категории легальных и нелегальных мигрантов. К середине 1990-х гг. краевые органы управления обеспокоила проблема роста численности армянской диаспоры на территории края. Согласно материалам краевых органов миграционной политики, в крае были зафиксированы две тенденции: «устойчивая» естественная убыль (смертность) «славянского» населения и рост доли армянского населения в общей численности жителей края в целом. По мнению руководства краем, усиление миграции армян и их естественный прирост могли привести к постепенному изменению «…в равновесии … численности основных национальных групп народонаселения края…», которое исторически сложилось[7]. В качестве примера можно привести агломерацию Большой Сочи, входящую в состав Краснодарского края. Он также стал одним из «центров» миграции, в частности для армян – беженцев из Нагорного Карабаха и позднее Абхазии. Согласно данным администрации Сочи, к 1993 г. там было зарегистрировано по месту жительства 5337 человек, из которых 66,3% составляли русские и около 16,4% армяне. Уже в 1996 г. пропорции

6 Этнические войны и принудительная миграция. Электронный ресурс. До-ступно по ссылке: https://www.hrw.org/legacy/russian/reports/russia/1998/sr/topic12.htm. Дата обращения: 10.09.2021.

7 Постановление № 130 «О фактах грубого нарушения законов Российской Федерации и нормативных актов Краснодарского края, регулирующих регистрацию граждан, порядок землепользования и строительства в г. Сочи», принятое admini-страцией Краснодарского края 16 апреля 1997 г. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: https://www.hrw.org/legacy/russian/reports/russia/1998/sr/topic12.htm. Дата обращения: 17.09.2021.

резко изменились: доля русских сократилась до 45,1%, доля армян возросла до 39,8%. Причиной такого «выравнивания» численности этих групп населения оказалась выявленная «незаконная» выдача главами районных администраций разрешений на регистрацию браков с лицами, не проживавшими на территории Российской Федерации. В качестве примера приводилась практика, установившаяся в Адлерском районе: в 1995 г. администрацией было выдано 142 подобных разрешения, в 1996 г. – 189. При данной системе в 1996 г. русских в Адлерском районе проживало примерно в 3,6 раза меньше, чем армян. По этому поводу с перечислением выявленных нарушений администрацией Краснодарского края было принято специальное Постановление «О фактах грубого нарушения законов Российской Федерации и нормативных актов Краснодарского края, регулирующих регистрацию граждан, порядок землепользования и строительства в г. Сочи» (1997 г.)[8].

К другим негативным явлениям можно отнести определенные риски для местных жителей, созданные мигрантами, в частности, в ряде районов Краснодарского края (к примеру, Абинском, Белореченском, Апшеронском). В целом в регионе не была подготовлена местная инфраструктура к приему мигрантов, прежде всего это касалось рынка жилья. Школы и больницы не были рассчитаны на прием увеличившегося населения. Произошло резкое сокращение рабочих мест в ряде отраслей, снижение шансов на ведение предпринимательской деятельности для местного населения. Эти выводы были сделаны по итогам работы специальной комиссии по контролю и координации работы по упорядочению миграции населения в Краснодарском крае и по протесту прокурора. Результатом стало принятие Решения Президиумом Краснодарского краевого совета народных депутатов о временном ограничении приема беженцев, стихийно прибывших в край[9].

В Республике Адыгея миграционная обстановка несколько отличалась. В конце 1980-х гг. и в последующее время основную часть населения Адыгеи составляли русские, их доля в этнической структуре республике была стабильно высокой. Показатели приводятся в динамике [29]: в 1959 г. – около 70,4 %, в 1989 г. – 70,6 %, в 2002 г. – 67,96 %, в 2010 – 61,5 %. Некоторое снижение доли русских было связанно с увеличением в республике численности представителей других этносов – армян (например, в 1959 г. – 1,06 %, 1989 г. – 2,4%, в 2010 – 3,5%), курдов, греков, грузин и других этносов, а также появлением в этнической структуре республики представителей народов, которые ранее здесь не были или почти не были представлены. Наиболее четко эти процессы

8 Постановление № 130 «О фактах грубого нарушения законов Российской Федерации и нормативных актов Краснодарского края, регулирующих регистрацию граждан, порядок землепользования и строительства в г. Сочи», принятое админи-страцией Краснодарского края 16 апреля 1997 г. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: https://www.hrw.org/legacy/russian/reports/russia/1998/sr/topic12.htm. Дата обращения: 17.09.2021.

9 Национальный архив Республики Адыгея (здесь и далее НАРА). Ф. Р-79 (Майкопский городской Совет рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и его исполнительный комитет. 1922—1935, 1943—1992 годы). Оп. 4. Д. 1147; Ф. Р-499 (Верховный Совет Республики Адыгея (1992—1993). Государственный Совет-Хасэ Республики Адыгея. 1995 – по настоящее время). Оп. 1. Д. 142.

прослеживаются в 2010 г. К таким этносам относятся азербайджанцы (1,8 тыс.), корейцы, чеченцы (0,8 тыс.), чеченцы (0,6 тыс.), осетины (0,5 тыс.), лезгины (0,4 тыс. чел.) и другие народности.

Отметим также следующие аспекты. Анализ архивных документов показал, что в Республике Адыгея в начале 1990-х гг. демографическая ситуация была не совсем благоприятная и характеризовалась следующими тенденциями: снижением уровня рождаемости (за девять месяцев 1993 г. – 3533 человек) и увеличением уровня смертности (за тот же период – 4785 человек). Убыль населения шла и за счет выезда части жителей из республики в другие регионы России. Так, за девять месяцев 1994 года выбыло более 8,0 тыс. человек. В то же время был зафиксирован и незначительный рост населения за счет внутренней миграции (русских, адыгейцев, армян, греков, абхазов) из других регионов РФ: за тот же период в Адыгею прибыло более 10,2 тыс. человек. Учитывая общую неблагоприятную демографическую ситуацию в Республике Адыгея, а также снижение доли трудоспособного населения (например, в 1993 г. она составила около 53,3%, в 1994 г. – около 52,8%), последствия миграции не имели такой остроты, как в других районах Краснодарского края. Однако обозначилась и негативная тенденция в структуре переехавших в республику – это увеличение доли граждан пенсионного возраста. Например, в 1994 г. доля пенсионеров в общем числе прибывших составила 35%[10]. Таким образом, в Республике Адыгея обозначились следующие тенденции: некоторое изменение этнического состава населения (снижение доли русских за счет увеличения доли других этносов); снижение уровня рождаемости и увеличение уровня смертности населения; повышение доли жителей пенсионного возраста, в том числе и среди вновь приехавших.

Таким образом, для регионов Краснодарского края была характерна внешняя миграция из республик бывшего СССР – Закавказья и Средней Азии, характеризовавшихся в конце 1980-х – начале 1990-х годов повышенной конфликтогенностью, очагами военного напряжения, проявившейся бедностью населения.

Для регулирования ситуации с усиливавшимся миграционным потоком в крае была создана постоянная комиссия при Краснодарском краевом совете народных депутатов по культуре, национальным вопросам, межнациональным отношениям, охране исторического наследия, по проблемам миграции. Комиссией был разработан план мероприятий, на основе которого принято решение Президиума крайсовета, которое предусматривало следующие шаги[11]: создание миграционной службы и специальной комиссии по контролю и координации работы по упорядочению миграции в крае населения; разработку «Временного положения о статусе беженцев в Краснодарском крае»; принято решение об оформлении мигрантами договоров купли-продажи домов. В то же время был введен и ряд ограничений для мигрантов. В частности, было оговорено

10 НАРА. Ф. Р-79. Оп. 4. Д. 1147; Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 142. л. 10, 11.
11 НАРА. Ф. Р-79. Оп. 4. Д. 1147. Л. 3-4.

разрешение принимать на временную работу беженцев, прибывших в край только до 01.04.1990 г., временно ограничена прописка стихийно прибывших беженцев. Последнее положение было принято по протесту прокурора Краснодарского края в результате массовых сходов и митингов коренного населения Абинского, Белореченского, Апшеронского и других районов, возмущенных массовым наплывом переселенцев. Предложено проведение разъяснительной работы в среде вынужденных мигрантов о необходимости их выезда в те места временного проживания, которые для них были определены. Последняя мера опиралась на Постановление Совета Министров РСФСР «О дополнительных мерах по оказанию помощи в размещении беженцев, прибывающих в РСФСР» (1990 г.)[12] и Постановление Совета Министров РФСР «О мерах по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам» (1990 г.)[13].

Согласно этим документам, основные задачи органов региональной и республиканской власти заключались в защите интересов граждан РФ, проживающих на ее территории и за ее пределами, координации работы по управлению миграционными процессами, содействие по социально-экономической адаптации и интеграции мигрантов в России, работа по оказанию помощи беженцам и др. Предусматривалось два этапа расселения. На первом, временном, массово прибывающих мигрантов из-за чрезвычайных ситуаций размещали на определенных территориях. На данном этапе их признавали беженцами и вынужденными переселенцами. На втором этапе происходило добровольное расселение на основе рекомендаций Комитета по делам миграции населения при Министерстве труда и занятости населения Российской Федерации и существующих ограничений в прописке в ряде регионов. Был составлен и список благоприятных и относительно благоприятных территорий, на которых было целесообразно расселять вновь прибывших. Краснодарский край в данный перечень не входил. На основе этих постановлений Министерству труда РСФСР и Государственному комитету РСФСР по экономике была поручена разработка Республиканской долговременной программы «Миграция» (разработана и утверждена в 1992 г.) [11][14].

Реализация мероприятий, обозначенных в постановлениях Совета Министров РСФСР, как на федеральном, так и региональном уровне позволила приостановить поток беженцев в Краснодарском крае и приступить к регулированию миграционного потока.

В Республике Дагестан миграционная ситуация отличалась от российских регионов, что было обусловлено, главным образом, внутренними

12 Постановление № 130 «О фактах грубого нарушения законов Российской Федерации и нормативных актов Краснодарского края, регулирующих регистрацию граждан, порядок землепользования и строительства в г. Сочи», принятое админи-страцией Краснодарского края 16 апреля 1997 г. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: https://www.hrw.org/legacy/russian/reports/russia/1998/sr/topic12.htm. Дата обращения: 17.09.2021.

13 Постановление Совета Министров РСФСР от 22.11.1990 г. № 539 «О мерах по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам». Электронный ресурс. Доступно по ссылке: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102010276&backlink=1&nd=102016239. Дата обращения: 17.09.2021.

14 Постановление Правительства РФ от 18.05.1992 г. № 327 «О республикан-ской долговременной программе «Миграция». Электронный ресурс. Доступно по ссылке: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102010276&backlink=1&nd=102016239. Дата обращения: 01.09.2021 г.

экономико-демографическими причинами [30]. Отмечаются следующие тенденции. Миграции населения имели место, начиная с 1970-х годов и вплоть до настоящего времени. Они были внешними (выезд за пределы республики и за рубеж) и внутренними (переселение горцев на равнину и в города). Наиболее характерным видом внешней миграции была традиция «отходничества» за пределы Дагестана. То есть создавались строительные бригады, которые «шабашили» в разных регионах СССР с марта по ноябрь. Этим решалась проблема безработицы. По разным оценкам в таких бригадах работало от двухсот до трехсот тысяч дагестанских мужчин.

Отмеченные аспекты, согласно данным В.С. Белозерова, «вписываются» в общую картину динамики этнической структуры Российского Кавказа, которая определялась соотношением трех этнических групп – русских, народов Дагестана и ряда других этносов региона (греков, армян и др.). Характеризуя важнейшие этапы и тенденции миграционных процессов в регионе, автор выделяет два периода: период «славянизации» (процесс русификации региона в дореволюционное время до начала 1960-х гг.) и период «дерусификации» (сокращением положительной динамики абсолютных и относительных показателей русских в структуре населения Дагестана) [27; 31][15]. Внутренняя миграция с конца 1950-х гг., – это переселение населения с гор на равнину с целью решения проблемы земельной и демографической диспропорций между горными и равнинными районами. В 1990-е гг. миграционные потоки в Дагестане имели следующую направленность: 1) внутри северокавказского региона, 2) из региона за его пределы, 3) из другого региона в республику [12; 32]. В 1990-е гг. в Дагестане значительное влияние на миграционную ситуацию оказало экономическое состояние региона. Формирование до 90% бюджета республики шло из федеральных дотаций, уровень заработной платы был в три раза меньшем, чем в среднем по РФ, каждый пятый из восьмисоттысячного экономически активного население оставался безработным. До 40% населения республики проживало в селах. В высокогорных районах основная масса людей была занята сезонными работами в слаборазвитых в технологическом отношении хозяйствах [33; 13; 34; 35].

С 1980-х гг. основную часть мигрантов из республик Северокавказского региона в целом и Дагестана в частности составили русские и другие «нетитульные» этносы [31]. В результате нерегулируемого оттока русскоязычного населения в 1990-е гг. республику покинули 49 тыс. представителей русского, украинского, еврейского, армянского и татарского населения [36].

С 1990-х гг. миграция горцев на равнину, в отличие от плановых, нацеленных на развитие аграрного сектора на равнине переселений советского периода, носит стихийный, неуправляемых характер. Депопуляция горных и особенно высокогорных районов становится все более необратимой [35]. В постсоветский

15 Капустина Е.Л. Трудовая миграция из сельского Дагестана как хозяйственная практика и социокультурное явление. Диссертация … кандидата исторических наук: 07.00.07 / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Санкт-Петербург. 2013.

период более 200 высокогорных поселений утратили статус административных единиц (населенных пунктов), а более сорока и вовсе обезлюдели [37, с. 9][16].

В то же время росло число дагестанцев, проживающих за пределами республики (в РФ и СНГ в 1959 г. – 208 тыс. чел.; в 1970 г. – около 304; в 1979 г. – 390, в 1989 г. – свыше 619 тыс. человек [38, с.14; 23, с.19]. Миграции за пределы региона затронули и коренные народы Дагестана. По данным на 2002 г. в РФ, но за пределами Дагестана, проживало 376 тыс. дагестанцев [39, с. 7–18]. К 2010 г. таковых насчитывалось 445 тыс. человек [37, с. 9]. Так, если доля аварцев от общей численности населения, проживавших в Дагестане, составляла 86,1%, то к 1989 г. она уменьшилась до 82,5%, даргинцев – с 90,1% до 76,8%; кумыков – с 89,5% до 82,2%; лезгин – с 50,2% до 43,9%; лакцев – с 84,2% до 77,6%; табасаранцев – с 96,5% до 80,2%; ногайцев – с 42,0% до 37,6%; рутульцев – с 97,6% до 74,0%; агульцев – с 97,7% до 73,8%; цахуров – с 38,8% до 26,0%. [38, с. 29; 40, с. 14]. В 1990-е гг. фиксируется обратный процесс: возвращение дагестанцев в республику из российских регионов, а также, после распада страны, из бывших республик СССР. В результате число прибывающих в республику превысило число выезжающих из нее. Миграционной службой РД с июля 1992 по январь 1998 г. было зарегистрировано 2047 семей (6878 человек), прибывших из Азербайджана, Грузии, Узбекистана, Туркмении. В результате военных конфликтов в Закавказье и регионах Северного Кавказа в течение 08.12.1994 года – конца 1997 гг. Дагестан принял 28,6 тыс. человек вынужденных переселенцев. За 1989-2002 гг. в Дагестане численность населения дагестанских народов только за счет миграции в республику из других регионов увеличилась на 75,0 тыс. человек [13, с. 90–95; 37; 41, с. 29;38, с. 14].

Подводя итоги, отметим, что в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Краснодарский край стал одним из основных регионов России, принявших значительную массу мигрантов из республик СССР – Средней Азии, Закавказья, Абхазии. На примере регионов Краснодарского края и Республики Адыгеи прослеживаются проблемы, с которыми столкнулись как местные органы управления, так и местное население. Миграционная ситуация в регионах края имела свои нюансы [23; 24; 25].

Опыт регулирования миграционной проблемы в Краснодарском крае заключался, прежде всего в создании краевых структур для ее решения, разработки миграционного законодательства на федеральном и региональном уровне, координации работы по управлению миграционными процессами, формировании механизмов по социально-экономической адаптации и интеграции мигрантов. Слабые стороны принимаемых мер проявились в том, что оставалось достаточно большое число мигрантов, не проходивших регистрацию. То есть формировались две категории мигрантов – легальных и нелегальных. А значит, миграционные процессы стали принимать латентный характер и могли в будущем стать основанием для формирования негативных явлений в регионах.

16 Капустина Е.Л. Трудовая миграция из сельского Дагестана как хозяйственная практика и социокультурное явление. Диссертация … кандидата исторических наук: 07.00.07 / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Санкт-Петербург. 2013.

Тем не менее, миграционный поток в Краснодарском крае удалось приостановить, что послужило началом его регулирования.

В Дагестане причины и последствия переселения населения с гор на равнину, оттока за пределы республики необходимо рассматривать во взаимосвязи с социальной напряженностью, вызванной реформами в экономической и социальной сфере, переходом к рыночной экономике, приватизацией совхозов и колхозов, конфликтами на Северном Кавказе [14; 42; 43; 44; 45; 46; 16, с. 109–110; 29][17]. Со второй половины 1980-х гг. миграция горцев на равнину приобрела (в отличие от «плановых» переселений советского времени) стихийный, неуправляемый характер, привела к пополнению в значительной массе безработного населения городов и составляющих городские агломерации поселков. На равнине и без новых заселений было немало проблем (административно-правовой статус поселений на т.н. «землях отгонного животноводства», безработица, напряженные поземельные отношениями с «самостийно» хозяйствующими субъектами (собственниками), под началом которых молодежь не считает достойным работать и выезжает на заработки. Исследователями отмечено, что миграция «интеллигенции и предпринимателей инновационного направления, не связанных с коррумпированными кругами» является «существенной угрозой деградации населения, т.к. республику покидают граждане, создающие качество нации и генетически несущие будущее – самые умные и самые энергичные». «Преодоление этой тенденции, регулирование миграционных потоков, должно стать одной из главных задач экономической политики в Республики Дагестан…» [13, с. 96]. С миграцией неженатой молодежи за пределы республики сопряжены также сложности в сфере брачных и гендерных отношений, социальные болезни, конфликты норм поведения [32].

Таким образом, в целом специфику социальных и этнокультурных последствий миграционных процессов в Дагестане определяют внешние [13; 30; 32] или имманентные, т.е. обусловленные факторы: многонациональный состав, стабильное увеличение численности населения, высокий удельный вес сельского населения (более 50%) в социальной структуре населения. Дальнейшее изучение рассмотренных в данной статье проблем открывает перспективы для принятия управленческих решений, для «удержания» региональными властями миграционных потоков, равно как и вопросов социокультурной, межэтнической интеграции мигрантов с «принимающей стороной», в режиме управляемости.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта РФФИ 19-09-00490 а «Использование этнокультурных традиций в стратегии социально-экономического и экологического развития горных территорий Дагестана».

17 *Лепяхова С.В., Янжинов С.А.* Этнокультурная правовая политика в контексте миграционных процессов Электронный ресурс. Доступно по ссылке: https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnaya-pravovaya-politika-v-kontekste-migratsionnyh-protsessov. Дата обращения: 10.09.2021 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бажан Т.А.* Вопросы инфраструктуры интеграции мигрантов в региональных планах реализации государственной национальной политики Российской Федерации // Экономика. Право. Общество. № 2 (18). 2019. С. 91-100.

2. *Белозеров В.* Трансформация этнодемографических и миграционных процессов на Северном Кавказе // Россия и Мусульманский мир. 2010. № 10. с. 54-73.

3. *Белозёрова М.В.* К проблеме толерантности и межкультурного взаимодействия в студенческой среде // Вестник Кемеровского государственного университета. Журнал теоретических и прикладных исследований. 2011. № 2 (46). С. 5-9.

4. *Белозёрова М.В.* Этническое предпринимательство в Сочинском Причерноморье: особенности развития в начале XXI столетия. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-11-150-162 // Научный диалог. 2018. № 11. С. 150-162.

5. *Бердникова О., Паченков О.* Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. № 3 (2). С. 74-81. [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnichnost-etnicheskoy-ekonomiki-i-sotsialnye-seti-migrantov (дата обращения: 11.05.2018).

6. *Light, I.* Immigrant and Ethnic Enterprise in North America, Ethnic and Racial Studies (April 1984). Vol. 7, No. 2.

7. *Light, I., and S. Karageorgis.* The Ethnic Economy, in: Smelser, N., and R. Swedberg (eds.). The Handbook of Economic Sociology. Princeton: Princeton University Press, 1994.

8. *Waldinger, R.* Immigrant enterprise. A critique and reformulation, Theory and Society (1986). No.15

9. *Waldinger, R., Ward, R., and H. Aldrich.* Ethnic Business and Occupational Mobility in Advanced Societies, Sociology (November 1985). Vol. 19, No.4. P. 586-597.

10. *Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л.* Миграционная политика России история и современность. М.: Эконом-Информ. 2016. 192 с.

11. *Егоров В.К., Ибрагимов М.-Р.А.* Русское население Дагестана: проблемы и перспективы этнодемографического развития // Федерализм. 2013. № 2. С. 159-170.

REFERENCES

1. Bazhan TA. Issues of the infrastructure of the integration of migrants in regional plans for the implementation of the state national policy of the Russian Federation [Voprosy infrastruktury integratsii migrantov v regional'nykh planakh realizatsii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii] *Economy. Law. Society*. 2019, 2(18): 91–100. (in Russ)

2. Belozerov V. Transformation of ethno-demographic and migration processes in the North Caucasus [Transformatsiya etnodemograficheskikh i migratsionnykh protsessov na Severnom Kavkaze] *Russia and the Muslim world*. 2010, 10: 54–73. (In Russ)

3. Belozerova MV. On the problem of tolerance and intercultural interaction in the student environment [K probleme tolerantnosti i mezhkul'turnogo vzaimodeystviya v studencheskoy srede] *Bulletin of the Kemerovo State University. Journal of Theoretical and Applied Research*. 2011, 2(46): 5–9. (In Russ)

4. Belozerova MV. Ethnic entrepreneurship in Sochi Black Sea region: features of development in early 21st century [Etnicheskoe predprinimatel'stvo v Sochinskom Prichernomor'e: osobennosti razvitiya v nachale XX stoletiya]. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-11-150-162. *Nauchnyi dialog*. 2018, 11: 150–162. (In Russ)

5. Berdnikova O, Pachenkov O. Ethnicity of the “ethnic economy” and social networks of migrants [Etnichnost' «etnicheskoy ekono-miki» i sotsial'nye seti migrantov // Ekonomicheskaya sotsiologiya]. *Economic sociology*. 2002, 3(2): 74-81. Available at://cyberleninka.ru/article/n/etnichnost-etnicheskoy-ekonomiki-i-sotsialnye-seti-migrantov (accessed on: 05/11/2018).

6. Light, I. *Immigrant and Ethnic Enterprise in North America, Ethnic and Racial Studies* (April 1984). Vol. 7, No. 2.

7. Light I, Karageorgis S. The Ethnic Economy. Smelser N., and R. Swedberg (eds.). *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton: Princeton University Press, 1994.

8. Waldinger R. Immigrant enterprise. A critique and reformulation, *Theory and Society* (1986). No.15

9. Waldinger R, Ward R, Aldrich H. Ethnic Business and Occupational Mobility in Advanced Societies. *Sociology*. 1985, 19(4): 586–597.

10. Vorobieva OD, Rybakovsky LL, Rybakovsky OL. *Migration policy of Russia, history and modernity [Migratsionnaya politika Rossii istoriya i sovremennost']*. Moscow: Econom-Inform, 2016.

11. Egorov VK, Ibragimov M-RA. Russian population of Dagestan: problems and prospects of ethnodemographic development [Russkoe naselenie Dagestana: problemy i perspektivy etnodemograficheskogo razvitiya] *Federalism*. 2013, 2: 159-170. (In Russ)

12. *Ибрагимов М.-Р.А.* Актуальные проблемы современной демографии республики Дагестан // Вестник Дагестанского научного центра. 2014. № 52. С. 90-95.

13. *Ибрагимов М.-Р.А., Егоров В.К.* Конфликтогенные аспекты земельного вопроса в Дагестане // Федерализм. 2014. № 4 (76). С. 109-122.

14. *Ильин В.И.* Миграционная составляющая национальной политики // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 3. С. 130-134 (С. 134).

15. *Казенин К.И.* Миграция северокавказского населения с гор на равнину: истоки разнообразия // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 1. С. 23-38.

16. *Симонян М.С.* Армянская диаспора Северо-Западного Кавказа: формирование, культурно-конфессиональный облик, взаимоотношения с властью, общественными и религиозными объединениями (конец XVIII – конец XX века) / Автореферат… канд. ист. наук. Майкоп: Адыгейский госуниверситет. 2003. 25 с.

17. *Тарабян К.К.* Диаспора в политическом процессе современной России (на примере армянской диаспоры) / Автореферат… канд. полит. наук. Екатеринбург. 2018. 17 с.

18. *Садовой А.Н.* Черноморское побережье Кавказа. Этническое предпринимательство в системе межкультурных коммуникаций: по-становка проблемы // Homo communicans II: Человек в пространстве межкультурной коммуникации. Szczecin. 2012. P. 239-244.

19. *Садовой А.Н.* Этническое предпринимательство в трансграничных районах: к исследованию адаптационных процессов // Социальные, экономические, технологические и экологические аспекты устойчивого развития регионов России. Сочи: Оптима. 2018. С. 167-172.

20. *Садовой А.Н., Белозёрова М.В.* Индикаторы мониторинга реализации стратегии государственной национальной политики Российской Федерации: модели традиционного жизнеобеспечения и этниче-ское предпринимательство // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 296-312.

21. *Лубский А.В., Сериков А.В., Стукалова Д.Н.* Конфликтогенный потенциал миграционных потоков в контексте обеспечения национальной безопасности России // Госу-

12. Ibragimov M-RA. Actual problems of modern demography of the Republic of Dagestan [Aktual'nye problemy sovremennoy demografii respubliki Dagestan]. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center*. 2014, 52: 90-95. (In Russ)

13. Ibragimov M-RA, Egorov VK. Conflict-related aspects of the land issue in Dagestan [Konfliktogennye aspekty zemel'nogo voprosa v Dagestane]. *Federalism*. 2014, 4(76): 109–122.

14. Ilyin VI. Migration component of national policy [Migratsionnaya sostavlyayushchaya natsional'noy politiki]. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2012, 3: 130-134. (In Russ)

15. Kazenin KI. Migration of the North Caucasian population from the mountains to the plains: the origins of diversity [Migratsiya severokavkazskogo naseleniya s gor na ravninu: istoki raznoobraziya] *Journal of Social Policy Research*. 2019, 17(1): 23-38. (In Russ)

16. Simonian MS. *Armenian Diaspora of the North-West Caucasus: Formation, Cultural and Confessional Image, Relationship with the Authorities, Public and Religious Associations (late 18th – late 20th century) [Armyanskaya diaspora Severo-Zapadnogo Kavkaza: formirovanie, kul'turno-konfessional'nyy oblik, vzaimootnosheniya s vlast'yu, obshchestvennymi i religioznymi ob"edineniyami (konets KhVIII – konets KhKh veka)].* Abstract of dis. Maikop: Adyghe State University, 2003. (In Russ)

17. Tarabyan KK. *Diaspora in the political process of modern Russia (on the example of the Armenian diaspora) [Diaspora v politicheskom protsesse sovremennoy Rossii (na primere armyanskoy diaspory)].* Abstract of dis. Ekaterinburg, 2018. (In Russ)

18. Sadovoy AN. Black Sea coast of the Caucasus. Ethnic entrepreneurship in the system of intercultural communication: definition of the problem [Chernomorskoe poberezh'e Kavkaza. Etnicheskoe predprinimatel'stvo v sisteme mezhkul'turnykh kommunikatsiy: postanovka problemy]. *Homo communicans II: Man in the space of intercultural communication*. Szczecin, 2012: 239–244.

19. Sadovoy AN. Ethnic entrepreneurship in cross-border areas: towards the study of adaptation processes [Etnicheskoe predprinimatel'stvo v transgranichnykh rayonakh: k issledovaniyu adaptatsionnykh protsessov] *Social, economic, technological and environmental aspects of sustainable development of Russian regions*. Sochi: Optima, 2018:167-172. (In Russ)

20. Sadovoy AN, Belozerova MV. Indicators for monitoring the implementation of the strategy of the state nationality policy of the Russian Federation: models of traditional life support and ethnic entrepreneurship [Indikatory monitoringa realizatsii strategii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii: modeli traditsionnogo zhizneobespech-

дарственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 3. С. 174-180.

22. Социально-демографическая характеристика наиболее многочисленных национальностей и народностей Дагестана. (По итогам переписи населения 1989 г.). Махачкала, 1992.

23. Табл. 33. Численность населения городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений, городских населённых пунктов, сельских населённых пунктов // Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2013 года. М.: Федеральная служба государственной статистики Росстат. 2013. 528 с.

24. *Капустина Е.Л.* Трудовая миграция: экономическая стратегия и элемент социальной жизни (опыт современного горного Дагестана) // Этнографическое обозрение. 2010. № 1. С. 24-32.

25. *Лысенко Ю.М.* «Русские районы» Дагестана: проблемы этнодемографического развития (вторая половина XX в.) // Русский язык в истории и культуре народов Дагестана Махачкала. 2007. С. 125-131.

26. *Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л.* Горцы после гор. миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. Санкт-Петербург. 2011. Сер. Ethnographica Petropolitana. 450 с.

27. *Магомедханов М.М., Рамазанова З.Б.* Трансформация традиций землепользования в нагорном Дагестане: исторический опыт и социально-экономический эффект // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 12 (74). С. 56-62.

28. *Лысенко Ю.М.* Миграция русских Кизлярщины в регионы юга России: причины, механизм, особенности // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН). Махачкала. 2014.

29. О некоторых итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. в Республике Дагестан. Статистический сборник. Махачкала: Дагестанстат РД. 2012.

30. Численность и состав населения Дагестанской АССР по национальности, родному языку и состоянию в браке (По данным

eniya i etniche-skoe predprinimatel'stvo]. *Nauchnyi dialog*. 2016, 2(50): 296-312. (In Russ)

21. Lubsky AV, Serikov AV, Stukalova DN. Conflict potential of migration flows in the context of ensuring the national security of Russia. [Konfliktogennyy potentsial migratsionnykh potokov v kontekste obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Rossii] *State and municipal management. Proceedings of SKAGS*. 2017,3:174-180. (In Russ)

22. *Socio-demographic characteristics of the most numerous nationalities and peoples of Dagestan (Based on the 1989 census) [Sotsial'no-demograficheskaya kharakteristika naibolee mnogochislennykh natsional'nostey i narodnostey Dagestana. (Po itogam perepisi naseleniya 1989 g.)].* Makhachkala, 1992. (In Russ)

23. Table 33. The population of urban districts, municipal districts, urban and rural settlements, urban settlements, rural settlements. Population of the Russian Federation by municipalities as of January 1, 2013. Moscow: Rosstat, 2013.

24. Kapustina EL. Labor migration: an economic strategy and an element of social life (the experience of modern mountainous Dagestan) [Trudovaya migratsiya: ekonomicheskaya strategiya i element sotsial'noy zhizni (opyt sovremennogo gornogo Dagestana)]. *Enograficheskoe Obozrenie*. 2010, 1: 24–32 (In Russ)

25. Lysenko YuM. “Russian regions” of Dagestan: problems of ethno-demographic development (second half of the 20th century) [«Russkie rayony» Dagestana: problemy etnodemograficheskogo razvitiya (vtoraya polovina KhKh v.)] *Russian language in the history and culture of the peoples of Dagestan*. Makhachkala, 2007:125-131. (In Russ)

26. Karpov YuYu, Kapustina EL. *Highlanders after mountains. Migration processes in Dagestan in the XX - early XXI century: their social and ethnocultural consequences and prospects [Gortsy posle gor. migratsionnye protsessy v Dagestane v KhKh – nachale XXI veka: ikh sotsial'nye i etnokul'turnye posledstviya i perspektivy].* Saint Petersburg. 2011. Ser. Ethnographica Petropolitana. (In Russ)

27. Magomedkhanov MM, Ramazanova ZB. Transformation of traditions of land use in highland Dagestan: historical experience and socio-economic effect [Transformatsiya traditsiy zemlepol'zovaniya v nagornom Dagestane: istoricheskiy opyt i sotsial'no-ekonomicheskiy effekt] *Regional problems of economic transformation* 2016, 12(74): 56-62. (In Russ)

28. Lysenko YuM. Migration of Russians from the Kizlyar region to the regions of southern Russia: reasons, mechanism, features [[Migratsiya russkikh Kizlyarshchiny v regiony yuga Rossii: prichiny, mekhanizm, osobennosti] *Ethnocultural landscapes in the post-Soviet space: problems and features of the*

Всесоюзной переписи населения 1979 г.). Махачкала. 1980.

31. Миграция населения Республики Дагестан в 1999 г. Статистический сборник. Махачкала. 2000. С. 29.

32. *Карпов Ю.Ю.* Переселение горцев Дагестана на равнину: к истории развития процесса и социокультурным его последствиям // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и раз-рывы в социокультурных практиках. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. СПб. 2010.

33. *Карпов Ю.Ю.* Этносоциальные трансформации в условиях миграционных процессов (на примере Дагестана) // Северный Кавказ в национальной стратегии России / Под ред. В. Тишкова. М. 2008. С. 114

34. *Муртузалиев С.И.* «Депрессивные» муниципальные образования современного горного Дагестана // Модернизация экономики и самоуправления в республиках Северного Кавказа и швейцарский опыт организации общества и экономики / Под общей редакцией Бабич И.Л., Вирт Ю.В., Мартыновой М.Ю. – М.: ИЭА РАН. 2013. 315 с.

35. *Цапиева О.К., Агаева Г.Г.* Угрозы безопасности Республики Дагестан в демографической сфере, уровне и качестве жизни // Экономическая безопасность Дагестана. Махачкала. 1998.

formation of the Dagestan component (to the 90th anniversary of the IHAE DSC RAS). Makhachkala, 2014. (In Russ)

29. *Some results of the All-Russian population census of 2010 in the Republic of Dagestan. Statistical collection [O nekotorykh itogakh Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g. v Respublike Dagestan. Statisticheskiy sbornik]*. Makhachkala: Dagestanstat RD, 2012. (In Russ)

30. *The size and composition of the population of the Dagestan ASSR by nationality, native language and marital status (According to the 1979 All-Union Population Census)*. Makhachkala, 1980. (In Russ)

31. *Migration of the population of the Republic of Dagestan in 1999. Statistical collection [Migratsiya naseleniya Respubliki Dagestan v 1999 g. Statisticheskiy sbornik]*. Makhachkala, 2000. p. 29.

32. Karpov YuYu. Resettlement of the mountaineers of Dagestan to the plain: to the history of the development of the process and its socio-cultural consequences [Pereselenie gortsev Dagestana na ravninu: k istorii razvitiya protsessa i sotsiokul'turnym ego posledstviyam] *Traditions of the peoples of the Caucasus in a changing world: continuity and breaks in socio-cultural practices. Collection of articles dedicated to the 100th anniversary of the birth of Leonid Ivanovich Lavrov*. Saint Petersburg, 2010. (In Russ)

33. Karpov YuYu. Ethnosocial transformations in the context of migration processes (on the example of Dagestan) [Etnosotsial'nye transformatsii v usloviyakh mi-gratsionnykh protsessov (na primere Dagestana)] *North Caucasus in the national strategy of Russia*. Moscow, 2008. (In Russ)

34. Murtuzaliev SI. “Depressive” municipalities of modern mountainous Dagestan. I.L. Babich, Yu.V. Virt, M.Yu. Martynova (eds.) [«Depressivnye» munitsipal'nye obrazovaniya sovremennogo gornogo Dagestana] *Modernization of the economy and self-government in the republics of the North Caucasus and the Swiss experience of organizing society and economy*. Moscow: IEA RAS, 2013. (In Russ)

35. Tsapieva OK, Agaeva GG. Threats to the security of the Republic of Dagestan in the demographic sphere, level and quality of life [Ugrozy bezopasnosti Respubliki Dagestan v demograficheskoy sfere, urovne i kachestve zhizni] *Economic security of Dagestan* Makhachkala, 1998. (In Russ)

Статья поступила в редакцию 30.09.2021 г.

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174985-1001

Капустина Екатерина Леонидовна
к.и.н., зав. отделом этнографии Кавказа,
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), Санкт-Петербург, Россия
parlel@mail.ru

ИГБИ: ИСТОРИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ДАГЕСТАНСКОГО ПРАЗДНИКА

Аннотация. Статья посвящена судьбе одного из самых самобытных традиционных праздников горного Дагестана – празднику середины зимы Игби. Праздник, который отмечался только в трех селениях Цунтинского района, Шаитли, Китури и Гениятли, и впервые был описан в академическом исследовании в 1983 г. выдающимся этнографом-кавказоведом Ю.Ю. Карповым. В статье рассмотрены основные векторы трансформации праздника в 1980-1990-е гг. – ввод новых персонажей и элементов сценария, соревнование сел, самопрезентация селения через праздник. Внимание уделяется и дискуссиям в джамаатах, связанным с переоценкой значимости праздника под влиянием реисламизации региона, что в конечном итоге привело к конфликтным ситуациям и запрету праздника во всех селениях, ранее его отмечающих, уже к 2007 году. При этом, уйдя из горных сел Цунтинского района, праздник стал реальностью в виртуальном пространстве, что можно связать с появлением статей и видеоматериалов в Интернете, а также с включением Игби в реестр нематериального наследия России. В результате этого Игби можно определить как «квазилокальный» праздник: виртуальные и бюрократические мероприятия, связанные с Игби, подчеркивают его уникальную локальность, но при этом проходят без взаимодействия с самой локальностью – селами Цунтинского района. Некогда реальный праздник нескольких сельских обществ, угаснув в горах, тем не менее, продолжает жить, превращается в республиканский культурный проект, утрачивая не только связь с изначальной локацией и получая таким образом «общедагестанскую прописку», но и, по сути, отделяясь от своего локального прототипа и получая «новую жизнь». Исследование выполнено в методике case study. Материалом для написания данной статьи послужили полевые материалы, собранные автором в ходе работы в Цунтинском районе и в Махачкале летом 2021 г., различные данные из интернет-источников, предметные и фотоколлекции МАЭ РАН, связанные с праздником.

Ключевые слова: традиционный праздник; календарная обрядность; Дагестан; локальность; виртуализация.

© Капустина Е.Л., 2021
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

DOI: https://doi.org/10.32653/CH174985-1001

Ekaterina L. Kapustina
Cand. Sci. (History), Head of Dep. of Ethnography of the Caucasus
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS
Saint Petersburg, Russia
parlel@mail.ru

HISTORY OF TRANSFORMATION OF THE DAGESTAN FESTIVAL IGBY

Abstract. The paper reviews the history of one of the unique traditional festivals of Mountainous Dagestan – Igby, the midwinter festival. The festival, which was celebrated in only three villages of the Tsuntinsky district – Shailti, Kituri, and Geniyatli, – was first described during the scientific research in 1983, conducted by the prominent ethnologist-caucasiologist Yu.Yu. Karpov. The paper considers the main vectors of transformation of the festival in 1980s-1990s: the inclusion of new characters and elements of the scenario, inter-village competitions, self-presentation of a village through the festival. The study highlights discussions in jamaats regarding the overestimation of the significance of the festival under the influence of re-Islamization of the region, which ultimately led to conflict situations and the prohibition of the holiday in all villages that previously celebrated it, by 2007. At the same time, having discontinued in the mountain villages of the Tsuntinsky district, the festival has found its new life in the virtual space due to the emergence of papers and videos on the Internet about it, as well as with the inclusion of Igby in the register of Russia's intangible cultural heritage. As a result, Igby can be defined as a "quasi-local" festival: virtual and bureaucratic events associated with Igby emphasize its unique locality, but at the same time they are held without interaction with the locality itself – the villages of the Tsuntinsky District. The once real festival of several rural societies, having faded away in the mountains, nevertheless continues to live, has turned into a republican cultural project, losing not only connection with the original location and thus receiving a "common Dagestani nature", but also separating from its local prototype and getting a new page in history. The research has been conducted with use of case study method. The study is based on field material, collected by the author during the work in the Tsuntinsky district and Makhachkala in Summer of 2021; on various data from the Internet, material sources and photo-collections of Kuntskamera, related to the festival.

Keywords: traditional festival; calendrical rites; Dagestan; locality; virtualization.

© Kapustina E.L., 2021
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2021

Посвящается
Ю.Ю. Карпову

Селение Шаитли Цунтинского считается удаленным не только по меркам горного Дагестана, оно спряталось в глубине ущелья в одном из самых труднодоступных районов республики – Цунтинском. Тем не менее, шаитлинцы привыкли к повышенному общественному интересу к их селению, основная причина которого связана с сельским праздником середины зимы, известным под названием «Игби». Праздник, фиксировавшийся лишь в трех селах республики, Шаитли, Китури и Гениятли, и впечатлявший своей яркостью и драматургией, а также загадочностью происхождения, последние почти 40 лет неоднократно приводил сюда этнографов, журналистов, просто любознательных людей. Удалось побывать в знаменитом Шаитли и мне, причем дважды – в 2005-м и в 2021-м. В первый раз я была в селении в рамках этнографической экспедиции под руководством выдающегося этнографа-кавказоведа Ю.Ю. Карпова, в свое время открывшего Игби для научного сообщества и широкой дагестанской общественности: после зимней экспедиции 1982 г. ученый опубликовал первое научное описание праздника и тем прославил и Игби, и себя. Однако в 2005 г. Игби интересовал нас лишь косвенно, прицельно материал по нему не собирался. Во второй приезд моей научной целью стала именно судьба знаменитого сельского праздника[1]. К сожалению, метод включенного наблюдения, излюбленный для антропологов, не был нам доступен – в настоящее время праздник в селениях не проводят, от него остались лишь немногие видеозаписи и фотографии, хранящиеся в семьях, а также воспоминания его былых участников. Однако отсутствие самого праздника не стало препятствием к проведению исследования, предварительные выводы которого представлены в данной статье. Скорее именно исчезновение этого элемента локальной культуры, равно как обстоятельства, этому предшествовавшие, и последствия его, побудили меня к рефлексии и формулированию исследовательских вопросов

Игби был впервые описан в 1982 г. и отмечался в селении в последний раз в 2007-м. Основной задачей данной статьи стало решение следующих исследовательских вопросов: что происходило с праздником Игби между этими датами, как сложилась его судьба в настоящее время? Меня будут интересовать не только канва событий, изменения в структуре Игби в конце XX – начале XXI в., но и те дискуссии, которые породил этот праздник в обществе в последние десятилетия. Через ответы на сформулированные выше вопросы предлагается как восстановить недавнюю историю конкретного праздника, так и определить специфику существования и изменения локальной дагестанской культуры в условиях социальных, религиозных и информационных трансформаций.

1 Полевая работа в Цунтинском районе в 2021 г. проводилась совместно с моим коллегой, социологом Р. Абдулхаликовым, которому я выражаю большую благодарность за радость совместного труда.

Материалом для написания данной статьи послужили полевые материалы, собранные мной в ходе работы в Цунтинском районе и в Махачкале летом 2021 г. (интервью и наблюдения), также были задействованы различные данные из интернет-источников (газетные и журнальные статьи, видеосюжеты, пресс-релизы мероприятий и т.д.), предметные и фотоколлекции МАЭ РАН, связанные с праздником Игби.

Фокус исследования направлен, прежде всего, на историю локального праздника двух селений и методологически выполнен как case study. Данный метод позволяет через судьбу одного элемента традиционной культуры в современном Дагестане взглянуть на принцип реорганизации взаимоотношений сельского сообщества с объектами традиционной культуры, а также участия в этом процессе других акторов, находящихся за пределами сельской локальности – различных общественных и государственных институтов, медиа, транслокальных членов джамаата и т.д.

Праздник глазами этнографа: Игби в 1982 году

Как уже было отмечено во введении, цезский[2] праздник Игби стал первым дагестанским открытием выдающегося этнографа-кавказоведа Юрия Юрьевича Карпова. Юрий Юрьевич рассказывал, что идею заниматься Дагестаном ему подсказал его научный руководитель Л.И. Лавров, он же и отправил своего аспиранта в первую дагестанскую экспедицию, рекомендовав поехать в удаленные горные районы республики на границу с Грузией и Чечней, известные своим лингвистическим и культурным разнообразием. Карпов отправился в Цунтинский район, изучением которого он вдохновенно занимался следующие десять лет. В первой же экспедиции ему рассказали о зимнем празднике, который отмечается 5 февраля (а на тот момент обычно в первое воскресенье месяца) в трех селениях района – Шаитли, Китури и Гениятли. Выяснив, что в этнографической литературе нет описания этого праздника, Ю.Ю. Карпов решает приехать сюда следующей зимой и детально его изучить. В феврале 1982 г. Ю.Ю. Карпов и его коллега А.И. Азаров, аспирант отдела этнографии Австралии и Океании, через тогдашний районный центр Бежту прибыли в селение Шаитли.

Даже добраться до удаленного горного села в условиях снежной зимы было непросто – из Бежты исследователей вез трактор, расчищающий дорогу от снега – об этом непростом опыте рассказывал сам Юрий Юрьевич (молодые аспиранты были неподобающе одеты для многочасовой поездки по горам в неотапливаемой кабине и очень замерзли). Побывав на празднике в Шаитли, а затем

2 Цезы – другое название дидойцы – небольшая этническая группа, порой воспринимаемся как часть аварской этнической группы. По переписи 2010 года цезами определили себя около 11 тысяч человек (в переписи они также были указаны как цунтинцы) [Национальный состав населения http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf]

Те информанты, у которых я спрашивала об их этнической самоидентификации, определяя себя цезами или дидойцами, отмечали, что также ощущают себя и аварцами.

поработав и в Китури, ученые описали подготовку к празднику, сам праздник, а также сделали целую серию слайдов – цветных и черно-белых, детально задокументировавших проведение Игби зимой 1982 г. Эти иллюстративные коллекции хранятся в собрании МАЭ РАН (коллекции МАЭ РАН И2216, МАЭ РАН И2078) и являются ценнейшим источником по изучению традиционных дагестанских праздников позднесоветского периода.

Также ученые собрали коллекцию предметов, связанных с праздником Игби – несколько масок волков-*боци* из сел. Шаитли, а также маску существа *квидили* из сел. Китури (коллекция МАЭ РАН И 6851). Впоследствии Ю.Ю. Карпов неоднократно приезжал в Шаитли, Китури и Гениятли, собирая материал, который помимо прочего также касался и праздника Игби.

Здесь будет очень кратко описана структура Игби, представшего перед исследователями в 1982 г., поскольку они сами талантливо и подробно описали и ее, и возможное происхождение и значение праздника [1; 2; 3].

В празднике принимали участие юноши и молодые мужчины, как правило, в возрасте 14—25 лет. За 1,5—2 месяца до праздника участники Игби делали костюмы и распределяли обязанности. Персонажами праздника являются волки (*боци*— ед. ч.), лесные люди *(цикес жек1у* — ед. ч.), шайтан, скелет, врач, спекулянты, туристы, милиционер, военный и *квидили* (*хъвидили*) — центральная фигура праздника[3]. Маски волков изготавливаются конусообразными из шкур мехом наружу, с прорезями для глаз, носа и рта. К острому концу маски могут подвязываться разноцветные короткие ленточки. Костюм волка кроме маски состоит из вывернутой мехом наружу, подпоясанной ремнями шубы, традиционной вязаной обуви *гедоби* и перчаток. Для лесных людей изготавливаются комбинезоны, на которые нашиваются мох, сосновые ветки; маски для них делают таким же способом. Для костюма шайтана используются тряпье, куски меха, пустые банки. Маски для остальных участников праздника (врач, спекулянт, турист, милиционер) были из папье-маше или материи. Костюмами служили вещи, отвечающие функциям персонажей. Фигура *квидили* – это маска в виде головы с большой пастью. Маска укрепляется на конце двухметрового шеста, который несет человек, исполняющий роль *квидили*. Костюм этого персонажа праздника делается из сшитых шкурок меха и напоминает балахон.

Более почетными являются роли волков. Женские роли спекулянток и туристок также исполняют юноши. На роль *квидили* приглашают взрослого мужчину, пользующегося в селении уважением [1, с. 115].

«За неделю до дня игби в центре селения появляется 3—4 волка в сопровождении мальчиков, которые от имени *боци* возвещают сельчанам о необходимости готовиться к празднику – делать хлебцы-*иги*[4]; те, кто не приготовит их, будут наказаны *боци*. К 7 часам утра на улицах уже много детворы, которая, … собираясь группами, начинает обходить селение и собирать специально

3 Карпов определил в качестве основных и самых древних персонажей именно боци и квидили, которые были самыми обязательными героями праздника [1, с. 134].

4 Игби – множественное число от иг [1, с. 114].

приготовленные для них в каждом доме маленькие *иги*. Скоро их сумочки наполняются *игами*, и они уносят их в свои дома. Около 10 часов утра с разных концов селения к годекану подходят шесть *боци* — волков, облаченных в костюмы, с деревянными мечами в руках. *Боци* выбирают из числа зрителей двух взрослых мужчин и заставляют их нести *гири* — пятиметровый шест, на который будут нанизываться *иги*. *Боци* в сопровождении группы мальчиков и двух мужчин, несущих *гири*, начинают обходить селение. В течение всего периода сбора *игов* мальчики громко и протяжно кричат: «Готовьте иги! Кто не даст игов, будет наказан!».... Если около какого-то дома хозяин не встречает эту группу, один из *боци* стремится проникнуть в него и наказать (побить мечом) хозяйку. Обычно же, подходя к дому, где их уже ждут, один из *волков* протягивает меч, и хозяйка или хозяин надевает на него приготовленный *иг*. Постепенно они обходят все дома. Все остальные, более второстепенные, персонажи веселят своими действиями собравшихся зрителей. В 11 часов со стороны горы Хора появляется *квидили*. Он собирает вместе всех участников праздника и зрителей. Начинается «официальная» часть. *Квидили* поднимается на специально для этого построенную трибуну из снега и льда и по-цезски желает сельчанам хорошей погоды и хорошего урожая в новом году, чтобы все жители селения принимали активное участие во всех общественных работах. Затем на трибуну поднимается учитель местной школы и от имени *квидили* зачитывает список сельчан, чем-либо провинившихся перед селением или молодежью. Таких провинившихся *боци* по приказу *квидили* волокут к реке и опускают в прорубь по колено (в прошлом вместо этого набивали вязаную обувь мокрым снегом). После подобных наказаний выступающий от имени *квидили* поздравляет тех шаитлинцев, кто отличился в 1982 г. добросовестным трудом. К полудню праздник вступает в завершающую фазу. Все участники собираются на годекане вокруг *квидили* и затаскивают его на мост через речку, протекающую посередине селения. На мосту *квидили* кладут, и старший *боци* своим деревянным мечом символически перерезает ему горло. Тело *квидили* укладывается на носилки, и *боци* уносят его вглубь квартала. Все исполнители ролей делят между собой собранные *иги*, а самый лучший *иг* вручается исполнителю роли *квидили*. На этом праздник заканчивается» [1, с. 115–119].

Таково классическое описание Игби, представленное Ю.Ю. Карповым на страницах авторитетного научного журнала «Советская этнография» в 1983 г. Разумеется, этот вариант праздника не стоит рассматривать как неизменную форму. Он, вероятнее всего, менялся на протяжении всей своей истории, изменения, произошедшие с ним в XX в. можно проследить по воспоминаниям информантов – и зафиксированным в статьях Ю.Ю. Карпова, и полученным мной в ходе интервью с сельчанами в 2021 г. Информанты отмечали, что красочная канва событий, зафиксированная в 1980-х гг., не была такой яркой в середине прошлого века, когда и количество персонажей, и продолжительность самого действия были гораздо скромнее. Высказывалась версия, что и бублики *иги* первоначально были толокном, что ставит под вопрос само происхождение

названия праздника. Драматичный момент «добровольно-принудительного» переселения жителей ущелья в Чечню в 1944–1957 гг. прервал традицию Игби в селении – в Чечне его не отмечали, те немногие семьи, которым удалось остаться в Цунтинском районе, также не предпринимали попыток его проводить. В качестве исключения можно упомянуть попытку одного из шаитлинцев вместе с анчихцами, имевшими на землях, покинутых шаитлинцами, свои фермы и пастбища, взяв голову сохранившегося *квидили*, испугать женщин селения Анчих. Кончилось все весьма предсказуемо – шутников поколотили, а голову *квидили* отобрали. Новую голову чудовищу изготовили уже после возвращения из Чечни, когда решили возобновить и отмечание середины зимы. Первые Игби после возвращения в горы были скромными и недолгими. «После уроков дети ходили объявляли, что завтра будет Игби. И боци один с ними ходил. Назавтра рано утром дети ходили бублики собирать, 1-2 боци были, собирали общий сбор. Крыши были плоские, там с каждого хозяйства собирали большие бублики и делили. И просили Всевышнего, чтобы урожай был хороший, год был хороший, засухи чтоб не было. Старики делали это уже»[5]. Постепенно появляются и новые персонажи, и новые сюжетные вариации канвы праздника, которые и превратили праздник в то, что увидели ленинградские исследователи в 1982 г. Очевидно, значение праздника несколько расширяется, помимо календарной составляющей он является и некоторым «годовым отчетом» для селения, поэтому в сценарии праздника так много внимания уделяется трудовым успехам и неудачам сельчан. Наряду с общей трудовой направленностью большинства календарных праздников Дагестана можно увидеть здесь и слияние народного праздника с отчетными мероприятиями в условиях колхозной экономики.

После «открытия»: развитие праздника в середине 1980-х – 1990-гг.

После посещения Ю.Ю. Карповым и А.И. Азаровым праздника Игби, публикаций Ю.Ю. Карпова и последующего интереса к празднику со стороны местных властей, других дагестанцев и журналистов[6] это традиционное явление, по словам информантов, переживает определенный расцвет. Праздник привлекает помимо сельчан и жителей близлежащих сел гостей из района, из Махачкалы, из-за пределов Дагестана.

Информанты из Шаитли неоднократно подчеркивали, что Игби изначально отмечался только в их селении и лишь позже появился в Китури и Гениятли, где праздновали его в более усеченном виде, и что китуринцы, быстро отметив свой праздник, затем всегда спешили на главное празднование – в Шаитли. Однако после просмотра нами видеозаписи китуринского Игби в 1998 г. стало

5 Полевой материал Капустиной Е.Л., Шаитли, 2021, м. 71 год

6 Миловский А. Квидили спускается с гор // Вокруг света. 1988. 02. С. 3-5. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: http://zhurnalko.net/=travel/vokrug-sveta/1988-02--num7. Дата обращения 1.12.2021 г.

очевидно, что и здесь к 1990-м годам праздник развился настолько, что уже был сопоставим с шаитлинским по красочности и продолжительности. В своей статье Ю.Ю. Карпов также отмечал, что китуринцы переняли праздник от шаитлинцев лишь за 20 лет до его приезда, а также что в их празднике есть много отступления от шаитлинского канона, они легче вносят изменения в праздничный сценарий [1, с. 120].

Очевидно, интерес ученых и журналистов в определенном смысле подогревал креативность сельчан. Сам праздник удлиняется, разнообразие персонажей заметно расширяется по сравнению с описанным в 1982 г. вариантом. Например, в Китури помимо *боци* с гор спускалась целая шуточная свадебная процессия – с женихом, невестой, ее подружками и т.д. Возможно, эти шуточные шествия перекочевали в праздник из традиций ряжения фальшивых жениха или невесты на свадьбах, которые фиксируются в регионе. В Китури также упоминали и о персонажах, исполняемых не людьми: так могли нарядить осла (рога, костюм). Китуринцы рассказывали и о том, как на одном празднике была сделана кукла человека, с которой *боци* появлялись на скале вдали от селения, заводили с ней шуточный бой и затем сбрасывали со скалы.

Новые персонажи активно включались в праздник. «Обезьяна и Скелет пугали детей, Алкаш с редкими волосами из козьей шерсти протягивал настоящим алкоголикам бутылку и предлагал сообразить на троих. …Доктор с огромным шприцом наперевес «лечил» пивом упавших на землю мнимых больных. Челноки разворачивали торговлю, и соседи шутки ради покупали у них за полтинник разную чепуху – старые непарные носки, женские трусы, тряпки, подгузники… Жених и Невеста сходились в свадебном танце, и прохожие по обычаю забрасывали их деньгами»[7]. Лесные люди также могли варьироваться: отдельно упоминались такие роли как «шишечный» – *белеташ*, человек в костюме из мха – *зозас*, а также *зэкенёс* – человек в костюме из елочных веток.

Помимо новых персонажей изменялась и та часть праздника, которую Ю. Карпов назвал «официальной», когда *квидили* на импровизированной трибуне подводил итоги прошедшего года. Например, на съемках китуринского праздника 1998 г. видно, что торжественную часть в Китури ведет вовсе не *квидили*, а глава колхоза. Помимо него в импровизированном «президиуме» находились приехавшие из района и даже города гости, известные в районе певцы, другие люди, которых опознают как достойных ораторов. Во время торжественной части праздника Игби обсуждались не только локальные дела, но и даже события мирового масштаба. Например, на записи одного из праздников шла речь о вторжении американцев в Ирак или о бомбардировке Югославии. Если по описаниям Карпова в 1982 г. после убийства *квидили* праздник заканчивался, то, по сообщениям информантов, позже праздник мог продолжиться танцами и угощениями. Специфический сценарий Игби становился немного размытым и походил на свадебное торжество в селе или даже скорее на

7 Севриновский В. Волки ушли // Это Кавказ. 11.02.2016. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: https://etokavkaz.ru/traditcii/volki-ushli. Дата обращения: 1.12.2021 г.

получившие популярность в Дагестане в 1990-е гг. дни села, локальные сельские праздники.

Ощущение значимости праздника, особенно после внимания внешних наблюдателей – исследователей и журналистов – привело к ревности соседей и соревнованиям сел в том, кто имеет на Игби больше прав. Так, описывая приезд Ю. Карпова и А. Азарова в Шаитли, информанты-шаитлинцы вспоминали, что при приближении к Шаитли исследователей встретило рукотворное препятствие – жители Китури, желавшие, чтобы праздник ученые наблюдали именно у них, сделали снежную насыпь и облили ее на ночь водой – в итоге она превратилась в ледяную преграду. Но при помощи трактора ее удалось преодолеть, и исследователи продолжили путь в Шаитли[8].

Вспоминали шаитлинцы и другую попытку соседей сорвать их праздник. Так, по сообщению одного из информантов, китуринцы накануне праздника выкрали все маски, приготовленные для Игби и традиционно хранившиеся в специально арендованном для этого помещении. Шаитлинцы не остались в долгу и, придя в Китури, узнали, где хранится похищенное, забрали обратно свои маски, унеся также и китуринские, которые использовали в своем представлении.

Таким образом, праздник становится для шаитлинцев не просто локальной традицией, а знаком уникальности или, по меньшей мере, первенства по отношению к соседям, важным элементом идентичности и значимым поводом для гордости перед гостями извне.

«Народ уже по-другому смотрит на эти вещи»: конфликты вокруг праздника и его исчезновение в Шаитли и Китури

В последний раз, по сообщению информантов, Игби в Китури играли в 1998 г., в 2007 г. его последний раз играли в Шаитли. В небольшом Гениятли праздник исчез раньше всех. Как же случилось, что после расцвета в 1980-1990-х гг. Игби внезапно ушел из жизни этих цунтинских сел?

В 1990-е гг. на волне реисламизации возрос интерес местных жителей к религиозным знаниям, религия вновь стала открытой и доступной сферой жизни. В Дагестан активно начали приезжать проповедники из арабских стран, а молодые дагестанцы, желавшие получить духовное образование, выезжали для этого в страны Ближнего Востока – Сирию, Саудовскую Аравию, Египет. Возвращаясь, они нередко привозили с собой новое видение ислама и особенно новое отношение к тем локальным религиозным дискурсам и традициям, которые могли наблюдать в своих селах (подробнее см., например, [4; 5]).

8 Мне не встретилось описания подобного случая в статьях Ю.Ю. Карпова, не вспоминал он об этом и в частных беседах. Информанты в других рассказах очевидно путают его приезд с приездом корреспондентов с телевидения, возможно, здесь также произошла смена нарративов. Однако для задач данной статьи не так важно – произошла эта и другие истории с Ю.Ю. Карповым и А.И. Азаровым или с журналистами, интересен, прежде всего, принцип построения нарратива.

Переосмыслению и порой жесткой критике подверглись не только непосредственно религиозные практики и суждения, но также остальные сферы жизни, особенно традиционные праздники, в которых ревнители исламского благочестия начали видеть проявление многобожия – *ширк*. Во многих джамаатах и в 1990-е, и в 2000-е гг. проходили жесткие дискуссии о том, стоит продолжать отмечать праздники, не связанные с исламом напрямую, стоит ли избавиться от *бид'а*, нововведений в исламе. В результате этих дискуссий в некоторых селениях сельское сообщество оказалось расколото: часть сельчан продолжает отмечать праздники, вторая критикует их, демонстративно занимаясь альтернативной деятельностью во время праздника. Так в одном из селений Дагестана во время празднования дня первой борозды сельчане, считавшие отмечание этого праздника *ширком*, во время дня первой борозды проводили акцию по посадке фруктовых деревьев в селе и мовлид (подробнее об этом [6, с. 160]).

Подобные дискуссии, переходящие порой в острые конфликты, об истинности с точки зрения ислама тех или иных локальных культурных явлений характерны не только для современного Дагестана. Можно смотреть на них с разных точек зрения: как на конфликт поколений в результате трансформации в постсоветском обществе [7], столкновение кавказской культуры с «бедуинизированной» культурой[9], попытки через апелляцию к религиозному полю завоевать социальные блага и статус [8] или даже классическую дихотомию «городская книжная культура» – «сельский локальный мистицизм» [9].

Этих споров не миновали и вышеупомянутые цунтинские селения. Например, уже в 1990-х гг. в Шаитли начались разговоры о том, что этот праздник – и его форма, и его содержание – не соответствуют нормам ислама, поэтому Игби надо отменить. Противники праздника активно обсуждали его запрет и на годекане, и в мечети, поддерживал эту идею и имам. Помимо самих ритуалов противники Игби отмечали, что после праздника проходят танцы и шумные застолья с алкоголем, что ими категорически не одобрялось. Доходило до открытых конфликтов – заготовленные для пошива масок шкуры сжигали, выбрасывали. В результате праздник после 2003 г. несколько лет не проводился. В 2005 г., когда мы с Ю.Ю. Карповым приехали в Шаитли и конфликт между сторонниками и противниками Игби был в самом разгаре, нам показывали коллекцию масок *боци* и костюм *квидили*, которые хранили в школьном музее. Когда я приехала в селение в 2021 г., я спросила о судьбе этих масок – мне объяснили, что они давно пропали – их уничтожили противники праздника.

В 2007 г. по инициативе шаитлинца Шамиля Гаджимурадова, активного сторонника праздника, который в тот период был заведующим отделом культуры района, сельчане предприняли еще одну попытку сыграть Игби. Из районного бюджета даже были выделены деньги на его проведение – по словам информанта, 30 тысяч рублей, которые пошли не только на пошив масок, но

9 *Акаев В.Х.* «Северокавказский ваххабизм» – разновидность исламского радикализма // Кавказский узел. 07.02.2002. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/15714/. Дата обращения: 1.12.2021 г.

и на оплату самим *боци* за выход в маске (никогда никто не платил до этого ряженым). Противники праздника пытались противодействовать этому событию, но, когда праздник все же был организован – они одновременно с ним провели *мовлид*, который собрал противников Игби, обнажив раскол в джамаате. Одновременно с этим сразу после праздника должны были состояться выборы главы района, в связи с чем часть сельчан восприняла районную поддержку праздника как предвыборную технологию и тоже была этим недовольна.

Примечательно, что, по данным, собранным В. Севриновским, в тот год проводившие Игби шаитлинцы боялись провокаций со стороны соседей, которые еще раньше отказались от праздника – китуринцев и особенно гениятлинцев (последних сельчане воспринимали как самых радикально настроенных по отношению к Игби). Из-за этого, чтобы на время проведения праздника в селение не приезжали лишние критики, шаитлинцы, по слухам, спустили лавину на единственную дорогу к аулу[10]. Одновременно с этим организаторы активно зазывали в гости журналистов и исследователей, последним напрямую говоря, что именно их приезд даст мероприятию больший вес и тем самым может помочь его сохранению в селении в дальнейшем. Журналисты приехали и сняли видеосюжет, впоследствии активно растиражированный в интернете[11]. Активисты очень поддерживали подобное внешнее внимание, считая широкое освещение Игби в прессе возможностью его сохранения. Снимали праздник и местные жители – эти достаточно подробные съемки можно найти на платформе youtube[12] .

После проведения праздника жители селения, очевидно, настолько были утомлены конфликтами вокруг него, что даже активист Шамиль, по словам его брата, сельского учителя Камиля Гаджимурадова, решил, что больше проводить его пока не стоит: «против людей идти бесполезно»[13].

В результате после 2007 г. праздник в селении не проводился. Инициатор последнего Игби, Шамиль, трагически погиб. Его брат Камиль в 2019 г. вновь попытался организовать в селе праздник. Уже были собраны шкуры для пошива масок, директор школы выделил для их хранения помещение, заинтересовали школьников поучаствовать, однако незадолго до дня Игби помещение было вскрыто и демонстративно разгромлено, шкуры пропали. После этого инцидента организаторы приняли решение праздник не проводить.

10 Севриновский В. Волки ушли // Это Кавказ. 11.02.2016. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: https://etokavkaz.ru/traditcii/volki-ushli. Дата обращения: 1.12.2021 г.

11 Обрядовый праздник Игби в селении Шаитли Цунтинского района https://yandex.ru/video/preview/?text=%D0%B8%D0%B3%D0%B1%D0%B8+%D1%88%D0%B0%D0%B8%D1%82%D0%BB%D0%B8+2007&path=wizard&parent-reqid=1636581154350728-297985602387382182-vla1-4655-vla-l7-balancer-8080-BAL-9620&wiz_type=vital&filmId=5917942241202259305&url=http%3A%2F%2Fwww.youtube.com%2Fwatch%3Fv%3DISQiuUaBd5U

12 Игби – национальный праздник Дидоэтии (4 части) https://yandex.ru/video/preview/?filmId=8515667274898123409&text=%D0%B8%D0%B3%D0%B1%D0%B8+%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA+%D0%94%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%B8

13 Полевой материал Капустиной Е.Л., 2021, Махачкала

В соседнем Китури, где традиция оборвалась еще раньше, уже в конце 1990-х, во время моего визита в селение в 2021 году мужчины 50-60 лет, сидящие на годекане у мечети, вспоминая о традициях Игби, вначале единогласно сообщают: «к сожалению, остановили, слишком много пьянства…», утверждая при этом, что до переселения большинства шаитлинцев в Чечню в 1944–1957 гг. праздник проводился скромнее и сообразнее нормам ислама. Однако в конце интервью, после воспоминаний о том, как проводился Игби в Китури, так же единогласно вздыхали: «раньше были радостные люди, сейчас уже оставили…. Ну это все равно культура же, в какой-то форме, есть же у нас традиции… как-то сохранить можно было»[14].

При этом китуринцы не видят возможности восстановить Игби в своем селе: «Шаитлинцы может и восстановят, а здесь нет. Народ уже по-другому смотрит на эти вещи, честно скажу. Друг друга будут хаять, даже кидаться кулаками, если возвращаться будет это дело»[15].

Не планирует идти против джамаата и К. Гаджимурадов. Он собирается опять поставить вопрос о проведении праздника в селении в 2022 г., но если получит отказ джамаата, то, по его словам, готов подчиниться его решению.

Волки ушли, да здравствуют волки! Квазилокальная судьба праздника

Как уже было отмечено выше, последним годом проведения Игби в Цунтинском районе был 2007 г. Больше ни в Шаитли, ни в других селах района Игби не играли. Однако нельзя сказать, что о празднике забыли. Видеосюжет, снятый в 2007 г., а также ряд публикаций, активно тиражированных в сети интернет, определили медийную судьбу Игби. Описание локального по своей сути праздника, сделанное и Ю. Карповым, и журналистами, в последнее десятилетие активно появляется на многих сайтах, представляющих традиционную культуру Дагестана. Среди таких интернет-ресурсов стоит отметить официальные сайты как республиканских учреждений культуры[16], так и всероссийских[17]. Все эти материалы описывают праздник как существующий и поныне в практиковавших его селах[18], хотя все они появились в сети тогда, когда праздник уже давно не отмечался ни в Шаитли, ни в Китури, ни в Гениятли. Более того – на сайте Государственного Российского Дома народного творчества имени В.Д. Поленова при Министерстве культуры РФ Игби числится как объект нематериального

14 Полевой материал Капустиной Е.Л., 2021, Китури.

15 Полевой материал Капустиной Е.Л., 2021, Китури.

16 Республиканский дом народного творчества https://dagfolkkultura.ru/article/kulturnoe-nasledie/nematerialnoe-kulturnoe-nasledie/The%20feast%20of%20mid-winter%20%22Igby%22/

17 Центр культуры народов России Государственного Российского Дома народного творчества имени В.Д. Поленова при Минкульте РФ http://xn--j1agjv.xn--p1ai/culture/didoyskiy-prazdnik-okonchaniya-zimy-igbi-selo-shaitli-tsuntinskogo-rayona-respubliki-dagestan/

18 Завгородняя М. 2020 https://musaget.ru/igbi-karnaval-s-volkami-i-velikanom-v-dagestane/

Дидойский праздник http://xn--j1agjv.xn--p1ai/culture/didoyskiy-prazdnik-okonchaniya-zimy-igbi-selo-shaitli-tsuntinskogo-rayona-respubliki-dagestan/

культурного наследия, относящийся к республике Дагестан и входящий в соответствующий реестр объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации[19], куда помимо Игби от Дагестана входят лишь кубачинское ювелирная насечка и традиционные родильно-лечебные практики караногайцев. Сам реестр начал заполняться после указа, изданного в декабре 2008 г. Очевидно, что Игби попал в реестр уже будучи праздником-«призраком», то есть тогда, когда в Цунтинском районе он уже не проводился.

Анализ ряда интернет-публикаций показывает, что никто из их авторов не сомневается в том, что праздник отмечается в цунтинских селах по сей день. Особняком стоит статья В. Севриновского «Волки ушли» 2016 г. на интернет-портале «Это Кавказ», где автор, очевидно единственный из писавших в последнее десятилетие про Игби, кто добрался до Шаитли после 2007 г., прямо указывает, что праздник в селении не проводится, а также раскрывает основную причину его исчезновения.

Очевидно, что именно вхождение праздника в реестр объектов нематериального наследия России обусловил внимание к нему со стороны различных интересантов, связанных с Дагестаном, но не связанных при этом с локальной цунтинской традицией.

Например, 11 февраля 2021 г. Содружество молодежи Дагестана при поддержке Постоянного представительства республики в Санкт-Петербурге провели мероприятие, которое назвали презентацией праздника Игби. В пресс-релизе мероприятия помимо приветственных речей высоких гостей было рассказано о сути праздника[20]. Мероприятие «проводилось при поддержке Комитета по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области в рамках одного из направлений работы Дома дружбы Ленинградской области по сохранению и возрождению традиционных календарных праздников народов Ленинградской области»[21]. Однако речь в публикациях ведется о празднике как об актуальной для Шаитли традиции (многие фразы о том, что праздник живет до сих пор, взяты напрямую из статьи Ю.Ю. Карпова 1983 г.).

В конце октября 2021 г. праздник встречи середины зимы был превращен в спектакль – на базе Ботлихского театра с привлечением сотрудников местных клубов и школьников Ботлиха его поставил актер Государственного аварского музыкально-драматического театра им. Г. Цадасы М. Дудуев. В пресс-релизе мероприятия это событие назвали «премьерой постановки этнического праздника, посвященного проводам зимы «Игби». Также спектакль называют «обрядовой постановкой» и реконструкцией праздника: «Реконструкция

19 Правда на официальном сайте МК РФ www.culture.ru в разделе нематериальное наследие России представлено только кубачинское ювелирное искусство, однако поскольку в реестре на сайте курирующего заполнение этого реестра Дома народного творчества при МК РФ Игби в реестре существует. А кубачинское искусство – нет, предположу, что здесь имеет место техническая ошибка и оба объекта в реестре уже состоят.

20 Дагестанцы 2021 http://minnacrd.ru/informatsiya/item/5789

21 Игби – проводы зимы по-дагестански 2021 http://forumnarodov47.ru/?id=2909&comment=1

этнического праздника – объекта нематериального культурного наследия «Игби» реализуется с целью сохранения нематериального культурного наследия народов Дагестана, России; воспитания у подрастающего поколения бережного отношения к культурному наследию, формирования духовно-нравственных качеств личности; популяризации традиций народной культуры, вовлечения молодежи в процесс сохранения народной культуры. Проект осуществляется при поддержке Министерства культуры РФ, Министерства культуры РД, Республиканского дома народного творчества, управления культуры Ботлихского района с привлечением специалистов по фольклору, искусствоведов, деятелей культуры и искусства, представителей творческих Союзов музыкантов, композиторов, актеров Государственного Аварского музыкально-драматического театра им. Г. Цадасы»[22].

Вероятнее всего именно вхождение Игби в реестр нематериального наследия определило современный вектор развития этого праздника, превратив его в «квазилокальный» и «квазиживой» элемент традиционной культуры. Так описанные выше мероприятия, ввязанные с Игби, подчеркивают его уникальную локальность, но при этом проходят без взаимодействия с самой локальностью – селами Цунтинского района, отмечают его важность как *сохранившегося* элемента традиционной культуры Дагестана, не упоминая о том, что праздник уже 13 лет как не проводится. Некогда реальный праздник нескольких сельских обществ превращается в республиканский культурный проект, утрачивая не только связь с изначальной локацией и получая таким образом «общедагестанскую прописку», но и, по сути, отделяясь от своего локального прототипа и получая «новую жизнь». Если реальный локальный праздник на данном этапе если не ушел насовсем, то основательно «заморожен», то существующий как строчка в реестре нематериального наследия России Игби продолжает жить и развиваться, обретая новые формы – презентация или обрядовый спектакль.

Исключением из этой череды конструктов, не связанных изначально с локальностью Игби, является очередная инициатива шаитлинца Камиля Гаджимурадова, одного из последовательных сторонников проведения праздника Игби в селении. В 2021 г. он решил сосредоточиться не на убеждении односельчан в необходимости сохранить Игби, а на демонстрации праздника как уникального культурного явления в масштабе республики. В частности, он намерен представить Игби в Махачкале в феврале 2022 г. – сначала была задумана выставка в одном из музеев города, затем ему и сотрудникам музея пришла идея перед выставкой сделать шествие ряженых – фактически воспроизвести праздник в столице. Для этого К. Гаджимурадов планирует сшить новые костюмы и маски, привлечь заинтересовавшихся мероприятием членов спортивной общественной организации выходцев из Цунтинского района, проживающих в Махачкале, для исполнения ролей. К. Гаджимурадов говорит, что собирается сделать еще одну попытку проведения Игби в селении, но очевидно не очень

22 В Дагестане состоялась премьера постановки этнического праздника Игби http://dagpravda.ru/novosti/v-dagestane-sostoya-las-premera-postanovki-e-tnicheskogo-prazdnika-igbi/

уверен в успехе и параллельно с этим собирается оформить авторское право на созданные маски и очевидно развивать идею Игби за пределами района и дальше. Эта часть его плана «возрождения» праздника, таким образом, встает в один ряд с вышеописанными инициативами, в очередной раз подчеркнув «квазилокальный» статус Игби.

На активную «посмертную» жизнь праздника можно посмотреть и через призму концепта «коммодификации» традиционной дагестанской культуры [10], которую стараются «продать» не только те, кто имеет к ней непосредственное отношение, но и совершенно не связанные с локальной с традицией акторы. Сами же члены сельского сообщества не планируют торговлю праздником, в последние годы очевидно делая ставку на природный туризм в Цунтинском районе.

Выводы

Игби – уникальный праздник, он был зафиксирован лишь в трех удаленных селениях горного Дагестана. Однако вместе с этим он органично вписан в логику календарной обрядности региона и очевидно имеет связь с грузинскими и шире общекавказскими обрядовыми комплексами [1]. При этом Игби стоит в одном ряду с десятками, если не сотнями удивительных дагестанских традиционных праздников: некоторые из которых были утрачены задолго до настоящего времени, а какие-то живы до сих пор. Очевидно, что существовали некоторые аналоги Игби в других дагестанских районах – ряженые, использующие маски и фигуры зооморфных существ в зимних праздниках, появлялись и в даргинских, и в лакских селениях, и описаны, к примеру, в классическом труде А.Г. Булатовой [11][23].

Очевидно, такой популярности локального праздника способствовало несколько факторов. Помимо очевидной яркости праздничного комплекса и того, что он в полной мере сохранялся в селениях до позднесоветского и пореформенного времени, следует отметить и счастливую судьбу праздника в академической литературе, которую подарил ему Ю.Ю. Карпов. Талант и внимательность исследователя, в результате которых свет увидели статьи об Игби, позволили празднику «прославиться» далеко за пределами научного круга. Сыграли свою роль и привезенные Ю.Ю. Карповым коллекции, фотографии и предметы, их научное изучение [2] и выставочная судьба (маски, к примеру, участвовали в выставках в МАЭ РАН в 2005 и в ГМЦ «Царицыно» в 2012 г). Результатом этой известности стали серия журналистских репортажей, статьи в популярных журналах, внимание общественности. Это, в свою очередь, определило расцвет праздника в 1980-1990 гг., но это же никак не помогло спасти праздник в начале 2000-х гг. Игби пал жертвой процесса переосмысления

23 Примечательно, что сама А.Г. Булатова ни в этой, ни в другой своей классической книге о праздниках Дагестана [12] не упоминает Игби, хотя обе книги вышли уже ощутимо после публикаций Ю.Ю. Карпова.

традиций в условиях реисламизации региона и появления в Дагестане фундаменталистских религиозных концепций.

Попадание в реестр нематериального наследия России, очевидно, дало толчок к «квазилокальному» развитию локального праздника. Этот этап истории Игби хорошо ложится в концепцию «изобретения традиций», сформулированную Э. Хобсбаумом в 1983 г. [13]. Хобсбаум противопоставляет «изобретенную» традицию, неизменную, подчиненную некоторой идеологии, вечно меняющемуся обычаю [14, с. 48–49]. В этой дихотомии Игби амбивалентен: как локальный праздник, отмечавшийся в Шаитли и Китури, он был живым, достаточно быстро меняющимся в рамках заданных обстоятельств. Как кодифицированное олицетворение нематериального наследия республиканских традиций Игби получает «классической описание», в буквальном смысле сценарий и даже «вечную жизнь». По моему мнению, сейчас правомерно говорить о двух явлениях: о локальном Игби, на данный момент уже прекратившем (возможно временно) свое существование, и «квазилокальном» Игби, который только начинает свой творческий путь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Карпов Ю.Ю.* Общинный зимний праздник у цезов // Советская этнография. 1983. № 3. С. 114–119.

2. *Карпов Ю.Ю.* Персонажи шаитлинского праздника игби: атрибуты костюмов и общественные функции // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Л., 1989. Т. 43. С. 133–152.

3. *Карпов Ю.Ю.* Джигит и волк. СПб, 1996.

4. *Бобровников В.* «Исламское возрождение» в Дагестане: двадцать пять лет спустя // Islamology. 2017. №1. С.107-121.

5. *Ярлыкапов А.* Ислам и традиция на Северном Кавказе // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2017. - С.301-315.

6. *Капустина Е.Л.* Сельские этюды к городскому пейзажу: трансформация городского пространства в контексте миграционных процессов в Дагестане и сельские землячества в Махачкале начала XXI века // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб., 2013. С.111-175.

7. *Стародубровская И.В.* Межпоколенческие отношения и социальные трансформации на примере Северного Кавказа // Социология власти. 2019. Т.31, №1. С.92-113.

REFERENCES

1. Karpov Yu. Community winter festival among the Tsezi [Obshinnyj zimnij prazdnik u cezov]. *Soviet ethnography [Sovetskaya etnografiya].* 1983, 3: 114-119. (In Russ)

2. Karpov Yu. Characters of the Shaitli festival of Igby: attributes of costumes and social functions [Personazhi shaitlinskogo prazdnika igbi: atributy kostyumov i obshestvennye funkcii] *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography [Sbornik Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo].* Leningrad, 1989. Vol. 43:133-152. (In Russ)

3. Karpov Yu. Dzhigit and the wolf [Dzhigit i volk]. Saint Petersburg, 1996. (In Russ)

4. Bobrovnikov V. “Islamic revival” in Dagestan: twenty-five years later [“Islamskoe vozrozhdenie” v Dagestane: dvadcat let spustya]. Islamology. 2017, 1:107-121. (In Russ)

5. Yarlykapov A. Islam and tradition in the North Caucasus [Islam i tradiciya na Severnom Kavkaze] *Ethnic and religious diversity of Russia [Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii].* VA. Tishkov, VV. Stepanov (eds.). Moscow, 2017:301-315. (In Russ)

6. Kapustina E. Rural sketches of the urban landscape: transformation of urban space in the context of migration processes in Dagestan and rural communities in Makhachkala at the beginning of the XXI century [Selskie etyudy

8. *Yusupova G.* 'The religious field in a Russian Muslim village: a Bourdieusian perspective on Islam.', Ethnicities. 2020, 20 (4). pp. 769-792.

9. *Gellner, Ernest*. Muslim Society. 1981. Cambridge: Cambridge University Press.

10. *Appadurai A*. (Ed.), The social life of things: commodities in cultural perspective (pp. 64-94). Cambridge, England: 1986. Cambridge University Press.

11. *Булатова А.Г.* Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX - начале XX века. Л., 1988.

12. *Булатова А.Г.* Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. СПб., 1999.

13. *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62

14. The Invention of Tradition. Edited by Eric Hobsbawm and Terence Ranger. Cambridge University Press, 1983.

k gorodskomu pejzazhu: transformaciya gorodskogo prostranstva v kontekste migracionnyh processov v Dagestane i selskie zemlyachestva v Mahachkale nachala XXI veka] *Caucasian city: the potential of ethnocultural ties in the urban environment [Kavkazskij gorod: potencial etnokulturnyh svyazej v urbanisticheskoj srede]*. Saint Petersburg, 2013: 111-175. (In Russ)

7. Starodubrovskaya I. Intergenerational Relations and Social Transformations: The Case of North Caucasus. *Sociology of power*. 2019, 31(1):92-113. (In Russ)

8. Yusupova G. *The religious field in a Russian Muslim village: a Bourdieusian perspective on Islam*. Ethnicities. 2020, 20(4): 769–792.

9. Gellner E. *Muslim Society*. 1981. Cambridge: Cambridge University Press.

10. Appadurai A. (ed.). *The social life of things: commodities in cultural perspective*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1986. p. 64–94.

11. Bulatova A. *Traditional holidays and rites of the peoples of Mountainous Dagestan [Tradicionnye prazdniki i obryady narodov gornogo Dagestana v XIX - nachale XX veka]*. Leningrad, 1988.

12. Bulatova A. *Agricultural calendar and calendar customs and ceremonies of the peoples of Dagestan [Selskohozyajstvennyj kalendar i kalendarnye obychai i obryady narodov Dagestana]*. Saint Petersburg, 1999.

13. Hobsbawm E. Invention of traditions [Izobretenie tradicij]. *Vestnik Evrazii*. 2000, 1: 47–62.

14. *The Invention of Tradition. Eric Hobsbawm and Terence Ranger (eds.)*. Cambridge University Press, 1983.

Статья поступила в редакцию 17.11.2021 г.

DOI: https://doi.org/10.32653/CH1741002-1021

Lilit Simonyan
Cand. Sci. (History), Head of Archive
Institute of Archaeology and Ethnography
National Academy of Sciences of Armenia, Yerevan, Armenia
simonian_lilit@mail.ru

THE CULT AND COMMEMORATION OF ST. VOSKEANS AND ST. SUKIASEANS IN THE LIGHT OF CAUCASIAN PARALLELS

Abstract. The cult of early Christian saints is related to poorly investigated data scattered in manuscripts and folklore sources. Historical ways of dissemination of Christianity in the region of the Caucasus and Western Armenia (South-West of Lake Van) and relationship between Armenian and Alanian Kingdoms in the 2nd century AD are the main subject of discussion in the article regarding the St. Voskeans and St. Sukiaseans. Interdisciplinary approach with compilation and comparison of all data including those of ethnography (sources and field study) allow to reconstruct historical reality and shed light on historical events of the period in question.

The obscure story about a group of early Christian saints of Alanian origin reports on existence of "grass-eaters" kind of Christianity in some regions of historical Armenia before the adoption of Christianity by the state. Since Sukias' name before baptism was Bahadras, we can trace some parallels in Armenian folk-lore and Caucasian epic of Narts. The center of the cult of St. Sukiaseans was Mount Sukavet until the beginning of the 20th century. After its loss the former inhabitants of Alashkert founded a chapel with worship and pilgrimage in the village of Nerkin Getashen, although the legendary of the saints did not survive to this day in people's memory.

Source analysis allows to conclude that Alanian prince Bahadras-Sukias established a special kind of Christian movement of "grass-eaters" in the 2nd century AD that gained large popularity in the region of Bagrevand-Aghdznik-Vaspurakan and reached Vayots Dzor and Ararat. Their symbol was the Bahadras' cross (khach Patarazin in the Armenian epic "The Daredevils of Sasun") and their monasteries formally belonged to the Armenian Apostolic Church.

Keywords: St. Sukiaseans; early Christianity; grass-eaters; Bahadras; Providential Cross.

© Simonyan L., 2021
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2021

DOI: https://doi.org/10.32653/CH1741002-1021

Симонян Лилит
к.и.н., зав. архивом
Институт археологии и этнографии
Национальной Академии наук Армении, Ереван, Армения
simonian_lilit@mail.ru

КУЛЬТ И ПАМЯТЬ СВ. ВОСКЕАНОВ И СВ. СУАКИАСЯНОВ В СВЕТЕ КАВКАЗСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Аннотация. Культ раннехристианских святых связан со слабо изученными данными, рассеянными в рукописях и фольклорных источниках. Главным предметом статьи являются исторические пути распространения христианства на Кавказе и в Западной Армении (к юго-востоку от озера Ван) и взаимоотношения между Армянским и Аланским царствами во II в. н. э. относительно Св. Воскеанов и Св. Сукиасянов. Междисциплинарный подход при компиляции и сравнительном изучении всех данных, включая этнографические (источники и полевые исследования), позволяет реконструировать историческую реальность и осветить исторические события данного периода. Не вполне ясная история о группе раннехристианских святых аланского происхождения сообщает о существовании «травоядной» ветви христианства в некоторых регионах исторической Армении до принятия государственного христианства. Поскольку имя лидера группы Сукиаса до крещения было Бахадрас, можно провести некоторые параллели в армянском фольклоре и в кавказском Эпосе о Нартах. Центром культа святых Сукиасянов до начала XX в. была гора Сукавет. После ее утраты бывшие жители Алашкерта основали часовню с живым культом и паломничеством в селе Неркин Геташен, хотя легендарная история святых не дошла до наших времен в памяти людей. Анализ всех источников позволяет заключить, что аланский принц Бахадрас-Сукиас основал во II в. особую ветвь христианского движения («травоеды»), которая обрела широкую известность в регионе Багреванд-Ахдзник-Васпуракан и распространилась до Вайоц Дзора и Арарата. Символом травоедов был крест Бахадраса (хач Патаразин в армянском эпосе «Сасунские удальцы»), а их монастыри формально принадлежали Армянской Апостольской Церкви.

Ключевые слова: Св. Сукиасяны; раннее христианство; травоеды; Бахадрас; Возвещающий Крест.

© Симонян Лилит, 2021
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

Commemoration

The Calendar of Feasts of the Armenian Apostolic Church (Tonatsuyts) preserved the dates of the celebration of two groups of saints named Voskeans and Sukʻiaseans. These are movable (?) feasts commemorated on the next Tuesday (Sukiaseans) and Thursday (Voskeans) after the Arajavorats Lent and both occur mostly in February [1, 73-111]. These dates are associated with the historical period following the calendar reform of Simeon Yerevantsi. Thus e. g. the Calendar of 1774 has those dates along with accompanying chants [2, p. 52-53]. Gh. Alishan mentions the period (season) of the secular Carnival («աշխարհական բարեկենդանութեան եղանակին տօնուած») [3, p. 59], considering Barekendan-Carnival mostly occurring in February, as well. On the opposite, the Calendar of 1725 has August 27 as the day of commemoration of the saints Voskeans and Sukiaseans [4, p. 264]. The same date can be observed in much older manuscripts of the Synaxary along with the Armenian date of Navasardi 17, as well as in printed versions of the Synaxary [5, p. 42-43].

Nowadays the Russian and the Georgian Orthodox Churches accept a saint with the name Sukhiy, Sukkia, or Isikhiy Mesukeviyskiy (i.e. Mesukevian – a distorted version of the name of mountain Sukavet, Georgian “Sukaketi”, see below) with the commemoration date on April 25. The main source of data on that saint and his companions – Mesukevian martyrs – is a manuscript, preserved in the Georgian language in the Iveron Monastery (Our Lady of the Gate) on Mount Athos, Greece (the primary source has never been published), presumably, a Georgian translation of the Armenian original hagiography. Recently, A. Sofyan [6, p. 149-151] revised the hagiography of Sukhiya and 16 Georgian companions based on the new non-scientific publication in 2011 [7, p. 204] of the Iveron Monastery manuscript. The author focuses mainly on pseudohistorical questions such as why should the Alanian governor send a military commander after the ordinary people, or which historical king is hidden under the image of Artashes, as well as on discrepancy between the Armenian and Georgian texts. Unfortunately, she does not tackle any issues concerning the cult and its modern manifestations. The most considerable difference is that in the Georgian manuscript the land of Aluank (now Azerbaijan) is indicated as the homeland of St. Sukias and his companions, while all the Armenian sources insist on the Alanian origin of the Sukiaseans.

Chronicles and legendary story

Some forms of folk-Christian worship of those groups of saints have been known this far only in the region next to the city of Vałarshakert (later – Alashkert, now Eleşkirt in Turkey), and an investigation is needed to explain how much popular the aforementioned saints were and what half-historical legendary story has been associated with them.

Voskeans and Sukiaseans are mentioned in the chronicles of only two church historians – Thovma Arcruni and Hovhannes Draskhanakertcʻi, both of them belonging to the 10th century AD.

Thovma Arcruni refers to saints living on mount Sukavet, who visited the Queen Satenik – their compatriot and blood relative – while she dwelled in the region of Van, judging from Thovma's previous fable, in the city named Artamat (most probably, the later village Artamet). They criticized the cult of idols as nonsensical in the way saint K'rius did before her spouse, King Artashes. Their words impressed the queen but she was not ready to openly stop worshipping the idol of Astłik, erected earlier by her husband. Thovma then admits his lack of knowledge about the further events [8, p. 57-58].

Obviously, K'rius (Gr. χρυσός, Golden) is the same person with Voski (Arm. ոսկի, woski, gold), who is mentioned by Hovhannes Draskhanakertc'i and other sources (see below), and the saints from the mountain Sukavet, the queen's blood relatives, are St. Sukiaseans.

Hovhannes Draskhanakertc'i, or Hovhannes the Catholicos presents another version: according to his History, some apprentices of St. Thaddeus, after the martyrdom of their teacher, under the leadership of Voski who led ascetic life by the source of Euphrates and baptized some followers of their doctrine in its water, also baptized several Alans who were relatives of the queen Satenik, the spouse of the king Artashes. But the queen's sons got jealous about the deal and Voski paid his life for that together with his friends (companions?). The baptized relatives of Satenik left the place and migrated to Mount Jrabashkh (lit. "providing water") where they lived ascetic life, eating only grass. During some time, their dresses turned into tatters and hair-dress (??) ascended from heaven to cover their nudity. Thus they resembled wild goats and were named "k'oshik" (dial. "goat"). Later a man called Barlaha (var. Barahla, Barlah) came from the kingdom of Alans to find them and after some interrogation killed the hermits. Mount Jrabashkh was named Sukav after the name of the martyrs' leader, Sukias [9, p. 24-25]. Late sources mention the new name of Sukav(et) – K'osadagh – which obviously is a Turkish name meaning "Bald mountain" [10, p. 117], but Gh. Inchichean (and after him Gh. Alishan) explains it as a distortion of "K'oshik", the nickname of Sukiaseans [11, p. 536] .

These two stories, in almost no point connected to each other, may be "restored" with the help of more recent writings like texts of Synaxaries and Collections of Preaching (Č'arəntir). M. Avgerian compiled them together and presented them as a full hagiography in two parts – the story of Voskeans and that of Sukiaseans [12, p. 121-133, 90-120].

According to that compilation, Voski was a Greek or a Roman who accompanied the Saint Apostle Thaddeus on his way through Armenia with his 5 friends (friends or companions?). After the death of the Apostle, they once visited king Artashes and preached to him, to the queen Satenik and to her relatives who lived in the courtyard. The king was engaged in a war and had no time for religious discussions, but the royal Alans were impressed by the speech of the newcomers, and they decided to be baptized. Voski baptized the relative of the queen named Barak'ada, Barak'adra, or Bahadras with 80 or 90 others in the source of the River Euphrates. Barak'ada-Bahadras acquired the new name of Suk'ias, meaning "calm, peaceful", while

other Alans received Greek or Roman names, as well. Although only 17 names of Sukiaseans are listed in Avgerian's sources, and no name for Voskeans except Voski himself, sources insist on 80-90 baptized people. Every one of them saw the image of Christ over the hill in front of the spring (the source of Euphrates), and later the place was named Aveteac‘ xach – Providential Cross [12, p. 91-92]. The case (?) inspired jealousy by the queen's sons Vəro (Vərdo) and Vəno who informed their father Artashes and elder brother Artavazd. One variant of the story tells that the king Artashes exiled Voskeans, but Sukiaseans followed them [12, p. 125]. Artavazd and his brothers tried to persuade Sukiaseans to drop Christianity and come back to their royal status, then they tried to make Voski convince the newly baptized, but to no avail, because Sukias and at least some of Sukiaseans were of royal blood and their own blood relatives, Satenik's sons could not approach their uncles, so Artavazd sent his servants to kill Voski and his friends, and they slaughtered them. After the death of Voskeans, Sukiaseans moved to Mount Jrabashkh near the city Baguan (obviously, the same as later Alashkert) and stayed there for 43 or 44 years in strict chastity. With their sincere prayer, they prevented a war between Persians and Armenians. Once they had an idea to go and destroy the heathen shrines of the city, but a vision (or a dream) of one of them – Poloktes – held them back. Probably, that same intention to destroy the shrines is illustrated in the chronicle of Thovma Artsruni as a discussion with the queen about the cult of idols. Then another vision of Poloktes predicted that a lion would come from the land of Alans and he would find them. In reality, a warrior named Barlaha, or Barlahael was sent by the king of Alans to bring back the "deserters". Stumbling on their stubborn resistance, the king's envoy killed them and threw their bodies into a crevice. Many years later St. Gregory the Illuminator found their bones and established a martyrium on the place where the saints perished as witnesses to the Christian faith. As they died on Navasardi 17 AD 130 or 140 [12, p. 98], the date was accepted as their commemoration day.

In addition, M. Avgerian cites another story about the junior members of the Sukiasean group, Jacob and Theodosius, who managed to escape from Barlaha's persecution, came back to the place of martyrdom of their friends, found stains of blood on the ground and put stones at that place. Jacob and Theodosius continued to live there for some years. After their death, they were buried at the place where the fortress of Alashkert was built later on [12, p. 110-111].

Gh. Alishan pays attention to different information from certain manuscripts of Č‘arəntir (Collection of Speeches) and Haysmavurk‘ (Synaxary), the sources of which are of Greek origin (probably, Tatianus and/or Valantianus (?) named in some manuscripts). He claims that Voski – K‘rius, or maybe Aurelian – and his group were ministers from Rome who met St. Thaddeus' apprentices in Armenia, dressed in a somewhat alien way, and tested them to make sure if they really represented a Christian movement. After the meal made of a deer called by St. Taddeus, and its miraculous reanimation by the apostle, the Roman envoys adopted Christianity becoming baptized by St. Thaddeus. The apostle also ordained K‘rius as a priest. Then K‘rius and his friends visited king Artashes with the purpose of fulfilling their duty as

ministers and simultaneously realizing the mission of preaching Christianity to the noble. Then Alishan presents the same topic discussed by M. Avgerian on preaching to the king, the queen and her Alanian relatives; the jealousy of Vəroy (Alishan identifies Vəroy with the poet Vəroyr mentioned by Movses Khorenatsi) and Vəndoy and the baptism of Bahadras or Barak'adr with 19 other royal Alans [3, p. 61-63]. However, there is a significant addition in the manuscript investigated by Alishan as compared to that of Avgerian: the name of the persecutor Barlaha is translated as "The Paradise of God", and the name of the Alanian king who sent him was Gigian [3, p. 64].

Gh. Alishan also mentions a story of two friends of the Sukiaseans, who having escaped from Sukavet, lived and deceased on the hill, where Vałarshakert was built later on. Their bodies were found by hunters who buried them on the hill not far from the valley; later their graves became a famous healing site [11, p. 536]. Probably that is the same place as described in a Collection of Speeches (Čharəntir), cited by Gh. Inchichean as relating to Voskeans. It was the same place where the Sukiaseans reached them with the purpose of learning Christian creed; and where later the city of Vałarshakert, home for the king's sons, was built. Apparently the same mountain or another peak of the same range was also called Shahapivan(k'). This name comes from that of duce (дуче? Итальянский титул?) Shahap Gnuni and reflects the existence of a significant monastery (vank') where the king's troops gathered together [13, p. 406, 414; 11, p. 536]. In his earlier work, Inchichean gives a different name – Tsakhkats, or Korduhats mountain [10, p. 16].

This last fact is important because of folk legends connected to the hill not far from the city of Alashkert to be discussed below.

The Monasteries and Folk-Christian worship

The legendary story about the martyrs of Alanian origin is of great interest, because it, in some way, connects the mythical information about Queen Satenik and her son Artavazd to the early Christian history of Armenia, which simultaneously expands the geography of influence of Alans upon the Armenian history – at least on the legendary level.

The fact is that the story about the Sukiaseans survived for many centuries and was still told among people by the end of the 19th century. Many places in the region of Bagrevand were connected to the characters in that story. At least two sources testify to its distribution among the Armenian population in the form of folk legends.

H. Tataryan informs that a "couple" of monasteries – of St. Voskeans to the West from Bayazit and of St. Sukiaseans on Mount Sukavet – were preserved as places of pilgrimage and were connected with folk legends [14, p. 1]. According to the folk variant of the story, five Greeks and their leader K'rius heard the preaching of St. Thaddeus and accepted Christianity. In their turn, they went on spreading the teachings of the Nazarene and baptized people in the name of the Holy Trinity. The Voskeans even reached Artashat (the capital city of Artashes – L. S.) and were welcomed by a rich man named Artashes and his spouse Satinik, a woman of Alanian origin. Some of her

relatives, the name of one of which being Bahadras, converted to Christianity. For that reason, they were persecuted by pagan Artashes and were compelled to leave the city along with the Voskeans. Then the cursed son of Artashes – Artavazd killed the Voskeans. As for Sukiasians (Sukiaseans? Sukiasyans?), they lived in the desert place for 44 more years and were killed in the times of the heathen king Shapur.

There was even a song about them reflecting the events of the same story:

In the desert place,
On mount Całkavet,
In the deep gorge
They were baptized
In the source of Euphrates,
Where waters mix.
They were nineteen
Together with Sukias.

Although there is a little misapprehension – Artamat in Vaspurakan is confused with Artashat in Ararat valley – this is almost the same story as that of chronicles. What appears only in Synaxaries and folk legends is the name of Sukias before baptism – Barak'ada, or Bahadras.

In all cases, there are mentions and even descriptions of sacred places associated with St. Voskeans and Sukiaseans, which were built in province Bagrevand, in the mountains.

The Monastery of the St. Voskeans was placed in the valley under-Mount Ala Dagh, that is the same as Całkeats, or Całkavet mountain. About half a mile to the North two branches of Euphrates intertwine (as in the song – "waters mix"), and that is the place where Voskeans resided before leaving their refuge. It should be noted that in the earliest text of Armenian Geography (Ashxarhac'oyts) dating back to the 5th century AD according to most authors, the source of the River Aracani (now Murat) on the peak of Całkotn is called Voskik' [15, p. 34] without any mentions of Voski-K'rius or other saints. Gh. Inchichean relying upon a text from Č'ar□ntir, agrees that the place chosen by St. Voskeans was near the source of Euphrates and Mount Całke [13, p. 413].

Tradition ascribes the foundation of the monastery to St. Gregory the Illuminator who also established the tradition of pilgrimage to the place, which continued at least until the end of the 19th century, while the monastery remained inhabited until the beginning of the 19th century [14, p. 1]. Before St. Gregory's first visit to the monastery, however, a martyrium, or a chapel existed there. Its foundation is ascribed to St. Thaddeus, who raised the so-called Avetiac' ("Providential") xach, the same cross mentioned in the legend provided by Avgerian.

There is a local story about a pilgrim who visited the prominent monastery of St. Jacob on the slope of Mount Masis (Ararat) and was advised to go to Sukav (another high mountain, the name of which is associated with St. Sukiaseans) or to St. Voski.

Thus, the St. Voskeans monastery was a well-known sanctuary until 1840s. Afterwards the meaning of the monastery gradually diminished. By the end of the 19th century most of the Armenian population of the region had left their usual habitat, and only casual visitors still passed by the abandoned monastery or rather its ruins [14, p. 1].

The monastery of the St. Sukiaseans had a slightly different destiny. Placed at the eastern side of the mountain Minor Sukav(et), 3 hours north-west from Toprak-kale near the village Molla Suleyman, the area remained inhabited by Armenians in the 19th century. Correspondingly, the monastery remained a vital pilgrimage site until the beginning of the 20th century. Pilgrims visited the half-ruined monastery during the festivals of Vardavar in summer and St. George in early autumn (end of September). The people of Molla Suleyman being Catholic Armenians even used to serve liturgies in the churches of the monastery [14, p. 1]. Gh. Inchichean points at different feasts for pilgrimage – Dormation of St. Mother of God and Escalation of the Cross [10, p. 117], despite the fact that the seasons almost coincide – summer and early autumn.

Some information is given by S. Haykuni, whose data relate to approximately the same period as that of Tatarian [16, p. 108-111]: On the south-eastern side of Sukavet two chapels of human's height made of rough stones were built. That was the place of martyrdom of the St. Sukiaseans. One of the chapels served for Gregorian, the other – for Catholic Armenians as a church, and liturgies were served there. Many people visited the place as pilgrims. There was a big stone, on which, according to local tradition, the saints were killed. Young girls and boys gathered around the stone and threw little pebbles on it. If a pebble stayed on the big stone, it meant that the wish of the thrower would come true. Another big stone was put on the Lusaghbyur (Light, or Holy Spring). They believed that the spring would get dry if a bad man approached it. There were also several holy caverns. People believed those were the places where the St. Sukiaseans prayed.

Inchichean supposedly describes the same big stone as the marker of the place where the Sukiaseans were beheaded. Moreover, he adds an important detail according to which the stone was covered with drops of their blood [10, p. 117]. There is a rare evidence of the same or another sacred stone on the peak of Sukavet – with a hole in the middle – where childless women used to come and pass through it to be able to get pregnant [17, p. 1].

In regard to the source drying up, the folk belief is a reminiscence of the fragment in Synaxary, telling that a source sprang out of the saints' shed blood. Every year on their commemoration day it springs again and heals many diseases, especially leprosy, and then disappears for the whole year [11, p. 537].

According to the legend recorded by Haykuni, a group of 40 bandits met St. Thaddeus and wanted to rob him. The saint preached Christian morals to them, but they demanded that he called a wild deer. If the deer did not appear, they would kill him instead of the animal. A deer came, and the bandits adopted the true Christian faith. The 40 robbers were the St. Sukiaseans. St. Thaddeus baptized them. Then he sent 10 of them to the village called Ghlich-Ketuki, 10 – to the village Amat,

10 – to mount Aladagh, and 10 of them stayed at Sukavet. The local heathen authorities were looking for the neophytes. Inhabitants of the village Khastur not only showed the place where the St. Sukiasians lived, but also accompanied officers with dhol and zurna (drum and trumpet). Later other residents of Alashkert started to call them "betrayers of virgins" [16, p. 111].

A different tradition connects the St. Sukiaseans with one of the most popular Armenian saints – St. Sargis. St. Sargis' sanctuary to the west of Alashkert fortress had its own legend. According to it, when the Alashkert castle was attacked by a foreign king, a hero named Sargis yielded himself to the conqueror in order to release the people. However, after the king tortured Sargis, people started a strong resistance and finally won the battle. They believed that Sargis was a friend of the Sukiaseans. While the other Sukiaseans had accepted the wrath of martyrdom, Sargis managed to escape from Mount Sukavet, but was later killed at the place of the future fortress [18, p. 36].

Matthews of Edessa also informs about a saint named Sargis martyred in the times of Gagik the Second, the last king of the Bargratuni dynasty, by the hands of Hagar's or Mahmed's sons (i.e. Arabs-Moslems) in the region of Bagrevand [19, p. 117]. The people's memory united that martyr with St. Sukiaseans.

In conclusion, it can be said that while the place and motivation of the saints' martyrdom have remained the same, the historical context has fully changed. Such an ambiguity testifies the existence of several folkloric variants of the same story. In every case, the issue cannot be related to the generally worshipped St. Sargis the Warrior, whose feast are also commemorated in winter .

There was a pilgrimage site devoted to St. George in Bagrevand, not far from Davoy village. During the festival of St. George in autumn, a huge crowd of people visited the holy site. There were three giant ivies and a source there, where offerings were given. People of Bagrevand, the main visitors of the place, considered the saint to be a friend of the St. Sukiaseans. According to a local legend, as the Sukiaseans parted from the St. Voskeans on Aladagh mountain, they wandered through the mountains, before they found their new home at K'osadagh. Here Gevorg (George) fell ill and stayed with one of his friends, while the others left. When Gevorg died, he was buried there. After his death, his friend reached Zetikan, where the people of Khastur helped the officers to catch him [16, p. 201-204].

The richest description of the pilgrimage to Sukavet belongs to G. Hakobyan. It reflects the situation just before the Great Genocide of 1915. Hakobyan reports that not only the whole Armenian population of Bagrevand, but also that of Basen participated in that pilgrimage. There were some pilgrims from Khnus and Manazkert, too. On the day preceding the pilgrimage, Armutli village got ready for a long journey: old women and children on carts, old men – on horses and donkeys, and the youth – on foot gathered together bringing rams and male goats, cocks, domestic and wild doves for sacrifice, as well as fresh-baked bread and other meal. Their procession resembled a joyful parade, accompanied by musicians. Just before the sunrise, the crowd from Armutli united with the group of pilgrims from other villages at the bottom of the

mountain. On Sunday morning Sukavet was surrounded by multiple pilgrims from different places: even Russian soldiers joined them and participated in festivities. Pilgrims from Basen and Alashkert had various places for sacrifice offerings [20, p. 109-110].

In 1873 a burial of saints (or hermits) was occasionally discovered not far from the Armenian village of Kondemir and Kurd village of Inalu in Western Armenia (Turkey), in the region of Taron, neighboring Alashkert. Inhabitants of Kondemir were in haste to inform the servants of St. Karapet Monastery of Mush about the discovery of St. Sukiaseans's tomb. The Armenian inscription on the tombstone was deciphered by a cleric expert, and contained no special reminiscence of St. Sukias or of his companions [21, p. 135-138]. This curious event once again indicates the wide distribution of the cult in the 1800s.

Apparently, the tradition of pilgrimage to the places connected with the St. Sukiaseans ceased after 1915, for the provinces Alashkert (Bagrevand), Basen, Khnus were cleared of Armenians.

Still there remains a range of questions around that history and the objects of worship and pilgrimage. One of these questions is: did the cult or at least mythology of Sukias, Voski and their friends-martyrs reach other regions of historical Armenia in other ways than through the official Church and its feasts? Since the leader of Sukiaseans was of Alanian origin and carried the name Bahadras, the second question is: was the role of the Alanian preachers with their Providential Cross significant for further distribution of Christianity in Armenia in the Early Middle Age? Another Alanian name in the legend belongs to the Queen Satenik, or Satinik, and the third one is that of the persecutor – Barlaha, whose name sounds non-Caucasian, and most probably, of Assyrian origin; however, it is translated as "The God's paradise". Finally, the name of the Alanian king Gigian sounds Greek (Gigin?). Does that mean that there are false names in the texts or do they belong to real historical figures?

St. Sukiaseans and Caucasian Characters

We have to distinguish history and myth, although that is the nature of epic narrations to fuse true stories with some portion of a miracle. Very little is known about Artashes the king as a historical figure. Most texts mentioning him and his deeds are pure myths. The stories of his marriage, relations between his sons and his in-laws to a proper extent resemble the plots of the Caucasian Epic of Narts [22, p. 51-55]. This in no way means that just the "history" of Artashes was reflected in the Epic of Narts or that the North Caucasian epic is of Armenian origin as A. Petrosian believes [23, p. 10]. The fact is that nobody has ever recorded a single variant of the Epic of Narts or even a puny fragment of it or a little motif in a fairy-tale in any Armenian dialect or from a narrator-Armenian. The justifications that the Armenians might have forgotten it during centuries, or it was in any way wiped, or not found, are inappropriate. Parallels between the Armenian and North Caucasian epics and mythology concerned many Armenian authors of the 19-20th centuries, who were

interested in finding such narrations (if any). On the other hand, nothing prevented the Armenians from preserving multiple local variants of “Shah-Name”, “Leyli and Mejnun”, “Kyor Oghli”, “Khan Dəmdəm” etc., fully realizing their foreign origin but having developed them originally.

What we know for sure is that some epic songs about the Armenian queen of Alan origin – Satenik – were popular among Armenian bards of the Gołt‘n region in the times of Movses Khorenaci. Some of those songs might have had a North-Caucasian origin. The only source of Satenik – the Alan princess – different from the fragments of those epic songs recorded by Movses Khorenaci is the history of Christian martyrs from Mount Sukavet. There are no Caucasian parallels to that story in folklore materials yet (except Iveron monastery’s Georgian text). Thus, Christian legends about Satenik’s relatives-martyrs might be purely Armenian in core – or might be not. The question is whether there are any historical grounds in these stories.

The story connects at least two cultures, and there must be coincidences other than just personal names, too.

One important remark of M. Abeghian concerning the legendary Khach Patrazin (xach pat[a]razin) – an apotropaic cross of the Daredevils of Sasun [24, p. 843] is worth mentioning here:

“The etymology of Patrazin or patarazin is unclear. It has common Minor Asian or Caucasian character (comp. the name of the Ossetian (=Alan) folk epic’s hero Batraz, Patraz or Pataraz, being falsely etymologized as Bat’r-as, i. e. Ossetian brave man, there is a Hittite name Pataraz, etc.). It (Khach Patrazin – L. S.) is presented as a cross tied or stamped on a hero’s arm playing the role of a talisman (hamayil, magic protection) and is called just “hamayil holy cross” … That cross gives great might to the hero and protects him from strikes”.

The other form of the same symbolic object is Khach Paterazmi (the Cross of the War). Another reminiscence of the latter can be found in late Medieval apotropaic scroll-scripts, Hmayils. In the list of Holy Symbols (surb nəshan, i. e. places where a fragment of the Holy Cross of Jesus’ crucifixion is kept) that cross is mentioned along with Varag’s, Getargel’s and other famous holy symbols in Hakob Meghapart’s Urbatagirk‘ [25, Vasn Gani]. Thus, “khach patarazi” of the epic may seem a distorted form of Paterazmi Surb Nəshan of Hmayils. However, we do not know much more about the Paterazmi Holy Symbol than about the pat[a]razi cross of the epic. The monastery where it was probably stored – the Sk‘anchelagorc (Yerashxavor) Surb Nəshan of Artske, not far from the lake Van, – in fact was once a frequently visited sacral place. Only several literal sources [26, p. 192, 226] and no ethnographic or traveler’s note refer to the Holy Symbol of Artske under that name. Authors, mentioning ritual performing of the Sk‘anchelagorc Holy Symbol that gave its name to the monastery, testify that the Sign was carried through locations in case of pandemics of plague or other transmissible diseases [27, p. 269; 28, p. 42] and they insist on the tradition of Holy Symbol being not a fragment of the Holy Cross, but of the basin where the Child Jesus was bathed. Thus, it could not be considered as a real surb nəshan . The origination of the name Khach Paterazmi remains enigmatic: it is even unclear what

actually connected it with war. Therefore, we have no credible data and not enough reasons to identify pat[a]razi cross with the Sk'anchelagorc Holy Symbol.

If we tried to compare the symbol of Pat[a]razin cross with that of Batradz's sword, this would lead to a deeper investigation. It is obvious that the typically Christian apotropaic symbol could in no way be the same as the sword of Batradz of the North-Caucasian epic, particularly considering that there is a cycle of Armenian myths around King Prosh's (or Bro's) sword with the same final scene with throwing the wonderful Havluni sword into a lake: Srvandztiants [29, p. 394-395] and Lalayan [30, p. 149-153] mention Nazika lake, but Bense [31, p. 13-14] and Shahinyan [32, p. 175-177] mention Xachlva lake, the latter name meaning literally "washing the cross" and duplicating the name of a Christian ritual of water consecration – xachalva – as placing an object containing a fragment of the Holy Cross into water [33, p. 85]. Now, is this geographical name and the myth connected with it a manifestation of the symbol of sword-cross? [34, p. 68-72]

For the legendary cycle about King Prosh, the motif of throwing the mighty sword into the lake is a solid one, while, in comparison, the same motif [35, p. 21], largely discussed in G. Dumezil's and J. Griswar's analysis [22; 36], is not typical for the epic cycle of Batradz . Usually, researchers do not include Armenian material in their investigations of parallels between the Caucasian epic and Arthurian cycle and restrict themselves in the frame of Ossetian variants of the epic cycle around Batradz [38, p. 105-106], although some historical ways of passing the story about the miraculous sword have more ground.

Another possibility still remains that the etymology (the "false" one as M. Abeghian believes) of the name Batradz (and, consequently, Bahadras) may be traced to Central Asian, Mongolian sources. Specifically, V. Abaev considers the names of Batradz and his father Khamits to be a result of "splitting" the name of Mongolian hero – Xabichi Bahatur [39, p. 18] (comp. also the Chechenian form of Batradz's name – Xamchi Pataraz that is even more resembling the Armenian xach Patarazin). In that case, it should on the one hand be proved that the image of Mongolian Khabichi (in Sacral Saga of the Mongols he is in some translations mentioned as Bahatur, but never Bahadras or Batradz) can be identified or corresponds to that of Ossetian Batradz, but that is not quite certain. On the other hand, however, at least 5 of 7 sons of Mongolian Khabichi have names containing the particle "xach" – Xachikuyluk, Xachin, Xachiu etc. [40, p. 6]. Nevertheless, such resemblances – coincidences or not – do not cross the border of pure linguistics and are not supported by parallels in folklore.

One rare evidence brings back to the topic of "sword and cross": the Armenian writer Seylan in his historical-ethnographic review "Sasun" (the homeland of the heroes of the Armenian epic) describes in detail a sacral place called Xasht'rik in a cave of a mountain [41, p. 646-647]. The main object of worship in the sanctuary was the cross made of a rusty sword, stuck in a cubical marble obelisk. Khashtrik – obviously a diminutive form of xach-t'ur (cross-sword) – has been worshipped quite independently from the official church. Nevertheless, it was considered the holiest place in Sasun along with the ruined monastery Maratuk St. Mother of God

– the most significant sacral site of the epic "Daredevils of Sasun". Could its second name be Khach Patarazi or Khach Paterazmi? There is too little data to answer this question. But Xasht'rik is a material incorporation of the mythical motif of "a sword in/from the stone" and not an apotropaic arm tie or a stamp. It resembles more the Providential Cross of Voskeans-Sukiaseans, but no source contains any hint that the St. Sukiaseans' cross was made of a sword .

Nevertheless, there are some other evidences of the reference between "The Daredevils of Sasun" and the legend of St. Sukiaseans. The well-known narrator Nərgey Hako from the village of Yeranos (Gegharkunik region) whose family had immigrated from the over-mentioned village Khastur near Alashkert, used to tell the epic in his own artistic way, adding to the main plot some other myths and legends. One of those legends was the story about Christian Sukias and the Egyptian pharaoh, unfortunately, cut out by M. Abeghian and not included in the publication [24, p. 9-11].

However, the Cross of Pat[a]raz, when identifying Pataraz, Batradz, and Bahadras as variants of the same personal name, may refer not to the hero of the Ossetian epic, but to St. Sukias, to the Christian martyr with the same name, Bahadras. Thus, the symbolic cross of the Armenian epic heroes could be a reminiscence of the Aveteac xach over the source of Euphrates – of Bahadras' Cross. The Providential Cross of St. Voskeans and Sukiaseans could be a wooden object or a former sword, and therefore, any other object containing a fragment of that cross would acquire sacral functions and become an apotropaic item. Such an object could be transported to neighboring places and reach even southern regions, being used in baptism ceremonies. The mentioning of 80-90 people baptized people in the source of Euphrates could mean that St. Voskeans and then St. Sukiaseans not only lived on Mount Sukavet, pursuing chastity, but also preached and baptized in the name of the Providential Cross – the Cross of Bahadras, xach Patarazin.

If we suppose that xach Patarazin is in any way connected with Khashtrik and Bahadras-Sukias's Providential Cross and take into consideration that the motif of that cross is characteristic just to the variants of the "Daredevils of Sasun" spread and recorded in the regions from Alashkert to Moks, Shatakh and Sparkert in the south, it would give reasons for speculations. St. Sukiaseans spent more than 40 years on Mount Sukavet, and it is quite reasonable to assume that they had a missionary activity. As all the sources insist, the saints pursued ascetic life, eating grass and being covered with fur. That is why their nickname was k'oshik. One of the indirect proofs of their mission is the way of life as grass eaters, while there are some testimonies of the existence of that form of monastic unions in Armenia. Even some monasteries carry that name. One survived example is Xotakerac Surb Nəshan, or K'arakop' monastery near the village Khachik in Vayots Dzor in contemporary Armenia. The name derives from hermits – xotakers (lit. "grass-eaters") who once inhabited the region and owned a Xotakerac Cross [44, p. 280]. G. Hovsepian wonders how that article (item?) could have later become the property of the Proshean royal dynasty [45, p. 40].

Another mentioning of grass-eaters can be found in “The History of Taron” by Hovhan Mamikonean. The history actually begins with the letter of St. Gregory the Illuminator to Łevond, bishop of Caesarea, where he informs about two “living witnesses of Christ, Anton and Kronides” who lived in the place named Innaknya [46, p. 8], and in his response Łevond promises to send Epyphan and forty other abstainers – apprentices of St. Anton [46, p. 10]. Then it is described how king Trdat went to see those hermits. The ascetics lived in the forest, so it took some time before the servants of the king heard them singing in the morning on Sunny hill where earlier the sacrifice place of the deity Demeter was located. Then they greeted Anton, one of the hermits, and he gave them avetis (good news) about the destruction of the evil spirit by God. That is why the hill was called Aveteac bəlur. Then the servants were sent to the slope of Mount Arjan by bishop Albianos, and they brought the avetis to the king. The king ordered to gather stones and erected a sign of the cross on the place where avetis was given, and its name remained Aveteac xach [46, p. 41]. This somewhat naive “explanation” does not reveal the reality of the existence of a cross of grass-eater hermits having the same name as the Providential Cross of St. Sukiaseans. Later seven grass-eaters were killed by the Persian soldiers, and among them were Połikarpos and Epyphan [46, p. 71].

These facts leave no doubt that the institution (cult?) of grass-eaters existed on a wide area of Armenian lands, and that their symbol was the Providential Cross. Such a form of asceticism is a feature of early Christians.

Although St. Voskeans and St. Sukiaseans are “venerated” saints (they have their feast-commemoration days in the Ritual Calendar), their cult was not of all-Armenian nature but belonged to the population of Bagrevand and its neighboring regions. If the hypothesis about the 40-year-long missionary activity of Sukiaseans is correct, then it must be concluded that a local form of early Christianity had deep roots among the population of those regions. Even being assimilated by the later form of state Christianity preached by St. Gregory the Illuminator and his disciples, it preserved its somewhat archaic traits such as worship of a group of martyrs, grass-eating form of asceticism and the cult of the Providential Cross. There is no data about the ways of spread of that form of Christianity to the southern parts of Vaspurakan – Moks, Sparkert, Shatakh, but some half-legendary stories could have reached it along with the legends about the mythic might of Bahadras’ cross, and the representation of xach Patarazin in the epic is a probable reminiscence of such a prefiguration. Given the legends about St. Voskeans and St. Sukiaseans had been shaped long before the Armenian script was invented, they might have been recorded in Greek and might have occured in the writings of Late Antiquity or Early Christian authors (maybe Tatianus), but this question is still vague. They survived first of all due to folk oral tradition, and unknown writers have preserved them in their works dating to the 11-12th centuries. However, oral tradition tends to change and mix, and that is the reason of existence of several variants of the same story and their motifs’ occurrence in the epic.

Remnants of the cult

Back to the folk-Christian cult of St. Sukiaseans, there are some symbolic representations of St. Sukias and his companions in the folk magical prayers and other sub-genres of folklore. One example is preserved in the manuscript of 18th century from the collection of Tübingen University library , titled Գիր խեթքի (here – a magic scripture against the stitch in the side or abdominal pain). In the prayer St. Sukiaseans went up to mountains and saw the personalized stitch (embodiment of pain?) sitting on a rock. The saints asked who he was, and he answered that he was khit'k' sitting inside the human sons, chewing their meat and drinking their blood, crushing their bones. Then the saints tried to slay him with a sword but the khit'k' swore in the name of Lord, angels, St. Virgin Mary, St. John the Baptist, St. Stephen the Protomartyr, St. apostles and prophets that if anybody reads or mentions those names will find remedy and no stitch will ever approach him.

The main symbolic point here is the name of a personified disease. The word khit'k' or khet'k' means not only a disease, but also a cave high in the mountains or a rock in the sea [47, p. 364]. For St. Sukiaseans lived on Sukavet and prayed in a cave, they have a special power to exile a disease of khit'k'.

Trying to find modern manifestations of the cult of St. Sukiaseans, the ethnographic expedition of the Institute of Archaeology and Ethnography of NAS RA was undertaken in July, 2016. The research team discovered its maintenance (traces? Existence?) in the villages Nerkin Getashen and Lichk (Gełarkunik region). It is a newly restored chapel in Nerkin Getashen devoted to St. Sukiaseans (Fig. 1). The major part of the village population is generations of immigrants from Bagrevand province. As Vachagan (Vardges) Sargsian informs, a large family – the clan (azg) of Suk'é (Sukias) – once immigrated to the villages of Nerkin Getashen and neighbouring Lichk, and the chapel of St. Suk'esank' (that is the local variant of the martyrs' name) belongs to that clan as a familiar sanctuary, though everybody may enter there and pray or light candles. Vachagan's own grandmother was from Suké's clan. A young man named Atom formerly performed some magic rites there using seven pebbles, currently stored in the chapel (Fig. 2). He claimed to have received his foretelling powers in a dream, where St. Sukiaseans visited him.

If anybody's hen or chicken falls into the pit of t'onir (oven), there is a tradition to say "Gərt'an Naroz Surb Suk'esank'!", believing that the saints can help the birds to creep through tonir and get out without harm from the ventilation groove. Old stories tell about real cases of hens being saved with the help of the invisible patron-martyrs. There is another true story about a woman who was falsely accused of stealing and eating a hen, but she went to the chapel of St. Sukiaseans, prayed and asked the saints to help her. In the night the real perpetrator's child died, and the neighbor's child realized that the woman was innocent [48].

Although nobody remembers how immigrants founded the new sanctuary devoted to St. Sukiaseans, there is no doubt that they brought their worship

and tradition from Alashkert. A sacral object or just a stone was taken from the monastery on mountain Sukavet, but any recollections about that did not preserve in people's memory. An obscure testimony is the formula of application to the saints: "Hen Naroz (?) St. Suk'esank'", where the meaning of the word "naroz" is also forgotten. The story with the saved hens resembles a similar legend traditionally associated with St. Grigor Narekatsi, called "Dzagaharuyts" (Reanimator of birds) because he saved chickens fallen into tonir [43, p. 306-307], and this story about St. Narekatsi is being told even in our days, for example, in Zolakar's (Gegharkunik) St. Grigor Narekatsi or Tsakhkashen's (Aragatsotn) Narek chapels.

The wedding song of praising the bridegroom was still common about 20 years ago in the villages around Martuni inhabited by the descendants of immigrants from Alashkert:

Սուրբ Սուքեասանք զարևդ օրհնէ,	St. Sukiaseans bless your life
Մէկ Աստըծու զօրութենով...	With the might of the only God...
Թագուոր թագն ի գլօխ, թագն ի գլօխ.	Bridegroom (king) with the wrath on head,
Առ ժուռումուռ տի.	Take and turn around,
Սուրբ Սուքեասանք Ալաշկերտցի	Let the St. Sukiaseans of Alashkert
Ջուր մուրատն տի...	Give him luck. [49, p. 83-84].

This, again, testifies the persistence of the ancient tradition despite deportation from the Western Armenia and long period of atheistic propaganda in Soviet times.

Conclusion

Given the above-mentioned evidence, it follows that at least three different versions of the legendary story about the St. Voskians and Sukiasians (Sukiaseans?) existed simultaneously. Initially, stories on saints of Alanian origin who invented the "grass-eating" form of Christianity, they related exclusively to Bagrevand, later some variations penetrated into Vaspurakan, being merged with the mythic cycle about king Artashes and his family with remnants from the Caucasian epic, and finally were written down by different authors and included in religious and calendar texts with minor corrections. Those legends explain the traditional pilgrimage to the places connected with the St. Voskeans and Sukiasians, the special honor given to them by the people of Bagrevand and Basen.

It is highly probable that missioners of Alanian origin and of royal blood spread the "grass-eating" form of Christianity and the cult of Providential Cross in the Western Armenia. Since they in fact were relatives of the Queen Satenik, that gives a better understanding of historical influence of the Alanian Kingdom on Armenian culture.

The movement of grass-eater early Christians, never confronting with the official Gregorian doctrine, spread to other parts of historical Armenia and reached Vayots

Dzor and Ararat. Moreover, the St. Sukiaseans could have been the first to invent that form of Christianity. As Bagrevand was “cleared” of Armenians at the beginning of the 20th century, the St. Voskians and Sukiaseans were almost forgotten. However, the cult of St. Sukiaseans survived in the regions of Eastern Armenia, inhabited by immigrants from Bagrevand, particularly Nerkin Getashen.

REFERENCES

1. Melikset-Bekov LM. *Georgian edition of the story about the “Arajavor” fast [Gruzinskii izvod skazaniya o poste "Aradzhavor"]* Petrograd: Publ. of Academy of Sciences, 1917:73-111.

2. *Calendar of Feasts, vol. 1.* [Tonatsuyts, hator A]. Ejmiadzin: “Surb Grigor Lusavorič”, 1774.

3. Alishan Gh. *The Dawn of Armenian Christianity [Arshaluys Kristoneutean Hayots].* Venice: Mkhitaryan typ., 1901.

4. *Calendar of Feasts [Tonatsuyts].* Constantinople: Astvacatur Konstandnupolsecu typ., 1725.

5. *Synaxary [Haysmavurk‘].* Constantinople: Grigor Marzvanecu typ., 1706.

6. Sofyan AB. Christian Martyrs in Armenia: Three Portraits, Three Destinies [Khristianskiie mucheniki v Armenii: tri portreta, tri sudby]. *Religion, Church, Society. Issue III.* S. Prilutskiy (ed.). Saint-Petersburg: “Skifia-print”, 2014. p. 147-155.

7. Petrushenko N. (ed.). *Lives of Russian Saints [Zhitiya russkikh svyatykh].* Moscow: “Sibirskaya blagozvonnitsa”, 2011.

8. Thovma Arcruni. *The History of the Dynasty of Artsruni [Patmutyun tann Arcruneac].* Constantinople: Poghos Arapyan Typ., 1852.

9. Hovhannes Draskhanakertci. *The Historiography of Hovhan the Catholicos of All Armenians [Patmagrutyun Hovhannu Katołikosi amenayn hayoc‘].* Jerusalem: Srboc Hakobyanc typ., 1843.

10. Inchichyan Gh. *Geography of Four Sides of the World: Asia, Europe, Africa and America, part 1: Asia, vol. 1 [Ašxarhagrutyun čoric masanc ašxarhi: Asio, Evropio, Apriko ev Ameriko. Masn aradzin: Asia. Hator A].* Venice: Mkhitaryan typ., 1806.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Меликсет-Бековъ Л.М.* Грузинскій изводъ сказанія о посте "Араджаворъ". Петроград: тип. Акад. Наук, 1917. С. 73-111.

2. Календарь праздников. Том 1. Эчмиадзин: Типография Св. Григор Лусаворич, 1774.

3. *Алишан Г.* Заря армянского христианства. Венеция: Типография Мхитарян, 1901.

4. Календарь праздников. Константинополь: Типография Аствацатур Константнуполсецу, 1725.

5. Синаксарий. Константинополь: Типография Григор Марзванецу, 1706.

6. *Софян А.Б.* Христианские мученики в Армении: три портрета, три судьбы // Религия, церковь, общество. Вып. III / ред. С. Прилуцкий. СПб.: “Скифия-принт”, 2014. С. 147-155.

7. Жития русских святых: в 2 т. / ред. Н.В. Петрусенко. М.: Сибирская Благозвонница, 2011.

8. *Товма Арцруни.* История династии Арцруни. Константинополь: Типография Погос Арапян, 1852.

9. *Оганес Драсханакерци.* Историография Католикоса Всех Армян Огана, Иерусалим: Типография Србоц Акопянц, 1843.

10. *Инчичян Г.* География четырех частей света: Азии, Европы, Африки и Америки. Первая часть: Азия. Венеция: Типография Мхитарян, 1806.

11. *Алишан Г.* Арарат. Природа Армении. Венеция: Типография Мхитарян, 1890.

12. *Авгерян М.* Полное собрание житий святых Армянской церкви, которые включены в старый календарь праздников армянской церкви. Том 2, Венеция: Типография Мхитарян, 1811.

13. *Инчичян Г.* Описание древней Армении. Венеция: Типография Мхитарян, 1922.

11. Alishan Gh. *Ayrarat Natural Land of Armenia [Ayrarat bnašxarh Hayastanyayc]* Venice: Mkhitaryan typ., 1890.

12. Avgeryan M. *Full Hagiography and Martyrology of Saints Who are in Old Celandar of Feast of the Armenian Church, vol. 2 [Liakatar vark' ev vkayabanutyun srboc vork' kan i hin Tonacuci Yekełecvo Hayastaneayc, Hator B].* Venice: Mkhitaryan typ., 1811.

13. Inchichyan Gh. *Decription of Ancient Armenia [Storagrutyun hin Hayastaneayc].* Venice: Mkhitaryan typ., 1922.

14. Tataryan HA. Couple of Monasteries (St. Voskeans and St. Sukiaseans Monasteries) [Zuyg mə vank'er (S. Voskeanc ev S. Suk'easeanc vanqerə)]. *"Byuzandion" newspaper*. Constantinople: № 86, 1897.

15. *Géographie de Moïse de Corène d'après Ptolémée / texte arménien, traduit en français par le p. Arsène Soukry*. Venise: Imprimerie Arménienne, 1881.

16. Haykuni S. *Bagrevand: the Province Dzhrabašx, Part 1. [Bagrevand: Dzrabašx gavar, Masn A].* Vałaršapat: Mayr Ator, 1894.

17. Ukhtavor. Mush Valley [Muši daštə]. *"Arevelk'" newspaper*. *C*onstantinople: № 3929, 1899.

18. Eprikyan S. *An Illustrated Dictionary of Natural Land, vol. 1 [Patkerazard bnašxarhik bararan, hator A].* Venice: Mkhitaryan typ., 1902.

19. Matthews Urhayeci. *History of Armenians [Hayoc patmutyun].* Yerevan: "Hayastan", 1973.

20. Hakobyan G. *The Ethnography and Folklore of Basen [Baseni azgagrutyunn u banahyusutyunə].* Yerevan: "Hayastan", 1974.

21. Srvandzteants G. *On the Old and New: History of Davit and Movses Xorenaci [Hnoc ev noroc: patmutyun vasn Davt'i ev Movsesi Xorenacvo].* Constantinople: M. Tntesyan typ, 1874.

22. Dumezil G. *Osetian Epic and Mythology [Osetinskii epos i mifologia].* Moscow: Nauka, 1976.

23. Petrosyan AE. Armenian Satenik/Satinik and Caucasian Satana/Sataney [Armyanskaya Satenik/Satinik i Kavkazskaya Satana/Sataney]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra*. Vladikavkaz. 2016, 16(1): 8-17.

24. Abeghyan M. Commentaries. *The Daredevils of Sasun, folk epic, vol. 2, part 2 [Tsa-*

14. *Татарян А.* Пара монастырей (монастыри Св. Воскянов и С. Сукиасянов) // Газ. «Бюзандион». К. Константинополь, № 86, 1897.

15. География Моисея Хоренского по Птолемею Армянские тексты, перевод на французский Арсен Сукри, Венеция: Армянская типография, 1881.

16. *Айкуни С.* Багреванд. Провинция Джрабашх. Часть 1. Вагаршапат: Майр Атор, 1894.

17. Ухтавор Мушская равнина// Газ. «Аревелк». Константинополь: № 3929, 1899. С. 1.

18. *Эприкян С.* Иллюстрированный словарь естественной географии. Том 1. Венеция: Типография Мхитарян, 1902.

19. *Матевос Урхаеци* История Армении. Ереван: «Айастан», 1973.

20. *Акопян Г.* Этнография и фольклор Басена. Ереван: «Айастан», 1974.

21. *Срвандзтянц Г.* Из старого и нового. История Давида и Моисея Хоренского, Константинополь: Типография Е.М. Тнтесян, 1874.

22. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология, Москва: «Наука», 1976.

23. *Петросян А.Е.* Армянская Сатеник/ Сатиник и кавказская Сатана/Сатаней. Вестник Владикавказского научного центра. Т. 16, , Владикавказ: № 1. С 8-17.

24. *Абегян М.* Комментарии// Сасна Црер, народный эпос, том 2, часть вторая, Ереван: «Айпетхрат», 1951. С. 819-893.

25. Книга пятницы и Песнопения Венеция: Типография Акоп Мегапарт, 1512.

26. Пиргалемян Г. Армянские колофоны. Константинополь: Типография Ншан Перперян, 1888.

27. *Саркисян Н.* Топография Малой и Великой Армении. Венеция: Типография Мхитарян, 1864.

28. *Мирахорян М.* Описательный путеводитель по армянонаселенным провинциям Восточного Тачкастана. Часть 3. Константинополь: Типография М.К. Сареян, 1885.

29. *Срвандзтянц Г.* Сочинения, т. 1, Ереван: Типография Академии Наук Армянской ССР, 1978.

30. *Лалаян Е.* Ара Прекрасный, записано Е. Лалаяном. «Этнографический журнал». Тифлис: вып. IX, 1902. С. 144-159.

not'agrutyunner. Sasna Crer, jołovrdakan vep, B hator, Masn yerkrord]. Yerevan: "Haypethrat", 1951. p. 819-893.

25. *The Book of Friday and Songs [Urbatagirk ev tałaran].* Venice: typography Hakob Mełapart, 1512.

26. Pirghalemyan Gh. *Armenian Colophons [Notark' hayoc].* Constantinople: Nšan Perperyan typ., 1888.

27. Sargisyan N. *Topography of Minor and Major Armenia [Tełagrutyunk' i P'ok'r ev i Mec Hays].* Venice: Mkhitarian typ., 1864.

28. Mirakhoryan M. *Description of Journey to Provinces of Eastern Tajkastan Inhabited by Armenians, part 3 [Nkaragrakan ułevorutyun i hayabnak gavars Arevelyan Tajkastani, masn G].* Costantinople: M.K. Sarəyan typ., 1885.

29. Srvandztyants G. *Works, vol. 1 [Yerker, hator 1].* Yerevan: Haykakan SSR Akademiayi typ., 1978.

30. Lalayan Ye. Ara the Beautiful, recorded by Ye Lalayan [Ara Gełecik, gri arav Ye. Lalayan]. *"Azgagrakan handes"("Ethnographic Review").* Tiflis. 1902, 9: 144-159.

31. Bense Bulanəx, or Province Hark' [Bulanəx, kam Hark' gavar]. *Azgagrakan handes,* Tiflis. 1899, 5: 5-184.

32. Shahinyan Sh. Roots of Centuries [Daravor armatner]. Yerevan: "Sovetakan groł", 1980.

33. Ormanyan M. *Ritual Dictionary [Tsisakan bararan].* Yerevan: "Hayastan", 1992.

34. Simonyan L. Some Aspects of the Symbol of Cross-Sword [Xach-t'əri xorhrdanšakan imasti voroš kołmer]. *"Challenges of XXI century and Armenia", proceedings of conference.* Yerevan: YSU publications, 2011. p. 61-78.

35. Shanaev G. Folk narratives of Caucasian Highlanders [Narodnye skazaniya kavkazskikh gortsev]. *Collection of data about the Caucasian Highlanders, issue 9.* Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1876. p. 1-64 (234-298).

36. Griswar J. *"Le motif de l'epee jetèe au lac: la mort d'Arthur et la mort de Batraz".* Romania. Paris: № 9, 1969. p. 289-340.

37. *Legends of Narts. Ossetian Epic [Skazaniya o nartax. Osetinskii epos]* Yu. Lebedinskyi (transl.). Moscow: "Sovetskaya Rossia", 1978.

38. Scott Littleton C, Malcor LA. *From Scythia to Camelot [Ot Skifii do Kamelota].* Moscow: "Manager", 2007.

31. Бенсе Буланых, или провинция Харк. «Этнографический журнал». Тифлис: вып. 5, 1899. С. 5-184.

32. *Шагинян Ш.* Вековые корни. Ереван: «Советакан грох», 1980.

33. *Орманян М.* Ритуальный словарь, Ереван: «Айастан», 1992.

34. *Симонян Л.* Некоторые аспекты символического значения креста. Сборник материалов конференции «Религиозные вызовы XXI века и Армения». Ереван: Издательство ЕГУ, 2011. С. 61-78.

35. *Шанаев Г.* Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ, Сборникъ Сведеній о кавказскихъ горцахъ. Тифлис: Типография главного управления наместника кавказского, 1876. С. 1-64 (234-298).

36. *Грисвар Дж.* «Мотив меча, закинутого в озеро: смерть Артура и смерть Батраза»// Романия №9, 1969. с. 289-340.

37. Сказания о нартах. Осетинский эпос, пер. Ю. Лебединского, Москва: «Советская Россия», 1978.

38. *Скотт Литтлтон К., Малькор Л.А.* От Скифии до Камелота, Москва: «Менеджер», 2007.

39. *Абаев В.* Нартовский эпос осетин// Сказания о нартах. Осетинский эпос. Москва: «Советская Россия», 1978. с. 5-42.

40. *Козин С.А.* Сокровенное сказание: Монгольская летопись 1240 г. под именем Чжан Чао Би Ши, Москва-Ленинград: Изд-во Академии Наук, 1941.

41. *Сейлан Сасун.* Журнал «Мурч». Тифлис: № 5, 1895. С. 634-663.

42. *Срвандзтянц Г.* Сочинения, т. 2, Ереван: Изд-во Академии Наук Арм. ССР, 1982.

43. *Ганаланян А.* Сказания. Ереван: Изд-во Академии Наук Арм. ССР, 1969.

44. *Степанос Орбелян.* История провинции Сисакан, Париж: Типография Шахназарянц, 1859.

45. *Овсепян Г.В.* Ювелирное изделие XIII века (Святой Символ Травоедов), Журнал «Гехарвест», Тифлис: № 4, 1911. С. 37-44:

46. *Ован Мамиконян.* История Тарона в переводе Зеноба Сирийца. Венеция: Типография Мхитарян, 1889.

47. *Ачарян Р.* Корневой словарь армянского языка. Т. 2. Ереван: Издательство ЕГУ, 1973.

39. Abaev V. The Narts' epic of Ossetians [Nartovskii epos osetin]. *Legends of Narts. Ossetian epic*. Moscow: "Sovetskaya Rossia", 1978: 5-42.

40. Kozin SA. *The Mystic Story: A Mongolian Chronicle of 1243 entitled Juan Chao Bi Shi. Vol. 1 [Sokrovennoye skazanie: Mongolskaya khronika 1240 g. pod nazvaniem Yuan Chao Bi Shi]*. Moscow-Leningrad: Academia Nauk Publ., 1941.

41. Seylan Sasun. *"Murch" journal*, Tiflis. 1895, 5: 634-663.

42. Srvandztyants G. *Works, vol. 2 [Yerker, hator 2]*. Yerevan: HSSR Gitutyunneri Academia Publ., 1982.

43. Ganalanyan A. *Legends [Avandapatum]*. Yerevan: HSSR Gitutyunneri Academia, 1969.

44. Stepanos Orbelyan. *History of the Province Sisakan vol. 1 [Patmutyun nahangin Sisakan hator A]* Paris: K.V. Shahnazaryants typ., 1859.

45. Ovsepyan G. *Goldsmith Art of the 13th century (The Holy Symbol of Grass-Eaters) [Voskerchutyan aruesti mi nmuš JG darum (Xotakerac S. Nšan)]*. Gełarvest, Tiflis. 1911, 4: 37-44.

46. Ovan Mamikonyan. *History of Taron translated by Zenoba the Assyrian [Patmutyun Tarono zor t'argm. Zenob Asori]*. Venice: Mkhitarian typ., 1889.

47. Acharyan H. *Etymological Dictionary of Armenian Language vol. 2 [Hayeren armatakan bararan hator B]*. Yerevan: Yerevani hamalsarani hrat., 1973.

48. Simonian L, Oganesyan K, Avetisyan L. *Field ethnographic materials of the Expedition Sevan-Lichk*. Institute of Archaeology and Ethnography of NAN RA, July, 2016.

49. Haykuni S. Folk songs, proverbs, riddles etc. [Jołovrdakan yerg, arac, haneluk ev ayln]. *Eminean azgagrakan jołovacu, issue 6*. Moscow-Vałaršapat: Varvary Gatsuk typ., 1906.

48. *Симонян Л., Оганесян К., Аветисян Л.* Полевые этнографические материалы экспедиции «Севан-Личк», июль 2016, Институт археологии и этнографии НАН РА.

49. *Айкуни С.* Народная песня, пословица, загадка и др., Эминианский этнографический сборник. Вып. 6. Москва-Вагаршапат: Типография Варвары Гатцук, 1906.

Статья поступила в редакцию 19.06.2021 г.

EXPEDITIONS

DOI: https://doi.org/10.32653/CH1741022-1083

Murtazali S. Gadjiev
Dr. Sci. (History), Prof., Head of Dept. of Archaeology
Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
murgadj@rambler.ru

Arsen L. Budaychiev
Junior Researcher
Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
arseneihae@yandex.ru

Abdula M. Abdulaev
Junior Researcher
Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
realhigh87@mail.ru

Kydyrali B. Shaushev
Researcher
Research and Practice Center "Tourism and Local History" LLC, Makhachkala, Russia
kadyrali@mail.ru

NEWLY DISCOVERED SECTION OF THE DERBENT MUSLIM NECROPOLIS OF THE 11-12TH CENTURIES

© Gadjiev M.S., Budaychiev A.L., Abdulaev A.M., Shaushev K.B., 2021
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2021

ЭКСПЕДИЦИИ

DOI: https://doi.org/10.32653/CH1741022-1083

Гаджиев Муртазали Серажутдинович
д.и.н., профессор,заведующий отделом археологии
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
murgadj@rambler.ru

Будайчиев Арсен Лахманович
младший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
arseneihae@yandex.ru

Абдулаев Абдула Магомедович
младший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
realhigh87@mail.ru

Шаушев Кыдырали Байрамгазыевич
научный сотрудник
ООО «НПЦ “Туризм и краеведение”», Махачкала, Россия
kadyrali@mail.ru

НОВООТКРЫТЫЙ УЧАСТОК МУСУЛЬМАНСКОГО НЕКРОПОЛЯ ДЕРБЕНТА XI-XII вв.

© Гаджиев М.С., Будайчиев А.Л., Абдулаев А.М., Шаушев К.Б., 2021
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

Abstract. As a result of archaeological supervision in Derbent, conducted in 2020, a section of a medieval northern city necropolis on a Muslim burial site was identified, located behind the northern city defensive wall. More than 80 sarcophagus-like tombstones were discovered, made of single stone monoliths and consisting of the upper part – the body, and a protruding rectangular plinth. They can be divided into three main types: 1 – with a semicircular cross-section of the body (semi-cylindrical), 2 – with a pointed cross-section, 3 – with a rectangular cross-section of the body. We point out Sarcophagi Nos. 1-3, two of which (Sarcophagi Nos. 1, 2) have a figure image on top of the body – an eight-pointed star or simplified hectogram – a well-known Muslim symbol *rubʿal-Hizb* or *najmat al-Quds* associated with one of the main shrines of Muslim mosque, the Dome of the Rock (*Masjid Qubbat as-Sahra*) in Jerusalem, also known as the "Seljuk star" (Turk. *Selçuklu Yıldızı*), which became widespread in the Seljuk Empire in architectural decoration and decorative and applied art (artistic ceramics, metal) in different variations. The length of the body of the identified sarcophagi ranges from 52 to 266 cm with a width of 19-68 cm and a height of 13-56 cm; the length of the plinth ranges from 68 cm to 288 cm with a width of 40-95 cm and a thickness of 5-10 cm. The dimensions of the sarcophagi most likely reflect three age categories of the buried: children, adolescents, and adults. Sarcophagus No. 40 has an epitaph in Arabic in *Kufic* script of the 11th – 12th c. All sarcophagi located *in situ* are oriented westbound and mark the location of burials under them, obviously having the same orientation and made in elongated rectangular stone boxes (cists). The identified sarcophagi date back to the last third of the 11th – 12th c. and their presence in Derbent and Dagestan is associated with the Seljuk military-political and ethno-cultural expansion in the Eastern Caucasus.

Keywords: Caucasus; Derbent; medieval Muslim necropolis; tombstones; sarcophagi; Seljuks.

Аннотация. В результате проведения археологических наблюдений в Дербенте, проведенных в 2020 г., был выявлен мусульманский могильник, представляющий участок средневекового северного городского некрополя, располагавшегося за северной городской оборонительной стеной. Было обнаружено более 80 саркофагообразных надмогильных памятников, изготовленных из единого каменного монолита и состоящих из верхней части – корпуса и выступающего прямоугольного плинта. Они представляют на три основных типа: 1 – с полукруглым сечением корпуса (полуцилиндрические), 2 – со стрельчатым сечением, 3 – с прямоугольным сечением корпуса. Выделяются саркофаги №№ 1-3, два из которых (саркофаги №№ 1, 2) имеют фигурные изображения на верху корпуса – это восьмиконечная звезда или упрощенная октограмма – известный мусульманский символ *rubʿ al-Hizb* или *najmat al-Quds*, ассоциируемый с одной из главных мусульманских святынь – мечетью Купол Скалы (*Masjid Qubbat as-Sahra*) в Иерусалиме, но известный в литературе также под названием «сельджукская звезда» (тур. *Selçuklu Yıldızı*), который получил распространение в Сельджукской империи в архитектурном декоре и декоративно-прикладном искусстве (художественная керамика, металл) в различных вариациях. Длина корпуса выявленных саркофагов колеблется в пределах 52-266 см при ширине 19-68 см и высоте 13-56 см; длина плинта составляет от 68 см до 288 см при ширине 40-95 см и толщине 5-10 см. Очевидно, размеры саркофагов отражают три возрастных категории погребенных: детские, подростковые, взрослые. Саркофаг № 40 имеет эпитафию на арабском языке почерком *куфи* XI-XII вв. Все саркофаги, расположенные *in situ*, ориентированы в западном направлении и указывают на расположение под ними погребений, очевидно, имеющих такую же ориентацию и совершенных в удлиненных прямоугольных каменных ящиках (цисты). Выявленные саркофаги датируются последней третью XI – XII вв. и их появление в Дербенте и Дагестане связывается с сельджукской военно-политической и этнокультурной экспансией на Восточном Кавказе.

Ключевые слова: Кавказ; Дербент; средневековый мусульманский некрополь; надмогильные памятники; саркофаги; Сельджуки.

The discovery of the tombstones

In February-March of 2020 the Derbent archaeological expedition of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the DFRC of RAS conducted an archaeological supervision as part of measures to ensure the preservation of objects of cultural heritage of federal significance – the "Citadel, Ancient City and Fortress Buildings of Derbent" – on the territory of the Nizami Ganjavi city park, at the construction site of a fountain (Fig. 1, 2). This territory is located directly behind the northern city defensive wall of the medieval city, in the area between Towers No. 46-50, i.e. outside the medieval Shahristan, at a distance of about 70 m from the defensive wall.

It should be noted only two excavations were planned in the area of the park (Fig. 2) – Excavation area 22, where a medieval Muslim cult object was discovered, known in the 18th – 19th centuries under the names Bab al-Qiyama (Arab.), Kiyamat-kapy (Turk.), Dar-i Qiyamat (Pers., the "Gate of Resurrection", the "Gate of Judgment day") [1, p. 29-39; 2, p. 20-37; 3, p. 35-36], and Excavation area 33, where an early Muslim burial ground was identified, dating the late 8th – early 9th centuries [4, pp. 202-226]. In 2014, in the northern section of the park, a few dozen meters south of the modern construction site, when digging a pit for the construction of a sports complex without conducting any archaeological supervision, ignoring federal legislation in the field of cultural heritage protection, several dozen burials in stone boxes-cists of a medieval Muslim burial ground were destroyed; as a result, the construction of the sports complex was halted, and the object was included in the register of identified objects of cultural heritage.

According to the initial project, the site (72×72 m) for the construction of the fountain was located in the central part of the park parallel to the northern city wall (Fig. 1, 2). Later, in regard to the archaeological objects discovered during the work, the territory of the future fountain was moved 25 m to the North-East-East. The examined area had been subjected to active economic impact, and the upper layers had been disturbed by digging during the laying of urban communications and earthworks for the park that was previously located there. No cultural stratifications were observed on the territory of the construction site. The upper layer, with a thickness of 30-40 cm in the northern and eastern parts of the construction site to 70-80 cm in the southern and western parts of the construction site, was a gray-brownish, gray-colored loam of medium density, of an obvious alluvial nature. The upper part of this layer contained modern waste. It was underlain by a layer of brownish, dense, packed sandy loam, the thickness of which has not been determined. In this layer and on the border with the overlying loam layer, the objects of archaeological heritage described below were identified. That is, the overlying alluvial layer had formed after the occurrence of these objects, probably as a result of the periodic accumulation of inflatable soil as a

result of the influence of predominant north-westerly winds, the deposition of soil by water flows from the mountains and the use of this territory for gardening plots in the 18th (possibly earlier) – the first half of the 20th centuries, indicated on the plans of the city of the specified time.

In the process of observing the dismantling of old storm-water drain lines that ran in the western part of the construction site at a depth of 0.9-1.5 m from the daytime surface, several randomly lying sarcophagus-like tombstones and their fragments were discovered in the trenches under these lines (hereinafter, for convenience's sake, these monuments will be called "sarcophagus", i.e. a tombstone monument in the form of a stone coffin, tomb) (Fig. 3).

During further examination in the western and south-western part of the construction site on a plot of 1500 sq. m (60×25 m) at a distance of 70-130 m to the north-west from tower 47 of the northern city wall, 81 sarcophagus-like tombstones (No. 1-81) made of local (Derbent) sandstone were identified and cleared (Fig. 4, 5).

The discovered sarcophagus-like tombstones, also known in the literature as sarcophagi, chests, chest-shaped, semi-cylindrical, are made of single stone monoliths, and consist of the upper part – the body – and a protruding rectangular plinth. All unearthed sarcophagi have a solid structure, their body is not hollow. All tombstones, with the exception of Sarcophagus No. 40, have no inscriptions or epitaphs on them.

Description of the identified sarcophagi

The following is a description of sarcophagus-like tombstones extracted from trenches under sewer and storm lines.

Extracted Sarcophagus No. 1 (Fig. 3a) has a semicircular body in cross-section, slightly asymmetrical, at the base of the body there is a narrow pedestal (2×3 cm). Its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body length – 214-222 (base – top), width – 46 cm, height – 43-48 cm; plinth: total length – 237 cm, total width – 80 cm, thickness – 10 cm.

Extracted Sarcophagus No. 2 (Fig. 3b) has a semicircular body in cross-section, slightly asymmetrical. Its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 126-130×25×22 cm; plinth – 143×60×10 cm.

Extracted Sarcophagus No. 3 (Fig. 3c) has a semicircular body in cross-section, slightly asymmetrical. Its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 155-160×32-36×35 cm; plinth – 168×80×10 cm.

Extracted Sarcophagus No. 4 (Fig. 3d) has a semicircular body in cross-section, at the base of the body there is a narrow step-like skirting (4.5×1.5 cm). Dimensions of the tombstone: body – 150×40×35 cm; plinth – 170×88×10 cm.

The following is a description of 81 sarcophagus-like tombstones discovered in situ, as well as the remains of stone fences, two platforms-pedestals for tombstones

and a stone box-cist, on which a sarcophagus had also been installed. All the revealed sarcophagi were lying in situ, some of them were slightly disturbed, tilted, or damaged. With a long axis, they were oriented to the western sector, mainly in the direction of NEE-SWW. The discovery of these massive tombstones in situ indicates the location of burials under them that have the same orientation. We note that the sarcophagi (upper marks) lay at depths from 0.4 m to 1.15 m with a gradual decrease in their occurrence to the north and south in accordance with the general terrain. The plinths and bottoms of the sarcophagi mark the daytime surface of the time of their installation over the burial.

During the cleaning, a rectangular structure was revealed in the northern part of the site, consisting of wide, finely-dressed rectangular stone slabs placed vertically on a longitudinal edge, forming a partially enclosed territory, indicated Enclosure No. 1 (Fig. 4-6). It has internal dimensions of about 4.7×8.3 m and is oriented with a long axis along the NEE-SWW line. The western (transverse) wall of the enclosure consists of three slabs placed close to each other (132×80-83×22 cm; 170×82×23 cm; 168×95-100×23-25 cm). The southern (longitudinal) wall includes four slabs, one of which is smaller (107×49×25-28 cm) compared to the others (253×79×23 cm; 209×78×23 cm; 273×75×23 cm) and lies flat; the two extreme slabs are tilted to the north. The extreme western slab of the southern wall abuts perpendicularly to the western transversal wall. Only one slab (228×92×23 cm) survived from the northern wall, perpendicular to the northern edge of the eastern wall. The eastern wall consists of two slabs measuring 220×59×20-25 cm, and 209×57×28 cm respectively. This wall does not reach the junction with the southern wall, forming a 55 cm wide passage in the south-eastern corner of the enclosure, which was evidently closed with a wooden beam; this fact is justified by the presence on the end sides of the opposing slabs of the corresponding rectangular facing each other grooves for beams that are on the same level.

Four sarcophagus-like tombstones (Sarcophagi Nos. 1-4) were found in the enclosed area (Fig. 4, 6), oriented with a long axis along the NEE-SWW line.

Sarcophagus No. 1 (Fig. 7, 8) has a body of a sub-rectangular shape in cross-section with beveled longitudinal edges and a wide plinth protruding 22 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. The body of the sarcophagus has a slight asymmetry; its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 197×29×40 cm; plinth – 200×74×9cm. The top of the sarcophagus body is decorated in the western part with a grooved eight-pointed star carved on the sub-square platform, in the eastern part – with a rectangular groove (16×14×2.5 cm) carved on the sub-square platform.

Sarcophagus No. 2 (Fig. 7, 9) has a body of a sub-rectangular shape in cross-section with beveled longitudinal edges and a wide plinth protruding 20 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. The body of the sarcophagus has

a slight asymmetry; its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 204×28×39-42 cm; plinth – 208×69×9 cm. The upper part of the body from the western and eastern ends is decorated on rectangular platforms with two cut-out grooved eight-pointed stars, between which two parallel grooves run (length – 124 cm, width – 3 cm).

Sarcophagus No. 3 (Fig. 7, 10) has a body of a sub-rectangular shape in cross-section with beveled longitudinal edges and a wide plinth protruding 20-25 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. The body of the sarcophagus has a slight asymmetry; its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 192×36×43-47 cm; plinth – 198×76-78×10 cm. On the top of the sarcophagus at the western and eastern ends, paired two-frame rectangular grooves with a size of 18×15.5×2 cm each are carved on square platforms. On the eastern end face of the sarcophagus there is an inset linear geometric image (of a mosque?).

Sarcophagus No. 4 (Fig. 6, 11) has a body with a semicircular section with a slightly pointed top and a wide plinth protruding 17 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. The body of the sarcophagus has a slight asymmetry; its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 200-210×30-33×43-45.5 cm; plinth – 215×65×10 cm.

In the western half of the enclosed area in situ there are two, almost identical in size (292×83×17 cm; 288×82×17 cm), massive slabs, tightly adjacent to each other and forming a kind of platform, marked Platform No. 1 (Fig. 5, 6). The slabs have one long and narrow cut-out groove in the center of their longitudinal edges facing each other, which form a rectangular niche at the junction of the slabs – an “opening” measuring 147×27 cm (Fig. 6). Evidently, a sarcophagus was once installed on this platform, judging by the location of Sarcophagus No. 40 on a similar pedestal of stone slabs (see below).

During the cleaning of the eastern wall of the enclosure, directly under the bottom of the corner slab from the inside, at the level corresponding to the bottom near Sarcophagi Nos. 1, 2 and close to the ancient day surface, an iron head of a flanged mace (Rus. shestopyor/pernach) was found lying in situ (Fig. 12). It rested at a slight inclination, was turned outward by the hole of the shaft, and the top being under the slab. The circumstances of the discovery and location, the absence of deformation of this section of the fence wall and the displacement of the slab under which the mace head was found, the position of the find indicate that the head of the mace was intentionally placed under the slab. The fact that the head was placed under the slab without the handle is curious – no remnants of wood (impregnated with iron oxides or in the form of dust, as is usually observed) inside the iron shaft was found.

A long stone slab (305×85×23 cm) continues the western wall of Enclosure No. 1 in the south direction, which is clearly the remains of the western transverse wall of another enclosed section of the necropolis – Enclosure No. 2 (Fig. 5, 6). In the area

between this slab and the southern wall of Enclosure No. 1, there was Sarcophagus No. 5 and a stone box.

Sarcophagus No. 5 (Fig. 5, 6, 13) has a low semicircular body in cross-section and a wide plinth protruding 24 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the western upper edge of the body there is an oval-shaped groove (15×10×2.5 cm). Dimensions of the tombstone: body – 190×28×22 cm; plinth – 200-207×70-86×10 cm.

Stone box (Fig. 5, 6, 13) is composed of four rectangular stone slabs placed on an edge, finely-dressed. It is oriented with a long axis along the east-west line. The northern and southern longitudinal walls of the box are represented by two massive slabs, measuring 205×23×71 cm and 198×21×64 cm, respectively; the western and eastern end walls are also formed by two slabs, but smaller (57×20×30 cm; 50×20×56 cm; the top is broken off). The dimensions of the internal interslab space are 203×64 cm. Judging by the level of deposition of the box, it is possible that this is not the actual burial structure, but a pedestal on which the sarcophagus was installed. The box was not opened.

Outside Enclosure No. 1, beside its western wall, two sarcophagus-like tombstones were discovered lying side by side – Sarcophagi Nos. 6 and 7 (Fig. 5, 6). They are a separate pair of tombstones, which, apparently, mark the kinship of the buried.

Sarcophagus No. 6 (Fig. 5, 6, 14a) has a partially surviving body, the top is broken off; at the base of the body there is a step-like skirting measuring 1.5×1.5 cm; a wide plinth protrudes 18 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. Dimensions of the tombstone: body – 205×37×20-23 (surviving height) cm; plinth – 230×73×5-6 cm.

During the cleaning near the northern floor of Sarcophagus No. 6, an accumulation of burnt bricks was revealed, including two whole ones, measuring 21-22×21-22×4 cm (Fig. 259). Bricks of this format were widespread since the 11th century.

Sarcophagus No. 7 (Fig. 5, 6, 14b) has a low semicircular body with a slightly pointed top and a wide plinth protruding 25 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the body there is a skirting measuring 4.5 (width) x1.5 (height) cm. Dimensions of the tombstone: body – 165×31×18 cm; plinth – 198×82×10 cm.

The following Sarcophagi Nos. 8-10 also represent a separate group of tombstones (Fig. 156, 158a), located close to each other and, possibly, marking the kinship of the buried. It should be noted that these sarcophagi represent one type.

Sarcophagus No. 8 (Fig. 5, 6, 15, 8) has a pointed body in cross-section and a wide plinth protruding 25 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the body there is a skirting measuring 2.5×1.5 cm Dimensions of the tombstone: body – 203×43×30-35 cm; plinth – 232×95×9 cm.

Sarcophagus No. 9 (Fig. 5, 6, 15, 9) has a pointed body in cross-section and a plinth protruding 17 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base

of the body there is a two-step skirting, each of the steps measuring 2.0-2.5×1.5 cm. Dimensions of the tombstone: body – 130×32×26 cm; plinth – 151×67×9 cm.

Sarcophagus No. 10 (Fig. 5, 6, 15, 10) has a pointed body in cross-section and a wide plinth protruding 22 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the body there is a skirting measuring 3×2.5 cm. Dimensions of the tombstone: body – 150×35×26 cm; plinth – 196×80×14 cm.

The following Sarcophagi Nos. 11-13 (Fig. 5, 6, 15, 11-13) also represent a separate group of tombstones located close to each other and possibly indicating the kinship of the buried.

Sarcophagus No. 11 (Fig. 5, 6, 15, 11) has a pointed body in cross-section and a wide plinth protruding 24 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the sarcophagus body there is a step-like skirting measuring 3×2 cm. Dimensions of the tombstone: body – 217×40×27-30 cm; plinth – 246×89×10 cm.

Sarcophagus No. 12 (Fig. 5, 6, 15, 12) has a semicircular (slightly pointed) body in cross-section and a wide plinth protruding 24 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. The body of the sarcophagus has a slight asymmetry; its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 206-218×35×35 cm; plinth – 226×84×9 cm.

Sarcophagus No. 13 (Fig. 5, 6, 15, 13) has a semicircular body in cross-section and a wide plinth protruding 25 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the sarcophagus there is a step-like skirting measuring 1.5×1.5 cm. Dimensions of the tombstone: body – 235×38×40 cm; plinth – 254×89×10 cm.

The following Sarcophagi Nos. 14-16 are located south of the group of Sarcophagi Nos. 11-13, individually, at a certain (0.75-1.5 m) distance from each other (Fig. 5). They also represent one type of a pointed cross-section of the body and differ from other sarcophagi of this type by a narrow plinth, which is a slightly protruding pedestal. Their possible typological similarity and relative proximity of the location indicates the kinship of the buried.

Sarcophagus No. 14 (Fig. 16, 14) has a pointed body in cross-section and a narrow plinth protruding 9 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. Dimensions of the tombstone: body – 209×61×50 cm; plinth – 224×79×10 cm.

Sarcophagus No. 15 (Fig. 16, 15) has a pointed body in cross-section and a narrow plinth in the form of a step, protruding 3 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. Dimensions of the tombstone: body – 208×64×50 cm; plinth – 217×70×10 cm.

Sarcophagus No. 16 (Fig. 16, 16) has a pointed body in cross-section and a narrow step-like plinth, protruding 4.5 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. Dimensions of the tombstone: body – 203×68×47 cm; plinth – 216×77×10 cm.

Sarcophagi Nos. 17 and 18 are located close to each other (Fig. 5, 17, 18, a); both of them have similar small sizes, and belong to the same type which, obviously, indicate

a buried pair of closely related children, judging by the size of the sarcophagi. This may be indirectly indicated by the discovery near Sarcophagus No. 17 on the north side of two fallen stone columns with grooves for wooden beams (Fig. 5, 17, 18, a) from a once-existing fence (Enclosure No. 2).

Sarcophagus No. 17 (Fig. 5, 17, 18, a) has a pointed body in cross-section and a wide plinth protruding 17 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the body there is a two-step skirting, each of the steps measuring 2.0×1.5 cm. Dimensions of the tombstone: body – 113×30×24 cm; plinth – 140×64×6 cm.

Sarcophagus No. 18 (Fig. 5, 17, 18, a) has a pointed body in cross-section and a wide plinth protruding 14 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the body there is a two-step skirting, each of the steps measuring 2×1.5 cm. Dimensions of the tombstone: body – 110×28-33×20-22 cm; plinth – 132×57×6 cm.

Sarcophagus No. 19 (Fig. 5, 17, 18, b, c) is located slightly to the south of a pair of Sarcophagi Nos. 17, 18, has a pointed body in cross-section and a wide plinth protruding 22 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the body there is a two-step skirting, each of the steps measuring 1.5×1.5 cm. Dimensions of the tombstone: body – 239×45×41 cm; plinth – 270×90×2 cm.

Sarcophagi Nos. 20-22 are located close to each other, forming a territorial, and possibly related group (Fig. 5, 17, 19).

Sarcophagus No. 20 (Fig. 19, a) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 12 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. At the base of the body there is a skirting measuring 2×2 cm. Dimensions of the tombstone: body – 237-244×45×56 cm; plinth – 269×70×10 cm.

Sarcophagus No. 21 (Fig. 19, a) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 20 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. At the base of the body there is a skirting measuring 1.5×2.5 cm. Dimensions of the tombstone: body – 211-218×40×50 cm; plinth – approximately 230 (the eastern edge is broken off) x80×8 cm.

Sarcophagus No. 22 (Fig. 19, a) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 15 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Dimensions of the tombstone: body – 169-179×38×27-30 cm; plinth – 177×68×5 cm.

Sarcophagi No. 23 (“adult”) and 24 (“child”), located next to each other (Fig. 5, 17), probably represent an individual pair.

Sarcophagus No. 23 (Fig. 19, b) has a semicircular body in cross-section and a wide plinth protruding 21 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. Dimensions of the tombstone: body – 182×33×28 cm; plinth – 207×77×10 cm.

Sarcophagus No. 24 (child) (Fig. 19, b) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 14 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly

asymmetrical body. Dimensions of the tombstone: body – 73-77×19-25×25 cm; plinth – 90×50×5 cm.

1.0-1.3 m west of Sarcophagi Nos. 23 and 24 there is a cluster of 15 tombstones – Sarcophagi Nos. 25-39 (Fig. 5, 17, 20). Sarcophagi Nos. 25-32 form the first row of burials, "adolescent" Sarcophagi Nos. 33-38 – the second row; the third row comprises a single small "child" Sarcophagus No. 39. Whole and fragments of stone columns of the fence were also revealed here, marked Enclosure No. 3 (Fig. 5, 17, 20). Four columns stand vertically in situ. Three of them are located along the same axial line (in the N-S direction), at an equal (about 1.2 m) distance from each other and enclose the site from the west side, following the sarcophagi of the first row (Sarcophagi Nos. 25-32). The fourth column with grooves is located in situ in a vertical position to the south-east – at the corner of Sarcophagus No. 31, on the border of the first and second rows of tombstones. It is obvious that this fence marks some kind of social group of burials located on the same plot tightly to each other and including both sarcophagi of "adults" and sarcophagi of "adolescent" and "children" burials.

Sarcophagus No. 25 (Fig. 20, 21, a, b) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 14 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. At the base of the body there is a skirting measuring 2.5×2 cm. Dimensions of the tombstone: body – 215×48×36-40 cm; plinth – 235×90×9 cm.

Sarcophagus No. 26 (Fig. 20) has a pointed body in cross-section and a wide plinth protruding 25 cm in each direction from the longitudinal edges of a slightly asymmetrical body. The end faces of the body are slightly beveled. At the base of the body there is a skirting measuring 2.5×1 cm. Dimensions of the tombstone: body – 222-225×48×40 cm; plinth – 252×100×9 cm.

Sarcophagus No. 27 (Fig. 20) has a pointed body in cross-section and a plinth protruding 14 cm in each direction from the longitudinal edges of a slightly asymmetrical body. The end faces of the body are slightly beveled. At the base of the body there is a skirting measuring 2.5×1 cm. Dimensions of the tombstone: body – 145-147×26×29 cm; plinth – 167×54×8 cm.

Sarcophagus No. 28 (child) (Fig. 20, 21, c) has a pointed body in cross-section and a wide plinth protruding 20 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the body there is a skirting measuring 4×1 cm. Dimensions of the tombstone: body – 52×20×13 cm; plinth - 68×40×5 cm.

Sarcophagus No. 29 (Fig. 20, 21, d, e) has a pointed body in cross-section and a plinth protruding 15 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the body there is a skirting measuring 2.5×2.5 cm. In the center of the top of the body there is a carved round conical groove (d=5 cm, depth – 3 cm). Dimensions of the tombstone: body – 134×33×23-30 cm; plinth – 160×63×8 cm.

Sarcophagus No. 30 (Fig. 20, 22, a) has a pointed body in cross-section and a plinth protruding 15 cm in each direction from the longitudinal edges of a slightly

asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. At the base of the body there is a skirting measuring 1.5×1.5 cm. Dimensions of the tombstone: body – 209-213×41×32-40 cm; plinth – 228×70×6 cm.

Sarcophagus No. 31 (Fig. 20) has a semicircular body in cross-section and a narrow plinth protruding 8 cm in each direction from the longitudinal edges of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 180-186×34×32 cm; plinth – 201×49×8 cm.

Sarcophagus No. 32 (Fig. 20) has a semicircular body in cross-section and a wide plinth protruding 25 cm in each direction from the longitudinal edges of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 170-176×30-36×37 cm; plinth – 204×84×10 cm.

Sarcophagus No. 33 (Fig. 20, 22, b) has a pointed body in cross-section and a wide plinth protruding 25 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the body there is a skirting measuring 2.5×2.5 cm. Dimensions of the tombstone: body – 147×38×36 cm; plinth – 167×75×5 cm.

Sarcophagus No. 34 (child) (Fig. 20, 22, c) has a pointed body in cross-section and a plinth protruding 15 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the body there is a skirting measuring 2×2 cm. Dimensions of the tombstone: body – 115×32×23 cm; plinth – 137×60×5 cm.

Sarcophagus No. 35 (child) (fig. 20, 22, d) has a pointed body in cross-section and a plinth protruding 20 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the body there is a skirting measuring 2.5×1.5 cm. Dimensions of the tombstone: body – 106×28×22 cm; plinth – 126×68×5 cm.

Sarcophagus No. 36 (child) (Fig. 20) has a pointed body in cross-section and a plinth protruding 18 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the body there is a skirting measuring 2.5×2 cm. Dimensions of the tombstone: body – 80×29×22 cm; plinth – 94×64×5 cm.

Sarcophagus No. 37 (child) (Fig. 20) has a pointed body in cross-section and a plinth protruding 16 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the body there is a skirting measuring 2.5×1.5 cm. Dimensions of the tombstone: body – 110×24×22 cm; plinth – 133×57×5 cm.

Sarcophagus No. 38 (child) (Fig. 20) has a pointed body in cross-section and a plinth protruding 15 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the body there is a skirting measuring 3×2.5 cm. Dimensions of the tombstone: body – 88×27×20 cm; plinth – 100×66×5 cm.

Sarcophagus No. 39 (child) (Fig. 20) has a pointed body in cross-section and a wide plinth protruding 22 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the body there is a skirting measuring 2×2.5 cm. Dimensions of the tombstone: body – 79×23×22 cm; plinth – 94×67×5 cm.

We should point out that all sarcophagi located inside Enclosure No. 3 (Sarcophagi Nos. 25-30, 33-39), with the exception of Sarcophagi Nos. 31 and 32, located slightly

to the south outside the enclosure, have a pointed shape in the cross-section of the body and a slightly protruding plinth. Closely positioned Sarcophagi Nos. 31 and 32 have semi-cylindrical bodies (semicircular in cross-section) and lack the skirting. These two sarcophagi may represent an independent pair of burials.

Sarcophagus No. 40 (Fig. 5, 23-25) is located separately, has a pointed, slightly asymmetrical body with a narrow plinth, protruding 7 cm on both longitudinal faces. The end faces of the body are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body - 186-190×62×41-48 cm; plinth - 196×76×12 cm. On the southern longitudinal side of the sarcophagus in the upper part there is an inscription-epitaph in Arabic in Kufic script (Fig. 23, c, 24, b), reading: “This is the grave of Muhammad, the tinsmith (lakhim). May Allah’s mercy be upon him” [5]. According to paleographic features, the inscription dates the 11th – 12th centuries.

Sarcophagus No. 40 is placed on four stone slabs of different sizes (Fig. 23, a, b, 24, 25), which form a platform-pedestal, similar to Platforms No. 1 and 2. The dimensions of the slabs: eastern – 160×60×73 cm; central (southern and northern) – length 175 cm (width cannot be determined due to the sarcophagus lying on top); western – 137×61 cm.

A regionally isolated compact group of Sarcophagi Nos. 41-56 is located to the south of the described sarcophagus (Fig. 5, 25, 26). On the north-western side, it is enclosed by masonry of two horizontally laid recycled stone columns (143×24×31 cm; 125×28×35 cm) with grooves and a short masonry of three rows of rubble stone attached to them. One of the columns has grooves at the same level on two adjacent faces, which indicates that this column was once a fence. The length of this enclosure (Enclosure No. 4) is around 3.57 m.

The next territorial group, located south of the described sarcophagus, consists of Sarcophagi Nos. 41-56.

Sarcophagus No. 41 (Fig. 25, 27, a, b) has a semicircular body in cross-section and a wide plinth protruding 25 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. The monument rests with its northern and eastern edges upon a single-row masonry of dressed and rubble stones (Fig. 95a), which, as we believe, were specifically made for the horizontal installation of the sarcophagus. Dimensions of the tombstone: body – 187-190×32-36×19-26 cm; plinth – 210×88×9 cm.

Sarcophagus No. 42 (Fig. 25) has a semicircular body in cross-section and a wide plinth protruding 25 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 206-215×36-38×24-27 cm; plinth – 230×92×10 cm.

Sarcophagus No. 43 (Fig. 25, 28, a) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 22 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 185-189×30×27 cm; plinth – 207×73×10 cm.

Sarcophagus No. 44 (Fig. 25, 28, a) has a pointed body in cross-section and a plinth protruding 22 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the body there is a skirting measuring 3×2 cm. Dimensions of the tombstone: body – 118×34×25 cm; plinth – 150×80×8 cm.

Sarcophagus No. 45 (Fig. 25, 26) has a semicircular body in cross-section and a wide plinth protruding 25 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the body there is a skirting measuring 2.5×2 cm. Dimensions of the tombstone: body – 225×39×36 cm; plinth – 236×88×10 cm.

Sarcophagus No. 46 (Fig. 25, 26, 28, b) has a semicircular body in cross-section and a wide plinth protruding 25 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 192-201×34-40×18-31 cm; plinth – 212×88×8 cm.

Sarcophagus No. 47 (Fig. 25, 26) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 13 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 206-212×40×30 cm; plinth – 225×67×6 cm.

Sarcophagus No. 48 (Fig. 25, 26) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 22 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. At the base of the body there is a skirting measuring 4×3 cm. Dimensions of the tombstone: body – 205-210×36×33 cm; plinth – 228×80×6 cm.

Sarcophagus No. 49 (Fig. 25, 26) has a pointed body in cross-section and a wide plinth protruding 25 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. At the base of the body there is a skirting measuring 2.5×2.5 cm. Dimensions of the tombstone: body – 203-214×40×46 cm; plinth – 230×94×10 cm.

Sarcophagus No. 50 (Fig. 25, 26) has a semicircular body in cross-section and a wide plinth protruding 25 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. At the base of the sarcophagus body there is a skirting measuring 2×3 cm. Dimensions of the tombstone: body – 203-214×40×46 cm; plinth – 230×94×10 cm.

Sarcophagus No. 51 (Fig. 25, 26, 28, c) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 20 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 198-215×40-45×40 cm; plinth – 221×83×10 cm.

Sarcophagus No. 52 (child) (Fig. 25, 26, 28, d) has a semicircular body in cross-section and a wide plinth protruding 15 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. At the western end of the upper body there are protrusions forming a rectangular platform measuring 21×14 cm. Dimensions of the tombstone: body – 70-72×20×17 cm; plinth – 81×50×10 cm.

Sarcophagus No. 53 (child) (Fig. 25, 26) has a semicircular body in cross-section and a wide plinth protruding 20 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Dimensions of the tombstone: body – 87-89×20-24×16-20 cm; plinth – 103×63×9 cm.

Sarcophagus No. 54 (child) (Fig. 25, 26) has a semicircular body in cross-section and a wide plinth protruding 14 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 74-85×25-27×26-29 cm; plinth – 90×54×10 cm.

Sarcophagus No. 55 (Fig. 25, 26) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 14 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. At the base of the body there is a skirting measuring 2.5×3 cm. On the western end face of the body there is a partially broken-off inset image of a rectangle, obviously a frame with a trapezoidal protrusion of the *tabula ansata* type. Dimensions of the tombstone: body – 243×50-56×50 cm; plinth – 270×80×12 cm.

Sarcophagus No. 56 (Fig. 25, 26) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 17 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the body there is a skirting measuring 2.5×1.5 cm. Dimensions of the tombstone: body – 208×30×25 cm; plinth – 226×65×7 cm.

The following compact group of tombstones comprises Sarcophagi Nos. 57-79, located in the southern part of the site (Fig. 5, 29).

Sarcophagus No. 57 (child) (Fig. 29, 30, a) has a semicircular body in cross-section and a wide plinth protruding 20 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the body there is a skirting measuring 2×3.5 cm. Dimensions of the tombstone: body - 110×29×26 cm; plinth - 124×70×7 cm.

Sarcophagus No. 58 (child) (Fig. 29) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 13.5 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. At the base of the body there is a skirting measuring 2.5×1.5 cm. Dimensions of the tombstone: body – 91-94×27-32×18-20 cm; plinth – 100×56×7 cm.

Sarcophagus No. 59 (child) (Fig. 29) has a semicircular body in cross-section and a wide plinth protruding 15 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. Dimensions of the tombstone: body – 70×22-24×15-20 cm; plinth – 85×54×8 cm.

Sarcophagus No. 60 (Fig. 29, 30, b) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 15 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. At the base of the body there is a skirting measuring 2.5×1.5 cm. Dimensions of the tombstone: body – 189-196×33-36×30-35 cm; plinth – 205×62×6 cm.

Sarcophagus No. 61 (Fig. 29) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 14 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly

asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 203-210×40-42×31-38 cm; plinth – 225×68×8 cm.

Sarcophagus No. 62 (Fig. 29) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 20 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the body there is a bordering two-step skirting, each of the steps measuring 1.5×1.5 cm. Dimensions of the tombstone: body – 195×48×46 cm; plinth – 210×86×8 cm.

Sarcophagus No. 63 (Fig. 29) has a semicircular body in cross-section and a wide plinth protruding 25 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 196-200×33-35×30 cm; plinth – 218×87×10 cm.

Sarcophagus No. 64 (Fig. 29, 30, c) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 18 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. At the base of the body there is a skirting measuring 1.5×2 cm. Dimensions of the tombstone: body – 222-228×44×28 cm; plinth - 250×79×10 cm.

Sarcophagus No. 65 (child) (Fig. 29) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 12 cm in each direction from the longitudinal faces of the body. At the base of the body there is a skirting measuring 2.5×1.5 cm. Dimensions of the tombstone: body – 76×30×27 cm; plinth – 90×56×7 cm.

Sarcophagus No. 66 (Fig. 29, 30, d) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 18 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 180-190×3630 cm; plinth – 192×75×7 cm.

Sarcophagus No. 67 (child) (Fig. 29) has a semicircular in cross-section, slightly asymmetrical body, the plinth is broken off. Its end faces are slightly beveled. At the base of the body there is a skirting measuring 1×1 cm. Dimensions of the tombstone – 110-118×29-33×33 cm; the thickness of the broken plinth – 5 cm.

Sarcophagus No. 68 (child) (Fig. 29) has a pointed body in cross-section and a plinth protruding 12 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. At the base of the body there is a skirting measuring 1×1.5 cm. Dimensions of the tombstone: body – 105-110×30×30-36 cm; plinth – 115×56×6 cm.

Sarcophagus No. 69 (child) (Fig. 29) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 13 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. At the base of the body there is a skirting measuring 2×2.5 cm. Dimensions of the tombstone: body – 110-116×31-33×30 cm; plinth – 130×60×10 cm.

Sarcophagus No. 70 (Fig. 29) is cracked in the middle, has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 12 cm in each direction from the longitudinal

faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 212-214×44×37-43 cm; plinth – 235×70×6 cm.

Sarcophagus No. 71 (Fig. 29, 30, d) has a semicircular body in cross-section and a wide plinth protruding 24 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 165-175×36×30 cm; plinth – 179-193×86×10 cm.

Sarcophagus No. 72 (Fig. 29) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 17 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. At the base of the sarcophagus body there is a skirting measuring 2×2 cm. Dimensions of the tombstone: body – 215-225×45×40 cm; plinth – 235×82×8 cm.

Sarcophagus No. 73 (child) (Fig. 29) has a semicircular body in cross-section and a wide plinth protruding 16 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 103-108×31-32×31 cm; plinth – 126×65×10 cm.

A little to the south of the described group of tombstones there is a group of six different types of Sarcophagi Nos. 74-79.

Sarcophagus No. 74 (Fig. 29) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 20 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. On the top of the case there is a deep (20 cm) artificially incised groove of a sub-triangular shape in cross-section, made for the entire width of the body. Dimensions of the tombstone: body – 257-266×48-50×55 cm; plinth – 268×90×10 cm.

Sarcophagus No. 75 (child) (Fig. 29) has a plinth protruding 15 cm in each direction from the longitudinal faces of the body; the top of the somewhat asymmetrical body is broken off. Dimensions of the tombstone: body – 102-106×36×30 (surviving height) cm; plinth – 118×69×8 cm.

Sarcophagus No. 76 (child) (Fig. 29, 30, f) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 12 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. At the base of the sarcophagus body there is a skirting measuring 2×2 cm. Dimensions of the tombstone: body – 80-82×24×28 cm; plinth – 90×50×9 cm. The sarcophagus on the northern, eastern and western sides at the base level is neatly lined with small stone blocks, which somewhat enclose it from the neighboring sarcophagi and two of which may have been recycled stone columns of the enclosure.

Sarcophagus No. 77 (child) (Fig. 29) has a pointed body in cross-section and a plinth protruding 20 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. On the east side, a projecting stone dressed rectangular block is laid underneath the sarcophagus. Dimensions of the tombstone: body – 107-120×30×30-35 cm; plinth – 120×70×6 cm.

All three of the described "children's" Sarcophagi Nos. 75-77 lie almost close to each other on the same line in the direction of NEE-SWW (Fig. 29).

Sarcophagus No. 78 (Fig. 29, 31, a) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 17 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 205-214×35×23 cm; plinth – 225×72×5 cm.

Sarcophagus No. 79 (Fig. 29, 31, b, c) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 16 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. On the western end face of the body there is an inset image of a rectangular frame with a trapezoidal projection at the top of the truncated tabula ansata type. Dimensions of the tombstone: body – 175-182×40×40 cm; plinth – 200×73×7 cm.

Sarcophagi Nos. 80 and 81 are located separately in the southern part of the identified section of the necropolis (Fig. 29).

Sarcophagus No. 80 (Fig. 29, 31, d) has a semicircular body in cross-section and a plinth protruding 22 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: the body – 187-190×33-35×37-40 cm; the plinth – 208×80×10 cm.

Sarcophagus No. 81 (Fig. 29, 31, d) has a low semicircular body in cross-section and a wide plinth protruding 26 cm in each direction from the longitudinal faces of a slightly asymmetrical body. Its end faces are slightly beveled. Dimensions of the tombstone: body – 203-211×36-40×18-23 cm; plinth – 229×94×9 cm.

At a distance of about 1.5 m from Sarcophagus No. 81 there is a *Platform No. 2* (Fig. 29, 32), which is a rectangular stonework measuring 220×215 cm of 7 flatly laid finely-hewn rectangular slabs (dimensions: 93×52×15cm; 120×50×12 cm; 94×43×10 cm; 127×54×13 cm; 103×48×15 cm; 103×52×15 cm; 123×48×15 cm). From the north-eastern side, two narrow long blocks (130×20×10 cm; 85×22×10 cm) are closely attached to the stonework. The platform-pedestal is built in such a way that two narrow, long (124×36 cm; 104×25 cm) rectangular interslab niches are formed in its center, over which two sepulchral sarcophagus-like monuments are installed, as was observed in the case of Sarcophagus No. 40 (see above). The belonging of the buried to the same social group (members of the same kin) in this regard is unmistakable.

Some general remarks and typology of sarcophagi

Thus, during archaeological supervision on the territory of the construction site in the Nizami Ganjavi park, 85 sarcophagus-like tombstones were discovered, of which 81 were in situ, i.e. at the site of their original installation, although some of them were slightly shifted and tilted. These monuments mark the location of burials under them, located probably at a depth of up to 1.5-1.8 m (judging by the norms of Muslim

funeral rites). Clearly, the burial structures (chambers) located here, unopened in accordance with the observations carried out and at the request of the Muslim clergy of the city, judging by our supervision in other places of the city, are elongated rectangular stone boxes (cists), composed of several finely dressed stone slabs (2-4 longitudinal, 2 transverse and 3-4 overlaying slabs) and in which the buried lie stretched on their back or on their right side, with their head to the western sector and their facial bones turned to the south, i.e. in the direction of the Qibla towards the sacred Kaaba. All the tombstone sarcophagus-like monuments under consideration have an orientation with a long axis along the east-west line, NEE-SWW, which corresponds to the norms of Muslim funeral rites.

The length of the body of the identified sarcophagi ranges from 52 to 266 cm with a width of 19-68 cm and a height of 13-56 cm; the length of the plinth ranges from 68 cm to 288 cm with a width of 40-95 cm and a thickness of 5-10 cm. Generally, the longitudinal and end projections of the plinth from the face of the body are not the same in width, and the longitudinal ones are in most cases much wider than the end ones: the width of the plinth projection on the longitudinal side is on average about 20 cm, on the end side – up to 10 cm. The proportions of the sarcophagi – the ratio of length, width, height – are generally maintained. The largest sarcophagus has a body size of 257-266 (length) x 48-50 (width) x 55 (height) cm, with the plinth dimensions being 288×90×10 cm. The smallest sarcophagus has a body size of 52×20×13 cm with the plinth dimensions being 68×40×5 cm.

It should also be added that in most of the identified sarcophagi, the western part of the body is slightly higher than the eastern one, i.e. they are slightly asymmetrical and that is probably due to the orientation of the deceased's head to the west. In a significant part of sarcophagi with a tall body, the length at the base of the body is slightly shorter than the top, i.e. the end walls of the body have a weak bevel, and not a vertical face. Some sarcophagi have additional decorative elements on the body (dressed longitudinal faces, a skirting, incised images on one of the end faces, square platforms and geometric grooves on the top of the body). The presence of a narrow, low skirting at the base of the body appears to be one of the essential additional details of the design of the sarcophagus body: 39 sarcophagi have a one-step skirting, 4 – two-step. It should be noted that the sarcophagus-like tombstones known on the territory of Dagestan, made of a single block, are completely monolithic, hollow or have a long rectangular groove along the foot of the sarcophagus. Due to the fact that the identified sarcophagi were in situ above the burials and during the studies they were not moved or raised, the types they belong to remain undetermined. Four sarcophagi extracted from stormwater drains are monolithic.

The unearthed sarcophagi in their form represent in general the same types of sarcophagi that are known on the territory of Dagestan. According to the cross-section of the body, they can be divided into three main types: 1) with a semicircular cross-

section of the body (semi-cylindrical) (41 specimens), 2) with a pointed cross-section (32 specimens), 3) with a rectangular cross-section of the body (2 specimens).

A special case is Sarcophagi Nos. 1-3, which can be conditionally considered as variants of sarcophagi with a rectangular cross-section of the body, but having dressed longitudinal edges on top and rectangular platforms with rectangular and figured grooves. In two cases (Sarcophagi Nos. 1, 2), these are religious and decorative elements – an eight-pointed star or a simplified octogram formed by the superposition of two squares – a well-known Muslim symbol called Arab. *rub'al-Hizb* – "A quarter of Hizb (1/60 of the Quran)", *najmat al-Quds* – "The Star of Jerusalem", sometimes called "the Islamic star" and associated with one of the main Muslim shrines – the Dome of the Rock (Arab. *Masjid Qubbat as-Sahra*) in Jerusalem [6], but also known in literature as the "*Seljuk star*" (Turk. *Selçuklu Yıldızı*), which became widespread in the Seljuk Empire in architectural decoration and decorative and applied art (artistic ceramics, metal) in different variations.

These burials were surrounded by stone fences, in which slabs with grooves were also used. In other areas, columns with grooves for installing wooden fence beams were found. For the first time such stone columns with grooves were discovered in Derbent during the excavations of the Muslim cult site "The Gates of the Day of Judgment" (Turk. *Kiyamat-kapy*) of the 11th – early 13th century, which enclosed the sacred territory. Similar columns were found during the survey of the Mountain Wall in the village of Mitagi (Derbent district), where they enclosed a revered group of burials with sarcophagus-like tombstones of the second half of the 11 – 12th centuries [1, p. 29-39; 2, p. 20-37].

Among the type 2 sarcophagi (with a pointed cross-section of the body), sarcophagi with a massive body and a narrow base, without a plinth, can be distinguished as a separate subtype. These are Sarcophagi Nos. 14-16 located nearby and Sarcophagus No. 40 lying separately – the only one with an epitaph [5]. Three Sarcophagi (Nos. 3, 55, 79) have carved frames on the western ends. Sarcophagus No. 79 has a rectangular frame with a trapezoidal projection at the top, representing a truncated variation of tabula ansata. Sarcophagi with similar frames have been recorded in Derbent, Jalgan, Ghimeidi and other places.

Moreover, according to some morphological features of the body, certain specimens can be distinguished into separate subtypes: Sarcophagus No. 5, the only one (with the exception of Sarcophagi Nos. 1-3), that has a sub-rectangular groove at the top at the western edge of the body, and Sarcophagus No. 52 – at the western edge of which there are two projections on both sides forming a rectangular platform.

The most common forms of tombstones of the open necropolis on the territory of the Nizami Ganjavi park are sarcophagi with a semicircular and pointed cross-section of the body with medium-sized lateral projections (less than 20 cm wide), of which there are 73 specimens or more than 90% of the total number of monuments. The

identified site of the medieval Muslim necropolis of Derbent is currently the largest in terms of the number of monuments represented on it on the territory of Dagestan and the entire Eastern Caucasus.

Finds of ceramic products and the shestopyor

During the cleaning, a small number of fragments of ceramic vessels were found at the level corresponding to or close to the level of the ancient day surface marked by sarcophagi lying in situ, among which the following are distinguished:

– the lower half of a thick-walled red clay (with a gray fracture) glossy spheroconic vessel (Find No. 9) (Fig. 33, 9), found near Enclosure No. 4 at the group of Sarcophagi Nos. 41-56;

– a fragment of the neck with a weakly prominent rim of a thin-walled red clay jug with a vertical, oval handle in cross-section (Find No. 1), extending from the rim to the shoulder (Fig. 33, 7); found near Sarcophagus No. 71;

– a fragment of a rounded red clay bowl with a low vertical rim and an obscure, slightly pointed rim with a diameter of 28 cm; the inner surface of the bowl is covered with an engraving on a white engobe under a transparent colorless glaze, light brown painting, as well as manganese smears along the edge of the rim (Find No. 2) (Fig. 33, 2); found near Sarcophagi Nos. 20 and 22;

– a fragment of a massive flat base of a large red clay dish, the inner surface of which is covered with engraved white engobe and polychrome painting (green and brown spots), combined with engraving, under a transparent light yellow glaze; on the lower side of the bottom – 7 concentric grooves; the diameter of the foot-ring is 30 cm (Find No. 3) (Fig. 33, 6); found near Sarcophagus No. 21;

– a fragment of a round-sided red clay bowl with a rim (diameter – 32 cm) with a slight groove along the upper edge, the inner surface of which is covered with a painted white engobe on an uncoated potsherd under green glaze. A concentric groove runs along the top of the rim (Find No. 4) (fig. 33, 3); found near Sarcophagi Nos. 15 and 16;

– a fragment of a ring-base (diameter - 9 cm) of a red clay bowl, the inner surface of which is coated with a white engobe under green glaze (Find No. 5) (fig. 33, 4); found between Sarcophagi Nos. 13 and 14;

– half of the ring-base (diameter - 10 cm) of a red clay bowl, the inner surface of which is covered with chaotic engraving on a white engobe under mustard-colored enamel and with manganese specks (Find No. 6) (fig. 33, 5); found near Sarcophagus No. 9;

– a fragment of a large round-sided red clay bowl with a rim thickened in both directions (38 cm in diameter), the inner surface of which is engraved on a white engobe under colorless glaze and manganese specks (Find No. 7) (Fig. 33, 1); found near Sarcophagi Nos. 1 and 3;

– a fragment of a massive oval in cross-section handle of a large red clay jug (Find

No. 8) (Fig. 33, 8); found near Sarcophagi Nos. 42, 45 and the location of the fragment of the spheroconic vessel.

The reviewed ceramic assemblage, despite its small number, is very indicative and represents typical to the pre-Mongolian age (10th – beginning of the 13th c.) products.

Spheroconis vessels, which clearly have a multifunctional purpose, are a common find in the monuments of the 9th – 13th centuries of the Caucasus, Central Asia, Crimea, Volga region, the Near East [7, pp. 117-138; 8, pp.201-213; 1982; 9, p. 231-225, table XIV; 2003. pp. 380; 10, pp. 210-212; 11, pp. 255-266; 12, pp. 166-169; 13, pp. 59; 14, pp. 312; 15, pp. 346; 16].

Pottery, coated with green glaze applied over a layer of white engobe, appearing in the 9th – 10th c., in the 11th-12th centuries become common examples of monochrome glazed pottery; light engraving on engobe was widely used in the Caucasus and Muslim East of that time [13, p. 63, 64, fig. 17, 5,6; 14. 309; 15, p. 346, tables 163, 4; 17, p. 278; 18, p. 196-198, fig. 3; 19, p. 24-27, 29, 30, fig. 9-11; 20, pp.85-90, No. 44, 46, 47; 21, fig. 30].

Specimens of glazed dishes in which polychromy is combined and coincides with the engraved ornament are indicative of the monuments of the Caucasus and the Near East of the pre-Mongol period [13, pp. 66-68, fig. 20, 21; 14, p. 310; 15, p. 346; 17, pp. 252, 254, fig. 3; 18, pp. 200, 201, fig. 5; 19, p. 18-22; 22, p. 28; 23, p. 380; 24, p. 26; 25, pp. 4-5; 26, p. 59; 20, pp. 85-90, 111, 112, 120-122, no. 43, 45, 70, 77; 21, fig. 585-622].

The burnt bricks, measuring 21-22×21-22×4 cm, discovered near Sarcophagus No. 6, apparently appearing in the 10th century, later became - widespread in Derbent and Dagestan, the Caucasus and the Muslim East. In particular, they were used in the construction of the architectural complex of the 10th – mid. 13th century, excavated in the 1970s in the citadel of Derbent [27, p. 99, 103-104], the Juma mosque of Qala-Quraish, dated by a piece panel of the mihrab to the 11th – 12th centuries [28, p. 17-57; 29, p. 138-145]. The bricks of this size can be found in medieval architectural monuments of the -Caucasus of the 12th – 13th centuries, in particular, in Azerbaijan – on the sites of Oren-Kala, Torpagh-kala, Shabran, Shamakhi, Kabala, in the walls of the mausoleums of Yusif son of Kuseyr (1162), Momine Khanum (1184), Gunbad-e Surkh (12th century), and others [30, p.188-190].

Of particular interest is the iron head of the mace-shestopyor found within the fenced group of Sarcophagi Nos. 1-4 (Fig. 12). It has a cylindrical shaft for most of its length, and only above the upper edge of the feather blades, the head turns into a bell shape and is crowned with a small bump (finial). Six narrow high (about 60 mm long, up to 8 mm wide at the base and up to 14 mm high in the center), vertical flanges (“feathers”), having a semi-oval shape, are set almost radially relative to the central axis of the mace. The total height of the head is 12.0 cm, the width – 5.6 cm, the external diameter of the shaft is 2.9 cm, the internal diameter of the shaft is

2.3 cm, the depth of the conical shape of the shaft is 5.8 cm. Researchers date such shestopyors-*sheshpers* in the range of the 13th – 15th c., or narrower – the 14th – 15th c., and associate their emergence in the Balkans, the Caucasus, Western and Eastern Europe with the Byzantine, Golden Horde, Ilkhanate, and Iranian influence (see eg.: 31, p. 222; 32, p. 29). The Derbent specimen appears to be the earliest one, dating from the last third of the 11th – 12th c. and is associated with the presence of Seljuk military contingents in the Eastern Caucasus [33].

Chronology and historical-cultural definition of sarcophagus-like tombstones

The set of finds presented above chronologically fits into the framework of the 10th – 13th centuries. A narrower date of the identified section of the northern necropolis of Derbent is given by the sarcophagus-like tombstones themselves, which researchers date the 11th – 12th c. This is based on the date AH 469 / 1076-1077 AD, presented in the epitaph, written in Arabic Kufic script on a large sarcophagus with a semi-cylindrical top of a certain Mahmud b. Abi-l-Hasan, "the son of the murdered for the faith" [29, p. 15-20; 34, p. 61, 266, tabl. II, 10-10] – the monument is located in the southern Muslim cemetery of Derbent on a plot called Jum-jum. The famous print of Adam Olearius of 1638 with a view of Derbent and its northern necropolis depicts hundreds of similar gravestones (Fig. 34). In his memoirs about visiting Derbent, he wrote: "On this side of Derbent we found an extremely large number of tombstones; there were several thousand of them; they were taller than a man's height, rounded like a semicircle and hollowed out so that one could lie in them; Arabic and Syrian writings were carved on them" [35, p. 486].

Prior to the discovery in 2020 of the discussed section of the northern necropolis in Derbent, there were no more than 70 sarcophagus-like monuments of the specified time, of which 43 are located in the venerated -Muslim shrine - the northern Derbent cemetery of the 11th – 12th centuries *Kyrkhlyar* (from Turk. "Forty [martyrs-shahids]") near the gate of Kyrkhlyar-kapy ("Gate of the forty [martyrs]"; Arab. Bab al-jihad – "The Gate of the Holy War"), which caught the attention of a Moscow merchant Fedot Kotov, who visited the city in 1624 [36, p. 3]. Some of them had faded Arabic texts in the style of flowering *Kufic* [29, pp. 124-127; 37, pp. 370-391].

C. Frähn earlier attributed these burials to the 11th – 12th centuries and on the basis of the recorded by D. Kantemir legend about their belonging to the Oghuz Turks. He notes that "this suggests the Seljuks, who conquered Georgia and other Caucasian countries in the 11th century, and our tombstone inscriptions can be attributed to this or the 13th century" [38, pp. 115-116; 39, p. 224]. It should be noted that Adam Olearius also cites the same legend, and reports that "40 princes, holy men" were buried in the cemetery, headed by "a king named Cassan, who came

from the *Okus tribe*" [35, p. 486]. Later A.R. Shikhsaidov, then A.K. Alikberov linked these burials with the sarcophagus-like tombstones to the strengthening of the Oghuz, the Seljuk influence in the Caucasus, with the consolidation of Derbent in the last third of 11th century under the Seljuk governors Yaghma and Sau-Tegin, when the city became the military-political outpost of the Seljuk Empire in the Caucasus, [29, p. 126-127, 387-388; 37, p. 383-386; 40, p. 146-148; 41, p. 484]. Recently, M.S. Gadjiev has summarized the information on these tombstones on the territory of Dagestan, highlighted the historic areas of their concentration (Derbent and its historic districts, Tabasaran, Haidak, Lakz) and also justified their connection with the Seljuk military-political and ethno-cultural expansion, with stationing of the Seljuk garrisons in the Eastern Caucasus, with Seljuk's military territory and religious policies, which contributed to the dissemination and adoption of Islam [42, p. 10-22].

Some observations of social nature

First of all, let us discuss a separate group of burials marked by sarcophagus-like tombstones Nos. 1-4. They are fenced with vertically placed, finely-dressed large slabs forming a rectangular enclosure. The sarcophagi located inside have average dimensions (length 200-215 cm, width 65-74 cm, height 49-55 cm). Three sarcophagi, unlike other monuments of this section of the necropolis, have religious and decorative details located on the top of the body at both ends (Fig. 6): Sarcophagus No. 1 (Fig. 7) has a deepened solid (nonlinear) equilateral eight-pointed star – an octogram "at the head" and a subquadrate groove "at the feet"; Sarcophagus No. 2 (Fig. 8) has similar two stars at both ends; Sarcophagus No. 3 (Fig. 9) – two paired recessed solid rectangles at the ends of the body, as well as an inset conventional image of a mosque (?) on the western end face of the body. Sarcophagus No. 4 has a strongly compressed pointed, almost semi-cylindrical shape. In the western half of this fenced area in situ there was an elevated pedestal, on which another unpreserved sarcophagus had been once installed.

The presence of specifically designed, decorated sarcophagi, a stone pedestal located inside a fenced area suggests that this is a specially designated memorial place where representatives of one social group (members of the same kin, representatives of the religious and military estate), who occupied an uncommon position in the social hierarchy of the medieval city, were buried. This may also be evidenced by the discovery of a prestigious weapon within this area. Researchers have repeatedly pointed out the social status of maces, which served as a symbol of a certain (state, administrative, military) power and were part of the equipment of a certain category of soldiers who occupied commanding positions in the structure of the army. In our case, the place of finding of the iron head of the male – within a separate group of

burials surrounded by a fence and distinguished by the design of tombstones – seems to be consistent with the observations of researchers about the socially meaningful nature of this type of weapon.

The size and design of the sarcophagi obviously reflected the social, gender and age differences of the deceased. In particular, small sarcophagi, apparently, belonged to children, large – to adults. Small sarcophagi (measuring up to 120 cm in length), which can be considered tombstones over child graves, are represented by 20 specimens (Nos. 24, 28, 35, 36, 38, 39, 52-54, 57-59, 65, 67-69, 73, 75-77), i.e., they make up 25% of the total number of sarcophagi of this section of the necropolis. This may indicate a high infant mortality rate. Several sarcophagi of slightly larger size are adjacent to them (Nos. 17, 18, 34, 37, 44), which, presumably, are installed over the burials of adolescents. Together with child ones, they already make up almost 31%.

All these sarcophagi are positionally adjacent to large sarcophagi. A group of closely spaced Sarcophagi Nos. 25-39 is also curious, clearly forming a kin plot of the necropolis. This clustered group was fenced, which is evidenced by several preserved stone columns. The group comprises three major monuments (Nos. 25, 26, 30), with a length of over 2 m, between which there are “children” (No. 28) and “adolescent” (Nos. 27, 29) sarcophagi. Two large monuments (Nos. 31, 32) adjoin them from the south, four “children” monuments (Nos. 35, 36, 38, 39) and three “adolescent” (Nos. 33, 34, 37) monuments – from the east. Judging by the relative position of the monuments, this isolated plot should be considered as a tribal, family group of burials.

Moreover, in a separate section of tombstones Nos. 45-55, forming two rows of sarcophagi, “children” monuments (No. 52-54) are surrounded by large (“adult”) sarcophagi. It is possible that Sarcophagi Nos. 41-44, 56 also belong to this group. The remains of a stone fence are recorded here and this group can also be considered a kin plot of the necropolis. Sarcophagi Nos. 41-44 may also belong to this group.

Conclusion

Thus, as a result of archaeological supervisions carried out on the territory of the Nizami Ganjavi park in Derbent, we identified a separate section of the medieval city necropolis, numbering over 80 sarcophagus-like tombstones. The identified objects of archaeological heritage date back to the third of the 11th – 12th centuries and today represent the largest cluster of sarcophagus-like tombstones on the territory of Dagestan and the Caucasus. Judging by the context, the identified burial ground obviously has a continuation in the western direction. In total, over 150 of such tombstones are concentrated on the medieval necropolises of Derbent. Taking into account the burial ground of the Pirmeshki settlement (Pir-Dameshki), located 0.8 km south of the Naryn-Kala citadel and the satellite settlement of Derbent, the

number of such monuments increases to 230. This makes Derbent not only the main Caucasian center of the Seljuk empire in the Caucasus, but also the most significant point of the migration wave caused by the Oghuz-Seljuk conquest, which entailed significant changes in the ethno-cultural landscape of Derbent and the entire Eastern Caucasus.

More than 500 sarcophagus-like tombstones, including the identified necropolis, have been recorded on the territory of Dagestan. This calls for careful registration of these monuments, their special and comprehensive study, including archaeological one, their accurate classification, the solution of a number of issues of ethnocultural and military-political history of the region.

Fig. 1. View of Derbent with the designation of the place of archaeological observation (highlighted in blue). On: Google Earth

Рис. 1. Вид Дербента с обозначением места проведения археологических наблюдений (выделено синим квадратом). По: Google Earth

Fig. 2. Derbent. Nizami Ganjavi Park. The site of the discovery of a Muslim necropolis (highlighted in blue). On: Google Earth

Рис. 2. Дербент. Парк им. Низами Гянджеви. Участок обнаружения мусульманского некрополя (выделено синим квадратом). По: Google Earth

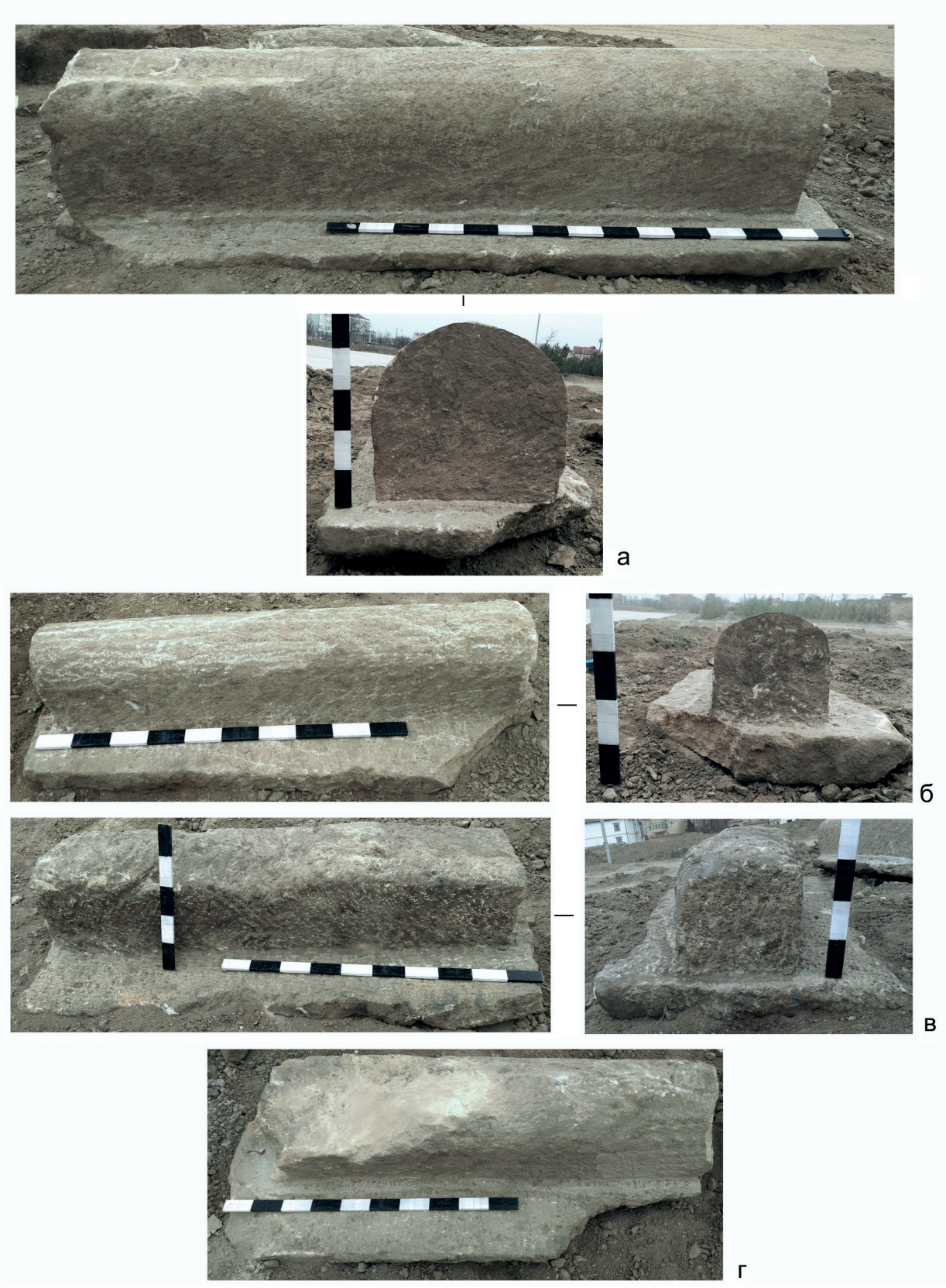

Fig. 3. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Extracted sarcophagi No. 1-4

Рис. 3. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Извлеченные саркофаги №№ 1-4

Fig. 4. Derbent. Medieval Muslim necropolis. General view: a - from above from the NEE, б - from the north

Рис. 4. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Общий вид: а – сверху с СВВ, б – с севера

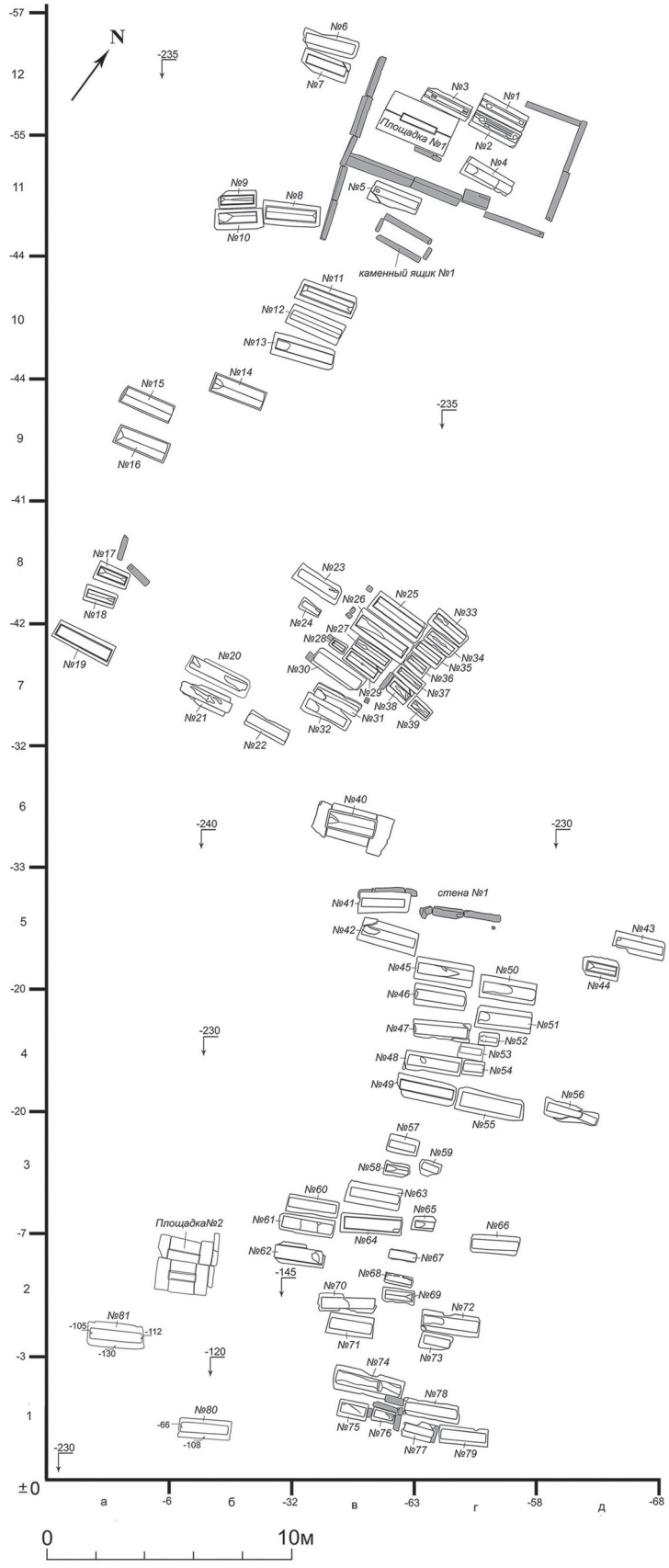
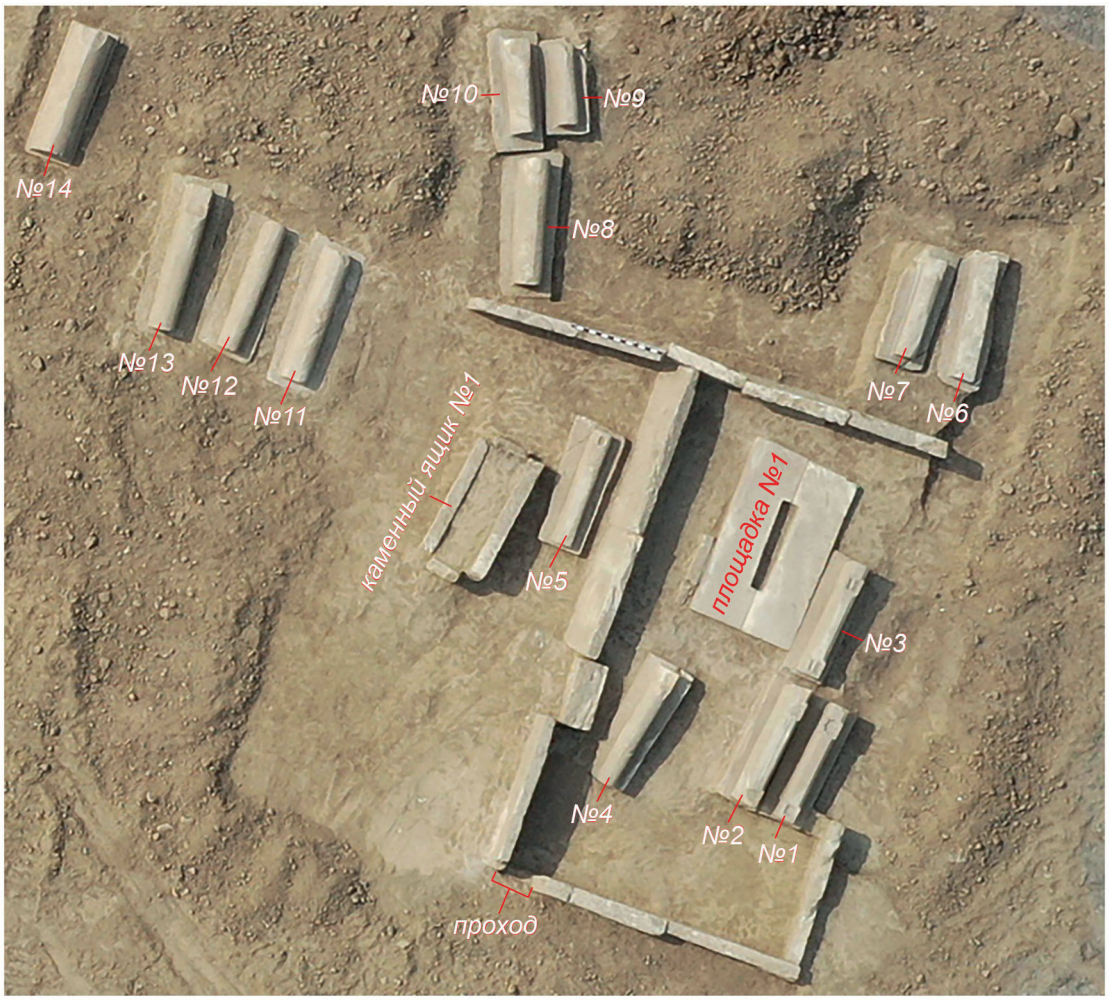

Fig. 5. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Plan

Рис. 5. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. План

а

б

Fig. 6. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Fence No. 1, platform No. 1 and sarcophagi No. 1-14: a – from above from the NEE, б – from the north

Рис. 6. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Ограда № 1, площадка № 1 и саркофаги №№ 1-14: а – вид сверху с СВВ, б – вид с севера

а

б

Fig. 7. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Sarcophagi No. 1-3

Рис. 7. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Саркофаги №№ 1-3

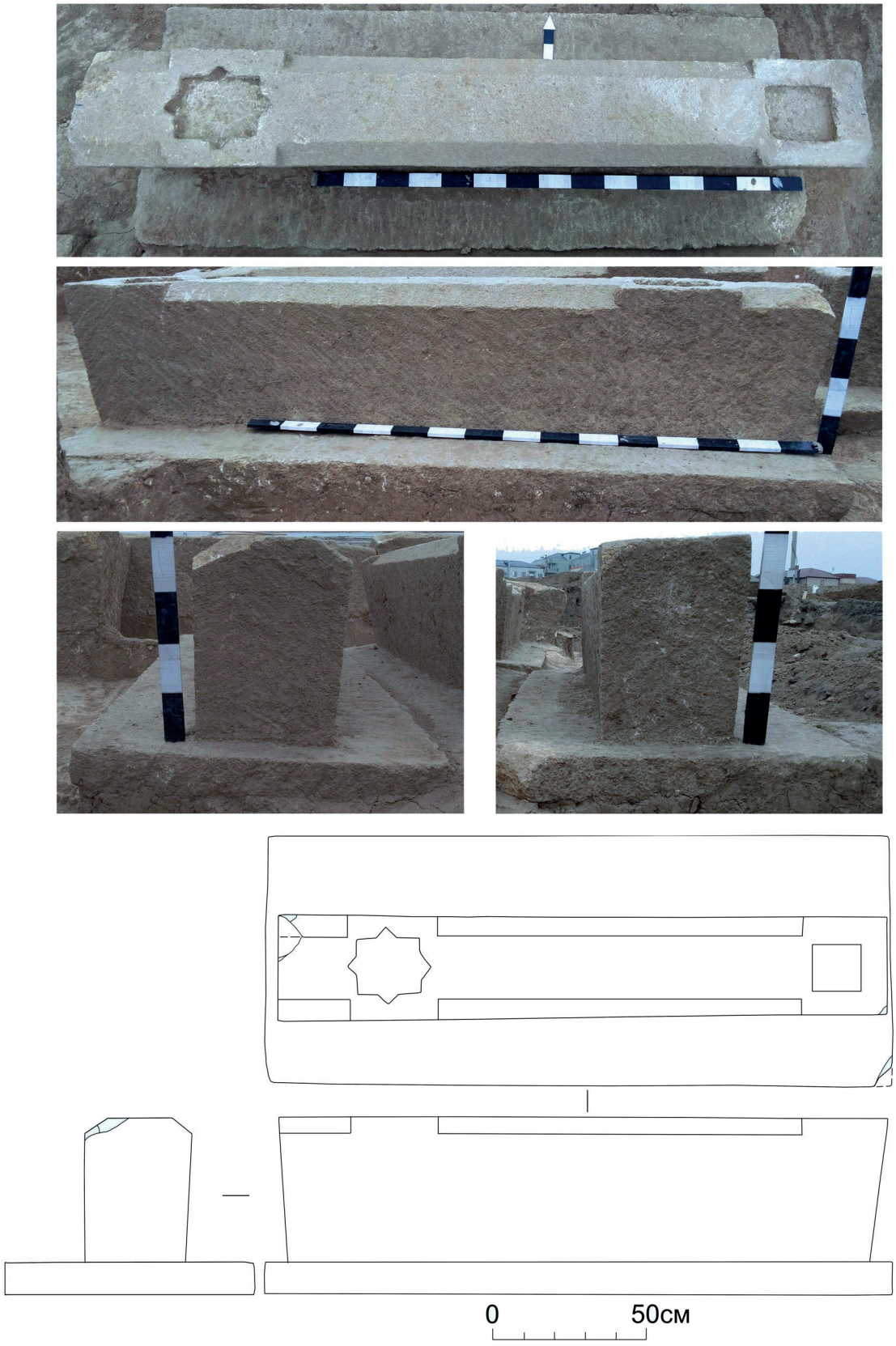

Fig. 8. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Sarcophagus No. 1

Рис. 8. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Саркофаг № 1

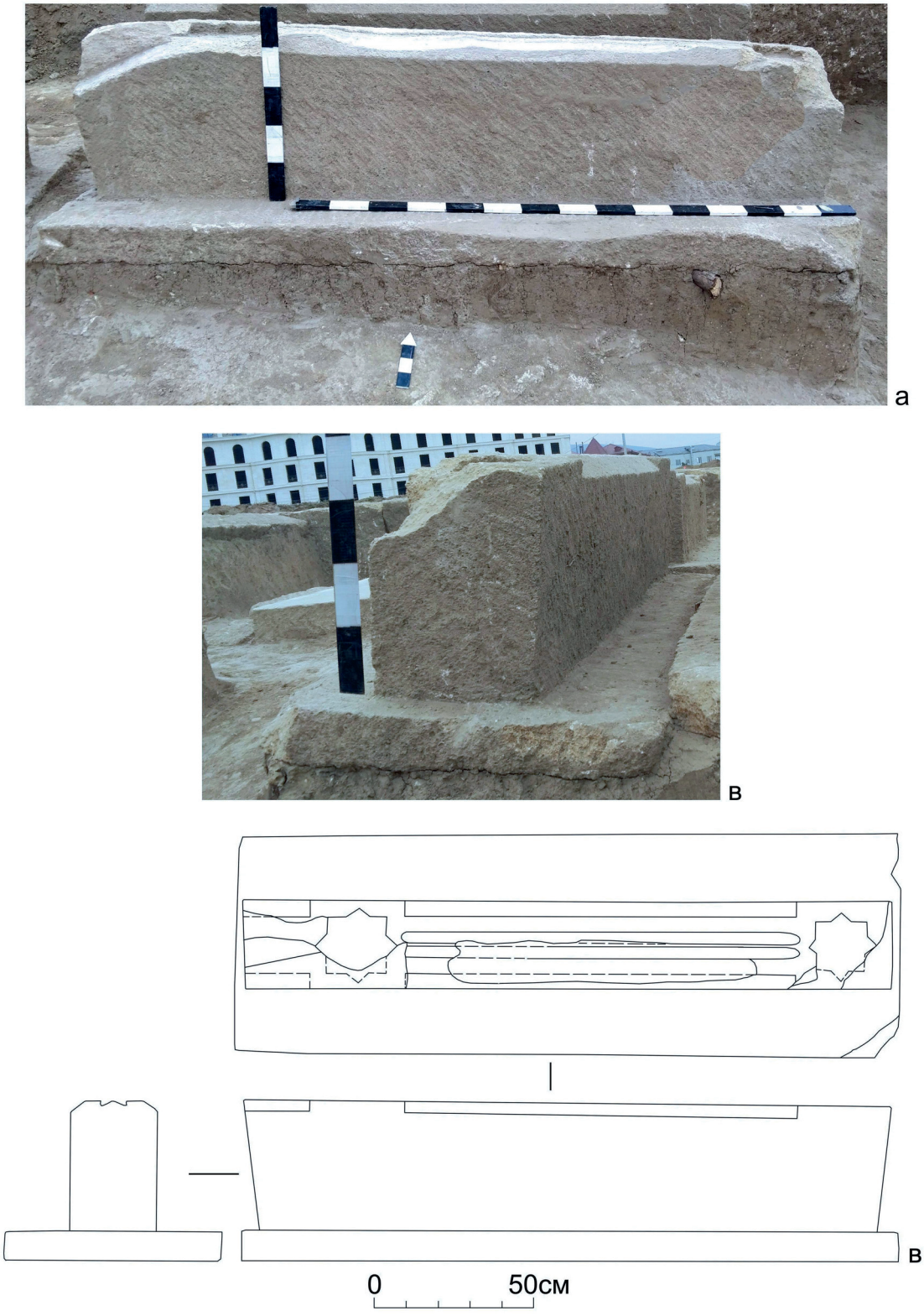

Fig. 9. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Sarcophagus No. 2

Рис. 9. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Саркофаг № 2

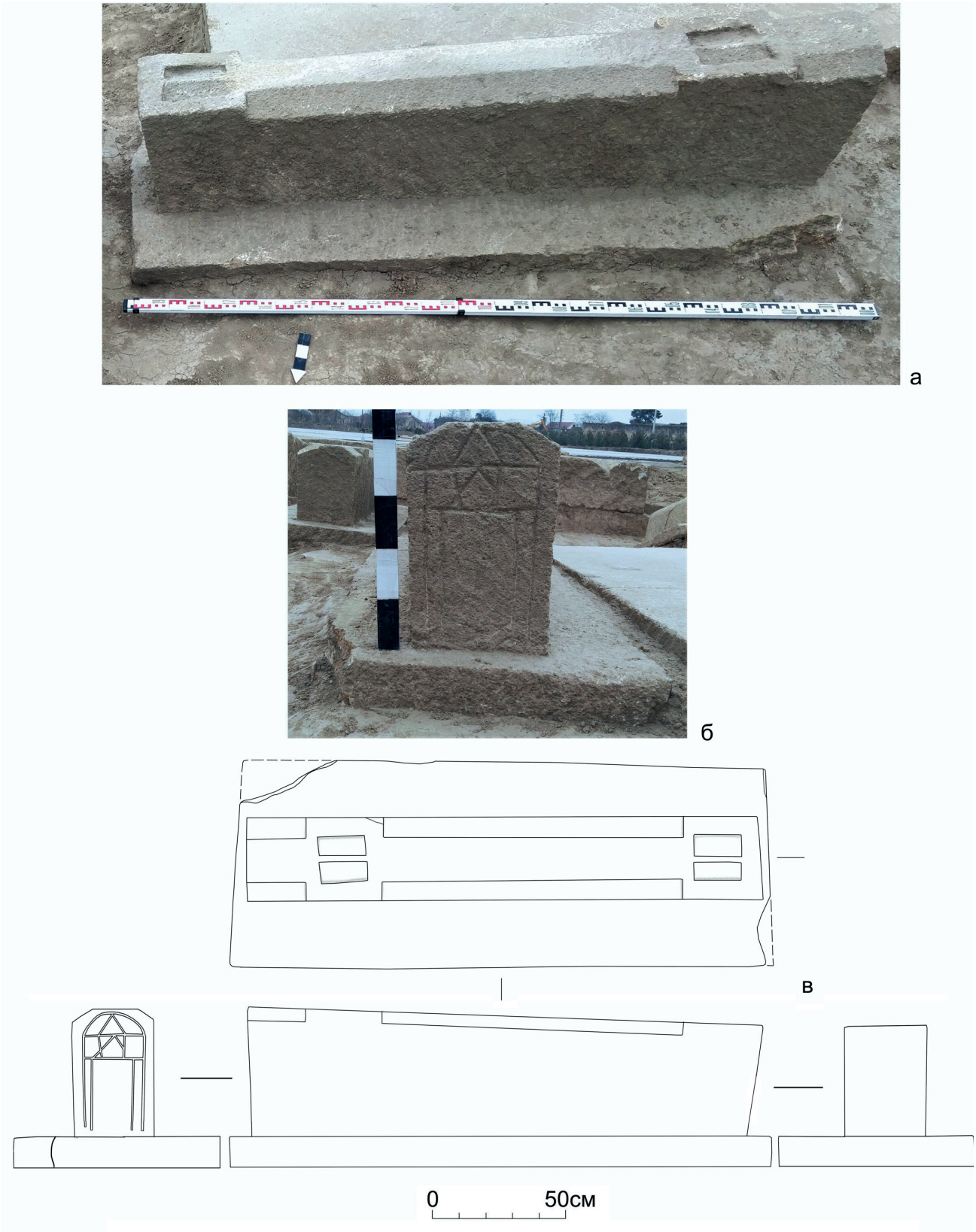

Fig. 10. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Sarcophagus No. 3

Рис. 10. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Саркофаг № 3

Fig. 11. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Sarcophagus No. 4

Рис. 11. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Саркофаг № 4

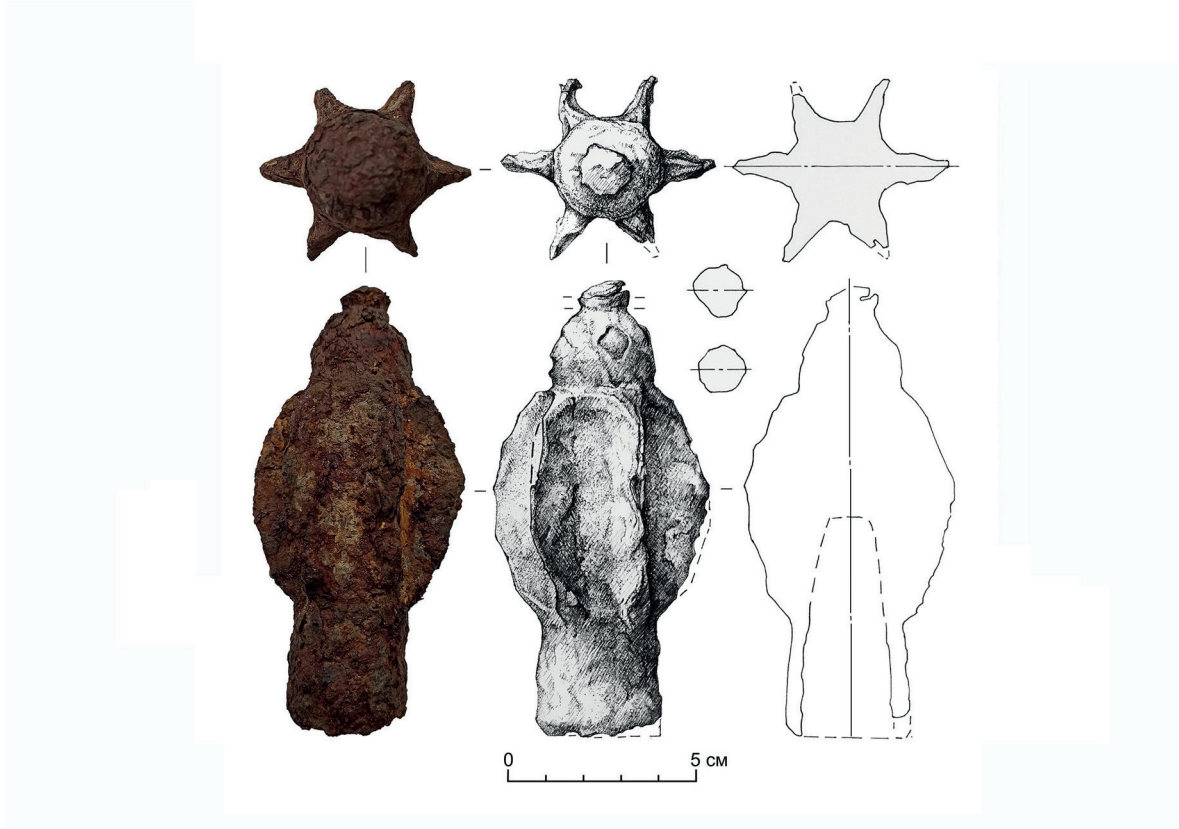

Fig. 12. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Iron head of the mace

Рис. 12. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Железное навершие булавы

Fig. 13. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Stone box and sarcophagus No. 5

Рис. 13. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Каменный ящик и саркофаг № 5

Fig. 14. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Sarcophagi No. 6 (а, б) and 7 (в, г)

Рис. 14. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Саркофаги №№ 6 (а, б) и 7 (в, г)

Fig. 15. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Sarcophagi No. 8-10 (a) and 11-13 (б)

Рис. 15. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Саркофаги №№ 8-10 (а) и 11-13 (б)

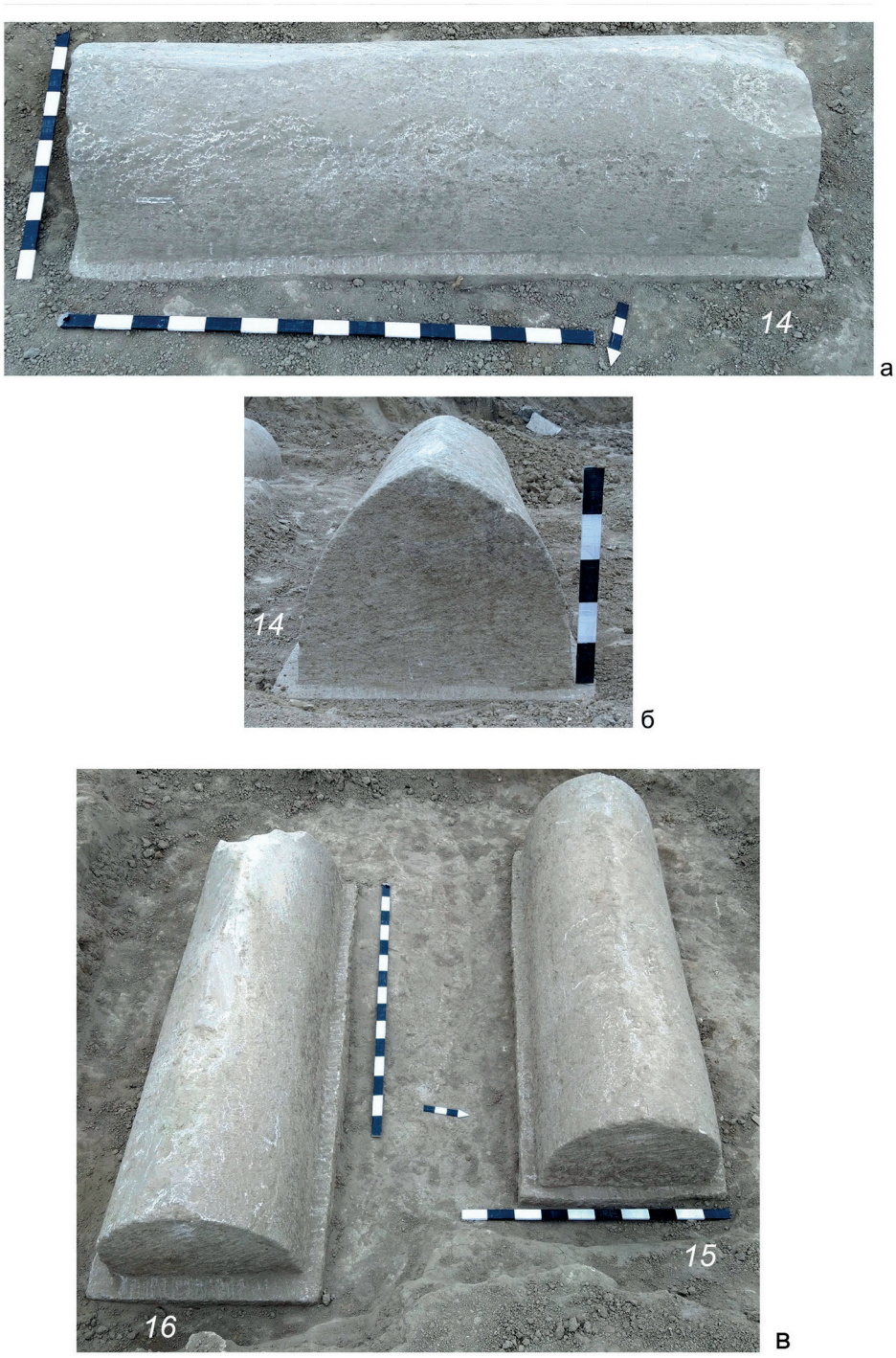

Fig. 16. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Sarcophagi No. 14 (а, б) and 15, 16 (в)

Рис. 16. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Саркофаги №№ 14 (а, б) и 15, 16 (в)

Fig. 17. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Sarcophagi No. 14-39. View from the NEE from above

Рис. 17. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Саркофаги №№ 14-39. Вид с СВВ сверху

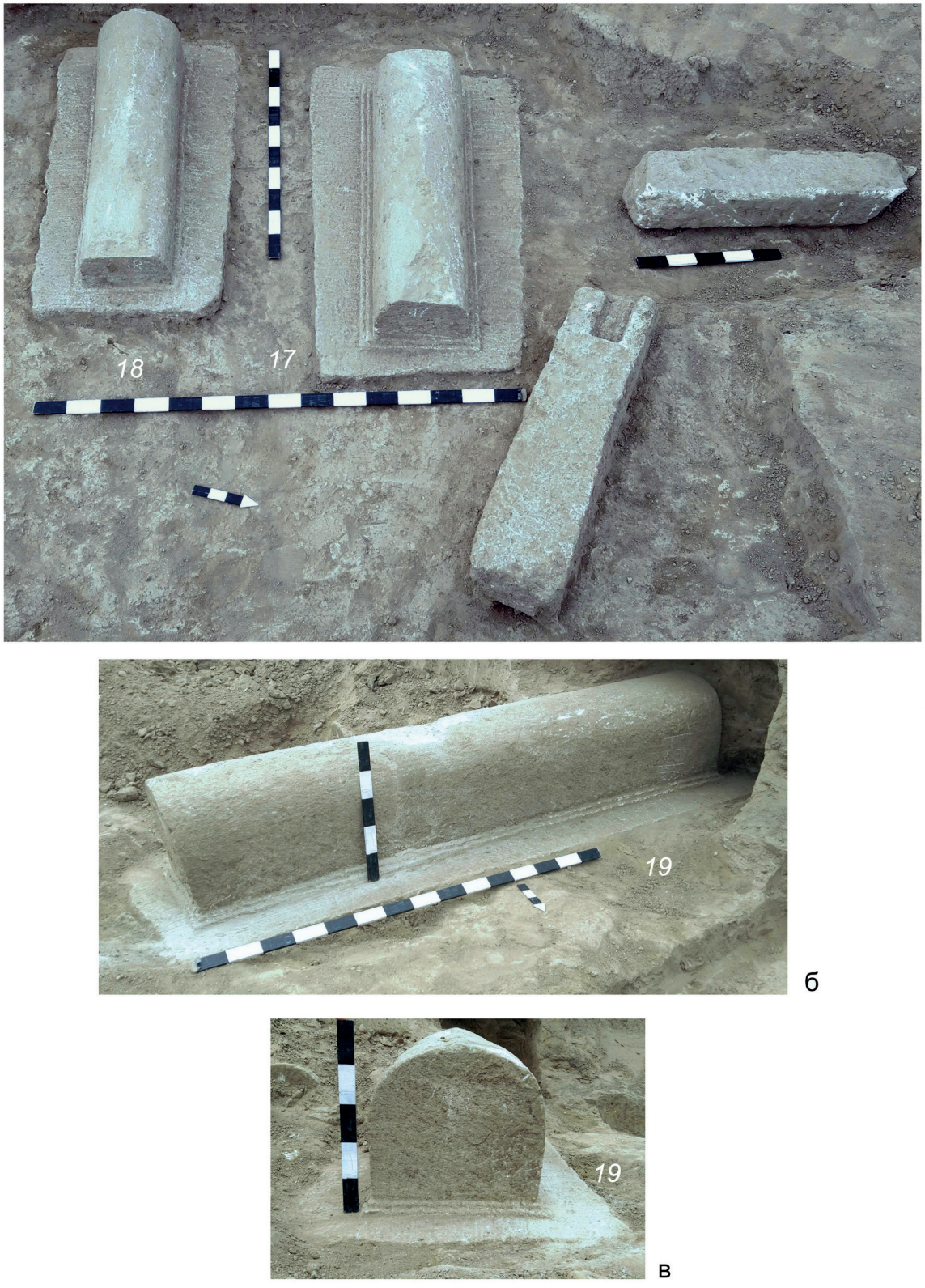

Fig. 18. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Sarcophagi No. 17, 18 (a,) and 19 (б, в)

Рис. 18. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Саркофаги №№ 17, 18 (а) и 19 (б, в)

Fig. 19. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Sarcophagi No. 20-22 (a) and 23, 24 (б)

Рис. 19. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Саркофаги №№ 20-22 (а) и 23, 24 (б)

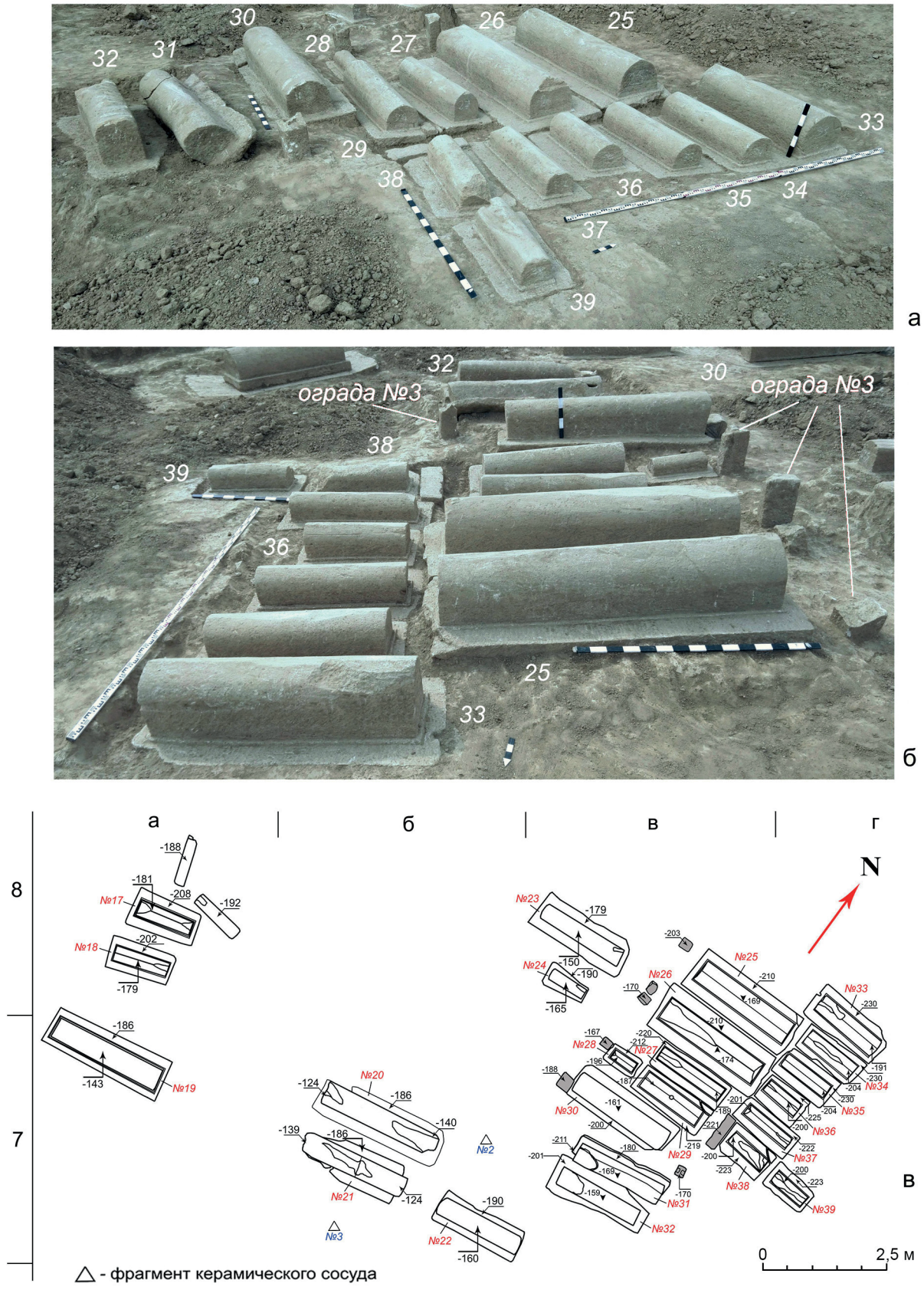

Fig. 20. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Group of sarcophagi No. 25-39. General view (a – from SE, б – from the north) and plan (в)

Рис. 20. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Группа саркофагов №№ 25-39. Общий вид (а – с ЮВ, б – с севера) и план (в)

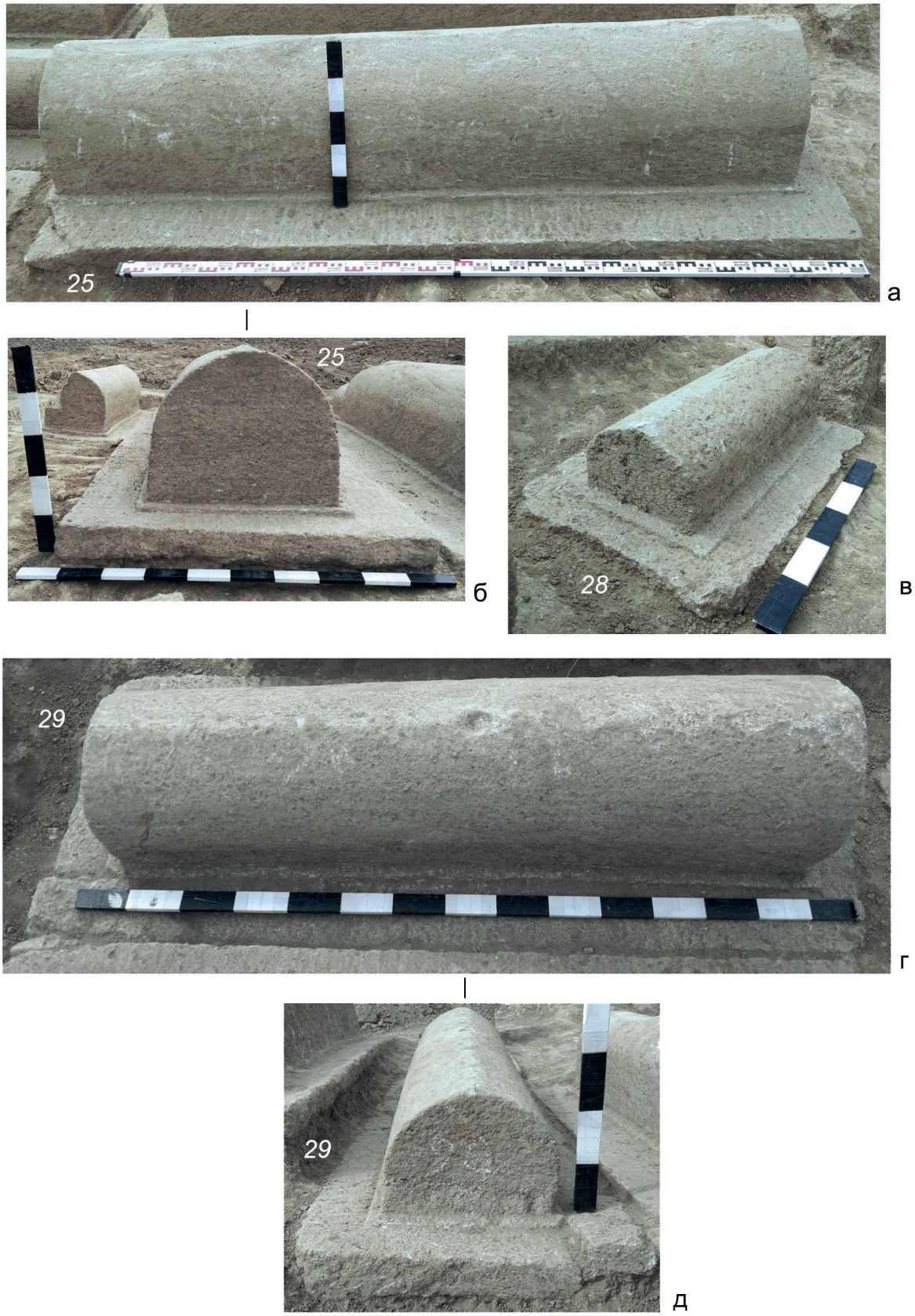

Fig. 21. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Sarcophagi No. 25 (а, б), 28 (в), 29 (г, д)

Рис. 21. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Саркофаги №№ 25 (а, б), 28 (в), 29 (г, д)

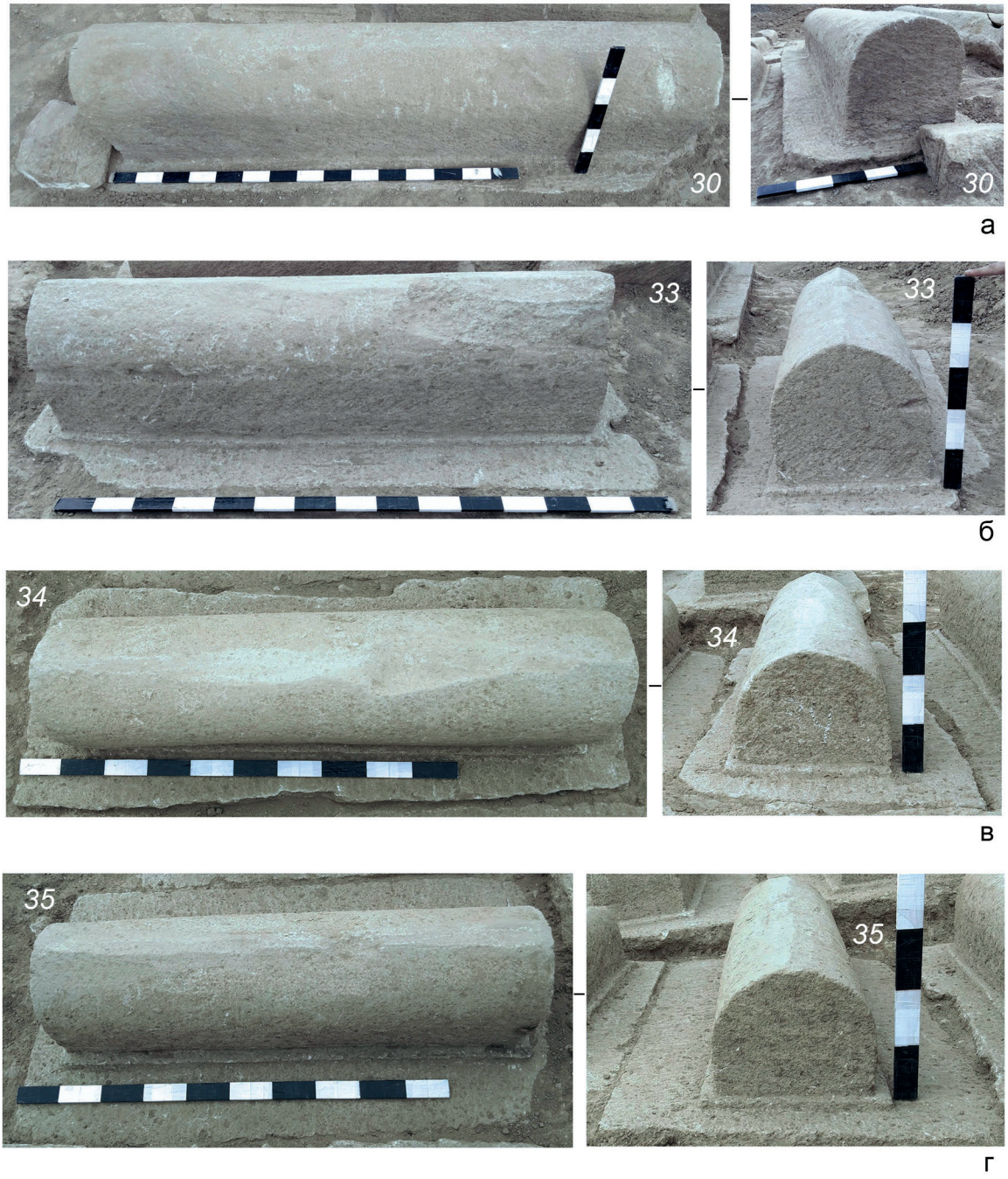
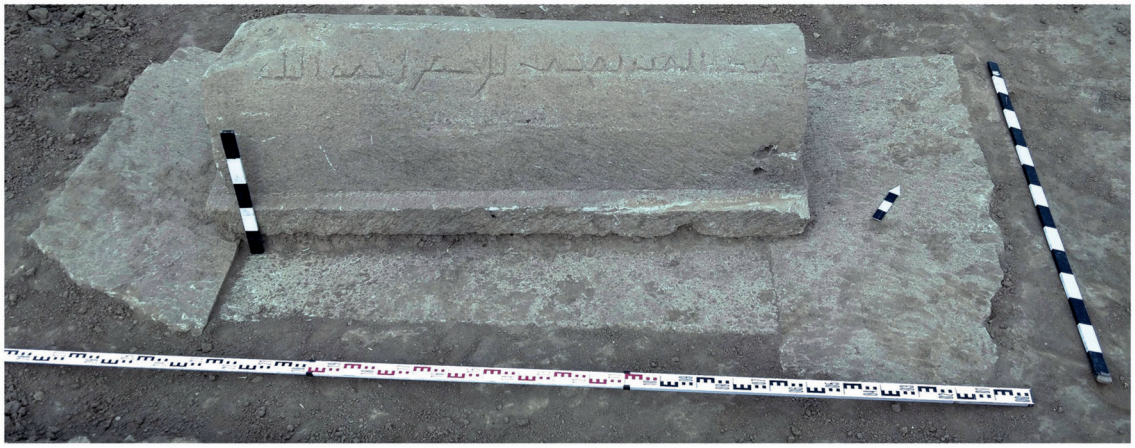

Fig. 22. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Sarcophagi No. 30 (а), 33 (б), 34 (в), 35 (г)

Рис. 22. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь.
Саркофаги №№ 30 (а), 33 (б), 34 (в), 35 (г).

а

б

в

Fig. 23. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Sarcophagus No. 40

Рис. 23. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Саркофаг № 40

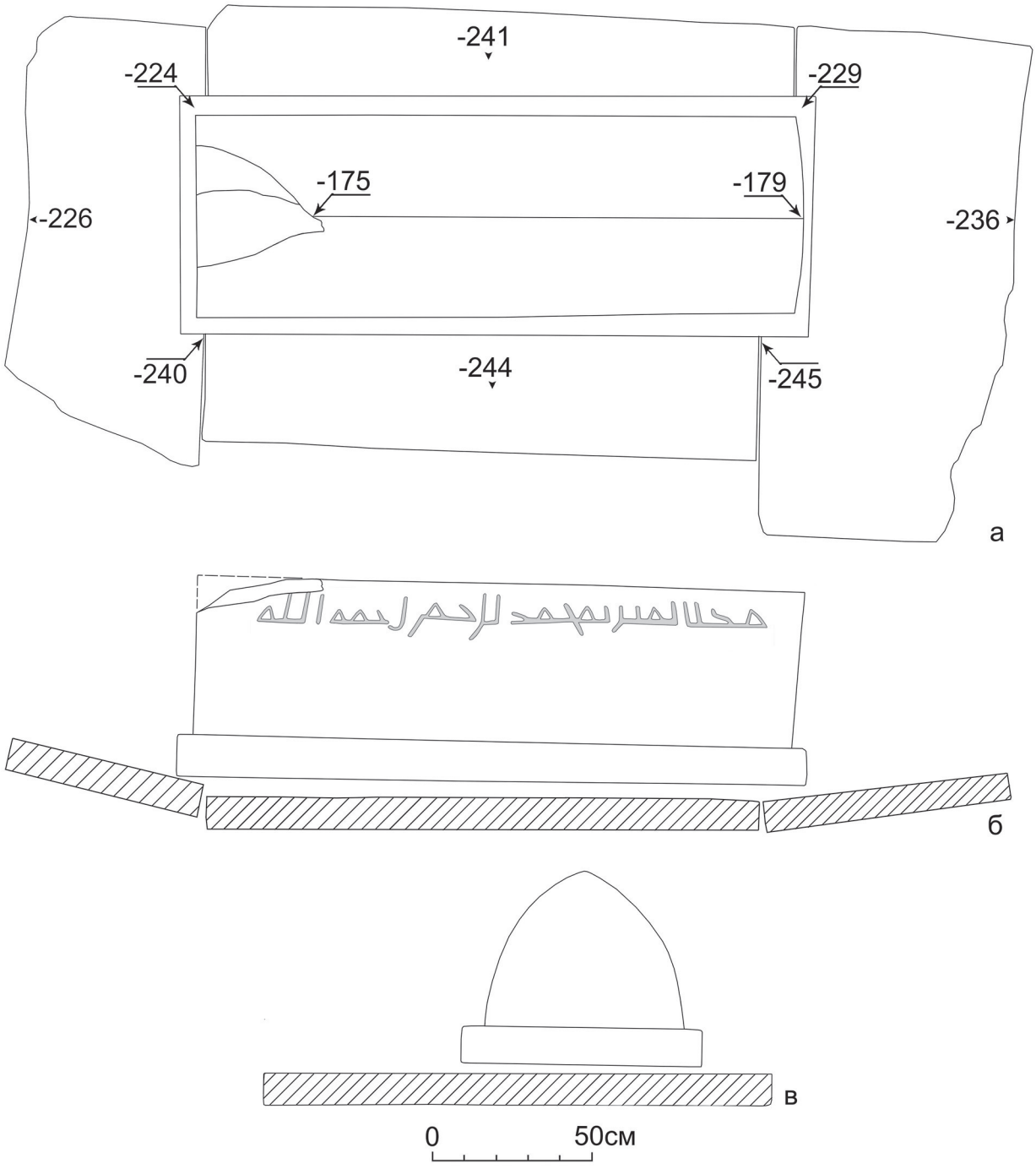

Fig. 24. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Sarcophagus No. 40. Plan and sections

Рис. 24. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Саркофаг № 40. План и разрезы

Fig. 25. Derbent. Medieval Muslim necropolis.
Group of sarcophagi No. 40-56. View from SE from above

Рис. 25. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь.
Группа саркофагов №№ 40-56. Вид с СВ сверху.

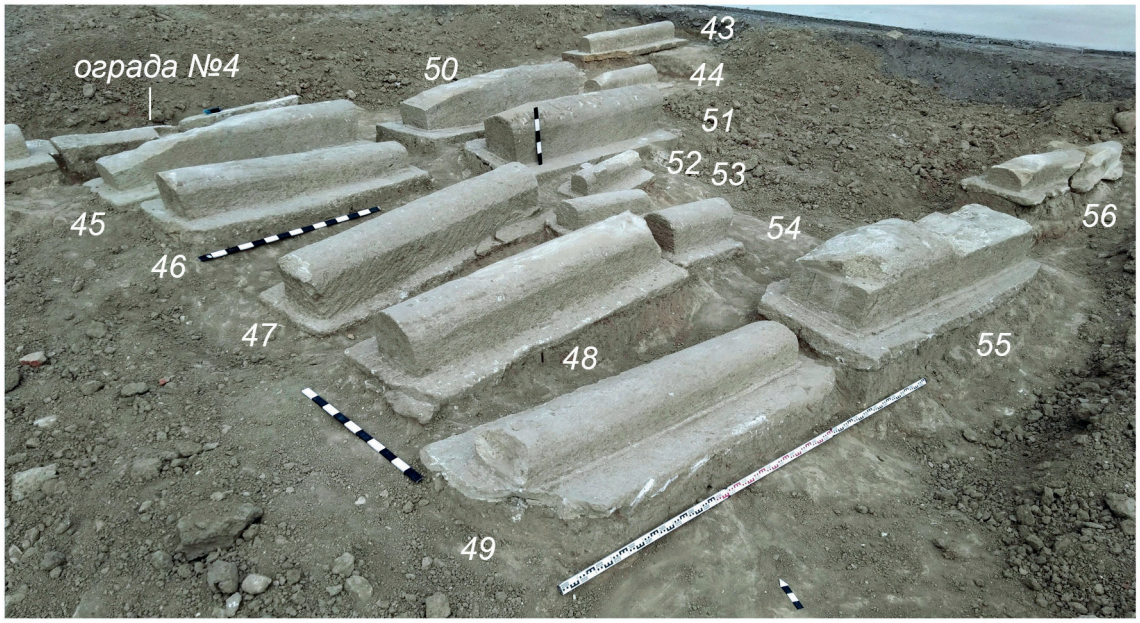

Fig. 26. Derbent. Medieval Muslim necropolis.
Group of sarcophagi No. 43-56. View from SSW

Рис. 26. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь.
Группа саркофагов №№ 43-56. Вид с ЮЮЗ.

Fig. 27. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Sarcophagus No. 41

Рис. 27. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Саркофаг № 41

Fig. 28. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Sarcophagi No. 43 (а), 44 (б), 51 (в), 52 (г)

Рис. 28. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь.
Саркофаги №№ 43 (а), 44 (а), 46 (б), 51 (в), 52 (г)

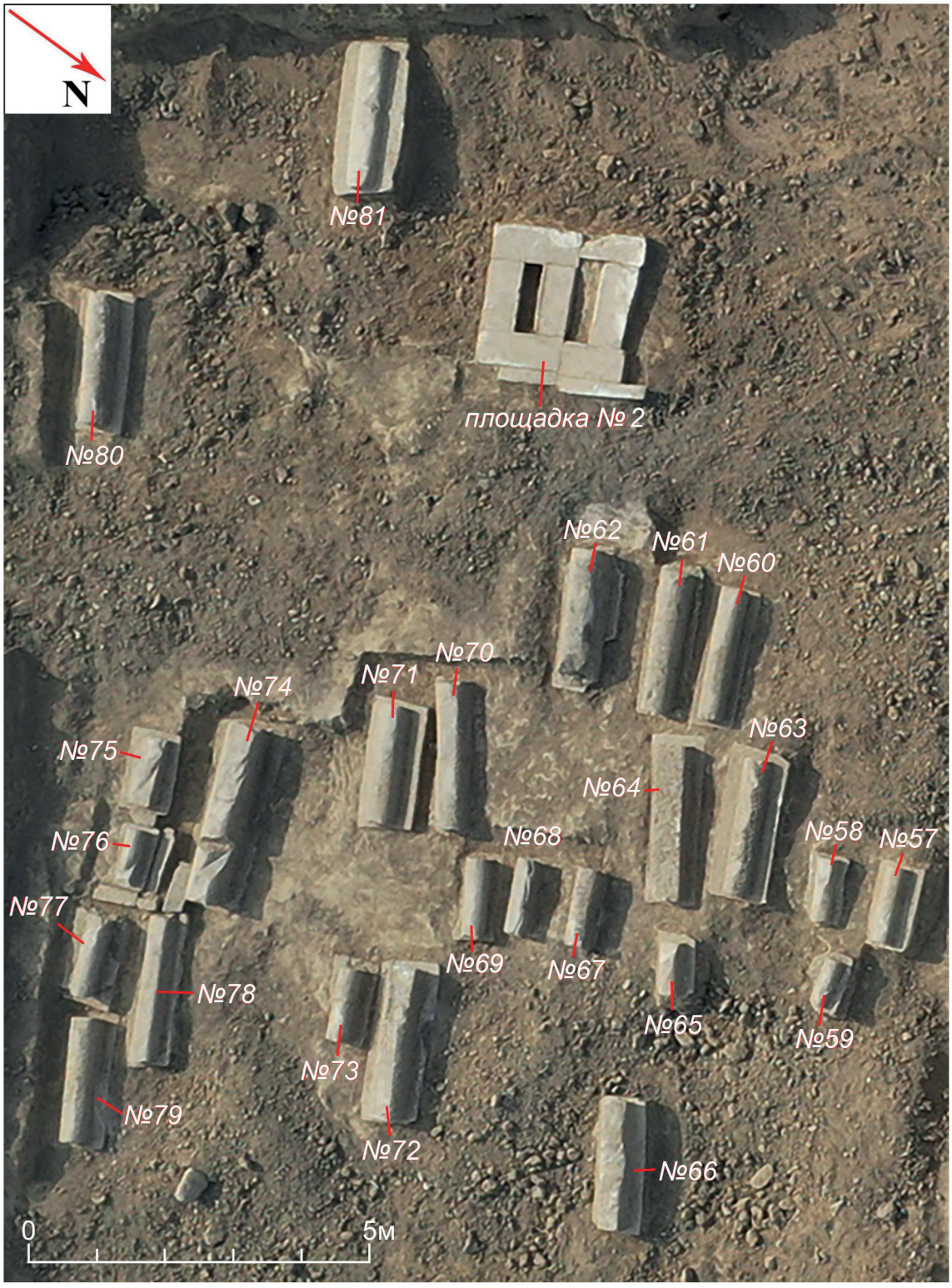

Fig. 29. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Group of sarcophagi No. 57-81 and platform № 2. View from NE from above

Рис. 29. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Группа саркофагов №№ 57-81 и площадка № 2. Вид с СВ сверху

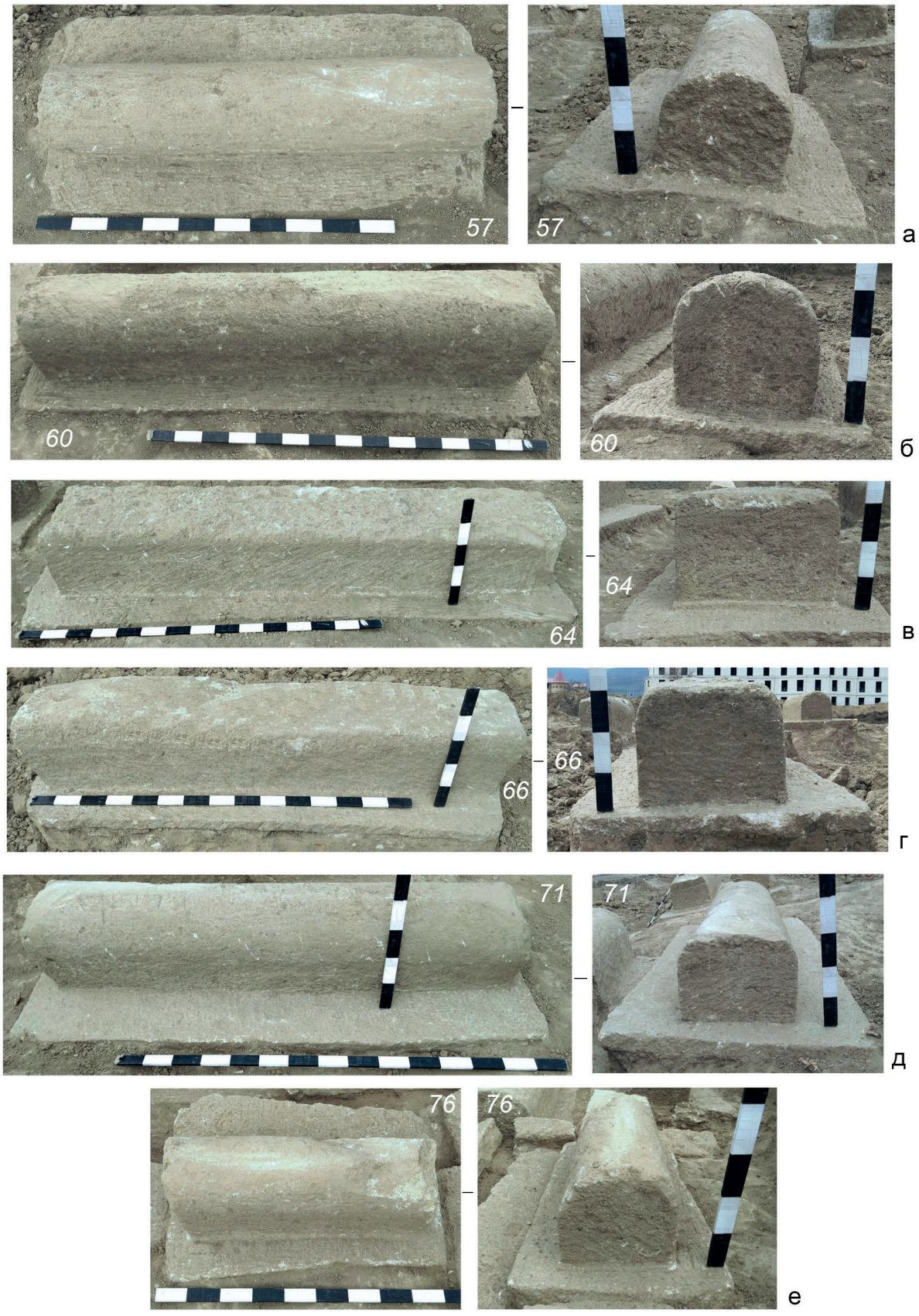

Fig. 30. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Sarcophagi No. 57 (а), 60 (б), 64 (в), 66 (г), 71 (д), 76 (е)

Рис. 30. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь.
Саркофаги №№ 57 (а), 60 (б), 64 (в), 66 (г), 71 (д), 76 (е)

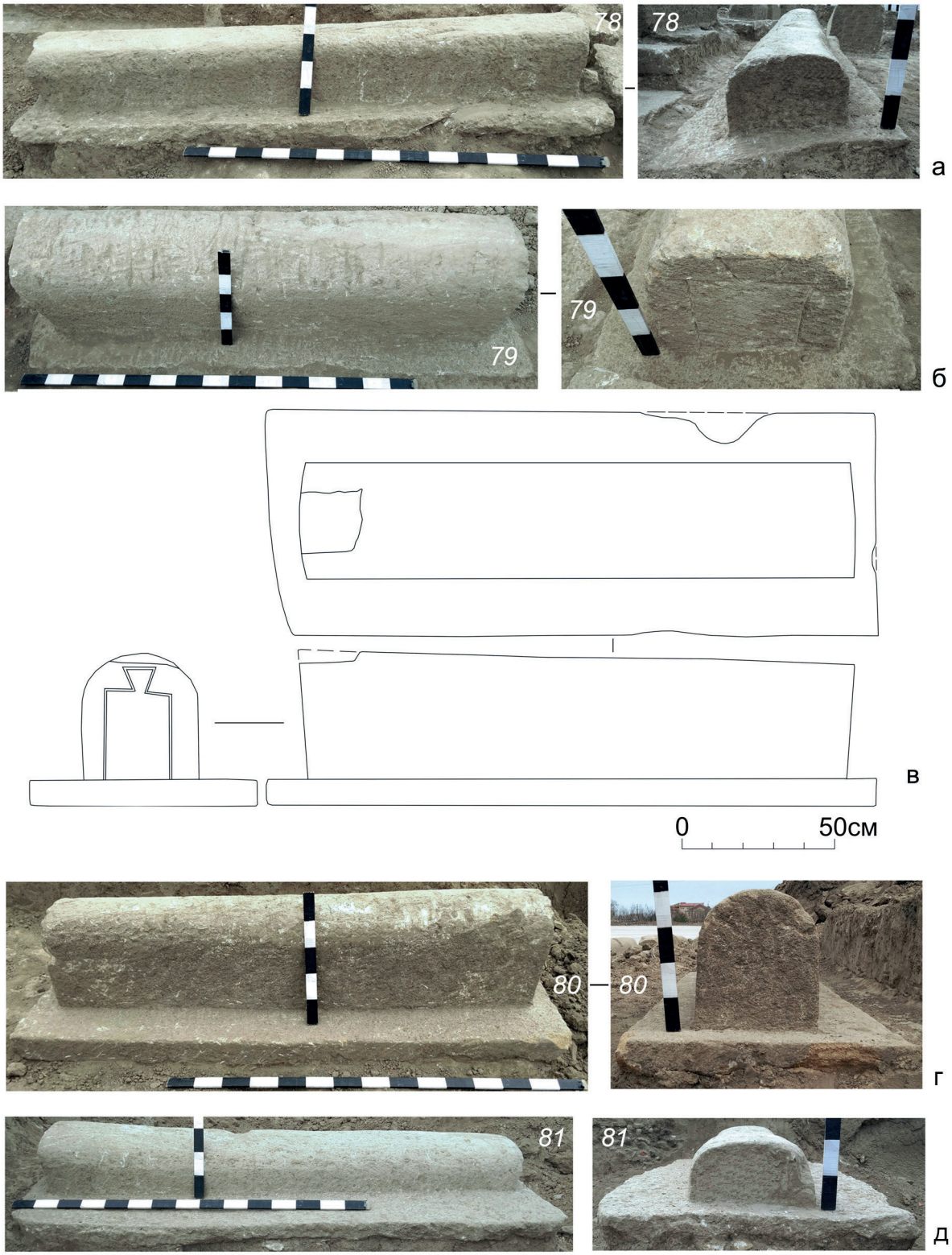
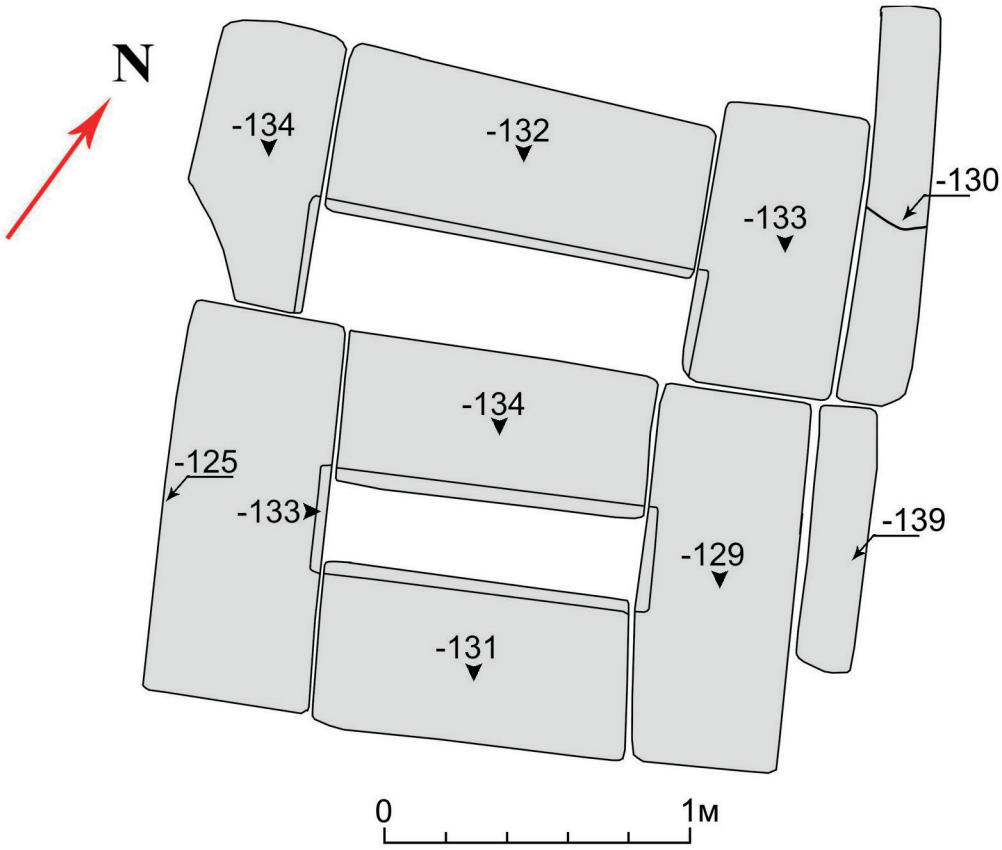

Fig. 31. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Sarcophagi No. 78 (а), 79 (б, в), 80 (г), 81 (д)

Рис. 31. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь.
Саркофаги №№ 78 (а), 79 (б, в), 80 (г), 81 (д)

а

б

Fig. 32. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Platform № 2

Рис. 32. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Площадка № 2

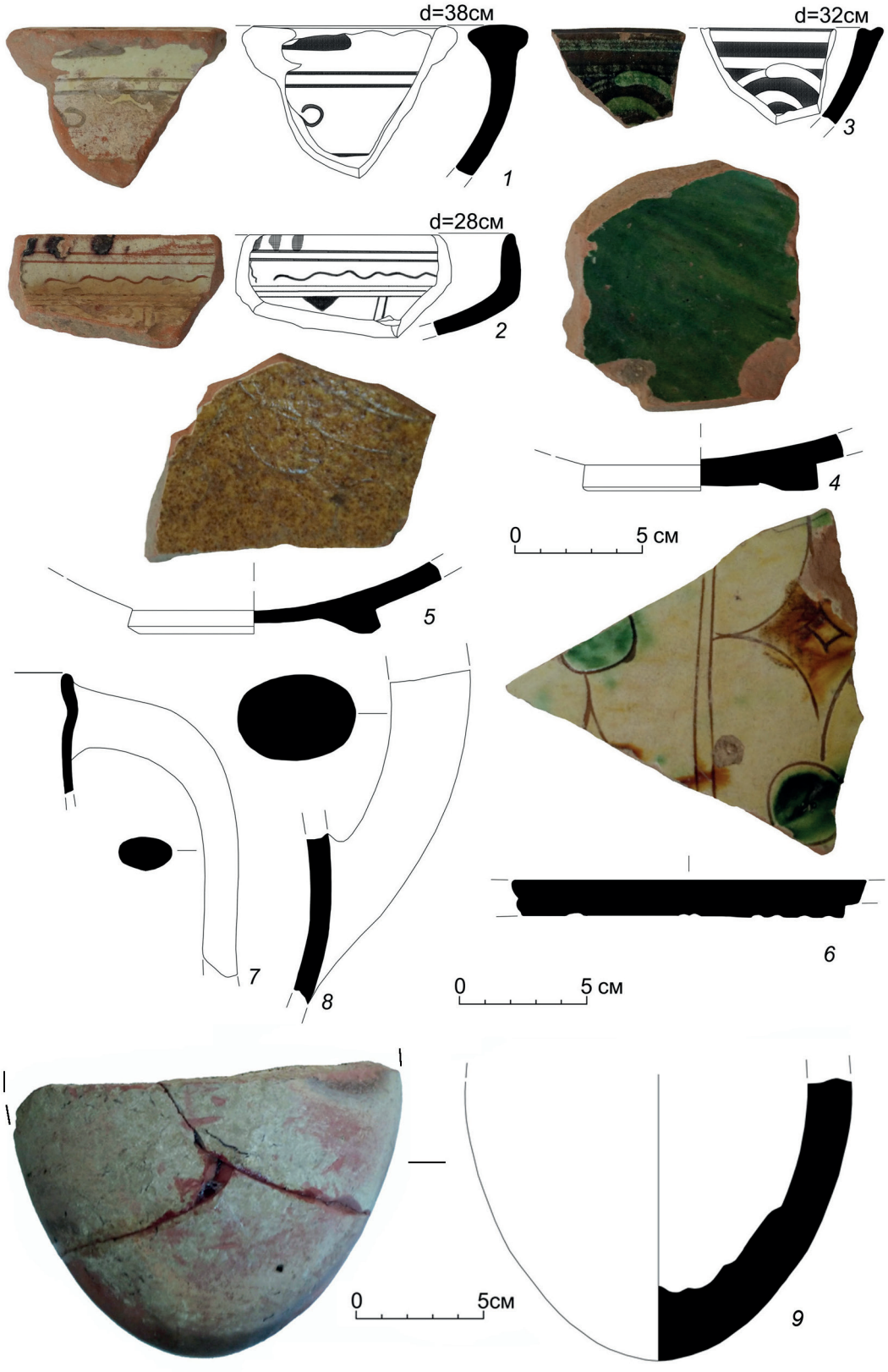

Fig. 33. Derbent. Medieval Muslim necropolis. Fragments of pottery

Рис. 33. Дербент. Средневековый мусульманский некрополь. Фрагменты керамических изделий

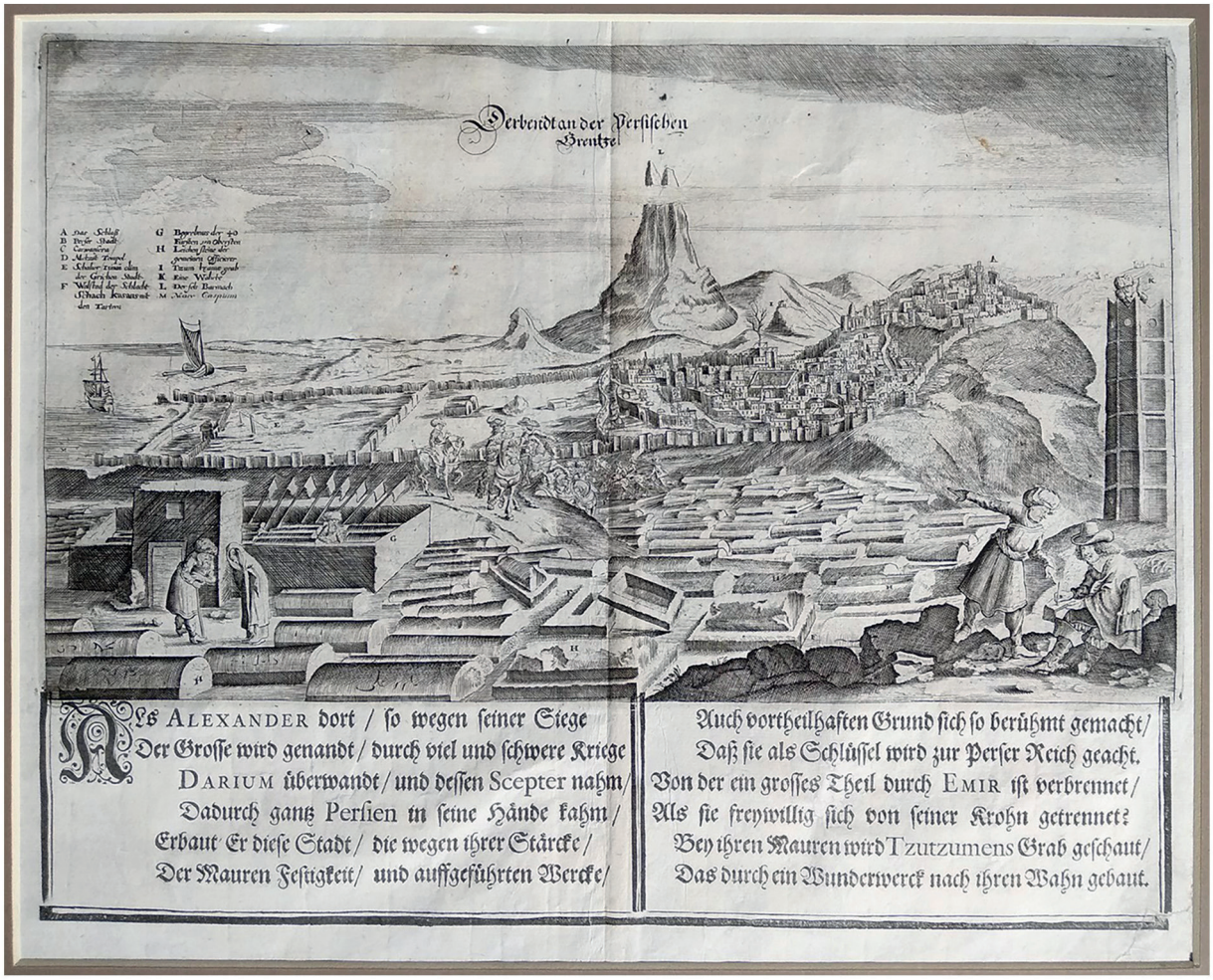

Fig. 34. Derbent and its necropolis. View from the north.
Engraving after a drawing of Adam Olearius, 1638.

Рис. 34. Дербент и его некрополь. Вид с севера. Гравюра по рисунку Адама Олеария, 1638 г.

REFERENCES

1. *Hajiev M.S.* Bab al-Qiyama: a Medieval Cultic Site in Derbend. *Islam and Sufism in Daghestan. Ed. by Moshe Gammer. Annales Academiæ Scientiarum Fennicæ. Humaniora.* Vol. 352. 2009: 29-39, 174-182.

2. Gadjiev M.S. Bab al-Qiyama: a Medieval Muslim Cultic Site in Derbent [Bab al-kiiama – srednevekovoe musul'manskoe kul'tovoe mesto v Derbente]. *Dagestan i musul'manskii Vostok. Sbornik statei v chect' professora A.R. Shikhsaidova [Daghestan and the Muslim East. Studies on History and Sources of Islam in Honor of Amri Shikhsaidov].* Eds.: A.K. Alikberov, V.O. Bobrovnikov. Moscow: Mardzhani Publishing house, 2010: 20-37. (In Russ.).

3. Gadjiev M.S. Bab al-Qiyama. *Islam in the territory of the former Russian Empire. Encyclopedic dictionary [Islam na territorii byvshej Rossijskoj imperii. Enciklopedicheskij slovar'].* Issue 5. Ed. by S.M. Prozorov. M., 2012. P. 35-36. (In Russ.).

4. Gadjiev M.S., Tajmazov A.I., Budajchiev A.L., Abdullaev A.M., Abiev A.K. Early Muslim necropolis in Derbent (Bab al-Abwab). [Rannemusulmanskij nekropol v Derbente (Bab al-abvabe)]. *Problems of History, Philology, Culture [Problemy istorii, filologii, kultury].* №. 1 (63). 2019. S. 202-226. (In Russ.).

5. Gadjiev M.S., Gasanov M.A. Sarcophagus-shaped gravestone with a Kufic inscription of the Muslim necropolis of Derbent, 11th-12th centuries [Sarkofagoobraznyj nadmogilnyj pamyatnik s kuficheskoj nadpis'yu musul'manskogo nekropolya Derbenta XI-XII vv.]. *Materials on archeology and history of the Ancient and Medieval Black Sea region [Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya].* № 13. 2021 (in press). (In Russ.).

6. Mukherjee S. *The Star that commemorates a landmark in Islamic architecture. Najmat-al-Quds.* 2018. https://farbound.net/najmat-al-quds-star-of-jerusalem-humayuns-mausoleum-nizzamuddin-east/ - date of the application: 09.07.2021.

7. Dmitrov L.D. On the question of mysterious spheroconical vessels as incendiary bombs of the 13th century A.D. [K voprosu o zagadochnyh sferokonicheskih sosudah, kak zazhigatelnyh bombah XIII stoletiya n.e.]. *Scientific notes of the Institute of History and Archeology of Ukraine [Nauchnye zapiski Instituta istorii i arheologii Ukrainy].* Book I. Kiev, 1941: 117-139 (In Russ.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hajiev M.S.* Bab al-Qiyama: a Medieval Cultic Site in Derbend // Islam and Sufism in Daghestan. Ed. by Moshe Gammer. Annales Academiæ Scientiarum Fennicæ. Humaniora. Vol. 352. 2009. P. 29-39, 174-182.

2. *Гаджиев М.С.* Баб ал-кийама – средневековое мусульманское культовое место в Дербенте // Дагестан и мусульманский Восток. Сб. статей в честь профессора А.Р. Шихсаидова. Сост. и отв. ред. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. М.: Издательский дом Марджани, 2010. С.20-37.

3. *Гаджиев М.С.* Баб ал-Кийама // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 5. Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М., 2012. С. 35-36.

4. *Гаджиев М.С., Таймазов А.И., Будайчиев А.Л., Абдуллаев А.М., Абиев А.К.* Раннемусульманский некрополь в Дербенте (Баб ал-абвабе) // Проблемы истории, филологии, культуры. №. 1 (63). 2019. С. 202-226.

5. *Гаджиев М.С., Гасанов М.А.* Саркофагообразный надмогильный памятник с куфической надписью мусульманского некрополя Дербента XI-XII вв. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 13. 2021 (в печати).

6. *Mukherjee S.* The Star that commemorates a landmark in Islamic architecture. Najmat-al-Quds. 2018. https://farbound.net/najmat-al-quds-star-of-jerusalem-humayuns-mausoleum-nizzamuddin-east/ – дата обращения: 09.07.2021.

7. *Дмитров Л.Д.* К вопросу о загадочных сфероконических сосудах, как зажигательных бомбах XIII столетия н.э. // Научные записки Института истории и археологии Украины. Кн. I. Киев, 1941. С. 117-139.

8. *Джанполадян Р.М.* Сфероконические сосуды из Двина и Ани // Советская археология. № 1. 1958. С. 201-213.

9. *Ахмедов Г.М.* Неполивная керамика Орен-кала IX-XIII вв. (По материалам раскопок 1953-1955 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 67. 1959. С. 186-227.

10. *Вильчевский О.Л.* Сфероконические сосуды в переднеазиатском трактате по прикладной технологии XII в. // Советская археология. № 2. 1961. С. 210-212.

8. Dzhanpoladyan R.M. Spheroconical vessels from Dvin and Ani [Sferokonicheskie sosudy iz Dvina i Ani]. *Soviet archeology [Sovetskaya arheologiya]*. № 1. 1958: 201-213 (In Russ.).

9. Ahmedov G.M. Non-glazed pottery of Oren-kala of the 9th-13th centuries (Based on materials from excavations of 1953-1955) [Nepolivnaya keramika Oren-kala IX-XIII vv. (Po materialam raskopok 1953-1955 gg.)]. *Materials and research on archeology of the USSR [Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR]*. № 67. 1959: 186-227 (In Russ.).

10. Vil'chevskij O.L. Spheroconical vessels in the Near East tractate on applied technology of the 12th century [Sferokonicheskie sosudy v peredneaziatskom traktate po prikladnoj tehnologii XII v.]. *Soviet archeology [Sovetskaya arheologiya]*. № 2. 1961: 210-212. (In Russ.).

11. Lunin B.V. To the question of the functional purpose of spheroconical vessels in connection with one handwritten source of the 16th century [K voprosu o funkcional'nom naznachenii sferokonicheskih sosudov v svyazi s odnim rukopisnym istochnikom XVI v.]. *History of the material culture of Uzbekistan [Istoriya material'noj kultury Uzbekistana]*. Issue 2. Tashkent: Academy of sciences of the Uzb.SSR, 1961: 255-267 (In Russ.).

12.Gyuzalyan L.T. Inscriptions on two spheroconical vessels from Baylakan [Nadpisi na dvuh sferokonicheskih sosudah iz Bajlakana]. *Palestinian miscellanea [Palestinskij sbornik]*. Issue 13(76). 1965: 166-170 (In Russ.).

13. Dostiev T.M. *Medieval archaeological sites of Northeastern Azerbaijan (9th - mid 13th century) [Srednevekovye arheologicheskie pamyatniki Severo-Vostochnogo Azerbajdzhana (IX- seredina XIII v.)]*. Baku: Baku State Univrsity, 1999. (In Russ.).

14. Ramishvili R.M. Georgia in the era of the developed Middle Ages (10th-13th centuries). Material and spiritual culture [Gruziya v epohu razvitogo srednevekov'ya (X-XIII vv.). Material'naya i duhovnaya kultura]. *Archeology. Crimea, North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages: 4th-13th centuries [Arheologiya. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epohu srednevekovya: IV-XIII veka]*. M.: Nauka, 2003: 308-320 (In Russ.).

15. Arakelyan B.N. Armenia in the 9th-13th centuries. Craft, decorative arts, writing [Armeniya v IX-XIII vekah. Remeslo, dekorativnoe iskusstvo, pismennost']. *Archeology. Crimea, the North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages: 4th-13th centuries [Arheologiya. Krym, Severo-Vostochnoe*

11. *Лунин Б.В.* К вопросу о функциональном назначении сфероконических сосудов в связи с одним рукописным источником XVI в. // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 2. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1961. С. 255-267.

12. *Гюзальян Л.Т.* Надписи на двух сфероконических сосудах из Байлакана // Палестинский сборник. Вып. 13(76). М.-Л., 1965. С. 66-170.

13. *Достиев Т.М.* Средневековые археологические памятники Северо-Восточного Азербайджана (IX - середина XIII в.). Баку: Бакинский Государственный Университет, 1999. 154 с.

14. *Рамишвили Р.М.* Грузия в эпоху развитого средневековья (X-XIII вв.). Материальная и духовная культура // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV-XIII века. М: Наука., 2003. С. 308-320.

15. *Аракелян Б.Н.* Армения в IX-XIII веках. Ремесло, декоративное искусство, письменность // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV-XIII века. М.: Наука, 2003. С. 342-350.

16. *Нуретдинова А.Р.* Сфероконические сосуды Суварского городища. Казань: Издательство Казанского государственного университета, 2016. 52 с.

17. *Якобсон А.Л.* Художественная керамика Байлакана (Орен-кала) (По материалам раскопок 1953-1955 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 67. 1959. С. 228-302.

18. *Достиев Т.М.* Поливная керамика средневекового города Шабрана (XI-XIII вв.) // Советская археология. № 3. 1989. С. 193-206.

19. *Шелковников Б.А.* Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1957. 115 с.

20. Grube E.J. *Islamic Pottery of the Eighth to Fifteenth Century in the Keir Collection*. London: Faber and Faber, 1976.

21. Early Islamic Ceramics. Benaki Museum Athens. Vol. I. Text Helen Philon. London: Islamic Art Publications, 1980.

22. *Ахмедов Г.М.* Характерные особенности средневековой поливной керамики Азербайджана // Материалы I Симпозиума по

Prichernomore i Zakavkaz'e v epohu srednevekovya: IV-XIII veka]. Moscow: Nauka, 2003: 342-350. (In Russ.).

16. Nuretdinova A.R. *Sphero-conical vessels of the Suvar fortified settlement [Sferokonicheskie sosudy Suvarskogo gorodischa]*. Kazan: Kazan State University Press, 2016. (In Russ.).

17. Yakobson A.L. Artistic ceramics of Baylakan (Oren-kala) (Based on materials from excavations in 1953-1955) [Hudozhestvennaya keramika Bajlakana (Oren-kala) (Po materialam raskopok 1953-1955 gg.)]. *Materials and research on archeology of the USSR [Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR]*. № 67. 1959: 228-302. (In Russ.).

18. Dostiev T.M. Glazed pottery of the Medieval city of Shabran (11th-13th centuries) [Polivnaya keramika srednevekovogo goroda Shabrana (XI-XIII vv.)]. *Soviet archeology [Sovetskaya arheologiya]*. № 3. 1989: 193-206 (In Russ.).

19. Shelkovnikov B.A. *Glazed potteru from the excavations of the city of Ani [Polivnaya keramika iz raskopok goroda Ani]*. Erevan: Academy of sciences of the Arm.SSR, 1957. (In Russ.).

20. Grube E.J. *Islamic Pottery of the Eighth to Fifteenth Century in the Keir Collection*. London: Faber and Faber, 1976.

21. Early Islamic Ceramics. Benaki Museum Athens. Vol. I. Text Helen Philon. London: Islamic Art Publications, 1980.

22. Ahmedov G.M. The characteristic features of the Medieval glazed pottery of Azerbaijan [Harakternye osobennosti srednevekovoj polivnoj keramiki Azerbajdzhana]. *Materials of the 1st Symposium on the problem "Polychrome glazed pottery of Transcaucasus – Origins and ways of distribution" [Materialy I Simpoziuma po probleme «Polihromnaya polivnaya keramika Zakavkaz\ya – Istoki i puti rasprostraneniya»]*. Abstracts. Tbilisi, 1985: 27-29. (In Russ.).

23. Ahmedov G.M. Azerbaijan in the 9th-13th centuries. Craft and trade [Azerbajdzhan v IX-XIII vv. Remeslo i torgovlya]. *Archeology. Crimea, North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages: IV-XIII centuries [Arheologiya. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaze v epohu srednevekovya: IV-XIII veka]*. Moscow: Nauka, 2003: 378-386. (In Russ.).

24. Babayan F.S. Development of glazed polychrome pottery in Armenia in the 9th-13th centuries [Razvitie polivnoj polihromnoj keramiki v Armenii IX-XIII vv.]. *Materials of the 1st Symposium on the problem "Polychrome glazed pottery of Transcaucasus – Origins and ways of distribution" [Materialy I Simpoziuma po* проблеме «Полихромная поливная керамика Закавказья – Истоки и пути распространения». Тезисы. Тбилиси, 1985. С. 27-29.

23. *Ахмедов Г.М*. Азербайджан в IX-XIII вв. Ремесло и торговля // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV-XIII века. М.: Наука, 2003. С. 378-386.

24. *Бабаян Ф.С.* Развитие поливной полихромной керамики в Армении IX-XIII вв. // Материалы I Симпозиума по проблеме «Полихромная поливная керамика Закавказья – Истоки и пути распространения». Тезисы. Тбилиси, 1985. С. 25-27.

25. *Мицишвили М.Н*. Поливная керамика средневековой Грузии (IX-XIII вв.). Автореферат диссертации … доктора исторических наук. Тбилиси, 1998.

26. *Ахмедов Р.Дж*. Керамика Баку IX-XVII вв. Баку: Элм, 1992.

27. *Кудрявцев А.А*. К изучению архитектуры средневекового Дербента // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1989. С. 98-113.

28. *Дебиров П.М*. Архитектурная резьба в Дагестане. М., 1966.

29. *Шихсаидов А.Р*. Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984. 461 с.

30. *Мамед-заде К.М*. Строительное искусство Азербайджана (с древнейших времен до XIX в.). Баку: Элм, 1983. 336 с.

31. *Nicolle D. Hungary and the fall of Eastern Europe, 1000-1568*. London: Osprey Publishing, 1988.

32. *D'Amato R*. Σιδηροράβδιον, βαρδούκιον, ματζούκιον, κορύνη: The warmace of Byzantium, the 9-15 c. AD. New evidences from the Balkans in the collection of the World Museum of Man, Florida // Acta Militaria Mediaevalia. VII. Kraków – Rzeszów – Sanok, 2011. 7-48.

33. *Гаджиев М.С., Будайчиев А.Л., Абдулаев А.М., Мамаев Р.Х*. Навершие булавы-шестопера из Дербента // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 13. 2021 (в печати).

34. *Лавров Л.И*. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X-XVII вв. Тексты, переводы, комментарии,

probleme «Polihromnaya polivnaya keramika Zakavkaz'ya – Istoki i puti rasprostraneniya»]. Abstracts. Tbilisi, 1985: 25-27. (In Russ.).

25. Mitsishvili M.N. *Glazed pottery of medieval Georgia (9th-13th centuries). Abstract of the dissertation of Doctor of Historical Sciences* [*Polivnaya keramika srednevekovoj Gruzii (IX-XIII vv.). Avtoreferat dissertacii … doktora istoricheskih nauk]*. Tbilisi, 1998. (In Russ.).

26. Ahmedov R.Dj. *Pottery of Baku of the 9th-17th centuries [Keramika Baku IX-XVII vv.]*. Baku, 1992. (In Russ.).

27. Kudryavcev A.A. To the study of the architecture of medieval Derbent [K izucheniyu arhitektury srednevekovogo Derbenta]. *Ancient and medieval architecture of Dagestan [Drevnyaya i srednevekovaya arhitektura Dagestana]*. Makhachkala: Dagestanian branch of the Academy of sciences of the USSR, 1989: 98-113. (In Russ.).

28. Debirov P.M. *Architectural carving in Dagestan [Arhitekturnaya rez'ba v Dagestane]*. M., 1966. (In Russ.).

29. Shikhsaidov A.R. *Epigraphic monuments of Dagestan of the 10-17th centuries as historical source [Epigraficheskie pamyatniki Dagestana X-XVII vv. kak istoricheskii istochnik]*. Moscow: Nauka, 1984. (In Russ.).

30. Mamed-zade K.M. *Construction art of Azerbaijan (from ancient times to the 19th century) [Stroitel'noe iskusstvo Azerbajdzhana (s drevnejshih vremen do XIX v.)]*. Baku: Elm, 1983. (In Russ.).

31. Nicolle D. *Hungary and the fall of Eastern Europe, 1000-1568*. London: Osprey Publishing, 1988.

32. D'Amato R. Σιδηροράβδιον, βαρδούκιον, ματζούκιον, κορύνη: The war-mace of Byzantium, the 9-15 c. AD. New evidences from the Balkans in the collection of the World Museum of Man, Florida. *Acta Militaria Mediaevalia*. VII. Kraków – Rzeszów – Sanok, 2011: 7-48.

33. Gadjiev M.S., Budajchiev A.L., Abdulaev A.M., Mamaev R.H. Head of mace-sheshper from Derbent [Navershie bulavy-shestopera iz Derbenta]. *Materials on archeology and history of the Ancient and Medieval Black Sea region [Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya]*. № 13. 2021 (in press). (In Russ.).

34. Lavrov L.I. *Epigraphic monuments of the North Caucasus in the Arab, Persian and Turkish languages. Part 1. Inscriptions of the 10-17th centuries [Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh. Ch. 1. Nadpisi X-XVII vv.]*. Texts, translations, commentaries, introвведение и приложения. М.: Наука, 1966. 300 с.

35. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Пер. А.М. Ловягина. СПб.: Издание А.М. Суворина, 1906. xxviii, 582 с.

36. *Котов Ф.* Хождение купца Федота Котова в Персию. Под ред. А.А. Кузнецова. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 112 с.

37. *Аликберов А.К.* Средневековый культовый комплекс Кырхляр в Дербенте: устные предания и письменные источники о сорока «мучениках за веру» // Исследования по Аравии и исламу: Сборник статей в честь 70-летия Михаила Борисовича Пиотровского. Сост. и отв. ред. А.В. Седов. М.: Государственный музей Востока, 2014. С. 370-391.

38. *Френ Х.* О надписях города Дербента // Труды и летописи Общества Истории и Древностей Российских. Т. VIII. СПб.: Университетская типография, 1837. С. 101-128.

39. *Frähn Ch.* Die Inschriften von Derbend // *Eichwald E.* Reise auf dem Caspischen Meere und den Kaukasus. Bd. II. Berlin, 1838. S. 205-229.

40. *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.). Махачкала: Типография Дагестанского ФАН СССР, 1969. 251 с.

41. *Аликберов А.К.* Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI-XII вв.). М.: Восточная литература, 2003. 854 с.

42. *Гаджиев М.С.* Поселение Пирмешки и его некрополь // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14. № 2. 2018. С. 10-22.

duction and applications. Moscow: Nauka, 1966. (In Russ.).

35. Olearius A. *The description of a travel to Moskovia and through Moskovia to Persia and back [Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno]*. Transl. by A.M. Lovyagin. Sankt-Petersburg: A.M. Suvorin's edition, 1906. (In Russ.).

36. Kotov F. *Travels of the merchant Fedot Kotov to Persia [Khozhdenie kuptsa Fedota Kotova v Persiyu]*. Ed. by A.A. Kuznetsov. Moscow: Vostochnaja literatura publishing house, 1958. (In Russ.).

37. Alikberov A.K. The medieval cult complex Kyrkhlyar in Derbent: oral legends and written sources about forty "martyrs for belief" [Srednevekovyi kul'tovyi kompleks Kyrkhlyar v Derbente: ustnye predaniya i pis'mennye istochniki o soroka «muchenikakh za veru»]. *Issledovaniya po Aravii i islamu: Sbornik statei v chest' 70-letiya Mikhaila Borisovicha Piotrovskogo [Researches on Arabia and Islam: The collection of articles in honor of Mikhail Borisovich Piotrovsky's 70 anniversary]*. Ed. by A.V. Sedov. Moscow: The State Museum of Oriental Art, 2014: 370-391. (In Russ.).

38. Fren Kh. About inscriptions of the city Derbent [O nadpisyakh goroda Derbenta]. *The works and chronicles of Society of Russian history and antiquities [Trudy i letopisi obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh]*. T. VIII. Sankt-Petersburg University printing house, 1837: 101-128. (In Russ.).

39. Frähn Ch. Die Inschriften von Derbend. Eichwald E. *Reise auf dem Caspischen Meere und den Kaukasus*. Bd. II. Berlin, 1838. S. 205-229.

40. Shikhsaidov A.R. *Islam in medieval Dagestan, 7th-15th centuries [Islam v srednevekovom Dagestane (VII-XV vv.)]*. Makhachkala: Dagestanian branch of the Academy of sciences of the USSR, 1969. (In Russ.).

41. Alikberov, A.K. *The era of classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr al-Darbandi and his Sufi encyclopedia "Rayhan al-haka'ik", 11th-12th centuries) [Epokha klassicheskogo islama na Kavkaze: Abu Bakr ad-Darbandi i ego sufiiskaya entsiklopediya «Raikhan al-khaka'ik» (XI-XII vv.)]*. Moscow: Vostochnaja literatura, 2003. (In Russ.).

42. Gadjiev M.S. Pirmeshki settlement and its cemetery [Poselenie Rirmeshki i ego necropol']. *History. Archeology and Ethnology of the Caucasus*. № 14.2. 2018: 10-22. (In Russ.).

DOI: https://doi.org/10.32653/CH1741084-1129

Мусаев Махач Абдулаевич
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
mahachmus@gmail.com

Шихалиев Шамиль Шихалиевич
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия;
старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
shihaliev74@mail.ru

Шехмагомедов Магомед Гаджиевич
научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
shehmagomedov.magomed@yandex.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭПИГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ДАХАДАЕВСКИЙ РАЙОН ДАГЕСТАНА В 2020 г.

Аннотация. Дахадаевский район Дагестана – один из самых насыщенных памятниками истории и культуры в республике. В их числе башни, мосты, мечети, минареты, зийараты, кладбища. Большая их часть несет на себе надписи, которые в должной мере не изучены. Между тем, эпиграфические тексты – один из основных источников духовной, религиозной, политической, социальной и экономической истории средневековья региона. В данной работе представлены наиболее примечательные образцы арабской эпиграфики, начиная с XII в., селений Амузги, Кубачи, Уркарах, Калкни, Худуц, Ашты и Кунки. В статье дается их чтение, перевод на русский язык, отмечены особенности почерков, способов нанесения, обращено внимание на формы памятников, их размеры и орнаментику. Наибольший интерес представляют тексты, несущие конкретную историческую информацию, и датированные образцы, позволяющие по типологическому сходству отнести памятники региона к определенному периоду времени. В числе подобных памятников надмогильные стелы 774 г.х. (1372-73 г.), 877 г.х. (1472 г.), 902 г.х. (1496-97 г.), 958 г.х. (1551 г.); имеются исторические записи, нанесенные на камни, встроенные в культовые сооружения, датированные 718 г.х. (1318-19 г.), 765 г.х. (1363-64 г.), 1035 г.х. (1625-26 г.). Некоторые из исследуемых надписей ранее были прочтены и опубликованы известными исследователями Л.И. Лавровым и А.Р. Шихсаидовым, но мы представляем собственное их чтение. Интересно, что обнаруженная нами на стенах минарета надпись 1625-26 г. соседствует с двумя известными науке текстами. То есть она не попала в поле зрения исследователей. Данное обстоятельство служит дополнительным обоснованием проведения эпиграфических экспедиций не только на территориях, где не бывали эпиграфисты, но и в населенных пунктах, которые считаются изученными учеными-специалистами.

Ключевые слова: Дагестан; арабская эпиграфика; исламское искусство; некрополистика; эпитафии; строительные надписи.

© Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г., 2021
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

DOI: https://doi.org/10.32653/CH1741084-1129

Makhach A. Musaev,
Cand. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center, RAS, Makhachkala, Russia
mahachmus@gmail.com

Shamil S. Shikhaliev,
Cand. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center, RAS, Makhachkala, Russia;
Senior Researcher
Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia
shihaliev74@mail.ru

Magomed G. Shekhmagomedov,
Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center, RAS, Makhachkala, Russia
shehmagomedov.magomed@yandex.ru

THE RESULTS OF THE EPIGRAPHIC EXPEDITION IN DAKHADAEVSKY REGION OF DAGESTAN IN 2020

Abstract. Dakhadaevsky region of Dagestan is one of the richest areas in terms of monuments of history and culture in the republic. Among those are towers, bridges, mosques, minarets, ziyarats, and cemeteries. Most of them have inscriptions, which have been insufficiently studied. Meanwhile, epigraphic texts are one of the key sources for studying spiritual, religious, political, social and economic history of Medieval Dagestan. The present study introduces the most notable pieces of Arabic epigraphy, starting from the 12th century, from the villages of Amuzgi, Kubachi, Urkarah, Kalkni, Huduts, Ashty, and Kunki. The paper provides their reading, translation into Russian, features of handwriting, methods of applying; the shapes of monuments, their sizes and ornamentation are also highlighted. Of particular interest are texts, containing specific historical information, and dated specimens, which allow by their typological similarity to attribute the monuments of the region to a certain period. Among such monuments are tombstones/steles of AH 774 (1372-73), AH 877 (1472), AH 902 (1496-97), AH 958 (1551); historical records, inscribed on stones or embedded in religious structures, dated AH 718 (1318-19), AH 765 (1363-64), AH 1035 (1625-26). Some of the inscriptions under study were read and published earlier by the prominent researchers L.I. Lavrov and A.R. Shikhsaidov; however, we present our own reading. We have revealed a curious inscription of 1625-26 on the walls of a minaret, which is close to two previously examined texts. The fact that the inscription was overlooked by the researchers serves as an additional justification for conducting epigraphic expeditions not only to previously unexplored regions, but also to settlements that are considered sufficiently studied.

Keywords: Dagestan; Arabic epigraphy; Islamic art; necropolistics; epitaphs; construction inscriptions.

© Musaev M.A., Shikhaliev Sh.Sh., Shekhmagomedov M.G., 2021
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2021

Дахадаевский район Дагестана один из самых насыщенных памятниками истории и культуры в республике. В их числе башни, мосты, мечети, минареты, зияраты, кладбища. Большая их часть несет на себе надписи, которые в должной мере не изучены. Между тем, эпиграфические тексты – один из основных источников духовной, религиозной, политической, социальной и экономической истории Средневековья региона. изучение надписей, сосредоточенных в Дагестане, продолжается. С целью их исследования Институтом истории, археологии и этнографии в 2020 г. была снаряжена эпиграфическая экспедиция, которая рассмотрела часть памятников района, расположенные в пределах населенных пунктов нескольких средневековых политических структур Дагестана – Ганк или Кубачинский магал (сел. Амузги), Муйра (сел. Калкни), Гапш (сел. Уркарах) и Буркун-Дарго (сел. Аштынский, сел. Худуц, сел. Кунки).

Стелы амузгинского кладбища

Амузги – ныне заброшенное поселение в 2 км к югу от Кубачи. На протяжении веков Амузги и Кубачи были тесно связаны друг с другом культурно и экономически. Местные эпиграфические тексты ранее не изучались.

1. Прямоугольная в профиль плита без орнаментировки. Размеры: В. – 88 см; Ш. н. – 70 см; Ш. в. – 72 см; Т. – 6–8 см. (Илл. 1).

На лицевой стороне надпись восточным куфи:

نورالله قبره و غفر الله ذونوبه
ذا ان تفكرت افلحت...[1]

Перевод: *Да освятит[2] Аллах его могилу и простит ему грехи. И если же ты поразмыслишь над этим, то будешь блаженствовать [в раю]...*

Тыльная сторона – пустое поле.

2. Орнаментированная трапециевидная плита с верхом в форме пологой дуги. Сочетание этих двух особенностей в форме позволяет называть плиты подобного типа подковообразными. По периметру памятника имеется орнаментировка. Размеры: В. – 64 см; Ш. н. – 59 см; Ш. в. – 60 см; Т. – 6–7 см[3]. (Илл. 2).

Надпись куфи: الملك لله الواحد القهار

Перевод: *Вся власть [в тот день] принадлежит Аллаху, Единому, Могущественному.*

Тыльная сторона – пустое поле.

1 Здесь и далее орфография сохранена.

2 Глагол «навара» дословно означает «освещать», но смысловое его значение в контексте нахождения текста на могильной плите, ближе к «освящать».

3 В работе, помимо общепринятых, применяются следующие сокращения: В. – высота памятника над уровнем земли; Ш. – ширина стелы; Ш. н. – ширина стелы в нижней части; Ш. в. – ширина памятника в верхней части; Ш. с.– ширина стелы в средней части; Ш. макс. – наибольшая ширина стелы; Т. – толщина стелы; Г.х. – год хиджры.

3. Прямоугольная в сечении плита без орнаментировки. Размеры: В. – 62 см; Ш. н. – 53 см; Ш. в. – 55 см; Т. – 7 см. (Илл. 3).

Надпись куфическим письмом:

الملك لله الواحد القهار
و غفر الله ذنوبه
و لجميع المسلمين

Перевод: *Вся власть [в тот день] принадлежит Аллаху, Единому, Могущественному. И да простит Аллах ему грехи и всем мусульманам.*

Тыльная сторона – пустое поле.

4. Плита, верху которой придана округлость. Размеры: В. – 73 см; Ш. н. – 72 см; Ш. в. – 72 см; Т. – 5 см. (Илл. 4). По периметру лицевой стороны стела орнаментирована, так же как и в центральной части. Имеется следующая куфическая надпись:

غفر الله ذونوبه
الملك لله الواحدالقهار
الموت حق و الحيات باطل
ينجير ابن ...

Перевод: *Да простит Аллах ему грехи. Вся власть [в тот день] принадлежит Аллаху Единому, Могущественному. Смерь истина, а жизнь обман. Й.нджир[4], сын ... .*

Тыльная сторона – пустое поле.

Указанные выше амузгинские надгробия можно датировать XII–XIV вв.

Могильные плиты уркарахских кладбищ

На кладбище в Уркарахе, которое местное население называет «Армянское харби» (координаты: N42.163658, E47.633176), компактно расположены примерно одинаковые плиты, верхней части которых придана форма пологой дуги, близкая к полуциркульной (Илл. 5). Представление о размерах дают измерения двух типичных надгробий (В. – 65 см, Ш. – 78 см, Т. – 7 см; В. – 55 см, Ш. – 87 см, Т. – 7 см). Судя по всему, захоронения на кладбище производились в один период. Об этом свидетельствует их идентичность в формах, размерах и нанесенных надписях, как в плане содержания, так и способа написания.

На стелах содержатся следующие врезные надписи, выполненные почерком куфи.

Надпись:

الملك لله الواحدالقهار
صاحب هذا القبر فلان تختم نور الله قبره

4 Чтение неарабских имен почти всегда под сомнением.

Перевод: *Владелец этой могилы некий (фулан) Тахтум (Т.х.т.м.), да освятит Аллах его могилу*. (Илл. 6).

Надпись:

صاحب هذا القبرفلنده زكريا ه قده

Перевод: *Владелец этой могилы, Фаланда (Ф.л.н.д) Закарийа Кади.*

Надпись:

نور الله قبره صاحب هذا القبر و ن ج

Перевод: *Да освятит Аллах его могилу. Владелец этой могилы В.н.дж(ч).*

Надпись:

صاحب هذا القبر فلانة ژزر نور الله قبرها

Перевод: *Владелец этой могилы некая (фуланат) Цазар (Ц/Ж.з.р.), да освятит Аллах её могилу.*

Надпись:

صاحب هذا القبر ملا خم

Перевод: *Владелец этой могилы М.лах.м.*

Надпись:

نصر من الله فتح قريب ... الشهيد ... صاحب هذا ...

Перевод: *Помощь от Аллаха и победа близкая*[5]*. ... мученик (шахид) ... Владелец этой [могилы]... .*

Надпись:

... (الملك لله الواحد القهار صاحب فلا(ن

Перевод: *Вся власть [в тот день] принадлежит Аллаху, Единому, Могущественному. Владелец [этой могилы] неки[й]...* (Илл. 7)

Надпись:

الملك لله الواحد القهارفلان نور الله قبره

Перевод: *Владелец этой могилы некий (фулан), да освятит Аллах его могилу.*

На другом уркарахском кладбище, расположенном справа от дороги, ведущей в Кубачи, удалось выявить несколько ранних намогильных плит с надписями, выполненными куфическим шрифтом.

Подковообразная в сечении плита. Размеры: В. – 70 см; Ш. н. – 72 см; Ш. в. – 74 см; Т. – 7 см. (Илл. 8)

Надпись:

الملك لله الواحد القهارصاحب هذا القبرفلان و.тл. ك. ن

5 Коран 61:13. Как отмечает И. Ю. Крачковский, это выражение стало девизом, который вышивался на знаменах мусульманского воинства [1, с. 853].

Перевод: *Вся власть [в тот день] принадлежит Аллаху, Единому, Могущественному. Владелец этой могилы некий (Фулан) Т.л.к.н.*

Стела прямоугольной формы с куфической надписью. Размеры: В. – 63 см; Ш. н. – 53 см; Ш. в. – 56 см; Т. – 8 см. (Илл. 9)

Надпись:

الملك لله الواحد القهارصاحب هذا القبر حكر

Перевод: *Вся власть [в тот день] принадлежит Аллаху, Единому, Могущественному. Владелец этой могилы Х.к.р.*

Стела с полукруглым верхом. Несет на себе эпитафию, выполненную поздним куфи. Размеры: В. – 90 см; Ш. макс. – 73см; Т. – 7 см.

Надпись:

الملك لله الواحد القهارصاحب هذا القبر قد بكر

Перевод: *Вся власть [в тот день] принадлежит Аллаху, Единому, Могущественному. Владелец этой могилы Кади Бекир(?).*

Намогильная плита подковообразной формы. Судя по весьма архаичному куфи, данная стела самая ранняя из тех, что мы выявили в Уркарахе. Размеры: В. – 55 см; Ш. макс. – 69 см; Т. – 11 см. (Илл. 10).

Надпись:

الملك لله الواحد القهارصاحب هذا القبر دمدان بن رصو نور الله قبره

Перевод: *Вся власть [в тот день] принадлежит Аллаху, Единому, Могущественному. Владелец этой могилы Дамадан, сын Расу (Р.с.в/у), да освятит Аллах его могилу.*

Следует отметить, что здание администрации Дахадаевского района возведено на месте средневекового кладбища. Ранее у входа в здание были установлены горизонтальные надгробия с могильника. В настоящее время на их месте остался лишь один образец.

Эпиграфические памятники в Калкни

На кладбище сел. Калкни имеется круглый в плане мавзолей. Описание его опубликовано М.М. Маммаевым [2, с. 127–128, 143–144]. К нему следует сделать два уточнения:

Первое: по бокам от входа (размеры: В. – 121 см; Ш. – 57 см) в стену вделаны два камня (размеры камня слева: В. – 20,5 см; Ш. – 37,5 см (Илл. 11). Справа: В. – 20,5, Ш. – см 36,5 см (справа от входа, илл. 12) с рельефными надписями цветущим куфи, которые не поддаются прочтению. Возможно, это декоративные элементы, стилизованные под надписи. М.М. Маммаев датирует их XIV–XV вв.;

Второе: над входом в мавзолей вставлен камень (Илл. 13) со следующим текстом:

زر حيهم ينفع و الموتى تنفعهم و لم تخبر علاهم بالزيارات
قد جُدِّدَ هذه القبة سنة ١٣٤٣ باعانة الحاج علي بن عبد الله

Перевод: *Посетишь живого из них, сам получишь пользу, [посетив] усопших принесешь им пользу, ежели никому не станешь сообщать о посещениях [твоих]. Обновлен этот мавзолей при содействии хаджия ʻАли, сына ʻАбдуллаха, в 1343 году.*

Дата соответствует 1924-25 г.

Следует констатировать, что надписи не позволили определить время смерти захороненного шейха. В подобных случаях весьма полезно изучение надмогильных стел, расположенных рядом. Они могут помочь в датировке, поскольку практика показывает, что зачастую в один и тот же период захоронения производятся на одном и том же участке кладбища.

Рядом с мавзолеем имеется подковообразное в сечении надгробие, содержащее врезную куфическую надпись и декоративные элементы. Оно хорошо обработано и имеет следующие размеры: В. – 68 см; Ш. – 67 см; Т. – 7 см. (Илл. 14)

Надпись:

الملك لله[الواحد القهار]

Перевод: *Вся власть [в тот день] принадлежит Аллаху, [Единому, Могущественному].*

Судя по орнаментировке, тексту и шрифту надписи, данную могильную стелу следует датировать в пределах XIV–XV вв.

На этом же кладбище выявлен интересный образец. Это стела, выполненная из одного камня, но с двумя «головами» (Илл. 15). Она орнаментирована с двух сторон, содержит на себе изображения людей, животных, оружия, в том числе огнестрельного. Комплекс изображений можно интерпретировать как сцены охоты. Размеры: В. – 158 см; Ш. макс. – 49 см; Т. – 19 см. Из текста надписи следует, что в данном месте захоронены отец и сын.

Надпись:

صاحب هذا الحجر ابو بكر بن علي عفى الله و شريك القبر ابنه سلطان محمود غفر
الله له

Перевод: *Владелец этого камня Абубакр, сын ʻАли, да простит их обоих Аллах. А рядом с ним (букв.: сотоварищ в могиле) – его сын Султан Махмуд, да простит его Аллах.*

Памятники в сел. Кунки

Эпиграфические надписи на мечети в с. Кунки.

Текст на камне, расположенном ниже (Илл. 16):

قد بنى هذا مسجد الجامع سنة ١٣١٣ ابراهيم و حداد ابني حاجى بكي تبغي و حاج بن ابراهيم ورمضان بن علي و رمضان بن علي و محمد بن محمود و محمد بن رمضان كلهم تبغيون باعانة مخد (محمد؟) بن الدار

Перевод: *Эту пятничную (соборную) мечеть в 1313[6] году построили Ибрахим и Хаддад, сыновья Хаджибека из Тпига (Тбиги), а также Хаджи, сын Ибрахима, Рамадан, сын ʻАли, Рамадан, сын ʻАли[7], Мухаммад, сын Махмуда и Мухаммад, сын Рамадана. Все они из Тпига. [Строительство осуществлено] при помощи Махада (Мухаммада?), сына Илдара.*

Рельефный текст верхнего камня (Илл. 17):

ففي هذه ٦١ شهر من محرم في هذه السنة ١٣٤٥ قد وقع تجديد وبناء المدرية والحجرية بايدي البنائين أبكر بن قربان الزرهكري و شعبان بن مرتضى علي القنقي و كان لهما ناصرون نك بن ربدان و علي بن رجب بن ربدان و احمد بن محمد القنقي بجعل الاحجار بالآت الجدار وباعانة ربدان بن شيخ احمد القنقي و بقيمة من إلدار بن رجب القنقي. كاتب الحروف عليبك بن اسماعيل بن محمد القنقي, و اما نوادرهما بالنوبة فجماعة قنقية.

Перевод: *16 числа месяца мухаррам 1345 года по хиджре[8] были произведены реставрационные и каменные строительные работы руками мастеров-строителей Абакара, сына Курбана аз-Зирихкири (аз-Зирихкирани?) и Шаʻбана, сына Муртадаали ал-Кунки. Помощниками им были Никка, сын Рабадана, ʻАли, сын Раджаба, сына Рабадана и Ахмад, сын Мухаммада ал-Кунки, обрабатывавшие камни при помощи инструментов. А также при содействии Рабадана(?), сына Шейх-Ахмада ал-Кунки, и на средства Илдара, сына Раджаба ал-Кунки. Автор этих строк ʻАлибек, сын Исмаʻила, сына Мухаммада ал-Кунки. А остальные работы по очереди выполнялись всем кункинским джамаатом.*

Текст на камне в стене мечети (Илл. 18):

قد بنى هذا المسجد كوت (كوتر؟) ابن علي رجاء لثواب الاخرة و خوفًا من عقاب الله
التاريخ الف ثلاث و ستين سنة من هجرة نبينا المختار صلّى الله تعالى عليه و سلّم

Перевод: *Эту мечеть построил Кавтар (К.в.т.?), сын ʻАли, в надежде получить воздаяние на том свете и в страхе (боязни) перед карой [Аллаха]. Дата тысяча шестьдесят третий году по хиджре нашего избранного пророка, да благословит его Аллах и приветствует.*

6 Дата 1313 г.х. (1895-96 г.) высечена в левом нижнем углу и с трудом поддается прочтению.

7 *«Рамадан, сын ʻАли»* указано дважды.

8 Соответствует 27 июля 1926 г.

Дата соответствует 1653 г.

На окраине села расположен балочный мост традиционной для Дагестана конструкции. Чтобы уменьшить пролет моста, верхнюю часть опор складывают из горизонтально расположенных бревен, где каждый последующий верхний слой устанавливается из более длинных бревен. Нижней частью опор служат скальное основание и каменная кладка (Илл. 19). В опору кункинского моста вставлен камень с рельефным арабским текстом (Илл. 20):

قد جدد هذا القنطرة
احمد بن حسان لاجل الله
غفر الله له في هذه سنة ١٣٤٦/١٩٠٧

Перевод: *Этот мост отреставрировал (букв.: обновил) Ахмад, сын Хасана, да простит его Аллах, ради Аллаха в этом 1346/1907 году*.

Следует отметить, что мосты подобной конструкции сохранились в селениях Джули, Корода, Камилух. Из разных источников нам известно о том, что они существовали в селах Чирката, Ашильта, а также в Рутульском и Цунтинском районах. Данный список не является исчерпывающим.

Каменный столб, прямоугольный в сечении, орнаментированный с одной стороны. Размеры: В. – 290 см.; стороны – 24,5 см (лицевая, с орнаментикой) × 17 см × 24 см × 17 см. (Илл. 21)

Подобные стелы, как правило, устанавливаются в качестве важных межевых знаков, или они могут обозначать место народного сбора общинного уровня или, чаще, союза общин. Исходя из того, что памятник стоит практически на окраине села, вдали от границ, и на довольно обширной площадке, то первую версию можно исключить, а вторую считать довольно уместной.

Предание же гласит, что данный столб был установлен одним из правителей Гази-Гумука в качестве указания о необходимости уплаты податей и содержал клятву кункинцев о ежегодных выплатах. Местные жители, недовольные существующим положением, решили уничтожить данную запись, чтобы с течением времени упоминания об этом не сохранилось. Сделать это было поручено слепому кункинцу. Посаженный на плечи, он с помощью молотка и зубила по подсказкам сбил текст. Вскоре сборщики податей обнаружили исчезновение надписи и стали искать виновного. Каждый кункинец должен был поклясться, что он этого не делал. Они поклялись, а слепого не стали в этом утруждать. Другая вариация легенды гласит, что подать следовало вносить вплоть до исчезновения надписи. Поэтому она и была сбита слепым жителем Кунки.

По иной версии история завершается иначе. Когда сборщики прибыли, кункинцы им указали на то, что они не обязаны выплачивать подать. При ссылке на запись, местные жители ответили, де таковой нет, и не было никогда.

Следует отметить, что фольклорные сюжеты о сбитом тексте, актирующем подати, довольно распространены. Например, А.Р. Шихсаидов приводит

предание о жителях одного из ахтынских кварталов, уничтоживших запись на камне, где были зафиксированы их подати [3, с. 141–142].

В литературе, наряду с указанной, встречаются и иные версии. Кункинец М.Р. Курбанов пишет следующее: «Вблизи села, в местечке *Бирдисе* («*Гъилкъанисаб*»), и по сей день стоит красивая высокая стела – камень. Некоторые шуточные лакские предания гласят, что этот камень служил знаком ежегодной подати казикумухскому хану, которая взималась натурой с каждого кункинского, аштынского дома. Другие утверждают, что он указывает на мирный договор кункинцев с лакцами, живущими выше по реке. Камень являлся как бы напоминанием о мире. В народной памяти сохранились и другие предания, связанные с этой стелой, – будто она установлена в честь героев, совершивших подвиги в борьбе с врагами-пришельцами» [4, с. 14].

Другое предание гласит, что данная стела установлена на месте сражения Сурхай-хана со своими кузенами за престол Гази-Гумука. Косвенное подтверждение этому мы встречаем в работе А. Комарова. Он пишет, что это известное событие происходило в районе Аштынского, соседствующем Кунки [5, с. 7–8].

В обоснование данной версии местные предания указывают на «капли крови», изображенные на стеле. На лицевой стороне стелы действительно имеются два каплевидных медальона.

Проанализировав предания, мы можем констатировать, что данная стела связана с правителями Гази-Гумука и, вероятно, с податями, которые выплачивались кункинцами. Вопрос в том, что именно стела символизировала – необходимость уплаты или освобождение от нее. Если исходить из первого варианта, то столб мог быть установлен шамхалом Ильдаром в 1625 или 1626 г. Данное предположение основано на том, что именно в указанное время Ильдар-шамхал побывал в соседнем Худуце и оставил запись о том, что в виду существующей традиции, не будет взимать подать с местного джамаата. Наличие данной записи (подробнее о ней ниже) свидетельствует о том, что вопрос налогообложения был важной составляющей визита правящей особы. Естественно, на него было обращено внимание и по прибытии в Кунки. При этом следует указать, что о факте выплат кункинцами податей шамхалам, а впоследствии ханам из Кумуха, известно.

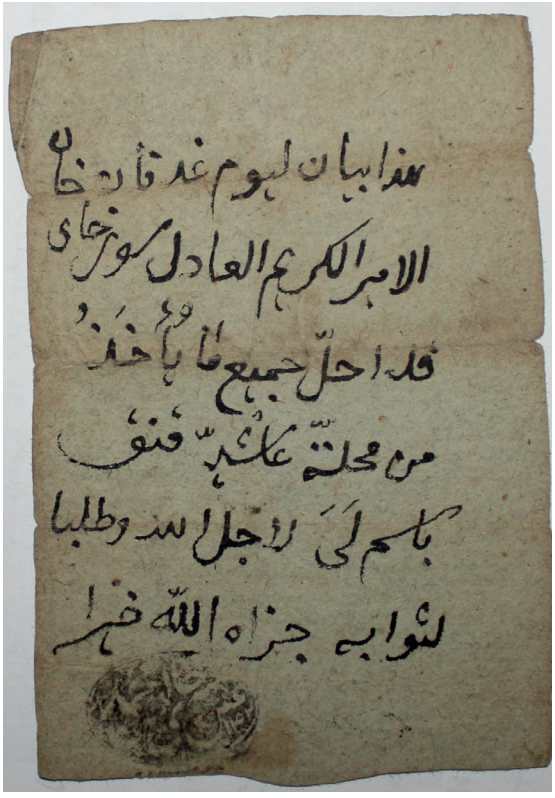
Если исходить из второго варианта, – что стела символизировала освобождение от налогов, то она могла быть установлена в самом начале XVIII в. в период правления Сурхай-хана Чолака. Предположение основано на том, что в литературе упоминается о «копии акта», которым «эмир Сурхай, сын Гирая» (т.е. Чолак-Сурхай) отказывается от подати «*лай*» (подразумевается подать натурой – доставкой дров, полевыми работами и т.д. – авт.), который до того брали с «махаллат Аштынского-Кунки» [6, с. 15].

О причинах щедрости Сурхай-хана не указывается, но имеется предание о том, что он в период борьбы за трон со своими кузенами уехал на данную территорию. Родственники прибыли в Кунки для того, чтобы он отказался от притязаний на трон, но в итоге все свелось к сабельным дуэлям с кузенами,

которых он победил. Якобы, в этот период кункинцы оказали ему гостеприимство, несмотря на последствия, которые могли их ожидать в случае неблагоприятного исхода для Сурхая.

Нам удалось вывить интересный документ (см. фото в тексте). Он весьма схож по содержанию с упоминаемым выше, но является оригиналом[9]. Он хранится в коллекции ʻАли ал-Гумуки (Каяева) и гласит: *«Это разъяснение на будущее. Благородный и справедливый правитель (ал-амир) Сурхай-хан, освободил всех [жителей] провинции (махалла) Аштынкунки от выплаты подати, именуемой “лая”, ради Всевышнего Аллаха и с надеждой на Его воздаяние. Да воздаст Аллах ему благом!»*. Акт заверен печатью с легендой *«Сурхай, сын Мухаммада. 1241[10] год»*. Дата соответствует 1825-26 г., а печать свидетельствует, что документ издан Сурхай-ханом по прозвищу Кунбуттай, а не его дедом Сурхай-ханом, именовавшимся Чолак.

Есть возможность понимать так, что или оба хана по имени Сурхай с разницей в более чем столетие освободили кункинцев от «*лая*», или, копируя документ, переписчики не обратили внимание на печать, и ассоциировали имя «Сурхай-хан» с более известным его носителем Чолаком. Переписчик самовольно приписал «сын Гирая» к имени «Сурхай», и, таким образом, невольно удревнил документ.

Есть еще один вариант, к которому мы склоняемся как к наиболее вероятному. Возможно, Сурхай-хан Кунбуттай своим актом удостоверял, что его дедом Сурхай-ханом Чолаком кункинцы были освобождены от подати.

Выше упоминалось, что на одной из сторон стелы высечены два каплевидных медальона. Кроме них там же располагаются круглый медальон и рельефные вертикальные вьюнки растительного орнамента. Интересно, что мастер не доделал стелу. Над верхним каплевидным медальоном сохранилась разметка. Если судить по левой ее части, то при доведении работы до конца в самом верху должно было получиться подобие «шамхальской розетки», повсеместно изображаемой на могильных стелах членов династии шамхалов. Исходя из другой части разметки, в итоге должно было получиться стилизованное изображение дерева, весьма характерное для местной традиции, впрочем, как и иные орнаментальные элементы стелы.

9 Авторы благодарят И.А. Каяева любезно предоставившего документ.
10 Цифры записаны слева направо.

Эпиграфические памятники сел. Ашты

Селение Ашты известно историкам, прежде всего, по примечательной надписи, содержащейся на плите (размеры: Ш. – 194 см; В. – 31-33 см), вделанной в стену мечети (Илл. 22). Прорисовка части текста с переводом на русский язык была опубликована Л.И. Лавровым [7, с. 217]. Позднее А.Р. Шихсаидов издал фото, чтение и перевод текста [8, с. 373–377]. Мы позволим себе уточнить чтение:

١) بسم الله الرحمن الرحيم انما يعمر مساجد الله من آمن بالله واليوم الاخر وأقام الصلاة وأتى) الزكاة ولم يخش (٢) الا الله فعسى اولئك ان يكونوا من المهتدين.إِنَّما الدُنيا كَظِلٍ زائِل او كَضَيفٍ باتَ لَيلاً فَارتَحَل أوكنوم (كَطيفٍ) قَد يَراهُ نائِمٌ فاذا ما ذهب اليل كان ... (3) قد بنا هذ المسجد بزژ شمخل ابن تز باذن العسكر للرجال زره كراني اذا اسلموا من الكفر ليس عليهم خراج ولا هدية قدر البيضة (٤) باذن الامير و اخيه بغدي رحمة [الله عليهما] و يسدن زنغي و ملچ و اخمى و شمسدغ و يوسف و باذن قاضي كريم بن محمد ليس عليهم خراج ولا قائد ابدا (٥) و كتب هذ حاج عمربشهادة علي لغچ و خطيب ادريس و قسمةالملك معهم لحاج عمر ثم الرجال وباقي ينته ادريس بحضور المسلمين الى ابد الابدين

Перевод:

Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного. Только тот может попечительствовать мечетям Аллаха, кто уверовал в Него и в день Судный, кто совершает молитву, вносит закат и не боится никого, кроме Аллаха. Да будут они на пути верном[11]. Воистину, мир этот подобен исчезающей тени, или гостю, что проводит ночь и уходит восвояси. Или же [он] подобен грезам, что снятся человеку, и с уходом ночи превращаются ….[12]. Эту мечеть построил Базац(ж)[13]-шамхал, сын Таза, с согласия войска (аскар) для людей зирихгеранских (Зирихкирани), когда те перешли в ислам из неверия. Не полагается им [впредь] выплачивать харадж и [не налагается] подношений даже размером с одно яйцо, – [это] с позволения правителя (ал-амир) и его брата Бугдая, да помилует их Аллах, [и с позволения] Йасдана, Зангая, Малачи, Ахмая, Шамасадага (Шамсудага, Шамсадаг?), Йусуфа, а также с позволения кадия (кади) Карима, сына Мухаммада. [Впредь] не будет на них [возложен] харадж и не будет управителя [над ними]. Записал это Хаджи ‘Умар при свидетельстве ‘Али Лагуча (Л.г.ч) и проповедника (хатиб) Идриса. А распределить мулк следует Хаджи ‘Умару вместе [с упомянутыми] людьми, затем жителям [Зирихгерана], а остальное завершает Идрис в присутствии мусульман, [и да будет так] навеки вечные.

11 Коран, 9:18. Перевод М.-Н. Османова [1, с. 287].

12 Авторство этих стихов приписываются четвертому халифу Али б. Абу Талибу.

13 Считаем возможным чтение с окончанием имени на букву «ж». Дело в том, что «ра» с тремя точками сверху традиционно используется в Дагестане для обозначения фонемы «ц», но в персидском аджаме данная литера обозначает «ж». Известен текст данного периода, когда «ц» или «цI» передан через «ра» с тремя точками снизу. См. ниже.

Есть высокая доля вероятности, что данная запись относится к третьей четверти XIV в. По крайней мере в Худуце имеется надпись, сделанная Хаджи Умаром в 765 г.х. (1364 г.). Подробнее см. ниже.

А.Р. Шихсаидовым, кроме вышеприведенного памятника, были опубликованы (фото, чтение, перевод) двух аштынских надгробий. Они датированы 774 г.х. (Илл. 23) и месяцем джумада ал-ахир 877 г.х. (Илл. 24), что соответствует 1372-73 г. и ноябрю 1472 г. [8, с. 90–93, рис. 34, 35; 9, с. 40, табл. VII, № 740; 10, с. 100, рис. 134; 11, с. 502, рис. 159]. Отрадно, что данные памятники сохранились. Первый из них[14] прислонен к ограждению части сельского кладбища, которое находится ниже дороги на Дирбакмахи; другой[15] – внутри указанной части могильника. Там же находится *зийарат* Ахмад-шейха, по прозвищу Турабу-л-акдам, который покоится в подвальном помещении недавно выстроенного, вместо старого, здания. Надмогильная плита Ахмад-шейха, обломанная по горизонтали, имеет следующие размеры: В. – 41 см; Ш. – 38 см; Т. – 6 см. Стела орнаментирована, в том числе ее торцы (Илл. №25, 26, 27). Она сделана из белого камня, который в округе не встречается.

Сохранилась часть надписи:

صاحب هذا القبر...

Перевод: *Владелец этой могилы ... .*

Текст по краю:

[تَفَرَّدَ بِالجَلالِ]وَبِالبَقاءوَسَوّى المَوتَ بَينَ الخَلقِ طُرّاوَكُلُّهُمُ رَهائِنُ لِلفَناءِ

Перевод: *[Он (Аллах) бесподобный] в своем величии, Уравнял Он все свои творения перед [ликом] смерти. И все они заложники небытия.*

К сожалению, на плите нет сведений, которые позволили бы определить дату кончины шейха. При этом следует отметить, что это должно было произойти после месяца ша‘бан 960 г.х. (июль-август 1553 г.). Именно в это время упоминается в одной из рукописей в качестве свидетеля зирихгеранский[16] «Пыль от стоп Ахмед (т.е. *Турабу-л-акдам* – авт.), по прозвищу ал-Кади» [12, с. 147-151]. Науке также известны переписанные им рукописи «в Зирихгеране ...в 954 г.х.» (1537-38 г.), и в неизвестном месте в 944 г.х. (1547-48 г.), где он обозначен соответственно как «Ахмад по прозвищу ал-Кади» и «наш господин, прах его стоп (т.е. *Турабу-л-акдам* – авт.) – Ахмад, титулованный кадий». [13, с. 22; 14, с. 57].

Соседствующая с захоронением Ахмад-шейха плита богато орнаментирована, но не содержит надписей (Илл. 28). Размеры стелы: В. – минимум 120 см;

14 Размеры трапециевидной плиты: В. – 70 см; Ш. с. – 80 см; Т. – 5 см. Правый верхний угол отколот. Плита установлена у ограды кладбища.

15 Размеры трапециевидной плиты: В. – 105 см; Ш. н. – 85 см; Ш. в. – 92 см; Т. – 7 см.

16 Мы привыкли однозначно отождествлять Зирихгеран с Кубачи, но изучение письменных источников показывает, что зачастую (или в то же время) под Зирихгераном понимается Аштынский.

Ш. н. – 70 см; Ш. в. – 75 см; Т. – 7–8 см. По орнаментировке ее можно отнести к XVI в. Данная датировка косвенно подтверждается другой плитой, которая имеет идентичные элементы орнаментировки и несет на себе время захоронения. Размеры: В. – 74 см; Ш. н. – 53 см; Ш. в. – 56 см; Т. – 7 см. (Илл. 29)

Надпись:

هذا قبر المرحوم المقتول الغريب الشهيد المريد الكامل للشيخ تراب الاقدام المسمى بمحمد بيك بن يحي الشرواني الاصل
في تاريخ الهجرة النبوية سنة ثمان و خمسين و تسعماية

Перевод:

Это могила покойного чужеземца, павшего шахидом, совершенного мюрида шайха Турабу-л-акдама[17], и имя ему Мухаммад-бек, сын Йахйи, происходящий из Ширвана (аш-Ширвани), с даты хиджры пророка девятьсот пятьдесят восьмой [год].

Дата соответствует 1551 г.

Надмогильный камень не стоит на месте первоначальной установки. Он встроен в ограду аштынского кладбища, невдалеке от могилы шейха Ахмада аз-Зирихкирани (Зирихгеранского), являвшегося наставником ширванца. Данный памятник способствует датировке периода жизни и деятельности известного в округе шейха. Кроме того, содержание текста демонстрирует тесные религиозные контакты Дагестана и Ширвана в XVI в. и раскрывает нюансы религиозно-политической жизни региона.

На аштынском кладбище выявлены и другие примечательные плиты. Частью они находятся на месте первоначальной установки, частью врыты или прислонены к ограждению могильника, встроены в него. Данную традицию мы наблюдаем на многих кладбищах региона. Сделано это для того, чтобы надмогильные стелы не ушли под землю и сохранились, служили украшением кладбища. Имеется и практическая составляющая – уменьшение затрат материала на сооружение ограды.

Трапециевидная плита с горизонтальным верхом, богато орнаментированная, с эпиграфической лентой.

Размеры: В. – 108 см; Ш. в центре плиты – 85 см; Ш. в. – 100 см; Т. – 6–8 см. (Илл. 30). Датированная плита, 902 г.х / 1496-97 г.

Текст:

أفضل الفضلاء و افصح الفصحاء قائد الفقهاء جمال الدار الدنيا فخر الاسلام و المسلمين...
محمد بن احمد بن عبد الرحمن ... اسكنه ... بحرمة ... في اثنى عشر من شهر المبارك
جمادى الآخر سنة اثنى و تسعماية من هجرة النبي عليه افضل الصلاة و السلام

17 *Лакаб* (почетное прозвище) шейха Ахмада аз-Зирихкирани (букв.: «Пыль из-под ног [шайхов]»).

Перевод: *[Умер….] самый превосходный и красноречивый, предводитель правоведов, являвший собой красоту сего мира и гордость ислама, а также всех мусульман, Мухаммад, сын Ахмада, сына ʻАбдуррахмана <…>*[18]*, да поселит его Аллах [в раю] ради почтения … и простит его, десятого числа благословенного месяца джумада ал-ахир девятьсот второго года по хиджре избранного пророка, да пребудут с ним мир и благословение [Аллаха].*

Датировка соответствует 13(22) февраля 1497 г.

Плита трапециевидной формы, несущая на себе все элементы стел уцмийского стиля, за исключением фигурного верха, и замены эпиграфической ленты на орнаментальную (Илл. 31). Размеры: В. – 130 см; Ш. н. – 77 см; Ш. в. – 88 см; Т. – 5 см.

На этой стеле имеется врезная надпись на выступе, обрамляющем центральное поле:

صاحب هذا اللبن احمد بن خسبلت غفر الله لهم

Перевод: *Владелец этой плиты*[19] *Ахмад, сын Хасбулата, да простит их Аллах.*

Две прямоугольные плиты, расположенные рядом. Размеры первой:

В. – 164 см; Ш. – 57 см; Т. – 14 см. Размеры второй: В. – 150 см; Ш. н. – 104 см; Ш. в. – 106 см; Т. – 10 см. Верхние углы второй стелы скошены.

(Илл. 32). Надписей на стелах нет.

Две трапециевидные плиты, расположенные рядом. (Илл. 33) Размеры первой: В. – 160 см; Ш. н. – 70 см; Ш. в. – 84 см; Т. – 11 см. Размеры второй: В. – 86 см; Ш. н. – 34 см; Ш. в. – 48 см; Т. – 9 см. (Илл. 34). [20] На последней имеется надпись:صاحب هذ القبر كجز بنت يكْبز رحمة الله عليهم اجمعين

Перевод: *Владелец этой могилы Каджаз (К.дж.з.), дочь Йакбаза (Й.к.б.з.), да будет с ними всеми милость Аллаха.*

Обломанная трапециевидная стела, прислоненная к ограде кладбища (Илл. 35). Размеры: В. – 90 см; Ш. н. – 59 см; Ш. в. – 45 см; Т. – 6 см. По периметру высечена рельефная надпись, с выраженным суфийским мотивом:

حقيقة المحبة ان تهب كلك لمحبوبك ولا يبقى لك منك شيء فيذوب....و لسانك في ذكره و قلبك في تذكر جلاله و جماله

Перевод: *Суть любви заключается в том, что ты отдаешь себя целиком Тому, Кого ты возлюбил, не оставив себе ничего от себя…, а язык твой занят Его поминанием, а сердце созерцанием Его величия и красоты*[21].

18 В данном месте указана нисба, которая имеет в своем начале буквы С.Р.В.

19 Использован редкий термин «*либн*» – плита. Обычно используются «*кабр*» – могила, «*хаджар*» – камень, реже «*макъбар*» – захоронение.

20 В имени *Й.к.б.з.* над буквой «*Кяф*» проставлены три точки. Полагаем таким образом могли быть переданы буквы «*КI*» или, что менее вероятно, – «*Хъ*», отсутствующие в арабском алфавите.

21 Эти стихи приписываются нескольким авторам: Ахмаду ал-Кураши, Умару ас-Сухраварди и Джа-

Прямоугольная в профиль орнаментированная плита с откосами по верхним углам, установленная у ограды могильника. Размеры: В. – 78 см; Ш. н. – 70 см; Ш. в. – 71 см; Т. – 9 см. (Илл. 36). Имеется рельефная надпись, выполненная цветущим куфи:

الملك لله الواحد القهار
الموت كأس و كل ناس شاربه
القبر باب و كل...

Перевод:

Вся власть [в тот день] принадлежит Аллаху, Единому, Могущественному. Смерть – чаша, каждый выпьет её. Могила – дверь, каждый [войдет в неё].

Трапециевидная с горизонтальным верхом орнаментированная плита, установленная у ограды могильника. (Илл. 37, 38). В центре орнаментальной композиции стилизованное дерево с раскидистой кроной. Размеры: В. – 77 см; Ш. н. – 85 см; Ш. в. – 88 см; Т. – 10 см.

По периметру имеется частично читаемая рельефная надпись: لا اله الا الله ....

Перевод: *Нет Бога, кроме Аллаха ...*

Орнаментированная трапециевидная плита с горизонтальным верхом и отсеченными верхними углами. (Илл. 39). Размеры: В. – 110 см; Ш. н. – 70 см; Ш. в. – 78 см; Т. – 12 см. На выступе, обрамляющем центральную розетку, процарапана надпись:

صاحب هذا القبر ملد ابن اخلد رحمة الله عليهما

Перевод: *Владелец этой могилы М.л.д. (Малда?), сын А.х.л.д., да будет с ними милость Аллаха.*

Трапециевидная стела с эпиграфической лентой, на которой читается распространенное выражение «*Смерть – истина, а жизнь – обман*». (Илл. 40). Памятник ныне располагается у ограды могильника. Размеры: В. – 88 см; Ш. н. – 80 см; Ш. в. – 83 см; Т. – 8 см.

Эпиграфические памятники сел. Худуц

Автомобильная дорога, проходящая через сел. Худуц, делит местное кладбище на две части. В расположенной ниже по склону, имеются древние захоронения с искусно выполненными надгробиями, содержащими эпитафии.

лал ад-дину Руми.

1. Трапециевидная орнаментированная стела, по форме относимая нами к предуцмийскому стилю [15, с. 87–89]. Размеры: В. – 71 см; Ш. н. – 68 см; Ш. в. – 73 см; Т. – 10 см. (Илл. 41)

На выступ розетки в центральной части нанесена врезная надпись почерком насх.

Текст:

صاحب هذا القبر حبيبت بنت عمر رحمة الله عليهم

Перевод: *Владелец (sic!) этой могилы Хабибат, дочь ʻУмара, да будет с ними милость Аллаха*.

Визуально памятник датируется XV в.

2. Трапециевидная стела с эпиграфической полосой «*Смерть – истина, а жизнь обман*», выполненной цветущим куфи. Размеры: В. – 93 см; Ш. н. – 93 см; Ш. в. – 100 см; Т. – 5 см. (Илл. 42).

Текст:

صاحب هذا القبر محمد ابن محمود
رحمة الله عليهم أجمعين
كم من شاب قد سبقها موت وشيخ باق
الموت كأس و كل الناس شاربه
والقبر باب و كل الناس داخله

Перевод: *Владелец этой могилы Мухаммад, сын Махмуда, да помилует их всех Аллах. Смерть – чаша, каждый выпьет её. Могила – дверь, каждый войдет в неё.*

3. Трапециевидная орнаментированная с лицевой стороны плита с прямым верхом и скошенными углами. По периметру выполнена имитация эпиграфической полосы. Размеры: В. – 108 см; Ш. н. – 67 см; Ш. в. – 80 см; Т. – 10 см. (Илл. 43)

Текст, врезанный на выступе центральной розетки, выполненной в форме дерева:

صاحب هذا القبر يسن ابن محمود
رحمة الله [عليهما] اجمعين

Перевод: Владелец этой могилы *Йасин, сын Махмуда. Да помилует [их] Аллах.*

4. Трапециевидная орнаментированная стела, по форме относимая нами к предуцмийскому стилю. Находится не на месте первоначальной установки. Видимо, памятник был обломан у основания. В настоящее время вставлен в ограждение кладбища. Размеры: В. – 100 см; Ш. н. – 98 см; Ш. в. – 107 см; Т. – 11 см. (Илл. 44)

На плите имеется врезная надпись почерком насх:

صاحب هذا القبر احمد بن عمر

Перевод: *Владелец этой могилы Ахмад, сын ʻУмара.*

Памятник может быть датирован XV в.

На кладбище имеется плита, выполненная в указанном стиле и имеющая аналогичные размеры: В. – 92 см; Ш. н. – 98 см; Ш. в. – 106 см; Т. – 8 см. Она орнаментирована с лицевой стороны, но надписей не содержит (Илл. 45).

5. Трапециевидная стела с оригинальной орнаментальной композицией. Размеры: В. – 95 см; Ш. н. – 74 см; Ш. в. – 92 см; Т. – 11 см. (Илл. 46). Подобные стелы имеются на кладбище в сел. Шири [16, с. 118–119] (Илл. 47, 48). По композиции с данной плитой схож памятник с кубачинского кладбища «*Бидахъ хуппе*», датируемый 1438 г. [11, с. 500].

На плите процарапан текст айата «ал-Курсий», причем выведены контуры куфических букв. Видимо, в последующем должна была быть произведена выемка фона, чтобы надпись получилась рельефной. На плиту куфическим стилем нанесена «*шахада*», имеются надписи, выполненные насхом, но с элементами куфи. На памятник нанесено имя, которое можно прочитать как *Варфуш*.

Верхний предел датировки данной стелы – это самое начало XV в., но скорее она относится к концу XIV в.

6. Прямоугольная плита с незначительной трапециевидностью. Из орнаментировки имеется только двойная рамка, в которую вписан врезной текст классическим куфи. Размеры: В. – 74 см; Ш. н. – 40 см; Ш. в. – 44 см; Т. – 6 см. (Илл. 49)

Текст:

الملك لله الواحد القهار
ابن حسن ر ف رخ ...
رحـ [مة] الله عليه

Перевод: *Вся власть [в тот день] принадлежит Аллаху, Единому, Могущественному. ..., сын Хасана Р.ф.р.х. (Рафрух?), да будет с ним милость Аллаха.*

7. Трапециевидная плита, оформленная по периметру двойной рамкой. Размеры: В. – 52 см; Ш. н. – 73 см; Ш. в. – 85 см; Т. – 11 см. (Илл. 50). На центральном поле имеется куфическая надпись.

Текст:

(الموت) حق
لااله الا الله

Перевод: [Смерть] – истина ...
Нет Бога, кроме Аллаха.

Также на данном участке кладбища имеются несколько стел с остатками надписей почерком куфи, или без надписей, но по своим формам и орнаментировке, датируемые в пределах XIV–XV вв.

Эпиграфика Худуца представлена не только надписями на надгробиях, но и иными типами текстов – в частности строительной надписью. В стену возвышающегося над селением минарета вставлен камень, имеющий следующие размеры: В. – 31 см, Ш. – 37 см. (Илл. 51).

Текст выведен контурами букв, и гласит[22]:

قد بنا هذه المنارة علي بن عج لاجل الله غفر الله له و لمن دعا له و اعانه. سنة سبع ماية و خمس و ستين سنة من هجرة النبي و كتبه حاج عمر

Перевод: *Этот минарет построил ʻАли, сын ʻАджа, ради Аллаха. Да простит его Аллах, а также тех, кто произнес молитву за него, и за тех, кто ему помогал. Год[23] семьсот шестьдесят пятый хиджры Пророка. Записал [этот текст] Хаджи ʻУмар.*

Учитывая, что 765 г.х. начался глубокой осенью 1363 г., а строительные работы в горах стараются вести в более благоприятные сезоны, то первоначальное возведение упоминаемого строения следует отнести к 1364 г.

Ниже указанного камня в стену вставлен другой (размеры: В. – 22 см, Ш. – 72 см.), на который нанесен следующий текст (Илл. 52).:

(١) بسم الله الرحمن الرحيم و ان المساجد لله فلا تدع مع الله احدا كتب هذ الحجر لاجل اعطاي
ز قد جاء اهل انجبك واحد قبص و موسى و قبا و لقمان الىاهل الغميق قرية تسمى (٢) خديـ
غميق بعد ذلك و دعا ايوب و قاضي الرجا خليفة و جاؤا (٣) الى غميق و اجتمعوا اهل غميق
ز[24] برضاي اهل غميق و كتب هذا الكتاب بحضور كلهم في المحفل و اعطى كلهم اهل قرية خديـ
(٤)شمخال اخسبار و كبرائهم و شهدوا على هذ الكتاب برسمهم بيت مليج و بيت بغتار و بيت
ـپان[25] و بيت بد خوسر و من انجبك قبص (٥) و موسى و لقمان و من اهل الرجا خليفة و علي شـ
بدلي و صبزن و كتب ايوب بن مزيد فلا دعوى و لا خصومة و دية اهل انجبك دية اهل غميق
يكون من(٦) الخير و الشر بعضهم بعضا بمثل لاخ قد اعطى اهل قرية خديز و مرافقهم و حقولهم
ز قد اعطى (٧) لاهل قرية انجبك و غير و جبالهم و غيظهم و كل شيء متعلق لحد قرية خديـ
اهلها لايكون لهم فيها الاباذن انجبك سنة سبع ماية و ثمان عشر من هجرة النبي صلى الله عليه و سلم
كتب هذ الجحر قبص رحم الله (٨) و لواديه و لجميع المسلمين

Перевод:

(1) Именем Аллаха Милостивого и Милосердного. Принадлежат Аллаху места моления. Поэтому не поклоняйтесь наряду со Всевышним никому.[26]

22 Ранее текст был опубликован А.Р. Шихсаидовым [8, с. 88–89]. Мы уточняем чтение и перевод.

23 Слово «*год*» указано дважды.

24 Здесь и далее в наименовании Худейц (современное сел. Худуц) под буквой «за» дополнительно проставлены три точки для передачи отсутствующего в арабском языке фонемы «*ц*» или «*цI*».

25 Для передачи буквы «ч», отсутствующей в арабском алфавите, использована буква «*Шин*» с дополнительно проставленными тремя точками снизу. Буква «*П*» передана в соответствии с персидским алфавитом.

26 Коран, 72:18. Перевод М.-Н. Османова [1, с. 889].

Эта запись на камне была сделана (букв.: камень был написан) в связи с тем, что жители Гумика[27] отдали селение под названием (2) Худейц[28]. Из жителей Анджибека[29] пришел некий Кубаса, [а также] Муса, Куба (К.б.) и Лукман. После чего он (Кубаса) позвал Айуба и кадия Ричи[30] Халифа, и они пришли (3) в Гумик. Все без исключения жители Гумика собрались вместе (в месте для собрания), и все они передали (вар.: отдали) селение Худейц с согласия всех жителей Гумика. Текст этот был составлен в присутствии (4) шамхала Ахсибара (А.х.с.б.р.) и их почтенных лиц, и этот текст своими подписями, согласно обычаю, засвидетельствовали дом Малиджа, дом Багатара (Б.г.т.р.), дом ʻАли Чупана и дом Буда Хуср(у) (Б.д. Х.с.р.). Из жителей Анджибека [засвидетельствовали] Кубаса (5), Муса и Лукман, а из жителей Рича - Халифа, Будалай и Сабзан (С.б.з.н.). А Айуб записал, что нет [далее] никаких тяжб и претензий и, что дийат жителей Анджибека является таким же [по стоимости], как и жителей Гумика, и, что они (6) в радости и в горести будут вместе как братья (букв.: подобно брату). Селение Худейц, а также все их окрестности, их пашни, их горы, их леса и все, что находится в пределах селения Худейц, передали жителям (7) селения Анджибек, и никто другой не имеет на них право без разрешения [жителей] Анджибека в семьсот восемнадцатом году хиджры пророка, да благословит его Аллах и приветствует. Запись на этот камень нанес (букв. записал этот камень) Кубаса, да помилует его Аллах, (8) его родителей и всех мусульман.

718 год хиджры соответствует марту 1318 г. – февралю 1319 г.

Перевод текста впервые был опубликован Л.И. Лавровым [7, с. 217]. Впоследствии А.Р. Шихсаидов существенно скорректировал чтение текста и опубликовал его вместе с фотографией надписи. Им же был произведен анализ содержания [9, с. 82–88, 361–362]. Мы уточняем чтение нашего наставника. К изложенному им можно сделать дополнения, которые вкупе с известными преданиями и текстами, выявленными в регионе, дают возможность реконструкции истории образования сел. Ашты.

Недалеко от Кубачи существовало поселение *Анчибачи* (*Анчибачила*). Его жители оказались в затруднительном положении. С одной стороны с ними соседствовали мусульмане, стремившиеся приобщить к исламу местное население, с другой – кубачинцы, воспринимавшие мусульман как врагов и готовые к военному противостоянию.

В создавшихся условиях, под влиянием ли проповедников, или под угрозой возможных негативных последствий, в Анчибачи появляются первые мусульмане. Вероятно, из соображений безопасности мусульмане Анчибачи решают перебраться на новое место жительства. В 1318 г., к слову через

27 Сел. Кумух.
28 Сел. Худуц.
29 Сел. Ашты.
30 Сел. Рича.

12 лет после убийства кубачинцами лидера местных мусульман шейха Хасана из Шири [17, с. 182–185; 16, с. 107–111], представители мусульманской общины Анчибачи во главе с Кубаса при поддержке авторитетных религиозных лидеров Айуба и ричинского кадия Халифа, обращаются в Гумик (Кумух) с просьбой определить им территории для проживания в «дар ал-ислам». Гумикцы (кумухцы) во главе с шамхалом Ахсибаром решают выделить им землю в подвластном им селении Худуц. Так образовалось сел. Аштыы, которое жители Худуца называют Анджибек. Следует подчеркнуть, что переселенцы освобождались от уплаты хараджа и обязались быть в вечном союзе с Гумиком. При этом для закрепления договора, обязательств по нему и во избежание дальнейших разногласий, Кубаса составляет запись и размещает ее в селении Худуц.

Что касается оставшейся части анчибачинцев, то они влились в кубачинскую общину, а частью, возможно, присоединились к своим родственникам позднее.

Через некоторое время, когда шамхалом был Базац(ж), сын Таза, в Аштыы строится мечеть. При этом письменно подтверждается, что на жителей не наложен харадж и им не определен правитель, которого местным жителям следует содержать. Надо полагать, что мусульмане воспринимали ситуацию с анчибачинцами (аштынцами) как исключительный и положительный пример для язычников региона.

Важные вехи – строительство мечети в Аштыы и подтверждение отсутствия наложения хараджа – были зафиксированы письменно неким Хаджи ʻУмаром. Имя записавшего текст помогает с высокой долей вероятности отнести событие к определенному времени. Учитывая, что в Худуце имеется надпись о строительстве минарета в 1364 г., сделанная Хаджи ʻУмаром, то подтверждение отсутствия хараджа следует отнести к третьей четверти XIV в.

Возвращаясь к эпиграфике Худуца, необходимо указать, что немногим выше камня, датированного 718 г.х. (1318-19 г.), в стену вделан еще один (размеры: В. – 12 см, Ш. – 67 см), несущий на себе следующий текст (Илл. 53):

فلما وجد امير الامراء ايلدار شمخال دام ملكه هذ التاريخ من أبآئه الاقدمين و جداده الاكرمين لم يأخذوا شيأ من اهل هذه القرية ترك فلعن على من اخذ. نقشها اشر محمد و حاجي علي سنة ١٠٣٥

Перевод: *Когда правитель всех правителей Илдар-шамхал, да продлится его власть, обнаружил эту историческую запись (та’рих), сохранившуюся от его прежних отцов и благородных дедов, о том, что они ничего не взимали с жителей этого селения, то решил поступить также и проклял того, кто возьмёт [после]. Эту запись нанесли Ашар (А.ш.р.) Мухаммад и Хаджи ʻАли в 1035 году*.

Дата соответствует 1625-26 г. Речь в записи идет об Илдаре, сыне Сурхая, правившем шамхальством вплоть до 1045 г.х. (1635-36 г.). Под «обнаруженной исторической записью» подразумевается известная науке надпись, датированная 718 г.х. (1318-19 г.)[31], где сообщается о передаче, следует понимать, части земель Худуца аштынцам в полную собственность без последующих выплат в период правления шамхала Ахсибара. Интересно, что обе надписи соседствуют в стенах минарета, но если о дарственной грамоте начала XIV в. хорошо известно, то о надписи начала XVII в. в исторической литературе мы сведений не обнаружили. Соответственно не совсем понятно, как она могла ускользнуть от внимания исследователей. Данное обстоятельство служит дополнительным обоснованием того, что при проведении эпиграфических экспедиций необходимо охватывать не только территории, где не бывала нога исследователя, но и населенные пункты, которые считаются изученными эпиграфистами.

31 См. выше.

Илл. 1-4. Стелы амузгинского кладбища

Fig. 1-4. Steles of the Amuzgy cemetery

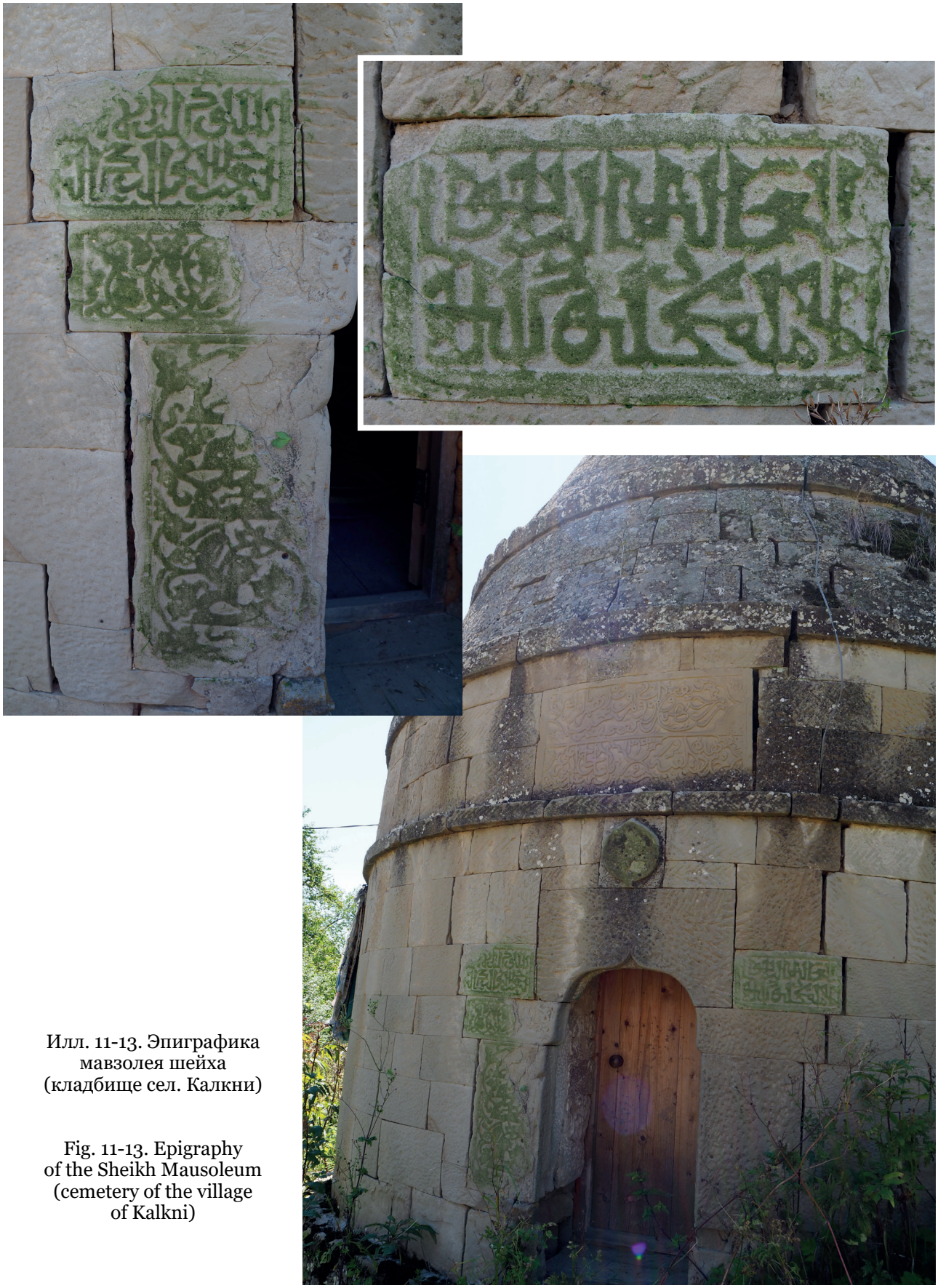
Илл. 5-7. Памятники «Армянского» кладбища в Уркарахе

Fig. 5-7. Monuments of the “Armenian” cemetery in Urkarakh

Илл. 8-10. Надгробия уркарахского кладбища

Fig. 8-10. Tombstones of the Urkarakh cemetery

Илл. 11-13. Эпиграфика мавзолея шейха (кладбище сел. Калкни)

Fig. 11-13. Epigraphy of the Sheikh Mausoleum (cemetery of the village of Kalkni)

Илл. 14. Плита, расположенная у мавзолея шейха в сел. Калкни

Fig. 14. Slab located at the sheikh mausoleum in Kalkni

Илл. 15. «Двуглавая» намогильная стела в сел. Калкни

Fig. 15. “Two-headed” grave stele in Kalkni

Илл. 16-18. Эпиграфика соборной мечети сел. Кунки

Fig. 16-18. Epigraphy of the cathedral mosque of Kunki

Илл. 19. Мост в с. Кунки

Fig. 19. Bridge in Kunki

Илл. 20. Плита с сообщением о реставрации кункинского моста,
вделанная в опору сооружения

Fig. 20. Slab with a message about the restoration of the Kunkinsky bridge,
embedded in the structure support

Илл. 21. Фотоснимки каменного столба в сел. Кунки

Fig. 21. Photograph of a stone pillar in Kunki

Илл. 22. Надпись о строительстве мечети в Ашты (третья четверть XIV в.)

Fig. 22. Inscription about the construction of a mosque in Ashty
(third quarter of the 14th century)

Илл. 23. Надгробие 1372-73 г. на аштынском кладбище

Fig. 23. Tombstone in the Ashty cemetery of 1372-73 and November 1472

Илл. 24. Датированная ноябрем 1472 г. стела на кладбище сел. Ашты

Fig. 24. A stele dated November 1472 in the Ashty cemetery

Илл. 25-27. Намогильная плита Ахмад-шейха в сел. Аштыы

Fig. 25-27. Tombstone of Ahmad Sheikh in Ashty

Илл. 28. Памятник, расположенный рядом с могилой Ахмад-шейха (сел. Аштыы)

Fig. 28. Monument located next to the grave of Ahmad Sheikh (Ashty)

Илл. 29. Стела 1551 г. на аштынском кладбище

Fig. 29. Stele of 1551 at the Ashty cemetery

Илл. 30. Надгробие 1496-97 г. (сел. Ашты)

Fig. 30. Tombstone of 1496-97 (Ashty)

Илл. 31-40. Намогильные памятники сел. Ашты

Fig. 31-40. Tombstones in Ashty

Илл. 31

Илл. 32

Илл. 33

Илл. 34

Илл. 35

Илл. 36

Илл. 37

Илл. 38

Илл. 39

Илл. 40

Илл. 41-46. Надгробия в сел. Худуц

Fig. 41-46. Tombstones in Khuduts

Илл. 41

Илл. 42

Илл. 43

Илл. 44

Илл.45

Илл. 46

Илл. 47-48. Стелы с кладбища в сел. Ширн

Fig. 47-48. Steles from the cemetery of Shiri

Илл. 47

Илл. 48

Илл. 49-50. Надмогильные памятники сел. Худуц

Fig. 49-50. Tombstones in Khuduts

Илл. 49

Илл. 50

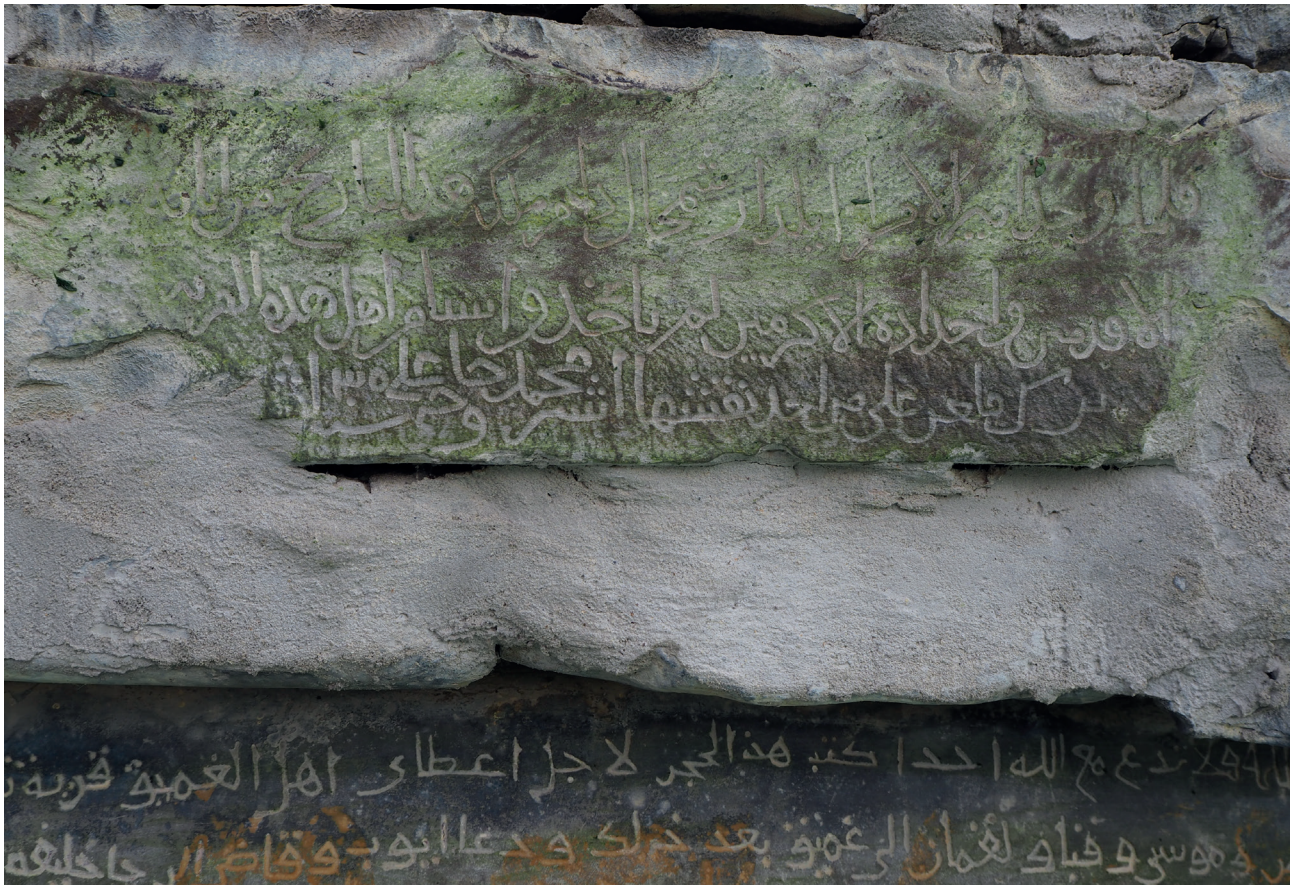
Илл. 51. Строительная надпись 1364 г. (сел. Худуц)

Fig. 51. Construction-related inscription of 1364 (Khuduts)

Илл. 52. Дарственная надпись 1318-19 г. на стене минарета в сел. Худуц

Fig. 52. Commemorative inscription of 1318-19 on the wall of the minaret in Khuduts

Илл. 53. Надпись 1625-26 г., вделанная в стену минарета в сел. Худуц

Fig. 53. Inscription of 1625-26, embedded in the wall of the minaret in Khuduts

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коран. Перевод с арабского и комментарий М.-Н.О. Османова. СПб.: Издательство «Диля», 2010. 976 с.

2. *Маммаев М.М., Миркиев Г.М.* Изучение памятников камнерезного искусства и арабской эпиграфики XIII–XX вв. кубачино-даргинского нагорья Дагестана в 2009 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2009. № 4. С. 120–147.

3. *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала, 1969. 251 с.

4. *Курбанов М.Р.* Наперекор судьбе и времени. Махачкала, «Народы Дагестана», 2009. 176 с.

5. *К[омаров] А.* Казикумухские и Кюринские ханы // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1867. Часть IV. С. 1–44.

6. Айтберов Т.М. Три документа из истории Казикумухского княжества

REFERENCES

1. *Koran*. Translation from Arabic and commentary by M.-N.O. Osmanov. Saint Petersburg: Dilya Publ., 2010.

2. Mammaev MM, Mirkiev GM. Study of monuments of stone-cutting art and Arabic epigraphy of the 13th – 20th centuries of the Kubachin-Dargin highlands of Dagestan in 2009 [Izuchenie pamyatnikov kamnereznogo iskusstva i arabskoy epigrafiki XIII–XX vv. kubachino-darginskogo nagor'ya Dagestana v 2009 g.]. *Herald of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2009, 4: 120–147.

3. Shikhsaidov AR. *Islam in medieval Dagestan (VII-XV centuries) [Islam v srednevekovom Dagestane (VII–XV vv.)]*. Makhachkala, 1969.

4. Kurbanov MR. *In spite of fate and time [Naperekor sud'be i vremeni]*. Makhachkala: Narody Dagestana, 2009.

5. Komarov A. Kazikumukh and Kyurin khans [Kazikumukhskie i Kyurinskie khany]. *Collection of information about Caucasian highlanders* Issue 2. Tiflis, 1867. Part IV. p. 1–44.

6. Aitberov TM. Three documents from the history of the Kazikumukh principality. [Tri dokumenta iz istorii

// III конференция молодых ученых (тезисы докладов). Махачкала, 1980. С. 00–00.

7. *Лавров Л.И.* Новое о Зерехгеран и казикумухских шамхалах // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 000–000.

8. *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. Москва, 1984. 464 с.

9. *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1980. Кн. III. Новые находки / Под. текстов, пер., коммент., введ. и прил. 000 с.

10. *Дебиров П.М.* Резьба по камню в Дагестане. М., 1966. 209 с.

11. *Маммаев М.М.* Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада. Махачкала, 2014. 592 с.

12. *Шихсаидов А.Р.* Новые данные по средневековой истории Дагестана // Ученые записки Института истории, языка и литературы. Т.9. Махачкала, 1961. С. 137–154.

13. *Лузина О.* Юг с признаками Севера. Боспор и Дагестан в Эрмитаже // Коммерсантъ. Weekend. №43. 11.12.2009. С. 22–22.

14. *Айтберов Т.М., Абдулкеримов М.М.* Обзор некоторых рукописных собраний Дагестана // Изучение истории и культуры Дагестана: Археографический аспект. Махачкала, 1988. С. 44–62.

15. *Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г.* Эпиграфика некрополя уцмиев в Кала-Корейше. Махачкала, 2019. 180 с.

16. *Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г.* Надмогильные стелы конца XIII – начала XVIII в. кладбища в с. Ширн // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2020. № 2. С. 107–126.

17. *Айтберов Т.М.* Эпитафии шейхов братств Сафавийа, Халватийа и Сухравардийа в Дагестане: к истории ирано-дагестанских связей XV в. // Дагестан и мусульманский Восток: Сб. статей / Сост. и отв. ред. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. М., 2010. С. 179–188.

Kazikumukhskogo knyazhestva] *III conference of young scientists (abstracts)*. Makhachkala, 1980. (In Russ)

7. Lavrov LI. *New about Zerekhgeran and Kazikumukh shamkhals. From the history of pre-revolutionary Dagestan [Novoe o Zerekhgeran i kazikumukhskikh shamkhalakh // Iz istorii dorevolyutsionnogo Dagestana]*. Makhachkala, 1976. (In Russ)

8. Shikhsaidov AR. *Epigraphic monuments of Dagestan of the X-XVII centuries as a historical source [Epigraficheskie pamyatniki Dagestana X–XVII vv. kak istoricheskiy istochnik]*. Moscow, 1984. (In Russ)

9. Lavrov LI. *Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Book III. New finds [Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh]*. Moscow, 1980. (In Russ)

10. Debirov PM. *Stone carving in Dagestan [Rez'ba po kamnyu v Dagestane]*. Moscow, 1966. (In Russ)

11. Mammaev MM. *Art of Zirikhgeran-Kubachi of the XIII-XV centuries and its place in the system of artistic cultures of the East and West [Iskusstvo Zirikhgerana-Kubachi XIII–XV vv. i ego mesto v sisteme khudozhestvennykh kul'tur Vostoka i Zapada]*. Makhachkala, 2014.

12. Shikhsaidov AR. New data on the medieval history of Dagestan [Novye dannye po srednevekovoy istorii Dagestana]. *Proceedings of the Institute of History, Language and Literature*. Vol. 9. Makhachkala, 1961. p. 137–154.

13. Luzina O. South with signs of the North. Bosporus and Dagestan in the Hermitage [Yug s priznakami Severa. Bospor i Dagestan v Ermitazhe]. *Kommersant. Weekend*. No. 43. 11.12.2009. p. 22–22.

14. Aitberov TM, Abdulkerimov MM. Review of some manuscript collections of Dagestan [Obzor nekotorykh rukopisnykh sobraniy Dagestana] *Study of the history and culture of Dagestan: Archaeographic aspect [Izuchenie istorii i kul'tury Dagestana: Arkheograficheskiy aspekt]*. Makhachkala, 1988. p. 44–62.

15. Musaev MA, Shikhaliev ShSh, Shekhmagomedov MG. *Epigraphy of the Utsmyi necropolis in Qala-Quraysh [Epigrafika nekropolya utsmiev v Kala-Koreyshe]*. Makhachkala, 2019.

16. Musaev MA, Shikhaliev ShSh, Shekhmagomedov MG. The tombstones of the late 13th - early 18th centuries of the cemeteries in the village of Shiri [Nadmogil'nye stely kontsa XIII – nachala XVIII v. kladbishcha v s. Shiri]. *Bulletin of Moscow University. Series 13. Oriental studies*. 2020, 2: 107–126.

17. Aitberov TM. Epitaphs of the Sheikhs of the Safaviya, Khalvatiya and Sukhravardiyya Brotherhoods in Dagestan: Towards the History of Iranian-Dagestan Relations of the 15th Century [Epitafii sheykhov bratstv Safaviya, Khalvatiya i Sukhravardiya v Dagestane: k istorii irano-dagestanskikh svyazey XV v.] *Dagestan and the Muslim East: Collected articles A.K. Alikberov, V.O. Bobrovnikov (comp., eds.)*. Moscow, 2010. p. 179–188.

Научное издание

Литературный редактор
Л.Ш. Капланова

Переводы на английский язык
М.Р. Сефербеков

Верстка
С.Ш. Раджабова

Подписано в печать 28.12.2021. Формат 60x84 1/8
Гарнитура Georgia.